

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ЗА 1991 ГОД

Основан в 1957 году
академиком
М.Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"

1994

ББК 63.2
А87

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

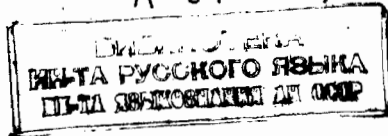
Ю.В. Андрушайтите,
Н.А. Долдобанова (ответственный секретарь),
В.А. Дьяков, М.П. Ирошников, С.М. Каштанов,
А.А. Курносов, Б.Г. Литвак, Н.Н. Покровский,
А.С. Прокопенко, В.А. Черных

Рецензенты:

академик *В.Л. Янин,*
член-корреспондент Российской академии образования *В.И. Буганов*

8(П)

А-87

87473

Археографический ежегодник за 1991 год. — М.: Наука, 1994. — 351 с.
А87 ISBN 5-02-008648-7

"Археографический ежегодник за 1991 год" содержит статьи по проблемам археографии, источниковедения, архивоведения и специальных исторических дисциплин. Обзорные статьи посвящены 50-летию ЦГАЛИ, 40-летию открытия новгородских берестяных грамот, юбилеям Н.М. Карамзина и В.О. Ключевского. Даются материалы о судьбе костромского краеведения в 30-е годы, публикуются обзоры Тихомировского собрания в Новосибирске и библиотеки в Дальневосточном университете, а также статьи и материалы о деятельности отечественных историков и социологов — П.И. Бартењева, А.А. Богданова, Э.Б. Генкиной, А.Д. Горского, В.В. Дорошенко, И.И. Полосина, К.Н. Тарновского, Е.В. Чистяковой, С.И. Якубовской, краеведа С.Д. Яхонтова. Впервые публикуются письма Н.А. Рожкова В.И. Ленину и статья Н.А. Бердяева о революции 1917 года.

Для историков, архивистов, филологов, краеведов.

А 0502000000-16 61— 93, II полугодие
042(02)-94

ББК 63.2

ISBN 5-02-008648-7

© Коллектив авторов, 1994
© Российская академия наук, 1994

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Н.Б. Волкова

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦГАЛИ СССР

(К 50-летию создания)

Свое летосчисление архив ведет от 29 марта 1941 г. В этот день СНК СССР принял постановление, которым предусматривалось "...организовать к 1 июля 1941 г. в Москве Центральный государственный литературный архив для хранения в нем литературных фондов государственных архивов и соответствующих документальных материалов музеев, библиотек, научно-исследовательских институтов и других учреждений"¹. Согласно Положению об архиве в его состав должны были войти материалы по литературе и искусству из Государственного литературного музея, других центральных архивов, московских и периферийных архивов, музеев и учреждений. Рождение нового архива было с одобрением встречено и поддержано деятелями культуры и общественностью. Однако широко задуманной концентрации в архиве рукописных материалов историко-литературного характера помешала начавшаяся Великая Отечественная война. Она выдвинула на первый план задачу спасения материалов, которые срочно вывозились сначала в Саратов, затем в Шадринск и Барнаул. Тем не менее, кроме материалов Гослитмузея, составивших основу нового архива, уже в первый год войны были приняты из Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне РГАДА) фонды семьи Аксаковых, историков Н.П. Барсукова и Н.И. Веселовского, публициста В.М. Соболевского, писателей А.И. Новикова, Ф.Н. Глинки, М.Е. Салтыкова-Щедрина, издателя А.С. Суворина; из Московского областного архива — материалы Московской конторы императорских театров, Комитета по делам печати; из ЦГИА в Москве — фонды Н.П. Огарева, А.Н. Островского, материалы этнографа и публициста М.П. Драгоманова. Фонды государственных учреждений пополнялись в те годы архивами редакций и издательств "Литературная газета", Детгиздат, "Искусство", Музгиз, журналов "Октябрь" и "Знамя". Из Государственной Третьяковской галереи поступали документы Училища живописи, ваяния и зодчества, художественного кружка "Среда" и других объединений, а также рукописные материалы художников И.К. Айвазовского, А.Г. Венецианова, И.Н. Крамского, И.С. Остроухова. Из Государственного Исторического музея были переданы отдельные документы П.И. Чайковского, поэта Н.М. Языкова, славянофилов братьев И.В. и П.В. Киреевских, издателя и редактора В.М. Лаврова; из подмосковного имения Мураново — архивы поэтов Е.А. Баратынского и Ф.И. Тютчева; из Саратовского Дома-музея Н.Г. Чернышевского — архив Н.Г. Чернышевского.

Таким образом, с самого начала своего существования архив не только широко комплектовался материалами литературного характера, но принимал целые фон-

¹ Положение о государственном архивном фонде Союза ССР. 1942. С. 3 (ЦГАЛИ. Ф. 1924. Оп. 1. Ед. хр. 2).

ды и отдельные документы учреждений искусства, а также личные архивы актеров, композиторов, художников. Это привело к тому, что в 1954 г. в соответствии с фактическим содержанием своих материалов архив был переименован и стал называться Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР.

Интенсивно пополняясь документальными материалами по истории русской литературы и искусства, находящимися в учреждениях, архив одновременно предпринимал энергичные меры по спасению и сохранению архивов советских писателей и поэтов. По предложению ЦГЛА руководство Главархива направило 24 июля 1941 г. председателю правления Союза писателей СССР А.А. Фадееву специальное письмо, в котором, в частности, говорилось: "Главное архивное управление НКВД СССР просит Вас известить популярных писателей и поэтов, что в целях обеспечения сохранности архивных материалов Центральный государственный литературный архив может принять на постоянное или временное хранение личные архивы членов Вашей организации"². Благодаря этой инициативе тогда же в архив были переданы материалы А.С. Макаренки, К.И. Чуковского, В.Г. Черткова, К.Г. Паустовского и некоторые другие. Часть из них по желанию владельцев была потом им возвращена.

В настоящее время ЦГАЛИ — крупнейшее хранилище документов по истории русской дореволюционной литературы и общественной мысли, истории советской литературы, музыки, театра, кино, изобразительного искусства.

В нем содержится свыше 2800 фондов, насчитывающих около 1 000 000 ед. хр. Хронологические рамки материалов — конец XVIII в. по наши дни, но преобладают документы советской эпохи. Спецификой архива является хранение в нем документов государственного, общественного и личного происхождения. Причем в отличие от других государственных архивов личные фонды составляют в нем примерно половину. Эти особенности и определили в известной степени систему научно-справочного аппарата архива. Уже при организации ЦГАЛИ большое внимание уделялось вопросам фондирования, учета и описания материалов.

Дела учреждений и организаций поступают в ЦГАЛИ по описям, составленным в этих учреждениях. Описание же документов личного происхождения проводится силами самого архива. Ведется оно на основании специальных инструкций и методических разработок.

Следует отметить, что в ЦГАЛИ всегда уделялось большое внимание методическому обеспечению всех проводимых работ. В 1967 г. был подготовлен и издан сборник "Методические указания по работе с фондами личного происхождения", в которых обобщена практика по основным направлениям его деятельности. Становясь научно-методическим центром по работе с документами личного происхождения, особенно применительно к материалам литературы и искусства, архив значительно расширил и теоретически обосновал вопросы комплектования, фондирования, экспертизы научной ценности документов, описания фондов, каталогизации и др. Разработанные в соответствии с современным уровнем советского архивоведения, они воплощены в новом издании³, в котором обоснованы и принципы составления научно-справочного аппарата архива.

При описании учитывается научно-историческая ценность материалов, определяемая значением творчества фондообразователя в истории литературы и искусства, содержанием документов, их автографичностью. В зависимости от этого документы описываются с большей или меньшей степенью детализации.

² ЦГАЛИ. Ф. 1924. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4.

³ Методические рекомендации по работе с фондами личного происхождения: (Литература и искусство). М., 1990.

Для облегчения и удобства пользования описью к ней обычно составляются оглавление, предисловие и указатели. Наряду с составлением описей, которые являются основным научно-справочным документом, в архиве для пополнения именной и систематического каталогов производится каталогизация фондов. Именной каталог является основным справочником ЦГАЛИ и постоянно пополняется. Это связано с характером материалов архива, поскольку в литературе и искусстве главным действующим лицом был и остается автор. В настоящее время именной каталог насчитывает 1 200 000 карточек, где отражены авторы произведений, адресаты и корреспонденты писем, упоминания в документах о значительных лицах.

Существенную помощь в поиске необходимых материалов оказывает и систематический каталог, насчитывающий свыше 200 000 карточек. В нем можно найти сведения о различных группах учреждений и организаций — творческих союзах, издательствах, театрах, расположенных в каталоге по годам; о газетах и журналах; по истории литературы и искусства в целом, а также по отдельным жанрам, направлениям, эпохам и национальным республикам; об отдельных исторических событиях и их отражении в произведениях литературы и искусства; по истории развития научных дисциплин, фольклору и многому другому.

Описями и каталогами пользуются главным образом исследователи, работающие в архиве. Средством более широкой информации о его материалах является путеводитель. ЦГАЛИ всегда уделял большое внимание этому виду справочника. В первый выпуск⁴ были включены некоторые фонды политических и общественных деятелей, переданные потом в другие архивы, описание многих фондов, сделанное по первоначальным сдаточным описям, отличалось чрезмерной краткостью: не давались сведения о материалах здравствующих лиц; справочник практически быстро утратил свое научно-справочное значение. В середине 50-х годов было решено подготовить путеводитель в значительно расширенном виде. В первый том, вышедший в 1960 г., вошли сведения по фондам всех видов искусств. Второй том, вышедший в 1963 г., был посвящен описанию литературных фондов. Таким образом, в совокупности эти два тома дали описание всех фондов, зафиксировав объемы и состав материалов архива на 1962 г.

Однако в связи с активным комплектованием архива, а он получает ежегодно свыше 10 тыс. дел из учреждений и от 50 тыс. до 60 тыс. документов личных архивов деятелей литературы и искусства, работа над справочником была продолжена.

На сегодняшний день ЦГАЛИ располагает шестью выпусками "Путеводителя". Схематически издание может быть представлено так:

№ вып.	Год издания	Годы поступления включенных материалов	Объем, печ. л.
1	1960	1941—1958	28
2	1963	1941—1961	51
3	1968	1962—1966	31
4	1975	1967—1971	36
5	1982	1972—1977	32
6	1988	1978—1983	27
7	В производстве	1984—1988	30

За исключением двух первых томов, в каждом выпуске дано описание материалов, поступивших в архив за пять-шесть лет. Общий объем путеводителей

⁴ Центральный государственный литературный архив СССР: Путеводитель. М., 1951.

235 печ. л. Если учесть, что в ЦГАЛИ находится свыше 2800 фондов, насчитывающих около 1 000 000 ед. хр., то можно считать: это соотношение свидетельствует о полноте и степени подробности включенных в путеводитель сведений. Выпуск подобного рода справочников требует очень больших трудовых затрат, но архив идет на них, понимая необходимость этой работы.

В целях улучшения информативности издания и сохранения преемственности его выпусков архиву пришлось постепенно выработать ряд организационных и методических установок для обеспечения его своевременной и качественной подготовки. Они подробно освещены в названном выше издании "Методические рекомендации по работе с фондами личного происхождения". Здесь же я остановлюсь на основных принципах описания в соответствии с теоретическими предпосылками и многолетней практикой архива.

Путеводитель представляет собой систематизированный перечень наименований фондов и их характеристик и снабжен справочным аппаратом: предисловие, содержащее историческую справку об архиве и суммарную характеристику его фондов по тематическим разделам — литература, театр, музыка, кинематография и проч.; список сокращений названных учреждений; различные указатели. Каждая характеристика включает наименование фонда, справочные сведения о нем (номер фонда, номера описей, количество единиц хранения, крайние даты документов), историко-биографическую справку о фондообразователе (лице или учреждении), аннотацию документов, которая строится по определенной схеме. Описание документов дается дифференцированно с большей или меньшей степенью подробности в зависимости от значения фондообразователя и содержания материалов.

На какие особенности путеводителя ЦГАЛИ хотелось бы обратить внимание? В него включается описание всех хранящихся в архиве фондов: личных, располагаемых в алфавите фамилий; поступивших коллекций; собраний, организованных самим архивом по видам документации; учреждений и организаций, систематизированных по типам учреждений. Названия фондов личного происхождения, поступивших недавно и не прошедших научного описания, помещаются отдельным списком. Это дает возможность архиву ускорить информацию о новых поступлениях.

Поскольку определяющим элементом любого архивного фонда ЦГАЛИ является имя, в характеристики фондов включается возможно большее количество лиц с учетом их значимости, в том числе и здравствующих деятелей литературы и искусства. В предисловии обязательно оговаривается, что использование этих материалов возможно только с разрешения фондообразователя или автора документа. В соответствии с законом об авторском праве это положение распространяется и на наследников. Такой принцип позволяет сохранить долговечность издания, а также дает возможность предоставить исследователю более широкую информацию.

Очень существенно указание цифровых данных (количество рукописей и писем, число корреспондентов, даты документов). Они помогают исследователю определить объем материалов, время их создания и в случае необходимости при обращении к справочникам других хранилищ дают возможность представить весь объем архивных первоисточников по данному лицу или учреждению. Для расширения информации в фондовую характеристику включаются сведения, почерпнутые из документов самого фонда и других источников.

Более подробная историко-биографическая справка составляется на менее известных фондообразователей, когда многие сведения устанавливаются в процессе научного описания, а даты жизни фондообразователя, как правило, по архивным первоисточникам, что особенно важно для лиц малоизвестных. Вследствие этого "Путеводитель" приобретает дополнительное значение биографического справочника по истории учреждений.

При аннотировании дневников, записных книжек, воспоминаний, не имеющих авторских названий, указывается, чему они посвящены, называются события, в них описанные, лица, которые в них упоминаются.

Особое внимание уделяется характеристике творческих материалов. При их описании дополнительно называются литературный источник нотных рукописей опер, балетов; авторы литературных текстов песен, романсов, хоровых произведений; лица, изображенные художником на портретах, рисунках или запечатленные на фотографиях; название спектаклей, фильмов, театров, авторы пьес и сценариев при описании материалов режиссеров, актеров, художников-декораторов. Это дает возможность включить все перечисленные фамилии, названия театров и прочее в именной и предметный указатели, с тем чтобы исследователь мог иметь представление не только о конкретных материалах того или иного лица, но и об обращении к его творчеству последующих поколений в самых разнообразных тематических аспектах ("Пушкин в музыке", "Гоголь в театре", "Блок в воспоминаниях современников").

Лаконичность и конкретность описания достигаются снятием таких определений, как "знаменитый", "выдающийся", названий разделов, поскольку их уже характеризует сам подбор документов; употреблением сокращенных названий и слов.

Большое значение имеют указатель имен и предметный указатель, куда входят названия государственных учреждений, общественных организаций и культурно-общественных мероприятий (съездов, конференций, выставок и др.). Они служат средством проверки проделанной работы, а также обобщением информации, содержащейся в данном выпуске.

Каждый новый выпуск сохраняет преемственность по отношению к предыдущим путем отсылок к ранее описанным частям фондов, указаний о переработке и включении материалов в новую аннотацию, внесением дополнительных справочных сведений.

Таковы основные особенности "Путеводителя" по ЦГАЛИ, проистекающие из состава его материалов и отличающие его от путеводителей архивов другого типа.

Для ЦГАЛИ путеводитель не только является одним из важнейших элементов научно-справочного аппарата, но и представляет собой самостоятельное справочное издание, дающее ретроспективную информацию о составе и содержании материалов архива в целом, о вновь поступающих фондах и пополнении имеющихся. Методика его создания уже сейчас может быть основой для подготовки аналогичных справочников и используется в этих целях отдельными хранилищами. Вместе с тем архив продолжает поиски усовершенствования справочника в плане более широкого аннотирования мемуарных источников, вынесения более широкой тематики для предметного указателя и проч. С течением времени, безусловно, встанет вопрос о составлении сводных указателей по всем вышедшим томам, а также о их переводе на ЭВМ.

Кроме путеводителя можно назвать некоторые другие справочники, характеризующие, как правило, только отдельные фонды.

Уже в 50-х годах были изданы описи 17 фондов: В.Я. Брюсова, В.М. Васнецова, А.И. Герцена, Н.В. Гоголя, М.Б. Грекова, И.С. Тургенева, Д.А. Фурманова, П.И. Чайковского, А.С. Серафимовича, Н.Г. Чернышевского и др. Однако работа над ними не получила дальнейшего развития, так как в описи включались только материалы, находящиеся в ЦГАЛИ; не всегда указывалась их опубликованность; практически они мало чем отличались от обязательных архивных описей. Более перспективной оказалась работа над аннотированными каталогами. Первым из них стало "Описание рукописей Ф.М. Достоевского" (М., 1957), подготовленное ОР ГБЛ, ЦГАЛИ и РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). В "Описание" вошли материалы писателя, находящиеся в этих и других хранилищах. Полнота

материалов, включенных в описание, подробность аннотаций, высокий уровень вступительных статей и научного комментария делают и сейчас этот каталог одним из лучших среди подобных изданий.

В начале 60-х годов архив начал работу по подготовке аннотированного описания документов В.В. Маяковского. В ней принял участие Музей В.В. Маяковского. В результате появились два выпуска книги: В.В. Маяковский. Описание документальных материалов. Вып. 1. "Окна" Роста и Главполитпросвета. 1919—1922 гг. (М., 1964); Вып. 2. Рукописи. Записные книжки. Живопись. Рисунки. Афиши. Программы. Записи голоса (М., 1965). В связи с поступлением новых документов Маяковского архивом был подготовлен третий выпуск. Однако уже сверстанное описание не получило разрешения на выход в свет, его набор был рассыпан. Причиной послужило включение в него переписки Маяковского и Л.Ю. Брик. К тому времени И.С. Зильберштейн уже опубликовал письма⁵, вызвавшие разгромную прессу, поэтому возможность нового упоминания о них в печати привела к запрещению справочника. В настоящее время архив вновь обратился к работе над этим выпуском.

Значительным явлением в области литературоведения был подготовленный сотрудниками архива каталог переписки А.А. Блока⁶. В свое время в архив была передана его вдовой Л.Д. Блок основная часть переписки Блока — около 700 писем поэта и свыше 2500 писем его корреспондентов. Описание этого массива писем было дополнено сведениями о письмах, хранящихся в ИРЛИ, ОР ГБЛ и других хранилищах. Всего в двух выпусках проаннотировано более 5000 писем. Чрезвычайно ценной стороной этого издания является система указателей к нему: хронологический указатель писем к Блоку, упомянутых его произведений и книг, а также аннотированный указатель имен, куда включены впервые установленные сведения о некоторых корреспондентах Блока.

Таким образом, научно-справочный аппарат ЦГАЛИ СССР представляет собой весьма широкую и разветвленную систему, которая дает исследователю достаточно полное представление о содержании фондов архива и позволяет хорошо ориентироваться в его многочисленных материалах.

В 1988 г. появился первый справочник о самом архиве⁷. В очень сжатой форме (менее 4 л.) излагается история создания архива, дается описание состава и содержания его материалов, в том числе отдельных уникальных документов, характеризуются основные направления деятельности ЦГАЛИ. Справочник дополняют библиографический список изданий архива, перечень рецензий на эти издания и довольно большой список литературы об архиве и его материалах.

Другим видом научно-информационной деятельности ЦГАЛИ являются изучение и публикация своих материалов. Богатство содержащихся в архиве документов дает ему возможность обращаться к разработке документального наследия в самых различных областях культуры. Их выбор определяется актуальностью темы, наличием комплекса материалов по ней, желательностью введения в научный оборот новых источников.

Основные принципы публикации документов были разработаны архивом на протяжении первых десяти лет его деятельности. Однако каждый сборник имеет свою специфику в зависимости от материалов и характера издания. С 1947 по 1990 г. было подготовлено самостоятельно или совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями 70 сборников (объемом свыше 2000 л.). Харак-

⁵ Новое о Маяковском // Лит. наследство. М., 1958. Т. 65.

⁶ Александр Блок: Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1957; Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979.

⁷ Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Справочник. М., 1988.

теристике этих изданий была посвящена специальная статья⁸, поэтому я остановлюсь только на некоторых из них, вышедших за последние 15 лет.

Значительно пополнилась новыми изданиями документальная база по изучению истории современного театра. К серии сборников "Советский театр: Документы и материалы", над которым работают ЦГАЛИ, Союз театральных деятелей, Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания, присоединился еще один том, охватывающий 1926—1932 гг.⁹ Как и прежние тома, он включает документы, выявленные не только в центральных, но и в областных и краевых архивах. Материалы систематизированы по разделам, посвященным отдельным театрам и другим театральным организациям. Одним из важнейших справочных материалов в томе являются посезонные репертуарные сведения. В них можно найти названия пьес, фамилии их авторов, режиссеров, художников-оформителей, исполнителей основных и эпизодических ролей. Публикуемые документы сообщают не известные ранее сведения, позволяют уточнить или по-новому осветить развитие театра в те годы.

Значительно расширит наше представление о многогранном таланте Н.П. Акимова публикация документов его театрального наследия¹⁰. В ней впервые публикуются режиссерские экспликации отдельных спектаклей, доклады: "Мастерство. Мысль. Прием" на творческой встрече театральных художников в Ленинграде в 1940 г.; "Многообразие театрального поиска" на конференции режиссеров ленинградских театров 1941 г. и др., а также статьи, печатавшиеся ранее. Создание двухтомника преследовало цель собрать воедино творческое наследие театрального художника и режиссера.

Почти 10 лет продолжалась работа ЦГАЛИ и Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания по подготовке к печати творческого наследия А.Д. Попова. Алексей Дмитриевич Попов — крупнейший режиссер, один из основателей советского театра, теоретик и педагог — оставил после себя большое театральное наследие, основная часть которого представлена в названном издании¹¹. В первый том вошли основополагающие работы, являющиеся теоретическим обобщением его театральной деятельности: "Воспоминания и размышления о театре", "О художественной целостности спектакля", "Проблема образа в сценическом творчестве". Во втором томе собраны статьи, доклады и выступления Попова.

Материалы, характеризующие практическую работу Попова, вошли в третий том. Они особенно ценны для актеров и режиссеров, так как представляют главную сторону деятельности режиссера — постановку спектаклей. Здесь протоколы и стенограммы репетиций, режиссерские дневники и экспликации спектаклей, записи бесед и выступлений. Включены также письма к К.С. Станиславскому, В.И. Немировичу-Данченко, О.Л. Книппер-Чеховой, М.А. Булгакову и др.

Большим событием в жизни ЦГАЛИ стало получение из США в 1967 г. архива выдающегося русского актера Михаила Чехова. Архив поступил от его жены К.К. Чеховой и был дополнен материалами, переданными Г.С. Ждановым, ближайшим сотрудником и другом М. Чехова в последние годы его жизни. Это дало возможность ЦГАЛИ совместно с Музеем МХАТа, где также хранится часть материалов, осуществить их подготовку к печати¹². В первый том вошли воспоминания М. Чехова: "Путь актера", "Жизнь и встречи", "Воспоминания о

⁸ Волкова Н.Б. Издание документов по истории советской культуры (Из опыта ЦГАЛИ СССР) // АЕ за 1976 год. М., 1977.

⁹ Советский театр: Документы и материалы. Л., 1982. Т. 4.

¹⁰ Николай Павлович Акимов: Театральное наследие: В 2 т. Л., 1978.

¹¹ Попов А.Д. Творческое наследие: В 3 т. М., 1979—1986.

¹² Михаил Чехов: Литературное наследие: В 2 т. М., 1986.

Рахманинове", а также письма к К.С. Станиславскому, В.И. Немировичу-Данченко, Вс. Мейерхольду, А. Белому, М.В. Добужинскому и др. Во втором томе публикуются его теоретические работы по вопросам актерского искусства, режиссерские заметки, статьи, стенограммы лекций.

Инициатором этого издания, автором предисловия и научным редактором была ученица М. Чехова, режиссер и искусствовед М.О. Кнебель. Обоим томам предпосланы вступительные статьи, имеются реальный и текстологический комментарии, именной указатель, а также летопись жизни и творчества Чехова.

В 1989 г. в издательстве "Искусство" (Ленинградское отд-ние) вышел 1-й том "Театрального наследия М.А. Булгакова. Пьесы 1920-х годов". Это научное издание, где впервые собраны законченные драматические произведения Булгакова: "Белая гвардия", "Дни Турбиных", "Зойкина квартира", "Бег", "Багровый остров", подготовлено тогдашним Ленинградским государственным институтом театра, музыки, кинематографии и ЦГАЛИ. В книге представлены разные редакции и варианты названных пьес. Каждая пьеса сопровождается подробным театроведческим, историко-литературным и текстологическим комментариями. Книга иллюстрирована фотографиями действующих лиц и сцен из спектаклей, поставленных в московских, ленинградских и других театрах страны, а также фотографиями автора и режиссеров, ставивших спектакли.

Несколько меньше по объему вклад ЦГАЛИ в разработку документального наследия по другим видам искусства.

В 1960 г. архивом был подготовлен сборник "А.Н. Афиногенов. Дневники и записные книжки" (М., 1960). Фактически весь том представлял публикацию дневника писателя за 1927—1941 гг. Многие документы, в том числе художественные произведения, письма, хранящиеся в личном фонде писателя, не были тогда использованы. Это обстоятельство, а также накопленный опыт работы над рукописями Афиногенова дали возможность нам совместно с Комиссией по литературному наследию А.Н. Афиногенова подготовить первое собрание его сочинений¹³.

Несколько иной принцип был положен в основу публикации литературного наследия А.А. Фадеева, подготовленного совместно с ИМЛИ¹⁴. Кроме его неопубликованных выступлений и писем, в сборник вошли исследования творчества Фадеева, также основанные на широком привлечении архивных материалов.

Активизировалось за эти годы участие архива в подготовке томов "Литературного наследия", посвященных творчеству В.Я. Брюсова и А.А. Блока¹⁵.

Изданное кинематографическое наследие¹⁶ базируется на обширных архивах Л.В. Кулешова и М.И. Ромма, находящихся в ЦГАЛИ. При подготовке их к печати во многом используется опыт предыдущих киноведческих изданий, особенно сочинений С.М. Эйзенштейна¹⁷, в которых принимали участие крупнейшие деятели советского кино, такие, как М.И. Ромм и С.И. Юткевич. Работа осуществлялась совместно с Союзом кинематографистов СССР, ВНИИ киноискусства Госкино СССР и Всесоюзным институтом кинематографии.

За последние годы вышло несколько книг и большое количество статей, посвященных деятельности А.М. Коллонтай. Но и среди них сборник ЦГАЛИ

¹³ Афиногенов А.Н. Избранное: В 2 т. М., 1977.

¹⁴ Александр Фадеев: Материалы и исследования. М., 1977—1984. Вып. 1—2.

¹⁵ Валерий Брюсов // Лит. наследство. М., 1976. Т. 85; Александр Блок: Письма к жене // Там же. М., 1978. Т. 89; Александр Блок: Новые материалы и исследования // Там же. М., 1980—1987. Т. 92, кн. 1—4.

¹⁶ Кулешов Л.В. Статья. Материалы: Кинематографическое наследие. М., 1972; Кулешов Л.В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 1—2; Ромм М.И. Избранные произведения: В 3 т. М., 1980—1982.

¹⁷ Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. М., 1964—1971.

«А.М. Коллонтай. "Революция — великая мятежница..."»¹⁸, вероятно, привлечет внимание. В сборник включены 473 письма, выявленные не только в государственных хранилищах Москвы и Ленинграда, но и в частных собраниях и коллекциях. Письма иностранным корреспондентам в основном перепечатаны из зарубежных изданий. Большинство писем публикуется впервые. Небольшая часть ранее опубликованных писем, адресованных политическим и государственным деятелям, воспроизводится по труднодоступным изданиям. В числе адресатов В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, М. Горький, Н.К. Крупская, Я.М. Свердлов, Ф. Нансен, Р. Амундсен и другие общественные и политические деятели. Однако преобладают письма к людям, с которыми Коллонтай была связана узами многолетней дружбы и любви. Это переводчик и писательница Т.Л. Щепкина-Куперник (только в ЦГАЛИ хранится 777 писем Коллонтай к ней), журналистка З.Л. Шадуурская, дружба которой, по признанию Коллонтай, была ей нужна "для работы, для души, для творчества"¹⁹, актриса В.Л. Юренева, мечтавшая написать о Коллонтай книгу.

И последний сборник — "Евгений Шварц. Живу беспокойно... Из дневников" (Л., 1990). В архиве Е.Л. Шварца, хранящемся в ЦГАЛИ, находятся 37 больших по формату и объему конторских книг, в которых писатель вел дневниковые записи вначале нерегулярно, а с июня 1950 г. ежедневно, обязательно заполняя две большие страницы книги. Ведя их, драматург ставил перед собой в основном две задачи: учиться писать прозой, что считал для себя очень важным, и стремиться "поймать миг за хвост", т.е. найти наиболее точные слова для передачи обстановки, чувств, событий и настроений в тот или иной момент. Структура дневника сложна. В нем содержатся заметки, характерные для записных книжек писателя, отдельные услышанные слова, выражения, эскизы для будущих пьес и чисто дневниковые записи о событиях текущего дня. С 1950 г. содержание дневников становится сложнее — изо дня в день проходит тема воспоминаний. В результате выстраивается полная автобиография писателя, начинающаяся с первых детских впечатлений, воспоминаний отроческих лет, перипетий театрально-литературной жизни. Последняя запись сделана за 11 дней до смерти. В составе дневника осуществлена весьма своеобразная работа, названная Шварцем "Телефонная книжка". Это не обычные мемуары, а небольшая галерея портретов современников, написанных точно, лаконично и ярко. За этими миниатюрами встает целая эпоха общественной и культурной жизни страны. А исходным материалом для портретов послужила обычная телефонная книжка, куда в течение многих лет записывались телефоны людей, с которыми изо дня в день общался драматург. В основном это были писатели, артисты, режиссеры, музыканты, художники, увиденные глазами человека наблюдательного, тонкого, одновременно ироничного и деликатного, беспощадного и доброго.

История этого издания также не проста. У Шварца был сложный для прочтения почерк, особенно в последние годы жизни. Составитель и автор комментария К.Н. Кириленко некоторые тетради переписывала от руки, потом перепечатывала, считывала с новым обращением к тексту подлинника. Подготовленная с затратой стольких сил рукопись много лет пролежала в издательстве "Искусство". Ее переносили в плане из одного года на другой, боясь, очевидно, острого слова писателя. И лишь в последние годы, когда удалось договориться с Ленинградским отделением издательства "Советский писатель" и когда изменилась общая обстановка в стране, ее с успехом издали. Издательство нашло возможным дать второй завод, что позволило увеличить тираж до 200 тыс. экз.

¹⁸ Коллонтай А.М. Революция — великая мятежница...: Избр. письма, 1901—1952. М., 1989.

¹⁹ ЦГАЛИ. Ф. 2371. Оп. 1. Ед. хр. 561. Л. 29—30.

Обширности изданий ЦГАЛИ, богатству заложенной в них информации во многом способствуют разнообразие материалов, которыми комплектуется архив, открытость его фондов. Сейчас тема "архивных тайн" часто затрагивается в печати. Между тем как-то забывается: для того чтобы сегодня можно было что-то "открыть", это нужно было в свое время получить.

Нельзя не отметить, что на протяжении всей своей деятельности ЦГАЛИ стремится с наибольшей полнотой собирать и хранить документы эпохи, в том числе архивы и отдельные материалы лиц, чьи имена были потом возвращены или только теперь возвращаются к нам. Так, в 1948 г., при получении наследия С.М. Эйзенштейна был обнаружен архив В.Э. Мейерхольда. Эйзенштейн после ареста и гибели Мейерхольда вывез его архив и спрятал у себя на даче. Архивисты приняли эти документы и хранили их. Теперь в связи с широким использованием и публикацией как творческого наследия Мейерхольда, так и архива театра его имени, также поступившего в ЦГАЛИ, исследователи могут во всей полноте представить значение советского революционного театра в развитии мирового театрального искусства.

В те же годы ЦГАЛИ получил архивы театров — МХАТа 2-го, закрытого в 1936 г., Московского государственного еврейского театра, ликвидированного после гибели в 1948 г. его художественного руководителя С.М. Михоэлса, Камерного театра, материалы которого впоследствии чрезвычайно обогатились поступлением личных архивов его основателя А.Я. Таирова и ведущей актрисы А.Г. Коонен. Одновременно мы буквально по крупицам собирали материалы членов творческого содружества "Мир искусства": А.Н. Бенуа, К.А. Коровина, Л.С. Бакста, М.В. Добужинского, М.Ф. Ларионова, Н.С. Гончаровой, чье наследие замалчивалось или трактовалось отрицательно. Изобразительное искусство 20-х годов представлено в ЦГАЛИ отдельными документами К.С. Малевича, В.В. Кандинского, М. Шагала, более полно — материалами Эль Лисицкого, А.М. Родченко, Е.Г. Гуро, М.В. Матюшина, Р.Р. Фалька, А.А. Экстер. В 1958 г. мы приняли вместе с личным архивом В.Е. Татлина его живописные работы, после смерти художника буквально оказавшиеся на улице, хотя последние и не являются архивными материалами. О ценности их может свидетельствовать выставка этих картин в ЦДЛ, устроенная усилиями К.М. Симонова и ЦГАЛИ в 1977 г. и пользовавшаяся огромным успехом. Е.Н. Глебова, сестра художника П.Н. Филонова, привезла в архив бережно сохраненное в блокаду документальное наследие художника, так как Русский музей, по ее словам, взял только живопись, отказавшись от его личного архива.

ЦГАЛИ не только стремится собрать наше духовное наследие, но и прилагает большие усилия для получения материалов из-за рубежа: с 1956 по 1988 г. поступило свыше 40 000 документов и 4000 кадров микрофильмов. Это части архивов А.Н. Бенуа, К.А. Коровина, С.Ю. Судейкина, рисунки, письма, фотографии М.В. Добужинского, Н.К. Рериха, а также дополняющая их подборка слайдов и каталогов из коллекции собирателя русского театрального искусства Н.Д. Лобанов-Ростовского. В архив поступили рукописи, письма и другие документы А.Т. Аверченко, И.А. Бунина, Е.И. Замятина, А.И. Куприна, В.В. Набокова, А.М. Ремизова, В.Ф. Ходасевича — лучших представителей русского зарубежья.

Музыкальные и театральные фонды пополнили архивы Н.Н. Евреинова, А.И. Мозжухина, композиторов А.Т. Гречанинова и С.А. Траиллина, танцовщика и балетмейстера С. Лифаря, автографы и фотографии Ф.И. Шаляпина, М.Ф. Кшесинской, Е.Н. Рощиной-Инсаровой и многих других. Значительная часть этих материалов (свыше 18 000 документов) было получено и передано И.С. Зильберштейном.

Уже в конце 50-х — начале 60-х годов ЦГАЛИ рассекретил и дал информацию в путеводителях по огромному количеству фондов. В их числе "Пролеткульт",

литературное объединение "Кузница" и "Литературный центр конструктивистов", редакции журналов "Красная новь", "На литературном посту", театры МХАТ 2-й и Государственный театр им. В.Э. Мейерхольда, а также личные архивы А.Т. Аверченко, Ю.И. Айхенвальда, А.В. Амфитеатрова, И.Э. Бабеля, К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, Н.С. Гумилева, Дионео (И.В. Шкловского), Б.К. Зайцева, Е.И. Замятина, К.П. Злинченко, В.И. Иванова, С.А. Клычкова, Н.А. Клюева, М.Е. Кольцова, Г. Лелевича, О.Э. Мандельштама, В.Э. Мейерхольда, Д.С. Мережковского, И.Ф. Наживина, В.И. Нарбута, В.Ф. Наседкина, Вас. И. Немировича-Данченко, Б.А. Пильняка, В.П. Полонского, В.В. Розанова, А.М. Ремизова, А.В. Руманова, И. Северянина, В.Ф. Ходасевича, Е.Н. Чирикова, Н.Ф. Чужака, Б. Ясенского и др.

Дореволюционные материалы ряда лиц, покинувших Советскую Россию, в ЦГАЛИ никогда не передавались на ограниченный доступ. Так что фонды А.Н. Бенуа, А.К. Глазунова, К.А. Сомова, И.Ф. Стравинского, С.Ю. Судейкина, Ф.И. Шаляпина всегда были доступны исследователям.

За рубежом уже давно общепризнано, что советский авангардизм составляет вершину мирового изобразительного искусства XX в. Однако до недавнего времени в читательном зале архива над этими материалами работали преимущественно иностранные исследователи, а книга искусствоведа Ларисы Жадовой²⁰, посвященная советскому искусству 20-х годов, была издана на немецком языке в Германии и остается недоступной нашему читателю. Только сейчас специалисты открывают для нас ценность поэзии А.Е. Крученых, проектов архитектора Я.Г. Чернихова, музыки композитора Н.А. Рославца, хотя их творческое наследие, сохраняемое в ЦГАЛИ, было всегда доступно.

Расширение документальной базы исследований поставило перед архивами новые задачи. Что же сделано в этом плане ЦГАЛИ? Начиная с 1986 г. были сняты с ограниченного доступа фонды комитетов по делам искусств СССР и РСФСР, министерств культуры и кинематографии, творческих союзов. Переданы на общее хранение материалы, связанные с репрессиями, пребыванием в тюрьмах и лагерях, принадлежащие репрессированным лицам или лицам, покинувшим Советский Союз. Это фонды или части фондов философа Н.А. Бердяева, секретаря Л.Н. Толстого В.Ф. Булгакова, Ф.Ф. Раскольниковца, Г.И. Серебряковой, В.Т. Шаламова и др. Многие наиболее примечательные из этих документов уже опубликованы. Напечатаны повести А.П. Платонова "Котлован" и "Чевенгур", долгие годы лежавшие в архиве писателя. Напечатана пьеса М.А. Булгакова "Багровый остров". В архиве хранится редкий ее экземпляр с правкой автора и режиссера А.Я. Таирова, сделанный, когда пьеса готовилась к постановке в Камерном театре. По рукописям Б.Л. Пастернака, находящимся в архиве, была осуществлена публикация романа "Доктор Живаго". Напечатано несколько книг и появились в периодической печати публикации из литературного наследия В.Т. Шаламова. В фонде журнала "Новый мир" была обнаружена повесть К.В. Воробьева "Мы из Советской России" — об узниках немецких лагерей, написанная в 1943 г., когда автор, бежавший из плена, находился в партизанском подполье. Не напечатанная при жизни автора, она 40 лет считалась утраченной, и только в 1986 г. была опубликована под предполагавшимся автором заглавием "Это мы, господи!"²¹. Что же касается книг, статей, исследований и публикаций, выходящих сейчас по материалам архива, то количество их чрезвычайно велико. Поэтому назову лишь издания, над которыми работает непосредственно ЦГАЛИ, а также стоящие в его перспективном плане. Будет продолжена работа над сборником "Советский театр. Документы и материалы", над

²⁰ Suche und Experiment: Russische und sowjetische Kunst, 1910—1930. Dresden, 1978.

²¹ Наш современник. 1986. № 10.

Собранием сочинений Л.В. Кулешова, "Театральным наследием М.А. Булгакова", сборниками "Встречи с прошлым"; осуществляется разработка творческого наследия А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, философских трудов Н.А. Бердяева.

Четыре года назад Отделение литературы и языка АН СССР совместно с ЦГАЛИ, Союзом советских писателей, ИМЛИ, Обществом "СССР — Франция" и издательством "Прогресс" заключило договор с Центром научных исследований Франции о совместной работе по изданию и публикации документов о литературных связях Л. Арагона и Э. Триоле с деятелями советской культуры. В соответствии с договором состоялся обмен копиями писем Э. Триоле и Л. Арагона на копии писем Ч. Айтматова, М. Ауэзова, Л.Ю. Брик, Вс.В. Иванова, Назыма Хикмета, К.Г. Паустовского и др. Осуществляется подготовка первого совместного издания "Переписка Э. Триоле и Л. Брик". Проводится выявление материалов по теме "Маяковский в переписке современников". Начата работа по подготовке к изданию дневников поэта М.А. Кузмина, которые он вел на протяжении 26 лет. Они содержат огромный фактический материал не только о жизни поэта, но и о его современниках, событиях литературно-художественной жизни эпохи. Как показывает приведенный обзор, и тематика сборников, и их форма весьма разнообразны. Это монографические издания, посвященные творчеству отдельных авторов, собрания сочинений, тематические серии. Наряду с научными изданиями академического типа осуществляется подготовка сборников научно-популярного характера.

Архив видит свою задачу в дальнейшем расширении своей информационной деятельности, совершенствовании своих изданий, разработке новых актуальных тем, отвечающих интересам сегодняшнего дня, пополнении источниковой базы советской исторической науки, литературоведения и искусствоведения.

К 40-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Открытие берестяных грамот, начавшееся в Новгороде 26 июля 1951 г., давно уже превратилось в непрерывный процесс обогащения нашего знания о средневековой Руси. Там, где число первоисточников казалось раз и навсегда исчерпанным, открылась перспектива практически беспредельного расширения источниковой базы. К концу полевого сезона 1990 г. количество берестяных документов, найденных в Новгороде, достигло 724, а число городов, в которых обнаружены берестяные тексты, — восьми: 25 грамот найдены в Старой Руссе, 15 — в Смоленске, 7 — в Пскове, по две — в Твери и Звенигороде Галицком, по одной — в Витебске, Мстиславле и Москве. Всего, таким образом, достоянием науки стали 778 текстов XI—XV вв.

Появление нового массового письменного источника, стратиграфически связанного с породившим его усадебным комплексом, решительно изменило в Новгороде саму манеру археологического исследования. Благодаря тому что усадебный комплекс во многих случаях сделался персонифицированным, в программу раскопок стало возможным включать проблемы, бывшие до сих пор достоянием "чистых" историков, анализирующих исключительно письменные источники. И берестяные грамоты стали как бы мостом, связавшим традиционно археологические программы со столь же традиционно историческими программами, придав и тем и другим новое качество и новые возможности. И сегодня работающих в Новгороде археологов занимают не только проблемы классификации, атрибуции и датировки вещественных памятников, но и такие delicate вопросы, как политическая картина формирования вечевоего строя, взаимоотношения между территориальными группировками бояр, между городом и его ближней и дальней сельской округой, развитие правопорядка и сотни иных новых для археолога проблем.

Наиболее значительной частью уже существующей коллекции берестяных документов, несомненно, является ее древнейший раздел. До открытия берестяных грамот были известны лишь два оригинальных пергаменных документа домонгольского времени: жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Буице около 1130 г. и духовная Варлаама Хутынского начала XIII в. Сегодня только найденные в Новгороде берестяные тексты так распределяются по обобщенным хронологическим горизонтам их залегания:

XI в.	14
Рубеж XI—XII вв.	10
XII в.	159
Рубеж XII—XIII вв.	77
XIII в.	112
Рубеж XIII—XIV вв.	19
XIV в.	216
Рубеж XIV—XV вв.	53
XV в.	62
Неустановленная дата	2

К домонгольскому времени, как видим, относятся 260 грамот, и среди них несколько десятков целых, порой с пространным, многострочным текстом. Особенно значительно увеличилось число ранних документов в ходе раскопок на еще не завершеном Троицком раскопе в Людином конце Софийской стороны Новгорода.

Если из 395 берестяных грамот Неревского раскопа (1951—1962 гг.) к домонгольскому времени относились 85, т.е. немногим более 20%, то из 179 грамот Троицкого раскопа к этой ранней эпохе принадлежат 117 документов, т.е. свыше 65%.

Систематическое издание новгородских грамот включает уже восемь томов, в которых: изданы и подробно прокомментированы 614 новгородских и 14 старорусских грамот¹. Подготовлен к изданию девятый том, публикующий находки 1983—1989 гг. — новгородские грамоты № 615—710 и старорусские № 15—23. Отсылая читателя к этим изданиям, я не буду повторять изложенных в них материалов, имеющих итоговый характер. Однако считаю необходимым остановиться на одной проблеме, которая представляется принципиально важной.

Потребность в лингвистическом комментировании берестяных текстов проявлялась уже в 50-е годы, однако достаточно долго историческое и лингвистическое комментирование не имело характера совместной работы, что вело, с одной стороны, к многочисленным ошибкам в чтении и толковании текстов историками, а с другой — к пренебрежению лингвистов данными объективной стратиграфической хронологии. Подлинное и в высшей степени плодотворное сотрудничество началось с приходом в археологическую экспедицию выдающегося лингвиста А.А. Зализняка. Последние тома содержат многочисленные исправления ранее изданных текстов и во многих случаях принципиально иные их толкования. Еще важнее другой результат совместной историко-лингвистической работы.

Кардинальным вопросом истории древнейшего Новгорода (и Руси в целом) является проблема его возникновения. В историографии XIX в. возникли две версии решения этой проблемы, и обе они порождены дискуссией о роли норманнов в русской истории. Норманистская школа связывала возникновение Новгорода с деятельностью варяжского князя Рюрика, приглашенного ильменскими славянами на княжение в середине IX в. Антинорманистская школа, объявив Рюрика тенденциозно-легендарной личностью, инициативу в создании Новгорода отводила киевлянам, якобы построившим небольшую крепость на северных окраинах Киевского государства для его защиты от норманнов². Только отдаленность Новгорода от главных центров Киевского государства создала условия его независимого поведения и возникновения в нем особых форм государственного устройства³.

Эта последняя версия, широко бытующая и сегодня, опирается на представления об исходном единстве всех восточных славян, якобы распространившихся на всю историческую территорию из Среднего Поднепровья с центром в Киеве. Взгляды историков здесь тесно соприкоснулись со взглядами лингвистов, доказывавших существование в IX—XII вв. единого восточнославянского языка, не подразделявшегося на диалекты. Возникновение диалектов возводилось только к периоду удельной раздробленности Руси, усугубленной монгольским нашествием, когда между разными областями возникли экономические и политические барьеры.

¹ Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 г.). М., 1953; Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1952 г.). М., 1954; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; *Они же*. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1955 г.). М., 1958; *Они же*. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963; Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978; Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.); Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам: (Из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.

² Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 158.

³ Там же. С. 160—161.

Важнейшие материалы для обсуждения этой проблемы даст лингвистический анализ ранних новгородских берестяных грамот, произведенный А.А. Зализняком. Этот анализ привел к открытию древнего новгородско-псковского диалекта, который по крайней мере тремя десятками особенностей отличается от того языка, который признавался общерусским, но сходен многими элементами с языками балтийских славян, а также сербско-хорватской группы южных славян. Напротив, в XIII—XIV вв. замечается постепенная нивелировка этих диалектных особенностей на основе активного взаимодействия с соседними диалектами (прежде всего суздальским).

Из особенностей новгородско-псковского диалекта наиболее значительной является отсутствие второй палатализации заднебных, чем этот диалект отличается не только от древнерусского, но и от всех других славянских языков и диалектов, прошедших достаточно рано процесс второй палатализации. Это значит, что, обладая столь архаичной особенностью, древний новгородско-псковский диалект не может быть отпочковавшейся ветвью единого древнерусского языка: его носители пережили стадию изоляции в тот момент, когда все славянские языки, не утратив в отличие от него взаимосвязи, переживали процесс второй палатализации.

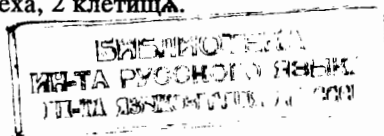
Лингвистические наблюдения подкрепляются материалами новгородско-псковского именослова, микротопонимики и гидронимики, изучением археологических реалий, в том числе монетной топографии, указывающей на наличие в Восточной Европе X—XI вв. двух разных денежно-весовых систем (южной и северной), а также данными антропологии.

Выяснилось, что начальная история расселения славян в Восточной Европе была куда более сложной, нежели представлялось раньше. Северо-Западная Русь впитала в себя не днепровский, а главным образом западнославянский контингент населения. Северу и Югу были присущи различающиеся традиции, а Древнерусское государство возникло в результате объединения в IX—X вв. — а следовательно, и взаимного обогащения — двух систем славянства.

Следует остановиться на некоторых находках 1990 г., коль скоро они не могли быть включены в последний том систематической публикации, ограниченной 1989 г. Во время раскопок 1990 г. было обнаружено 14 новых берестяных документов, из них 9 — на Троицком раскопе, а 5 — на новом раскопе в районе ул. Желябова (б. Прусской), руководимом Б.Д. Ершевским. Сложная стратиграфическая ситуация этого раскопа, вызванная нарушениями культурного слоя в ходе послевоенного строительства, потребовала обостренного внимания к хронологическим данным самих берестяных грамот, поскольку данные стратиграфии оказались мало полезными для датировок.

Среди найденных здесь особо важной для указанной цели оказалась грамота № 718, практически целая (в ней фрагментирован только небольшой участок у правого края, однако величина утрат в каждой пострадавшей строке достоверно определена, что важно при расчете конъектур). Текст грамоты расположен в девяти строках:

На Городьцькемъ погро(д)---
дани 30 г(ри)вьнь бѣж(ь)--
ькаа , цѣр(н)ыхъ кѣнь 40,
медѣ 3 бѣрковьске, а
ловице 3, дар(ѣ) 2 гривъ
не. Дѣцькы(м)-----
вьне, польты 2, (г)-----
ць масла, сани, 2 поп(о)---
2 меха, 2 клетича.

Как очевидно, грамота № 718 является записью о величине сумм, следующих главному получателю дани и децким. Коль скоро децкими назывались должностные лица княжеского двора, под главным получателем дани следует понимать князя, чему соответствует и упоминание черных кун. Между тем Русская Правда содержит положение, согласно которому сумма, следующая сборщикам государственных податей (в данном случае децким), является производной от суммы, следующей князю: "а от 12 гривну — емцю 70 кун" (Кр. Пр.); "А се наклады: 12 гривен — отроку 2 гривны и 20 кун" (Пр. Пр.), что отражает один и тот же процент сборщику от исходной суммы: 70 кун (при равенстве гривны 25 кунам) тождественны 2 гривнам и 20 кунам⁴. В нашем тексте сумма, причитающаяся князю в деньгах, равна 70 гривнам (30 гривен дани и 40 гривен черных кун; дар, естественно, в общий подсчет не входит, равно как и натуральный доход). Расчет по указанной Русской Правдой пропорции устанавливает, что децким полагается 16,33 гривны (или округленно 16,5 гривны), что позволяет предположить конъектуру в шестой строке "Дѣцькимъ (ъ польъ 17 гри)/въне", а текст в целом понимать следующим образом: "На Городецкем погродьѣ. Дани: 30 бежецких гривен, 40 (гривен) черных кун, 3 берковска меда, 3 яловицы, 2 гривны дара. Децким: 16,5 гривен, 2 полти, горнец(?) масла, сани, 2 попоны, 2 мешка, 2 клетница (грубой ткани)".

Упоминание Городецка и "бежецких" гривен определяет место действия документа, ассоциируясь со свидетельством приписки к грамоте князя Святослава Ольговича о епископской десятина: "А се бежичьскыи ряд. В Бежичих 6 грив(ен) и 8 кун, Городецке полгыаты грив(ны), в Змени 5 грив(ен), Езьске 4 грив(ны) и 8 кун, Рыбаньске грив(на) волжская в Ыизьске пол грив(ны) волжская"⁵. Здесь упомянуты Городецк и "волжская" гривна, очевидно идентифицируемая с "бежецкой" гривной берестяного текста. Пункты, названные в этой приписке, локализованы А.Н. Насоновым в верховьях Мологи, которая в районе современного г. Бежецка протекает через оз. Верестово. Г. Бежецку соответствуют древние топонимы "Городецк" или "Городец Палиц". Остальные пункты, кроме неустановленного Изьска, располагаются ниже Городецка в такой последовательности: погост Бежицы — в 10 км ниже Бежецка, при оз. Верестове; погост Узмень ("Змень") — в 18 км ниже Бежецка; с. Еськи на Мологе ("Езьск") — в 25 км от Бежецка; с. Рыбинское на Мологе ("Рыбаньск") — в 42 км от Бежецка⁶.

В момент составления приписки к грамоте Святослава Ольговича территория, указанная в этой приписке, составляла единый податной округ, который распался в начале 60-х годов XIII в. Согласно "Бежецкому ряду", князь, как и в Обонежье, имел в Бежичах и Городецке право суда, но оно при Дмитрие Александровиче, т.е. в конце 1263 г. или в 1264 г., было прервано на три года: "А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонижаном на 3 лета, судье на слати"⁷. Тогда же Городецк перешел в кормление к некоему Иванку, о чем специально был информирован в докончаниях преемник Дмитрие Александровича на новгородском столе князь Ярослав Ярославич: "...а Городецк, княже, дал Дмитрии с новгородци Иванку; а того ти, княже, не отъяти"⁸; "Городьць Палиць, а то семи дали Иванкови"⁹. Сколько времени Иванко был на этом кормлении, неиз-

⁴ Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 144.

⁵ Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 21.

⁶ Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 21.

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 11. № 2.

⁸ Там же. С. 9. № 1.

⁹ Там же. С. 11. № 2.

вестно, однако это и не столь существенно, поскольку Бежецкий Верх был тогда необратимо разделен на Бежицы и Городец — во всех последующих докончаниях названные волости обозначаются уже не как территориальное единство, а как особые территориальные и податные образования: "А се волости новгородские: Бежиче, Городец Палиць, Мелечя, Шипино, Егна" и т.д. Для датировки грамоты № 718 важно выяснить, написана она до или после разделения волостей.

До разделения волостей с Бежецкого Верха ежегодно собиралась сумма в 21 гривну и 16 кун (6 гривен 8 кун с Бежиц + 4,5 гривны с Городеца + 5 гривен с Узмени + 4 гривны 8 кун с Езьска + 1 гривна с Рыбаньска + 0,5 гривны с Изьска). После же разделения Городецк, очевидно, давал 4,5 гривны. Грамота № 718 оперирует суммой в 86,5 гривен (70 гривен князю и 16,5 гривен дедким). Но эта сумма ровно в четыре раза превышает годовую норму податей, следующих с Бежецкого Верха по "Бежецкому ряду". Следовательно, речь в грамоте идет о получении четырехлетней недоимки с единой территории Бежецкого Верха, а грамота, таким образом, не может быть датирована временем более поздним, нежели начало 60-х годов XIII в.

Между тем само наличие этой четырехлетней недоимки является еще одним датировочным элементом грамоты. В зиму с 1224 на 1225 г. новгородцы вступили в жестокий конфликт со своим князем Всеволодом Юрьевичем (внуком Всеволода III) и его отцом Юрием, которые захватили Торжок. Разрыв с Всеволодом Юрьевичем привел к перемене на новгородском столе, на который был приглашен черниговский князь Михаил Всеволодович — "и бысть льгъко по волости Новугороду". Добившись возвращения захваченных в Торжке товаров, Михаил, однако, заявил новгородцам: "...не хочю у вас княжити, иду Църнигову; гость к мне пускаите, а яко земля ваша, тако земля моя... Новгородци же много уимаша и, молячяся, и не могоша его умолити, и тако проводиша и с цъстью"¹⁰. В результате новгородцы вынуждены были послать за князем в Переяславль и взять на стол Ярослава Всеволодовича, четырехлетнее правление которого эпизодически вызывало в Новгороде недовольство, приведшее к тому, что в зиму с 1228 на 1229 г. князь Ярослав получил ультиматум: "...забожницье отложи, судье по волости не слати; на всеи воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе"¹¹. Последовавший разрыв с Ярославом вернул на новгородский стол Михаила Всеволодовича, который в конце апреля 1229 г. пришел в Новгород "и целова крест на всеи воли новгородьстеи и на всех грамотах Ярославлих; и вда свободу смърдом на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, кѣто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань"¹². Очевидно, имеются в виду льготы тем смердам, которые бежали из Новгородской земли от князя Ярослава, т.е. четыре года тому назад, и решение о сборе четырехлетней недоимки за тот же срок с податных новгородских территорий. К 1229 г., таким образом, логично отнести и нашу берестяную грамоту, фиксирующую сбор четырехлетней недоимки.

Установление этой даты дает возможность общего хронологического определения и найденной в том же стратиграфическом уровне грамоты № 715, которая содержит в трех строках следующий текст:

Тридева (т)о анеело, тридев а ароханело,
избави раба же а Михаа (т)расавиче
молитвами свѣаты а богородича,

¹⁰ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 64, 268—269.

¹¹ Там же. С. 67. 273.

¹² Там же. С. 68. 274.

т.е. "Тридевятъ ангелов, тридевятъ архангелов, избавьте раба божия Михея от трасовицы молитвами святой Богородицы". Это древнейшая на сегодняшний день запись заговора против лихорадки. Христианская фразеология здесь сочетается с отвергаемым церковью самим обычаем заговора. В Паисиевом сборнике рубежа XIV—XV вв. имеется следующий текст: "Недуги лечат чарами и наузы, немошного беса глаголемаго трасцю, мнѣтся прогоняюще некими ложными писмяны проклятых бесов" (Со. Моис., 198)¹³.

Вполне вероятно принадлежность рассмотренных документов к посадничьему усадебному комплексу: фрагментированная грамота № 719, относящаяся к тому же стратиграфическому уровню, адресована непоименованному посаднику.

Еще две берестяные грамоты, происходящие из раскопа на ул. Желябова, обнаружены в более ранних слоях, залегающих на полметра ниже тех, откуда извлечены грамоты № 715, 718 и 719. Снова приходится опираться исключительно на хронологическую информацию, заключенную в текстах самих берестяных документов.

Грамота № 724 принадлежит к числу наиболее значительных находок за все время, прошедшее с момента первого открытия берестяных грамот. Это целиком сохранившийся документ, написанный на обеих сторонах листа. Текст начинается на внешней стороне коры, где он состоит из 13 строк, и продолжен на внутренней стороне, где располагаются еще 4 строки. Грамота написана мелким почерком и сильно затерта. С большим трудом удалось прочитать основной, тринадцатистрочный текст. Способы проявить написанное на внутренней стороне листа пока изыскиваются. То, что удалось прочесть, выглядит следующим образом:

Ѡ Савы покланѣнее къ братѣи и дрѣжинѣ. Оста
вили ма были людѣе. А остатъ дани испра
вити было имъ досени, а по первомѣ пѣти
послати и отъбыти проче. И заславъ Заха
рьѣ въ в(ѣ)ре ѡрокль: "Не дайте Савѣ ни одино
го песца хотѣ на нихъ емати — самъ въсол(ю)".
А в(ѣ) томъ ми са не исправилъ въ борзѣ, ни
вамъ, ни тѣ ти былъ. А въ томъ есмь осталъ.
По томъ пришли смерди, Ѡ Аньдрѣѣ мѣжъ при
шли и дан(и) Ѡшли людѣе. И осьмь высагла,
что о Тѣдоре. Порозѣмъбите, братѣе, емѣ,
что въ (се) емѣ състане тагота тамъ
и съ дрѣжиною егъ.

Упоминание песцов служит указанием на местонахождение автора письма Савы. Песцы (иначе — полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Сава послан куда-то на крайний север новгородских владений для получения дани с тамошних жителей. Он адресуется "к братѣи и дружинѣ", т.е. вряд ли в Новгород, а вероятнее, к основному отряду сборщиков дани, находящемуся в некоем пункте той же северной области. В подобные походы, как хорошо известно по летописным рассказам, собирались большие рати. В 1169 г. "иде Даныслав Лазутиницъ за Волок даньникомъ с дружиною... и бяше новгородць 400". В 1194 г. в Югру за данью с воеводой Ядреем ходило около 200 новгородцев¹⁴. По отдельным пунктам сбора дани, надо полагать, рассылались небольшие отряды. Во главе одного такого отряда и был Сава.

¹³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1030.

¹⁴ Новгородская Первая летопись. С. 33, 40—41, 221, 232—233.

Вряд ли фразу "Оставили мя были людье" следует понимать как сообщение о бегстве от Савы его собственных дружинников. Глагол "оставити" имеет много значений, в том числе отказаться, отречься, отступить, отложиться и т.п. Речь идет об отказе местных людей выплатить обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать "д(о) осени". Вспомним "льстивые речи" югорцев в 1194 г.: "сбираем сребро, и соболе, и иная узорочиа, а вы не губите нас, своих смердов и своеи дани"¹⁵. Поводом для отказа от уплаты дани послужило некое распоряжение Захарьи, который клятвенно сообщил ("в вере урек"): "Не позволяйте Саве хотя бы одного песца брать, вышлю сам" (вероятно, своего человека за данью). Между тем человек, которого Захарья заслал с этим распоряжением к местным людям, не сообщил своевременно об этом ни Саве, ни главной дружине, и самого его Сава не видел. "А в томь есмь остал" — с тем я и остался.

Дело, однако, на этом не кончилось. Затем пришли смерды (т.е. плательщики дани), приняли мужа от Андрея, и люди брали дани в пользу этого Андреева мужа. Восемь человек под командой Тудора ("что о Тудоре") "высыгла", высочили, сумели уйти. "Подумайте, братие, как ему будет трудно с дружиной там, где он теперь оказался".

Описанная в письме Савы ситуация типична для середины XII — начала XIII в., когда северные дани были предметом спора между Новгородом и Суздалем. В 1149 г., когда новгородские данники отправились в поход "в мале", Юрий Долгорукий, узнав об их малочисленности, отправил против них князя Берладского с воинами. В 1169 г., когда Даньслав Лазутинич с новгородской дружиной пошел за Волок данником, "присла Андреи пълк свои на нь, и бишася с ними, и беше новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи бог новгородцем, и паде их 300 и 1000, а новгородьць 15 муж; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възьяша всю дань, а на суждальскихъ смърдехъ другую", что, как известно, послужило прелюдией к знаменитой битве новгородцев с суздальцами в 1170 г. В 1219 г. "пойде тоя зимы Сьмьон Емин в 4-х стех на Тоимокары, и не пусти их Гюрги, ни Ярослав сквозе свою землю"¹⁶.

Рассматривая грамоту № 724 как свидетельство об одном из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней, мы под "мужем Андрея" можем понимать только сборщика дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, убитого в 1174 г. Если документ датируется ранее 1174 г., то имеется возможность идентифицировать и упомянутого в письме Савы Захарью, который, как мы видели, имеет право распоряжаться данями и данниками. Так звали новгородского посадника, избранного в 1161 г. и убитого в 1167 г.¹⁷, что позволяет датировать грамоту № 724 60-ми годами XII в.

Примерно к тому же стратиграфическому уровню (может быть, чуть более позднему) относится грамота № 723 — целое письмо с текстом в четыре строки:

+Покланѧние ѿто Душилѧ ко Нѧ
стѧ. Шьль ти есмѧ Кучькъву. Ажь
ти хѧта жьдати, а(л)и ти нь хѧта жьда
ти, а оу ѿдокъ обруць ее водада, а свое възьму.

Душила сообщает Нясте, что он свое возьмет вне зависимости от того, хотят или не хотят ждать, вернув Федоке ее "обруч". Под "обручем" можно понимать браслет или кольцо, но также и залог (в том числе обручальный, брачный). Обязательства действий Душилы невосстановимы, но грамота имеет исключи-

¹⁵ Там же. С. 40—41, 232—233.

¹⁶ Там же. С. 28, 33, 59, 215, 221, 260.

¹⁷ Там же. С. 31—32, 218—220.

тельное значение в связи с сообщением ее автора о том, что он отправляется "Кучькову", т.е. "к Кучкову", под которым может подразумеваться только населенный пункт. Между тем такой пункт хорошо известен по рассказу Ипатьевской летописи о событиях 1176 г., когда заболевшего в пути князя Михалка Юрьевича несли на носилках, "идоша с нимь до Кучкова, рекше до Москвы"¹⁸. Ипатьевская летопись, сохранившая древнейшее название Москвы, известна по списку первой половины XV в. Следовательно, грамота № 723 является пока единственным свидетельством XII в., подтверждающим, что тогда наименование "Кучков" еще не было вытеснено более поздним обозначением, производным от реки, а не от первоначального владельца местности.

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 600.

В.Ю. Афиани

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЙ
"ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО"
Н.М. КАРАМЗИНА**

Главный труд Н.М. Карамзина "История государства Российского" занимает особое место в истории отечественной науки и культуры. Прошедшие в 1991 г. научные конференции и заседания, посвященные 225-летию со дня рождения историка и писателя, 200-летию издания "Писем русского путешественника" и 175-летию с начала издания "Истории", показали огромную значимость всего наследия Карамзина, а также множество историко-культурных, филологических, историографических и других проблем, которые стоят перед современными исследователями.

Мы, по существу, еще только начинаем отдавать тот долг, в котором оказалась историко-филологическая наука перед памятью великого деятеля русской культуры. Карамзин был признан классиком русской литературы и исторической науки еще современниками, но до сих пор мы не имеем полного собрания его сочинений.

Читательский ажиотаж вокруг сочинений Карамзина в последние годы показал глубинную общественную потребность в возвращении его наследия современной культуре. И, как бы стремясь быстрее возместить ущерб от почти векового перерыва в переиздании "Истории", одно за другим стали выходить ее издания, так же как и других сочинений Карамзина.

Практика современных переизданий выявила целый комплекс археографических, текстологических и других вопросов в изучении карамзинского наследия, и в первую очередь "Истории государства Российского". Дореволюционные переиздания — сами по себе интереснейший феномен отечественной культуры. "История" переиздавалась в полном виде и в сокращении (без примечаний) десятки раз. Переводы на иностранные языки, начавшиеся еще при жизни Карамзина, продолжают и в настоящее время. В то же время до сих пор не выявлены все эти переиздания, нет сколько-нибудь полной библиографии сочинений Карамзина и литературы о нем, что, безусловно, затрудняет изучение его наследия и роли в отечественной и мировой науке и культуре.

Лучше всего известна "внешняя" история первых прижизненных изданий "Истории государства Российского" и переводов на иностранные языки¹. После 12 лет работы Карамзин отдал в 1816 г. рукопись в набор. В начале ноября 1816 г. была набрана корректура 1-го т. Весной 1817 г. в типографиях в работе уже были шесть томов, но 1-й т. полностью отпечатали только в мае. В начале февраля 1818 г. периодическая печать объявила о продаже первых восьми томов "Истории". Следующие тома выходили по мере подготовки в 1821—1824 гг. Последний, 12-й т., не законченный автором, был подготовлен к печати К.С. Сербиновичем и

¹ См.: *Быкова Т.А.* Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // *Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века / XVIII век.* Л., 1969. Сб. 8. С. 324—342; *Афиани В.Ю., Козлов В.П.* От замысла к изданию "Истории государства Российского" // *Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1989. Т. I. С. 538—539.*

Д.Н. Блудовым. Сербинович по кратким указаниям Карамзина на использованные им источники, литературу составил "Примечания". Этот том вышел в 1829 г.

Успех сочинения у читателя вызвал предложение петербургских книгоиздателей братьев Слениных продать им право на второе издание. Оно, также в восьми томах, вышло в свет в 1821—1824 гг.² Издание не было стереотипным. Карамзин, просматривая корректуру, вносил подчас существенные изменения в текст. Такого рода изменения вносились еще в "Прибавлениях" к первому изданию, начиная с 1-го т. Особенно обширные прибавления помещены в 9—11-м томах. Мелкие изменения Карамзин иногда помещал и в списке опечаток. Третий "слой" изменений в тексте возник после просмотра историографом уже вышедших томов второго издания. Эти рукописные поправки в собственном экземпляре "Истории" Карамзина были доступны для издателя лучшего дореволюционного издания, подготовленного И. Эйнерлингом в 1840-х годах. К сожалению, этот экземпляр "Истории" исчез из поля зрения историков и до сих пор не обнаружен³.

Разновременные "Прибавления", исправления и изменения выдвигают перед археографами задачи, которые не поддаются простому разрешению. При переиздании некоторые, подчас существенные дополнения к первому изданию иногда опускались. Например, в прибавлениях ко второй главе 1-го т. первого издания был помещен следующий текст: "Любопытные сочинения Г. Густава Эверса о Российской Истории еще не были известны, когда я писал о Варягах. Он пишет умно, приятно; читаем его с истинным удовольствием и хвалим искренно: но не можем согласиться с ним, чтобы Варяги были Козары! К предложенным доводам прибавим еще один. По нашим современным летописям Варяги в исходе XII века имели торговлю и церковь в Новгороде (см. Т. III): скажет ли Г. Эверс, что сии купцы и сия церковь были Козарские? Не говорю уже о том, что один Русск. Летописец средних времен называет именно Шведов Варягами (сие место выписано мною в примечаниях Истории). Г. Эверс принадлежит к числу тех ученых мужей Германии, коим наша История обязана многими удовлетворительными объяснениями и счастливыми мыслями. Имена Баера, Миллера, Шлецера незабвенны. Мы недавно лишились Лерберга, трудолюбивого, основательного, penetratingного Исследователя Древностей; но еще имеем Г. Круга: всем известны его прекрасные сочинения о Российских монетах, о Византийской Хронологии: ожидаем новых, не менее любопытных"⁴.

Другие "Прибавления" при включении непосредственно в текст второго издания "Истории" или "Примечаний" перерабатывались, редактировались, как и связанный с ними текст. Считывая корректуру второго издания, Карамзин вносил и довольно многочисленные, но мелкие стилистические исправления, меняя пунктуацию. Особенно часто он, например, заменял двоеточие на точку с запятой или на запятую, и наоборот. Карамзинская пунктуация в последующих переизданиях далеко не всегда выдерживалась. Заменялись знаки препинания и в издании И. Эйнерлинга. Это же можно сказать и о передаче графики, орфографии, карамзинской манеры написания прописных и строчных букв и др. Вплоть до недавнего времени особенности языка Карамзина, его эволюция не изучались, и потому передача их не возникала как научная проблема. (Об этом более подробно будет говориться ниже).

Не менее сложной была история собственно текста "Истории государства Российского". По мере того как историограф углублялся в изучение прошлого,

² Подробнее см.: Афиани В.Ю., Козлов В.П. Указ. соч. С. 514—551.

³ О библиотеке Карамзина см.: Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в "Примечаниях" // Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Т. I. С. 330—382; М., 1991. Т. II—III. С. 658—705.

⁴ См.: Варианты и разночтения // Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. I. С. 320.

менялись его представления о сроках подготовки работы, структуре и содержании отдельных томов. Ещё в ходе написания своего труда он возвращался к уже написанному, переделывал его. Карамзину, к счастью, почти не довелось столкнуться в работе над "Историей" с цензурой. От цензурных вымарываний его спасало положение государственного историографа, публиковавшего свой труд "с высочайшего дозволения". А император Александр I то ли по доверию к автору, то ли по занятости почти не делал попыток вмешаться в текст в отличие от своего брата Николая I, осуществлявшего личную цензуру сочинений А.С. Пушкина. Лишь при ознакомлении с рукописью 10-го т., посвященного Борису Годуну, три или четыре "выражения" историографа вызвали у него "некоторые сомнения... о их правильности", но Карамзин согласился сделать исправления только в двух местах, отвергнув другие замечания⁵.

Положение историографа, однако, не снимало проблемы личной ответственности Карамзина за написанное и необходимости, по крайней мере в некоторых случаях, ограничивать себя. О такой "автоцензуре" свидетельствовал Пушкин. В своих "Воспоминаниях", отвечая критикам "огромного создания" — "Истории" Карамзина, он писал: «Они [критики] забывали, что Карамзин печатал "Историю" свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности»⁶. Поэт сохранил и примеры такой "скромности", т.е. изменений. В письме к брату в 1824 г. он писал: «Библия для христиан то же, что и история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие "Истории" Карамзина. При мне он ее и переменял»⁷. Подтверждение его словам находится в сохранившейся записной книжке историографа, так называемых "Мыслях об истории", записанных в 1800 г. Они начинаются словами: "Что Библия для Христиан, то История для народа"⁸.

Переиздания "Истории", начавшиеся еще при жизни историографа, продолжали выходить одно за другим и после его смерти под споры современников и потомков, "устарел" или "не устарел" его труд. Классиком русской литературы и исторической науки Карамзин был признан еще при жизни. Посмертно внешней формой этого признания стало установление ему памятника в Симбирске еще в 1845 г. Но отношение к "Истории" как литературному и историческому памятнику и соответственно научный подход к изданию текста складывались очень медленно.

В 1830—1835 гг. Смирдин, удовлетворяя неснижающийся спрос на "Историю", выпустил третье и четвертое ее издания. Они были доступны для широкого читателя своей дешевизной, напечатаны большим тиражом (по 5 тыс. экз.), но с сокращенными примечаниями⁹. Четвертое издание было принято в качестве учебного пособия¹⁰. За изданиями Смирдина последовала попытка научного издания "Истории" Эйнерлингом (пятое издание), привлечшим к работе историка и археографа П.М. Строева. В этом, по существу, единственном образцовом дореволюционном издании учтены часть "Прибавлений", сделанных самим историографом, и исправления, внесенные им в печатный экземпляр из своей библиотеки. Одновременно был поставлен вопрос и о необходимости "критического" издания "Истории" "со всеми дополнениями и поправками, сколько возможно по настоящему

⁵ Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 29; Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 343, 347, 357, 362; Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Ивановичу Бегичеву. М., 1860. С. 67.

⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. VIII. С. 68.

⁷ Там же. М., 1958. Т. X. С. 113.

⁸ Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. С. 205.

⁹ Маяк. 1842. Т. 1, кн. 2. С. 111; Сын Отечества. 1842. Ч. 1. № 2. С. 87.

¹⁰ Маяк. 1842. Т. 1, кн. 2. С. 111.

состоянию материалов отечественной истории"¹¹. Вероятно, такое дополненное издание с учетом новейших исследований противопоставлялось замыслу Эйнерлинга. Но планы Н.В. Савельева-Ростиславича, историка славянофильской ориентации, подкрепленные отдельными статьями, "уточняющими" Карамзина¹², не были осуществлены. Начавшаяся полемика "государственной школы" со славянофилами, особенно разгоревшаяся с выходом в 1851 г. 1-го тома "Истории России с древнейших времен" С.М. Соловьева, в которой нередко упоминалось и имя историографа, вновь отводила место карамзинской "Истории" на периферии современной исторической науки как "преодоленному" прошлому¹³. Это сказалось и на издательской практике. В 1851—1853 гг. Смирдин выпускает еще одно, считающееся шестым, издание "Истории" в серии "Полное собрание сочинений русских авторов" малого формата, без предисловий, т.е. рассчитанное на самый широкий круг читателей, интересующихся собственно не научными достоинствами труда, а лишь историческим чтением¹⁴.

К тому времени уже сложилась традиция издания "Истории" в "популярном" виде — в отрывках, переделках и изложении. Начало этой традиции было положено публикацией отрывка из 8-го т. о походе Ивана Грозного на Казань в 1818 г. в журнале "Сын Отечества"¹⁵. Вслед за этим появились сокращенные издания А.В. Таппе "в пользу юношества и учащихся российскому языку", "Живописный Карамзин" и т.п.¹⁶ С середины 1850-х годов и до революции отдельные главы из "Истории" перепечатывались в журналах типа "Библиотека легкого чтения"¹⁷ и отдельными книжечками-брошюрами, в том числе и такими издателями, как И.Д. Сытин и А.С. Суворин¹⁸. Естественно, что такого рода

¹¹ Савельев Н. О необходимости критического издания "Истории" Карамзина... // Сын Отечества. 1842. Ч. 1. № 2. С. 54.

¹² В первой публикации был подзаголовок: "Жизнь Владимира Андреевича Старицкого" (Сын Отечества. 1842. Ч. 1. № 2. С. 36—54), во второй: "О месте погребения Ляпунова" (Там же. С. 3—8).

¹³ См.: Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.

¹⁴ Шмидт С.О. "История государства Российского" в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книга, 1988. Кн. IV. С. 28—43.

¹⁵ Осада и взятие Казани: (Отрывки из "Истории государства Российского"), соч. Н.М. Карамзина // Сын Отечества. 1818. Ч. 43, № 6. С. 227; Там же. Ч. 44, № 7. С. 3—22; Там же. № 8. С. 43—58. Первый перевод "Истории" на иностранные языки был сделан с этой публикации: Le siège de Casan / Trad. de l'histoire de Russie par P.H.M. ... professeur de la littérature. SPb., 1818.

¹⁶ Russisches historisches Lesebuch aus Karamsins Geschichte Russlands: Сокращение российской истории Н.М. Карамзина, в пользу юношества и учащихся российскому языку, с знаками ударения, истолкованием друднейших слов и речей на немецком и французском языках, и ссылками на грамматические правила / Von A.W. Tarpe. SPb., 1819; 2-е изд. SPb., 1824; 3-е изд. Dresden; Leipzig, 1828; Гурьянов И. Избранные черты из "Истории государства Российского"... Заимствовано частично из "Истории" Н.М. Карамзина, частично из других историков и частично переведено с иностранных писателей. М., 1831. Ч. 1—4; Живописный Карамзин, или Русская история в картинках / Изд. А. Преву. СПб., 1836—1844. Ч. 1—3; и др.

¹⁷ См., например: Битва Куликовская: (Заимствовано из "Истории гос. Рос.") // Б-ка для легкого чтения. 1856. Ч. IV. С. 70; Первое завоевание Сибири: (Заимствовано из Истории гос. Росс.) // Там же. С. 78.

¹⁸ Историческое сказание о благоверной великой княгине Ольге, составлено по "Истории государства Российского". М.: Тип. М. Смирновой, 1857; Полная история о славном великом князе Владимире Великом, посвятившем землю русскую святым крещением / Сост. из "Истории гос. Российского". М.: Тип. М. Смирновой. 1857; Великий князь Димитрий Иоаннович, прозванием Донской. СПб.: Изд. А.С. Суворина. Дешевая библиотека. Перед загл.: История государства Российского. СПб., 1884; 2-е изд. Дешевая библиотека № 15. СПб., 1888; Рассказы о русской старине из сочинения Карамзина "История государства Российского" / Под ред. и с предисл. И. Иванова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонова, 1903. Вып. 1—3. Библиотека народного блага; Великий князь Изяслав и основание Киево-Печерского монастыря. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1902. Перед загл.: История государства Российского; и др.

издания не вносили ничего нового в подготовку текста и основывались на тех или иных "авторитетных" полных изданиях "Истории".

Самостоятельный интерес представляют переводы "Истории" на иностранные языки, особенно те, в подготовке которых принял определенное участие Карамзин¹⁹. По его совету в первые издания на французском и немецком языках были внесены изменения, сокращения, но до сих пор эта сторона работы историографа почти не изучалась. В разных странах складывалось различное отношение к наследию Карамзина и его "Истории". Это особенно ярко видно на примере славянских стран. Казалось, характерные для всех славянских народов процессы подъема национального самосознания в XIX в., волнующие проблемы государственности, связей с Россией могли бы сходным образом проявляться и в отношении к российской историографии, к труду Карамзина. Но можно говорить об устойчивом интересе к карамзинской истории только в Чехии и Сербии²⁰. А в Польше и Болгарии наблюдается скорее критическое отношение к "Истории", о чем свидетельствует, в частности, почти полное отсутствие традиции переводов исторического труда Карамзина²¹. Различным образом складывалась судьба его и в других странах²². В отличие от Германии и Франции в Англии Карамзин не переводился. Его "История" вместе с другими трудами была лишь использована в компиляции. Следует отметить, однако, что определенную роль здесь играла и отечественная издательская традиция. Во всяком случае уже сейчас можно говорить о стимулирующей роли издания И. Эйнерлинга.

И в России ситуация не была однозначной. Получив научное признание, труд С.М. Соловьева вытеснил из научного обихода "Историю" Карамзина в сферу массового, популярного чтения. Об этом свидетельствует переиздание "Истории" А.С. Сувориным в серии "Дешевая библиотека" с 1888 по 1923 г. тремя изданиями. В 1888 г. в серии "Общедоступная библиотека русских писателей" она стала выходить отдельными выпусками в Одессе в издательстве Е.П. Распопова под редакцией и с примечаниями И.Е. Боровского. В 1892 г. — в Петербурге в издательстве Е.А. Евдокимова под наблюдением профессора П.Н. Полевого в качестве ежемесячного приложения к журналу "Север". Еще одно бесплатное приложение к этому журналу вышло в 1897 г. в издательстве Н.Н. Морева.

¹⁹ Histoire de l'Empire de Russie / par M. Karamsin; Trad. par M.M.St.Thomas, Jauffret. P., 1819—1826. Vol. 1—11; Geschichte des russischen Reichs. Riga; Leipzig, 1820—1833. Bd. 1—11. См. также: Быкова Т.А. Указ. соч.; Корбе Ш. Из истории русско-французских литературных связей в первой трети XIX в. // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 192—232. О значении такого типа изданий см.: Шмидт С.О. История государства Российского Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история Востока: Сб. ст. М., 1989. С. 187—203.

²⁰ См.: Jak piše Ryský historik Karamzin o pŕvodu a tažení Modarŕ do země Uherské // Tafranka. Časopis pre zabava a poučenie 1844. III. Sv. 2. S. 66—80; 1845. Sv. 3. S. 25—50; Prvni dobyti Sibirě od Rusŕ s pŕdeslanými staršími dějinami sibiřskými, pokud stýkaj se s řiři ruskou: Z Karamzina díla Istorija gosudarstva rossijskago / Přeložil Bočkova Josef. Praha, 1861; Bŕrky Liži Dmitiřské v Rusku (Dla Karamzina) / Prel. J.Záborsky // Šokol. 1862. Sv. 1. Č. 11. S. 429—432; Č. 12. S. 463—469; Lodnik Semeř Lopatin. Episoda z prechodu vojska ruského cer Dunaj pri Svištove. Vid. Karamzin; Prel. Davorin // Oral Časopis pre zábavi a poučenie. Turč Sv. Martin. 1877. Sv. VIII. С. 10; О физичком и нравственном характеру старих Словена. Вера // Србске летописи за год 1826. II. С. 148—182; О физичком и нравственном характеру старих словена. Расправа с рус. Ив... ов // Ср. бобран. 1886. III. № 31, 32 и др. См. также: Вулетић В. Н.М. Карамзин и литература сербского возрождения // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 108—110; Вулетић В. Н.М. Карамзин и књ ижевност српског препода // Годшњак филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1974. књ. XVII/2. С. 1—403.

²¹ Българити и русити // Турция: Вестник за народнити интереси. Цариград; Балканан, 1870. Vol. 10/31. С. 47—50; Historiya panstva rossijskogo / Przel. na jezik polski przez G. Buczyńskiego. W-wa, 1824—1830. T. 1—XII.

²² Bohn's standard library: The History of Russia, from the earliest period to the present time / Compiled from the most autentic sources, including the works of Karamsin, Tooke and Se'gur, by Walter K. Kelly. L., 1854—1855. Vol. 1—2. См. также: Cross A.G. Karamzin and England. Slavonie R. 1963.

Бесплатным приложением к журналу "Родная речь" была выпущена "История" в 1903 г. издательством А.А. Петровича в Москве. Последнее издание, задуманное в рамках полного собрания сочинений Карамзина, было напечатано в 1915 г. издательством "Копейка" в серии "Классическая библиотека" "Всемирной панорамы".

Кроме этих изданий известны и другие, незаконченные, остановившиеся по какой-то причине на первых томах²³. Большинство из названных изданий вышло без примечаний. Исключение составляют издания под редакцией Н.Н. Полевого и издательства Н.Н. Морева.

Новым явилось включение в эти издания "исторических картин известных художников, изображающих древности и памятники", портретов исторических деятелей, таблиц, планов и карт. Некоторые из этих изданий рассчитаны на квалифицированного читателя. Об этом свидетельствуют предисловия к ним. В издании Н.Н. Морева "Истории государства Российского, с рисунками" говорилось, что в тексте "не изменено ни одной буквы, не перестановлено и не выпущено ни одного примечания, сохранена и его [Карамзина] оригинальная орфография"²⁴. Для подтверждения "научного" подхода к переизданию к 1-му т. приложены биографический очерк и факсимильное воспроизведение письма Карамзина к М.Н. Муравьеву. Однако все эти претензии оказываются необоснованными из-за весьма приблизительного и неточного представления публикаторов об истории издания труда Карамзина. В предисловии утверждалось, что это издание "представляет собой самую точную перепечатку карамзинского труда по известному смирдинскому изданию 1850—1853 гг., которое было проверено по рукописям историографа"²⁵. Однако это издание в смирдинской серии "Полное собрание сочинений русских авторов", напечатанное типографией Э. Праца, вышло без примечаний. Доверие к утверждениям издателя подрывает и тот факт, что публикация вышла без главы об источниках, помещенной Карамзиным в первом томе.

Но представляется, что подобного рода предисловия указывают на уже ясно ощущавшуюся потребность в полном научном издании "Истории государства Российского". Подобное издание взялась осуществить Академия наук к 150-летию со дня рождения Карамзина и к 100-летию с начала издания "Истории"²⁶. Идея издания принадлежит племяннице Карамзина графине Е.П. Клейнмихель. Она была поддержана председательствующим в Отделении русского языка и словесности академиком А.А. Шахматовым и президентом Академии в кн. Константином Константиновичем. По поручению Шахматова литературовед В.В. Сиповский подготовил предложения о структуре и содержании Полного собрания сочинений Карамзина. Была создана комиссия по изданию сочинений Карамзина, которая приняла решение публиковать все его сочинения, включая письма, но "оставляя в стороне переводы". В комиссию, помимо Шахматова, входили академики Н.А. Котляревский и В.Н. Перетц. "Наблюдение" за изданием литературных сочинений принимал на себя академик В.М. Истрин. Академия обратилась с просьбой к академику В.С. Иконникову подготовить издание "Истории". Однако реализацию этого замысла сорвала начавшаяся первая мировая война, а затем и революция. Вышел только первый том поэтических произведений Карамзина, подготовленный В.В. Сиповским²⁷.

²³ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: Изд. В.Л. Бермана, 1888. Т. 1; Он же. История государства Российского. СПб.: Книговед, 1899. Т. 1.

²⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского, с рисунками. СПб.: Изд. Н.Н. Морева, 1897. Т. 1. С. IV.

²⁵ Там же.

²⁶ Подробнее см. наст. изд.: Документы о подготовке издания сочинений Н.М. Карамзина Императорской Академией наук (1914—1917 гг.) / Подгот. к печ. В.Ю. Афиани. С. 281—289.

²⁷ Карамзин Н.М. Соч. Пг., 1917. Т. 1.

Академик Иконников считал необходимым "сличение не только разных изданий, но и обращение к рукописям автора", откомментировать "Примечания", установить современное местонахождение источников, использованных Карамзиным, указать номера шифров, хранилище и т.п.²⁸

После 1917 г. по идеологическим соображениям на десятилетия была прервана традиция переиздания "Истории". Только к 200-летию юбилею Карамзина стали появляться в печати сборники избранных сочинений, в которые включались отрывки из "Истории"²⁹. Прорыв в изучении, издании исторических трудов Карамзина совершился только в 1980-х годах. В исследованиях Ю.М. Лотмана, Г.П. Макогоненко, Н.Я. Эйдельмана и других были пересмотрены многие устоявшиеся стереотипы восприятия общественно-политических и исторических взглядов писателя и историка, место и значение его деятельности и его творчества в истории русской культуры. Одновременно расширялась популяризация его исторических сочинений³⁰. Стали возможными, наконец, переиздания "Истории" в журнале "Москва" (без примечаний) и репринтное воспроизведение лучшего дореволюционного издания труда И. Эйнерлинга³¹. Журнальная публикация с некоторыми изменениями и дополнениями послужила основой для двух отдельных изданий "Истории"³². Все это подготовило почву и для первого научного издания труда историографа в издательстве "Наука"³³.

В силу причин, о которых упоминалось выше, ни в дореволюционной, ни в послереволюционной археографии не сложилась текстологическая традиция в отношении текста "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. Современный археограф, текстолог могут опираться только на единственный опыт 1840-х годов — издание труда И. Эйнерлингом. Это, конечно, существенно осложняет работу по подготовке первого научного издания "Истории". При разработке принципов издания, подготовке текста группа археографов в составе известного филолога В.М. Живова, исследователя истории археографии и творчества Н.М. Карамзина В.П. Козлова и автора настоящей статьи учла опыт издания Эйнерлинга и проект академического дореволюционного издания Полного собрания сочинений Карамзина, а также уже имеющуюся литературу о вкладе писателя и историка в историю русской литературы и литературного языка, исследования о той реформе в литературе и языке, которую он совершил, включая работы, появившиеся в последние годы.

²⁸ Документы о подготовке издания сочинений Н.М. Карамзина... С. 289.

²⁹ Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н.П. Беркова, Г.П. Макогоненко. М.; Л., 1964. Т. 1—2; Карамзин Н.М. Избр. произведения: (К 200-летию со дня рождения), 1766—1966 / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М., 1966. (Школ. б-ка, для средней шк.).

³⁰ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Смирнова. М., 1982. (Б-ка "Любителям русской словесности". Из лит. наследия); Карамзин Н.М. Предания веков / Сост. и вступ. ст. Г.П. Макогоненко. М., 1987; 2-е изд. М., 1988; 3-е изд. М., 1989; Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М., 1988. (Лит. летопись России); Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Поколение Новгорода: Повести, глава из "Истории гос. Российского". Л., 1989. (Классики и современники. Рус. клас. лит.); Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Г.П. Макогоненко. Л., 1989; Н.М. Карамзин об истории государства Российского / Сост. А.И. Уткин; Отв. ред., автор очерка и примеч. С.О. Шмидт. М., 1990. (Б-ка учителя истории, основ сов. государства и права, обществоведения).

³¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988—1989. Кн. I—IV / Репринтное воспроизведение издания 1842—1843 гг.; Подгот. под набл. Д.С. Лихачева, С.О. Шмидта.

³² Карамзин Н.М. История государства Российского / Вступ. ст. А.Ф. Смирнова. Ростов/Д, 1989. Кн. 1, т. 1—3; Карамзин Н.М. История государства Российского / Вступ. ст. А.Ф. Смирнова; Коммент. и подгот. текста А.М. Кузнецова. Тула, 1990. Кн. I—IV, т. 1—12. (Отчий край).

³³ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. / Отв. ред. А.Н. Сахаров; Подгот. текста: В.Ю. Афиани, В.М. Живов, В.П. Козлов. М., 1989—1991. Т. I—III.

Учитывались также особенности издания и современные традиции в археографии и текстологии.

При разработке концепции издания составители исходили из того положения, что "История государства Российского" Н.М. Карамзина — выдающийся памятник русской культуры, крупнейшее достижение отечественной и мировой исторической науки. В ней синтезированы поиски Карамзина — историка, мыслителя, крупнейшего русского писателя и реформатора языка. Оценку "Истории" как классического образца русской исторической прозы дал еще А.С. Пушкин, и она подтверждена современной наукой³⁴.

Карамзин вошел в историю отечественной словесности как создатель "нового слога", новой системы литературного языка, ориентировавшейся не только на письменную литературную традицию (отечественную и зарубежную), но и на язык русского образованного общества³⁵. Особенность его подхода не только в борьбе со славянизмами, на которой ранее заострялось внимание, но и в разработке нового синтаксиса, нацеленного на разговорную естественность словорасположения и ряд других моментов литературно-языковой позиции, а не риторическую выразительность, характерную для его предшественников. Для публикатора карамзинские теоретические установки имеют самое существенное значение, так как они отражаются и в графике, орфографии и пунктуации его произведений.

Выясняется, что особенности карамзинского языка вплоть до внешних элементов оформления текста соотносятся с его историко-культурной и общественно-политической позицией и все наблюдаемые изменения взаимозависимы. Как отмечалось, в отечественном культурном процессе "языковая проблема становится тем камертоном, который отвечает на звучание всех наиболее острых проблем"³⁶.

Языковая палитра Карамзина включает и внешние выразительные средства, на которые не всегда обращают внимание археографы. Это и широкое использование курсива как знака интонационного выделения (чужой речи, чужого слова и др.), индивидуальные особенности в расстановке знаков препинания, способствующие передаче нюансов логического и интонационного членения речи, свойственных разговорному языку, и т.п.

До сих пор о лингвистических взглядах Карамзина часто судят по тому времени, когда писатель закладывал основы русского сентиментализма, печатал "Письма русского путешественника", издавал "Московский журнал" и литературные альманахи. Значительно хуже изучена эволюция его взглядов периода работы над "Историей". Но их изменение бросается в глаза при сопоставлении языка, например, "Писем русского путешественника" и "Истории". Эти различия невозможно объяснить только особенностями и различиями жанров произведений. Речь идет о смене лингвистических позиций. В первую очередь это относится к восприятию церковнославянского языка и церковнославянских элементов в русском литературном языке. Широкое, многоплановое использование славянизмов в карамзинской "Истории" перекликается и с эволюцией языковой позиции Пушкина в период работы над "Борисом Годуновым"³⁷, явно не без влияния труда историкографа. В свою очередь, "История" оказывала "обратное воздействие" на стиль

³⁴ *Макогоненко Г.П.* Литературная позиция Карамзина в XIX веке // Рус. лит. 1962. № 1. С. 103—104.

³⁵ *Успенский Б.А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

³⁶ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 169.

³⁷ *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 55—64.

"Писем" при их переиздании автором в 1814 г., дополняя "новый слог" "тонкими нюансами пользования церковнославянскими языковыми средствами"³⁸. Особенности всех элементов языка и стиля Карамзина, их значимость, их эволюция прослеживаются во всех произведениях автора. В научной литературе и текстологической практике долгое время преобладали представления о том, что понятие об авторской воле в отношении текста нельзя механически переносить на авторскую орфографию, знаки препинания и т.п., хотя и оговаривалось, что и в этой области нужно стремиться сохранить все индивидуальное в тексте. При этом учитывался опыт изучения позиции многих русских писателей XIX в. и более позднего периода, относившихся к пунктуации и другим элементам текста нейтрально или даже безразлично. Однако уже давно выявлены и исключения из этого правила.

Известно, например, что у Грибоедова была индивидуализированная система знаков препинания³⁹. Еще Н.И. Греч вспоминал, что Карамзин особенно любил тире и, возможно, ввел этот знак в русскую графику, как и многоточие с разным числом точек⁴⁰. (Лермонтов, например, также употреблял отточия с разным числом точек: от двух до восьми). Использовал Карамзин и тире после точки. Это сочетание знаков в XIX в. заменяло абзац или что-то близкое⁴¹. Но у Карамзина встречаются тире (даже два тире) после точки перед абзацем.

В литературе утвердилось представление о том, что в первой половине XIX в. двоеточие чаще всего было просто заменой запятой. Однако наблюдения над редакторской практикой Карамзина показывают, что его позиция не укладывается в эти представления. При редактировании второго издания "Истории", как упоминалось, двоеточие могло им заменяться на точку с запятой, на запятую, и наоборот.

Также не подтверждаются давно высказанные замечания такого авторитетного филолога, как академик Н.К. Грот, писавшего: "Было время, когда у нас всякое иностранное существительное имя отличали большой буквой. Карамзин писал: Автор. Литература. Так же появились еще долее имена званий, должностей, учреждений, наук, титулы независимо от происхождения слов"⁴². На этом основании долгое время тексты унифицировались, прописные буквы заменялись строчными.

Предварительное изучение карамзинского подхода показало, что писатель пользовался сложной поэтикой прописных и строчных букв, внимательно, а не безразлично относился к пунктуации и другим элементам текста. Это видно из сопоставления первого и второго изданий "Истории", из изучения редакторской работы писателя над текстами переизданий "Писем русского путешественника", проведенной Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским.

Имеются и прямые свидетельства, что Карамзин и в последние годы жизни уделял большое внимание вопросам пунктуации, грамматики и т.п. К.С. Сербинич, помогавший историографу в подготовке издания "Истории", записал в своем дневнике 16 февраля 1824 г.: читая корректуру последних листов 9-го т. "Истории", Карамзин сказал: «...нечто об употреблении двоеточия и семиколон и о том, почему пишет "лечить", а не "лъчить", как все другие», так как, по его

³⁸ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Текстологические принципы издания // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 523.

³⁹ Медведева И.Н. Примечания // Грибоедов А.С. Сочинения в стихах. Л., 1967. (Большая 6-ка поэта).

⁴⁰ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 168.

⁴¹ Рейсер С.А. Основы текстологии. Л., 1978. С. 52.

⁴² Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне: Филологические разыскания. СПб., 1899. Ч. II. См. также: Шапиро А. Русское правописание. М., 1961.

мнению, "лечить" происходит от слова "облегчать от болезни". Карамзин видел это правописание "в старинных памятниках нашей письменности" и в этом придерживался практики "церковных книг"⁴³. 30 марта Сербинович также отметил разговор о "грамматических правилах"⁴⁴.

Тот же Сербинович записал в дневник, что Карамзин любил «перечитывать разные места своей "Истории", оценивая свой текст». В процессе перечитывания, видимо, и появилась потребность внести новые уточнения и исправления.

Отдельная проблема для исследователей — отношение историографа к тексту источников. В тексте и примечаниях представлены разные примеры использования источников — от пересказа-перевода до помещения документа практически в полном виде. Между этими "полюсами" форм использования источников помещаются и приемы цитирования от отдельных строчек до больших фрагментов текста. Здесь далеко не всегда можно проследить авторское отношение к тексту, так как известно, что ряд источников Карамзин использовал по копиям, сделанным для него. Не всегда эти копии были качественными, и в тех случаях, когда он получал такую возможность, историограф исправлял тексты во втором издании. Такие примеры можно проследить по разделу "Варианты и разночтения" в издании "Истории", готовящемся издательством "Наука". В будущих изданиях, возможно, публикаторы и смогут сопоставить подлинные тексты источников с опубликованными в составе "Примечаний" к труду Карамзина, как когда-то задумывал академик Иконников. Но до этого должна быть проведена большая работа по идентификации источников, на которые ссылается историограф, с рукописями в современных хранилищах. Как показывает опыт подготовки «Комментированного списка литературы и источников, использованных в "Примечаниях" к "Истории государства Российского"» в издании, осуществляемом издательством "Наука", далеко не всегда удается провести это отождествление. Таким образом целый ряд вопросов текстологии и археографии "Истории" Карамзина остаются еще не решенными.

⁴³ Сербинович К.С. Николай Михайлович Карамзин // Рус. старина. 1874. Т. 11, № 9. С. 65—66.

⁴⁴ Там же.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОЧНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(часть четвертая)

В предыдущих частях настоящего обзора¹ была подробно рассмотрена типология фальсификаций источников, предложенная итальянским историком и писателем Умберто Эко в его заглавном, "торжественном" докладе (Festvortrag), произнесенном на международном конгрессе "Фальсификации в средние века" (Мюнхен, 1986 г.)². Кроме доклада общего характера, на конгрессе прозвучал целый ряд докладов, посвященных более конкретным вопросам. Организаторы конгресса выделили шесть специальных подтем главной темы, и каждой из них посвящалось отдельное заседание. Подтемы эти следующие: 1. Литература и фальсификация (Literatur und Fälschung); 2. Подделки правовых текстов (Gefälschte Rechtstexte); 3. Дипломатические фальсификации (Diplomatische Fälschungen); 4. Вымышленные письма (Fingierte Briefe); 5. Благочестие и фальсификации (Frömmigkeit und Fälschungen); 6. Наказание фальсификаторов (Der bestrafte Fälscher).

По первой подтеме — "Литература и фальсификация" — выступили четыре докладчика: Франц-Иосиф Шмале (Бохум, ФРГ), Дьёрдь Дьёрфи (Будапешт, Венгрия), Макс Кернер (Аахен, ФРГ), Астрик Л. Габриэль (Нотр Дам, штат Индиана, США).

Доклад Ф.-И. Шмале был посвящен "фальсификациям" в средневековой историографии. Речь тут шла не столько о подделках в узком смысле слова, сколько о степени недостоверности исторических сочинений средневековья. Мы бы определили эту недостоверность как противоречие между "внешним" и "внутренним" содержанием источника, т.е. между изображением действительности и самой действительностью. Шмале справедливо обратил внимание также на роль "объективных" моментов, влияющих на степень достоверности исторических трудов. К ним он относит "тип" сочинения (т.е. разновидность избранного автором литературного жанра), литературные условия того времени, когда создавался труд, намерения автора (цель, тенденциозность). Данный комплекс факторов определяет специфику происхождения и внутренней формы источника.

Средневековая историография воспринимала себя как правдивую, но ее "правда" отличалась от современной. Это была, по словам Шмале, "наивная", "литературная" правда. Поэтому, полагает автор, в средневековой историографии мы чаще встречаем не подделки, а искажения действительности, которые не дают возможности прямо использовать средневековые исторические сочинения как средство приобретения знаний о событиях прошлого. Заметим, что действительность (Wirklichkeit, res gestae, res gesta) вообще ни в каком источнике не отра-

¹ См.: Каштанов С.М. К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья [часть первая] // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 25—30; То же (часть вторая) // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 50—54; То же (часть третья) // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 34—40.

² Eco U. Tipologia della falsificazione // Fälschungen im Mittelalter. Internationaler Kongreß der Monumenta Germaniae Historica. München, 16.—19. September 1986. Hannover, 1988. Teil I. Kongreßdaten und Festvorträge. Literatur und Fälschung (= Monumenta Germaniae Historica. Schriften. Bd. 33, 1). S. 69—82.

жается совершенно прямо и адекватно, и в этом смысле исторические сочинения средневековья не составляют исключения.

Шмале различает в исторических сочинениях изложения двух типов: 1) основанное на личном опыте автора и полученных им устных известиях ("современная история"); 2) основанное на письменных источниках и выбранных оттуда примерах ("научная история"). Обычно мы можем изучить отношение автора к письменным источникам, но отношение его к собственному опыту и устным источникам не поддается проверке³. Касаясь различий в подаче материала анналистами и хронистами, автор подчеркивает, что часто мнимая "объективность" кратких известий анналов таит в себе не меньшую "фальсификацию" истории, чем литературная интерпретация тех же событий в хрониках. Литературные и художественные штампы, считает Шмале, сами по себе являются "фальсификацией" подлинной картины истории. Так, во "Всемирной хронике" Хартмана Шедела одни и те же гравюры используются для иллюстрации видов самых разных городов. Отметим, что и исследователи русского Лицевого свода XVI в. постоянно сталкиваются с трудностью выявления реалий истории по изображениям на стилизованных рисунках, и велик соблазн интерпретировать их как прямое отражение действительности⁴.

Вместе с тем хотелось бы сказать несколько слов в защиту стилистических штампов: по ним тоже можно изучать развитие определенных процессов, касающихся прежде всего того времени, когда писалось произведение, т.е. отдельные стороны жизни они отражают нефальсифицированно. Сам автор доклада признает "объективность" внутренней формы историографического источника.

Проблему использования источников и датировки событий в средневековой историографии Шмале рассматривает на примере немецких хроник конца XI — начала XII в. Хронист Фрутольф из Михельсберга (конец XI в.; умер в 1103 г.), опираясь на весьма широкий круг источников, проявлял как критическое, так и некритическое отношение к ним. В одних случаях он отмечал имеющиеся в источниках противоречия, в других умалчивал о них и проводил версию одного из источников. В последнем подходе Шмале усматривает сознательное искажение истины. Содержавшиеся в первоисточниках даты, приведенные по году царствования или правления какого-либо лица, Фрутольф переводил на эру от Воплощения господня (*Zählung der Inkarnationsjahre*), но так как год правления мог быть короче календарного года, тут возникала опасность смещения хронологии. В своем автографе Фрутольф приводил сначала даты источников без изменений и лишь потом корректировал их по эре от Воплощения. Поэтому его ошибки Шмале не расценивает как результат сознательного стремления исказить действительность. Впрочем докладчик допускает, что согласованность датировок была для хронографического метода важнее, чем абсолютная верность источнику. "Или доверие к этому методу было больше, чем к самому источнику?" — ставит вопрос автор⁵.

Анонимная хроника 1113 г., предназначенная для императора Генриха V, возникла на базе хроники Фрутольфа, обработанной и продолженной Экхардом из Оры (Aura), и хроники Зигберта из Жамблу (*Gembloux*), законченной в 1111 г. Перед автором новой хроники стояла задача выбора той или иной интерпретации

³ Schmale F.-J. Fälschungen in der Historiographie // Fälschungen im Mittelalter. Internationaler Kongreß der Monumenta Germaniae Historica. September 1986. Zusammenfassungen / Summaries. [München, 1986]. S. 2.

⁴ Из последних работ, посвященных миниатюрам Лицевого свода, см.: Чернецов А.В. Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1990. 44. С. 422—432; ср.: Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Автореферат докт. историч. наук. СПб., 1991.

⁵ Schmale F.-J. Fälschungen in der Geschichtsschreibung // Fälschungen im Mittelalter. Teil I. S. 126.

и датировки событий, по-разному описанных или по-разному датированных в хрониках Фрутольфа — Экхарда, с одной стороны, и Зигберта, с другой. Компилятор поступил довольно просто, следуя в одних случаях одной, в других — другой версии. Шмале полагает, что в эпоху создания этих хроник требование хронологической истины могло ограничиваться правильным отнесением события к царствованию определенного лица, а не обязательно к определенному году. Такая "общая" хронология свойственна Исидору Севильскому, Беде Достопочтенному и Регинону Прюмскому. Следовательно, делает вывод докладчик, погодная хронология, берущая начало от св. Иеронима и нашедшая применение в трудах Германа Хромого из Райхенау, Фрутольфа и Зигберта, была не единственной формой хронологии, удовлетворявшей средневековым критериям истины.

При использовании хроники Фрутольфа автору хроники 1113 г. пришлось решать проблему "пустых" дат. Дело в том, что, излагая историю IX—XI вв., Фрутольф в ряде случаев проставлял число года, но не сообщал под ним никаких фактов. Такие "пустые" годы анонимный автор хроники 1113 г. заполнял известиями, почерпнутыми из хроники Зигберта, где они, однако, привоились под другими датами, более ранними или более поздними. Обращение анонима 1113 г. с датами источников отличалось большим произволом, чем поведение Фрутольфа, занимавшегося только синхронизацией дат. Явное пренебрежение правильной хронологией при условии, что она уже признавалась одним из критериев истины, Шмале считает возможным квалифицировать как "введение в заблуждение", или дезинформацию (Irreführung).

Отметим интересный параллелизм в развитии летописания в Германии и на Руси в конце XI — начале XII в. Хроника Фрутольфа создается примерно в то же время, что и киевский Начальный свод, а анонимная хроника 1113 г. тогда же, когда и Повесть временных лет. Очень похожая ситуация там и здесь с датировкой событий. Наличие "пустых" годов, датировка *post factum* характерны как для немецких хроник, так и для русских летописных сводов этого времени. Правда, данные Повести временных лет, вероятно, труднее проверить по другим источникам, чем информацию немецких хроник, поскольку на Руси отсутствует актовый материал за этот период.

Шмале указывает, что намеренная фальсификация истории имела место тогда, когда выдуманные факты изображались как реально совершившиеся. В этом смысле наиболее фальсифицированными источниками являются легенды и жития святых. Таковы, например, жития, созданные в Райхенау в IX—XI вв. для защиты реликвий. Они изобилуют вымышленными фактами биографии святых. Кроме того, особой недостоверностью отличаются рассказы, преимущественно ранне-средневековые, о происхождении племен и народов. Так, в VII в. делались попытки приписать франкам троянское происхождение и приравнять их по древности и достоинству к римлянам. В XII в. возникла норицкая сага, в которой доказывалось, что баварцы произошли от греков и готов. В Эттесхаймюнстерской хронике учреждение института министериалов приписывалось Юлию Цезарю. Как замечает Шмале, об изобретателях подобных концепций трудно сказать, действительно ли они сознавали, что выдумывают мнимые факты. Баснословные генеалогии народов можно встретить не только в западных, но и в русских источниках, прежде всего в Повести временных лет.

Докладчик остановился и на такой форме фальсификаций, как выдуманные письма и речи в составе исторических трудов. Так, Фрутольф привел в своей хронике "письмо" Александра Македонского. Сомнительна подлинность "речи" Фридриха Барбароссы, обращенной к римлянам, которую цитирует Отто из Фрайзинга. Шмале подчеркивает крайнюю трудность для позднейшего читателя различить в изложении подобных "речей" действительность и выдумку. С этой проблемой сталкиваются и исследователи русских летописей, где "письма" и

особенно "речи" составляют немалую часть текста (например, "речь" Философа в рассказе о крещении Руси в Повести временных лет, "речи" Ивана Грозного и митрополита Макария в Никоновской летописи и т.п.).

Доклад Д. Дьёрфи был посвящен вопросу о мнимых генеалогиях народов вообще и венгерского в частности. Отмечая, что тотемизм способствовал поддержанию культа вымышленного предка, в качестве которого чаще всего избиралось какое-нибудь животное, иногда космическое тело, явление природы и т.д., автор обращает внимание на устойчивость устной генеалогии в первобытных обществах, где обычно помнили своих ближайших предков вплоть до седьмого колена. Основными источниками вымышленных генеалогий были устная традиция, историческая литература и Библия. В разработке генеалогий большую роль играла народная этимология, связывавшая происхождение народа с родовыми именами и именами героев. Один из методов народной этимологии — осмысление топонимов, их произвольное толкование.

Согласно наблюдениям, изложенным в докладе Дьёрфи, в первой истории венгров, появившейся около 1100 г., примерно через 100 лет после принятия ими христианства (до 1000 г.); в основу концепции происхождения венгерского народа были положены библейская генеалогия и местные легенды. От Яфета здесь производился (ошибочно) Нимрод, сыновья которого Хунор и Могор, преследуя во время охоты оленуху, обрели новую родину — Меотию в Скифии. Именем Хунор обозначались первоначально не гунны, а онугуры, называвшиеся также хунугур. Отсюда выводилось название народа: Ungar — Hungarus. С именем Могор связывалось другое наименование венгров — мадьяры (Magyar). Аттила в этой версии предстает только как прежний (довенгерский) владетель Паннонии. В анонимной "Gesta Hungarorum" (около 1200 г.) в качестве праотца венгров выступает сын Яфета Магог, первый царь Скифии, и царствующая династия Арпадов производится от Магога и Аттилы. Хроника говорит, что по имени Магог народ стал называться Moger. Мысль о происхождении венгров от гуннов здесь еще не присутствует, венгры отождествляются со скифами.

Дьёрфи отмечает, что уже Регинон Прюмский, писавший около 900 г., считал венгров скифами. Легенда о преследовании оленухи в анонимной хронике 1200 г. опущена. В легенде о происхождении Арпадов определенную роль играет тотемное животное — ястреб-перепелятник, по-венгерски — Turul. Однако он является действующим лицом только сна праматери Арпадов, которой приснилось, что она зачала от ястреба. Реальное же происхождение династии связывается в хронике не с ястребом, а с Магогом и Аттилой.

Теория идентичности венгров и гуннов появилась, как считает Дьёрфи, только около 1280 г. в хронике Кезаи, нотария короля Ласло IV Куна (слово "kun" в венгерском языке означает "куманец", "половец": мать Ласло IV была половчанкой). В хронике Кезаи от Хунора и Магора производились "Huni sive Hungari" ("гунны, или венгры"), которые дважды завоевывали мадьяр — впервые при Аттиле и вторично при Арпадах. Поэтому история венгров представлялась состоящей из двух частей: истории гуннов и истории мадьяр. Правление Анжуйской династии в Венгрии ознаменовалось некоторой модификацией старой концепции происхождения венгров. Хронист, писавший около 1330 г., опустил легенду о Нимроде как потомке Яфета, поскольку, согласно Библии, Нимрод происходил не от Яфета, а от Хама (по Библии, Нимрод был сыном Хуша, одного из сыновей Хама, т.е. являлся внуком Хама). В хронике вводилась троянская теория происхождения франков: Францио (Francio), сын знаменитого Париса, после разрушения Трои проездом остановился в Паннонии, в месте Сикамбрия (=Буда, Старая печь). Остальная часть гуннско-венгерской версии осталась нетронутой, и происхождение Арпадов прочно связывалось с Аттилой. В XVII в. с генеалогическими целями была подделана грамота Ласло I Святого (1077—1095 гг.).

Фальсификатор пытался доказать, что предок рода Эстергази — Эстораш — происходит от гуннского князя и дакийской принцессы.

Только начиная с конца XIX в. в науке стала постепенно разрушаться теория гунско-венгерского тождества, хотя и в настоящее время, как отмечает Дьёрфи, имеют место "полунаучные попытки" оживить эту концепцию⁶. Ложные генеалогии широко известны в историографии многих стран, в том числе и России. Так, в Сказаниях о великих князьях Владимирских русские князья возводились через Пруса к Августу-кесарю⁷. Подчас трудно отделить достоверное от недостоверного в легендах о "выездах" родоначальников многих боярских и дворянских фамилий. Правда, в отдельных случаях ложность легенды кажется вполне очевидной. В начале XVIII в. первый герольдмейстер Петра I С.А. Колычев существенно приукрасил родовую легенду фамилий, происходивших от Андрея Кобылы (к их числу относились, кроме Колычевых, также Шереметевы, Бабарыкины, Романовы, Кобылины, Сухово-Кобылины, Жеребцовы, Коновницыны, Яковлевы и др.). Если раньше в некоторых родословцах лишь глухо говорилось о выезде основателя рода "из Немец", то благодаря изобретательности С.А. Колычева Андрей Кобыла превратился вообще в Гландоса Камбилу Дивоновича. Ему приписывалось царское происхождение: согласно фиктивному родословию, он являлся потомком Недрода, четвертого сына прусского короля Вейдевута, брата короля Прутено, отказавшегося от престола в пользу Вейдевута в 305 г.; до переезда на Русь Гландос Камбила был владельцем Судовии, Самогитии, Литвы и других стран⁸. Поскольку к потомкам Андрея Кобылы принадлежал и царский род Романовых, легенда, пущенная в оборот С.А. Колычевым, пользовалась большим успехом, несмотря на свою фантастичность.

С.Б. Веселовский по поводу этой легенды писал: «Последующие генеалоги относились к легенде о Камбиле "критически", т.е. серьезно обсуждали эту нелепицу, не заслуживавшую внимания. Ведь достаточно обратить внимание на то, что по родословцам у Андрея Кобылы был брат Федор, имевший прозвище Шевляга, что значит кляча, плохая лошаденка, что старший сын Кобылы носил прозвище Жеребец, а младший, Федор, имел прозвание Кошка. В этих прозвищах допустимо предположить пережиток тотемистических воззрений, можно принять их просто как плоды родительского остроумия, но во всяком случае их достаточно, чтобы покончить с критическими разборами легенды о Камбиле»⁹. В очерке о роде Кобылы С.Б. Веселовский объясняет прозвища сыновей Андрея Кобылы не тотемистическими пережитками, а исключительно народным юмором: "Эти прозвища скорее говорят о чисто великорусском примитивном юморе, быть может новгородского происхождения, а не о рещских князьях или мифических прусских королях"¹⁰.

Возвращаясь к конгрессу о фальсификациях, отметим, что весьма сложный историко-лингвистический вопрос был затронут в докладе М. Кернера. Объектом его рассмотрения явился довольно загадочный по своему происхождению литературный памятник, известный под именем *Institutio Traiani*. Он дошел в составе сочинения

⁶ Györfy G. Erfundene Stammesgründer // Fälschungen im Mittelalter. Teil I. S. 450.

⁷ Подробнее см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 370—371.

⁸ Лакиер А.Б. Русская геральдика. [Изд. 2]. М., 1990. С. 298; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 41, 140—141.

⁹ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 41. В Румянцевском списке Румянцевской редакции родословных книг XVI в. читаем: "Род Кобылин. У Ондрея у Кобылы 5 сынов: первой Семен Жеребец, другой Александр Елка, третий Василей Вантей, четвертой Гаврило Гавша, пятой Федор Кошка" (Редкие источники по истории России. М., 1977. 2. С. 150).

¹⁰ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 141.

Джона Солсбери¹¹ "Polycraticus" (1159 г.) и представляет собой 16 эксцерптов из некоего поучения, обращенного к римскому императору Марку Ульпию Траяну (98—117 гг.) от лица древнегреческого писателя и философа Плутарха (около 45 — около 127 гг.). Эксцерпты передают не столько текст, сколько содержание этого поучения, существование которого другими источниками, кроме трактата "Polycraticus", не подтверждается, если не считать более поздних и туманных упоминаний о нем в письмах Франческо Петрарки (из этих упоминаний, как указывает Кернер, некоторые могут быть связаны с "Polycraticus" Джона Солсбери, хотя одно кажется независимым от него¹²). В *Institutio Traiani* речь идет об устройстве общества и идеале взаимоотношений между верховной властью, аппаратом управления и сословиями. В представленной здесь органологической схеме головой общества является государь, душой — духовенство, сердцем — Сенат, глазами, ушами и зубами — судьи и провинциальная власть, руками — чиновники и солдаты, ребрами — советники государя, животом и кишками — руководители финансовых органов, ногами — крестьяне.

Термины, употребленные в *Institutio Traiani* при обозначении различных административных и сословных структур, склоняли ряд исследователей к мысли, что в эксцерптах отражена эпоха не Траяна, а Диоклетиана (284—305 гг.) или Константина I Великого (306—337 гг.). Поэтому-то данный памятник и расценивался как произведение, возникшее в период поздней античности. Этой точки зрения придерживались С. Дезидери, Ж.-П. Каллю. Специалист по Плутарху К. Циглер считал *Institutio* византийским текстом. Х. Либешюц и многие другие медиевисты заняли еще более критическую позицию по отношению к данному источнику, полагая, что он был создан самим Джоном Солсбери, т.е. является памятником середины XII в.

Кернер обращает особое внимание на роль, отводимую в *Institutio* "душе" общества — духовенству. Проводимая в Поучении мысль о превосходстве духовной власти над светской является скорее средневековой, чем позднеантичной. Кернер, правда, оговаривается, что в *Institutio* идея подчинения общества и государя духовной власти сформулирована не столько в грегорианском смысле¹³, сколько в духе признания "естественного" порядка, по которому бог — главный двигатель общественной жизни¹⁴. Из терминов, применяющихся в *Institutio* для обозначения представителей духовенства, только выражение "religionis praefecti" может восходить к Плутарху, в то время как "vicarius Dei" — чисто средневековое понятие.

Докладчик коснулся также отношения автора *Institutio* к крестьянскому сословию. Присутствующая в Поучении мысль о том, что государь должен заботиться о "ногах" общества — крестьянстве — характерна, как показал Т. Струве, для христианских идеологов раннего и "высокого" средневековья. Среди последних Кернер особо выделяет французских учителей Джона Солсбери — Гийома де Конш и Бернара Шартрского по прозвищу Сильвестрис. Джон Солсбери учился в Шартре в конце 30-х годов XII в. (начиная с 1137 г.), а в конце жизни сам избран епископом Шартрским (1176 г.)¹⁵. Гийом де Конш (около 1180—1154 г.) подобно автору *Institutio Traiani* прибегал к сравнению поли-

¹¹ Биографию Джона Солсбери см.: *Türk E. Nugae Curialium. Le règne d'Henri II Plantagenêt (1145—1189) et l'éthique politique.* Genève, 1977 (= Centre de recherches d'histoire et de philologie de la IVe section de l'Ecole pratique des Hautes Etudes. V. Hautes études médiévales et modernes. 28). P. 84—94.

¹² *Kerner M. Die Institutio Traiani — spätantike Lehrschrift oder/hochmittelalterliche Fiktion? // Fälschungen im Mittelalter. Teil I. S. 716. Anm. 5.*

¹³ Имеются в виду теократические принципы папы Григория VII Гильдебранда (1073—1085 гг.), который развивал концепцию полной неподсудности пап, их права низлагать императоров, низлагать и назначать епископов, освобождать королевских вассалов от клятвы верности и т.п.

¹⁴ *Kerner M. Op. cit. S. 724, 737.*

¹⁵ *Türk E. Op. cit. P. 84, 92—94.*

тических институтов и сословий с частями человеческого тела. Схему Халцидия, уподоблявшего Сенат голове, войнство — сердцу, а торговцев — желудку общества, Гийом де Конш дополнил четвертой ступенью — крестьянством, которое он уподобил ногам общества¹⁶. Такая же роль, как мы помним, отводилась крестьянству в *Institutio Traiani*. Учитывая, что Джон Солсбери был учеником Гийома де Конш, можно предполагать прямое влияние учителя на ученика.

У Бернара Сильвестриса, известного комментатора "Энеиды" Вергилия и также учителя Джона Солсбери, автор *Institutio Traiani* мог заимствовать вергилианскую идею пчелиного улья как идеальной формы построения общества и государства (*Bienenstaat*). Рассмотрев другие возможные источники, отразившиеся в Поучении Траяну, Кернер склоняется к выводу, что автор трактата располагал каким-то ближайшим первоисточником, вобравшим в себя идеи ряда предшествующих источников. Этот непосредственный источник Поучения содержал схему политического и общественного устройства, в которой были гармонически соединены элементы античного наследия и средневековой новизны. Где, когда и как возник предполагаемый предисточник, автор уверенно сказать не решается. Кернер не разделяет точку зрения Дезидери, полагавшего, что текст Поучения складывался постепенно — из первоначальной редакции IV—V вв., переработанной сначала в эпоху Каролингов, а затем в период "высокого" средневековья. Докладчик склонен считать Поучение произведением, возникшим единовременно, и скорее в средние века, чем на закате античности. Вместе с тем Кернер сомневается в том, что Джон Солсбери сам выдумал *Institutio Traiani*. Атрибуция этого произведения Плутарху — автору, мало известному в средние века (Данте, например, не упомянул о нем ни разу) — удерживает докладчика от решительного вывода о создании *Institutio* в средние века. Он заявляет лишь, что только новые данные и веские новые аргументы позволят удовлетворительно ответить на вопрос, является изучаемый источник памятником поздней античности или раннего средневековья. Без таких дополнительных разысканий *Institutio Traiani* навсегда останется "тайной Джона Солсбери".

Весьма интересен сам факт использования представителями интеллектуальной элиты XII в. имен Плутарха и Траяна для придания авторитетности построениям идеальной модели общества. Выдающийся полководец и администратор, Траян привлекал к себе большое внимание потомков. Его имя неоднократно встречается в "Слове о полку Игореве"¹⁷. Там фигурирует, например, "Тропа Трояня". Н.С. Дружинин предполагал, что за этим выражением кроется название памятника *Troaeum Traiani*, искаженное дружинниками Святослава Игоревича¹⁸. *Troaeum Traiani* был расположен к востоку от Доростола (*Durostrum, Silustria*)¹⁹, где действительно воевал Святослав, и его войны могли слышать это название, если оно еще сохранялось в здешней среде в X в. (памятник был поставлен в 109 г.). В районе *Troaeum Traiani* разворачивались военные действия также во время русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. Местечко Кючук-Кайнарджа, в котором был подписан мир в 1774 г., находилось на недалеком расстоянии от *Troaeum Traiani*, расположенном в 60 км к юго-западу от Констанцы, на краю д. Адамклиси. Правда, нам неизвестно, бытовало ли в это время латинское название

¹⁶ *Kerner M. Op. cit. S. 726. Anm. 42.*

¹⁷ Подробнее см.: *Соколова Л.В. Траян в "Слове о полку Игореве" (Обзор существующих точек зрения) // ТОДРЛ. 44. С. 352—362.*

¹⁸ *Дружинин Н.С. "Троян" в "Слове о полку Игореве" // Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.; Л., 1941. С. 45—50; Соколова Л.В. Указ. соч. С. 329.*

¹⁹ *Златковская Т.Д. Мёзия в I—II веках нашей эры (К истории нижнего Дуная в римское время). М., 1951. Карта в конце книги; Istoria R.P.R. Manual pentru învățământul mediu / Sub redacția acad. M. Roller. [București], 1952. Карта между С. 48 и 49; Petrovici E. Studii de dialectologie și toponimie. București, 1970. Карта между С. 58 и 59.*

памятника в среде местного населения. Памятник был открыт и идентифицирован археологами только во второй половине XIX в. До реконструкции он представлял собой массивную цилиндрическую руину, достигавшую почти 12 м в высоту и 30 м в диаметре. Некоторые составлявшие его глыбы камня разрушились, другие были растащены местными жителями как строительный материал²⁰.

В современном румынском языке слово "troian" означает "куча, груда (земли, камней, снега и т.п.)"²¹. Так местное население могло еще в XVIII в. называть руины памятника "Троаеум Траяни". Не менее правдоподобное отождествление Траяновой "тропы" предложил в XIX в. М.А. Максимович, видевший в ней известную "Cale Trajan" (= "via Traiani")²². Действительно, "Траянова дорога" и "Траянов вал" до сих пор существуют в прибрежной части Констанцы²³.

Насколько рано возник интерес к Траяну на Руси, сказать трудно. В Повести временных лет это имя не фигурирует. Нет его и в Московском своде конца XV в. Включение в русские летописные своды переводного летописца патриарха Никифора привело к появлению на страницах русских летописей имен римских и византийских императоров, в том числе и Траяна. Так, он наряду с прочими римскими цесарями упоминается в предисловии к сокращенным летописным сводам 1493 и 1495 гг.²⁴ и к Никоновской летописи²⁵, причем с порочащей его в глазах православного читателя подробностью: "при сем Игнатие Богоносець мучен бысть" (цит. по Своду 1493 г.). Степенная книга 60-х годов XVI в. называет Траяна "нечестивым" (рассказ о взятии Херсонеса Владимиром I и перенесении в Киев мощей "священномученика Климента, папы Римского... ту бо в Херсони заточен бысть святыи Климент римским царем Трайном нечестивым")²⁶.

Более разносторонне характеризуется Траян в русском хронографе (редакции 1512 г. и позднейших), где сначала говорится о его достоинствах и победах, а затем упоминаются христианские подвижники, замученные в период его царствования. Траян описывается здесь как "мужь воиничен и победоносен, терпелив и храбр, в судех праведен и неуклонен, мерило правде"²⁷. Специально отмечаются его победы над "готфами" и парфянами. Под "готфами" подразумеваются геты и даки. В одном месте западнорусской редакции хронографа сказано: "... При цесаре Трайяне, егда даки или готи не были послушны римленом..."²⁸. "Геты" и "готы" в средневековой историографии часто отождествлялись. Появление на территории Дакии собственно готов (германского племени) произошло более чем через полтора века после Траяна. Их присутствие на этой земле относят к 275—385 гг.²⁹ Фразу хронографа о том, что "сей готфьския смири непреклонныа выя",

²⁰ См.: *Bobu-Florescu F. Monumentul de la Adamklissi tropaeum Traiani*. [București], 1959; *Vulpe R. Monuments of the Genesis of the Romanian People: Trajan's Column and the Tropaeum at Adamclisi // Romanian Review*. Bucharest, 1980. Year 34 th. [N] 7—8. P. 55—67.

²¹ Румынско-русский словарь / Под редакцией Б.А. Андрианова и Д.Е. Михальчи. Изд. 2. М., 1954. С. 865.

²² Подробнее о концепции М.А. Максимовича см.: *Соколова Л.В. Указ. соч.* С. 329.

²³ См.: [*Albescu E., Barbadoro I. et autres*]. *La Roumanie / Per soin de A. Alberti*. Milano, 1979. P. 27.

²⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 27. С. 168, 304.

²⁵ ПСРЛ. СПб., 1862 (репринт — М., 1965). Т. 9. С. XVIII.

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Первая половина. С. 103.

²⁷ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. С. 254; ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 2. Хронограф западнорусской редакции. С. 70.

²⁸ ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 2. С. 234.

²⁹ См., например: *Diaconu G. On the Socio-Economic Relations between Natives and Goths in Dacia // Relations between the Autochthonous Populations on the Territory of Romania*. București, 1975 (= *Bibliotheca Historica Romaniae. Monographs. XVI*). P. 67.

надо понимать как прямое указание на победу Траяна в Дакии в 106 г., следствием которой и явилось сооружение *Troaeum Traiani*. С пониманием гето-даков как "готов" связано упоминание в "Слове" "готских красных дев", сидящих на берегу синего моря и прославляющих "время Бусово", т.е. как раз IV в., время пребывания готов в Дакии³⁰. Положительный интерес к Траяну в русской литературе мог порождаться, помимо хронографических статей, также непосредственным знакомством русских с римскими древностями в Добрудже, среди которых наиболее замечательными были частично разрушенные *Troaeum Traiani*, Траянов вал и Траянова дорога³¹.

³⁰ Антского царя IV в. Боза упоминает готский историк VI в. Иордан — см.: *Fontes Historiae Daco-Romanae*. București, 1970. Vol. 2. P. 429; *Diaconi G.* Op. cit. P. 69. О различных толкованиях "времени Бусова" см.: *Карсанов А.Н.* К вопросу о "времени Бусовом" в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Комплексные исследования. М., 1988. С. 222—227.

³¹ Продолжение статьи см.: АЕ за 1992 год.

И.Д. Соловьева

ВКЛАДНЫЕ НАДПИСИ НА ИКОНАХ АЛЕКСАНДРО-СВИРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Троицкий Александро-Свирский монастырь, возникший в 80-е годы XV в. в Олонцеком крае, в течение XVI—XVII столетий превратился в один из крупных и богатых северных монастырей, сосредоточив в себе многие произведения искусства. Расположенный на землях Великого Новгорода и тесно связанный с ним, этот монастырь пользовался известностью при великокняжеском дворе, получая многочисленные вклады и привилегии от царей и московской знати. Кроме того, художественные работы для него в XVII в. выполняли окрестные иконописцы, мастера Тихвинского посада и Олонца.

Иконы из Александро-Свирского монастыря составляют одну из значительных коллекций Русского музея, которая включает несколько произведений с надписями, указывающими вкладчиков икон. Но и эти случайно сохранившиеся вкладные с привлечением сведений приходных монастырских книг XVII в. позволяют увидеть, что если в XVI — начале XVII в. большая часть вложений делалась знатными вкладчиками, то в последующие десятилетия — рядовыми вкладчиками окрестных областей.

Сведения о вкладчиках содержатся также в свирских синодиках XVI—XVIII вв. и описи монастырского имущества 1856 г., воспроизводящей вкладные надписи¹. К сожалению, сами вкладные книги XVI — начала XVII в. погибли при разорении монастыря поляками в 1612—1613 гг. Позднее уцелевшие их фрагменты 1572—1624 гг. были объединены в одну книгу. Вместе с тем следует отметить, что многие предметы, имеющие вкладные надписи с датами, в приходные книги не включены. Возможно также, что иконы не все были вложены непосредственно в Александро-Свирский монастырь, а поступали в него после 1764 г., когда сюда свозилось имущество всех приписных монастырьков и пустынь².

Древнейшими памятниками рассматриваемой коллекции, сохранившими свои вкладные надписи, являются иконы, присланные царем Иваном IV. На тыльной стороне иконы "Богоматерь Умиление Ярославская" (ГРМ, ДРЖ 256), на рубашке из зеленого шелка, помещена надпись в три строки: "Лета 7092 (1583/1584) сий образ прислал государь царь и великий князь Иван Василиевич всяя Руси по царевиче Иване Ивановиче в Олександрову пустыню Сверскаго чудотворца". Очень близкая по содержанию надпись находится на рубашке такого же зеленого шелка иконы "Спас Вседержитель" (ГРМ, ДРЖ 213): "Лета 7092 (1583/1584) сий образ прислал государь царь и великий князь Иван Василиевич всяя Руси по своем сыне царевиче Иване в Олександрову пустыню Сверскаго чудотворца". На тыльной стороне самой иконы, под верхней шпонкой, эта надпись воспроизведена вторично, она значительно потерта, сохранилась фрагментарно и читается в лучах видимой люминесценции. Кроме того, обе иконы имеют скорописные надписи одного содержания: "В Олександрову пустыню".

Царевич Иван Иванович скончался 19 ноября 1581 г. По его душе царем на

¹ АЛОИИ. Ф. 3. Коллекция Александро-Свирского монастыря; ОР БАН. Собрание рукописей Александро-Свирского монастыря; ЦГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 2831.

² ЦГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 2457.

протяжении нескольких лет были сделаны огромные вклады деньгами и вещами в разные монастыри³. Можно предположить, что скорописными надписями: "В Олександрову пустыню" — иконы были помечены дяками при комплектовании вклада в Москве (описи XIX в. упоминают икону "Явление Богоматери Сергию Радонежскому", также вложенную Иваном IV по царевичу Иване⁴). В целом содержание вклада в монастырь остается неизвестно из-за утраты документов этих лет. Приблизительное представление о нем позволяет составить запись 1583 г. во вкладной книге Антониева Сийского монастыря: "...и всего дано по царевичу Иване Ивановиче платья и денег на 600 и 3 рубли на 13 алтын 2 денги"⁵.

Описанные иконы упоминаются во всех монастырских описях XIX в., что отразилось в наличии на их тыльных сторонах нескольких инвентарных номеров. Но в Русский музей поступила еще одна икона с изображением Спаса Вседержителя (ГРМ, ДРЖ 1674), надпись которой относит ее к тому же вкладу Грозного. Две иконы одного сюжета с вкладными надписями 1584 г. в переписных книгах ни разу не встречаются. Технико-технологическое исследование памятника позволило выявить, что изображение Спаса лишено записей и датируется XIX в., но вместе с тем по своей иконографии и приемам моделировки форм ориентировано на XVI столетие. Тыльная сторона иконы закрыта зеленой крашеной, вырезанной по контуру иконной доски и наклеенной на нее. Чернильная надпись, нанесенная на эту паволоку, аналогична по содержанию и делению на строки надписи на иконе "Богоматерь Умиление". Настораживают хорошая сохранность и минимальная потертость. Предварительно можно предположить, что описываемая икона позднего происхождения и копийного характера. Выше этой надписи, вдоль верхнего края иконы, скорописью написано: "В Олександрову...", еще ниже: "... Федору из Ярославля архимандрита"⁶. Содержание последней надписи, поздняя датировка иконы, а также характер крепления рубашки приводят к мысли о первоначальной принадлежности этой рубашки иному памятнику, иному вкладу.

На тыльной стороне миниатюрной иконы "Богоматерь Тихвинская" (ГРМ, ДРЖ 2498), затянутой красным рытым бархатом, находится надпись о ее вкладе в монастырь Борисом Годуновым: "Сий образ Пречистой // Богородицы данье Бориса Федоровича Годунова велель поминати Василия Умнаго". Василий Иванович Умной, преемник Малюты Скуратова, принадлежал к старому боярскому роду Колычевых. Он и его брат Федор Иванович Умной-Колычев были связаны с опричниной и являлись особенно приближенными людьми царя Ивана Васильевича. После роспуска опричнины в 1572 г. В.И. Умной вместе с окольным князем Борисом Давидовичем Тулуповым возглавил так называемую "Дворовую" думу, а уже в 1575 г. оба были казнены. Братья Колычевы и Борис Тулупов имели местническую распрю с Дмитрием Ивановичем Годуновым, его родственником Богданом Юрьевичем Сабуровым и проиграли ее. Тулуповская вотчина отошла к Борису Годунову, который сразу после смерти Ивана Грозного передал ее в Иосифо-Волоколамский монастырь в качестве вклада за погубленных бояр Колычевых, Б. Тулупова и его мать⁷. Вероятно, в то же время поминальные вклады были сделаны им и в другие монастыри. Согласно воле вкладчика, имя Василия Умнаго — одно, без перечисления его рода, — было внесено в синодики

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 339.

⁴ АЛОИИ. Ф. 3. Оп. 3. № 636. Л. 14 об.: Ф. 3. Оп. 3. № 638. Л. 18—19.

⁵ Изюмов А.Ф. Вкладная книга Антониева Сийского монастыря // ЧОИДР. М., 1917. Кн. 2(261). С. 1—2.

⁶ В ярославских монастырях архимандрита Федора обнаружить не удалось. По-видимому, он был родом из Ярославля и настоятельствовал в другой епархии. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 329—378.

⁷ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980. С. 195, 196, 210—211; Он же. Борис Годунов. М., 1983. С. 12.

Свирского монастыря⁸. Может быть, вклады Годунова последовали как продолжение вкладов Грозного по душам опальных, рассылавшихся в монастыри, в том числе и Александро-Свирский, начиная с весны 1583 г.⁹ Таким образом, время вклада иконы "Богоматерь Тихвинская" в Свирский монастырь можно ограничить мартом 1584 г. (смерть Ивана Грозного) и февралем 1598 г. (вступление на престол Бориса Годунова, поскольку во вкладной надписи на иконе царем он не именуется).

В Александро-Свирский монастырь Борис Годунов сделал вклад не случайно. Обитель на протяжении 70—90-х годов XVI в. пользовалась вниманием Годуновых, которые не только присылали сюда значительные вклады, но и приезжали на богомолье. Среди них была и жена Годунова Мария Григорьевна, побывавшая здесь в 1578 г.¹⁰ Самим Борисом Годуновым в 1582 г. были вложены покров с изображением Александра Свирского¹¹, большой колокол, висевший на колокольне Троицкого монастыря¹², воск и денежные пожертвования. Наконец, к 1602 г. относится следующее известие: "Да как игумен Дионисей з братиею в Великий пост посылал священноинока к Москве к государю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси самодержец, пожаловал хлебы чудотворца Александра и репу печеную. Принял честно и священника Мисаила царь государь жаловал поил и кормил и подачу подавал. Да царь государь и великий князь Борис Федорович всея Руси самодержец, пожаловал, послал к Живоначальной Троицы и к чудотворцу Александру на молебен и на стол братии 60 рублей денег да на свечю пуд воску"¹³.

Иконы с изображением Спаса (ГРМ, ДРЖ 2528) и Иоанна Предтечи (ГРМ, ДРЖ 2527), входившие в состав оплечного деисуса, в надписях на тыльных сторонах указывают имя своего вкладчика. Под верхней шпонкой иконы "Спас Вседержитель" помещена чернильная надпись уставом: "...мена Дионисия". Она повторена красной краской на второй иконе, однако здесь она имеет позднее происхождение и копирует предыдущую. О Дионисии сохранились следующие сведения. В 1580 г. "ездил с водами святыми к государю в Слободу священник Дионисий и государь пожаловал милостыни пятьдесят два рубли"¹⁴. Вскоре после поездки в царскую Александрову слободу в 1583 г. он стал игуменом Троицкого монастыря: "Дал игумен Дионисей три рубли да мерин два рубли, а впреж у него дано при игумени Веньямине десять рублей да при игумени Иасафе шесть рублей"¹⁵. В 1601 г. "дал игумен Дионисей по священноиноке Афонасие в казну чудотворцу на оклад семь рублей да триодь печатную да служебник"¹⁶. Последнее упоминание о Дионисии в сохранившихся документах относится к апрелю 1602 г. и связано с посылкой инока к Борису Годунову. П. Строев указывает 1607 г. как последний год игуменства Дионисия¹⁷.

На тыльной стороне иконы "Явление Троицы Александру Свирскому" (ГРМ, ДРЖ 1703) под верхней шпонкой находится процарапанная в одну строку надпись: "Лета 7163 (1654/1655) молится сему образу чернецъ Симон". В 1660 г. Симон,

⁸ АЛОИИ. Ф. 115, № 3. Л. 46—46 об.; ОР БАН, Ал.-Св. 58. Л. 55; Ал.-Св. 59. Л. 42 об.

⁹ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 340.

¹⁰ АЛОИИ. Ф. 3. Оп. 2. № 1. Л. 5.

¹¹ Антонова В.И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., Б.г. С. 62, № 42.

¹² АЛОИИ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 10, № 44. Л. 33.

¹³ Там же. Оп. 2. № 1. Л. 65 об.—66.

¹⁴ Там же. Л. 8 об.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 64 об.

¹⁷ Строев П. Указ. соч. Стб. 992.

бывший казначей Свирского монастыря, стал его игуменом. В переписной книге того года, составленной при приеме им монастырского имущества, икона впервые упомянута среди икон местного ряда церкви Покрова, стоящей с южной стороны около храмового образа; здесь же помещалась еще одна икона вклада Симона — "Явление Богоматери Александру Свирскому", парная с предыдущей¹⁸. Симон был игуменом до 1664 г., а затем переведен в Вологду¹⁹.

В своей духовной грамоте бывший игумен отказал свирскому монастырю три книги²⁰. Умер Симон в апреле 1685 г. и был погребен в Спасо-Прилуцком монастыре²¹.

Совпадение номеров на тыльных сторонах икон, входивших в состав миниатюрного семифигурного деисусного чина, и акта поступления в Русский музей памятников из Александро-Свирского монастыря позволило определить место их происхождения. Центр составляет икона с изображением Спаса Нерукотворного, которую окаймляют изображения Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла (ГРМ, ДРЖ 295, 2234—2239). В переписной книге 1715 г., в которой чинок упоминается впервые, он значится в алтаре Никольской церкви: "Деисус в середине образ Нерукотворный венец резной с четырьмя камешки оклад на полях гладкой серебряные и золочен, по сторонам того образа восемь лиц с венцы резными серебряными золочеными"²². Следовательно, первоначально чинок включал еще две несохранившиеся иконы. На зеленом шелке, закрывающем тыльную сторону центральной иконы чина, находится вкладная надпись в две строки: "Сие моление Иоанна Иоаннова сына ерославца дано в домъ чудотворъцу, а писан на древе чинаре". Первое упоминание о вкладе в Свирский монастырь, сделанном Иваном Ивановичем Долговым, жителем Никольского погоста в Ярославичах на реке Ояти, относится к маю 1670 г.; в 1676 г. по его душе был сделан уже поминальный вклад²³.

На тыльной стороне иконы "Отечество" (ГРМ, ДРЖ 2536), на холсте под верхней шпонкой помещена чернильная надпись в две строки: "Молятся сему образу старица Ефросиния Арцыбашева". Имя инокини Ефросинии занимает предпоследнее место в записи рода Филипа Петровича Арцыбашева в монастырском синодике и относится, по-видимому, к 80-м годам XVII в.²⁴ Ф.П. Арцыбашев в десятилетие XVII в. принимал участие в составлении переписных книг после шведского разорения²⁵; в 1635—1644 гг. он известен как новгородский помещик и дьяк²⁶.

Икона "Богоматерь Тихвинская" (ГРМ, ДРЖ 2543) была вложена в Александро-Свирский монастырь в 1704 г. На ее тыльной стороне находится чернильная надпись поздним уставом с элементами вязи: "Сей святой образ моление подъяческой Федоровъи жены Дьяконова Феодосии ... дщери, поставлен в Александрове монастыре въ 1704 году". Федор Иванович Дьяконов был олонецким подьячим, что следует из записи в свирском синодике конца XVII в.²⁷ В синодике

¹⁸ АЛОИИ. Ф. 3. Оп. 2. № 37. Л. 40 об.—41. Вторая икона не сохранилась.

¹⁹ Строев П. Указ. соч. Стб. 991.

²⁰ Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси. СПб., 1884. Т. III. С. 182.

²¹ Строев П. Указ. соч. Стб. 731.

²² АЛОИИ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 10, № 44. Л. 41. В предыдущей описи 1674 г. чин не упоминается; 1674—1715 годы могут служить границами его создания.

²³ Там же. Оп. 2. № 91. Л. 15; № 125. Л. 22 об.

²⁴ ОР БАН. Ал.-Св. 58. Л. 40 об.

²⁵ Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3, ч. 1. С. 169.

²⁶ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 34. Членами этой семьи неоднократно делались вклады в Свирский монастырь.

²⁷ ОР БАН. Ал.-Св. 58. Л. 136 об.

начала XVIII в. в конце записи рода Дьяконовых появляется имя его жены Феодосии²⁸. Дьяконов и сам делал вклады в монастырь²⁹.

Монументальные царские врата представляют большой интерес, так как являются подписным и датированным памятником начала XVIII в. (ГРМ, ДРЖ 2414). На нижнем поле створок нанесена надпись в две строки: "Лета мироздания 7229, а от воплощения божия слова 1721 году марта въ 30 день написаны сии царские двери по обещанию Габановы пустыни строителя иеросхимонаха Давида. Писалъ сии царские двери по повелению иеросхимонаха Давида попъ... Елизарьевъ"³⁰. Царские врата были созданы для церкви Петра и Павла Габановой пустыни. Эта пустынь была приписана к Александро-Свирскому монастырю, и в 1764 г. все наиболее ценное из ее утвари было туда перенесено. В 1770 г. пустынь сгорела³¹.

К сожалению, в надписи на вратах утрачен фрагмент красочного слоя и имя иконописца остается неизвестным. Вероятно, это Иван Елизарьев, житель Олонца, на рубеже XVII и XVIII вв. выполнявший заказы монастыря на написание икопядниц, которые продавались богомольцам. С братом Акимом, также на протяжении многих лет писавшим заказные иконы, им в 1717 г. были написаны иконы для только что построенной больничной церкви Иоанна Дамаскина Александро-Свирского монастыря³². Оба брата Елизарьевы принадлежали к духовенству — Иван был попом, его брат Аким — дьяконом; можно предположить, что иконописание являлось для них второстепенным занятием. Однако, судя по объему выполнявшихся ими иконописных работ, их имена присутствуют в расходных книгах с 1685 по 1717 г., это ремесло превратилось в их основное занятие.

Иконописные памятники с вкладными надписями Александро-Свирского монастыря во многом позволяют уточнить различные периоды его истории и разнообразные связи.

²⁸ Там же. 59. Л. 192 об.

²⁹ АЛОИИ. Ф. 3. Оп. 2. № 102. Л. 15 об.

³⁰ Надпись воспроизведена: *Каргер М.К.* Материалы для словаря русских иконописцев // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. 1. С. 118.

³¹ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. III. № 755.

³² АЛОИИ. Ф. 3. Оп. 2. № 280. Л. 33 об. — 34.

Б.В. Сапунов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В МОСКВЕ В XVII в.

Утверждение в России культуры нового времени было бы невозможно без интеграции Московии в общеевропейский культурный процесс. В связи с этим возникает вопрос о том, что же знали в Московской Руси XVII столетия о культуре, военном деле, технике, науке и искусстве, экономике и политике стран Западной Европы? Этой теме посвящены исследования М.П. Алексеева, М.Н. Алпатов, Н.А. Казаковой и ряда других историков¹. Публиковались источники, которые проливали свет на многие возникшие и возникающие проблемы. Так, например, интересные сведения содержатся в "Статейных списках" XVI—XVII вв.² Однако официальные отчеты русских послов об их деятельности за время дипломатических миссий за рубеж носили спорадический характер и в основном ограничивались описанием итогов выполнения ими своих служебных заданий.

Казусное мышление историков тех лет приводило к тому, что почти все работы, посвященные данной теме, строились на анализе отдельных разрозненных фактов проникновения на Русь информации о жизни стран Европы. Тогда исследователи не задумывались над тем, что в многоструйном потоке бытия всех времен и народов всегда можно при желании найти такие примеры, которые подтвердят любую предложенную концепцию. В многообразии реальности столь же легко обнаружить и такие явления, которые будут опровергать высказанные ранее гипотезы.

Современная теория информации рассматривает проблему связей с других позиций. Она уделяет большое внимание устойчивости информационных каналов, их пропускной способности, скорости передачи информации. С другой стороны, математическая статистика обладает возможностью при обработке репрезентативной выборки делать выводы, отражавшие закономерности, характерные для генеральной совокупности. Кроме того, она предсказывает степень погрешности предложенных выводов.

Совершенно очевидно, что, только обладая достаточно большим объемом информации, можно успешно моделировать основные параметры культурных контактов изучаемой эпохи.

В данном сообщении не рассматривается огромный пласт информации, который заключался в западноевропейских книгах, осевших в русских библиотеках XVII в.³ Остановимся на другой группе источников о жизни Европы. Сведения этой группы по своей сущности более оперативны и, следовательно, в свое время были более злободневны.

¹ Алексеев М.П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1947. Вып. 15. С. 43—109; Алпатов М.В. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. М., 1966. С. 89—129; Он же. Русская историческая мысль и Западная Европа XVI—XVII вв. М., 1973; Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV—XVII вв. Л., 1980.

² Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954.

³ Сапунов Б.В. Из истории международных книжных связей Московской Руси XVI—XVII вв. // Книга. М., 1971. Т. XXII. С. 105—125.

Система коммуникаций, сложившихся в России в XVII в., состояла из ряда независимых, но действующих в одном направлении структур. Это поступавшие из-за рубежа газеты и журналы, донесения корреспондентов, налаженный в Москве выпуск "Вестей-Курантов", и деятельность Ямского и Почтового приказов, которые обеспечивали поступление почты из-за рубежа и доставку ее адресатам внутри страны.

Начиная с 30-х годов XVII в. Посольский приказ наладил регулярную доставку в Москву различных европейских газет и журналов. В 1821 г. в Архиве МИД хранилось большое количество комплектов таких изданий⁴ (см. Список газет и журналов. № 1—39).

По утверждению сотрудника Архива МИД А. Булгакова, опубликовавшего эти сведения, в его список попали далеко не все европейские газеты и журналы, выписываемые в Москве в XVII в. Поступления резко увеличились во второй половине столетия. Если за первые 32 года (с 1631 по 1663 г.) сохранилось только 9 комплектов газет и журналов, то за последующие 33 года (с 1665 по 1698 г.) уцелело не менее 30. По всей видимости, считает А. Булгаков, их получали значительно больше. Газеты и журналы поступали в основном из городов Германии — Альтоны (с 1937 г. включена в состав Гамбурга), Бреславля, Вены, Гамбурга, Кёнигсберга, Штетина, Франкфурта-на-Майне (место издания некоторых газет установить не удалось). Кроме изданий на немецком языке, поступали газеты и журналы из Амстердама (три издания), Англии, Гаарлема, Гааги, Кракова, Лейдена, Милана, Парижа (два издания), Роттердама, Риги, Утрехта — на английском, голландском, итальянском, польском и французском языках. Очевидно полное преобладание немецкого языка. Из 39 учтенных изданий на немецком — 23, или 59%. На долю остальных пяти европейских языков приходится только 41%.

В основном немецкие газеты выходили два раза в неделю, некоторые даже один раз. Так, "Кёнигсбергская постцейтунг" (1665) выходила по воскресеньям и четвергам, "Европейская ординарная" (1665) — по пятницам, "Экстраординарная" — по средам. Кроме того, имели место более или менее регулярные поступления через Посольский приказ. Были также целевые закупки больших партий для нужд Печатного двора, Аптекарского или других приказов, для самого государя.

Помимо получения европейских газет и журналов, русское посольство в XVII в. организовало свою корреспондентскую службу в Европе, которая поставляла в Москву обширную информацию о различных сторонах жизни в мире⁵. Вся полученная информация переводилась либо в порубежных городах (Пскове или Новгороде), либо в Москве. В столице все известия сводились в один блок и переписывались набело. Составленный чистовой свиток под названием "Вести-Куранты" поступал к государю и лицам из его ближайшего окружения. Самый ранний сохранившийся список "Курантов" датируется 1621 г.⁶

Существуют две противоположные точки зрения по вопросу о том, можно ли считать "Куранты" первой русской газетой. М.С. Черепанов утверждает, что рукописные, нетиражированные, с запоздалой информацией "Куранты" никак нельзя считать газетой. С другой стороны, А.Л. Сахаров и ряд других исследова-

⁴ Булгаков А. Ответ на библиографический вопрос // Моск. телеграф. М., 1827. Ч. 16, № 13. Отд. V. С. 5—33. Подробная аннотация немецких газет, хранящихся в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, составлена А.Л. Гольдбергом (Первые немецкие газеты, хранящиеся в ГПБ // ТГПБ. 1961. Т. IX (12)).

⁵ Хрущев И.П. Очерк ямских и почтовых учреждений от древнейших времен до царствования Екатерины II. СПб., 1884.

⁶ Вести-Куранты. М., 1972.

телей рассматривали "Вести-Куранты" как начало газетного дела в России⁷. Рукописной газетой назвали "Куранты" авторы публикации 1972 г.

Если по форме "Куранты" обладали некоторыми чертами, характерными для периодики, то по сущности они были служебными записками Посольского приказа государю и правительству.

Объем информации, заключенной в беловых списках "Вестей-Курантов", чрезвычайно обширен. Изучение многих экземпляров "Курантов" сороковых годов в оригиналах собрания ЦГАДА, в копиях из собрания ЛОИИ⁸, по изданиям позволило сделать интересные выводы, отраженные в следующей таблице:

№ п/п	Тематика информации	Удельный вес, %
1	Военная хроника	32
2	Политика внутренняя и внешняя	25
3	Экономика, торговля, промышленность	13
4	Личная переписка	10
5	Придворная хроника	9
6	Культура, техника, наука, искусство	6
7	Хроника, разные сообщения	3
8	Религиозные вопросы	2
	Итого	100

Повышенный интерес к военной тематике (около трети всей информации) легко объясняется обостренным вниманием московского правительства к событиям Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.), охватившей многие страны Европы. Тексты "Курантов" 1620, 1630 и 1640-х годов пронизаны четкими антивоенными настроениями, сочувствием к народам Европейского континента, пострадавшим от боевых действий. Часто в текстах можно встретить такие выражения: "Доброе дело — мир!", "Господь Бог, не дай нам войны, сохрани нас в покое и тишине", "Они (короли. — Б.С.) ся тешат, а мы, бедные подданные, гинем".

Большой интерес представляют известия историко-культурного плана. Если взять данные за 1620—1650-е годы, то они составляют около 1/10 всей информации. Относительно высокий удельный вес историко-культурных сообщений, бесспорно, показывает растущий в Москве интерес к культуре Европы.

Совершенно поражает объем географической информации. В списках "Курантов" только за 1620-е и 1630-е годы можно насчитать более 1000 названий государств, городов, населенных пунктов, рек, гор, морей, озер. Кроме европейской топонимики, приведены названия географических объектов, расположенных в Азии, Африке, Америке, Вост- и Юг-Индии. Из рек Европы многократно упоминаются Везер, Висла, Дунай, Гафель, Маас, Майн, Мозель, Одер, Рейн, Шпрее, Эльба и др. В Центральной Европе отмечены многочисленные мелкие населенные пункты, особенно в долине Дуная. Характерно, что все географические названия приведены без каких-либо комментариев, видимо, в расчете на то, что читатели "Курантов" знали, о чем идет речь. В связи с этим можно только удивляться осведомленности московской администрации в вопросах географии Центральной Европы.

Тщательно фиксировались всевозможные небесные явления: появление комет,

⁷ Черепанов М.С. Возникновение периодической печати в России. М., 1955; Сахаров А.Л. О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. М., 1964. № 148.

⁸ ЦГАДА. Ф. 155. Д. 6; АЛОИИ. Ф. 276. Оп. 1.

падение метеоритов, ночные радуги, ложные солнца, гало. Отмечены обвалы в горах, "трясение земли", часто даже в тех местах, где ныне сейсмическая активность не наблюдается. Сообщалось об экстраординарных явлениях природы: бурях, снегопадах, ветрах, грозах, наводнениях, резких перепадах температуры.

Часто встречаются сообщения о "морových поветриях" — эпидемиях чумы, этого страшного бича Средневековья.

В Москве проявляли повышенный интерес к быту социальных верхов европейских стран и коронованных особ. Одежда и украшения, роскошные парадные кареты, дорогое оружие, забавы знати (пиры, маскарады с музыкой и танцами) — все эти сюжеты получили отражение в текстах "Курантов".

Изредка попадаются сообщения об экономической конъюнктуре в странах Западной Европы — о приходе в гавани Голландии кораблей с колониальными товарами из Америки, о колебаниях цен на рынках. Попадают сообщения о технических новинках за рубежом — об укреплении городов, строительстве мостов и иных гидротехнических сооружениях. Весьма редко, но все же встречаются библиографические известия о выходе на Западе книг, представлявших, видимо, определенный интерес для Москвы.

Как ни странно, но конфессиональные проблемы, волновавшие тогда Западную Европу, не получили в "Курантах" адекватного выражения. По-видимому, это можно объяснить тем, что подобными сюжетами занимались деятели церкви и литература по религиозным вопросам оседала в библиотеках Славяно-греко-латинской академии, Печатного двора, резиденциях патриархов, митрополитов, в собраниях крупных монастырей.

Третьим составляющим системы коммуникаций была Ямская гоньба⁹. В данном очерке нет возможности рассмотреть организацию этого ведомства. Возникнув в 1516 г., Ямской приказ с 1604 г. упоминается как самостоятельное учреждение. В 1618—1619 и 1625—1628 гг. его возглавлял герой 1612 г. князь Д.М. Пожарский. Указом от 4 декабря 1675 г. служба информации была передана под начало крупнейшему государственному деятелю конца XVII — начала XVIII в. А.А. Вinius (1641—1717)¹⁰. Получив должность первого почтмейстера, он занимал ее с перерывами более четверти века (с 1675 по 1701 г.). Учитывая, что несколько раньше, в 1672 г., Почтовая служба и Ямской приказ слились в единую структуру, А.А. Вinius сосредоточил в своих руках всю систему коммуникаций и информации страны. Благодаря его активной деятельности сложная система коммуникаций и информации достигла значительных успехов. Изучение дат в "Курантах" позволило установить, что в 1620—1640-е годы от того момента, когда какое-то событие произошло в странах Западной Европы, до того дня, когда сведение о нем достигало государя, проходило около 100 дней. В 1650-е годы разрыв сократился до 80 дней, а в 1660-е — до 65. Стараниями А.А. Вinius почта из Германии в Москву доходила за 45—50 дней. По-видимому, это был предел, обусловленный организационными и техническими возможностями XVII в.

В те годы значительно ускорились темпы доставки почтовых отправок внутри страны. Из Москвы в Новгород почта доходила за шесть-семь дней, а из Пскова до Москвы — за семь—девять. А ямщикам велено было гнать летом со средней скоростью 7 верст в час (верста = 1100 м), а зимой — 6 верст в час. И гнать днем и ночью. А. Вinius требовал, чтобы почта из Москвы в Новгород поступала на пятые сутки, в Псков — на шестые. От Москвы до Вологды

⁹ Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900; Виташевская М.Н. Старинная русская почта. М., 1962. Много сведений по истории ямской гоньбы опубликовано в СГД (Т. II. Отд. 2), ПСЗ (Т. I. С. 518), РИБ (Т. IX. С. 5469), АИ (Т. III. С. 167).

¹⁰ Козаковский И.П. Андрей Вinius, сотрудник Петра Великого. СПб., 1911.

**Список газет и журналов,
хранившихся в Посольском приказе**

1.	1631	Ordentliche Post-Zeitung
2.	1631	Particular Post Hamburger und Reichs-Zeitung
3.	1646	Neue wochentliche Zeitung aus Breslav und sonst anderen Orten des Romuscher Reichs
4.	1646	Europische Saterdays Courant
5.	1646	Courante ugt Stabien ende Dytschsandt (Амстердам)
6.	1646	Tudinge uyt verscheyden Quartieren (Амстердам)
7.	1659	Maendaeghsche Post-Tidingen (Гаага)
8.	1660	Oprechte Haerlemse Courant (Гаарлем)
9.	1663	Königsber: Sonntags und Donnerstags Post-Zeitung (Кёнигсберг)
10.	1665	Europaeische ordinari Freytags-Zeitung
11.	1665	Extraordinari Mittwochs Post-Zeitung
12.	1665	Neue Post-Zeitung (Donnerstag und Sonnabends)
13.	1665	Neue einlaufende Nachricht von Kriegs und Welt-Handel
14.	1666	Europaeische Samstagl. Zeitung (Штеттин)
15.	1666	Nordischer Mercurius
16.	1668	Mercurius (Sonntagischer und Mittwochischer)
17.	1669	Eiukommende Ordinari und Postzeitungen
18.	1675	Ordinari Freitags-Zeitung
19.	1676	Europaische Relation
20.	1676	Journal du siege de Mastrie e actement escrit pat un officier de la garnison (Париж)
21.	1676	Nouvelles orcinaires Gazette (Париж)
22.	1677	Montags und Donnertages ordinaire Postzeitung
23.	1681	Rigische Nouvelleu (Рига)
24.	1686	Z Krakowa Widomосу (Краков)
25.	1688	Montagischer und Donnerstagischer Extraordinair Relatiens-Courier
26.	1689	Die Nordischen extraordinaires Relation
27.	1689	Utrechtse Vrydaegse Courant (Утрехт)
28.	1690	Relation aus dem Parnasso oder der neue Observator
29.	1692	Die altonaische Relation (Альтона)
30.	1692	Altonaischer Mercurius und desselben Relation aus dem Parnasso
31.	1693	Nouvelles (Поттердам)
32.	1694	Ordinari Reichs-Zeitung
33.	1694	Neu ankommender Currier aus Wien, Hungare, Polen und Reich
34.	1694	Il corriere Ordinario (Милан)
35.	1696	Extrer-Ordinari Mittwochs-Post-Zeitung
36.	1696	Relations Courier Dienstags und Freitag (Гамбург)
37.	1697	Opregte Leydse Vrydagse Courant (Лейден)
38.	1698	Europaeische Zeitung (Франкфурт-на-Майне)
39.	1698	Nouvelles Extraordinaires d'Amsterdam (Амстердам)

полагалось по штатному расписанию 97 ч гоньбы. Связь Москвы с Новгородом осуществлялась за 52 ч при средней скорости не менее 10 км/ч. Из Москвы в Архангельск (расстояние около 1100 км) почта приходила через восемь-девять дней летом и зимой, а весной и осенью — за десять-одиннадцать. Таким образом, среднесуточный прогон достигал 110—120 км. П. Гордон отмечал, что письма из Данцига в Москву и обратно шли около трех недель, из Сибири в Голландию — неполных два месяца¹¹. Такие темпы вполне соответствовали европейским стандартам тех лет. Так, почта из Рима в Венецию (около 500 км) в первой половине XVII в. поступала через шесть дней¹².

¹¹ Брюкнер А. Патрик Гордон и его время. СПб., 1878.

¹² Делюмо Ж. Развитие организованного сознания и исторической мысли в западноевропейском мышлении эпохи Возрождения // XIII Междунар. конгр. ист. наук. М., 1970. С. 7 (отд. отт.).

В заключение можно сказать следующее. Во-первых, связи России с Западом в допетровское время были более масштабными, чем представляется многим историкам, мыслящим категориями культа Петра I. Московский двор и высший эшелон власти были хорошо и своевременно информированы о политической, военной, культурной и экономической обстановке в Европе. И во-вторых, основными центрами информации для стран Северной Европы были города северо-западной Германии. Именно оттуда поступала в Россию основная масса сведений о многих аспектах жизни Европы и даже других континентов.

СМОТРЕННЫЙ СПИСОК ТРОИЦКОГО ПОХОДА 1689 г.

В ночь на 8 августа 1689 г. семнадцатилетний Петр покинул село Преображенское и в сопровождении матери, жены и нескольких приближенных направился в Троице-Сергиев монастырь. Последовавшие за этим события показали, что на этот раз речь шла не об очередном "походе" на богомолье по подмосковным монастырям, а о разрыве Петра и стоявших за его спиной Нарышкиных с регентшей царевной Софьей Алексеевной и боярином князем В.В. Голицыным, являвшимся фактическим правителем страны. В результате дворцового переворота регентство было отменено, царевна удалилась из кремлевских покоев в Новодевичий монастырь, а "канцлер предпетровской поры" был сослан. Легкая победа Нарышкиных во многом была обусловлена серьезными военными приготовлениями, шедшими в Троице. Сюда были стянуты стрелецкие, солдатские и иноземные полки, собрано дворянское ополчение. Нарышкины заботились не только о военном перевесе, они постарались создать в Троице политический противовес столице, заполучить в свой лагерь патриарха, думных и приказных людей. Исход борьбы решило, конечно, не только арифметическое превосходство одной стороны над другой. Однако сам по себе этот бескровный переход власти из рук в руки, происходящий на фоне "переездов" служилых людей из Москвы в Троицу, очень интересен для изучения политической культуры допетровской России. Создавшееся положение образно передал в неоконченном романе из эпохи Петра I Л.Н. Толстой, сравнивший Москву и Троицу с двумя чашами весов. Согласно Толстому, на стороне Петра "не правда была, а судьба... Руку судьбы обозначают толпы не думающих по-своему. Они сыплются на одну сторону весов тысячами, тьмами, а что их посылает? — они не знают. Никто не знает. Но сила эта та, которой видоизменяются правительства"¹.

Попытка Толстого применить "народную модель" истории к событиям кануна петровских реформ приобретает новое звучание при сопоставлении с архивными документами. Речь идет прежде всего о Смотренном списке Троицкого похода 1689 г., содержащем поименный перечень служилых людей, приехавших по указу Петра в Троице-Сергиев монастырь. Смотренный список не опубликован и не привлекал внимания историков. Между тем полные данные о дате приезда каждого из служилых людей превращают его в своего рода хронику переворота 1689 г., складывающуюся из действий отдельных его участников.

Рукопись Смотренного списка хранится в ЦГАДА (ф. 210. Разрядный приказ), оп. 5 (Смотренные списки), № 70, далее — ссылка только на листы). В рукописи насчитывается 191 л. (не считая чистых), форматом в лист. Рукопись переплетена в мягкий кожаный переплет с завязками. На позднее происхождение переплета указывает бумага, которой он подклеен.

1. Герб Ярославля/Литеры ЯМСЯ (=Ярославская мануфактура Саввы Яковлева). 1760—1764 гг. (Участкина, № 26)². Эта филигрань выявлена на нумерованных л. I—IV, открывающих рукопись.

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. X. С. 399.

² Uchastkina Z.V. A history of Russian hand papermills and their watermarks (=Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia, IX). Hilversum, 1950.

2. Литеры РФ в гербовом щите /=литеры АГ/ (=Русская фабрика Алексея Угрюмова). Правая филигрань не просматривается, так как нумерованный лист подклеен к задней крышке переплета. Тем не менее левая сторона позволяет отождествить водяной знак с № 531 у Участкиной (1776 г.).

Подобный переплет с той же самой бумагой для подклейки находим в рукописи Смотренного списка Путивльского похода В.В. Голицына (1680 г.), также восходящей к Разрядному архиву (ГПБ ОР.ОСРК.F.IV 565.390 л.). В архиве рукопись не только переплели, но и перешили поперек. При этом тетради (по три-четыре сложенных вдвое листа каждая) в основном распались от трения о переплет. Немногие сохранившиеся тетради помогают установить парные изображения (л. 18—19, 33—34, 44—45, 80—81, 101—108, 111—116, 121—126, 160—161 и др.). В объеме всей рукописи эта задача достаточно сложна, так как всего в ней встречается 11 видов филиграней³.

1. Литера М/Голова шута с семью бубенцами. Аналогов этого знака в альбомах филиграней найти не удалось.

2. Герб Амстердама с монограммой GVN (= Gilis van Hoven)/Литеры I VILLEDARY. Близок знаку: Черчилль, № 26 (1691 г.)⁴. Ср. у Диановой и Костюхиной, № 167 (1692 г.), литеры I VILLEDARY⁵.

3. Крест с литерами HRMB в рамке / нет парного знака. Разновидность знака: Дианова, Костюхина № 689 (1691 г.).

4. Литеры IB / Герб Амстердама с литерами HG. Разновидность знака: Дианова, Костюхина № 167 (1692 г.)⁶.

5. Голова шута с семью бубенцами / Литеры IBF в рамке, перевернутые. Голова шута является вариантом знака: Дианова, Костюхина № 492 (1678—1680 гг.). Но опубликован знак без какого-либо буквенного сопровождения.

6. Нет изображения / Гербовый щит со скрещенными молотками и угольником и литерами МК. Вариант знака № 272 у Диановой и Костюхиной (1690 г.).

7. Литеры ORADOVR в рамке, вертикально ориентированной, читаются сверху вниз / Нет изображения. Подобный знак встречается обычно в паре со знаком "Почтальон". Отдельное употребление знака в альбомах не установлено.

8. Герб Амстердама с литерами IP внутри щита. Лист одиночный (л. 191), установить парное изображение или его отсутствие не представляется возможным. Знак можно было бы сопоставить по рисунку с № 194 у Диановой и Костюхиной (1687 г.), однако соответствующее литерное сопровождение удалось найти только у другого знака (Там же, № 192, 1685 г.).

9. Герб Амстердама с овальным гербовым щитом. Можно сопоставить со знаками № 129 и 133 у Диановой и Костюхиной (1678—1680, 1690 г.).

³ При описании каждого знака сначала указывается изображение в левой части листа, затем в правой. При характеристике степени сравнения выявленных знаков с опубликованными принята терминология А.А. Амосова. Тождественными знаками называются знаки, восходящие к одной форме, близкими — принадлежащие разным, но использовавшимся одновременно формам, а сходными — принадлежащие разным и разновременным формам. Соответственно мы говорим о варианте, разновидности и виде, которые представляют вводимые ниже в научный оборот знаки по отношению к уже опубликованным (Амосов А.А. Проблема точности филигранологических наблюдений. I. Терминология // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 80).

⁴ Churchill W.A. Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935.

⁵ Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1987. С. 66. 2-е изд. Далее ссылки на это издание в тексте. О многочисленных знаках этого вида, существовавшего и в 1-е десятилетие XVIII в., см.: Клепиков С.А. Герб города Амстердама // ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20, № 159. С. 339.

⁶ В монографическом исследовании данного знака сочетание его с подобными литерами не учтено (Клепиков С.А. Герб г. Амстердама).

10. Герб Амстердама / Литеры РНО в рамке (перевернуты). Хивуд, № 374 вариант⁷ (?).

11. Без изображения / Герб Амстердама с литерами JB под щитом. Разновидность знака № 199 у Костохиной и Диановой (1691 г.).

Расположение знаков в рукописи можно представить следующим образом:

Номер водяного знака	Листы рукописи
1	1—2, 56, 93—99?
2	3—4
3	7—14, 87—92, 101—109
4	14—40
5	42—86
6	110—118
7, 10	143—190
8	191
9	120—140
11	141—142?

По составу рукопись распадается на несколько отдельных документов.

1. Выписка о Троицком походе и наградах, назначенных служилым людям, бывшим в этом походе (л. 1—6 об.).

2. Список думных и ближних людей, бывших в походе, без указаний на дни приезда (л. 7—14).

3. Приезды стольников, стряпчих, дворян московских и других служилых людей в тот же поход, записанные в Мастерской палате с 8 августа по 2 сентября (л. 15—40).

4. Приезды тех же чинов по записи в Разряде с 3 сентября по 2 октября (л. 41—118).

5. Смотренный список служилых людей, приехавших с 8 августа по 2 октября, смотра боярина Тихона Никитича Стрешнева (л. 119—191)⁸.

Все эти документы представляют собой списки, перечни наград или служилых людей. В дальнейшем для краткости мы будем называть их просто списками ("1-й список" и т.д.), по порядку расположения в рукописи. Списки служилых людей не однородны по строению. Представлены два порядка записи служилых людей — по дням приезда и по чинам. В первом случае вместе записывались приехавшие в один день, затем на следующий день, а уже внутри поденной записи служилые люди распределялись по чиновному старшинству. Так составлен 3-й список. Во втором случае в основу положен чиновный принцип. Для каждого чина (стольников, стряпчих, дворян московских и т.д.) был заведен свой список, который день ото дня пополнялся новыми именами служилых людей. Таким образом составлены 4-й и 5-й списки.

Для исследования Смотренного списка особо важным представляется вопрос о том, какой из принципов исходный. Это связано с тем, что, объединенные вместе, 3-й и 4-й списки повторяют с небольшими отступлениями текст 5-го списка. Следовательно, приезды служилых людей за 8 августа — 2 сентября оказываются не только дважды повторенными (как и весь остальной текст), но и переписанными в двух видах записи: поденной (третий список) и чиновной (начало пятого списка). Как шла запись: одновременно в двух местах или все-таки в одном? Если верно последнее, то какой список (а значит, и какая система записи) первичен, а какой вторичен? Дать ответ на эти вопросы может лишь всестороннее изучение рукописи.

Проведенное исследование показало, что первоначальные записи за 8 август-

⁷ Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries (=Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia, I). Hilversum, 1950.

⁸ Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1894. Кн. 9. С. 95.

та — 2 сентября сохранились в составе 5-го списка (л. 121—140) и послужили источником для 3-го.

Во-первых, об этом свидетельствует помета на л. 119, предваряющая интересный нас текст ("Троецкие приезды черные 197-го и 198-го смотрю").

Во-вторых, об этом говорит и сопоставление заглавий 3-го и 5-го списков. В обоих списках заглавие помещено перед записями первых приездов (с 8 августа).

3-й список

"За в.г.ц. и в.к. Петром Алексеевичем в.В. и М. и Б.Р.с. в Троицком Сергиеве монастыре стольники и стряпчие летних и зимних походов и непоходные и иных чинов явились августа с 8-го числа 197-го году и имена их записаны в.г. в Мастерской полате..." (л. 15).

5-й список

"За в.г.ц. и в.к. Петром Алексеевичем в.В. и М. и Б.Р.с. в Троицком Сергиеве монастыре стольники и стряпчие летних и зимних походов и непоходные и иных чинов, которые явились августа с 8-го числа нынешнего 197-го году..." (л. 121).

Очевидно, что указание на "нынешний" 7197-й год в 5-м списке свидетельствует о том, что именно этот список отражает первоначальный текст "приездной книги", в которую с первых дней записывались служилые люди. Эту книгу завели в Троице с 8 августа "нынешнего" 7197 г. (1688/89 г.) и продолжали в следующем 7198 г. (т.е. с 1 сентября 1689 г.).

В-третьих, не менее интересна и ссылка на подлинные записи, которые велись в Мастерской палате, сделанная в заглавии 3-го списка. Она отсылает нас к тексту 5-го списка, по листам которого идет скрепа "диак Федор Тверитинов" (л. 121—139). (Федор Андреев Тверитинов с 29 июня 1689 г. был дьяком Мастерской палаты⁹.) Об этом же свидетельствует царский указ от 3 сентября, полностью приведенный в Смотренном списке сразу после третьего списка (л. 41—42). "И по тому в.г. указу из Мастерские полаты те приезды московских и иных всяких чинов людей каковы выше сего (выделено мной. — А.Л.) в Розряд взяты за приписью думного дьяка Гаврилы Деревнина" (л. 41 об.). Скрепа "думной диак Гаврила Деревнин" идет по листам 3-го списка (л. 15—40), который и представляет собой копию, сделанную для Разрядного приказа¹⁰.

Однако решающим аргументом может быть только сопоставление текстов. Оно свидетельствует о первичности текста 5-го списка. Так, в перечень стряпчих, приехавших 8 августа, предпоследним был ошибочно внесен московский дворянин Ф.П. Уваров. Рядом с его именем, заметив ошибку, пометили: "из дворян" (л. 123 об.). Для того чтобы впоследствии эта помета не была ошибочно отнесена к последнему в записи — стряпчему С.С. Племянникову, — против его имени сделали помету: "стряпчий". Составители учли обе эти пометы и перенесли Ф.П. Уварова в начало дворянского списка. При этом помета, сохранившая родительный падеж, стала заголовком рубрики "Из дворян" вместо "Дворяне" (л. 33).

"Маеор" П.П. Аничков в 5-м списке оказался записанным сразу после стольников и полковников (л. 124 об.). В третьем списке он оказался занесенным и среди стольников, и среди московских дворян. Очевидно, вызвало сомнение место этого "иноземного" чина в дворовой иерархии. В конечном счете сочли правильным первое решение, а в дворянском списке напротив него была сделана помета: "...в стольниках" (л. 17, 33).

В последнем случае мы видим пример "необратимого" чтения, когда нельзя

⁹ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 509.

¹⁰ Гаврила Федорович Деревнин — думный дьяк с 29 июня 1689 г. (Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 148—149).

предложить противоположную взаимозависимость текстов¹¹. Два упоминания о П.А. Аничкове не могут при переработке превратиться в одно, причем расположенное именно в таком неудачном месте, которое и вызвало замешательство у неудачливых копиистов. Об этом же свидетельствуют и другие поправки в 5-м списке, учтенные переписчиками 3-го.

Теперь можно восстановить историю составления Смотренного списка. Для этого, помимо проделанных наблюдений, целесообразно привлечь данные самого Смотренного списка о приездах в поход дьяков и подьячих. По мере того как в Троице собирались представители приказной бюрократии, делопроизводство переходило из рук в руки и усложнялось. Не менее интересна для избранной темы и переписка между приближенными Петра, находившимися в Троице (князь Б.А. Голицын, Г.И. Головкин, Т.Н. Стрешнев и др.), с думным дьяком В.Г. Семеновым, остававшимся в Москве и руководившим Разрядным приказом¹².

Первыми в Троице оказались подьячие Мастерской палаты Лукьян Волков, Роман и Петр Смирновы, приехавшие 8 августа (л. 35 об., 125). Им была поручена запись приездов, которая и велась в Мастерской палате с 8 августа по 2 сентября. В результате сформировалась самая ранняя часть Смотренного списка — начало 5-го списка служилых людей (л. 121—140)¹³. Скрепивший ее листы дьяк Мастерской палаты Федор Тверитинов прибыл в Троицу 10 августа (л. 35) и, очевидно, возглавил на этом этапе всю работу над записью служилых людей.

Однако в конце августа возросший объем работ вынудил нарышкинское правительство обратиться за помощью к сочувствовавшему ему руководству Разрядного приказа. В письме боярина Т.Н. Стрешнева думному дьяку В.Г. Семенову, полученном в Москве 31 августа, было сообщено, что Петр указал "прислать к себе в.г. в объезд Живоначальные Троицы в Сергиев монастырь разрядного дьяка да с ним пять человек подьячих"¹⁴. Во исполнение государева указа в Троицу 2 сентября присланы были Дьяк Перфилий Оловянников и четыре разрядных подьячих: Пересвет Жохов, Григорий Осетров, Василий Иванов и Тимофей Горский (л. 35 об., 40, 140). На следующий день они включились в работу, о чем свидетельствует упоминавшийся выше указ от 3 сентября.

Согласно указу, "в нынешнем во 198-м году сентября в 3-м числе в.г.ц. и в.к.в.В. и М. и Б.Р.с. указал стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и городовых, которые приезжают к нему в.г. в поход в Троицкой Сергиев монастырь и впредь учнут приезжать, записывать в приезды в Розряде. А у той записки приездов быть розрядному дьяку Перфилию Оловянникову. А которые тех ж чинов люди записаны в приезды до сего сентября 3-го числа в его в.г. в Мастерской полате и те приезды ис тое Мастерские полаты взять в Розряд" (л. 41). "И по тому в.г. указу из Мастерские полаты те приезды московских и иных всяких чинов людей каковы выше сего в Розряд взяты за приписью думного дьяка Гаврилы Деревнина. В сентября с 3-го числа по указу в.г. в Троицком Сер-

¹¹ Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. Л., 1983. С. 241.

¹² ЦГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 741. Л. 166—177, 181—187; ответы В.Г. Семенова: ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 749. Столпик 3. Л. 26—27, 30—33, 38—40, 50—51 об. (Опубликованы: Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 16, а—г. С. 35—38).

¹³ Об этом же свидетельствуют и пометы в тексте. Если датированные пометы (в основном об отпуске служилых людей из похода) относятся к 27—29 сентября (Л. 125 об., 132 об., 139), то недатированные пометы указывают на еще более раннее время. Так, против имени стряпчего М.Н. Захарова, приехавшего в Троицу 31 августа, приписано: "в стольниках" (Л. 137 об.). Это пожалование относится к 1 сентября (ЦГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2 (Боярские списки). № 31. Л. 154).

¹⁴ Там же. Столбцы Московского стола. № 741. Л. 182. Это письмо принес подьячий Мастерской палаты Прохор Иванов во втором часу ночи, сказав при этом, что "письмо прислано" еще вечером (Там же. Л. 182 об.).

гиеве монастыре в приезды ж московских и иных всяких чинов людей записывал разрядный дьяк Перфилий Оловенников" (л. 41 об.). Далее следуют имена служилых людей, оказавшихся "по его записке в приезде" (с л. 42).

Имя разрядного дьяка П.Ф. Оловянного указывает на все тот же 5-й список, конец которого он скрепил (л. 170—180). Иначе говоря, разрядные подьячие продолжили прежнюю книгу записи приездов. Одновременно была сделана копия приездов за 8 августа — 2 сентября; они были "взяты в Розряд за приписью думного дьяка Гаврилы Деревнина" (см. л. 41 об.). Скрепа думного дьяка Г.Ф. Деревнина идет по листам 3-го списка (л. 15—40), который был предназначен для московского Разрядного приказа. Располагая списком приехавших, руководство Разряда в Москве могло выявить оставшихся в "нетях", мобилизовать их и выслать в Троицу¹⁵. Переписка Разряда с Троицей позволяет ответить на вопрос о том, как 3-й список оказался в одном переплете с другими. "Список стольников и стряпчих, которые объявились по записке в Троицком монастыре, и кто из них были в Крымском походе", был выслан из Москвы 30 сентября и получен 1 октября 1689 г.¹⁶

Сосредоточение всех делопроизводственных материалов нового правительства в Троице не случайно. Шла подготовка к смотру служилых людей, в ходе которого были использованы как беловые, московские (3-й и 4-й списки), так и черновые, троицкие материалы (5-й список). Запись об этом сделана на отдельном листе, открывающем 5-й список: "198 октября в 1 день по указу в.г.ц. и в.кн. Петра Алексеевича в.в. и М. и Б.Р.с. по сим приездом в Троицком объезде смотрил боярин Тихон Никитич Стрешнев стольников, и стряпчих, и дворян, и жильцов, и городовых; выписать, хто тех московских чинов и городовых по смотру в естех, и в нетех, и в отпуску в деревни, и больных" (л. 120)¹⁷. Для этого и послужил 5-й список, в котором в течение похода делались записи об отъезде или отпуске служилых людей¹⁸. Теперь к ним прибавились прочерки и кресты на полях, другие пометы ("есть", "нет"), сделанные, очевидно, во время смотра. В результате получилось несколько списков служилых людей, оказавшихся "в естях" или "в нетях" на смотрах с 1 октября 1689 по 1 января 1690 г.¹⁹ Все они были помещены в Смотренном списке после 4-го списка (л. 88—118).

Проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на происхождение двух списков, открывающих рукопись. Список думных и ближних людей (2-й список по принятой рубрикации) не датирован, в нем нет указаний на дни приез-

¹⁵ Очевидно сходное происхождение 4-го списка, однако он относится к более позднему времени (см. ниже).

¹⁶ В.Г. Семенов — Т.Н. Стрешневу, 1689 г., сентября 30 // Московская деловая и бытовая письменность XVII века. № 16. С. 37. Вывод о том, что рукопись является результатом работы двух канцелярий (разрядной и Мастерской палаты), подтверждается и филиграноведческим исследованием. Начальная часть пятого списка ("приезды" за 8 августа — 2 сентября) написана на бумаге с филигранью 9 (л. 120—140), больше эта филигрань в рукописи не встречается. В дальнейшем пятый список был продолжен на бумаге с филигранями 7 и 10 (л. 143—191). Третьему списку соответствует филигрань 4 (л. 15—40), четвертому — филигрань 5 (л. 42—86) и др. (см. ниже).

¹⁷ Аналогичная запись сделана и в конце 4-го списка. В ней отмечено участие в смотре дьяка Автамона Иванова, а сам смотр отнесен к "октября 1 числу нынешняго 198 года" (л. 87—87 об.).

¹⁸ Почти все подобные пометы не были перенесены при копировании в 3 и 4-й списки. Переписчикам не важно было отсутствие того или иного служилого человека, приехавшего в Троицу. Важен был сам факт приезда — сначала для того, чтобы в Разрядном приказе перестали считать его "в нетях", затем для того, чтобы назначить всем приехавшим награды (см. ниже).

¹⁹ Список смотра, проходившего 1 января 1690 г. на Постельном крыльце, выпадает по своим внешним признакам из окружающих его материалов (л. 110—118). Он написан на бумаге с филигранью 6, которая не встречается больше в рукописи, одним почерком. В конце помета: "Справил Максимко Бовыкий" (л. 118). Очевидно, это позднейший материал во всем Смотренном списке.

дов. Весь его небольшой текст написан на бумаге с филигранью 3 (л. 7—14). Эта филигрань встречается в рукописи Смотрового списка еще два раза (из л. 88—92 и 101—109), на бумаге с ней написаны уже упоминавшиеся списки, составленные 1—10 октября. К этому же времени следует отнести и "список думных и ближних людей" (2-й список).

"Выписка о Троицком походе и о наградах" (или 1-й список), открывающая рукопись, написана тем же почерком, что и "список думных и ближних людей" и 4-й список (л. 1—14, 41—52, 53 об. — 55 об.). Помета на л. 14 ("Справил Иван Кобыakov") свидетельствует о том, что почерк принадлежит разрядному подьячему и, следовательно, все три документа вышли из разрядной канцелярии²⁰. Кроме этого, в "Выписке..." изложен царский указ о пожаловании "ратных всех служилых людей" за Троицкий поход, изданный 10 октября 1689 г.²¹. К этому времени следует отнести и "Выписку о Троицком походе и о наградах".

"Выписка..." предварила 2—4-й списки и засвидетельствовала их общее назначение. Если 5-й список был использован во время смотра (1 октября), то 2, 3 и 4-й составили поименный перечень всех служилых людей, которым было обещано пожалование: "А хто имяны бояря, и окольников, и думные люди в том походе были, а ближним людям кому и имяны и почему помесные и денежные придачи по указным статьям учинить велено, и то писано в сем списке ниж сего. А имяна ж стольников, и генералов, и стольников и полковников, и стряпчих, и дворян, и дьяков, и жильцов, и начальных людей, и городовых дворян, и детей боярских, и иных чинов, ратных людей, которые в том походе были, писаны в сем ж списку по месцею и по числом по чином порознь" (л. 6).

Очевидно, этим объясняются изменения, внесенные в 3-й и 4-й списки по сравнению с 5-м. Появились новые имена, приезды отдельных служилых людей были записаны под более ранними датами. Последнее также могло быть связано с пожалованиями, так как поместные придачи и денежные награды варьировались в зависимости от дня приезда.

Представить себе, как происходило дополнение исходного текста, помогает документ, относящийся к более позднему времени, — челобитная стрелецких капитанов Василия и Филиппа Сапоговых, поданная 10 апреля 1690 г. "Челобитчики сообщили, что дня их приезда в Разряде не записано, а записан приезд в розыском деле"²². Речь шла о распросах, снятых с Василия и Филиппа Сапоговых соответственно 29 и 30 августа 1689 г. в Приказе розыскных дел²³. После того как из Парижа розыскных дел в Разряд была послана память об этом, стрелецкие капитаны смогли, очевидно, получить полагающиеся им награды²⁴.

На основании подобных же челобитных, поданных на полгода раньше, могли быть сделаны изменения в первоначальном тексте, сохранившемся в составе 5-го списка. Именно он и должен рассматриваться как основной текст. Данные других списков можно рассматривать как разночтения, варианты. Игнорировать их невозможно, так как содержащие их списки составлены были вскоре после описываемых событий, возможно по свидетельствам самих служилых людей. В целом Смотровый список представляет собой ценный источник для реконструкции политической обстановки, борьбы за власть осенью 1689 г.

²⁰ Помета другого разрядного подьячего — Ивана Паукова ("Справил Ивашко Поуков". л. 86 об.), позволяет атрибутировать еще один из выделенных почерков (л. 53, 85—86 об. и т.д.).

²¹ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 424—430. В ПСЗ (Т. III. № 1350) указ датирован 1 октября 1689 г.

²² Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. № 102. Стб. 443—444.

²³ Распросы опубликованы там же (№ 5—6. Стб. 25—34).

²⁴ Там же. № 103. Стб. 445—446. В деле нет конца.

С.Ф. Фаизов

**СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ГАВРИЛЫ МИХАЙЛОВА
(ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ XVII в.).
ПОПЫТКА УСЛОВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Среди множества статейных списков XVI—XVII вв. записи подьячего Посольского приказа Гаврилы Михайлова занимают чрезвычайно скромное место. Они остались не замеченными составителями сборников документов по истории внешней политики России¹, не привлекали внимания источниковедов, если не считать нескольких строк А.А. Новосельского из его статьи о приемах составления статейных списков². Статейные записи Гаврилы Михайлова известны узкому кругу исследователей истории русско-крымских отношений, использовались в ряде диссертаций, но по различным причинам остались невостребованными в опубликованных работах³. К этому следует добавить, что ни один из обращавшихся к списку исследователей не интересовался им в полном объеме, довольствуясь "изъятием" из него фактического материала — в каждом конкретном случае за относительно короткий отрезок изучаемого времени, — и не дал ему заслуженной оценки.

Между тем речь идет о наиболее представительном по хронологическому охвату и, безусловно, наиболее крупном по текстовому объему статейном списке из всех, которыми располагает отечественная наука. Если учесть еще и то, что документ насыщен ценнейшей информацией о развитии русско-крымских отношений, многообразных связях народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа друг с другом, политической жизни Крымского ханства в третьей четверти XVII столетия, то ясно, что требует разгадки сам феномен крайне ограниченной известности списка. Вероятно, главная причина этого заключается в традиционно невысоком интересе отечественных историков к крымской проблематике и характерной для последних десятилетий консервации разработки истории Крымского ханства и русско-крымских отношений. Другая, не менее важная причина безвестности списка видится нам в отсутствии у него архивно-учетной целостности. Записи Гаврилы Михайлова рассредоточены по многим единицам хранения, отделены друг от друга по хронологической вертикали описи. Они имеют сходные, но не тождественные заголовки и внешне не воспринимаются как фрагменты одного документа.

Такая особенность учета и хранения записей легко объяснима. Формирование статейного списка шло в течение двух с лишним десятилетий, и составляющие его

¹ Лишь в известном собрании Е.А. Швецовой помещен небольшой фрагмент списка. См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1962. Т. 3. С. 54.

² Новосельский А.А. Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления // ПИ. М., 1961. Т. IX. С. 193.

³ Автору удалось найти ссылки на список лишь у С.М. Соловьева (*Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI. С. 13—14*) и И.В. Галактионова (*Галактионов И.В. Россия и Польша перед лицом турецко-татарской агрессии в 1667 г. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв.: Сб. ст. М., 1979. С. 382—389*).

части, год за годом поступавшие в Посольский приказ из Бахчисарая, отложились в делах приказа отдельно одна от другой. При систематизации ф. "Сношения России с Крымом" (№ 123) Н.Н. Бантыш-Каменским в начале XIX в. они вошли в первую опись: в одних случаях как самостоятельные единицы хранения, в других в совокупности с сопровождавшими их отписками, челобитными и хранившимися в приказе отпусками с памятей. В итоге столбцовые оригиналы статейного списка оказались распределенными по 13 ед. хр. Две недостающие в столбцах части статейного списка отражены в книгах фонда. Одна из частей, отправленная в Москву в 1667 г. со стряпчим Василием Тяпкиным, не сохранилась ни в оригинале, ни в копиях⁴.

Физическое восстановление целостности списка сегодня уже невозможно, поэтому остается прибегнуть к условному вычленению их из существующих единиц хранения и сведению в целое, т.е. к условному реконструированию документа. Сопроводив выявленные фрагменты данными об их учетных координатах, объеме, хронологических параметрах и подлинности текста, можно получить компактную формально-учетную характеристику всего статейного списка. Результаты такой работы отражены в таблице. Из нее видно, что первая запись списка относится к 24 октября 1657 г., последняя — к 10 июля 1679 г. 21 год и 8 месяцев отделяют одну запись от другой. Правда, совокупная длительность записей с вычетом неописанных месяцев и лет не тождественна указанному сроку. События нескольких лет выпали из хроники Гаврилы Михайлова. Периоды с конца марта 1658 до конца марта 1662 г. и с середины октября 1671 до середины июня 1672 г., отраженные в статейных списках других посланников, не описывались подьячим. Выпали из списка события с конца сентября 1666 по начало марта 1667 г., зафиксированные в утраченной части списка. Но и по "чистому" описанному времени (16 лет и 7 месяцев) статейный список Г. Михайлова не знает себе равных среди аналогичных источников.

Список уникален и по своему текстовому объему (табл.). Столбцовая его часть насчитывает 1016 листов. Книжная копия утраченной части списка, относящейся к 1662 г., занимает 322 листа (размер 4°), относящейся к 1670—1671 гг. — 88 листов (размер 2°). Суммарный объем сохранившихся частей текста (исключая книжные копии сохранившихся столбцовых текстов) составляет, таким образом, 1426 листов.

Чрезвычайная длительность формирования списка, подчеркнутая дискретность записей, их тематическое разнообразие заставляют уточнить видовую принадлежность документа. Как известно, статейными списками именовались отчеты послов и посланников о ходе посольства, составленные с учетом статей наказа и отражавшие главным образом деятельность посольства с момента выезда за границу до возвращения его на родину. Записи Гаврилы Михайлова, зафиксированные в строгой хронологической последовательности развития взаимоотношений России и Крыма, политической жизни ханства за два с лишним десятилетия, отразившие судьбы многих известных и никому не известных людей, не укладываются в рамки традиционных представлений о статейных списках и близки по форме и содержанию к дневниковым записям. Не случайно авторы первой описи в некоторых случаях определили их как "дневные записи" подьячего Гаврилы Михайлова.

⁴ В указанной статье А.А. Новосельского доставка тех частей статейного списка, которые вошли в д. 1 за 1667 г., ошибочно приписана В. Тяпкину (*Новосельский А.А. Указ. соч. С. 193*). Все описанные во фрагментах 1667 г. события произошли после отъезда В. Тяпкина из Крыма, а сами фрагменты были доставлены в Москву другими лицами. Источником заблуждения А.А. Новосельского стала, вероятно, отписка, открывающая д. 1, но не связанная в смысловом отношении со следующими за ней документами.

Наиболее важные формальные данные статейного списка

№ п/п ед.хр.	№ ед.хр. по описи и кр. название	№ п/п с.	Начало и конец отрывка, л.	Объем, л.	Начало и конец отрывка, даты	Подлинность отрывка	Хронологические лакуны столбца	Где отражен недостающий материал
1	1657, д. 14, Ст. сп.	1	1—183	183	24 окт. 1657— 26 марта 1658	Подл.	27 марта 1658— 9 янв. 1663	Ф. 123, Оп. 1, Кн. 43, Л. 1—160 об.
2	1663, д. 2, Ст. сп.	2	1—101	101	10 янв. 1663— 15 июня 1665	"		
3	1665, д. 3, Ст. сп.	3	1—133	133	15 июня 1665— 25 сент. 1666	"		
4	1667, д. 1, Дн. зап.	4	3—30	28	3 марта 1667— 16 июля 1667	"		
		5	34—44	11	3 сент. 1667— 18 сент. 1667	"		
		6	45—89	45	19 сент. 1667— 5 янв. 1668	"		
5	1668, д. 1, Дн. зап.	7	13—117	105	9 февр. 1668— 2 окт. 1668	"		
6	1669, д. 1,	8	90—127	38	5 окт. 1668— 11 марта 1669	"		
		9	3—85	83	28 марта 1669— 28 мая 1670	"		
7	1670, д. 1, Отп.	10	11—26	16	28 мая 1670— 3 авг. 1670	"	3 авг. 1670— 9 марта 1671	Ф. 123, Оп. 1, Кн. 51, Л. 539—582 об.
8	1671, д. 1, Ст. сп.	11	1—70	70	9 марта 1671— 13 окт. 1671	Список ст. списка		
9	1672, д. 2, Дн. зап.	12	1—45	45	15 июня 1672— 9 марта 1673	Подл.		
10	1673, д. 1, Дн. зап.	13	13—94	82	9 марта 1673— 9 дек. 1676	"		
11	1677, д. 1, Отп.	14	1—22	22	17 дек. 1676— 22 июня 1677	"		
12	1678, д. 1, Отп.	15	18—44	27	29 июня 1677— 20 апр. 1678	"		
13	1679, д. 1, Поденная зап.	16	22—46	25	8 дек. 1678— 10 июля 1679	"		
							В сумме 1016 л., всего 1426 л.	В сумме 410 л. (включая оборотные)

Думается, что Н.Н. Бантыш-Каменский и его помощники были правы не только в допущении поливариантного определения "жанра" записей, но и в признании авторства Гаврилы Михайлова. Правда, в заголовках фрагментов 1657—1666 гг. (до смерти Якова Якушкина) они перед именем подьячего ставили имя Я. Якушкина. Трудно сказать, насколько далеко простиралось участие главы посольства в написании статейного списка, но присутствие его имени в заголовках не просто дань традиции делопроизводства Посольского приказа. Служебные полномочия предписывали ему по меньшей мере ознакомление с записями, выполнявшимися обычно подьячим-посланником (в данном случае Гаврилой Михайловым) и подьячим "для письма". Учет этого обстоятельства делает вполне правомерным констатацию соавторства Я. Якушкина применительно к записям первых девяти лет, но не мешает твердо предполагать ведущую роль Г. Михайлова в работе над списком как до смерти Я. Якушкина, так и в течение следующих 12 лет.

Заслуги Михайлова перед российской дипломатией трудно переоценить. В течение 22 лет он являлся основным связующим звеном между Бахчисараем и Москвой, принимал прямое или косвенное участие во всех русско-крымских переговорах 1657—1679 гг., оказывал компетентную помощь гонцам и посланникам из Москвы, содействовал выкупу из плена десятков соотечественников. Но главная заслуга Михайлова перед современниками и потомками — его многодневный труд над статейным списком. Записи подьячего позволяли Москве видеть закулисные стороны внутренней и внешней политики ханства, определять и прогнозировать состояние взаимоотношений ханства с Турцией, Польшей, Украиной и другими странами, иметь надежную информационную базу для своей внешнеполитической линии на юго-западе. Значительная фактологическая и драматическая насыщенность записей Михайлова, их своеобразный стиль, присутствие в них неповторимо обаятельной личности автора делают статейный список одним из наиболее ценных историко-литературных памятников XVII в.

М.Ф. Румянцева

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

История российского чиновничества периода становления и развития абсолютной монархии в России постоянно привлекает внимание исследователей¹. Но наименее изученной по-прежнему остается эволюция чиновничества на протяжении XVIII в., а этот период, на наш взгляд, представляет особый интерес, так как, начиная с петровской Табели о рангах, активизируется процесс отрыва бюрократии от класса феодалов, а затем во многом и от дворянского сословия и превращения ее в особую прослойку общества, имеющую особые источники средств существования в виде постоянного денежного жалованья и особое юридическое положение. Важными в развитии этого процесса являются манифест 15 декабря 1763 г. "О наполнении судебных мест достойными и честными людьми; о мерах к прекращению лихоимства и взяток; о взимании с 1 января 1764 года по приложенному реестру положенных по новым штатам на жалованье разных сборов и об отсылке оных в Штатс-контору"² и манифест от того же числа "О постановлении штатов разным присутственным местам; об учреждении в Сенате, в Юстиц, Вотчинной и Ревизион коллегиях департаментов; о разделении по оным дел; о небитии Сибирскому и Розыскному приказам, Печатным и Раскольнической конторам и особому Коммерц-коллегии Комиссарству; о неимении при присутственных местах коллегии и титулярных юнкеров; об учреждении при Кадетском Сухопутном Корпусе и Московском университете классов российской юриспруденции и о приуготовлении детей из разночинцев и приказного чина для определения в присутственные места в копиисты, об их обучении и содержании на казенный счет"³, которыми впервые устанавливалось постоянное денежное жалованье всем чиновникам и мелким канцелярским служащим, а также указ от 14 августа 1798 г. "О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания без представления Сенату о надобности в оных"⁴, по которому все чиновники независимо от их социального происхождения были освобождены от подушной подати.

На наш взгляд, недостаточная изученность истории чиновничества на протяжении XVIII в., и особенно второй его половины, связана с активизацией процесса эволюции чиновничества в этот период. Дело в том, что основой источниковой базы исследований по истории чиновничества, как правило, являются те докумен-

¹ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.) М., 1964. С. 206—242; Она же. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 228 с.; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке: Формирование бюрократии. М., 1974. 395 с.; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: первая половина XIX века. М., 1981. 252 с.; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.

² ПСЗ I. Т. XVI. № 11988.

³ Там же. № 11989.

⁴ Там же. Т. XXV. № 18622.

ты, которые служили для учета личного состава государственных учреждений⁵. И это вполне естественно. Но с изменением принципов комплектования чиновничества в XVIII в. должна была измениться и система учета чиновничества, а именно: учет служащих государственного аппарата должен был окончательно обособиться от учета дворянства. Хотя, как показала Н.Ф. Демидова, уже в XVII в. существовали особые формы учета, например подьячих, все же учет личного состава государственного аппарата вел Разрядный приказ, который учитывал приказных людей как часть служилого сословия⁶. Правда, и в XVIII в. учетом государственных служащих занималась главным образом Герольдмейстерская контора, а впоследствии департамент Герольдии Правительствующего Сената, но это было связано, по-видимому, в первую очередь с возможностью получения дворянства при достижении чина VIII класса (коллежский ассессор).

В XVIII в. проходит становление новой системы учета чиновничества. Но этот процесс идет медленно. По-видимому, на протяжении второй четверти XVIII в. правительству так и не удалось получить достоверные данные о личном составе государственного аппарата, чем и было вызвано проведение переписей государственных служащих в 50-х годах XVIII в. Материалы этих переписей легли в основу исследования С.М. Троицкого⁷. Выяснив при помощи переписей состав служащих государственных учреждений, правительство начиная с 60-х годов предпринимает постоянные усилия для организации системы учета чиновничества. И к исходу XVIII в. это наконец удается. Длительность процесса объясняется сложностью поставленной задачи, а его хронологические рамки могут быть, по-видимому, объяснены следующим образом. Начало активных законодательных усилий, направленных на организацию учета чиновничества, по-видимому, связано с изданием Манифеста о вольности дворянства 1762 г., так как после издания манифеста центральные власти хотя и не прекращают попыток учета дворянства, сам учет во многом теряет практическое значение, а впоследствии центр его переносится на места. Поэтому учет государственных служащих по необходимости окончательно отрывается от учета дворян, хотя внутри учета государственных служащих отдельный учет дворян (по происхождению) еще пытаются сохранить.

Завершение становления системы учета, по крайней мере для служащих местных государственных учреждений, связано с завершением реализации губернской реформы. Сформированная в результате упорной законодательской деятельности в этом направлении система учета чиновничества исправно служила на протяжении всего XIX и начала XX в. Уже одно это должно вызвать наш интерес к ней. Кроме того, в результате проведения учета чиновничества отложился обширный комплекс документов, в первую очередь формулярных списков чиновников, использование которых в исторических исследованиях позволяет получить массовый и — что самое главное — сопоставимый как синхронно, так и диахронно материал по истории чиновничества. На наш взгляд, историки, исследовавшие личный состав государственного аппарата в XIX в., недооценили этот источник, что хотя и не помешало обоснованности выводов в работах Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского, но сильно осложнило сопоставление полученных ими данных с данными, уже имеющимися в литературе, и с теми, которые могут быть получены.

Организация учета чиновничества в 60—90-х годах XVIII в. рассмотрена нами ранее⁸. Здесь же мы хотим остановиться на результатах этого учета и некоторых проблемах анализа отложившихся комплексов документов.

⁵ Исключение отчасти составляют указанные работы Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского.

⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. ... С. 9—10.

⁷ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII века ...

⁸ См.: Туманова М.Ф. Организация учета чиновничества 60—90-х годов XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 173—191.

Итак, 31 января 1764 г. был издан сенатский указ "О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме"⁹. Однако этот указ не был проведен в жизнь, о чем свидетельствует не только почти полное отсутствие в фонде Герольдмейстерской конторы, хранящемся в ЦГАДА, формулярных списков чиновников за 70-е годы, что могло явиться следствием утрат при хранении, но и сенатский указ от 31 октября 1771 г. "О присылке из всех присутственных мест списков о служащих и неслужащих дворянах, по прилагаемой форму"¹⁰, где указывалось на нерегулярную присылку в Герольдию сведений о чиновниках-дворянах. При этом требуемые списки должны были лечь в основу списков, составляемых в Герольдмейстерской конторе, и из текста указа следует, что, несмотря на ранее принятые меры, таких списков составить Герольдмейстерской конторе не удалось. Впервые упоминание о том, что новая система учета чиновничества начала функционировать, содержится в сенатском указе от 31 марта 1788 г. "О доставлении из всех присутственных мест в Герольдию ежегодно в августе месяце формулярных списков о всех чинах, состоящих в классах, и о приложении оных при каждом представлении к определению в должность и к награждению чинами"¹¹, а в сенатском указе от 15 июня 1794 г. мы находим подтверждение эффективного функционирования системы учета чиновничества¹².

В полном соответствии с указанными законодательными актами мы находим в фонде Герольдмейстерской конторы¹³ чуть менее 70 формулярных списков за 60—70-е годы и индивидуальные формулярные списки чиновников, представлявшие при назначении на должность, выходе в отставку и при награждении чином, в массовом количестве с начала 80-х годов (около 1600 за 1781—1782 гг., около 700 за 1796 г.), а также в коллекции формулярных списков¹⁴ мы находим групповые формулярные списки на чиновников центральных учреждений и групповые формулярные списки по губерниям на чиновников местных учреждений. Не будем здесь перечислять сохранившиеся групповые формулярные списки. Отметим только, что в указанной коллекции хранятся формулярные списки начиная с 1797 г., а формулярные списки, хранившиеся в ней ранее за 1795 и 1796 гг. утрачены¹⁵. Обстоятельства исчезновения списков 1795—1796 гг. нам выяснить не удалось.

При анализе сохранившихся комплексов формулярных списков в первую очередь встает проблема репрезентативности. Под решением проблемы репрезентативности комплекса формулярных списков мы понимаем установление соотношения имеющихся в нашем распоряжении формулярных списков с составом служащих государственных учреждений в тот или иной период. Если идти от состава служащих государственных учреждений к имеющемуся в нашем распоряжении комплексу формулярных списков, то необходимо рассмотреть следующие вопросы. Во-первых, на какую часть чиновников формулярные списки могли не составляться. Во-вторых, какая часть формулярных списков могла быть утрачена в процессе хранения. В-третьих, какая часть сохранившихся формулярных списков может быть выявлена по ф. Герольдмейстерской конторы и по указанной коллекции. Начнем рассмотрение проблемы с определения репрезентативности комплекса групповых формулярных списков чиновников местных государственных

⁹ ПСЗ. Т. XVI. № 12030.

¹⁰ Там же. Т. XIX. № 13690.

¹¹ Там же. Т. XXII. № 16641.

¹² Там же. Т. XXIII. № 17216.

¹³ ЦГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора).

¹⁴ ЦГИА. Ф. 1349. Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция).

¹⁵ Там же. Оп. 4.

учреждений за 1797—1799 гг. как наиболее полного и, следовательно, приемлемого для апробации методики определения репрезентативности. Такие групповые формулярные списки должны были охватывать всех чиновников, служивших в губернских и уездных учреждениях. Поэтому целесообразно сравнить состав чиновников, включенных в групповые формулярные списки, со штатами учреждений. Сравнение показывает, что по губернскому звену мы имеем формулярные списки на 14 губернаторов из положенных по штатам 48, на 33 председателей Палат уголовных и гражданских дел из 96, на 15 вице-губернаторов из 48, на 37 советников губернского правления из 96, на 41 советника Палаты уголовных и гражданских дел из 192, на 48 советников Казенной палаты из 96, на 12 губернских прокуроров из 48, на 1 судью Совестного суда из 59, на 3 председателей Верхнего земского суда из 96, на 8 губернских стряпчих из 96, на 2 прокуроров Верхнего земского суда из 48, на 7 председателей Губернского магистрата из 118, на 6 председателей Верхней расправы из 118, на 65 ассессоров Палат уголовных и гражданских дел из 192, на 17 губернских казначеев из 48, на 47 ассессоров Казенной палаты из 96, на 6 стряпчих Верхнего земского суда из 96, на 3 прокуроров Верхней расправы из 59, на 7 стряпчих Губернского магистрата из 118, на 7 стряпчих Верхней расправы из 118, на 20 секретарей губернского правления из 48, на 78 секретарей палат из 192, на 1 секретаря Приказа общественного призрения из 48, на 4 секретарей Верхнего земского суда из 96, на 13 секретарей Губернского магистрата из 118, на 5 секретарей Верхней расправы из 118. Мы не имеем формулярных списков на экономии директоров (по штатам их должно было быть 48), на дворянских заседателей Совестного суда (по штатам 118), на заседателей Верхнего земского суда (по штатам 480), на мещанских заседателей Совестного суда (по штатам 118), на заседателей Губернского магистрата (по штатам 354), на присяжных Казенной палаты (по штатам 192), на сельских заседателей Совестного суда (по штатам 118), на публичных нотариусов (по штатам 59), на заседателей Верхней расправы (по штатам 590). По уездному звену мы имеем формулярные списки на 167 городничих (по штатам 486), на 95 уездных судей (по штатам 458), на 188 заседателей уездного суда (по штатам 916), на 123 уездных казначеев (по штатам 573), на 100 земских исправников (из 570 по штатам), на 12 расправных судей (по штатам 319), на 238 дворянских заседателей Нижнего земского суда (по штатам 1140), на 37 уездных стряпчих (по штатам 567), на 193 секретарей уездного суда (по штатам 458), на 9 протоколистов Дворянской опеки (по штатам 462), на 186 секретарей Нижнего земского суда (из 57 по штатам) и на 12 секретарей Нижней расправы (по штатам 319). Мы не имеем формулярных списков бургомистров (по штатам их должно быть 1120), ратманов (по штатам 2240), заседателей Нижней расправы (по штатам 1276), присяжных уездного казначейства (по штатам 2292) и сельских заседателей нижнего земского суда (по штатам 1140). Кроме того, есть формулярные списки около 500 мелких канцелярских служащих (канцеляристов, копиистов, протоколистов, регистраторов)¹⁶. Определить общее количество канцелярских служащих, не имевших классовых чинов, не представляется возможным, так как пункт 27 манифеста от 15 декабря 1763 г. "О постановлении штатов

¹⁶ ЦГИА. Ф. 1349. Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция). Оп. 4. 1797 г. Д. 6; 1799 г. Д. 38 (Московская губ.); 1797 г. Д. 8; 1799 г. Д. 28 (Слободская Украинская губ.); 1798 г. Д. 41 (Пермская губ.); 1798 г. Д. 42 (Симбирская губ.); 1798 г. Д. 43 (Костромская губ.); 1798 г. Д. 44 (Волынская губ.); 1798 г. Д. 46 (Смоленская губ.); 1798 г. Д. 48 (Ярославская губ.); 1798 г. Д. 51 (Выборгская губ.); 1798 г. Д. 52 (Новороссийская губ.); 1798 г. Д. 53 (Киевская губ.); 1798 г. Д. 54 (Казанская губ.); 1798 г. Д. 55 (Владимирская губ.); 1799 г. Д. 26 (Тверская губ.); 1799 г. Д. 29 (Нижегородская губ.); 1799 г. Д. 30 (Тамбовская губ.); 1799 г. Д. 35 (Иркутская губ.); 1799 г. Д. 37 (Архангельская губ.); 1799 г. Д. 39 (Оренбургская губ.); 1799 г. Д. 40 (Орловская губ.); 1799 г. Д. 41 (Вологодская губ.).

разным присутственным местам..." устанавливал возможность дифференцированного подхода к оплате труда мелких канцелярских служащих в зависимости от их способностей и прилежания. В этом пункте манифеста говорилось: "... должны... президенты и прочие, кто над которою канцеляриею дирекцию имеет, смотря по трудам и достоинству канцелярским нижним служителям жалованье производить"¹⁷. Эти же должностные лица имели право регулировать количественный состав нижних канцелярских служащих при условии не превышать положенной штатной суммы им на жалованье.

Таким образом, по ряду категорий служащих местных государственных учреждений репрезентативность имеющихся формулярных списков очень высока (до 50%), но некоторые категории служащих местных учреждений представлены весьма незначительно, а некоторые и вовсе пропущены. Здесь необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь не может идти о случайных утратах или целенаправленном уничтожении формулярных списков определенных групп чиновников, так как мы рассматриваем групповые формулярные списки, которые включали в себя чиновников определенной губернии, поэтому любые позднейшие изъятия из них были бы сразу же заметны. Мы полагаем, что пробелы в групповых формулярных списках образовались естественным образом и являются результатом специфики определения на должности отдельных категорий чиновничества. По "Учреждениям для управления губерний..." часть чиновников назначалась императором, Сенатом и некоторыми центральными учреждениями, часть чиновников выбиралась дворянством или "градским обществом", часть назначалась губернаторским или наместническим правлением¹⁸. И хотя групповые формулярные списки не были непосредственно связаны с назначением чиновников на должности, это обстоятельство, по-видимому, оказало влияние на их репрезентативность. Недаром в сенатском указе от 31 марта 1788 г. "О доставлении из всех присутственных мест в Герольдию ежегодно в августе месяце формулярных списков о всех чинах, состоящих в классах, и о приложении оных при каждом представлении к определению в должности и к награждению чинами" говорилось, что Герольдмейстерская контора еще часто не получает из некоторых наместничеств сведений, особенно о перемещениях чиновников, зависящих от местных властей¹⁹. Многие из должностей, на представителей которых нет формулярных списков, являлись выборными. В комплексе формулярных списков 1797—1799 гг. имеется лишь один формулярный список судьи Совестного суда, что может быть объяснено тем, что на эту должность по "Учреждениям для управления губерний..." чиновник назначался наместником. Губернским правлением назначались чиновники на должность уездного стряпчего, расправного судьи, что может объяснить незначительное количество формулярных списков этих категорий чиновников. Однако это обстоятельство не может полностью объяснить степень репрезентативности формулярных списков чиновников отдельных категорий, поскольку имеются и противоположные примеры. Так, в групповых формулярных списках весьма полно представлены земские исправники и уездные судьи, хотя эти должности были выборными, и совсем не представлены назначавшиеся Сенатом экономии директора. Можно предположить, что включение чиновника в групповой формулярный список в 90-х годах XVIII в. определялось не только вышеприведенным обстоятельством, но и значимостью занимаемой им должности. Однако для определенного вывода по этому вопросу у нас нет достаточных доказательств.

Второй вопрос — о соотношении дошедших до нас формулярных списков с реально существовавшей их совокупностью — связан со степенью сохранности

¹⁷ ПСЗ. Т. XVI. № 11989.

¹⁸ Там же. Т. XX. № 14392.

¹⁹ Там же. Т. XXII. № 16641.

дошедших до нас источников. Проблема сохранности имеет два аспекта. Первый касается чисто количественной стороны. Решение вопроса о количественном соотношении имеющихся в настоящее время формулярных списков и формулярных списков, составленных в XVIII в., связано с проблемой сохранности в целом документов Герольдмейстерской конторы и других учреждений, в фондах которых могли оказаться формулярные списки. Насколько нам известно, вопрос о степени сохранности документов Герольдии не рассматривался в исторической или архивоведческой литературе. Опираясь на собственный опыт работы с фондом Герольдмейстерской конторы, мы можем предположить высокую степень сохранности ее материалов, поскольку при полистном просмотре документов фонда за 1762—1782 гг. и выборочном за последующий период нам не удалось обнаружить отсутствия или хотя бы заметного уменьшения количества документов за какой-либо период. Групповые формулярные списки 90-х годов XVIII в. сохранились в составе коллекции, которая, судя по сопроводительным документам к некоторым формулярным спискам, была выделена из фонда Герольдмейстерской конторы, что еще больше затрудняет решение поставленной проблемы.

В силу этих причин мы не можем решить проблему количественного соотношения имевшихся в XVIII в. и дошедших до нас формулярных списков с достаточной степенью достоверности. Однако для нас гораздо более важен второй аспект, который затрагивает качественную сторону сохранности формулярных списков. Нам не удалось выявить факторы, которые могли бы обусловить преимущественную утрату одной части списков и лучшую по сравнению с основной массой сохранность другой. Поскольку групповые формулярные списки в соответствии с законодательством имели главным образом справочную функцию, мы можем предположить, что они не испытывали влияния каких-либо факторов, которые могли бы нарушить случайный естественный отбор источников в процессе их хранения. Кроме того, применительно к групповым формулярным спискам практически невозможна утрата списка, составленного на одного, отдельно взятого чиновника, а следовательно, и на отдельно взятую группу чиновников, занимающих определенную должность. Возможна лишь утрата формулярного списка (или его части), составленного на чиновников одной губернии, но поскольку нам не удалось выявить существенных региональных различий в социальном статусе, имущественном положении и продвижении по службе чиновников, то утрата групповых формулярных списков чиновников отдельных губерний не может существенно повлиять на выводы о характере эволюции чиновничества, которые могут быть получены при анализе сохранившихся источников.

Поскольку формулярные списки сохранились не только в фонде Герольдмейстерской конторы (или департамента Герольдии) Сената, но и в фонде самого Сената, а также в фондах местных государственных учреждений, из которых поступали эти списки, необходимо рассмотреть и эвристический аспект проблемы репрезентативности. Мы считаем целесообразным при выявлении формулярных списков ограничиваться фондом Герольдмейстерской конторы в ЦГАДА²⁰, фондом департамента Герольдии в ЦГИА²¹ и уже упоминавшейся коллекцией, хранящейся там же. При этом мы исходим как из законодательно закрепленных функций Герольдмейстерской конторы, которая должна была вести многообразный учет чиновничества, так и из состава выявленных комплексов формулярных списков, в которых мы находим все случаи представления формулярных списков, предусмотренные законодательством.

Проблему соотношения имеющихся в источниках сведений о чиновниках и их реального количества ставили в своих работах и С.М. Троицкий, изучавший исто-

²⁰ ЦГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора).

²¹ ЦГИА. Ф. 1343 (Департамент Герольдии). Оп. 2.

рию чиновничества первой половины XVIII в., и В. Пинтнер, автор работы по истории российского чиновничества, исследовавший источники по истории чиновничества XIX в. С.М. Троицкий в своей работе начинает рассмотрение проблемы репрезентативности привлекаемого комплекса источников с решения вопроса об общей численности служащих государственного аппарата. Сделав вывод о том, что штаты не могут служить надежным источником для определения реальной численности служащих государственного аппарата, С.М. Троицкий использует для решения поставленного вопроса данные переписей чиновников, которые и составляют основу источниковой базы его исследования²². Такое решение вопроса о численности государственного аппарата, когда изначально утверждается полное совпадение численности имевшихся в рассматриваемое время чиновников и сведений о них, находящихся в распоряжении исследователя, снимает необходимость подробного рассмотрения вопроса о репрезентативности привлекаемого комплекса источников. В силу уникальности используемого С.М. Троицким комплекса источников данное им решение проблемы репрезентативности не может быть распространено на любые привлекаемые комплексы формулярных списков.

Гораздо больший интерес для нас представляет решение проблемы репрезентативности комплексов формулярных списков В. Пинтнером. Во-первых, Пинтнер обращает внимание на то, что в соответствии с законодательством формулярные списки должны были составляться на всех служащих, имевших классные чины. Таким образом, он решает проблему соотношения числа чиновников и количества составлявшихся на них формулярных списков. Во-вторых, Пинтнер, отмечая, что, хотя много формулярных списков утрачено, все же сохранилась весьма значительная их часть, подчеркивает, что нет фактов об использовании какого-либо сознательного принципа при решении вопроса о том, какую часть формулярных списков сохранить, а какую уничтожить. Пинтнер считает, что утраты формулярных списков в процессе хранения носили случайный характер. При отборе источников Пинтнер руководствовался принципом использования наиболее полных комплектов формулярных списков, включающих все учреждения за данный год²³. По-видимому, принцип отбора источников, использованный Пинтнером, обеспечивает достаточную степень репрезентативности данных и может быть использован при привлечении групповых формулярных списков в качестве источника по истории чиновничества XIX в., когда большое количество сохранившихся формулярных списков дает возможность для такого отбора. К сожалению, этот принцип неприменим к групповым формулярным спискам конца XVIII в. из-за их неполноты. Неполнота групповых формулярных списков отдельных губерний делает целесообразным применение при решении вопроса о репрезентативности их комплекса метода, который применим в первую очередь при определении репрезентативности комплексов индивидуальных формулярных списков. Суть этого метода в соотношении количества чиновников, на которых имеются формулярные списки, с количеством чиновников, предусмотренных штатами по каждой должности. Предлагаая такой способ решения проблемы репрезентативности, мы так же, как и С.М. Троицкий, с недоверием относимся к штатам учреждений и считаем их недостоверным источником для определения реальной численности служащих, но, сравнивая число чиновников, на которых имеются формулярные списки, с количеством, предусмотренным штатами по разным должностям, мы имеем возможность выявить естественно-стабильные пробелы в источниках.

Попробуем применить этот метод к анализу репрезентативности индивидуальных формулярных списков служащих местных государственных учреждений за

²² Троицкий С.М. Указ. соч. С. 164.

²³ Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755—1855 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the XVII to the XX Century. Chapel Hill, 1980. P. 190—226.

1781—1782 гг., выявленных по фонду Герольдмейстерской конторы в ЦГАДА²⁴. Индивидуальные формулярные списки существенно отличаются от групповых. Суть различия в разном целевом назначении групповых и индивидуальных формулярных списков. Групповые формулярные списки составлялись на чиновников какого-либо учреждения или целой губернии с целью учета, а индивидуальные формулярные списки составлялись на одного чиновника или группу чиновников при назначении на должность, повышении чина или при выходе в отставку, а также при сочетании повышения чина с назначением на должность или отставкой. Поскольку в 1781—1782 гг. идет активное формирование личного состава системы местных государственных учреждений, предусмотренных губернской реформой, большинство формулярных списков этого периода связаны с назначением на должность. Это обстоятельство необходимо учитывать при определении естественно-стабильных пробелов в источниках. Так как часть чиновников, как уже отмечалось, могли назначаться на должности по выборам или по определению местных властей, формулярные списки на таких чиновников могли не составляться. Однако в этот период назначение чиновника на должность во многих случаях было связано с повышением его чина, а тогда формулярный список обязательно составлялся. Это обстоятельство несколько уменьшает пробелы в комплексе формулярных списков. Например, в формулярных списках 1797—1799 гг. дворянские заседатели Совестного суда и заседатели Верхнего земского суда не представлены, а в 1781—1782 гг. имеются формулярные списки на эти категории чиновников. В формулярных списках 1781—1782 гг. более полно представлены, например, расправные судьи, хотя на эту должность чиновники назначались губернским правлением.

В целом за 1781—1782 гг. мы имеем 4 формулярных списка председателей Палат уголовных и гражданских дел (из 62, предусмотренных штатами), 8 формулярных списков советников губернского правления (по штатам 62), 11 — советников Палат уголовных и гражданских дел (по штатам 124), 10 — советников Казенной палаты (по штатам 62), 2 — судей Совестного суда (по штатам 38), 8 — председателей Верхнего земского суда (по штатам 66), 13 — губернских стряпчих (по штатам 44), 5 — дворянских заседателей Совестного суда (по штатам 76), 18 — заседателей Верхнего земского суда (по штатам 330), 1 — прокурора Верхнего земского суда (по штатам 33), 18 — председателей Губернского магистрата (по штатам 76), 17 — председателей Верхней расправы (по штатам 76), 30 — ассесоров Палат уголовных и гражданских дел (по штатам 124), 11 — губернских казначеев (по штатам 31), 14 — ассесоров Казенной палаты (по штатам 62), 14 — стряпчих Верхнего земского суда (по штатам 66), 13 — стряпчих Губернского магистрата (по штатам 76), 13 — стряпчих Верхней расправы (по штатам 76), 23 — секретарей губернского правления (по штатам 31), 41 — секретарей Палат (по штатам 124), 11 — секретарей Приказа общественного призрения (по штатам 32), 14 — секретарей Верхнего земского суда (по штатам 66), 22 — секретарей Губернского магистрата (по штатам 76), 10 — секретарей Верхней расправы (по штатам 76). Отсутствуют формулярные списки губернаторов (по штатам 31), вице-губернаторов (по штатам 31), экономии директоров (по штатам 31), губернских прокуроров (по штатам 32), прокуроров Губернского магистрата (по штатам 38), прокуроров Верхней расправы (по штатам 38), мещанских заседателей Совестного суда (по штатам 76), заседателей Губернского магистрата (по штатам 228), присяжных Казенной палаты (по штатам 124), сельских заседателей Совестного суда (по штатам 76), публичных нотариусов (по штатам 38), заседателей Верхней расправы (по штатам 380). Имеется более

²⁴ ЦГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Кн. 624, 626—633, 635—637, 640—642, 644, 645, 648—652, 655—670.

300 формулярных списков мелких канцелярских служащих, не имевших классовых чинов (копиисты, подканцеляристы, канцеляристы, протоколисты, регистраторы). Это по губернскому звену местных государственных учреждений. По уездному звену мы имеем 30 формулярных списков городничих (по штатам положено 338), 7 — уездных судей (по штатам 329), 3 — заседателей уездного суда (по штатам 658), 39 — уездных казначеев (по штатам 399), 10 — земских исправников (по штатам 401), 20 — расправных судей (по штатам 218), 3 — дворянских заседателей нижнего земского суда (по штатам 802), 23 — уездных стряпчих (по штатам 393), 53 — секретарей уездного суда (по штатам 329), 33 — протоколистов дворянской опеки (по штатам 338), 44 — секретарей нижнего земского суда (по штатам 401), 35 — секретарей Нижней расправы (по штатам 218). Отсутствуют формулярные списки бургомистров (по штатам 794), ратманов (по штатам 1588), заседателей нижней расправы (по штатам 872), присяжных уездного казначейства (по штатам 1596), сельских заседателей нижнего земского суда (по штатам 802). Сохранилось около 60 списков мелких канцелярских служащих, не имеющих классовых чинов. В целом степень репрезентативности комплекса индивидуальных формулярных списков 1781—1782 гг. намного ниже, чем групповых формулярных списков 1797—1799 гг. По-видимому, метод сопоставления числа чиновников, на которых имеются формулярные списки, с числом чиновников, положенным по штатам, дает заниженное представление о степени репрезентативности комплекса формулярных списков, так как реальное количество чиновников в учреждении могло соответствовать штатам или быть меньше, чем предусмотрено. Но в условиях, когда чиновникам в соответствии со штатами выплачивали денежное жалование, трудно предположить, что в каком-либо учреждении их число превышало предусмотренное штатами.

Наибольшее несоответствие реальной численности личного состава местных государственных учреждений штатам могло быть как раз в начале 80-х годов XVIII в., когда активно комплектовались служащими вновь открываемые учреждения, предусмотренные губернской реформой. Поэтому комплекс индивидуальных формулярных списков 1781—1782 гг. с учетом естественно-стабильных пробелов можно использовать для изучения состояния чиновничества в период проведения губернской реформы. Кроме того, в формулярном списке описывался весь служебный путь чиновника, поэтому мы имеем возможность несколько повысить репрезентативность данных, используемых для изучения состояния чиновничества в период проведения губернской реформы, за счет использования ретроспективных данных, извлеченных из формулярных списков более позднего времени. В первую очередь это касается данных о социальном происхождении чиновника, так как данные о размерах душевладения, естественно, не поддаются ретроспективному анализу.

Ценность ретроспективной информации, которую можно извлечь из более поздних формулярных списков, неизмеримо возрастает при изучении состояния чиновничества накануне губернской реформы, поскольку формулярных списков за этот период мы практически не имеем, а исследовать предреформенное состояние чиновничества необходимо, так как в противном случае мы не сможем оценить влияние реформы на личный состав государственного аппарата. Чтобы определить степень репрезентативности извлеченных ретроспективных данных, необходимо рассмотреть вопрос о количественном составе служащих местных государственных учреждений в 1775 г. Остановимся на этом вопросе подробнее, чтобы обратить внимание на одну "историографическую легенду". В историографии сложилась практика определения численности служащих государственного аппарата в период, предшествующий губернской реформе, на основе штатов 1763 г.²⁵ Нача-

²⁵ ПСЗ. Т. XLIV, ч. 2. № 11991.

ло этому было положено, по-видимому, статьей Н.Ф. Демидовой "Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.", где она пишет, что по штатам 1763 г. количество служащих во всех присутственных местах достигло 16 504 человек²⁶.

Со ссылкой на статью Н.Ф. Демидовой это число приводит в своей монографии С.М. Троицкий²⁷. Но это число оспаривает П.А. Зайончковский²⁸, справедливо замечая, что при рассмотрении структуры предусмотренных штатами должностей обнаруживается, что в штаты «включены не только служащие (т.е. чиновники и канцелярские служители), но и различного рода, говоря современным языком, "обслуживающий персонал" (сторожа, курьеры)». Кроме того, как подчеркивает Зайончковский, в штаты были включены военные команды, которые нельзя причислять к чиновничеству. Автор сделал вывод, что из 16 504 человек, предусмотренных штатами, более 9 тыс. составляют солдаты.

Это существенное замечание Зайончковского оставил без внимания Пинтнер, который, будучи знаком с работой Зайончковского и даже подвергая критике некоторые из ее положений, все же приводит это число — 16 504 чиновника, ссылаясь на штаты 1763 г.²⁹ Однако ни один из названных авторов не рассматривает вопрос, были ли заполнены эти штаты на практике, хотя, как уже отмечалось, Троицкий, рассматривая численность чиновничества в 50-х годах XVIII в., указывает, что штаты — ненадежный источник при решении вопроса о численности служащих³⁰. Не имея источников для определения реальной численности служащих государственного аппарата, в том числе и его местного звена, накануне губернской реформы, в частности для решения вопроса о том, были ли проведены в жизнь штаты 1763 г., отметим, однако, что штаты 1763 г. имели существенную особенность, отраженную в именном указе от 11 октября 1764 г. "Об учинении губернаторам, каждому в своей губернии, расписания о приписных городах и о всех уездах, и об определении, с какою властью комиссарства, магистраты и ратуши остаться должны"³¹, где говорится: "Изыскивая избавить наших верноподданных от притеснения и взятков безжалованных судей и канцелярских служителей, прошлого 1763 года декабря 15 дня в изданных штатах положили не только в главных правительствах, но и во всех судебных местах, не минуя и городских канцелярий, судьям и канцелярским служителям довольное жалованье, которое б они получая, не имели уже причины сверх того к богоненавистой корысти". Из указа видно, что денег на жалованье чиновникам не хватало, поэтому предполагалось сократить предусмотренные штатами 1763 г. места, причем как раз в системе местных государственных учреждений.

На основании этого можно прийти к выводу о том, что штаты 1763 г. не могут служить источником при определении численности чиновничества местных государственных учреждений накануне губернской реформы. С 1755 по 1775 г., кроме рассмотренных штатов 1763 г., которые, судя по всему, не были проведены в жизнь, нами не обнаружено законодательных актов, которые могли бы существенно повлиять на численность чиновничества местных государственных учреждений. Можно предположить, что накануне губернской реформы численность служащих местного звена государственного аппарата ненамного превышала их численность в 1755 г. Троицкий установил, что в местных государственных учреждениях в 1755 г. было 4075 служащих. Из них первого разряда — 37 (V класс и выше), вто-

²⁶ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата... С. 239.

²⁷ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 163.

²⁸ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 20—21.

²⁹ Pintner W.M. Op. cit. P. 192.

³⁰ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 164.

³¹ ПСЗ. Т. XVI. № 12259.

рого — 317 (VIII—VI классы), третьего — 393 (XIV—IX классы) и четвертого — 3328 (мелкие канцелярские служащие, не имеющие классных чинов)³². Используя ретроспективную информацию ранее рассмотренных комплексов формулярных списков, а также формулярные списки чиновников за конец 60-х — первую половину 70-х годов XVIII в.³³, мы можем получить данные об одном чиновнике первого разряда, о 34 чиновниках второго разряда (или 10,75% от общего количества), о 98 чиновниках третьего разряда (или 24,94%) и о 431 мелком канцелярском служащем (или 12,95%). Несмотря на то что, по-видимому, общее количество чиновников в системе местного государственного аппарата могло быть несколько большим, чем показывают данные, приводимые Троицким, что может уменьшить процент чиновников, известных нам по формулярным спискам; среди общего их числа, имеющихся данных достаточно для того, чтобы рассмотреть социальный состав служащих местных государственных учреждений в 1775 г.

Необходимо обратить внимание еще на одну группу источников по истории чиновничества — адрес-календари³⁴. К сожалению, адрес-календари XVIII в. очень неполны и малоинформативны и поэтому не могут служить основным источником по истории чиновничества. Но для нас адрес-календари 60—90-х годов XVIII в. ценны тем, что в этот период сведения для них собирались автономно и не зависели от других форм учета чиновничества. Такая автономность сбора сведений для издания адрес-календарей, по-видимому, была вынужденной и объяснялась неспособностью Герольдмейстерской конторы предоставить необходимые сведения, хотя первоначально предполагалось, что именно данные о чиновниках, имеющиеся в Герольдмейстерской конторе, будут основой для издания адрес-календарей.

Особенность адрес-календарей позволяет их использовать для проверки и уточнения данных формулярных списков, в том числе и при решении проблемы репрезентативности. Правда, Герольдмейстерская контора во второй половине XVIII в. сделала успехи в организации учета чиновничества и, по-видимому, уже могла быть источником сведений для издания адрес-календарей, о чем свидетельствует письмо Троицкого Бакунину от 7 сентября 1797 г. по поводу источников сведений, собираемых для календарей. В письме говорится: государь император "повелеть... изволил дать... знать, что Академия Наук может и должна к следующему новому году напечатать придворной и штатской календари, с тем только, чтобы она не требовала частно ни от каких мест списков о чинах, поелику оные могут быть неверные, а что вы получите исправные списки о всех чинах по гражданской службе от генерал-прокурора, а по военной от генерал-адъютантов"³⁵. Однако практика автономного сбора сведений для издания адрес-календарей, по-видимому, сохранилась, о чем свидетельствуют многочисленные материалы, отложившиеся в результате присылки сведений о чиновниках непосредственно из учреждений, в фонде Календарной комиссии в Архиве Академии наук.

³² Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 179 (табл. 3).

³³ ЦГАДА. Ф. 286 "Герольдмейстерская контора". Кн. 531, 537, 543, 544, 547, 548, 553, 560, 564, 574, 578, 579, 583, 587, 594, 595, 603, 604, 617, 620, 623.

³⁴ Подробнее см.: Туманова М.Ф. Указ. соч.

³⁵ ЛО ААН. Ф. 11 (Календарная комиссия). Д. 2. Л. 1.

**МАТЕРИАЛЫ О СОБИРАНИИ КОЛЛЕКЦИЙ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ
И.П. ЛАПТЕВЫМ И Н.М. МИХАЙЛОВСКИМ
(часть вторая)**

В первой части нашей статьи, опубликованной в АЕ за 1990 г., был поставлен вопрос о необходимости изучать собрание коллекций водяных знаков (ВЗ=филиграней), имея в виду не только их историографическое значение для филиграноведения, но и общекультурное. В ней изложены и результаты первых архивных поисков на эту тему.

Основу данной статьи составили источники по истории собирания коллекций ВЗ в Петербурге первой половины XIX в. из фондов ОР ГПБ. Прежде всего это материалы фонда Н.М. Михайловского (ф. 487), рукопись книги "Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи" И.П. Лаптева (СПб., 1824) (ОЛДП. Q. 48. 40 л.). Привлечены также документы из других архивов.

В предыдущей статье были даны отдельные биографические сведения о Н.М. Михайловском, общая характеристика его коллекции ВЗ, изложено содержание его филигранологических заметок "О дипломатике", сделана попытка установить круг прежних владельцев тетрадей с ВЗ, среди которых оказался и И.П. Лаптев. Углубленное изучение материалов фонда Михайловского, особенно коллекции филиграней, а также других источников позволило уточнить ранее сделанные выводы и привести новые факты. Подробное охарактеризовать личность, служебные и внеслужебные занятия этого чиновника, любителя древностей, дают возможность его личное дело (ЛО ААН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. 1853—1877 гг.) и некоторые опубликованные источники.

Николай Матвеевич Михайловский (1815—1877) по происхождению из духовного звания. В 1835 г. окончил Петербургскую духовную семинарию. После увольнения из духовного ведомства был определен канцеляристом в чине коллежского регистратора Министерства народного просвещения (далее — МНП), в ведомстве которого прослужил с 1836 по 1877 г. (кроме 1849—1853 гг., когда работал в гоф-интендантской конторе, а после ее ликвидации находился "за штатом"). Был секретарем Совета Петербургского университета, секретарем канцелярии Комитета правления Академии наук и дослужился до чина статского советника. Одновременно в разные годы (1838—1849) назначался чиновником Археографической комиссии или сотрудничал с ней, неоднократно получая благодарности. Назначенный чиновником комиссии 7 октября 1838 г., он уже 14 декабря оказался в числе всех ее сотрудников, удостоенных высочайшего благоволения "за усердие и успешные труды на пользу отечественной истории и археографии". Оно последовало после того, как комиссия преподнесла в подарок царю свои издания. Если эта благодарность была для молодого чиновника случайной, то остальные он действительно заслужил: 27 июля и 28 ноября 1842 г. — "За предоставление в Археографическую комиссию старинных бумаг юридического содержания и за сообщение древних исторических актов, которые положено напечатать в издаваемых комиссиею дополнениях к актам юридическим и историческим", 18 мая 1844 г. — за помощь комиссии¹. Все эти факты из личного дела подтверждаются

¹ ЛО ААН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. Л. 25.

записями в опубликованных протоколах заседаний Археографической комиссии за соответствующие месяцы и годы (различны только даты дней заседаний, выписка из протоколов которых делалась позднее). Сведения о предложенных Михайловским копиях разных документов имеются и в протоколах за другие годы, но не все они были приняты. В одном из протоколов за 27 января 1843 г. приводится текст письма Михайловского, в котором, в частности, говорится: "Почитаю за особое счастье, что старания мои об отыскании для Археографической комиссии древних бумаг постоянно имеют успех...", далее перечислены семь списков с документов XVII в.² Это единственное прямое свидетельство его самого об отношении к делу, помимо заметок "О дипломатике". Но надо отметить, что копии некоторых документов были сделаны с ошибками, а "Соборное деяние на еретика Мартина" являлось подложным, на что указали ему сотрудники комиссии³. Сказывались неопытность в работе, отсутствие специального исторического или филологического образования. В "Перечне лиц, доставивших в Комиссию материалы для изданий" нет его фамилии. Видимо, перечень учитывал только членов и корреспондентов, предложивших особо ценные рукописи. Михайловский же в эти годы — молодой сотрудник, стесненный в средствах (записи он часто делал на черновиках служебных документов Департамента народного просвещения), отмечен в числе "чиновников Комиссии и других лиц", которые "содействовали членам в трудах по переписке и изданию актов"⁴.

Занимался ли Михайловский разысканиями такого рода раньше, неизвестно. Во всяком случае в конце 1830-х — начале 1840-х годов относительно крупнейших хранилищ рукописей Имп. публичной библиотеки и Румянцевского музея он пишет в своих филигранологических заметках, что "не принимался за труд в библиотеках сих, потому что днем, в указанное время, не имею времени"⁵ (т.е. на службе), а вечером трудно разбирать текст рукописей, да и не очень их выдавали начинающим любителям старины. На первых порах стимулировало собирание рукописей и книг его увлечение филигранологией. Снимать рисунки ВЗ он мог только с бумаги собранных источников. Назначение для дополнительного заработка в Археографическую комиссию, безусловно, усилило интерес к поиску, не покидавший его до конца жизни. Об этом свидетельствуют многие факты и составленное им собрание рукописей.

В 1845 г., видимо, как человек, зарекомендовавший себя в археографическом поиске, он был привлечен к разысканиям в архиве Департамента народного просвещения документов, не вошедших в I и II собрания законов Российской империи, и провел их успешно. Может быть, именно здесь, по месту своей основной работы, он начал снимать первые копии с документов, которые предлагал Археографической комиссии. О богатстве этого архива, получившего материалы из польских хранилищ, рассказал его начальник Петров⁶. Позднее, приобретя опыт работы и укрепив свое материальное положение, Михайловский искал документы в иных архивах, выезжал в другие города, особенно северных уездов — Новолодожского и др.⁷

К изготовлению копий документов и подобных работ стал привлекать переписчиков. Об одном из таких остро нуждающихся в средствах к существованию человеке — Федоре Васильеве свидетельствует его письмо к Михайловскому

² Протоколы заседаний Археографической комиссии, 1841—1849. СПб., 1886. Вып. 2. С. 149.

³ Там же. С. 111, 141.

⁴ Отчеты о занятиях и изданиях Археографической комиссии за двадцатилетие ее существования (1834—1859) и речи, читанные в публичном ее собрании 27 декабря 1859 г. СПб., 1860. С. 48, 49.

⁵ ОР ГПБ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 46. Л. 52 об.

⁶ Протоколы заседаний Археографической комиссии, 1841—1849. Вып. 2. С. 173.

⁷ ЛО ААН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. Л. 107.

от 9 февраля 1867 г. Васильев сообщает, что находится в больнице с очередным расстройством кишечника, но работает. И здесь ему даже лучше, чем дома. Он извиняется за задержку рукописи "Этнография великорусского народа", полученной от Михайловского для какой-то вспомогательной работы, и униженно просит и впредь снабжать такой работой, "а если отыщется, то и перепискою набело", так как у него нет денег даже на чай. И далее оправдывается: "Чай в больнице отнюдь не составит роскоши, он служит больному как бы подспорьем к лекарству; да и сильное разжигается желание, когда видишь, как другие пьют, а ты смотри..."⁸.

Несмотря на рост по служебной лестнице, материальное положение Михайловского оставалось непрочным; иногда он даже просил у начальства денежного вспомоществования, ссылаясь на бедственное состояние своей семьи. Тем не менее начатое в молодости собирание рукописей и книг он продолжал, очевидно экономя на самом насущном, и оставил собрание из 1137 рукописей и книг XV—XIX вв. в оригиналах и копиях⁹.

Судя по составу собрания, Михайловский относился к той категории универсальных коллекционеров, которые собирали все ценное. Преобладали исторические, духовные, литературные рукописи, но есть и произведения по медицине, космогонии и т.д. Если учесть его происхождение и образование, понятен интерес к рукописям духовного содержания. Занятия в Археографической комиссии стимулировали интерес к историческим источникам и исследованиям. Увлекали его поэзия и литература. Он сочинял стихи и даже издал сборник "Некоторые из духовных стихотворений Николая Михайловского" (СПб., 1847. изд. 1, 2, 35 с.)¹⁰. Поэтому в его собрании много списков литературных произведений известных отечественных и зарубежных писателей, а также анонимных.

Собрание Михайловского, важное само по себе¹¹, свидетельствует о разносторонности интересов владельца. Но он не только собирал рукописи и документы, но и занимался их исследованием, в основном в отечественной гражданской и духовной истории, отчасти в зарубежной; опубликовал несколько очерков и документов в "Журнале Министерства народного просвещения"¹², выступая и под псевдонимом "К. Михайловский"¹³.

Черновики ряда незавершенных статей сохранились в его личном фонде, например продолжение статьи об И.И. Бецком (Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 10). В нем много справочных материалов, свидетельствующих о занятиях Михайловского вспомогательными историческими дисциплинами: генеалогией (родословные русских великих князей, а также родов Глинских, Мещерских, Нащокиных и др.), исторической географией, краеведением (описания Углича и уезда, Гостиного по-

⁸ ОР ГПБ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

⁹ ОР ГПБ. Ф. 487. Оп. 2. Описание и справку к фонду составила Е.Э. Гранстрем.

¹⁰ 400 экземпляров сборника он пожертвовал в пользу учебных и воспитательных заведений. Видимо, такой поступок малообеспеченного чиновника был связан с плохой распродажей сборника. Это позволило ему получить не только благодарности попечителя Петербургского учебного округа и разных благотворительных учреждений, но и выпустить второе дополненное издание в том же году (ЛО ААН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. Л. 26). Случай беспрецедентный, учитывая профессиональную слабость стихов и неизвестность автора.

¹¹ Высоко оценивали его И.И. Срезневский (Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы. СПб., 1866. С. 243—274), В.Н. Перетц (Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербурге, 20 февраля — 6 марта 1910 г. Киев, 1910. С. 11. Отт. из "Университетских известий"; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1908 год. Пг., 1915. С. 32—59).

¹² Михайловский К. Архангельск в 1756 г. // ЖМНП. 1852. № 12; Михайловский Н. Материалы для биографии И.И. Бецкого // ЖМНП. 1853. № 3; Он же. Корнелий Непот и его сочинения // ЖМНП. 1859. № 2. Возможно, он опубликовал и больше, но нам удалось обнаружить только эти работы.

¹³ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. IV. Новые дополнения к алфавитному указателю. М., 1960. С. 319.

ля, Ладоги и др.), нумизматикой (справочник по монетам), наконец, филиграноведением — черновые заметки "О дипломатике", задуманные как "пособие для историков" (Ед. хр. 46. Л. 50—55 об.), и большая коллекция ВЗ (Ед. хр. 45—48).

Проанализировав деятельность Михайловского, характер материалов его личного фонда и собрания, можно считать, что к филиграммам он обратился не случайно, а в процессе собирания и изучения старинных рукописей, причем в самом начале этого процесса. Он копировал ВЗ из рукописей своего собрания или одалживал у книготорговцев и коллекционеров, которые, по его словам, "древние книги неохотно дают другим"¹⁴. Судя по характеру воспроизведений ВЗ и почерку надписей к ним, многие из них были сделаны другими лицами, а некоторые тетради с ВЗ куплены Михайловским. Тогда становится понятным такой большой объем коллекции ВЗ у еще молодого мелкого чиновника. Как уже сообщалось, приблизительный подсчет филиграней коллекции дал цифру более 4 тыс. Даже если взять верную ее половину (поскольку многие рисунки сделаны карандашом, начерно, на обеих сторонах листа, без контрамарок, имеются повторы), то и 2 тыс. знаков по любым меркам большая коллекция.

Что же нового дал дополнительный анализ коллекции ВЗ, принадлежавшей Михайловскому? В нашей предыдущей статье было доказано, что до Михайловского владельцами тетради с ВЗ в ед. хр. 48 были И.П. Лаптев, а до него — петербуржцы Е.С. Петров, А.В. Беляев. Проведенное исследование бумаги тетради позволило выявить ВЗ ^{АО} 1817 и Vryheid (Лев в овале под короной с жезлом

и пучком стрел). По ним можно предположить, что у А.В. Беляева тетрадь была не ранее 1817 г., т.е. он или кто-то другой снимал рисунки ВЗ в то же самое время, когда этим в Вологде занимался И.П. Лаптев. И с той же целью — "для признания старинных книг". О Е.С. Петрове и А.В. Беляеве пишет в своих воспоминаниях нумизмат С.А. Еремеев¹⁵.

Тетради с ВЗ в ед. хр. 47 рассмотрены в предыдущей статье и сделаны два заключения: а) по количеству и рисункам они же являются копиями из книги Лаптева, как написано в архивном заголовке, а воспроизведены с первоисточников Михайловским или по его поручению; б) первая тетрадь содержит наиболее четкие рисунки ВЗ коллекции Михайловского.

Сравнение бумаги, рисунков ВЗ, почерков записей к ним в тетрадях ед. хр. 46 и 47 показало следующее.

1. Рисунки ВЗ в значительной мере совпадают, но в ед. хр. 46 они черновые (чернилами и карандашом), а в I ч. (тетради) ед. хр. 47 очень четкие, расположены в рамках-таблицах по хронологии (как в книге Лаптева), т.е. явно произведен отбор знаков. Совпадение номеров и сюжетов рисунков ВЗ:

Ед. хр. 47, 84 л.
Л. 1—40 (I ч. беловая)¹⁶
Л. 42—84 (II ч. черновая)

Ед. хр. 46, 55 л.
Л. 14, 15—17, 19—24.
Л. 1—17.

2. Черновые рисунки ВЗ в ед. хр. 46 сделаны на бланках Министерства народного просвещения с типографской датой "183..." и на прозрачной бумаге без ВЗ, что, безусловно, доказывает принадлежность их Михайловскому, с 1836 г. работавшему в этом министерстве и, как свидетельствует состав его личного фонда, часто использовавшему бланки учреждения для своих записей.

¹⁴ ОР ГПБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 52 об.

¹⁵ Еремеев С.А. Материалы для истории русской нумизматики // Зап. СПб. археол. нумизмат. о-ва. СПб., 1849. Т. 1. С. 426.

¹⁶ Нумерация ВЗ, данная владельцем тетради, позволила выявить ошибку при формировании тетради: после л. 32 с ВЗ № 236 должен быть л. 39 с ВЗ № 237—243, а потом л. 33 с № 244.

3. Общность тетрадей подтверждается и совпадением текста многих записей к ВЗ, однако орфография записей различается.

4. Записи к ВЗ в ед. хр. 46 содержат отсылку к источникам, а в ряде случаев (л. 1—5) сравнения со знаками книги Лаптева. Например, на л. 1: "В мартовской половине Пролога. По Лаптеву 1666 г. и сходный 1652 г.". При датировке знаков учитывались дата рукописи, почерк и бумага. Например: "Эту же фигуру, находящуюся в том же болгарском Евангелии, должно относить ко времени несколько раньше, чем означенные две, потому что здесь и бумага, и почерк руки кажутся древнее" (л. 2). Интересна запись на л. 31, раскрывающая способ получения рукописи: "фигуры находятся в Евангелии юсовом, парчевом, которое брал я на время от торгова и которое печатано в Вильне в 1600 г."

Наличие в тетради сравнений только с ВЗ книги Лаптева подтверждает высказанное нами ранее предположение, что коллекцию Михайловский комплектовал до выхода книги К.Я. Тромонина, т.е. с конца 1830-х годов до 1844 г. Образцом для него служила книга Лаптева, хотя он и относился к ней критически. Никаких иностранных работ по филиграням он не использовал.

Таким образом, из трех рассмотренных дел ВЗ ед. хр. 46 можно считать срисованными Михайловским, а ВЗ в ед. хр. 47 повторяют основное число знаков в ед. хр. 46, причем в I (беловой) ч. воспроизведенных также им, а во II — менее грамотным лицом, которому Михайловский поручил эту работу. Тогда понятен и характер записей во II ч. ед. хр. 47 — отмечалось не только расположение ВЗ в рукописной книге, но и расположение книги на полке, а также день и месяц выполненной работы.

Тетрадь же в ед. хр. 48, принадлежавшая Лаптеву, была куплена Михайловским. Судя по числу листов (20) и числу ВЗ (200)¹⁷, она могла быть третьей (отсутствующей) тетрадью в ед. хр. 47, в которой на обложке обозначены три тетради и число листов и ВЗ в каждой¹⁸. Вряд ли такое совпадение случайно. Видимо, приступая к работе с ВЗ набело, Михайловский подсчитал общее наличие тетрадей с ВЗ и записал на обложке.

В нашей предыдущей статье дана характеристика ед. хр. 45 по архивному заголовку: "Тетрадь филиграней, перерисованных Н.М. Михайловским из рукописей и книг XIV—XVII вв." Однако сомнения, возникшие при ее изучении, удалось разрешить лишь теперь. Напомним ее основные данные.

Тетрадь состоит из 210 л.¹⁹ В ней около 2 тыс.²⁰ частично пронумерованных рисунков ВЗ XIV—XVIII вв.²¹ На полях — сведения об источниках ВЗ, их датировка, рассуждения о бумаге, ее формате и ВЗ. Много записей о лицах (купцах, книготорговцах, коллекционерах), у которых куплена или заимствована рукопись для воспроизведения филиграней или их сравнения. Многие рисунки и записи, зачеркнутые красными чернилами, наводят на мысль, что производился их отбор. Так работал И.П. Лаптев при подготовке рукописи своей книги с ВЗ для представления в цензуру²². Может быть, совпадение случайно? Может быть, Михайловский копировал метод работы Лаптева? Но рукописи лаптевской книги,

¹⁷ С.А. Клепиков ошибочно указал 400 ВЗ (ОР ГБЛ. Ф. 719. К. 25. Ед. хр. 10. Л. 72). В действительности их несколько больше 200, а по записи Лаптева — "около двухсот".

¹⁸ См. нашу статью в АЕ за 1990 год (М., 1992).

¹⁹ Архивная нумерация не совпадает с постраничной нумерацией владельца тетради. В конце он сбился и написал "461 с."

²⁰ На л. 207 под таблицей ВЗ указано 88, "а всего 1800", но не учтены еще 2 л. с таблицами ВЗ, некоторые знаки пропущены.

²¹ На первых же листах среди ВЗ XV и XVI вв. появляются рисунки знака "Герб Амстердама", а на л. 168 об. записано: "Рисунки из книги о скудости и богатстве, письменная. Рисунки под № 400. Писано 1724". Речь идет о книге И.Т. Посошкова. Таким образом, отдельные ВЗ относятся к XVIII в.

²² См.: ОР ГПБ. ОЛДП. Q. 48. 40 л.

подготовленной для цензора, как и других его рукописей, Михайловский видеть не мог. Он имел только тетради с ВЗ, принадлежавшие Лаптеву и купленные на аукционе в 1840 г. Тетради? Но до сих пор нам была известна только одна тетрадь из коллекции Лаптева — ед. хр. 48. И вот тетради ед. хр. 45.

Помимо сходства с рукописью книги Лаптева в отборе ВЗ путем перечеркивания, есть и другие сходства. Как уже отмечалось, знаки находятся в рамках-таблицах (всего 417 табл.), как у Лаптева, группировка, как у Лаптева, не по сюжетам, а по хронологии (вклинивается только "Герб Амстердама").

Поразительные совпадения дает сравнение перечеркнутых красным ВЗ одинаковой даты (иногда и текста) в ед. хр. 45 и рукописи книги Лаптева (РКЛ) (табл.).

Ед. хр. 45		РКЛ		Книга И.П. Лаптева
л.	Зачеркнутые ВЗ	л.	Зачеркнутые ВЗ	Таблицы ВЗ
1	Три из четырех ВЗ	2	Три из четырех ВЗ	Табл. 2, кроме одного ВЗ
5 об.	Все девять ВЗ 1594 г.	6	Все девять ВЗ 1594 г.	Несколько отличается
9—9 об.	Все	4, 4 об., 5, 5 об.	Все	Отсутствует ВЗ "единорог"
10	№ 27	3	№ 19	—
13 об.	"Орел" под короной	12 об.	То же	Отсутствует
16	"Рыба", "всадник", монограмма 1697 г.	11	То же	Табл. 15, 16
23 об.	Все	7, 7 об.	Все	Табл. 9—11
28 об.,	Все	17 об. —	Все	Табл. 26—28
29 об.		20		
35	"Всадник", "свеча" № 110	15	То же	—

Эти совпадения ВЗ могут, конечно, означать лишь то, что они взяты из одного источника. Но если работали бы разные люди, то не было бы одинаковых зачеркиваний красными чернилами.

Исследование бумаги ед. хр. 45 дало результаты.

1. Тетради составлены из листов трех видов бумаги разных лет русского производства. Данные С.А. Клепикова²³ и мои²⁴ позволяют определить по ВЗ бумаги, включающим годы ее изготовления, хронологический отрезок 1819—1828 гг.

2. Бумага с ВЗ в виде монограммы АБФ, но с другим годом (1823) есть в упомянутой рукописи лаптевской книги (в 1824 г. книга уже издана).

²³ Клепиков С.А. Филигрны на бумаге русского производства XVIII—XX вв. М., 1978. С. 39. ВЗ № 581, 583, 585, 586

бумаги ед. хр. 45, л. 174, 178, 181—183, 185, 189.

ПУФ | АКС
1828
ЕШ

(и другие инициалы. — Ю.А.). В № 585 ошибочно указан л. 183, должен быть л. 189; в № 586 вместо инициалов мастера ФИ в оригинале — ФН. Монограмма расшифрована К.Я. Тромониным: "Переяславского уезда [Ярославской губ.] фабрика Алексея Куманина сыновей".

²⁴ Ед. хр. 45. Л. 81, 82. ВЗ АБФ 1824 ("Александровская бумажная фабрика" Е. Кайдановой). На л. 78, 89

ВЗ Britannia (без девиза), согласно справочникам С.А. Клепикова и М.В. Кукушкиной, располагался на правой стороне листа бумаги этой фабрики. Полный ВЗ АБФ 1824 | Britannia Л. 155 и др. в середине

листа имеют ВЗ 1819 АО ("Александр Ольхин") или Horn АО, по краям листа, изображен бордюр, как в

бумаге ед. хр. 48 (л. 6, 19 — ВЗ АО 1817).

В 1819—1928 гг. Михайловский был еще малолеткой. Можно, конечно, предположить, что, занимаясь филигранями в конце 1830-х — начале 1840-х годов, он использовал залежавшуюся бумагу. Но это маловероятно, так как бумага русского производства, да еще в середине XIX в. так долго не залеживалась. Напомним, в тетрадах ед. хр. 46, 47 (как и в других делах его фонда) употреблялись черновики на бланках МНП или бумага без ВЗ. Только обложка 1-й

тетради в ед. хр. 47 сделана из плотной бумаги с ВЗ БУ|Pro Patria (Клепиков, 1823

1978, № 97).

Таким образом, анализ бумаги ед. хр. 45 уже склоняет нас к тому, что ВЗ в ней перерисованы не Михайловским, как значится в архивном заголовке, а либо самим Лаптевым, либо по его поручению.

Кроме того, филигранные бумаги позволяют установить, что тетради ед. хр. 45 начали заполняться рисунками ВЗ до того, как Лаптев 14 июля 1831 г. (т.е. уже во второй половине года) купил тетрадь у Е.С. Петрова. Поэтому вторую часть записи Лаптева в тетради ед. хр. 48 (л. 20) ("в сей книжке... клейм с годами и без годов около двусот, но однако их следует в годах сверить с моими Лаптева клеймами") можно отнести к ВЗ ед. хр. 45.

К выводу о принадлежности тетрадей ед. хр. 45 Лаптеву приводит изучение почерков. Записи (как правило, на полях, иногда под филигранями) принадлежат по крайней мере двум, а то и трем лицам, почерк которых не похож на почерк Михайловского. Один из них писал четким каллиграфическим почерком, черными чернилами только на полях и только об источниках ВЗ (похоже, что он воспроизводил ВЗ и тут же отмечал источник). Записи этим почерком преобладают. Почерк другого перемежается с первым и принадлежит человеку, который писал плохо (в смысле орфографии и стиля), черными и коричневыми (даже совсем выцветшими) чернилами на полях, карандашом у ВЗ и оставил заметки на л. 210 (без рисунков ВЗ), часто пропускал буквы. Однако именно этим почерком даны не только сведения об источниках, но и сравнения ВЗ, рассуждения о них, отсылки к библиографии, библиотекам, владельцам рукописей. Приведем примеры, сохраняя здесь и далее орфографию записей вторым почерком. Л. 5: "1368-го, но по[д]пись под сумлением и подложно". Л. 23 об. У филиграней, идентичных рисункам ВЗ в рукописи книги Лаптева и в ее издании (табл. 24, 1666 г.), дважды написано карандашом: "ошипка, а старше по другим". На л. 9 об. 8 ВЗ зачеркнуты красным. Шесть из них идентичны знакам на л. 4 об., а два — на л. 4, 5 упомянутой рукописи Лаптева. И здесь и там на полях сходные надписи одним и тем же корявым почерком, который в рукописи принадлежит Лаптеву, значит, и здесь тоже. На полях того же л. 9 об. написано: "Под № 25 после выделки бумага долго не писалась". Характерно, что ВЗ № 25 — "единорог" 1574 г. — имеется и в указанной рукописи (№ 34) под той же датой и тоже зачеркнут красным. После приведенной цитаты фраза писарским почерком: "В Измарагде, писанной в 7082 (=1574 (в оригинале кириллическими буквами. — Ю.А.)) году, рисунки под № 25" перечеркнута красным. За ней следует запись корявым почерком: "и кормчая в четверть²⁵ Василья Сажина*" (такой значок и около ВЗ "единорог". — Ю.А.).

Изучение многих других записей свидетельствует, что человек с корявым почерком, то бишь Лаптев, часто как бы проверяет и уточняет работу человека с каллиграфическим почерком.

Сравнение почерков Лаптева в записях рукописи книги Лаптева и ед. хр. 45 не оставляет сомнений в их идентичности. Особенно хорошо это видно по начертаниям букв в словах "бумага", "хлопчатая", "долго", не гово-

²⁵ Далее слово неразборчиво.

ря о сходстве орфографии письма. Как показывают записи Лаптева на его рукописях и старопечатных книгах, хранящихся, в частности, в Погодинском собрании и проанализированных К.И. Ивановой, несмотря на большие знания в области палеографии, писал он не очень грамотно, некрасиво. А воспроизведения филиграней и переписку рукописей выполняли другие лица, в том числе его дети. Он же, как правило, делал замечания по тексту и ВЗ.

Чем объяснить наличие зачеркнутых филиграней и текста к ним в ед. хр. 45, совпадающих с аналогичными зачеркиваниями в рукописи книги Лаптева? Ведь тетради заполнялись (судя по ВЗ их бумаги) и после 1828 г., т.е. когда книга Лаптева уже вышла из печати. Может быть, тетради ед. хр. 45, конечно в своем первоначальном объеме, послужили основой для рукописи книги? И поэтому Лаптев в рукописи предложил подобрать еще 20 ВЗ, чтобы всего было 170. Если они из ед. хр. 45, то должны находиться в начале ее. Так и есть. Приведенная таблица показывает, что совпадающие с рукописью книги зачеркивания расположены на первых 35 л. (ед. хр. 45).

Сведения из ед. хр. 45 позволяют расширить круг лиц, между которыми происходил обмен рукописями, книгами и рисунками филиграней.

В нашей статье в АЕ за 1990 г., выражено пожелание о полезности составления списка коллекционеров рукописей и старопечатных книг первой половины XIX в. Были названы семь фамилий коллекционеров, а также книготорговцев, установленных на основании записей в ед. хр. 48 о продаже этой тетради комиссионером графа Толстого Е.С. Петровым Лаптеву и на основании помет Лаптева на полях книг из его собрания, выявленных и опубликованных болгарской исследовательницей К.И. Ивановой, а позднее в каталоге "Рукописные книги собрания М.П. Погодина" (Л., 1988. Вып. 1).

Записи на полях и у ВЗ в ед. хр. 45 каллиграфическим и лаптевским почерками неоднократно упоминают того же Е.С. Петрова (л. 61 об., 65, 68, 97, 97 об., 98). Значит, этот комиссионер был владельцем собрания рукописей и интересовался филигранями. Один раз упоминается рукопись от некоего "Михаила Петрова" (л. 72). Часто встречается фамилия купца Г.А. Громова (л. 13, 15 об., 37, 40, 63, 92 об., 98, 101 об.), с которым, как известно, Лаптев обменивался рукописями и рисунками. В связи с этим уточним интересную запись на л. 15 об., которая хорошо отражает характер работы Лаптева, неизвестного нам переписчика над филигранями и ведущую роль Лаптева в ней. Сначала каллиграфическим почерком фраза: "Письменная душа с плотию 6968 (=1460 г. В оригинале изображены кириллическими буквами. — Ю.А.). году, рисунки под № 44". Лаптевским почерком над ней — "под сумлением", а после нее — "атдана Громову".

Упоминаются еще две фамилии, знакомые по записям Лаптева на книгах: Новоладожского крестьянина Г. Климова²⁶ (л. 159 об.) Лаптевским почерком: "Купляна у Климова крестьян" (видимо, "крестьянина". — Ю.А.) и Пискарева (л. 150). К сожалению, отсутствие инициалов у второй фамилии не позволяет определить, тот же ли это московский книготорговец Иван Васильевич Пискарев, о котором писал Лаптев в 1832 г. (см. Погод., 38, л. 1), или московский купец, владелец коллекции рукописей Дементий Васильевич Пискарев²⁷.

Часть записей свидетельствует об использовании для выявления ВЗ рукописей из собрания графа Н.П. Румянцева (например, л. 74 об. "Кормчая на хлопчатой бумаге, древлеписьменная г. канцлера Румянцева, описанная бароном Розен-

²⁶ *Иванова К.И.* Рукописи И.П. Лаптева в собрании М.П. Погодина // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 190; Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Л., 1988. С. 186.

²⁷ *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1912. Ч. II. С. 26.

кам[п]фом, рис. 214", л. 75, 96); "от Розенкам[п]фа" (л. 67 об., 155, 160 об.); чаще — "из библиотеки графа Толстого" (л. 47, 76, 77 об., 93, 121—124 об., 131) (Ф. А. Толстого, — Ю.А.). Причем некоторые записи лаптевским почерком указывают на проводимое сравнение, проверку ВЗ по рукописям этого собрания, особенно характерная на л. 131 об.: "У графа Толстаго Никон Черногорский, печатаной в Остроге, несколько сходно съ сими политерею (под литерой. — Ю.А.) А" (ср. л. 47). Не раз упоминается владелец одной из крупнейших в России коллекций, известный фальсификатор рукописей А.И. Сулакадзе (л. 17, 50 об., 59, 101).

Очень важным для нашего исследования являются упоминания об использовании рукописей и книг из Имп. публичной библиотеки (л. 18 об., лаптевским почерком: "Кормчая первая в государственной библиотеке"; л. 50, каллиграфическим почерком к ВЗ № 168, 169: "Кормчая письменная вторая в Императорской библиотеке"). Лаптев и писец часто дают отсылки к библиографическим справочникам, со словами "по библиографу..."²⁸ (л. 6 об., 18 об., 50, 133 об., 139, 151 об. и др.), к описаниям собраний рукописей и книг (уже отмеченных графов Румянцева и Толстого). Большинство этих записей не имеет точных отсылок. Но одну, на л. 121, — "Максима Грека древлеписьменная — отдел II, № 241 графа Толстого, рис. № 306" — удалось идентифицировать по изданию "Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого" (М., 1825).

Любопытно примечание на л. 133 об.: "Евангелие на престоль[ное] от Вольки сына из лавки. № 329 по библиографу, юсовой печати, но в 1600 [г.]". Указание на лавку книготорговца и на л. 119 об. (лаптевским почерком). Есть отсылка к книге, купленной на аукционе: на л. 59 к ВЗ № 185 (двуглавый орел без короны, см. в книге Лаптева) характерным для Лаптева почерком и с пропусками букв запись: "Службник, печатаной [в] 1639 [г.], с а[у]кциону от Спелевина, № 185, по сей год".

Часто упоминается книготорговец Леонтий Куприянов (л. 72 об., 77, 95, 119 об., 131, 143, 145, 148, 156 об., 157 об., 165 об., 170). О рукописи, из которой сняты ВЗ, на л. 170 написано: "Продана Лявонтъем Куприяновым Екиму Лавровскому. 405 рис.". На л. 119 об. запись, по которой можно определить фамилию книготорговца, если иметь список лавок: "Таковой же рисунок Григория и Петра в книге, в лавке после Левонтья Куприянова". В обозначении лиц преобладают имя и фамилия, особо уважительно, по имени-отчеству, названы только двое: Ефим Саввич Петров (л. 68, 97 об.) и Осип Осипович Муралов (л. 138 об., 173).

Остальные фамилии коллекционеров и книготорговцев, фигурирующие в записях ед. хр. 45 по одному или нескольку раз, видимо, принадлежат лицам, с которыми связи первоначального владельца тетради были не столь постоянными (не названы они и В.П. Козловым). Перечислим эти фамилии, к сожалению, без возможности определить род занятий большинства их носителей, но с надеждой дать хотя бы какую-то зацепку о работе Лаптева с рукописями (некоторые фамилии, возможно, встречаются в записях источников): Филипп Андреев (л. 6 об., 7 об., 20, 48, 51, 59, 60, 67), Апарин, Ашер (л. 157, 163), Бардуков (л. 180 об.), Яков Васильев (л. 184 об. — "о[т] Якова Васильева каталога", л. 185 — "купляна у Якова Васильева"), Круглов (л. 137 об.), Василий Кузмин (л. 45 об.), Гарасим Людин (л. 73—74 об.), Паньков (л. 138 об.), купец Василий Сажин (л. 9 об., 46 об., 50, 51 об.), "через Смирнова" (л. 45, 130 — лаптевским почерком), Софин (л. 145), Солодовников (л. 66, 99 об., 101 об. 102, 120 об., 144, 192 об.), Столяров (л. 75, 76), Чепурин (л. 15); и др.

Как уже отмечалось, среди тетрадей с филигранями наиболее содержательные записи имеются в ед. хр. 45, кроме, конечно, заметок "О дипломатике" ед. хр. 46,

²⁸ Скорее всего, "Опыт российской библиографии" (СПб., 1813—1821. Ч. 1—5) В.С. Сопкиова.

л. 50—55 об.²⁹), бесспорно принадлежащих Михайловскому. Что же дают записи в ед. хр. 45?

Прежде всего ссылки на источник воспроизведения, дату филиграни, которые написаны, как правило, писарским почерком, и рассуждения о бумаге, достоверности датировки, ВЗ, подписи рукописи, о ее миниатюрах. Эти рассуждения свидетельствуют, что анализ рукописи проводился комплексно. Изучались бумага ("на бомбичине, то есть на хлопчатой" — л. 68; "на хлопчатой бумаге" — л. 71, 74 об., 75, 129, 159 об., 163 об., 196 об.; "на хлопчатой, тряпишной бумаге" — л. 203 об.; "бумага толстая, видно, для вся[ко]го изделия" — л. 190, даже "с жуками" — л. 145), ее формат (л. 160 об. — "Минея февральска... больше всех форматом бумага"; л. 190 — "книга форматом в четверть листа"), устанавливалась залежность (л. 9 об. — "после выделки бумага долго не писалась"). Филигрань названа по-разному: "клеймо", "знак", "рисунок", но сюжеты ВЗ, как правило, не обозначены. Следует учесть, слово "рисунок" употребляется и применительно к миниатюрам (л. 119 об.). Загадочной выглядит фраза на л. 129: "на хлопчатой бумаге средне клеймо", если относить название "хлопчатая" (на л. 68) только к бомбичине. Как видим, точности в определениях еще не было. На л. 187 запись указывает на сравнение литер в филиграниях, на л. 51 — сравнение знаков в рукописях других владельцев ("А у Филипа Андреева в Никоне Черногоры тако же клеймо № 169").

Помимо перечисленного, имеются записи с наблюдениями над почерками, датировкой рукописей (№ 166 — "разных рук книга", л. 159 об. — О книге, купленной у Г. Климова: "Однако не в одно время писана"; л. 9 об. — приведенная выше запись о залежности бумаги заканчивается так: "Либо Измарагде подпись³⁰ другою рукою учинена, под [д]ругой оказывается старше около 1513 г."). Вот подробное рассуждение такого рода на л. 149 об.: "Со знаком звездкой (звездой. Слова до союза "ибо" зачеркнуты автором. — Ю.А.) и два клейма сии не совсем древние, ибо книга из разных списков. Есть и такой, как под № 341. Год не древней в сей, на таковом клейме 1680 [г.] выставили". К ВЗ № 185 из служебника 1639 г., купленного на аукционе, запись Лаптева: "А книга кажеца долж[но] быть старше".

Обобщим наблюдения над ед. хр. 45. Все приведенные сведения, на наш взгляд, окончательно убеждают в том, что перед нами рабочие тетради И.П. Лаптева, а не Н.М. Михайловского. За это говорит прежде всего анализ ВЗ бумаги тетрадей, относящихся к 1819 г. — началу 30-х годов, когда Михайловский был еще ребенком. Часть записей и ВЗ, перечеркнутых красными чернилами в начале тетради, совпадают полностью или частично с перечеркнутыми красным ВЗ в рукописи книги Лаптева. Далее изучение почерков записей при сравнении с почерками рукописи книги Лаптева позволило установить, что один из них явно принадлежит Лаптеву³¹. Еще более убеждает в этом глубокий, всесторонний характер содержания записей в деле, сделанных человеком, владевшим навыками комплексного палеографического анализа рукописей, явно лаптевским почерком. Записи показывают также, что этот человек при выявлении ВЗ работал с рукописями собраний Ф.А. Толстого, Румянцевского музея, Имп. Публичной библиотеки, в которых Михайловский, судя по его признанию, еще не бывал. В пользу нашего доказательства говорит и то, что среди фамилий книготорговцев фигурируют лица, которые известны уже по другим источникам своими связями с Лаптевым.

²⁹ Л. 53 попал сюда случайно. По содержанию он представляет выписки из газеты "Северная пчела" от 23 февраля 1863 г.

³⁰ Далее слово неразборчиво.

³¹ При выяснении принадлежности других почерков следует провести идентификацию с почерками детей Лаптева.

Еще одно подтверждение принадлежности тетрадей ед. хр. 45 Лаптеву дает факт использования ВЗ из рукописи книги И. Посошкова. Дело в том, что в то время, когда заполнялись филигранями тетради, это произведение Посошкова распространялось только в списках; автограф не найден. Лаптев же владел одним из списков, на основе которого М.П. Погодин и осуществил первое издание книги Посошкова лишь в 1842 г. В предисловии к ней он, в частности, писал: "Счастливым случай доставил мне в руки эту книгу в числе прочих, купленных Т.Ф. Большаковым на аукционе в Петербурге в 1840 г. после покойного И.И. Лаптева, известного собирателя отечественных древностей"³².

Если в предыдущей нашей статье удалось определить ед. хр. 48 как часть коллекции ВЗ Лаптева, приобретенную им в 1831 г. у Е.С. Петрова, то в данном случае мы имеем дело с преобладающей частью или, может быть, со всей(?) коллекцией ВЗ, собранной Лаптевым и его помощниками. Суммируя число ВЗ в тетрадях ед. хр. 45 и 48 (около 2 тыс. и около 200), входивших в его коллекцию, можно предполагать, что к концу его жизни она составила свыше 2 тыс. ВЗ. Это больше, чем в изданном позднее (1844 г.) альбоме К.Я. Тромонина (1827 ВЗ), включавшем, кроме выявленных им самим знаков, и знаки, опубликованные Жансеном и Лаптевым. Собственная же коллекция Тромонина содержала, следовательно, свыше 1500 ВЗ.

Появление на первых же листах ед. хр. 45 ВЗ "Герб Амстердама" и особенно ВЗ из рукописи книги И.Т. Посошкова дает основание предположить, что Лаптев собирался расширить хронологические рамки своей коллекции ВЗ по сравнению с книгой 1824 г.

В связи с установлением принадлежности тетрадей ед. хр. 45, 48 Лаптеву и повторяемостью филиграней в ед. хр. 46, 47 можно уточнить число ВЗ, скопированных Михайловским. Учитывая, что из общего количества ВЗ его коллекции (около 4 тыс.) половина принадлежала Лаптеву, можно считать, что из второй половины ед. хр. 46 содержит около 1 тыс. ВЗ, ед. хр. 47 — 758 ВЗ, значительная часть которых повторяется. Поэтому самим Михайловским (или по его поручению) воспроизведено около 1 тыс. ВЗ, что более соответствует реальным условиям, в которых он работал.

В заключение рассмотрим подробнее рукопись книги Лаптева, оказавшую столь важную услугу в установлении принадлежности тетрадей ед. хр. 45. Это рукопись на 40 л. форматом 17×22 см (развернутый лист 34×22 см) на бумаге с ВЗ АБФ 1823 (как в ед. хр. 45, л. 81, 82, только с годом 1824) посредине листа и с ВЗ "улей" и литерами АБФ у его основания. Часть листов без ВЗ. Знаки хорошо просматриваются на бумаге с таблицами ВЗ. В текстовой части рукописи бумага голубоватая (как и часть бумаги ед. хр. 45), видны лишь отдельные буквы и цифры у переплета и в правом верхнем углу листа, т.е. так, как если бы лист разрезали вдоль.

Рукопись написана двумя почерками. Видимо, по поручению Лаптева переписчик (возможно, сын) скопировал филигранные и дал объяснительный текст книги. Лаптевским почерком написаны л. 1 с указаниями о расположении датировки и числа знаков, а также замечания красными чернилами на полях л. 4 об., дополнения на л. 28 об., 29 и другая правка. Надо полагать, что им же сделана правка красными чернилами таблиц ВЗ.

³² *Посошков И.* Соч. М., 1842. Т. 1. С. VII. Опечатка в инициалах Лаптева, должно быть "И.П.". Археографический анализ списков рукописи, в том числе лаптевского, осуществлен Б.Б. Кафенгаузом (*Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 319—333). Все списки относятся к 50—60-м годам XVIII в., лаптевский — к 1764 г. (определен по ВЗ). Опечатка в инициалах Лаптева попала и в это исследование, видимо из издания 1842 г.

Рукопись позволяет установить первоначальный вариант названия работы Лаптева: "Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи". Оно было не только вдвое короче, чем в издании, но и проще, скромнее (характерная черта всей работы Лаптева). Добавление в названии издания — "Опыт в старинной русской дипломатике" — хотя и сделало его громоздким, звучащим старомодно, но как бы возвысило роль и значение этой первой в России работы по филиграммам. Сам ли автор внес добавление или по чьему-то совету, неизвестно.

После названия идет текст, написанный почерком Лаптева, с указаниями, в каком виде представить собрание в цензуру: у первых 50 ВЗ годы не указывать, а дать в предисловии; у 100 ВЗ указать в тексте. Дополнительно рекомендовано подобрать еще 20 знаков, чтобы всего было 170. В связи с этим возникает вопрос об общем числе филиграней, первоначально собранных Лаптевым. Если он предложил "подобрать" еще 20 ВЗ, значит, их у него было больше 170 или это означало найти их еще в рукописях (вряд ли, когда книга уже готова).

В таблицах рукописи красным зачеркнуты филигранные знаки, не вошедшие в книгу: малая "голова быка" без креста (1519 г., но в перечне на с. 10 книги осталось ее название), "солнце" (1519 г.), "единорог" и "олень" (1574 г.), "орел одноглавый" (1614 г.), "кабан" (1626 г.), "орел двуглавый" (1626 г.), "всадник" ("почтальон") (1648 г.), "свеча" (1643 г.), "щит гербовый" (1700 г.). В результате исключения в издании отсутствуют ВЗ 1626 г. и ВЗ "всадник", "свеча", "рог" 1690 г.

Сравнение этого черновика рукописи с изданием книги показало, что при подготовке к изданию, кроме того, были сделаны перемещения знаков в таблицах с целью более точного их размещения по хронологии и отчасти по сюжетам. Для полного представления о подготовке рукописи книги Лаптева к печати необходимо сопоставить черновик с окончательным вариантом. В фонде Петербургского цензурного комитета (ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 27. Д. 190; Оп. 1. Д. 432.) его не оказалось.

Таким образом, если в первой части нашей статьи была показана лаборатория работы по собиранию и изучению коллекции ВЗ.Н.М. Михайловского, то приведенные здесь материалы впервые приподнимают завесу исторического забвения над процессом работы в этой области первого нашего филиграноведа И.П. Лаптева и его помощников. Безусловно, наблюдения Лаптева, не говоря о книге и коллекции ВЗ, приобретенной Михайловским, должны были очень помочь последнему в исследовании филиграней, а также в составлении его собрания рукописей. Но непосредственно воспользоваться историческими рукописями из библиотеки Лаптева Михайловский не мог, так как с аукциона они ушли в другие собрания — М.П. Погодина, Е.Е. Егорова³³ и т.д.

³³ См. последние данные об этом: Крутова М.С. О книжной коллекции И.П. Лаптева и Златой цепи в ее составе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.

Н.Ф. Демидова

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ КАК ПРЕДСЕДАТЕЛЬ "ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ"

(1893—1905)

Тема о В.О. Ключевском как председателе Общества истории и древностей российских при Московском университете представляет, на наш взгляд, двоякий интерес.

Во-первых, потому, что с ОИДР, членом которого ученый был в течение 35 лет, связаны наиболее плодотворные годы его творчества, причем он выступал здесь не только как историк-исследователь, но и как организатор науки. Вместе с тем об этой стороне его деятельности мы знаем до смешного мало. До нас дошли отдельные статьи его товарищей по обществу, носящие скорее характер мемуаров и содержащие очень слабые попытки к обобщению¹. Всерьез же этому вопросу посвящено только несколько страниц в монографии М.В. Нечкиной².

Во-вторых, и потому, что до сих пор такое крупное явление русской культуры, каким являлось ОИДР, не привлекало к себе должного внимания историков и историографов. Не привлекало внимания и то время, когда В.О. Ключевский непосредственно руководил его работой. В качестве курьеза можно указать на то, что в энциклопедических статьях, посвященных ОИДР, имя В.О. Ключевского вовсе не упоминается (впрочем, как и С.М. Соловьева) среди руководителей общества, так как по непонятной причине и БСЭ, и СИЭ приводят фамилии его секретарей, а не председателей.

Вместе с тем тема хорошо представлена источниками: сохранился и личный архив Ключевского (правда, разбитый между рядом хранилищ), и фонд ОИДР. Наконец, до нас дошел бесценный материал в виде напечатанных в Чтениях общества протоколов его заседаний и другой документации (уставов, списков членов и т.д.).

ОИДР являлось старейшим из московских научных обществ, многие из которых по отношению к нему были производными. Оно, несомненно, сыграло значительную роль в складывании московской школы историков и археографов, в объединении усилий научной общественности XIX — начала XX в. для решения важнейших проблем русской истории, среди которых одно из ведущих мест занимали выявление и введение в научный оборот огромных пластов исторических источников, чему способствовали периодические издания общества. Ко второй половине XIX в. количество напечатанных в них документов и исследований было грандиозно, что позволило С.М. Соловьеву с полным основанием сказать, что теперь ни одна историческая работа не обойдется без материалов, помещенных в Чтениях³.

¹ Барсов Е.В. Василий Осипович Ключевский как председатель общества // В.О. Ключевский. Биографический очерк, речи, произнесенные на торжественном заседании 12/XI 1911 г., и материалы его биографии. М., 1914; Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987; Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском (подг. С.О. Шмидт) // АЕ за 1980 год. М., 1981.

² Нечкина М.В. В.О. Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.

³ ЧОИДР. СПб., 1907. Кн. 1. Протоколы. С. 16.

Тесно была связана с ОИДР и жизнь В.О. Ключевского. Молодым, 35-летним человеком, только что защитившим магистерскую диссертацию, 29 июня 1876 г. он был принят в действительные члены общества, миновав при этом разряд членов-соревнователей, одновременно с другими 19 историками и профессорами Московского, Петербургского, Казанского университетов, что противоречило уставу ОИДР и, по-видимому, было связано с тем, что в последние годы председательства и жизни М.П. Погодина общество потеряло многих членов⁴. Такой массовый прием новых членов явился попыткой В.Н. Лешкова, сменившего Погодина и не утвержденного Министерством народного просвещения в должности председателя, как-то оживить деятельность ОИДР. Подобный прием был настолько необычен, что Ключевский через год после этого не был уверен в том, что является полноправным членом ОИДР, о чем свидетельствует его письмо к Н.А. Попову, в котором он оправдывался в своем отсутствии на выборах секретаря⁵. Только в начале 1878 г., заплатив 10 р. за членский диплом, он впервые присутствовал на заседании 14 февраля⁶. Однако вскоре после этого, особенно в период кратковременного (менее года) председательства его учителя С.М. Соловьева, он энергично и увлеченно включился в жизнь общества. Почти одновременно, в 80-х годах, он вступил в члены ряда других научных обществ, в том числе Московского археологического общества и Общества любителей российской словесности, что было принято в научной среде XIX в. Однако ОИДР всегда оставалось для него главным. Именно там он особенно охотно выступал с научными докладами и сообщениями разного рода.

Ключевский принимал участие и в организационных и хозяйственных хлопотах. Входил в состав комиссии по проверке наличия имущества и казны общества, добивался предоставления удобного помещения для хранения его изданий⁷. На заседаниях выступал как активный борец за сохранение культурных ценностей Москвы. Показательно в этом отношении представленное им на заседании 6 апреля 1879 г. "Мнение", вернее, протест против сооружения около зданий Румянцевского музея и МГАМИД построек (торговых бань), опасных в пожарном отношении⁸. Председатель нашел нужным напечатать "Мнение" Ключевского для противодействия строительству.

Однако основным в деятельности В.О. Ключевского как члена общества в тот период были его рефераты, или "чтения", носившие историографический характер. К их числу следует отнести доклад 1886 г. о В.Н. Татищеве как историке и сделанное по поручению общества сообщение о И.Н. Болтине, приуроченное к 100-летию со дня его смерти. Подробно рассмотрев "методическую технику изучения им русской истории", Ключевский приходит к выводу, что именно она дала возможность создать стройную систему прошлого Руси⁹.

Того же характера были выступления В.О. Ключевского на заседаниях, посвященных памяти умерших членов общества. Так, в своей речи о Г.Ф. Карпове он, кроме краткого биографического очерка, дал детальную характеристику трудов последнего в области русско-литовских отношений и истории Украины¹⁰. Историк также постоянно участвует в обсуждении докладов своих товарищей, особенно в тех случаях, когда их тематика перекликалась с его собственными научными интересами (А.А. Голубева о Расправной палате Сената как продолжении

⁴ ЧОИДР. 1867. Кн. 4. Протоколы. С. 277.

⁵ Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 155.

⁶ ЧОИДР. 1879. Кн. 1. Протоколы. С. 6, 10.

⁷ Там же. С. 2; 1892. Кн. 1. Протоколы. С. 32.

⁸ Там же. 1880. Кн. 4. Протоколы. С. 10, 12.

⁹ Там же. 1886. Кн. 4. Протоколы. С. 5; 1894. Кн. 1. Протоколы. С. 41—45.

¹⁰ Там же. 1892. Кн. 1. Протоколы. С. 41—45.

Расправной палаты Боярской думы; В.А. Уляницкого "О международных связях Московского государства XIV—XV вв.")¹¹. Добросовестно рецензирует присылаемые в общество для издания труды иногородних авторов (А.П. Доброклонского по истории Солотчинского монастыря, А.Е. Мерцалова о монастырской колонизации и др.)¹². Любопытно, что доклады и сообщения Ключевского на заседаниях других научных обществ были иного рода — как правило, это небольшие локальные исследования. Например, в 1884 г. в Московском археологическом обществе им был прочитан доклад "О хлебных мерах в Древней Руси" и т.д.¹³.

В результате за 17 лет пребывания рядовым членом ОИДР В.О. Ключевский исправно посещал все его заседания и постепенно сделался там уважаемым и необходимым.

К концу 80-х годов XIX в. в жизни ОИДР наметился несомненный кризис. Старые уставные рамки не всегда соответствовали новым задачам развития науки, во многом сковывали активность членов общества. Начатая в связи с этим работа по составлению нового устава затянулась на десятилетия. О каких-то сбоях в работе общества свидетельствовала поданная Н.С. Тихонравовым записка о "ненормальном ходе дел в ОИДР" (1892 г.), в которой говорилось в основном о нарушениях уставных норм. Записка завершалась утверждением, что одной из причин непорядков являлось отсутствие постоянного председателя, "который твердой рукою направил бы дела Общества и действия других должностных лиц онога на путь закона"¹⁴. Сам В.О. Ключевский в письме к И.Е. Забелину также говорил о том, что неполадки в ОИДР имеют источник в переживаемом им переходном состоянии¹⁵. Это несколько тревожное положение усугубилось просьбой Забелина, одного из старейших членов общества, об отставке с поста председателя. В горячих дебатах, в известной мере по настоянию Ключевского, выборы председателя были отложены до утверждения нового устава; временно же исполняющим должность председателя был избран заведующий Оружейной палатой Ю.Д. Филимонов¹⁶.

Огромное значение, которое придавалось всеми членами общества введению в жизнь нового устава, заставляет остановиться на нем подробнее, тем более что в создании его одну из главных ролей сыграл именно Ключевский. В 1877 г. была образована достаточно авторитетная комиссия, возглавляемая Н.А. Поповым. Ею была проделана большая работа — привлечены и использованы тексты уставов других научных обществ (вплоть до Общества естествоиспытателей) и создан громоздкий сводный текст¹⁷. В конце 1888 г. он был наконец готов, размножен и разослан для ознакомления. В фонде Ключевского хранится экземпляр проекта, безжалостно им исчерканный¹⁸. А при обсуждении проекта на очередном заседании Ключевский выступил с резкой критикой подготовленного текста и настоял на том, чтобы обсуждался не новый проект, а старые уставы 1811, 1812 и 1856 гг. с внесением в них нужных изменений. По его мнению, это соответствовало старой традиции, когда первоначальный текст неоднократно поправлялся в частностях. По предложению Ключевского устав должен был быть четким и кратким, содер-

¹¹ Там же. С. 5; 1894. Кн. 1. Протоколы. С. 46—48.

¹² Там же. 1892. Кн. 1. Протоколы. С. 4—7.

¹³ Фролов А.И. В.О. Ключевский в Московском археологическом обществе // В.О. Ключевский и современность: Тез. докл. на Всесоюз. науч. чтеньях, посвящ. 150-летию со дня рождения историка. Пенза, 1991. С. 150.

¹⁴ ЧОИДР. 1895. Кн. 1. Протоколы. С. 30; ОР ГБЛ. Ф. 203. Л. 7 об.

¹⁵ Ключевский В.О. Письма... С. 169.

¹⁶ ЧОИДР. 1892. Кн. 1. Протоколы. С. 8—11, 27.

¹⁷ Там же. С. 11; Барсов Е.В. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ ИРИ РАН. ОР. Ф. 14. Д. 12.

жащим лишь общие положения. Излишняя же регламентация в организационных вопросах только затруднит работу¹⁹.

Под влиянием выступления Ключевского члены общества приняли решение о составлении нового проекта. Текст его был подготовлен, тщательно обсужден на заседании 28 января 1889 г. и принят первоначально по пунктам, а затем целиком²⁰. Секретарь общества Е.В. Барсов впоследствии вспоминал о решающей роли Ключевского в создании нового устава: "Весь устав в целом был проведен им решительно и твердо"²¹. Таким образом, новый устав являлся детищем В.О. Ключевского.

Несмотря на явную связь со старым, устав был сильно изменен и переработан. Е.В. Барсов называет семь принципиальных изменений, большинство которых относилось к организационным вопросам. Следует прежде всего остановиться на наиболее существенном, втором параграфе, в котором сформулированы задачи общества. В старом уставе он звучал следующим образом: "Главнейшие упражнения сего Общества будут состоять в критическом разборе древних русских летописей". В новом же эти задачи даны по-иному: "Главнейшие задачи Общества состоят в собирании материалов для отечественной истории и в разработке оной по вопросам и предметам, в область ее входящим"²². Новая формулировка, несомненно, принадлежала самому Ключевскому. В одном из своих последующих выступлений он развивает эту мысль, противопоставляя обе формулировки и говоря о том, что общество не должно отставать от развития исторической науки, которая требует привлечения новых источников, что в публикациях документов очередь дошла до массива их, лежащего в государственных и частных архивах²³. Эта осознанная нацеленность на расширение источниковой базы очень знаменательна для работ ОИДР последней четверти XIX столетия.

Из старого устава были безболезненно удалены нелепые пункты, регламентировавшие, например, порядок размещения на заседаниях согласно старшинству вступления в общество, о запрещении покидать Москву без разрешения председателя и др. Из нововведений нужно отметить также значительное увеличение состава общества с 30 до 100 человек и расширение прав почетных членов и членов-соревнователей. Облегчена была и сама процедура избрания как членов, так и должностных лиц (председателя, секретаря, казначея, библиотекаря). В плане некоторой, как бы теперь сказали, демократизации внутренней жизни общества можно оценить и то, что ранее пожизненный срок председательства был заменен трехлетним.

Устав был утвержден Министерством народного просвещения только 12 января 1893 г.²⁴ Через семь дней после этого временный председатель Ю.Д. Филимонов сложил свои полномочия, и начались выборы нового председателя. По существу вопрос был предрешен. На первом этапе выборов при выдвижении кандидатур путем подачи записок большинство высказалось за кандидатуру Ключевского. Предложенные, кроме него, А.С. Павлов, А.А. Майков, Н.П. Боголепов сняли свои кандидатуры. При баллотировке шарами Ключевский был избран 16 голосами против 2²⁵.

Вскоре после избрания в своей торжественной речи, обращенной к членам общества, он так сформулировал стоящие перед ним задачи: 1) ввести в действие

19 ЧОИДР. 1892. Кн. 1. Протоколы. С. 18.

20 Барсов Е.В. Указ. соч. С. 38—39.

21 Там же. С. 39.

22 Зап. и тр. ОИДР. 1811. Ч. 1. С. 1; ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 1.

23 ЧОИДР. 1894. Кн. 1. Протоколы. С. 35—36.

24 Там же. 1893. Кн. 1. Протоколы. С. 33.

25 Там же. С. 33—34.

устав; 2) определить точно обязанности должностных лиц. В качестве третьей, и главной, задачи он назвал продолжение издательской деятельности и публикации источников, разработки для этого архивов, к чему призывал молодых членов общества. В заключение он выдвинул необходимость немедленно приступить к подготовке 100-летнего юбилея ОИДР и приурочить к нему написание истории общества. Завершил он свою речь призывом, очень характерным для В.О. Ключевского: "Итак, дружно продолжим старое дело Общества при новом уставе!"²⁶

С того момента началось 12-летнее руководство Ключевским ОИДР, которое современники расценивали как время наибольшего расцвета его научной деятельности. Необходимо помнить, что избрание Ключевского совпало по времени с освобождением его от всяких должностей по университету, что позволило ему больше времени уделять делам общества. Под руководством Ключевского "оно стало неузнаваемо", писал в 1911 г. в своих воспоминаниях М.К. Любавский²⁷. Е.В. Барсов говорил: "Десятилетие председательства Василия Осиповича представляет целую эпоху истории нашего Общества, эпоху многоплановую и незабываемую"²⁸. Что же это была за эпоха?

В качестве некоторого отступления следует сказать несколько слов о пресловутом "консерватизме" Ключевского-председателя. Действительно, он постоянно декларировал свою приверженность к старым порядкам в обществе и его традициям, которые призывал сохранять и поддерживать. Однако на деле это сводилось к соблюдению в основном внешней стороны работы и свидетельствовало только о его глубоком уважении к своим предшественникам. В этом плане очень показателен вопрос о закрытости заседаний, на которые нечлены общества не допускались, в чем сказывалось при его организации влияние тайных обществ начала XIX в., главным образом масонских. Принято считать (ошибочно), что это было нововведением самого Ключевского, который говорил: «Улице здесь не место, а для ученых людей существуют издаваемые Обществом "Чтения"». Он считал, что присутствие на заседаниях праздной публики помешает спокойному обсуждению специальных вопросов, заставит приспособляться к уровню посетителей. М.М. Богословский вспоминает, что, когда какое-то влиятельное лицо попросило Ключевского разрешить присутствовать при чтении его реферата, он ответил: "Никого не пустим, хотя бы сам генерал-губернатор просил"²⁹. Вместе с тем Ключевский внутренне несколько сомневался в правильности этой меры, о чем свидетельствует запись, сделанная им в дневнике 1893 г. — времени обсуждения устава: "Устав запрещает нам открывать заседания для публики, но он не предписывает нам таить от публики наши слова и поступки, не зажмешь рта и не остановишь пера. Да и нужно ли?"³⁰

Во всех областях деятельности общества находим значительные сдвиги. Заметно возросло количество его членов, которое было вскоре доведено до 100 (по шутливым словам самого Ключевского, до "ученой сотни"). Уже в 1894 г. в нем насчитывалось 96 действительных членов и 36 членов-соревнователей. В их среду входили виднейшие историки не только Москвы, но и Петербурга и ряда других городов России. Членство иностранных специалистов, занимавшихся русской и славянской историей, значительно расширилось. Пополняются ряды общества и за счет привлечения молодежи, в том числе учеников Ключевского (М.М. Богословского, А.А. Кизеветтера, М.К. Любавского и др.), что ранее практиковалось редко. В результате общество "помолодело".

²⁶ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 28. Л. 50—50 об.

²⁷ Любавский М.К. Василий Осипович Ключевский. М., 1913. С. 22.

²⁸ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 38.

²⁹ Богословский М.М. Указ. соч. С. 58.

³⁰ Ключевский В.О. Письма... С. 260.

Новым было и отношение к членам-архивистам. Если ранее среди них преобладали директора архивов, то теперь в основном принимались рядовые сотрудники, знатоки материалов, такие, как В.И. Холмогоров из МАМЮ, С.А. Белокуров из МГАМИД и т.д. Также изменился статус почетных членов. Раньше они состояли в основном из попечителей и благотворителей, членство которых было формальным, так как они не имели права голоса при решении важных вопросов. По новому уставу это звание присваивалось также старейшим и наиболее уважаемым членам общества, сохранявшим наряду со званием почетных и старое звание действительных членов со всеми их правами — участием в выборах, в голосовании по текущим делам и др. В 1893 г. это звание было присвоено А.Ф. Бычкову, И.Е. Забелину и Ф.И. Буслаеву.

На начало председательства Ключевского приходится событие, в котором он принимал деятельное участие и которое существенно расширило возможности общества в поощрении научных исследований, а именно учреждение ежегодной премии памяти умершего казначея общества Г.Ф. Карпова, вдова которого пожертвовала для этого значительную сумму. В своей речи при присуждении первой премии Ключевский назвал ее "новым средством содействовать успехам русской исторической науки"³¹. По положению премию могли получать не только члены ОИДР. К представлявшимся на конкурс трудам предъявлялось обязательное требование, чтобы они были "самостоятельными исследованиями по русской истории, основанными на первоисточниках"³². В 1905 г., в конце председательства Ключевского, была учреждена и другая премия, присуждаемая обществом, — премия памяти А.П. Бахрушина "за сочинение по истории Москвы и Московской губернии"³³.

Огромное место в функционировании общества занимали его регулярные заседания (годовые, чрезвычайные, "обыкновенные"), проводившиеся примерно раз в месяц, за исключением летнего времени. Они проходили в здании университета, и, как свидетельствуют современники, до председательства Ключевского нередко весьма формально. Ограничивались прослушиванием и подписанием предшествовавших протоколов, оглашением текущей переписки. Понятно, что они плохо посещались. Один из председателей, Д.Н. Толстой, на заседании общества обратил внимание присутствующих, «что заседания его давно уже утратили характер очередных, так как члены собираются по установленному обычаю при выходе в свет очередной книги "Чтений", короче говоря, для того, чтобы получить причитающиеся им бесплатные экземпляры»³⁴. При председательстве Ключевского заседания резко изменили свой характер и превратились в научные "беседы", в ходе которых живо обсуждались проблемы науки. Этому способствовали выступления самого председателя. В его "чтениях" и рефератах по-прежнему преобладал историографический уклон, но появилось и кое-что новое. В 1896 г. им был прочитан доклад о трудах Екатерины II в области истории³⁵. В нем нашли место не только высказывания царицы (исторического плана), но и разбор ее мероприятий по написанию истории России. Ключевский оговорил неприятие ею распространенного среди иностранных историков взгляда о том, что будто бы "у русских есть прошлое, но нет истории, есть календарь, но нет развития"³⁶. Доклад Ключевского вызвал живой интерес, и подробные отчеты о нем уже через день появились в газетах. Ряд сообщений Ключевского, как и в предыдущий

31 ЧОИДР. 1894. Кн. 1. Протоколы. С. 39.

32 Там же. С. 3.

33 ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 37. Л. 18.

34 ЧОИДР. 1873. Кн. 1. Протоколы. С. V—VI.

35 Там же. 1898. Кн. 2. Протоколы. С. 127; ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 31. Л. 426—426 об.

36 Рус. ведомости. 1896. 8 сент. № 309.

период, был связан с памятью умерших соратников, с детальным анализом их вклада в развитие исторической науки. Особенно выделяется реферат о значении Ф.И. Буслаева для изучения русской истории. По словам Ключевского, Буслаев был одним из первых, "растолковавших значение языка как исторического источника, и притом основного и древнейшего источника истории народа"³⁷. В 1904 г. на специальном заседании, посвященном 25-летию смерти С.М. Соловьева, Ключевский выступил с сообщением, в котором, по словам протокола, изложил свои впечатления о судьбе "Истории России с древнейших времен" за истекшую четверть века³⁸.

Вместе с тем тематика "чтений" Ключевского становится более разнообразна — это и речь о просветительской деятельности Стефания Пермского (1897 г.), и реферат о значении итальянского и швейцарского походов А.В. Суворова для европейской и русской политики, и сообщение о положении Чехии в конце XVIII в. на заседании памяти чешского ученого и общественного деятеля П.И. Шафарика³⁹. Как правило, "чтения" Ключевского были невелики, но всегда привлекали внимание слушателей глубиной содержания и блестящей подачей.

Несколько особняком стоит речь В.О. Ключевского 1894 г. по поводу смерти Александра III, которая вызвала резко отрицательную реакцию со стороны студенчества и была расценена как монархическая, хотя сама идея монархии, как известно, чужда историку. Слова Ключевского о том, что русский царь являлся гарантом международного мира и порядка, произнесенные первоначально в закрытой аудитории, а затем повторенные в университете и опубликованные в печати, вызвали обструкцию, что не могло не произвести на Ключевского гнетущего впечатления. Высказывалась мысль, что речь Ключевского была вынужденной и явилась результатом его положения как председателя общества, покровителем которого выступал сам царь, а также связана с преподаванием им истории великому князю Георгию⁴⁰. От предположения написать историю царствования Александра III Ключевский уклонился.

Существенно изменился характер участия его в обсуждении рефератов, читаемых на заседаниях членами общества. Если раньше Ключевский время от времени выступал по тому или иному сообщению, то теперь его участие в их обсуждениях делается регулярным. Он заранее готовился к обсуждаемой проблеме и, по словам М.К. Любавского, "выступал на заседаниях во всеоружии учености и таланта"⁴¹. По воспоминаниям других членов общества, эти выступления нередко бывали интереснее и содержательнее самих докладов. Так, один из докладчиков, прочитавший реферат о сношениях России с Востоком, воскликнул после замечаний Ключевского: "Господа! То, что услышал от председателя, гораздо интереснее того, что я вам доложил!"⁴² Именно такое проведение обсуждений рефератов позволило Любавскому сказать, что Ключевский был "не только председателем, а ученым вождем и инструктором"⁴³.

Очень важным является выяснение вопроса о том, какую роль играл В.О. Ключевский в подготовке изданий общества. Сложилось представление, что подготовка изданий общества целиком ложилась на плечи секретарей, фамилии

³⁷ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 31. Л. 865.

³⁸ Там же. Кн. 35. Л. 376; Науч. слово. 1904. Кн. 8.

³⁹ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 40; ЧОИДР. 1902. Кн. 1. Протоколы. С. 5; ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 31. Л. 97.

⁴⁰ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 325—329; Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском С. 310—311.

⁴¹ Любавский М.К. Указ. соч. С. 22.

⁴² Барсов Е.В. Указ. соч. С. 40.

⁴³ Любавский М.К. Указ. соч. С. 22.

которых указывались на титульных листах книг "Чтений". Отсюда, по-видимому, и уверенность ряда историографов, что именно секретари являлись научными руководителями всей работы общества. Правомочно ли это? Думается, что нет. Секретари действительно выполняли большую организационную и техническую работу, связанную с подготовкой очередных томов. Они вели переписку с авторами о сроках представления статей, переговоры с типографией и т.д. Собственно редакторская работа, насколько можно судить, была минимальной. В то же время формирование томов (а именно: рекомендация и отбор статей), а также решение чисто археографических проблем при издании крупных памятников производились коллективно и нередко решались на специальных заседаниях. Практиковались рекомендации и рецензирование отдельных работ кем-либо из членов общества. Бывали и случаи подмены секретарей другими должностными лицами. Так, в 1891 г. С.А. Белокуров (казначей общества) писал, что «и до сего года принимал участие совместно с Е.В. Барсовым в издании книг "Чтений". Начиная же с сего года заведует их изданием»⁴⁴. Барсов вплоть до 1910 г. сохранял секретарскую должность. Еще более понятно постоянное участие в подготовке томов председателя общества. Более того, председатель специальным царским повелением 1874 г. был обязан надзирать за содержанием печатаемого. Министру народного просвещения предписывалось "объявить лицу, которое будет избрано и утверждено председателем Общества, чтобы все издания онаго печатались не иначе как с его разрешения и под личной его ответственностью"⁴⁵. Здесь мы видим поздние отголоски грандиозного скандала, который разразился после публикации в "Чтениях" записок Д. Флетчера⁴⁶. Постоянная кропотливая работа Ключевского при подготовке очередного тома отразилась в переписке его с С.А. Белокуровым⁴⁷. Именно Ключевскому, более чем остальным членам общества, принадлежит изменение характера помещавшихся в "Чтениях" трудов и публикаций. Если до этого большую часть тома занимали разного рода описи, библиографические и другие указатели, а также разрозненные публикации небольших документов, то теперь в составе публикуемого материала начинают преобладать фундаментальные исследования и объемные пофондовые и тематические публикации.

Следует сказать несколько слов об обстановке в обществе, которая сложилась в период председательства Ключевского и которая отличалась доброжелательностью и патриархальностью. Сошлемся опять-таки на свидетельства членов общества. Барсов утверждал: "Полный мир царствовал в Обществе целых 10 лет"⁴⁸. Ему вторил М.М. Богословский: "Василий Осипович был любимым председателем Общества. Между ним и членами существовали душевные отношения"⁴⁹. Примерно так же звучали слова, обращенные непосредственно к Ключевскому в 1893 г. при его отъезде на Кавказ⁵⁰ и на заседании 1901 г., которое было посвящено 30-летию его деятельности⁵¹. О теплых отношениях между членами и председателем свидетельствуют и шуточные подарки, которые его товарищи подносили ему к дням рождения. Это и пряник, отгиснутый со старинной пряничной доски, с приложенным к нему текстом "на языке любимого им XVII ве-

⁴⁴ Белокуров С.А. 1882—1907. М., 1908. С. 24.

⁴⁵ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 22. Л. 253—254.

⁴⁶ Белокуров С.А. Дело Флетчера, 1848—1864. М., 1910.

⁴⁷ Богословский М.М. Указ. соч. С. 145—174.

⁴⁸ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 40.

⁴⁹ Богословский М.М. Указ. соч. С. 58.

⁵⁰ ЧОИДР. 1894. Кн. 1. Протоколы. С. 89; 1903. Кн. 2. Протоколы. С. 13.

⁵¹ Там же. 1903. Кн. 2. Протоколы. С. 13.

ка", и фотографии с карт Кавказа XVIII столетия, посланные ему во время его пребывания в Абастумане⁵².

Своеобразным итогом работы Ключевского в качестве председателя ОИДР явилось празднование 100-летнего юбилея общества и блестящая речь на заседании по этому поводу.

Юбилей праздновался Московским университетом и ОИДР в очень торжественной обстановке. Еще в 1896 г. особым комитетом был составлен план его проведения и разослан многим обществам и отдельным ученым для получения от них замечаний и предложений⁵³. Торжество длилось в течение трех дней, с 17 по 19 марта 1904 г. Оно было начато заупокойной панихидой по всем скончавшимся членам ОИДР и благодарственным молебном в университетской церкви⁵⁴.

18 марта в актовом зале университета торжественное заседание было открыто директором, после чего последовала речь Ключевского об истории и значении общества⁵⁵. Как упоминалось, еще в 1893 г. при вступлении в должность председателя Ключевский уже говорил о важности этого юбилея и необходимости приурочить к нему написание 100-летней истории общества. В 1897 г. им был предложен план этой истории, замысленной как коллективный труд⁵⁶. Возникает вопрос — не была ли речь Ключевского, дошедшая до нас, к сожалению, не полностью, вступительной частью истории?

Основной идеей речи стало утверждение об историчности для русской науки коллективного принципа в изучении истории России. Предшественников ОИДР Ключевский искал в глубине веков — в авторах Степенной книги XVI в., в деятелях Записного приказа XVII в., в исторических изысканиях учреждений и отдельных ученых екатерининского времени. Отсюда его горячий спор с Н.М. Карамзиным, который считал, что десять обществ не сделают того, что может сделать один человек, совершенно посвятивший себя истории предмета. Ключевский, напротив, утверждал, что один человек, поддержанный трудом многих ученых обществ, способен сделать в десять раз больше ученого-одиночки. На этом основывалось его глубокое убеждение о необходимости разделения труда в науке: с одной стороны, собиратели фактов и публикаторы документов (архивисты, музейные работники, коллекционеры), с другой — исследователи, обобщающие эти факты в законченную систему. Вот как он сам это сформулировал: "Стройное здание строится одним архитектором, но со многими работниками". И в другом месте: "Как народная жизнь создается народными союзами, так и история этой жизни разрабатывается учеными союзами, и как народная жизнь в сознании народа отливается в народную песню, так и работа ученых исторических союзов отпечатывается в единоличных произведениях"⁵⁷. Мысль эта давно была выношена Ключевским. Еще в 1897 г. в речи на заседании памяти А.Н. Зерцалова он говорил: Зерцалов знал, "что архивисты и историки-исследователи — собравшись, делают одно дело, только в разные моменты его движения, производства. Первый копает руду, второй вместе с первым промывает, собирает и отливает крупинки в слитки"⁵⁸. Именно эту картину разделения сил и коллективных усилий представляла собой деятельность общества на грани XIX и XX вв., когда во главе его находился Ключевский.

⁵² Ключевский В.О. Письма... С. 174—175; Нечкина М.В. Указ. соч. С. 348.

⁵³ ИРИ РАН. ОР. Ф. 4. Д. 13. Л. 22.

⁵⁴ Моск. ведомости. 1904. 19 марта. № 78.

⁵⁵ Ключевский В.О. Неопубл. произведения. М., 1983. С. 187—196.

⁵⁶ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 31. Л. 662.

⁵⁷ Ключевский В.О. Неопубл. произведения. С. 193, 194, 381.

⁵⁸ Там же. С. 138.

Этим можно было бы закончить повествование о Ключевском на посту председателя ОИДР, так как примерно через год, в конце 1905 г., он этот пост оставил. Однако сам факт его ухода вызывает некоторые размышления. В литературе он упоминается обычно глухо. Только в книге М.В. Нечкиной делается попытка дать ему какое-то объяснение. Нечкина приводит два возможных варианта причин: или это было связано со стремлением старого и большого ученого сосредоточить все силы на завершении работы над "Курсом русской истории" (общество же отнимало у него много времени), или, находясь во главе общества, патроном которого являлся царь, Ключевский опасался со стороны двора принуждения к политическим выступлениям в очень напряженной обстановке 1905 г. (как уже было в 1894 г.)⁵⁹. Возможно, что имело место и то и другое, но все же какая-то странность в том, как был обставлен его уход с поста председателя, была. Сам он ни в дневниках, ни в опубликованных письмах ничего не пишет по этому поводу. Некоторое разъяснение происходившего находим только в воспоминаниях С.К. Богоявленского. По его свидетельству, уходу Ключевского предшествовали претензии на его место, предъявленные министром народного просвещения В.Г. Глазовым, который будто бы обязывался в случае его избрания добиться повышения вдвое субсидии, которую ежегодно получало общество из казны (вместо 5 тыс. 10 тыс. р.). Узнав об этом, Ключевский подал в отставку⁶⁰. Следует помнить, что воспоминания событий 40-летней давности, не предназначенные для печати, содержат ряд ошибок памяти, хотя верно передают сам характер событий. Остановимся подробнее на обстоятельствах, содействовавших выдвижению кандидатуры Глазова.

После проведения 100-летнего юбилея общество оказалось на грани финансового краха, так как расходы на подготовку к торжеству фототипических изданий значительно превысили его бюджет. Никаких наград, на которые правление общества рассчитывало, не последовало⁶¹. Положение было критическим. Казначей общества С.А. Белокуров сообщал, что «для уплаты по счетам за книги "Чтений" 1905 г. не осталось ничего»⁶². В этой ситуации правление общества обратилось за помощью в Министерство народного просвещения. Во главе министерства в 1904—1905 гг. стоял генерал от инфантерии В.Г. Глазов, чисто штабной деятель, назначение которого на эту должность было неожиданным и странным. Глазов энергично поддержал ходатайство общества, и субсидия в 5000 руб. была получена (т.е. речь шла не об увеличении ежегодного оклада, как считал Богоявленский, а о единовременном вспомоществовании)⁶³. Руководство общества сочло себя обязанным министру. В благодарность на заседании 18 марта 1905 г. он был заочно избран почетным членом⁶⁴. По обыкновению, выдвижение нового члена требовало характеристики его научных заслуг. В делах общества сохранилось представление кандидатуры Глазова, подписанное всеми тремя должностными лицами, в том числе и Ключевским. Характерно, что рекомендующие не смогли указать ничего, кроме упоминавшегося содействия в получении субсидии и того, что он «приобрел на свои средства почти все "Чтения" за прошлые годы»⁶⁵. Само избрание министра почетным членом не было чем-то необычным в практике общества, так как в составе этого разряда нередко присутствовали маститые сановники, являвшиеся по существу мертвым грузом. Но этим дело не огра-

⁵⁹ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 460.

⁶⁰ Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском. С. 314.

⁶¹ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 37. Л. 52 об.

⁶² Там же. Л. 53 об.

⁶³ Там же. Кн. 35. Л. 478.

⁶⁴ ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Протоколы. С. 6.

⁶⁵ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 37. Л. 56 об.

ничилось. Для "поднесения" диплома Глазову в Петербург была направлена целая делегация, которую возглавил С.А. Белокуров⁶⁶. По-видимому, именно в то время и возник проект об избрании министра председателем общества, тем более что это совпало с окончанием очередного срока председательства Ключевского. Можно предположить, что душой этого проекта являлись казначей общества С.А. Белокуров и секретарь Е.В. Барсов. Велись ли эти переговоры с ведением Ключевского или нет, трудно сказать. Скорее всего, за его спиной. Отсюда понятна обида ученого, вложившего много усилий в организацию научной работы общества. Проводилась и известная подготовка рядовых членов. Похвалы в адрес Глазова и его заслуг перед обществом фигурируют в ряде выступлений секретаря и казначея на весенних и летних заседаниях 1905 г.

Далее события разворачивались следующим образом. Новые выборы председателя должны были состояться после летнего перерыва в работе. Ключевский председательствовал в течение года на всех "обыкновенных" заседаниях. Не явился он, отговариваясь болезнью, только на перевыборное заседание 25 ноября. Именно на этом заседании в его отсутствие произошло выдвижение кандидатов. Десять записок было подано за Ключевского, две — за Д.И. Иловайского⁶⁷. Только после этого, неожиданно для собравшихся, Любавский сообщил о следующем полученном им от Ключевского письме: "Многоуважаемый Матвей Кузмич! Если на сегодняшнем заседании Общества истории и древностей российских при избрании председателя поставлена будет на записках моя кандидатура, покорнейше прошу Вас заявить Обществу от моего имени, что я отказываюсь от баллотировки"⁶⁸. Оглашение письма вызвало переполох. Иловайский, в свою очередь, снял свою кандидатуру. Собрание постановило послать особую делегацию и просить Ключевского дать согласие на баллотировку. Ключевский ответил отказом⁶⁹. Любопытно, что кандидатура Глазова не называлась и была выставлена только в апреле 1906 г., когда его избрали⁷⁰. К тому времени он был освобожден от поста министра и назначен помощником командующего войсками Московского военного округа, в связи с чем переехал из Петербурга в Москву.

В результате всех этих событий между Ключевским и ОИДР возникла известная напряженность. Сам уход его с поста председателя никак не укладывался в обычаи и традиции общества, которые Ключевский так культивировал. Не было случая, чтобы покинувшему свой пост председателю не выражалась прочувствованная благодарность за его труды, не присваивалось звание почетного члена. Возможно, что в отсутствии всего этого были повинны события революции 1905 г. Но как ни странно, замалчивание продолжалось и в дальнейшем. Так, например, в 1906 г., когда пышно отмечался 25-летний юбилей секретарства Е.В. Барсова (на который ключевский не пришел) и в своем пространном выступлении юбиляр с благодарностью вспоминал ряд председателей, с которыми ему пришлось работать, имя Ключевского не прозвучало⁷¹.

Возможно, что именно с некоторой неловкостью, которая, несомненно, возникла при уходе Ключевского с поста председателя ОИДР (по существу вынужденном), следует связывать и некоторое охлаждение, происшедшее между ним и его учениками, ОИДР, в первое десятилетие XX в., о чем читаем в записках современников⁷².

⁶⁶ Там же. Л. 133.

⁶⁷ ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Протоколы. С. 12.

⁶⁸ ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 37. Л. 262.

⁶⁹ ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Протоколы. С. 14—15.

⁷⁰ Там же. С. 16.

⁷¹ Там же. С. 21—22.

⁷² Дневниковые записки А.Н. Савина о В.О. Ключевском // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 329.

Однако связь Ключевского с ОИДР на этом не оборвалась окончательно. В последующие годы жизни он оставался действительным членом общества, но заседания посещал крайне редко, приходя в основном на доклады своих учеников.

По-видимому, Ключевский не высоко ставил научный престиж нового председателя, который объявлял себя его учеником по Военной академии⁷³. Некоторые отголоски неприязни Ключевского к Глазову находим в рассказе С.К. Богоявленского о том, что на первом же заседании общества Глазов "потерпел большую неприятность" от Ключевского. Резюмируя доклад о солдатских письмах времени Б.К. Миниха, Глазов высоко оценил приказы фельдмаршала, "которые и теперь полезно читать"⁷⁴. После него Ключевский выступил с резкой отповедью, осудив военную тактику Миниха. Сделаем несколько поправок. Докладчиком был не Георгиев (как вспоминает Богоявленский), а С.А. Долгов, и происходило это не на первом заседании, а значительно позднее, примерно через полгода после избрания Глазова. Характерно, что изданный протокол заседания тактично умалчивает о споре между бывшим и настоящим председателями, но резкая характеристика, которую дал Миниху Ключевский, в нем воспроизводится полностью⁷⁵.

Только после смерти В.О. Ключевского в 1911 г. общество наконец воздало должное его заслугам как председателя. На заседании 14 октября Е.В. Барсов в своем прочувствованном слове воскликнул: "Если и будут председатели в нашем Обществе, но долго, долго не будет руководителя в наших работах, каким был Василий Осипович!"⁷⁶ Через полгода после смерти Ключевского ОИДР провело еще одно торжественное заседание его памяти с докладами о его жизни и деятельности. На их основе был составлен сборник, который вышел отдельной книгой в 1914 г. Этот сборник явился своего рода памятником, сооруженным обществом своему бывшему руководителю.

⁷³ ЧОИДР. 1912. Кн. 1. Протоколы. С. 32.

⁷⁴ Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 314.

⁷⁵ ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Протоколы. С. 28.

⁷⁶ Ключевский В.О. Биографический очерк...

В.Г. Бухерт

О РАБОТЕ П.И. БАРТЕНЕВА В АРХИВАХ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Внимание к жизни и деятельности П.И. Бартенева обусловлено интересом не только к истории и культуре России, но и к типу творческой личности, который он представлял. Емкая оценка значения многогранной деятельности П.И. Бартенева дана С.О. Шмидтом в предисловии к весьма удачной книге А.Д. Зайцева, герой которой Петр Иванович Бартенев представлен как "непревзойденный знаток архивных и печатных материалов по социально-политической и культурной истории России XVIII—XIX веков"¹, сочетавший обширные и глубокие познания с предприимчивостью. "Конечно, не обо всем удалось сказать, что-то осталось за страницами этой книги", — пишет А.Д. Зайцев, словно приглашая к исследовательскому поиску². Воспользуемся этим приглашением.

Бартенев поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел 28 февраля 1854 г. и был определен канцелярским чиновником 1-го разряда в Комиссию печатания государственных грамот и договоров³; служил затем помощником столоначальника, столоначальником и, наконец, "вторым переводчиком"⁴. Круг обязанностей Бартенева в МГАМИД вполне объясняется названием занимавшихся им должностей, но его научные интересы расширяли рамки повседневной работы. В 1855 г. он публикует в "Московских ведомостях"⁵ историко-биографический очерк "славного дипломата екатерининских времен" Якова Ивановича Булгакова (1743—1809), используя "краткий журнал", веденный Булгаковым во время его турецкого заключения. Копия журнала была предоставлена Бартеневу управляющим МГАМИД князем Михаилом Андреевичем Оболенским. Бартенев переводит и печатает книгу известного немецкого историка Л. фон Ранке "История Сербии по сербским источникам", экземпляр которой посылает в ноябре 1856 г. министру иностранных дел А.М. Горчакову, выразившему Бартеневу "искреннюю свою благодарность"⁶.

В период службы в МГАМИД Бартенев попал в сферу внимания III Отделения, которому стало известно о содержании письма Бартенева графине А.Д. Блудовой, дочери известного государственного деятеля, принимавшей, как отмечалось в донесении начальника 2-го округа Корпуса жандармов С.В. Перфильева, в Бартеневе "живое участие" и состоявшей с ним "в постоянной переписке"⁷. В письме от 3 мая 1854 г. Бартенев сообщал о слухах относительно высылки из Москвы А.С. Хомякова за написанные им стихотворения "К России", "Покаявшейся России". 17 мая к московскому военному генерал-губернатору гра-

¹ Шмидт С.О. О П.И. Бартеневе и книге о нем // Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 6.

² Зайцев А.Д. Указ. соч. С. 155.

³ ЦГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 7. Д. 1351. Л. 17—17 об.

⁴ Там же. Д. 1750. Л. 2—2 об.

⁵ Моск. ведомости. 1855. № 5—6, 8.

⁶ ЦГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1696. Л. 3—3 об.

⁷ ЦГАОР. Ф. 109 (III Отделение Собственной е.и.в. канцелярии). 1-я экс. 1854 г. Д. 157. Л. 29 об. — 30.

фу А.А. Закревскому был вызван Хомяков, а на следующий день Бартенев, сообщивший, что о слухах узнал, будучи в С.-Петербурге⁸. В докладе императору 24 мая 1854 г. шеф Корпуса жандармов граф А.Ф. Орлов отмечал, что в стихах Хомякова "нет ничего слишком вредного в политическом отношении"⁹. Николай I, согласившись с этим, предрешил участь и Бартенева, избежавшего жандармского надзора, впрочем ненадолго. 24 марта 1856 г. управляющий III Отделением Л.В. Дубельт сообщал Перфильеву о согласии императора Александра II на установление за Бартеневым "негласного надзора"¹⁰. Поводом послужило неподписанное письмо в адрес Бартенева с осуждением практики перлюстраций. Догадывался ли Бартенев об установленной за ним слежке, принимая решение уехать из России?

27 января 1858 г. Бартенев составляет прошение об отставке, а с 6 мая 1858 г. увольняется в чине титулярного советника¹¹. Он намеревался побывать в Германии, Франции и Англии. Вернуться в МГАМИД в качестве служащего ему было не суждено, хотя он и рассчитывал на это. Его связи с Оболенским сохранились. 20 декабря 1864 г. Бартенев выслал ему каталог (очевидно, не сброшюрованный) портретов Геннадиевского собрания, хранившихся в Чертковской библиотеке. "С полнейшим доверием оставляю эти летучие листки и пользуюсь случаем, чтобы выразить Вашему сиятельству чувство глубочайшего уважения", — писал Бартенев¹².

С помощью Горчакова в октябре 1865 г. Бартенев получил доступ к хранящимся в МГАМИД документам Конференции при высочайшем дворе и Канцелярии статс-секретарей. Необходимость в них он объяснял следующим образом: "Не имея доступа ни в один правительственный архив, я до сего времени пользовался для моего издания ("Русского архива". — В.Б.) как собственными моими с давних лет собираемыми от частных лиц бумагами, так и рукописными запасами известной в ученом мире Чертковской библиотеки. Ныне источники эти начинают иссыхать"¹³.

Попытка Бартенева вновь поступить на государственную службу в конце 1872 — начале 1873 г. была связана с подготовкой к передаче Чертковской библиотеки, которой он заведовал, Румянцевскому музею. "Почва подо мною колеблется", — писал он 14 октября 1872 г. князю П.А. Вяземскому, прося его похлопотать перед Горчаковым о разрешении вновь поступить на службу в МГАМИД¹⁴. "Полагаю, что Мясницкая наша заметит мое исчезновение в окне нижнего этажа, где привыкли меня видеть за длинным столом" (из письма Бартенева Вяземскому от 9 ноября)¹⁵.

7 ноября управляющий Департаментом личного состава и хозяйственных дел МИД Андрей Федорович Гамбургер сообщил Оболенскому о просьбе Бартенева поступить на службу, добавив, что министр иностранных дел отнесся к этой просьбе "с полным сочувствием"¹⁶. 14 ноября Оболенский в ответном письме сообщал: «Я не нахожу никакой возможности служившего прежде в Московском главном архиве издателя "Русского архива" П.И. Бартенева вновь определить в Московский

⁸ Там же. Л. 13, 18.

⁹ Там же. Л. 23—24.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ ЦГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1933. Л. 4.

¹² Там же. Ф. 395 (Оболенский М.А.). Оп. 1. Д. 633. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2539. Л. 2—2 об.

¹⁴ ЦГАЛИ. Ф. 195 (Вяземский П.А.). Оп. 1. Д. 1407. Л. 133.

¹⁵ Там же. Л. 134—134 об.

¹⁶ ЦГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 427. Л. 373—373 об.

главный архив»¹⁷. Мотивы отказа Оболенский обстоятельно изложил в письме самому Горчакову, вынужденному согласиться с ними. Письмо это представляет интерес не только для биографов Бартенева или Оболенского, для исследователя истории МГАМИД, оно дает представление о степени доступности документов русских архивов для исследователей XIX в., об условиях их работы, позволяет оценить их подвижнический труд, преодолевающий преграды самого разного рода.

15 ноября Бартенев приехал в С.-Петербург, чтобы встретиться с Горчаковым, который извещил его об отказе Оболенского принять его на службу. "Сообщая мне о том, — писал он Вяземскому, — канцлер от себя присовокупил много жестокого. Я шел к нему с мыслью увидеть бывшего лицеиста, товарища Пушкина; встретил ядовитые намеки и выговоры о неприличии разглашать историческую тайну"¹⁸.

Многие годы спустя после пережитого неприятного для него эпизода Бартенев вспоминал об Оболенском: "Про князя говорили, что он находится в тайной службе в секретном отделении государевой канцелярии. Позднее, когда он уже вышел в отставку и я уже не служил в архиве, статс-секретарь Гамбургер сказывал мне, что Оболенский прислал князю Горчакову письмо с жалобой на меня и на Сергея Михайловича Соловьева, что мы в наших трудах позволяем себе ссылаться на перлюстрации, хотя относящиеся к временам елизаветинским. Так, Афанасьева уволил он от службы за то, что у него на казенной квартире переночевал эмигрант Кельсиев"¹⁹.

Бартенев несправедлив, ставя в вину Оболенскому увольнение известного исследователя русского фольклора А.Н. Афанасьева, обернувшееся для последнего годами лишений и смертью от чахотки в возрасте 45 лет 23 сентября 1871 г. Оболенский не намного пережил Афанасьева, к которому испытывал явную симпатию и доверие²⁰. Он умер 12 января 1873 г. в С.-Петербурге, где находился по делам службы, и был похоронен в своем родовом имении в с. Глухово Дмитровского у. Московской губ.²¹

Узнав о смерти Оболенского, рассчитывая возглавить МГАМИД, Бартенев 20 января 1873 г. пишет Вяземскому: "Помогите мне. Это место создано для меня. На нем с пользою могу я действовать... Чин мой (титулярный советник) не отвечает месту, но ведь тут нужны знания"²². Едва успев отослать свое письмо, он получает письмо от назначенного 18 января 1873 г. директором МГАМИД барона Ф.А. Бюлера. "Итак, дело кончено, — сообщает Бартенев Вяземскому. — За Архив я рад потому, что Бюлер любит старину и имеет навык в разработке бумаг. Но я остаюсь на бобах"²³. В письме от 22 января 1873 г. он поздравляет Бюлера с новым назначением: "Радуюсь и за Архив, что он переходит в столь надежные и опытные руки, и за русскую историографию, и за себя лично, что буду иметь удовольствие жить с Вами в одном городе"²⁴.

Отношения П.И. Бартенева с предшественником Бюлера развивались от вполне благожелательных (в период службы Бартенева в МГАМИД) до резко

¹⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2845. Л. 2.

¹⁸ ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1407. Л. 138.

¹⁹ Зайцев А.Д. Указ. соч. С. 35.

²⁰ Признаком этого доверия было хотя бы то, что Афанасьев являлся фактически первым помощником Оболенского, заменяя его во время отсутствия в МГАМИД.

²¹ ЦГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2902. Л. 5—5 об.

²² ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1407. Л. 140.

²³ Там же. Л. 141. Бюлер был допущен в МГАМИД в мае 1871 г. и занимался "делами 1768 и 1773 гг., касающимися введения оспопрививания в России и бракосочетания цесаревича Павла Петровича" (ЦГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2835. Л. 1).

²⁴ ЦГАДА. Ф. 186 (Бюлер Ф.А.). Оп. 1. Д. 22. Л. 241.

неприятных. В основе лежали не только личные мотивы, но и разное отношение к историческим источникам. М.А. Оболенский, известный архивист, знаток своего дела, ведущий исследовательскую работу, прекрасно сознавал научную ценность документов МГАМИД, но в силу своего служебного положения исходил из весьма широкого толкования понятия секретности документов. Такой подход был обусловлен ведомственной принадлежностью архивов России.

До последних лет жизни Бартепов сохранял интерес к документам МГАМИД, хотя, загруженный издательской деятельностью, посещал Архив лишь изредка. В ноябре 1883 г. он ознакомился в библиотеке Архива с "Записками" И.В. Лопухина. Для Бартепова была изготовлена фотокопия портрета Допухина, хранящегося в МГАМИД²⁵. В марте 1891 г. Бартепов изучал в Архиве "голландские дела 1762 г."²⁶, а в марте 1892 г. — "дело об убиении царевича Дмитрия"²⁷. В 1902 г. его внимание привлекала "переписка посла Долгорукова"²⁸.

Архивные исследования Бартепова не ограничивались МГАМИД. Готовя публикации в "Русском архиве", он добивался доступа и к документам петербургского Государственного архива МИД. В 1869 г. ему было разрешено ознакомиться с донесениями российского комиссара на острове Св. Елены графа А.А. де Бальмена, в 1874 г. — с рескриптом Екатерины II князю Г.А. Потемкину от 16 мая 1791 г., а в 1882 г. — с депешами 1832 и 1833 гг. дипломата А.П. Бутенева о восстании египетского паша Мухаммеда-Али²⁹. Но более всего Государственный архив привлекал Бартепова как хранилище документов императрицы Екатерины II, к личности и делам которой он испытывал живой интерес. В его письме министру иностранных дел Н.К. Гирсу от 2 февраля 1885 г. читаем: "Уже третий десяток лет, занимаясь специально историей жизни и царствования Екатерины Второй, любопытен я взглянуть на составленное ею житие преподобного Сергия, а также на тетрадь ее руки, в которой она рассказывает свою жизнь до приезда в Россию"³⁰. Бартепову был открыт постоянный доступ к документам Государственного архива, однако 4 августа 1886 г., обратившись с просьбой "о дозволении заняться рассмотрением кабинетных бумаг императрицы Екатерины Великой, а также бумаг князей Потемкина и Зубова", он получил отказ, "ввиду того, что в последнее время появилось очень много сообщений о великой императрице, из коих некоторые отличаются неудобными нескромностями"³¹. Тем не менее историографические разыскания Бартепова "в бумагах князя Зубова и в прошениях и письмах, адресованных на имя государыни Екатерины Великой"³², хранящихся в Государственном архиве, продолжались. Новая просьба Бартепова разрешить "заняться собственноручными бумагами императрицы Екатерины Великой"³³, по-видимому, также была отвергнута.

²⁵ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3581. Л. 3; Д. 3582. Л. 200, 203, 208, 215.

²⁶ Там же. Д. 4165. Л. 44.

²⁷ Там же. Д. 4247. Л. 41, 50.

²⁸ Там же. Оп. 16. Д. 47. Л. 8.

²⁹ Там же. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 297. Л. 1—6 об.; Д. 409. Л. 1—2.

³⁰ Там же. Д. 409. Л. 6. Ранее Бартепов пытался опубликовать "Записки" Екатерины II в "Русском архиве" и 25 ноября 1875 г. писал Г.В. Есипову: «После 25-го тома "Истории" Соловьева, кажется, уже все можно печатать об Екатерине, и ее favori posthume (посмертный любовник. — В.Б.) вызывает об этой милости. Лбщу себя дерзкою мыслю, что она сама не отказалась бы мне дать... сии записки» (ЦГАОР. Ф. 926 (Есипов Г.В.). Оп. 1. Д. 600. Л. 10).

³¹ ЦГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 409. Л. 8.

³² Там же. Л. 9.

³³ Там же. Л. 11.

В 1896 г. Бартенеv обратился в Государственный архив МИД с просьбой "о дозволении ему списать и издать хранящиеся в оном письма царя Алексея Михайловича"³⁴ для дополнения собрания писем, изданного Бартенеvым за 40 лет до того. В 1909—1911 гг. в ответ на просьбу Бартенева на имя министра иностранных дел А.П. Извольского³⁵ в Государственном архиве безуспешно разыскивались письма царя Алексея Михайловича к протопопу Аввакуму.

Нельзя не упомянуть и о собирательской деятельности Бартенева, служащей пополнению архивов МИД ценными источниками. В 1891 г. он передал Государственному архиву "бумаги государственного канцлера князя А.А. Безбородко, случайно сохранившиеся во Флоренции" и подаренные Бартенеvu "лицом, происходящим от одной из сестер первоначального их владельца"³⁶. В 1899—1904 гг. Бартенеv убедил правнучку Я.И. Булгакова передать из его личного архива в МГАМИД 40 томов переписки за 1797—1835 гг.³⁷ В качестве мотива пожертвования Бартенеv ссылался на службу Булгакова и его сыновей в Архиве, упоминал и о своей службе, воспоминаниями о которой, очевидно, дорожил.

Приложение

Письмо князя М.А. Оболенского министру иностранных дел князю А.М. Горчакову Ноября 1872 г.

Секретно и доверительно

Светлейший князь Александр Михайлович,

А.Ф. Гамбургер от 7 ноября за № 2485, уведомил меня, что служивший прежде в Московском главном архиве издатель "Русского архива" П.И. Бартенеv изъявил желание поступить вновь на службу по тому же Архиву и что Ваша светлость приняли это ходатайство с полным сочувствием, но, предварительно исполнения, Ваша светлость поручили Андрею Федоровичу узнать мое мнение по этому предмету.

Такой неожиданный вопрос сообщен мне Андреем Федоровичем накануне самого дня моего ангела. Призывая в помощь и заступление от вражских сил св. Архангела Михаила, который есть также и ангел-хранитель Вашей светлости, я с полной откровенностью считаю священным долгом объяснить Вашей светлости, что я не вижу никакой необходимости П.И. Бартенеvu поступить вновь в Архив. Пользуясь полным дозволением черпать из государственных архивов сведения, которые признаются полезными для обнародования, он, служа в Архиве, не получит никаких особых преимуществ, но архивы могут потерпеть от этого существенный вред, ибо при настоящем положении господина Бартенева все делаемые им печатно сообщения носят характер только частных известий, тогда как при службе его в Архиве, характер этот будет неизбежно официальный, причем в дипломатическом отношении это не может не повлиять враждебно и на самые архивы, так как не существует обычая ни в каких европейских архивах министерств иностранных дел ни Англии, ни Франции, ни Германии предавать гласности те пути, чрез которые добываются секретные сведения. Опасность пользования этими секретными сведениями доказывается бестактностью ректора Московского университета С.М. Соловьева, который в своей истории царство-

³⁴ Там же. Д. 557. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 12.

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 4627. Л. 1—1 об., 6—7.

вания императрицы Елизаветы прямо ссылается на перлюстрации как С.-Петербургского главного архива, так и на перлюстрации, хранящиеся в Московском главном архиве, тогда как в этих, как и во всех европейских, архивах, существует только Секретный архив.

Теперь я должен с полной доверенностью объяснить Вашей светлости личные отношения ко мне господина Бартенева. Господин Бартенев принял на себя обязанность ставить меня во враждебные отношения с московскими властями и влиятельными лицами.

Высказавши все это пред Вашей светлостью, светлейший князь, с полнейшей откровенностью, я осмеливаюсь вместе с тем обратиться к Вам с моею пок[орнейшею] просьбою. Если уже Ваша светлость находите совершенно необходимым определение господина Бартенева на службу по нашему министерству, то будьте столь милостивы, назначьте его состоять по министерству, с причислением на службу в С.-Петербурге.

Поручая себя и Архив милостивому покровительству Вашей светлости, остаюсь светлейший князь Вашей светлости душевно преданный

Ноября 1872 г.

князь М. Оболенский

После даты приписано тем же почерком: «Говорят, что было прибавлено: "Избави меня от лукавого!"»

ЦГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2845. Л. 3—4 об. Копия.

С.П. Рыбаков

**РИСУНОК В. КАРРИКА —
ПОДАРОК Е.Д. СТАСОВОЙ В.И. ЛЕНИНУ**

22 апреля 1920 г. В.И. Ленину исполнилось 50 лет. Ленин был категорически против юбилейных чествований. Вечером в пятницу 23 апреля 1920 г. московский партийный актив, члены ЦК РКП(б) и ВЦИК собрались в зале Московского Комитета партии на Большой Дмитровке (ныне Пушкинская ул., д. 15а) отметить эту дату¹. Зал был полон. Вечер открыл вступительным словом секретарь МК партии А.Ф. Мясников. С докладом выступил давний соратник Ильича Л.Б. Каменев. В числе выступающих — А.М. Горький, А.В. Луначарский, пролетарские поэты В.Т. Кириллов и В.Д. Александровский, а также М.С. Ольминский, И.В. Сталин². Подробнее — в рассказе А. Бека "Юбилейный вечер"³.

Один из участников вечера, впоследствии академик К.В. Островитянов, так вспоминал в 1960 г: "Представление о любом собрании, организуемом в наши дни по поводу юбилея научного работника или общественного деятеля, связано с созданием оргкомитета по празднованию, рассылкой заранее многочисленных приглашений во все концы страны, обилием приветственных речей, традиционных папок, телеграмм и т.д.

Каким скромным покажется по сравнению с этими ставшими традиционными собраниями вечер, посвященный 50-летию Ленина в 1920 г!"⁴.

Председательствовал на вечере секретарь МК партии А.Ф. Мясников. После окончания первого отделения он позвонил Владимиру Ильичу и просил его приехать на собрание. «Разумеется, он отказывался и говорил, что никаких речей о себе слушать не хочет, — вспоминал Мясников, — но когда я ему заявил, что мы его приглашаем на концертное отделение, на котором будут присутствовать его любимые артисты — Шор, Крейн и другие, он тогда рассмеялся, согласился... Мы гурьбой вышли к нему навстречу, окружили его и привели на сцену... масса собравшихся, неожиданно увидав его — неожиданно, ибо она знала, что тов. Ленин скрывается и не хочет идти на свое "чествование", — устроила ему самую теплую, дружескую бурную овацию и заставила сказать несколько слов»⁵.

К.В. Островитянов так описал этот момент: "Смущенный вид Ильича, стремление скорее прекратить овации говорили о том, что менее всего он думал о торжественности момента и поскорее хотел перевести заседание на деловые рельсы. В этом сказалась чрезвычайная скромность Ленина, которая составляла важнейшую черту его характера"⁶.

¹ Товарищу Ленину: Письма трудящихся В.И. Ленину, 1917—1924. 2-е изд., доп. М., 1969. С. 221—234; Ленин в Москве и Подмоскowie. М., 1980. С. 280—282; Недорисованный портрет: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях. М., 1990. С. 94—109.

² 50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина (1870—23 апреля 1920).

³ Огонек. 1987. № 45; Рассказы и очерки о В.И. Ленине. М., 1989. См. также: Рыбаков С.П. От Елены Стасовой // Моск. правда. 1990. 30 марта.

⁴ Островитянов К.В. Великий провидец // Избр. соч.: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 353.

⁵ Мясников А.Ф. Мои встречи с товарищем Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 443.

⁶ Островитянов К.В. Указ. соч. С. 354.

Когда наконец наступила тишина, Ленин произнес краткую (10—12 мин) удивительную по простоте и остроумию речь. Он, в частности, сказал: "Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей.

Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам. Вот одна из таких карикатур, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею"⁷. Это была карикатура художника Валерия Вильямовича Каррика "Марксисты на сорокалетнем литературном юбилее Н.К. Михайловского" (1900 г.).

Участники юбилейного вечера рабочий-печатник, комсомолец В. Богданов, член партии с 1905 г. П.С. Заславский, представитель Замоскворецкого райкома партии К.В. Островитянов, работник Бауманского районного Совета г. Москвы М. Цейтлин⁸ в своих воспоминаниях рассказали о том впечатлении, которое произвела на присутствующих в зале эта удивительно хорошая карикатура. С.С. Виноградская, работница секретариата газеты "Правда", впоследствии писательница, отмечала: «Подступив к самому краю трибуны, подавшись вперед своим коренастым, но гибким, подвижным телом, Ленин поднял над головою рисунок и оглядел зал с лукаво-победным видом... "Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, — продолжал Ленин сквозь шум и смех. — И так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств"»⁹.

Что это за карикатура, кто прислал ее Ленину и почему он захотел показать ее на вечере?

Ленинградский писатель З.Л. Дичаров и известный карикатурист Б.Е. Ефимов рассказали об отношении В.И. Ленина к политической карикатуре и одном из самых замечательных в этом плане эпизодов — памятном вечере 23 апреля 1920 г.¹⁰, а также назвали имя автора карикатуры — В.В. Каррик. Карикатура на юбилей Н.К. Михайловского — одного из лидеров либерального народничества фигурирует и в рассказе А. Бека "Юбилейный вечер".

Однако в литературе о Каррике есть лишь краткие упоминания. Между тем Валерий (Вильям) Вильямович Каррик (псевд.: Д.В.К., Д.В.К-рик, Д'евица, Дмитрий К., Дмитрий Каррик, К-рр, Маркиз Д'екри) (1869—1943) — примечательная фигура в русской газетной, журнальной и альбомной карикатуре начала века. Он был выходцем из Англии. Отец его — организатор фотоателье в России. Каррик пользовался заслуженной известностью среди петербургской интеллигенции. Замечательный русский художник М.В. Добужинский писал в своих воспоминаниях о русском англичанине Каррике, который научил художника "нехитрой литографической технике — рисовать разведенной типографской тушью на кальке"¹¹. С Карриком был знаком А.М. Горький. После первой поездки в Петербург

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 325.

⁸ Богданов В. Памятные встречи // Всегда в борьбе. М., 1968. С. 72; Заславский П.С. Незабываемые встречи // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. Т. 3. С. 186; Цейтлин М. Юбилей Ильича // Урал. следопыт. 1964. № 4. С. 6.

⁹ Виноградская С.С. Рассказы о В.И. Ленине. М., 1965. С. 121. Цитату Ленина см.: Полн. собр. соч. Т. 40. С. 325.

¹⁰ Дичаров З.Л. Оружием сатиры // Нева. 1970. № 1. С. 196—201; Ефимов Б.Е. На мой взгляд. М., 1987. С. 12.

¹¹ Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 134.

в конце 1899 г. он привез оттуда несколько ценных подарков, в том числе и небольшой альбом карикатур малоизвестного карикатуриста Каррика. Д.Ф. Сверчков, участник социал-демократического движения с 1899 г., писал в своей книге "На заре революции" (1-е изд. в 1921 г.) о неподражаемом карикатуристе — художнике Каррике, "карандашу которого принадлежит добрая половина карикатур на Николая II, появившихся в заграничных журналах"¹². В начале 900-х годов Каррик продавал в пользу политических заключенных целые альбомы с карикатурами на злобу дня политической эпохи того времени. В период революции 1905—1907 гг. он сотрудничал в сатирических журналах "Жупел" и "Леший". Создал галерею шаржированных портретов писателей: А.М. Горького, С.Г. Скитальца, Е.Н. Чирикова, Л.Н. Андреева, В.Г. Короленко. У художника есть сатирические рисунки на царских сановников и лидеров буржуазно-помещичьих партий Ф.Ф. Кокошкина, М.М. Ковалевского, Ф.А. Головина, Н.Н. Львова, Ф.В. Дубасова, Н.А. Гредескула, С.Ю. Витте, П.Н. Милюкова. В.В. Каррик — автор записок "Война и революция", посвященных событиям 1914—1917 гг.¹³

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Каррик эмигрировал в Норвегию и работал с любимым им фольклором, иллюстрируя народные сказки. Сборники детских сказок и книг с его иллюстрациями выходили в 20-е и 30-е годы в Праге, Париже и других городах.

Одна из современниц Каррика, известная общественная деятельница А.М. Калмыкова, писала художнику в 1922 г. о его талантливых открытках-карикатурах дореволюционного периода, которые представляли "интересный и ценный исторический документ"¹⁴. Часть этих материалов хранится в наши дни среди материалов Музея А.М. Горького в Москве. Личный архив В.В. Каррика находится в университетской библиотеке в Осло. В Норвегии вышла работа Г. Хетсо "Максим Горький и Валерий Каррик: из неизданной переписки"¹⁵.

В 1954 г. были опубликованы воспоминания Е.Д. Стасовой, которая рассказала о том, как карикатура попала к Ленину: «В день пятидесятилетия В.И. Ленина я была больна и не могла его увидеть. Но мне хотелось сделать Владимиру Ильичу что-нибудь приятное. Разбирая свои вещи, я нашла карикатуру известного карикатуриста Каррика, на которой был изображен юбилей народника Михайловского. За столом, покрытым сукном, стоял растроганный Михайловский. В одной руке он держал снятое пенсне, в другой — платок, которым только что утирал слезы. Михайловского окружили Южаков, Мякотин, Струве, А.М. Калмыкова, а перед столом стояло двое детей: мальчик в матроске и девочка в том возрасте, когда заплетенная косичка напоминает крысиный хвостик. Это "марксята", пришли приветствовать народников. Я написала Ленину, что вот, мол, когда был юбилей Михайловского, мы были еще в детском возрасте, а теперь мы большая партия, и все это благодаря вашей работе, вашему таланту. Ленину понравилась карикатура»¹⁶.

В 1958 г. "Огонек" (№ 17) опубликовал заметку Ф. Шапошникова "История одной карикатуры". В ней сообщалось, что в Одесском музее западного и восточного искусства найдена карикатура В. Каррика, было дано ее воспроизведение. Но персонажи не расшифровывались. Карикатура из Одесского музея воспроиз-

¹² Сверчков Д.Ф. На заре революции. 2-е изд. Л., 1926. С. 127.

¹³ Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 5—47; № 7/9. С. 26—76.

¹⁴ ЦГАЛИ. Ф. 258 (Калмыкова А.М.). Оп. 3. Д. 161. Л. 74.

¹⁵ Kjelsaa G. Maksim Gorkij og Valery Carrick: Fra en ukjent korrespondanse. Oslo, 1981.

¹⁶ Стасова Елена. Воспоминания о В.И. Ленине // ВИ. 1954. № 1. С. 36; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956. С. 372—373; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1984. Т. 2. С. 213—214. Об этом факте см. также: Ленин В.И. Соч. 3-е изд. М.; Л., 1929. Т. 25. С. 612; Подляцук П. Богатырская симфония. М., 1977. С. 198.

В. Каррик

"Марксисты на сороколетнем литературном юбилее Н.К. Михайловского" (1900)

ведена и в заметке "Шаржи В. Каррика" в сборнике "Собеседник" (Воронеж, 1973, С. 180—181; ил. между с. 160—161). Однако сравнительный анализ заставляет усомниться в том, что в Одессе хранится оригинал карикатуры, полученной от Стасовой.

Рассмотрим публикацию карикатуры в "Литературном наследстве"¹⁷ (рис. 1).

За столом вокруг Михайловского находятся (слева направо) журналист В.А. Розенберг, либеральный народник С.Н. Южаков, поэт, переводчик, историк литературы П.И. Вейнберг, Н.К. Михайловский, историк В.А. Мякотин, революционер-шестидесятник, впоследствии крупный книгоиздатель Л.Ф. Пантелеев, статистик и публицист Н.Ф. Анненский. На переднем плане изображены издательница А.М. Калмыкова, "легальный марксист" П.Б. Струве, петербургская книгоиздательница М.И. Водовозова. Перед столом — русские марксисты. Художник представил их детьми, которые говорят Н.К. Михайловскому: "Хотя мы и не согласны с вами в убеждениях, но все-таки примите наши поздравления"¹⁸.

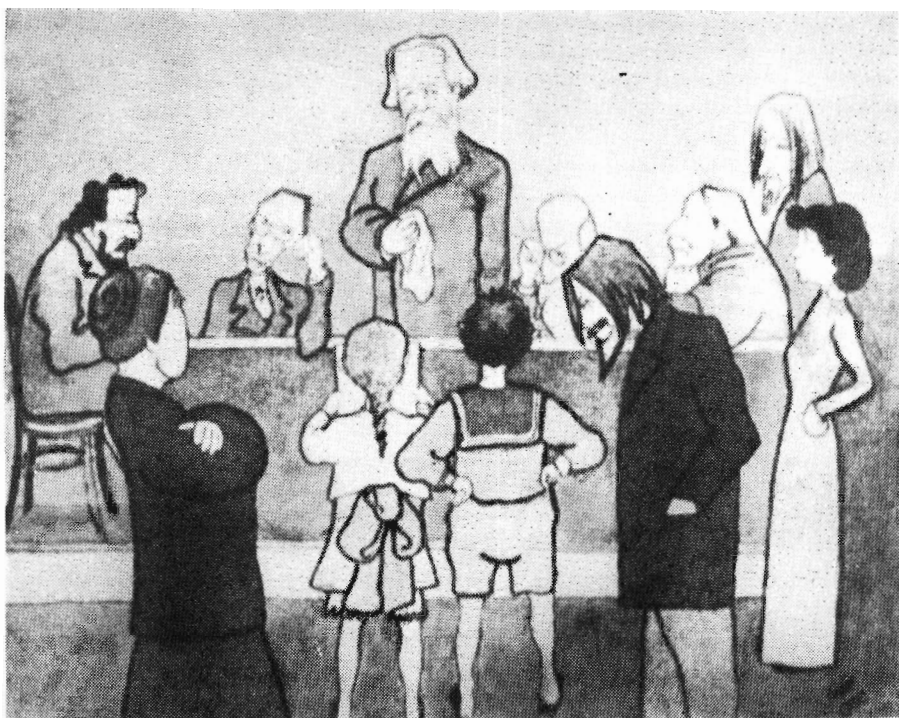
Отвечая на вопрос журнала "Огонек", Стасова писала: "Ввиду того, что я не видела этой карикатуры с 1920 г., в мои воспоминания вкрались неточности. Надо внести небольшие поправки. За столом находятся, кроме Н. Михайловского, видные народники того времени: Южаков, Мякотин и другие..."¹⁹

В одесском варианте карикатуры (рис. 2), подлинность которого не вызывает сомнений (внизу справа — монограмма художника — VC — и дата — 1900), в

¹⁷ Лит. наследство. М., 1933. Т. 7/8. С. 209. В нем сообщалось, что карикатура хранится в Центральном музее Революции СССР в Москве.

¹⁸ Эти слова на карикатуре отсутствуют. Они приведены в комментариях к публикации.

¹⁹ Огонек. 1958. № 17. С. 19. См. также: Ленин и изобразительное искусство. М., 1977. С. 134, 154.

В. Каррик

Эскиз карикатуры "Марксисты на сорокалетнем литературном юбилее Н.К. Михайловского" (1900)

окружении Михайловского нет колоритной фигуры С.Н. Южакова, о котором Стасова упоминает дважды: в 1954 и 1958 гг. На карикатуре, опубликованной в "Литературном наследстве", С.Н. Южаков — второй справа. Он легко узнаваем среди поклонников Михайловского. Один из современников — писатель В.В. Вересаев так писал о С.Н. Южакове: публицист-социолог с наружностью Фальстафа²⁰. О претолстой фигуре социолога С.Н. Южакова на карикатурах В.В. Каррика писал А.Е. Богданович, близкий друг А.М. Горького²¹.

Кроме того, порядок расположения фигур за столом на варианте карикатуры, хранящемся в Одессе, несколько иной: Розенберг, Мякотин, Михайловский, Вейнберг, Анненский, Пантелеев.

Таким образом, атрибуция графического автографа В.В. Каррика позволяет сделать вывод: в Одесском музее западного и восточного искусства хранится один из авторских вариантов карикатуры "Марксисты на сорокалетнем литературном юбилее Н.К. Михайловского".

Удивительно, но факт, что в литературе, посвященной ленинскому юбилею в 1920 г., а также в фундаментальном издании Биографической хроники Владимира Ильича Ленина²², многочисленных иллюстративных изданиях отсутствуют ссылки на публикации карикатуры В.В. Каррика в 1933 и 1958 гг. Между тем подготовители этих работ проявили высочайшую взыскательность к каждому сооб-

²⁰ Вересаев В.В. Воспоминания. 2-е изд. М.; Л. 1946. С. 360.

²¹ Богданович А.Е. Из жизни Алексея Максимовича Пешкова // М. Горький на родине. Горький, 1937. С. 89.

²² Владимир Ильич Ленин: Биограф. хроника. М., 1977. Т. 8. С. 484—485.

ценному факту, документу, просто слову о Ленине. Отсутствуют отсылки также в искусствоведческой литературе сороковых—восемидесятых годов, за исключением указанных изданий периода "оттепели". Частичный ответ на вопрос, почему такой яркий документ обходили молчанием долгие годы, читатель найдет в работе норвежского слависта Г. Хетсо "Максим Горький и Валерий Каррик: из неизданной переписки". Среди иллюстраций к работе — автошаржа Каррика, карикатур на М. Горького и Л. Андреева в журнале "Леший" (СПб., 1906. № 1. С. 4; № 2. С. 12), карикатуры "Царь Николай II и Лев Толстой" (Манчестер гардиан. 1908. 5 сент.) — есть и карикатура "Сталин" в эмигрантской газете "Возрождение" (Париж, 1932). Думается, нет нужды пояснять, что это означало для творческого наследия художника на протяжении десятилетий. Кроме того, следует сказать о судьбе двух персонажей, изображенных на карикатуре — журналиста Розенберга и историка Мякотина. Оба были в числе профессоров, высланных в 1922 г. из Советской России²³. Это не могло не сказаться на судьбе самой карикатуры и ее автора.

Всякий вновь открытый документ или факт, всякое новое прочтение личной и политической биографии В.И. Ленина вызывает значительный интерес. Много о Ленине остается еще не сказанным или упрятанным в архивы и спецфонды. Надо, чтобы шаги по их открытию были увереннее, ибо в архивах и спецхранах до сих пор запорты сотни свидетельств.

²³ Колодный Л. Изгнание философов // Моск. комсомолец. 1990. 12—13 июня.

С.Б. Филимонов

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РАЗРАБОТКЕ В 1920-е ГОДЫ МЕТОДОВ ИЗДАНИЯ ДОКУМЕНТОВ

В 1917—1929 гг. многочисленные в то время в нашей стране краеведческие организации развернули энергичную деятельность по выявлению, собиранию, охране, учету и использованию всех разнообразных памятников истории и культуры, в том числе документальных. Важной формой использования документальных памятников служила их публикация. В изданиях краеведческих обществ и музеев было опубликовано множество ценных источников по отечественной истории. Однако применявшаяся в первые годы Советской власти в краеведческих изданиях методика публикации документов зачастую продолжала оставаться на уровне, характерном для дореволюционной археографии. Это отмечал, в частности, А.И. Андреев. В опубликованной в 1921 г. и ныне малоизвестной рецензии на вып. 13 Трудов Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), где были напечатаны и документы из архива усадьбы Волженских в Галичском уезде¹, А.И. Андреев писал: «Обо многом можно бы было поговорить в связи с принятой в издании и унаследованной еще от Костромской ученой архивной комиссии системой передачи документов — их транскрипцией, пунктуацией, расположением по отделам и пр.; выскажу только горячее пожелание, чтобы "Правила издания документов", подобные выработанным и изданным в 1919 г. Петроградским отделением Главного управления архивным делом, получили возможно более широкое распространение на местах и чтобы старые приемы издания документов отошли также в область прошлого»². Год спустя в рецензии на вышедший в 1920 г. вып. 21 Трудов КНО ученый вновь вынужден был констатировать, что опубликованные здесь "интересные документы читаются, однако с большим трудом ввиду несоблюдения при издании самых простых правил передачи старых текстов; настоятельно необходимо, чтобы Костромское общество обратило, наконец, внимание на эту сторону своей издательской деятельности"³.

В этой, думается, связи на 1-м Костромском губернском съезде краеведения (Галич, 15—17 июня 1924 г.) был заслушан доклад члена правления КНО Ф.А. Рязановского "Приемы издания древнерусских актов". По докладу приняли следующую резолюцию: "Признать необходимым просить автора развить подробнее инструктивную часть доклада, а также просить Костромское научное общество опубликовать его в качестве руководства, крайне необходимого при краеведении".

¹ Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде: (Вступ. ст. С.В. Фрязинова и док.) // Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. местного края. Кострома, 1919. Вып. 13. С. 114—301.

² Андреев А. [Рецензия] // Дела и дни: ИЖ. 1921. Кн. 2. С. 237. — Рец. на кн.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1919. Вып. 13. Эта рецензия не значится в библиографическом указателе трудов А.И. Андреева. См.: АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 496а—501.

³ Андреев А. Издания общества по изучению местного края // Дела и дни: ИЖ. 1922. Кн. 3. С. 212—213.

ведческих работах"⁴. К сожалению, доклад Ф.А. Рязановского не был опубликован.

На 2-й Всесоюзной конференции по краеведению (Москва, 9—14 декабря 1924 г.) планировалась работа архивно-исторической секции, кураторами которой являлись В.И. Пичета и академик С.Ф. Платонов⁵. На заседании секции с докладом "Методы и приемы издания архивных документов" должен был выступить А.И. Андреев, еще в январе 1924 г. избранный членом руководившего краеведческим движением Центрального бюро краеведения⁶. И хотя архивно-историческая секция ввиду ожидавшегося вскоре архивного съезда не работала, тезисы его несостоявшегося доклада были опубликованы в материалах конференции⁷. В этих тезисах (они также не значатся в библиографическом указателе трудов А.И. Андреева) внимание краеведов обращалось как на наличие правил издания документов, так и на необходимость их совершенствования.

Как известно, "Правила издания документов" 1919 г. касались документации XVIII—XIX вв. и не могли удовлетворить интерес к документации по истории революций в России и вообще нового и новейшего времени⁸. Разработкой методики публикации историко-революционных источников занимался в середине 1920-х годов профессор Саратовского университета, член Саратовского общества истории, археологии и этнографии С.Н. Чернов. Как явствует из опубликованного его отчета о командировке в Москву, он, участвуя с 1924 г. в работах Центрархива РСФСР по подготовке к печати "Русской Правды" П.И. Пестеля, вынужден был приступить к разработке методов издания этого документа. Чернов писал: «Центрархив РСФСР до сей поры не имел общего кодекса установленных правил для своих изданий. В частности, "правила изданий" материалов к истории декабристов не были предвзято установлены. Вот почему при начале моих занятий я не имел ни обязательных руководящих указаний, ни образцов. Тем более дорого мне внимание, которое проявили к моей работе два авторитетных археографа: А.А. Покровский и С.Н. Валк⁹. Им обоим я обязан рядом важных и полезных указаний. Конечно, это отсутствие установленных правил, несмотря на авторитетную поддержку названных археографов, сильно тормозило работу. Выработанные мною и положенные в ее основу правила излагаются в предисловии к изданию и в общей форме аргументируются в подготовляемой статье "К методологии печатания черновикиков"¹⁰. В списке научных трудов С.Н. Чернова¹¹ статья "К методологии печатания черновикиков" не значится ни среди печатных работ, ни среди работ, сданных автором в печать, ни среди работ, приготовленных к печати, ни среди работ, начатых и не законченных. В разделе "Работы, сданные автором в печать" его списка научных трудов отмечено: «Бумаги П.И. Пестеля, 30 п.л. (из них 5 п.л. вводная статья к подготовленному

⁴ Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1924 год. Кострома, 1925. С. 40.

⁵ Дневник 2-й Всес. конференции по краеведению. М., 1924. № 1. С. 1.

⁶ *Дорогутин Н.* 5-я сессия Центрального бюро краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 276.

⁷ *Андреев А.И.* Методы и приемы издания архивных документов: [Тез.] // Дневник 2-й Всесоюз. конф. по краеведению.

⁸ Документальные памятники: выявление, учет, использование / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1988. С. 96.

⁹ Здесь, в подстрочном примечании, Чернов отмечал: «Именно при его (С.Н. Валка. — С.Ф.) участии ныне разрабатывается общий кодекс "правил издания" Центрархива».

¹⁰ *Чернов С.* Отчет о командировке в Москву в весеннее полугодие 1924/25 уч. года и в осеннее полугодие 1925/26 уч. года // Учен. зап. Сарат. ун-та им. Чернышевского. Саратов, 1926. Т. 5, вып. 2. С. 309.

¹¹ См.: *Чернов С.Н.* У истоков русского освободительного движения: Избр. ст. по истории декабризма / Ред. и вступ. ст. Б.Е. Сыроечковского, И.В. Пороха. Саратов, 1960. С. 408—415.

изданию "Русской Правды") — в Централархив РСФСР»¹², а в разделе "Печатные работы" указана статья "К вопросу о методах издания памятников революционной литературы"¹³, посвященная методам издания листовок.

Рассмотренные малоизвестные материалы дополняют наши представления об истории отечественной археографии. Они свидетельствуют об определенном вкладе краеведов 1920-х годов в разработку методов издания документов.

¹² Там же. С. 414. О значении этой оставшейся неопубликованной работы С.Н. Чернова для декабристоведения см.: Там же. С. VII.

¹³ Каторга и ссылка. 1926. Кн. 6. (27). С. 238—243.

Л.И. Сизинцева

МАТЕРИАЛЫ О РАЗГРОМЕ КОСТРОМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В 1930—1931 гг.

Делопроизводственная документация, хранящаяся в архивах Комитета государственной безопасности СССР, сегодня чаще становится достоянием публицистов, нежели историков. Делом будущего остается разработка методов источниковедческого анализа этой обширной группы, но обращение к отдельным документам возможно уже сейчас. Это позволяет рассмотреть, в частности, процесс уничтожения краеведческого движения, следовавший за периодом 1918—1929 гг., справедливо названный С.О. Шмидтом "золотым десятилетием" советского краеведения¹.

Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края была достаточно заметна даже на фоне общего подъема. Председатель Центрального бюро краеведения (ЦБК) академик С.Ф. Ольденбург отмечал в частном письме: "Костромское общество считаю одним из самых лучших краеведческих обществ, образцовым по размаху и интенсивности работы"². Поэтому его история неоднократно становилась объектом исследования в связи с изучением российского и регионального краеведения³; специальные работы посвящались деятелям общества Д.П. Дементьеву, Л.Н. Казаринову и В.И. Смирнову — одному из его основателей и бессменному в 1921—1929 гг. председателю⁴. Обзор его архива был опубликован С.Б. Филимоновым⁵. Переписка В.И. Смирнова хранится в ОПИ ГИМ (ф. 191, не обработан).

Костромское научное общество (КНО) было основано в 1912 г. на волне экономического и общественного подъема в России. Устав его определял: "Общество имеет целью изучение Костромского края в естественно-историческом, историко-археологическом, этнографическом, культурном и проч. отношениях и разработку связанных с этим общенаучных вопросов..."⁶ Первые годы ушли на то, чтобы собрать и подготовить людей, выработать приемлемые для местных условий методы исследований.

Василий Иванович Смирнов, первые десять лет занимавший незаметную должность секретаря, методом проб и ошибок искал новые пути, не отказываясь от известных форм работы. Главным было привлечение к занятиям наукой

¹ Шмидт С.О. О книге "Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.)" // Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.). М., 1989. С. 4.

² Филимонов С.Б. Эпистолярный архив В.И. Смирнова // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 321.

³ Филимонов С.Б. Источники по истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; Флейман Е.А. Краеведческое движение в Верхнем Поволжье в 1917—1930 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1987; Шипилов А.Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

⁴ Бочков В.Н. Подвижники Костромского краеведения: Василий Смирнов, Леонид Казаринов, Дмитрий Дементьев // Второе свидание: Глазами краеведов. Ярославль, 1974; Китицына Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // Сов. археология. 1968. № 4 (есть библиография).

⁵ Филимонов С.Б. Эпистолярный архив В.И. Смирнова.

⁶ Устав Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1912. С. 1.

возможно большего числа жителей губернии. "В этом деле может принести пользу всякий, — считал он, — даже маленькие коллекции и случайные наблюдения любителя могут быть полезны науке, так как решение общих научных вопросов подготавливается медленным и кропотливым накапливанием фактов и наблюдений"⁷.

Самым неподготовленным людям была доступна работа с анкетами КНО. Для того чтобы их заполнить, достаточно было уметь писать. И потому крестьяне, не будучи членами общества, наряду с местной интеллигенцией могли помочь в сборе информации по самым разнообразным вопросам — о влиянии войны 1914 г. и революций 1917 г. на жизнь деревни, позднее о подробностях быта, верованиях.

Более подготовленным лицам были адресованы краеведческие программы, первые издания которых относятся к самому началу существования КНО. Уже в 1912 г. были напечатаны "Программа для собирания этнографических предметов" и "Предварительные указания к изучению Костромской губернии в естественно-историческом отношении", причем последняя выдержала три издания, что говорит о потребности в такого рода руководствах. Позднее, в 20-х годах, выпуск программ был продолжен совместно с ивановскими краеведами благодаря поддержке М.П. Сокольниковца, служившего в издательстве "Основа"⁸.

Еще одной формой вовлечения начинающих в исследовательскую работу становились экспедиции, регулярно проводимые научным обществом. В них принимали участие как специалисты, так и любители, овладевшие навыками работы. Эту школу проходили как взрослые, так и юные краеведы (один из них — П.Н. Третьяков, впоследствии член-корреспондент АН СССР). Экспедиции в соответствии с задачами КНО были ботанические, геологические, почвоведческие, этнографические и др. С 1921 г. благодаря Смирнову проводились археологические экспедиции, в короткое время превратившие Кострому в признанный центр археологических исследований. Комплексные обследования так называемого "Мерьского стана" в нижнем течении р. Костромы и ряда волостей Буйского у. включали изучение говоров, фольклора, поверий, крестьянской стройки, утвари, орудий труда, сопровождалась археологическими разведками и сбором антропологического материала. В 1918—1919 гг. по инициативе КНО и на его средства были проведены обследования костромских усадеб, в результате которых удалось вывезти некоторые библиотеки, архивы, предметы искусства и старины⁹.

Смирнов писал: "Существуют три основных ресурса для каждой научной работы, которые предварительно должны быть созданы — Архив, Библиотека и Музей с неизбежными при нем кабинетами и лабораториями"¹⁰. Именно там хранились предметы, собранные в результате экспедиций, анкеты, материалы программ. Начало им было положено сразу после создания КНО, но препятствовало отсутствие собственного помещения. Лишь после передачи обществу в 1917 г. здания и коллекций музея Костромской ученой архивной комиссии, влившейся в него на правах секции, собирательская работа обрела перспективу.

Продолжением программы Смирнова стало создание филиалов научного общества в уездных и волостных центрах. Начавшись еще до революции, особый размах этот процесс приобрел с его приходом в 1921 г. на пост председателя КНО. В первый год его председательства при обществе числилось 5 филиалов, в последний (1928) — 25¹¹. Работа отделений КНО в уездах и волостях показала

⁷ ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 191. Письма М.П. Сокольниковца В.И. Смирнову.

⁹ Там же. Ф. 54. Д. 742. Д. 45—46 об.

¹⁰ Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1922 год (далее: Отчет КНО за... г.). Кострома, 1923. С. 26.

¹¹ Отчеты КНО за 1921 и 1928 гг. Кострома, 1922, 1929.

зависимость ее интенсивности от наличия музея, обеспечивающего сохранность предметов, библиотеки и архива, являвшихся как результатом, так и условием исследовательской деятельности. Хранитель музея становился (чаще всего неофициально) и организатором работы, как Л.Н. Казаринов в Чухломе, Л.М. Белорусов в Солигаличе, П.А. Царев в Галиче, В.И. Смирнов в Костроме.

Создание филиалов требовало от председателя больших усилий, иногда направленных на преодоление инертности местных деятелей. "Нам в Галиче нужен опорный пункт больше, чем им — знание своего края", — писал В.И. Смирнов Н.П. Анцыферову¹². Приходилось подбирать людей, договариваться с местной администрацией, изыскивать средства — и дело налаживалось. Самым важным среди этих условий оказывалось наличие энтузиаста. Если он был, находились и средства, и помещение, и велась исследования.

Наиболее показательным был пример того же галичского отделения КНО, где замерла исследовательская работа несмотря на то, что из местного бюджета были выделены значительные средства (по сравнению с другими филиалами, часто вообще не имевшими средств). Чухломский краевед Казаринов замечал по этому поводу в письме к Смирнову: "Выходит, что не всегда дело делается, когда и средства отпускаются"¹³. Смирнову удалось найти для галичского музея энергичного Царева — и результат не заставил себя ждать: "Со времени появления в Галиче П.А. Царева наш Музей и Отдел краеведения положительно и определенно оживился. Будучи продолжительное время в летаргическом состоянии, теперь как бы воскрес — расцвел! [...] И все это, глубокоуважаемый Василий Иванович, получилось благодаря Вашему искусству избирать достойных для дела людей", — писал в Кострому любитель древностей К.В. Палилов¹⁴.

Таким образом, самым главным "ресурсом научной работы" оказались люди, способные работать в невероятно трудных условиях почти бесплатно, так как даже ставки сотрудников станций и лабораторий — профессиональных учреждений, созданных при любительском в основе своем научном обществе, были мизерны. Несмотря на это, этнологическая, биологическая, геофизическая станции и химическая, геологическая лаборатории действовали, превращая КНО в многоотраслевую научную организацию — местную "Академию наук"¹⁵. Результаты исследований публиковались в Трудах общества — 43 выпуска за 1914—1929 гг., не считая изданий, вышедших в уездных отделениях КНО — галичском, солигаличском, буйском и др.

Особенно обострились проблемы общества с введением новой экономической политики. "Положение многих членов граничит в настоящий момент с голодом, — отмечал Смирнов в докладе, посвященном десятилетнему юбилею КНО в 1922 г. — Русская наука вообще ходила в рубищах, но провинциальная наука, особенно в последнее время, являет поразительное зрелище нищеты"¹⁶. Не хватало книг, препаратов, оборудования, приборов. В этих условиях складывался в отечественной культуре новый тип деятеля, продолжавший традиции демократической интеллигенции рубежа XIX—XX вв.

Преимственность угадывалась в бескорыстии и самоотверженном служении народному благу, новизне — в иных задачах, поставленных жизнью страны, в которой резко изменился весь прежний уклад. Необходимо было зафиксировать происходящие изменения, сохраняя следы уходящего (как в дворянском, так и в

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 191. Письмо В.И. Смирнова Н.П. Анцыферову 5 февр. 1927 г.

¹³ Там же. Письмо Л.Н. Казаринова В.И. Смирнову 14 февр. 1927 г.

¹⁴ Там же. Письмо К.В. Палилова В.И. Смирнову 13 мая 1927 г.

¹⁵ См.: определения М.П. Сокольниковой и Д.К. Зеленина в кн.: *Филимонов С.Б.* Эпистолярный архив В.И. Смирнова. С. 321.

¹⁶ Отчет КНО за 1922 г. С. 31.

крестьянском быту), и использовать опыт предшествующих поколений для выживания в условиях хозяйственного развала: "...только знание страны может вывести русский народ из создавшегося тяжелого положения"¹⁷. Первая задача решалась обследованиями усадеб, закрытых церквей, спасением библиотек, архивов, предметов быта и церковного обихода, заботой о памятниках; вторая — изучением традиционных промыслов, изысканиями полезных ископаемых как при помощи полевых обследований, так и архивными изысканиями¹⁸.

В условиях, когда "краеведческое дело никому не нужно — ни правительству, которое равнодушно к гибели подобных научно-просветительных учреждений, ни народу — широким массам, которые не умеют еще ценить важности научной работы", оставалось действовать "под знаком бескорыстного увлечения и порыва"¹⁹. Это было возможно лишь при восприятии общего дела как личного. Работа становилась не только возможностью реализовать творческое начало личности, но и удовольствием, утешением, страстью. "Зачем заразили этой болезнью?" — пишет Смирнову из Галича Царев²⁰. "Мы, отравленные краеведением", — говорил Смирнов на 15-летнем юбилее КНО, а в письме Святскому писал: "Краеведение — это сумасшествие, опиум для народа, по крайней мере для некоторой части интеллигенции"²¹.

Подобное отношение к делу исключало формально-административные методы руководства. В переписке с уездными отделениями КНО Смирнов личную переписку предпочитал официальной. "Дело в том, — пытался объяснить он следователю в декабре 1930 г., — что обычно сжатые, если не сказать сухие, официальные отношения никогда не могут так воздействовать в добровольной краеведческой работе; побудить к ней, как непосредственное письмо, в котором просишь, напр., к сроку сдать отчет"²². В этом же ряду и "субботники" этнологической станции — собрания, выросшие из дружеских вечеринок, на которых сотрудники и члены юношеского краеведческого кружка обменивались результатами исследований, обсуждали новинки этнографической литературы (см. показания Е.М. Полянской — прил. 4).

Организационное единство центральных и губернских научных учреждений, беспрепятственное общение между учеными благодаря печатным изданиям на местах, высокий уровень исследований заставляли забыть об уничтожительном оттенке определения "любительское" в приложении к провинциальному краеведению, на первый план выходило первоначальное значение его этимологической основы, что заметно даже в словоупотреблении официальных документов. "Положение о Костромской губернской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины", первоначально созданной при КНО, так формулировало одну из основных задач: "Коллегия [...] подыскивает любящих дело лиц для совместной работы и сотрудничества"²³.

Личностное начало в краеведческом движении не могло не мешать развитию бюрократических методов управления в обществе. С.О. Шмидт заметил в одном интервью: "Это были организации энтузиастов, людей, сердечно заинтере-

¹⁷ Там же. С. 32.

¹⁸ Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1918. Вып. 9: Железные болотные руды Костромской губернии.

¹⁹ Отчет КНО за 1922 г. С. 32, С. 31.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 191. Письмо П.А. Царева 21 янв. 1928 г.

²¹ Изв. Центр. бюро краеведения. 1927. № 5; ОПИ ГИМ. Ф. 191. Письмо В.И. Смирнова Д.О. Святскому 26 окт. 1926 г.

²² Следственное дело 4323-С // Архив Управления КГБ СССР по Костромской области (далее: д. 4323-С).

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 742. Л. 27.

сованных и думающих, а не желающих подчиняться просто указаниям сверху", которые "хорошо понимали, какие действия будут чреваты глобальными последствиями для экономики края, для его культуры, если действовать по огульному для всех плану", в то время как их исследования создавали "возможность нестереотипной, неодинаковой жизни в разных городах и краях"²⁴.

Сигналы об изменении официального курса стали поступать в 1927 г. Солигаличский краевед В. Розепин, делавший доклад в ЦКБ, пишет Смирнову из Ленинграда: «Я был свидетелем факта, не сообщить о котором Вам почитаю преступлением. Проф. Пинкевич [...] намеревается доказать, что право на существование в СССР имеет *только* "советское краеведение", т.е. исследование сторон края, непосредственно связанных с производством, и резко определяет, вернее, противопоставляет "академическому" краеведению. А в III тезисе даже заявляет, что лица, занимающиеся академ[ическим] краев[едением], суть контрреволюционеры [...] После меня выступил Бутин, предст[авитель] ОблОНО и торжественно заявил, что *вся провинция* именно будет *согласна с Пинкевичем* и что через 2 года мы все, выступившие против, подпишемся под этим тезисом обеими руками»²⁵.

Примечательно, что даже срок был предсказан точно: именно через два года, в конце 1929 — начале 1930 г., на свободе остались только те краеведы, которые "обеими руками" подписались под этим положением. Водораздел между "советским" и "академическим" краеведением совпал с границей между ленинградским и московским отделениями ЦБК, из которых последнее заняло позиции официоза.

Характерно, что наибольшим нападкам подвергалось именно "любительство". В качестве официального документа еще до выхода книг по провинции распространялась лекция С.П. Толстова (этнографа, сотрудника Музея ЦПО в Москве) "Основы советского краеведения", где можно было прочитать: "Буржуазное краеведение — это любительское краеведение. Целый ряд представителей буржуазии, помещиков, не являясь специалистами, занимались на досуге (которого было немало) теми или иными вопросами науки и искусства"²⁶.

Казалось бы, автор выступает за профессионализм, что не противоречит "академизму" в краеведении, напротив, предполагает его. Однако выясняется, что любительство с упоминанием о досуге лишь средство для возбуждения "классовой ненависти" (свободного времени у советских трудящихся с введением "непрерывки", "пятидневки" становилось все меньше); главный же удар Толстова пришелся по самому краеведческому принципу, на то, что "изучение направляется на определенный край, на определенную географическую единицу" для того, чтобы «содействовать, с одной стороны, осуществлению экономических и политических задач, стоящих перед буржуазией и помещиками, а с другой стороны, еще в большей мере, привлекая массы интеллигенции, мелкой буржуазии, а частью крестьянства и даже (за границей) рабочих, особенно детей рабочих и крестьян, воспитать массы в нужном для правящих классов направлении, внушить им "любовь к родине", к "родной старине" и тем самым замазать [классовые противоречия, отвлечь] от борьбы»²⁷. За последним тезисом угадывается сталинское положение об обострении классовой борьбы по мере углубления социалистических преобразований.

²⁴ Шмидт С.О., Козлов В.Ф., Филимонов С.Б. Первый перелом: (Беседы о судьбах краеведения 1920-х годов) // Знание — сила. 1988. № 11. С. 75.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 191. Письмо В. Розелина И.В. Смирнову от 1 дек. 1927 г. Курсивом выделены подчеркивания автора письма.

²⁶ ГАКО. Ф. р-838. Оп. 5. Д. 57. Листы нумерованы.

²⁷ Там же.

На первый план выходят мотивы политического, а не профессионального характера. Это подтверждает и кадровая политика в области краеведения. На руководящие посты в краеведческих учреждениях выдвигаются люди не по принципу профессиональной подготовленности, а по партийной принадлежности. В Костроме Смирнова на посту заведующего Музеем КНО сменяют члены ВКП(б) Ф.А. Крошкин (политработник со средним образованием), затем Н.А. Воронин (литейщик, за плечами которого были сельская школа и работа "в разных административно-командно-политических должностях в Рабоче-Крестьянской Красной Армии"²⁸), которого сменил П.В. Васильев (по анкете — из крестьян, образование низшее, член ВКП(б)) (д. 4323-С, л. 44).

О демократической направленности деятельности КНО сказано выше, поэтому само по себе привлечение к работе малообразованных людей не противоречило принципам научного общества, как не было новостью и участие в нем коммунистов. Перемены проявились прежде всего в последовательной формализации управления, которая началась с Музея КНО, до этой поры остававшегося базой работы общества — там работали штатные сотрудники этнологической станции, проходили собрания, давались консультации, шла обработка экспедиционных материалов.

Приказами по музею вводится учет времени прихода и ухода сотрудников (что было бессмысленно, так как люди отдавали работе не только служебное, но и все свое свободное время). Одновременно ограничивается вход в музей "посторонних", т.е. нештатных помощников, членов КНО. Кандидатуры новых сотрудников согласовываются с ОГПУ²⁹, ритм работы подчиняется революционному календарю, каждый праздник теперь необходимо отмечать трудовыми достижениями, для чего форсируются нормальные темпы подготовки экспозиции.

Станции КНО располагались не только в помещениях музея, но и в одной из церквей закрытого Анастасина монастыря (биологическая), в усадьбе Малышково под Костромой (геофизическая станция, как ее еще называли, обсерватория). Городские власти постановили вселить в помещение геофизической станции детский дом для детей с дефектами развития, не предоставляя станции нового помещения. Неподходящее соседство угрожало не только покою сотрудников, но и сохранности сложных приборов. Сотрудники станции и ее заведующий Г.Г. Еремин пытались хлопотать. Это было расценено как сопротивление, заведование передано Н.В. Щекину.

Анкеты Н.В. Щекина найти не удалось, но отношение к нему сотрудников через некоторое время заинтересовало органы ОГПУ, и стенографистка записала характеристику нового заведующего со слов обвиняемой Н.И. Овчинниковой, сотрудницы геофизической станции КНО: «Высмеивание с моей стороны выражалось в следующем: "Он малограмотный", пример: "неправильно записывает показания приборов"». Н.В. Щекину сообщили о таких высказываниях сотрудников: "все равно не утвердят Вас в должности зав. обсерваторией", "Вы своими распоряжениями срываете работу", "Вы ничего не понимаете" (д. 4323-С, л. 201).

Сопrotивление невежеству между тем было воспринято как политическая оппозиция, "эта группа лиц [...] обсуждала эти вопросы и мои распоряжения не однажды. Мне думается, эта встреча была общим их стремлением не допустить в коллектив коммуниста"³⁰ (д. 4323-С, л. 13).

Те же отношения складываются в Музее местного края КНО, административный апломб встречен ироническим отношением специалистов. Н.А. Воронин

²⁸ Там же. Ф. р-548. Оп. 1. Д. 10. Л. 41, 54.

²⁹ Там же. Д. 24. Л. 2, 6, 11.

³⁰ Курсивом даны слова, выделенные следователем.

записывает в книге приказов по музею 27 мая 1929 г.: "§ 2. Подмечается также, что со стороны работников музея не всегда выполняется административное распоряжение администрации. Игнорируется и перефразируется то или иное распоряжение, что нарушает правильное функционирование учреждения, а посему: в дальнейшем повторение подобных случаев будет рассматриваться как явное (желание? нрзб. — Л.С.) не считаться с распоряжением Главы учреждения"³¹.

Одновременно в газетах разворачивается кампания против этнологической станции КНО, против существующей структуры Музея местного края КНО. Проводится серия чисток, научное общество обследует несколько комиссий. Предпринимается попытка исключить В.И. Смирнова и Ф.А. Рязановского из членов КНО, которую удалось сорвать, создав на собрании численный перевес их сторонников (см. прил. 3).

В этой ситуации заведующим отделом народного образования Костромского округа назначается Н.С. Бельцов — выпускник Московского университета, член ВКП(б), бывший политработник. "Я поставил целью освежить КНО и музей", — напишет он в показаниях ОГПУ (д. 4323-С, л. 197 об.). Основные претензии Бельцова также носили прежде всего политический характер: социальный состав сотрудников КНО и связанного с обществом музея ("дети помещиков, попов и т.д."), оторванность работы "от жизни", структура музейной экспозиции, игнорирующая достижения современности: "Существовал целый церковный отдел, Костромская губерния была налицо, а Костр[омской] округ отсутствовал [...] Мы наметили к увольнению В.И. Смирнова, Пауля и Рязановского", — пишет Бельцов, называя ядро сотрудников Музея местного края, членов КНО (д. 4323-С, л. 197, 198. "Губерния" — выделено Бельцовым. — Л.С.). И.П. Пауль и Ф.А. Рязановский были уволены из музея "по сокращению штатов"³².

Сложнее оказалось избавиться от Смирнова, который оставался сотрудником музея, заведующим этнологической станции и председателем общества. Как этого удалось добиться, рассказал в своих показаниях ОГПУ председатель Горплана Е.А. Гитин: "По настоянию комфракции КНО нам удалось его снять с должности пред[седателя] КНО, а затем особым финансовым манером (т.е. не дали денег по смете на содер[жание] 3-х раб[отников] этнолог[ической] станции КНО) уводить с должности зав. станцией" (д. 4323-С, л. 54 об.). Предлогом для увольнения из Музея местного края стало совместительство с заведованием этнологической станцией³³.

Смирнов был вынужден оставить Кострому. Он служил в Ивановском краеведческом музее, пытался освоиться с новыми требованиями, найти компромиссный вариант. В показаниях он записал: «Мною и по моему плану организована выставка "Старое и новое Иваново", имеющая, по моему мнению, исключительное агитационное и научное значение. Мною разработан и принят Советом план выставки "На путях к коллективизации"» (д. 4323-С, л. 132 об.). Тем не менее он был арестован.

"Сижу 101 день в тюрьме" — писал Смирнов жене Л.С. Китицыной 25 декабря 1930 г.³⁴ Значит, первый день заключения приходится на 16 сентября. Возможно, со временем удастся проследить время и географию распространения по стране арестов краеведов. Пока можно только указать на дату первого документа в деле краеведов Центрального Черноземья — 5 ноября 1930 г.³⁵ Однако датировка

³¹ ГАКО. Ф. р-548. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

³² Там же. Л. 13 об.

³³ Там же. Д. 10. Л. 61—61 об.

³⁴ Копия с письма В.И. Смирнова Л.С. Китицыной 25 дек. 1930 // ГАКО. Ф. р-550.

³⁵ Акинъшин А., Ласунский О. "Дело краеведов" Центрального Черноземья // Отечество: Альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 56—65.

первого документа может не совпадать с датой первого ареста: архивное следственное д. 4323-С, которое можно назвать делом костромских краеведов, было заведено 15 ноября 1930 г., т.е. через два месяца после ареста В.И. Смирнова (д. 4323-С, л. 1).

О том, что происходило в эти два месяца, узнаем из того же письма Смирнова жене: «Первоначально мне "шили" меньшевизм. Понадобилось два месяца, чтобы следователь пришел к выводу, что в этом отношении я чист. Он так и сказал: в меньшевизме мы вас уже не обвиняем». Затем после обвинений в связях с "церковно-монархической партией", в музейной краже "на сцену с новой силой выползло все то, что было уже на двух моих чистках и на разных обследованиях. В сотый раз приходится доказывать, что костромское краеведение занималось делом, а не контрреволюцией". Таким образом, обвинение предшествовало открытию дела, а не наоборот.

Известен номер предыдущего дела В.И. Смирнова, однако разыскать его пока не удалось: следственное д. 105187-2 СО было прекращено 13 декабря 1930 г. (почти через месяц после открытия д. 107719, получившего при передаче в архив № 4323-С), о чем свидетельствует справка, подколота к л. 2 д. 4323-С и нумерованная.

Дело 4323-С открывается "Постановлением о принятии дела к своему производству" (л. 1), представляющим собой типографский бланк, заполненный от руки красными чернилами: "1930 года ноября 15 дня. Я, н[ачальни]к 2 от[деления] С[екретного] о[тдела] Полн[омочного] предст[авителя] О[бъединенного] Г[осударственного] П[олитического] У[правления] по И[вановской] п[ромышленной] о[бласти] Лепорский, ознакомившись с материалом об антисоветской к[онтр]р[еволюционной] группировке в г. Костроме и найдя в таковом признаки преступления со стороны гр[аждан] Смирнова, Рязановского и др., предусмотренные статьями 58¹⁰ и 11 У[головного] К[одекса], постановил принять дело к своему производству для дальнейшей расследования и привлечения гр[аждан] Смирнова, Рязановского и др. к законной ответственности, о чем копией настоящего постановления известить Прокурора области".

Таким образом, это лишь часть делопроизводственного комплекса, выделенная из целого потому, что с того момента и до обвинительного заключения ведение следствия передано Лепорскому (инициалы его в деле не встречаются). Но и эта часть не полна: архивная пагинация (красным карандашом) не совпадает с первоначальной (синим карандашом), было утрачено около полутора десятка листов. В частности, не сохранились два первых листа первоначального состава (л. 1 архивной нумерации соответствует л. 3 первоначальной), которые, возможно, и содержали "материал об антисоветской к.-р. группировке в г. Костроме", позволивший начать дело.

Можно предположить, что началом дела послужило заявление, на которое ссылается заведующий геофизической станции КНО Н.В. Щекин в своих показаниях: «В дополнение к моему сообщению от 2/Х с.г. должен сообщить упущенные мною следующие факты, имевшие место в моей работе по обсерватории» (д. 4323-С, л. 13). Таким образом, "сообщение" Щекина было сделано гораздо раньше, чем было начато дело; возможно, о нем вспомнили, когда дело Смирнова в очередной раз зашло в тупик из-за недостатка новых обвинений.

Первоначально следствие, отраженное в материалах д. 4323-С, развивало линию доноса Щекина. Был арестован сторож геофизической станции Костромского научного общества В.В. Васильев, допрошены сотрудницы Р.А. Парийская и Л.П. Ратникова. Главный объект внимания следователя — факты несогласия сотрудников с политикой местных властей (назначением неспециалиста Щекина заведующим станцией, вселение детского дома в ее помещение), а также с внутренней политикой партии (коллективизацией, товарным голодом в стране и т.д.). Особое внимание проявлено к физику станции Л.А. Добровольскому,

который в знак протеста против вселения детдома уволился со станции и уехал из Костромы. Подозрительными кажутся даже его страсть к составлению изобар и синоптических карт губернии в нерабочее время, его ироническое отношение к новому заведующему. Следователь подчеркнул рассказ о его столкновении с крестьянами, просившими разрешения срубить деревья в малышковском парке для строительства сарая: "Добровольский не давал, ссылаясь на то, что нужно хранить старинные парки. Крестьяне, я слышала в деревне, его ругали белогвардейцем" (д. 4323-С, л. 8).

Лишь на л. 19 дела появляются материалы о центральных органах КНО: показания П.К. Сеницына, служащего (с 18 сентября) канцелярии Музея местного края, что дало ему возможность наблюдать за происходящим в правлении КНО; за этим следует машинописная копия документа: "Результаты обследования Костромского научного общества, производимого костромским Окроно в июле—августе 1929 г. в составе товарищей: Гитина, Корнеева, Кулагина, Удалова и добровольцев Маргаритского и Боброва" (д. 4323-С, л. 20—35). С того момента развиваются параллельно две линии следствия: допросы сотрудников геофизической станции и показания свидетелей о контрреволюционной сущности ядра КНО в лице сотрудников его музея Смирнова, Рязанского, Пауля, Китицыной, Полянкой.

В приведенном ранее письме Смирнова к жене от 25 декабря 1930 г. упоминается и о новом повороте дела: «Д.О. Святский и Анцыферов дали на днях любопытные показания: существовала особая группа ленинградских краеведов — группа антисоветская. Ее установки в противовес московской группе "советского" краеведения носили характер антисоветский, даже вредительский: 1. признавалась целесообразность децентрализации науки, 2. аполитичность, 3. обязательные столкновения с ГИКом и Губпланом, 4. вредительские установки в отношении программ конференций».

Показания свидетелей, по словам Смирнова из письма к жене от 11 января 1931 г., не оставляли сомнений, что "материал для обвинения достаточный, хотя и весь лживый [...] Пять ночей, в течение которых меня таскали на допрос, из меня вытрясли душу. Я видел измученных допросами Пауля и Полянскую. Каждый раз моя душа обливалась кровью, когда я их встречал: ведь я виноват в их несчастии". Поняв, что "разубедить здесь нельзя", Смирнов решил изменить тактику поведения. «Единственный выход, казалось мне, на чем-нибудь столкнуться: и вот была придумана формула, которую я подписал. Привожу текст по памяти:

"1. Продумывая работу КНО в прошлом, я нахожу, что действительно деятельность Об-ва, руководимого мною, с точки зрения современности, в некоторых моментах имела антисоветский характер". "2. Идеологическая установка руководимого мною Об-ва давалась со стороны Ленинградского ЦБК и совпадала с моими устремлениями частью через секретаря ЦБК Д.О. Святского, с которым я был связан лично и часто встречался [...] Я заявил, что все вины Полянкой, Пауля и твой я беру на себя — конечно, во всем виноват только я. Тем не менее Пауль сидит"»³⁶.

В д. 4323-С показания Смирнова, свидетельствующие о перемене в линии поведения, появляются на л. 92—112 (см. прил. 7). Это текст, написанный его рукой карандашом на листках, вырванных из блокнота. Ему предшествует (л. 80—91) машинописная расшифровка текста, озаглавленная "Заявление Смирнова В.И. после первоначального его вызова". Текст не датирован, но вопреки заглавию расшифровки время его написания можно отнести к декабрю 1930 г., поскольку предыдущие показания Н.Б. Титова (л. 77—79) относятся к 29.XI.1930 г., а следующие за текстом показания И.П. Пауля — к 15.XII.1930 г.

³⁶ Копия письма В.И. Смирнова Л.С. Китицыной 11 янв. 1931 // ГАКО. Ф. р-550.

Показания, записанные не на бланке протокола допроса, в деле встречаются редко. Бланки протоколов, отпечатанные типографским способом, кроме названия отделения ОГПУ (например, Костромского, Ивановской промышленной области), имеют на первой странице список анкетных вопросов об основных моментах биографии: время и место рождения, место жительства, профессия, место службы и должность, семейное, имущественное положение, партийная принадлежность, политические убеждения, образование, сведения о судимости (ответы на них изложены в примечаниях к приложениям). Пункт 13, детализируя основные периоды политической истории, исключал возможность обойти изложение возможных переломов в судьбе: "13. Чем занимался и где служил: а) до войны 1914 г. ... б) до февральской революции 1917 г. ... в) с Октябрьской революции до настоящего времени..." (см., например, д. 4323-С, л. 3).

Бланк мог заполняться обвиняемым самостоятельно; при этом заданные следователем вопросы воспроизводятся дающим показания (см. прил. 2) или угадываются в формулировках ответов ("Живу в гор. Костроме, имею следующие связи и знакомства..." (д. 4323-С, л. 5 об.).

Если показания записываются со слов свидетеля или обвиняемого, каждый лист протокола заверяется его собственноручной подписью, а текст вопросов, как и любой текст, произносимый следователем, не фиксируется. Однако и в этом случае об отношении следователя к показаниям можно судить по пометам-подчеркиваниям, как правило, красным карандашом или чернилами. Выделенные следователем темы, как правило, повторно возникают на допросах в виде вопросов следователя, сформулированных в заведомо огрубленной форме, исключающей сложные подходы к проблеме, предполагающие либо признание, либо отрицание.

Особенно часто подчеркиванием выделяются указания на антисоветскую настроенность того или иного члена КНО; можно предположить, что формулировка утверждения предложена следователем: "Добровольский, по моему мнению, настроен антисоветски" (д. 4323-С, л. 14), "Заявляю, что председатель правления Костромского краеведческого о-ва Смирнов является антисоветским человеком" (д. 4323-С, л. 228) и др.

Каждый протокол визируется следователем или следователями (в случае перекрестного допроса), им же проставляется дата допроса.

Зафиксированные в протоколах вопросы следователя указывают на целенаправленный отбор свидетелей, которые могут дать нужные для обвинения показания: "Подобрать кандидатуры для допроса в качестве свидетелей, могущих подтвердить фактами к/р деятельность ядра КНО" (д. 4323-С, л. 169). Иногда эта постановка вопроса слышится в формулировке ответа: "Более подробные сведения могут дать члены двух комиссий, обследовавших работу общества" (д. 4323-С, л. 76). Затем указанные в этом случае лица вызываются в качестве свидетелей и дают требуемые показания. Всего по делу было допрошено 27 человек, все свидетели подтвердили вину обвиняемых либо (как В.В. Васильев) сами становились обвиняемыми.

"Постановление о предъявлении обвинения" было предъявлено В.И. Смирнову 15 января 1931 г. Он обвинялся "в том, что: являясь руководителем Костромского Краевед[ческого] о-ва и Костр[омского] Музея, в работе этих организаций проводил контрреволюционные установки, полученные через Святского от Ленинградского бюро краеведения, являющегося контрреволюционным центром в краеведении" (д. 4323-С, л. 276). Это подходило под статью 58/10, 11 Уголовного кодекса. Таким образом, дело, начатое до показаний Д.О. Святского, не было связано с делом ленинградских краеведов.

Обвинение, предъявленное остальным, проходящим по этому делу, сводилось в основном к выполнению "контрреволюционных установок" В.И. Смирнова: "гр. Китицына уличается в том, что: будучи научным сотрудником этнологическ[ой]

стан[ции] Костромск[ого] Краеведч[еского] о-ва, разделяла идеологические взгляды председ[ателя] о-ва Смирнова — руководителя к.-р. группировки научных работн[иков]. В практической работе по этнологии проводила антисоветские классово чуждые установки Смирнова, выпустив по его указанию ряд идеологически вредных научных трудов" (д. 4323-С, л. 269). И здесь уже не имело значения, признавал ли себя обвиняемый виновным (как Полянская) или нет (как Китицына) — дело отправлялось на рассмотрение Особого совещания при коллегии ОГПУ.

В результате следствия, проведенного следователем секретного отдела полномочного представителя ОГПУ по Ивановской промышленной области, 28 февраля 1931 г. по статье 58, п. 10 Уголовного кодекса было осуждено восемь костромских краеведов. В.И. Смирнов, Ф.А. Рязановский, И.П. Пауль и В.В. Васильев были приговорены к ссылке сроком на три года. Е.М. Полянская, Л.С. Китицына, Н.И. Овчинникова и Н.А. Парийская лишены права проживания в ряде областей и округов страны с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. Китицына уехала к мужу, Смирнову, в архангельскую ссылку, благодаря чему удалось сохранить его большой эпистолярный архив. Полянская оказалась в Сталинске (будущем Кузнецке), где занялась историей металлургического комбината. Пауль был сослан в Казахстан, Рязановский — в Коми край.

Однако это дело лишь часть огромного делопроизводства, в ходе которого были осуждены многие костромские краеведы. — Л.Н. Казаринов, братья Вадим и Валерий Беляевы, В. Розепин и многие другие. Некоторым из них ссылка стоила жизни, многие выжившие продолжали и в труднейших условиях заниматься любимым делом — краеведением. Сетуя на снижение уровня краеведческих исследований в стране, солигаличский краевед И.В. Шумский писал в письме В.И. Смирнову 27 мая 1936 г.: "Я все же думаю, что в глухих Талдомах и Елатьмах горит огонь священный. Не может быть, чтобы не велись пристальные наблюдения над окружающими местными людьми явлениями, чтобы не писались — трудно и медленно — дневники и летописи местных событий, чтобы не собирались раритеты, чтобы не в порядке геопроходов, а в ежедневной работе не подвигалось вперед уничтожение белых пятен на карте страны. Оно — живо! Ведь это так, Василий Иванович?"³⁷

Д. 4323-С, начатое 15 ноября 1930 г. и законченное 28 февраля 1931 г., отразило на 291 с. процесс уничтожения целого пласта краеведческой культуры 20-х годов. В конце подшиты еще пять нумерованных листов, частично показавшие дальнейшую судьбу осужденных. Последний из имеющихся в деле документов датирован 27 октября 1959 г. Это отказ в реабилитации В.И. Смирнова, подписанный прокурором Костромской области И. Сидоркиным: "Пересматривать в настоящее время данное дело нецелесообразно, так как с момента осуждения Смирнова прошло около 30 лет, тем более что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27/III судимость со Смирнова снята" (д. 4323-С, л. [296]).

Ниже публикуются некоторые показания обвиняемых и свидетелей из д. 4323-С³⁸, записанные собственноручно. Учитывая ограниченность объема статьи, часть из них даем с сокращением.

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 191.

³⁸ Частично опубликованы в статье " "Антисоветский" музей: Краеведение глазами ГПУ / Предисл. и публ. Л. Сизиной // Родина. М., 1990. № 11. С. 33—35.

Приложения

1

Показания свидетеля Васильева Петра Васильевича¹

17 ноября 1930 г.

С первых дней моей работы в музее, с ноября 1929 г., мною был поставлен вопрос об увольнении из музея научных сотрудников Смирнова В.И., Пауля И.П. и Рязановского И.П. Это же решительно поддерживал и зав. ОкрОНО т. Бельцов, который сейчас служит в Ивановском Комвузе или Совпартшколе. Толчком к постановке вопроса об увольнении было только что произведенное обследование музея комиссией ОкрОНО. Обследование показало, что музей не является музеем, который бы содействовал и увязывал свою работу с хозяйственным и культурным строительством Костромского округа, а был только хранилищем старых в большинстве и частью новых экспонатов, в значительной части — барахла, которое давно нужно было изъять из музея, особенно на складах, где было все, что угодно, вплоть до множества царских портретов, которые были привезены еще в 1913 г. Затем в первые дни работы я ознакомился с методическим письмом Главнауки, в котором предлагалось реорганизовать музей. Это письмо лежало значительное время в музее без движения. Это и послужило к немедленному увольнению Смирнова, Пауля и Рязановского. После этого вся тройка повела усиленные переговоры к устройству в областной музей, но это им не удалось. Нужно сказать, что мне пришлось выдержать большую борьбу с Главнаукой, которая предложила мне восстановить их снова, обвиняя меня, что я выбрасываю крупные научные силы, и отстоять увольнение удалось только в результате вмешательства окружного комитета партии.

В момент увольнения был такой случай, передаю со слов бывш[его] в то время зав[едующего] Истпатом т. Федосеева. Смирнов в один из дней пришел в музей сильно взволнованный, подошел к т. Федосееву и заявил, что только что сжег документы у себя дома; на вопросы Федосеева, какие документы, не ответил. В момент персональной чистки Смирнова об этом мною ему был задан вопрос, на который он ответил, что сжег дневник 1917 г., боясь возможности обыска со стороны ГПУ. Об этом мною своевременно было доведено до сведения ГПУ.

В разговоре со сторожем музея Лавровым он мне рассказывал, что до 1929 г. в музей приезжали какие-то лица из Ленинграда и Москвы, останавливались и ночевали в музее в художественном отделе. До поздней ночи обычно там с ними бывал Смирнов В.И.

С Вейденбаумом сталкивался как с научным сотрудником музея, но со своей стороны я не замечал какой-либо тесной связи с вышеупомянутой тройкой. Этнологическая станция, которой заведовал Смирнов, была до 1929 г. такая, что я был сторонником ее ликвидации, т.к. она вместо изучения быта рабочих занималась изучением суеверий, верований, хомутов, форм хлебопечения. Я считаю, что Смирнов, *без сомнения чужой человек по отношению к существующему строю, его идеология, без сомнения, враждебна политике Соввласти и партии, и он с момента Революции руководил Научным о-вом и музеем, подобрал подходящих себе по духу людей** в числе вышеупомянутых лиц, вел работу, направленную не на пользу социалистического строительства; и научное о-во, и музей являлись базой для а/советских группировок с целью проведения своей а/советской и антиобщественной политики.

К сему — Васильев.

Л. 44—45 об.

* Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые следователем, в разрядку — слова, подчеркнутые автором показаний. В прил. 2 полужирным шрифтом выделены вопросы следователя.

Показания свидетеля Вейденбаума Максимилиана Адольфовича²

28 ноября 1930 г.

Ответы на заданные мне вопросы.

1) Характеристика ядра КНОбщ[ества], как контррев[олюционной] группировки.

Давая характеристику нижеперечисленных лиц, я заявляю, что по своим убеждениям ничего общего с ними не имею и *глубоко их презираю, как чуждых советской идеологии.*

В состав этого ядра входили председатель правл[ения] КНОбщ[ества], он же заведующий Музеем местного края Вас[илий] Ив[анович] Смирнов, научн[ый] сотруди[ик] музея Ф.А. Рязановский, научн[ый] сотруди[ик] музея Ив[ан] Петр[ович] Пауль, б.служ[ащий] К[остромского] Архив[ного] бюро — Вознесенский, б.секретарь КНО — Слободская, сотрудницы этнологической станции Китицына и Полянская. Краткая характеристика этих лиц: В.И. Смирнов — сын священника, окончил Духовную академию, по образованию — археолог, этнограф и историк. *Человек определенно настроенный антисоветски, очень двуличный, безусловно неглупый и с исключительно большой энергией.*

В жизни КНОбщ[ества] В.И. Смирнов был главной центральной фигурой. Напечатанные им в трудах статьи и статьи его б.сотрудниц по этнологической станции дают достаточно яркую о нем характеристику. Его научные фокусы ничего не имеют общего с нашей современной советской наукой, призванной служить социалистическому строительству и культурной революции. *Тратить народные деньги на раскопки могильников, как это делал В.И. Смирнов, и на изучение народных суеверий, причитаний, гаданий, обрядов и т.п. с моей точки зрения преступно.* Этнологическая станция, которой заведовал В.И. Смирнов, занималась только этими вопросами, сознательно забывая об актуальных вопросах жизни и задачах культурной революции. В.И. Смирнов широко пропагандировал краеведную работу в своем направлении среди районных и волостных краеведческих организаций, благодаря чему в них обрисовывался специфический вредный уклон в сторону изучения этнологии.

Организационная часть и переписка с местными районными и волостными краеведными организациями и отдельными краеведами целиком находились в руках одного только В.И. Смирнова. Этой работе он уделял очень много времени как дома, так и в служебные часы в музее. Каково было содержание этих писем, я не знаю, но, зная его краеведческие вкусы, могу предполагать с уверенностью, что в них говорилось не о культурной революции и не [о] социалист[ическом] строительстве, а о чем-то другом, чуждом интересам пролетариата и крестьянства.

Перехожу к характеристике 2-го лица, б.научн[ого] сотруди[ика] музея Ф.А. Рязановского. Он также сын священника, получил образование в Духовной академии. В музее в его ведении находились церковный отдел и отдел дворянского быта. До поступления в музей и с уходом из него работал в архиве. *Человек безусловно антисоветски настроенный, хотя и прикрывается профессионально-союзной работой, состоял в активе месткома. Несмотря ни на что, он человек неглупый и обладает хорошим литературным языком, часто бывает смешон в своих выступлениях.*

И.П. Пауль заведовал библиотекой КНОбщ[ества] и был научн[ным] сотруди[ником] Кос[тромского] Музея. Человек всесторонне образованный, но также чужд советской идеологии. Пауль, Смирнов и Рязановский держались всегда вместе и

были большими приятелями друг с другом. С Паулем мне обычно приходилось иметь дело тогда, когда мне была нужна книга из библи[отеки] КНОобщ[ества] по моей специальности, геологии или естествознанию. В общем я держался совершенно особняком от своих сослуживцев и имел с ними лишь чисто служебные отношения.

Н.Г. Вознесенский б.член правления К[о]стр[омского] Н[аучного] общ[ества] — член ревизионной комиссии, человек с очень сомнител[ьным] полит[ическим] прошлым. Настроен антисоветски. За последнее время, по-видимому, впал в старческое слабоумие.

Быв.секретарь КНОобщ[ества] Л.П. Слободская, дочь пристава, ставленница В.И. Смирнова. Принимала очень активное участие в жизни месткома, пока не было обнаружено ее происхождение, после чего она вычищена со службы. Китицына и Полянская — две сотрудницы этнологической станции, деятельность которой мной уже освещена.

2) Наличие нелегальных собраний (возможно, под видом научных), где обсуждались а/с вопросы.

Точных сведений по данному вопросу я не имею, но знаю, что по вечерам, раз в неделю, на этнологической станции бывали какие-то собрания лиц, интересующихся "этнологией". Что обсуждали в этих собраниях, я не знаю, но надо думать, что не вопросы культурной революции и социалистического строительства, а какие-то другие. С сотрудницами этнологич[еской] станции у меня были всегда самые натянутые отношения. Они очень обижались на меня, что я всегда так непочтительно отзывался об их науке и работе.

3) Антисоветские выступления ядра Н[аучного] общ[ества]: Смирнова, Рязановского и Пауля.

Открытых антисоветских выступлений со стороны этих лиц я не помню. Их антисоветские убеждения прорывались лишь в отдельных фразах и репликах на заседании правления, общих собраниях КНО и в частных разговорах. В противовес советской прикладной науке В.И. Смирновым противопоставлялась чистая наука как самоцель, высказывалась тоска по свободной России. По инициативе того же Смирнова в свое время был поставлен публичный доклад Богданова о грядущей безграмотности с явно тенденциозным направлением. Нужно констатировать, что в Научном обществе вся работа, за исключением станций, руководилась единолично В.И. Смирновым.

4) Претворение к[онтр]-р[еволюционных] настроений в к[онтр]-р[еволюционные] действия.

Вся прежняя научно-исследовательская деятельность этнологич[еской] станции может, на мой взгляд, криминироваться по этому пункту, т.к. вместо очередных неотложных задач культурной революции работа станции шла в противоположном направлении, причем самые актуальные задачи изучения производительных сил, колхозного строительства, изучение быта рабочих почти не входили в программу исследовательской деятельности этнолог[ической] станции. Эти вопросы в должной мере вошли в программу работ станции лишь при новом составе правления. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что отпущенные ранее значительные средства на содержание штаба станции (в количестве 3 единиц), содержание помещения этнолог[ической] станции, организацию ею экспедиций и печатания трудов по этнологии шли не туда, куда следовало. В культурно-просветительной работе музея в области этнологии наблюдалось то же искривление. Так, например, в этом отделе экспонаты отражали только далекую прошлую жизнь края вне всякой связи с настоящим. Ясно, что при такой экспозиции не могла быть правильно построена культурно-

просветительная работа и на таком мертвом и однообразном материале невозможно было вести пропаганду культурной революции.

5) Связи общества с другими научными учреждениями.

Костром[ское] науч[ное] общ[ество] теснее всего было связано с Музеем мест[ного] края, т.к. многие из сотрудников музея работали одновременно и в Науч[ом] обществе. В.И. Смирнов был одновременно и предКНООбщ[ества], и директором Музея и завед[ующим] этнологич[еской] станцией. Персонально В.И. Смирнов как член ЦБК поддерживал тесную связь с Ленинградским отделением Централ[ьного] бюро краеведения в лице председателя Святского. Святский обычно как представитель центра присутствовал на краеведческих съездах. По образованию он также этнолог и *научные его краеведческие вкусы, по-видимому, весьма близки В.И. Смирнову.* В общем приходится констатировать: в краеведческих организациях печальное явление засилья этнологов, как в центре, так и на местах.

В настоящее время Ленинградское отделение ЦБК, кажется, закрыто, и все местные краеведческие организации подведомственны Московскому Центральному бюро краеведения, недавно переизбранному. Новый курс, взятый в работе Московского ЦБК, по-видимому, является вполне здоровым. Археология, этнология и им подобные дисциплины отодвинуты на задний план, и краеведам брошен призыв к непосредственному участию в социалистическом строительстве и культурной революции. Я лично членом Московского ЦБК не состою и потому не могу дать более подробных сведений о его составе и деятельности.

8) Наличие связи с широкими массами у этнологов.

Весьма вероятно, что связи у этнологов с широкими массами довольно велики. С одной стороны, этнологи проявляют большую энергию по вербовке краеведов-этнологов, а с другой стороны, эта "наука" не требует никакой особой подготовки и специальных знаний, кроме простого инструктажа.

9) О ценностях музея и ископаемых, отправленных за границу.

Очень сожалею, что не могу ответить на этот вопрос, т.к. слышу об этом впервые. Этот вопрос необходимо выяснить на месте путем проверки инвентаря по книгам и назначения следствия по этому вопросу.

10) О монархической к[онтр]-р[еволюционной] литературе, найденной в библиотеке КНООбщ[ества].

Не так давно уже новым составом правления КНО мне было поручено отобрать из библиотеки общества всю геологическую литературу, которая там находилась, и передать ее в ведение геологической лаборатории. Только в процессе этой работы я впервые познакомился в самых общих чертах с тем, что представляет собою библиотека общества. Здесь наряду с ценнейшими научными книгами в хаотическом беспорядке навалена масса книжного хлама, пригодного только на бумажную мякоть. *Среди этого хлама большое место занимают издания бывшей архивной комиссии, издания общ[ества] трезвости и всякий другой патриотический мусор.* В настоящее время значительная часть этих книг переданы на просмотр в коллектор для дальнейшей отправки на бумажную мякоть. Библиотека КНО создавалась, с одной стороны, путем обмена изданий общества с другими научными учреждениями, путем пожертвований, путем массовых передач книг при всяких ликвидациих. Книг за деньги библиотека никогда не покупала.

М. Вейденбаум.

Показания свидетеля Кулагина Иосифа Васильевича³

29 ноября 1930 г.

Я считаю, что в Научном о-ве под руководством Смирнова В.И. была вполне оформившаяся а/сов[етская] группировка, которая ставила своей задачей противодействие всем мероприятиям соввласти в деле приспособления работы о-ва к требованиям советской общественности и социалистического строительства, что подтверждается следующими фактами.

1. Подбор Смирновым и правлением к работе о-ва людей, чуждых по духу соввласти и партии, как Рязановский, Пауль, Вознесенский и другие, которые под руководством Смирнова ничего не делали для советской общественности, а при наличии слабости бюджета тратили немалые государственные средства на собиране разного ненужного хлама. Так, Смирнов собирая всякого рода старые черепки и рухлядь, которой при обследовании было обнаружено целое кладбище, никому не нужное и сейчас ликвидированное, на что убиты немалые деньги. На этнологической станции, которой заведовал Смирнов, тратились государственные деньги по работе и напечатанию никому не нужных трудов о гаданиях, преданиях, не уделялось внимание современной жизни. Пауль, заведую библиотекой, использовал свое положение для хранения книг, изъятых из обращения и принадлежащих частным лицам в помещении библиотеки общества.

В выработанном Смирновым и его сторонниками уставе о-ва имелся пункт, допускавший в состав о-ва бывших людей, лишенцев и т.п. На заданный по этому поводу вопрос Смирнов ответил в 1929 г. во время обследования: "Что же такое, они нам вреда не принесут и могут работать у нас". Что в о-ве могли быть свои собрания группы для проведения своей линии, подтверждает следующий факт. В конце 1929 г., когда имелось в виду поставить вопрос на правлении об исключении из членов о-ва Смирнова и Рязановского, то на заседание явились лица, никогда раньше не посещавшие собрания правления, для защиты Смирнова, и это собрание по своей численности собравшихся было единственным за время работы о-ва на протяжении последних 2—3 лет, и когда был поставлен вопрос об исключении, то исключение было отклонено единодушно. Кроме того, само устройство геофизической станции в дер. Малышково является способом сохранения имени Малышково, которым владел отец жены Смирнова.

К сему Кулагин.

Л. 126 об. — 127

Показания обвиняемой Полянской Елены Михайловны⁴

24 декабря 1930 г.

1) "Этнологические субботники" вылились, насколько припоминаю, из частных товарищеских чаепитий, которые изредка бывали у Смирнова и куда приглашались мы — сотрудники по работе (например, под Новый год, в день его рождения). Кажется, здесь и пришла мысль перенести собрания на станцию и сделать их регулярными. Цель этих собраний — ознакомление с новинками этнографической литературы, с текущей работой других науч[ных] организаций, а также — обмен продуктами научной работы участников собраний. Первое время эти собрания сопровождалась угощением (орехи, семечки) и носили, таким образом, несколько частный характер. Позднее они все более превращались в деловые собрания, связанные непосредственно с работой этногич[еской] станции, то есть принимали характер уже производственных совещаний (заслушивались, напр.,

отчеты сотрудников о проделанной экспедиции и т.п.). Таков характер субботников.

2) Да, конечно, Смирнов принимал в них участие, то есть, вернее, являлся руководителем их как заведующий этно[логической] станцией и старший работник.

3) Разговоров на политические темы на субботниках не велось.

4) Что касается вопроса о внеполитичной науке, то я лично не припомню, чтобы эта тема развивалась Смирновым: теоретических, принципиальных вопросов, насколько помню, на субботниках не обсуждалось.

5) Ответить на 5-ый вопрос мне довольно трудно, так как он относится скорее к руководителям упомянутых учреждений, а не ко мне, второстепенному в то время и начинающему работнику. В Музее я к тому же тогда еще не работала и отношения к нему имела мало. Что касается работы Научного общества, то, признаю, что да, в целом эта работа была мало связана с советской общественностью, с задачами соцстроительства. Причина этого, мне кажется, та, что руководитель Н[аучного] об-ва страдал односторонним увлечением доисторическими древностями, оставаясь более или менее индифферентным к вопросам текущего дня. Далее, к работе общества не были в достаточной мере привлечены пролетарские массы, что в значительной мере могло бы выправить работу Общества, направить ее по здоровому руслу в сторону увязки с современностью.

6) 6-ой вопрос тесно связан с предыдущим, и в ответ нужно сказать то же самое, а именно: аполитичность, интерес к чистой науке преобладал над всем остальным (это, впрочем, нужно сказать о работе не только Костр[омского] об-ва, но и некот[орых] других о-в те годы). Вопросы народных верований, обрядности, творчества и т.п., разрабатываемые в то время на станции, должны быть в поле зрения советского этнографа и разрабатываться и сейчас в таких центральных науч[ных] учреждениях, как Музей антроп[ологии] и этнографии Академии наук, Гос[ударственная] Академия ист[ории] матер[иальной] культуры и др., но дело здесь в том, что в основе всех этих работ должна лежать определенная целеустремленность, известная цель, которая должна, в свою очередь, как можно больше отвечать интересам социалистического строительства. А этого и не было в прежних работах Научного общества.

Вопрос о колхозах тогда, действительно, не ставился еще ни в одной краеведческой организации, не было еще в нашем округе достаточно установившихся коллектив[ивных] хозяйств, кот[орые] могли бы послужить объектом исследования. Другое дело теперь, когда обход этого вопроса, действительно, недопустим. Но это, конечно, не изменяет того факта, что работа станции была слишком мало увязана с насущными практическими вопросами станции.

7) Признаю следующее: 1) часть работы Науч. о-ва имела связь с практическими задачами дня: так, геологические изыскания, работа Смирнова в комиссии по постройке моста через Волгу и нек[оторые] др.; стремление увязать работу этнологической станции с практикой имелось также в ряде случаев, особенно в 1929 г. (работы по промыслам — ткачество, гончарство; тема "орудия труда" и попытка увязать с практич[ескими] нуждами). 2) Сказать, что деятельность Общ-ва шла вразрез интересам советской общественности, мне кажется, нельзя, так как это говорит о каком-то активном противодействии, чего, конечно, не было; эту мысль я сформулирую иначе, а именно: работа общества мало или слабо отвечала интересам советской общественности, то есть то, что высказано мною в предыдущих вопросах.

8) Здесь прежде всего нужно отметить следующее: я была в то время только рядовым научным сотрудником, работающим под руководством и по указаниям заведующего, а в первые годы к тому же не полным работником, имеющим

основную работу в другом месте (в качестве пом. заведующего центр[альной] рабочей библиотекой текстильщиков). Таким образом, считаю, что я совершенно не была ответственна за направление работ, которое давалось заведующим станцией; темы работ (и мои в том числе, как, напр., "Костромской хомут", "Земледельческие орудия" и др.) давались Смирновым (хотя выбор был, разумеется, свободный). Далее: не получив специального этнографического образования, в эти годы я еще только проходила практическую школу работы на станции и была не в состоянии особенно критически отнестись к даваемым мне заданиям; наконец, признаю, что в то время я просто не сознавала, что работа нашей станции не отвечает интересам сов[етской] общестственности, что ее нужно изменить в таком-то и в таком-то направлении. Повторяю, у меня не было для этого достаточного критерия. Что работа меня не совсем удовлетворяла, я это чувствовала и высказывала; добавлю, что теперь, когда с прошлого года я перешла к работе над темами "Быт рабочих", "Колхозная деревня", эта работа дает мне несомненно большее удовлетворение как работа, имеющая определенную целеустремленность, как работа, которая принесет, надеюсь, и некоторые практические результаты. Здесь же добавлю, что именно в процессе этой работы, в практике текущего года выработались у меня и определенные взгляды на цели и задачи этнографии в текущий момент строительства, а также и создание необходимости более четко определить свое политическое мировоззрение, так как достаточно ясно, что советский научный работник не должен в настоящий момент оставаться в нейтральном "болоте", а должен четко поставить вопрос об отношении своей научной специальности к актуальным проблемам социалистического строительства.

Примечание: 1) Ответы даны мной по возможности точно. Обладая слабой памятью (результат повторяющихся припадков), возможно, я что-нибудь и упустила, но могу сделать добавления при наводящих вопросах.

2) В пункте 5-ом мною указан один из недостатков в работе о-ва — недостаточное привлечение пролетарских масс. Это нужно понимать так: корреспонденты из крестьян у О-ва имелись в большом количестве, но их классовое лицо не было ясно, а кроме того, не было в этом числе фабрично-заводских рабочих; особенно это было бы необходимо в отношении введения их в число членов правления. Впрочем, эта задача стоит и сейчас перед краеведческими организациями и замечание это сделано скорее в виде пожелания на будущее время.

Е. Полянская.

Л. 156—157 об.

5

Из показаний обвиняемого Федора Алексеевича Рязановского⁵

29 ноября 1930 г.

[...] 4. Октябрьская революция свалилась как снег на голову для большинства интеллигенции, думавшей, что революция остановится на феврале и буржуазно-демократической республике. Помню, как неожиданно для моего уха прозвучала идея трудовой социалистической республики в апреле 1917 г. на одном из съездов в Москве. В начале июля, читая в газетах о выступлениях в Петрограде, я понял, что дело демократической республики проиграно. Октябрьская революция шла вразрез со всеми привычными политическими понятиями. Пока видел демобилизацию армии на ж./д. или погромы, напр., на ст. Антропово с.ж./д., она представлялась анархическим движением масс, истомленных войной, голодом и не могла рождать сочувствия. Пока занятия в школе (я был учителем) шли, но в дальнейшем старая школа развалилась. Случайно я остался безработным учителем, но не очень скорбел об этом, т.к. дореволюционная педагогическая

служба меня лично не баловала. Конец лета 1918 г. я провел в городской школе, а затем начал голодать как никогда в жизни; оставался к тому же без квартиры. К веселому настроению это не располагало. Переехав в Кострому, я ухватился за первое предложение — поехать в усадьбу Солигалич[ского] у. В дороге наблюдал начавшиеся соц[иальные] процессы среди крестьян. По возвращении в Кострому начал служить, а в 1919 г. налаживал уже Архивбюро — учреждение, не имевшее аналогов в дореволюционных учреждениях. Несмотря на голод, отсутствие обуви и пр., работалось с каким-то подъемом, увлечением, верой и сделал много. В 1921 г. переменил службу на службу в музее, что почти совпало с началом нэпа. Основное, что одушевляло в архивной и музейной работе, — сохранение исторического документа, художественно-исторического предмета для будущей культуры. Этого увлечения хватило надолго. С 1927 г. начались удары по музею, кончившиеся отставкой в начале 1930 г.

5. По характеру своей службы очень мало полезен был для соцстроительства (и[сторико]-художественные отделы). Но по своей инициативе кое-что делал, напр., сообщил в Геолком о материалах о выходах нефти на р. Унже, по моему указанию на основании архивных материалов произведены дополнительные разведки извести по берегу р. Волги к с. Красному, где сейчас работают два заводика [...]

Л. 72—73

6

Из показаний обвиняемого Рязановского Федора Алексеевича

[Без даты]

В 1905 г. по взглядам примыкал к с.-р., по возрасту в организацию не входил. Участвовал в движении 1905 г. как крестьянский пропагандист. С 1907 (конец) связи с с.-р. прекратились навсегда. За департаментом полиции числился, по-видимому, до 1917 г.

От 1905 г. осталась нелюбовь к подпольным организациям за стремление держать в шорах, в кругу определенных вопросов (аграрный вопрос и пр.), за моральный деспотизм и пр.

Пересмотр политического багажа начал с 1912 г. при столкновении с национальным вопросом, поляками, немцами, чехами, украинцами на ю[го]-западной границе.

В 1917 г. приветствовал Февральскую революцию. Но ни к одной партии не примкнул. Переживал внутренний кризис, переоценку ценностей. Политическое значение, казалось, имеет только тот, кто имеет к[акие]-н[ибудь] интересы: 8-час. рабоч[ий] день, землю и пр. Как неимущий интеллигент, казалось, был реально заинтересован лишь в свободе мысли, но та в России не могла быть лозунгом массового движения. Кроме этого, для меня оставался политический романтизм, как и в 1905 г., вредный, как и всякий романтизм. Русские политические партии я уже знал и не питал к ним особого уважения... Большевиком выявился не сразу, позднее, и шел вразрез со всеми привычными понятиями демократа. Примкнуть к нему сразу трудно. С 1918 г. служил в советских учреждениях и думаю, что за совесть, а не за страх. Пробовал перевоспитываться, напр., на профсоюзной работе, но всякий раз работа срывалась на самом интересном месте под ударами извне. И сейчас арестован в момент, когда начал организацию работ по изучению Октябрьской революции в Костроме.

Л. 148—148 об.

[Без даты]

Мне предъявляется обвинение как участнику антисоветской работы в области краеведной и музейной, как руководителю круп[ной] костр[омской] организ[ации], который усвоил и разделял принципы т.н. "ленинградской группы ЦБК" и проводил их в жизнь.

Я совершенно не согласен с этими тяжелыми обвинениями. Прежде всего нельзя представлять деят[ельность] об-ва как деят[ельность] учреждения, оторванного от советской общественности, как кастовую организацию.

В состав руководящего органа п[равлен]ия Общ[ества] входят немало представителей партии (в 1925 г. — из 16 членов п[равлен]ия 7 партийных, см. Отчет, с. 4; в 1926 г. — 7 чл., с. 1; в 1927 г. — 6 ч[л]., с. 1; в 1928 г. — 7 ч[л]., с. 2). Вопрос о составе п[равлен]ия согласовывался или с секретарем, или с АПО Губкома.

Если бы налицо имела место антисоветская работа, неужели представители сов[етской] общественности не могли бы, разумеется, заметить этого.

Наибольший интерес к жизни Об-ва из партийных товарищей проявляли Высоцкий, Максимов, Маслов, Овсейчук, Воробьев, Бушуев, Стуликов, Голубев, Староторжский, Гитин и др. Я убежден, что эти лица, ближе знавшие меня и Об-во, усомнились бы в моей якобы краеведческой антисоветской организации.

Существенный интерес для дела представляет то обстоятельство, что заседания п[равлен]ия имели подробные протоколы, которые позволяют восстановить не только вопросы, обсуждавшиеся в п[равлен]ии, но также и отношение каждого из нас к этим вопросам. С другой стороны, это свидетельствует о том, что работа общества не была конспиративной, тайной. (Протоколы подписывали и парт[ийные] лица.) Ни одного тайного или частного совещания п[равлен]ия или части его не было.

Общество не было замкнутым н[аучно]-исслед[овательским] учреждением. Оно отвечало на самые разнообразные вопросы современности.

Достаточно указать на следующие работы Об-ва, отмеченные в отчетах (под руками у меня лишь отчет 1925—28 г.). Участия в совещ[аниях] эксперт[ной] комиссии Губплана, обследования по зад[аниям] Губплана фосфоритовых залежей, в агросовещании, в методсовещаниях ГубОНО, справки для ГЗУ, Гублесотдела, Губсовнархоза, Губкома, Костромалеса, Электроводостанции и целый ряд др. (см. стр. 6 — отчета за 1925 [г.]). Для Губплана принимал самое деят[ельное] участие в разработке вопроса о соединении Костр. ж.д. [...]

Роль Костромы в истории краеведения совершенно особая. Краеведение здесь началось раньше, чем где-либо в виде основанного при моем самом ближайшем участии Костром[ского] науч[ного] об-ва в 1912 г. Оно было основано в противовес отжившей и разложившейся Уч[еной] архивной комиссии, утвержденной с оч[ень] узкой программой.

Нужно сказать, что как тогда, в дореволюционное время, так и потом я ш е л самостоятельно, не по проторенной дороге, а ощупью, часто с ошибками, но, ошибаясь, я шел все же впереди целого ряда известных мне краеведческих организаций и, м.б., впереди ЦБК.

Моя основная мысль о краеведческой работе была такая: край нуждается в изучении меньшими, чем центр[альные], орг[анизациями]. Э т о н у ж н о д е л а т ь на месте, по возможности местными силами, создав для этого не месте подходящие условия.

Наука, рассуждал я и продолжаю так думать, не должна быть достоянием только центральных ученых, которые и не могут обслуживать всю страну. Может быть, такое понимание вопроса и можно назвать децентрализацией науки, но эта мысль была м о е й мыслью, а не чужой. Ради этой цели я помогаю организации при Об-ве н[аучно]-исследоват[ельских] учреждений: станций геол[огической], геоф[изической], этнол[огической], биологич[еской], позднее химич[еской] лаборатории.

С каким трудом это удавалось сделать, показывает, напр., факт, что завед[ующие] биол[огической] станции и геол[огической] лаборатории получают содержание даже в 1925 г. (у меня нет под рукой более ранних отчетов о деят[ельности] Об-ва) по 34 р. 50 к. в месяц, я в качестве завед. этнол[огической] станции совсем не получаю (см. Отчет Об-ва 1925 г., стр. 11, 13, 22). Мне важно было во что бы то ни стало завоевать Об-ву признание, вывести его на дорогу. Уже отчет за 1925 г. отмечает, что Об-во гораздо глубже успело войти в полосу интересов организационно-просветит[ельской] работы, н а л а д и л а с ь у в я з к а с советскими, государственными и хоз[яйственными] организациями (см. Отчет за 1925 г., стр. 3).

[...] Достаточно посмотреть отчеты лабораторий и станций, чтобы убедиться, что моя мысль учреждения на месте и местными силами исслед[овательских] учреждений была правильной мыслью. Ощущью, м[ожет] б[ыть] спотыкаясь, мы для края в этих лабор[аториях] и станциях сделали колоссальную работу, не щадя сил. Это факт, упрямый факт, подтверждаемый местными органами (см. Отч[ет] Об-ва за 1926 [г.], стр. 4). Мне казалось необходимым спустить научную или, по крайней мере, собирательск[ую] работу до уезда, потом волости и, наконец, до села. Нужно не только там, в глуши, чтобы люди там могли оказать краю постоянную помощь. Мне это удалось до некоторой степени; уездная сеть была закрыта. Хуже дело было с волостной сетью организаций [...] Если все это считать антисоветской децентрализацией — это значит не понимать того, что такое краеведение. Э т а р а б о т а к а к р а з и д о к а з ы в а е т , ч т о К о с т р о м с к о е к р а е в е д е н и е , д у м а ю , м н о ю б ы л о о р и е н т и р о в а н о и м е н н о с о в е т с к и . Я , п о к р а й н е й м е р е , э т о п о н и м а ю т а к .

[...] Мне указывают на то, что низовые ячейки почему-то организуются Об-вом не в городе, а в деревне.

1. В каждом городе уже была одна краеведческая организация.

2. Совершенно ясно, что надо было охватить прежде всего край такими ячейками в первую голову для производства массовых обследований (например, о вскрытии рек — гидрол[огический] ин-т).

3. Нужно сказать, что силы Костр[омского] об-ва не были настолько велики, чтобы выполнить сразу и эту задачу (кстати, спрошу: много ли в Иванове организовано рабочих краев[едческих] организаций? Ни одной).

В 1927 г. был организован при доме рабпроса кружок по изуч. города. Я прекрасно понимал, что надо идею краеведения нести в рабочую массу. В протоколах п[равлен]ия Об-ва можно читать мои настоятельные выступления по этому поводу с обращением к парт[ийным] товарищам — для организации приготовить прежде всего исследовательские программы. Я помню, что это было предложено т. Крошкину, который ничего не сделал. Пришлось взяться мне, хотя я изучал деревню и археологию. Мною и Китицыной была составлена программа по изучению "Быта рабочих", переизданная еще раз в Москов[ском] ЦБК. Теперь только открылась возможность начать работу с определенной темой в рабочих кругах. К этой работе вплотную удалось приступить только в 1929 г., когда этнологич[еская] станция взялась за это дело, организовав в качестве опыта краеведч[еский] кружок при клубе текстилей. Развить эту работу я не успел, т.к. пришлось покинуть Кострому.

Таким образом, принципиально ни общество в целом, ни я лично не только не были против работы в массах, а напротив, как показывают упрямые факты. Нужно помнить еще, что если не все и не сразу удавалось, так потому, что втянуть в неоплачиваемую краеведческую работу широкий круг лиц непросто. Нужно любить эту работу. И я любил эту работу, ставшую проклятием моей жизни, так как не работай я, я бы процветал, а не сидел в тюрьме.

Несколько слов о так называемой аполитичной науке. В одном из предшествующих своих показаний я уже отмечал, что в этом отношении я шел также своим, но ошибочным — некоторое время — путем. Представлялось соблазнительным, не участвуя в общеполитической жизни страны, делать свою посильную и даже сверхсильную работу [...] Да, я организовал этнологическую станцию с специальными задачами изучения этнографии и археологии, т.к. полагал, что этими вопросами не только могут позволить себе роскошь заниматься центральные ученые, я не мог равнодушно проходить мимо удивительных памятников по истории и своеобразию костромской деревни.

Но от вопросов академ[ически] научного порядка этнологич[еская] станция переходит к таким проблемам, как изучение быта рабочих, вопросы коллективизации, изучение труда с/х., кустарных промыслов.

Должен признаться, мне было обидно заниматься только организац[ией] работы для других членов Общества, не заним[аясь] своим любимым делом [...] Я был членом ЦБК, был как-то вызван на 1 месяц для работы в ЦБК в Ленинград, был оч[ень] близок с Д.О. Святским, с которым связывала меня личная дружба.

Из предшествующих моих показаний видно, как я понимал децентрализацию науки — в смысле проникновения ее в широкие массы, как я понимал "свободу" науч[ного] исследования. В этом отношении моя точка зрения и точка зрения Святского и линия ЦБК совпадали [...]

Даже сейчас, когда мне известны показания Святского и Анцыферова (о том, что я знал, что эти установки антисоветские), понимал и деятельно проводил это в краеведческой работе, даже сейчас я совершенно искренно и чистосердечно скажу, что в своей краеведческой работе, исключая отдельные ошибки, я не вижу антисоветского понимания, антисов[етской] установки. Этого впечатления не останется и у всех, прочитавших отчеты, которые прошу приложить к делу.

Краевед[ение] выросло на сов[етской] почве, и нам надо гордиться. Ошибки, раз они замечены, выправить.

Мне указывают на слабость разв[ития] юнош[еского] краевед[ения], в кот[ором] действ[ительно] были перебои, но из всех юношей мы подготовили честных совет[ских] исследователей.

Нужно сказать, что в пикировке насчет "сов[етского]" и "несоветского" краеведения, кот[орая] велась между Л[енинградом] и М[осквой], я не принимал участия. Меня, практика-краеведа, меньше всего занимали теоретич[еские] вопросы; м[ожет] б[ыть], мои симпатии в частных разговорах в то время были на стороне "свободы науки". Но это отнюдь не значило, что я из этого хочу сделать антисоветское употребление, что я вхожу в тайную организацию с какими-то политич[ескими] установками [...]

Л. 80—110 об.

Примечания

¹ П.В. Васильев по анкете — из крестьян, образование низшее, наборщик, член ВКП(б), работник горкома партии, до этого в 1929—1930 гг. заведующий костромским Музеем местного края КНО.

² М.А. Вейденбаум по анкете — образование высшее, геолог, беспартийный, сотрудник костромского Музея местного края.

- 3 И.В. Кулагин по анкете — из крестьян, образование среднее, член ВКП(б), землеустроитель.
- 4 Е.М. Полянская по анкете — образование высшее, отец — офицер. Сотрудница этнологической станции КНО и Музея местного края, беспартийная.
- 5 Ф.А. Рязановский по анкете — из семьи священнослужителя, образование высшее, беспартийный, член КНО, сотрудник костромского Музея местного края.
- 6 В.И. Смирнов по анкете — из семьи священнослужителя, образование высшее, беспартийный, председатель правления КНО, заведующий этнологической станцией КНО и Музеем местного края.

В.А. Черных

АРХЕОГРАФИЯ И ВЛАСТЬ

(О попытке создать Государственную археографическую комиссию в 1944 г.)

В самый разгар войны, в начале июня 1943 г. Управление государственных архивов НКВД СССР созвало Всесоюзную конференцию историков-архивистов, посвященную 25-летию декрета "О реорганизации и централизации архивного дела". Одной из главных тем, обсуждавшихся на конференции, была проблема публикации архивных документов. Этой теме были посвящены три из шести заслушанных докладов: академика АН БССР А.М. Панкратовой "Государственный архивный фонд СССР и историческая наука", начальника научно-издательского отдела Управления государственных архивов П.Г. Софинова "Основные этапы развития русской археографии" и профессора А.С. Ерусалимского "Международное значение советских публикаций документальных материалов".

В подробном хроникальном сообщении о конференции, напечатанном в "Историческом журнале", отмечалось, что "тов. Панкратова горячо поддержала выдвинутую руководящими научными сотрудниками Управления государственных архивов идею разработки государственного перспективного плана публикации документальных материалов и учреждение Государственной археографической комиссии при правительстве Союза ССР в качестве высшего руководящего центра, призванного ведать всеми вопросами, связанными с историческими документальными публикациями. Создание Государственной археографической комиссии раз и навсегда должно положить конец кустарщине, разнобою, неупорядоченности и хаосу, творящимся в деле публикации исторических документов"¹. В резолюции конференции это предложение также отразилось, однако в существенно смягченной, по сути дела выхолощенной редакции: Государственную археографическую комиссию предлагалось создать "для согласования научно-публикаторской работы архивных органов, научных учреждений и важнейших издательств" уже не при правительстве СССР, а всего лишь при Управлении государственными архивами².

Видимых последствий это решение не имело. Археографическая комиссия в то время создана не была. Однако, как видно из документов, обнаруженных в бывшем Центральном партийном архиве (ныне Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории), предложение об ее создании вносилось в 1944 г. Наркоматом внутренних дел на рассмотрение ЦК ВКП(б), причем не в урезанном виде, предусмотренном резолюцией конференции, а в максималистском варианте, фигурировавшем в докладе А.М. Панкратовой.

В обнаруженных документах, очень характерных для того времени, причудливо переплетаются реальные проблемы развития исторической науки с личными и ведомственными амбициями и стремлением государственно-партийного аппарата централизовать и поставить под тотальный контроль все сферы науки и культуры.

¹ Бабурин Д.С. Конференция историков-архивистов Союза ССР // ИЖ. 1943. № 8/9. С. 78.

² Резолюция конференции историков-архивистов СССР, 1—3 июня 1943 г. М., 1943.

17 июля 1944 г. заместитель наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглов направил секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову письмо с грифом "совершенно секретно". В нем отмечалось, что "несмотря на то, что на документальные издания тратится значительное количество средств и бумажных фондов, современные публикации исторических материалов не могут удовлетворить историческую науку ни в отношении тематики, ни в отношении полноты подбора документов и точности передачи текста. Основная причина неудовлетворительного состояния документальных изданий заключается в отсутствии единого руководящего центра, который бы планировал и направлял этот важнейший вид работы по всей стране". С целью решительного улучшения публикации исторических документов НКВД СССР просил ЦК ВКП(б) "рассмотреть вопрос об учреждении Государственной археографической комиссии при СНК Союза ССР"³.

К письму приложен проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б): "В целях осуществления руководства, планирования и объединения всей работы по изданию документальных материалов Государственного архивного фонда СССР Секретариат ЦК ВКП(б) постановляет.

1. Создать Государственную археографическую комиссию Союза ССР в составе:

Академика тов. Вышинского А.Я. — председатель;

Директора Института истории Академии наук СССР академика т. Грекова Б.Д. — заместитель председателя;

Начальника Главного архивного управления НКВД СССР т. Никитинского И.И. — заместитель председателя;

и членов:

Директора Института Маркса—Энгельса—Ленина т. Кружкова В.С.,

Академика т. Потемкина В.И.,

Академика т. Тарле Е.В.,

Члена-корреспондента Академии наук СССР т. Ефимова А.В.,

Начальника Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной Армии генерала-майора Таленского А.Н.

и кандидата исторических наук т. Софинова П.Г. ..."

Комиссии, как видим, предлагалось придать высокий государственный статус. Напомню, что А.Я. Вышинский был тогда не только академиком, но и заместителем председателя Совнаркома СССР.

Отметим также, что для А.М. Панкратовой, выступившей на конференции историков-архивистов инициатором создания Археографической комиссии, места в этом списке не нашлось. Да и сама эта конференция в документах, направленных НКВД СССР в ЦК ВКП(б), не упоминается.

Суть вопроса была изложена в пункте 2 проекта постановления: "Запретить учреждениям и организациям издание документальных материалов без предварительного согласования с Государственной археографической комиссией СНК СССР". Комиссии, таким образом, придавались откровенно цензурские функции. В заключение предлагалось в месячный срок разработать положение о комиссии и штаты⁴.

Письмо С.Н. Круглова, по-видимому, "застряло" в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Об этом свидетельствует помета на нем: "Вопрос рассматривается в Управлении пропаганды. Крапивин", а также то, что два с половиной месяца спустя, 7 октября 1944 г., П.Г. Софинов самостоятельно через голову своего непосредственного начальника И.И. Никитинского посылает копию

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 72—74.

⁴ Там же. Л. 75.

письма Круглова сотруднику секретариата А.С. Щербакова Крапивину, вероятно, для того, чтобы придать дополнительный импульс рассмотрению вопроса.

Был составлен новый проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б), а также проект "Справки о создании Государственной археографической комиссии при СНК СССР", которую должен был подписать начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров. Текст справки не оставляет сомнения в том, что ее автором (как, скорее всего, и автором письма, подписанного С.Н. Кругловым) был П.Г. Софинов, работавший в это время над учебным пособием по истории русской археографии, которое было издано 13 лет спустя⁵.

В проекте справки утверждалось, что "в дореволюционной России издание исторических документов было централизовано и осуществлялось Археографической комиссией, созданной в 1837 г. при Министерстве народного просвещения. В 1922 г. Комиссия вошла в состав учреждений Академии наук. После создания Института истории Академии наук в 1936 г. Центральная археографическая комиссия была ликвидирована. С того времени публикация документальных материалов стала осуществляться многими учреждениями, в том числе Главным архивным управлением НКВД СССР, Институтом истории Академии наук СССР, редакцией "Истории гражданской войны", некоторыми издательствами и даже учебными заведениями. Такая децентрализация археографического дела в нашей стране приводит к тому, что издание исторических документов осуществляется без единого государственного плана и происходит от случая к случаю"⁶.

П.Г. Софинов как специалист по истории археографии, разумеется, хорошо знал, что в дореволюционной России Археографическая комиссия являлась не единственным публикатором исторических документов, а в советское время до 1936 г. роль Археографической комиссии в издании исторических источников была довольно скромной и во всяком случае значительно уступала роли Центрархива. В своем докладе на конференции историков-архивистов Софинов справедливо отмечал, что "за короткий срок (1922—1931) Центрархив опубликовал 70 томов исторических материалов (не считая периодических изданий), т.е. почти столько же, сколько Археографическая комиссия в царской России опубликовала за первые 50 лет своей работы"⁷. Однако желание как можно убедительнее обосновать необходимость создания Государственной археографической комиссии толкало П.Г. Софинова на, мягко выражаясь, неточность в изложении исторических фактов. Искажение истории "ради пользы дела" было тогда, да и много позже обычным явлением.

Тем не менее Г.Ф. Александров подготовленную для него справку не подписал, и вопрос о создании Государственной археографической комиссии не получил тогда положительного решения. Полтора года спустя — 20 апреля 1946 г. — переписка была сдана в архив.

В чем же заключался просчет кандидата исторических наук П.Г. Софинова и заместителя наркома С.Н. Круглова?

Казалось бы, они правильно уловили тенденцию к всеобъемлющей централизации и тотальному контролю партийно-государственной административной машины над наукой и культурой. И предложили в председатели комиссии такую кандидатуру, которую вряд ли кто-нибудь посмел бы отвести. И заручились поддержкой научной общественности (хотя и не считали нужным на нее ссылаться).

⁵ Софинов П.Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957.

⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 254. Л. 78.

⁷ Цит. по: Бабурин Д.С. Указ. соч. С. 80.

Почему же их предположения не встретили поддержки в ЦК ВКП(б)?

Можно предположить, что ходатайство С.Н. Круглова было воспринято в ЦК ВКП(б) как очередная попытка НКВД расширить пределы своей компетенции. Было очевидно, что комиссия лишь формально должна была существовать "при Совнаркоме СССР", а фактически действовала бы на базе Главного архивного управления НКВД СССР. Получив в 1938 г. в свое ведение всю систему государственных архивов, НКВД желал полностью контролировать и использование хранящихся в архивах документов не только в "оперативных", но и в научных целях. ЦК ВКП(б), видя в публикации исторических документов идеологическое оружие, предпочитал оставить за собой контроль за его применением.

По точному смыслу проекта постановления, внесенного С.Н. Кругловым, получалось, что и ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) не мог бы публиковать документы без одобрения Государственной археографической комиссии. С этим в ЦК, разумеется, согласиться не могли. И директор ИМЭЛ вряд ли мог удовлетвориться местом рядового члена этой комиссии, в то время как директор Института истории АН СССР и начальник ГАУ НКВД СССР должны были стать заместителями ее председателя. Возможно, что именно эти соображения обрекли тогда на неуспех предложение о создании Государственной археографической комиссии.

Археографическая комиссия возродилась 12 лет спустя в совсем иных общественных условиях по инициативе академика М.Н. Тихомирова, с другими функциями и, разумеется, совсем в другом составе.

Что же касается научного существа проблемы — организации систематического издания источников отечественной истории по единому продуманному плану, то известно: эта проблема так и не получила удовлетворительного решения в рамках Советского Союза. Остается надеяться, что когда-нибудь возникнут благоприятные условия для ее решения в пределах России.

А.Р. Артемьев

**КНИЖНЫЙ ФОНД АКАДЕМИКА М.Н. ТИХОМИРОВА
В СОБРАНИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Библиотека академика М.Н. Тихомирова поступила в Дальневосточный университет в 1965 г. по завещанию ученого¹. Такое волеизъявление ученого было не случайно. Со времени образования Дальневосточного филиала АН СССР им. В.Л. Комарова М.Н. деятельно интересовался научной жизнью и подготовкой квалифицированных кадров в этом регионе. В августе 1956 г. он приветствовал поздравительной телеграммой преобразование существовавшего во Владивостоке с 1920 г. педагогического института в Дальневосточный государственный университет.

27—29 сентября 1956 г. во Владивостоке состоялась выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР, на которой председательствовал бывший тогда академиком-секретарем М.Н. Тихомиров². 1 октября, по завершении работы сессии, руководство университета устроило выступление ее участников перед студентами и преподавателями историко-филологического и других факультетов. Первым выступил М.Н., зачитавший доклад "Вопросы изучения исторических источников". Кроме того, выступили также член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов с докладом "Некоторые проблемы истории США в XVIII—XIX веках" и И.М. Разгон с докладом "Массовое революционное движение в стране в 1917 г."³

Переданная в Дальневосточный университет библиотека М.Н. Тихомирова насчитывает 982 ед. хр. Среди них свыше 900 научных монографий, 22 оттиска статей, 7 авторефератов диссертаций и 9 художественных книг. Наибольший интерес в собрании, помимо целого ряда редких изданий, представляет то, что более 800 книг были подарены ученому их авторами и имеют дарственные надписи. Благодаря этому университетская библиотека стала обладательницей уникальной коллекции автографов двух поколений выдающихся историков XX столетия. Среди дарителей книг академики: В.В. Виноградов, Р.Ю. Виппер, М.М. Богословский, Ю.В. Бромлей, И.Э. Грабарь, Б.Д. Греков, А.А. Губер, Н.М. Дружинин, Е.А. Косминский, Д.С. Лихачев, И.М. Майский, А.Л. Нарочницкий, М.В. Нечкина, А.П. Окладников, И.А. Орбели, В.И. Пичета, Б.А. Рыбаков, А.М. Самсонов, В.В. Струве, С.Г. Струмилин, С.Л. Тихвинский, В.М. Хвостов, Л.В. Черепнин; члены академий союзных республик: С.Т. Еремян, А.Р. Иоаннисян (Армения), С.В. Юшков (Казахстан), Ю.И. Жюгжда, Б.А. Ларин (Литва), А. Каррыев, М.Е. Массон (Туркменистан), И.П. Крипякевич (Украина); члены-корреспонденты АН СССР: В.П. Адрианова-Перетц, А.В. Арциховский, С.В. Бахрушин, Д.Д. Благой, А.В. Ефимов, Я.Я. Зутис, С.В. Киселев, В.Н. Лазарев, Г.Г. Литаврин, В.Т. Пашуто, Н.В. Пигулевская, А.Л. Сидоров, С.П. Толс-

¹ Долдобанова Н.А., Шеламанова Н.Б. К биографии академика М.Н. Тихомирова // АЕ за 1965 год. М., 1966; Гарбер С.С. В библиотеках страны // АЕ за 1983 год. М., 1985.

² Выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР во Владивостоке // Красное знамя. № 231 (1164). 2 октября 1956 г. С. 3.

³ Лекции ученых // Там же.

тов, П.Н. Третьяков, З.В. Удальцова, Я.Н. Шапов, В.Л. Янин; чл.-корреспонденты академий союзных республик: И.В. Абуладзе (Грузия), Н.К. Гудзий (Украина), Р.Н. Набиев (Узбекистан), Л.С. Хачикян (Армения); доктора и кандидаты исторических наук: В.И. Авдиев, Д.А. Авдусин, В.А. Александров, Ю.Г. Алексеев, М.А. Алпатов, К.В. Базилевич, В.Н. Бернадский, Л.Г. Бескровный, М.Т. Белявский, И.У. Будовниц, Н.Н. Воронин, С.Н. Валк, И.А. Голубцов, В.В. Гольмстен, А.Д. Горский, Б.Н. Граков, А.С. Ерусалимский, В.Н. Заходер, А.А. Зимин, Н.А. Казакова, А.К. Касименко, Б.Б. Кафенгауз, В.С. Кеменов, В.Д. Королюк, К.В. Кудряшов, А.Г. Кузьмин, Я.С. Лурье, В.В. Мавродин, В.И. Мальшев, А.Л. Монгайт, А.Н. Носонов, А.И. Неусыхин, Г.А. Новицкий, А.А. Новосельский, Е.Н. Носов, Б.Ф. Поршнев, М.Г. Рабинович, Н.Л. Рубинштейн, А.М. Сахаров, Р.Г. Скрынников, И.И. Смирнов, Н.А. Смирнов, М.Я. Сюзюмов, Н.Н. Улащик, А.Л. Хорошкевич, Н.В. Устюгов, Е.В. Чистякова, Д.А. Чугаев, И.П. Шаскольский, С.О. Шмидт, В.К. Яцунский и др.

Наиболее ранние из подаренных М.Н. Тихомирову книг датируются 1913 и 1917 гг. Это монографии Н.П. Попова "Автографы митрополита Макария собирателя Великих Миней" (СПб., 1913) и В.И. Пичеты "Аграрная реформа Сигизмунда Августа в литовско-русском государстве" (М., 1917). Далее хронологически следует сборник статей "Калужская губерния в 1905 году" (Калуга, 1925) с надписью "Милому брату Мише от редактора сборника и автора этой статьи на добрую память. Б. Тихомиров. 18.3.1926 г.". Автографы Бориса Николаевича имеются еще на двух книгах, одна из которых — "Баптизм и его политическая роль" (М.; Л., 1929) авторская. Книга В.Д. Преображенского "Происхождение современных государств Европы" (М.; Л., б.г.) имеет надпись: "Дорогому товарищу студенческих лет Мише на память от автора. В. Преображенский. 30.12.1927".

Коллекция книг, подаренных М.Н. Тихомирову, стала пополняться значительно интенсивнее начиная со второй половины 30-х годов, после того, как он начал преподавательскую деятельность на историческом факультете МГУ и стал сотрудником Института истории АН СССР. Наибольшее же число книг пополнило собрание в последнее десятилетие творческого пути ученого.

Многие посвящения живо отражают многообразную научную деятельность М.Н. и ту большую роль, которую оказали его работы на становление советской исторической науки: "Милому Михаилу Николаевичу Тихомирову — слабый дар в ответ на безмерные вещественные и не вещественные дары от Е. Иванова" (Иванов Е.П. Русский народный лубок. Б.м., 1937). "Глубокоуважаемому и дорогому Михаилу Николаевичу, кому я так много обязан выходом этой книги в свет. 2.II.48. Р. Виппер" (Виппер Р.Ю. История средних веков. М., 1947). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову, крестному отцу этой книги, в знак глубокой благодарности автор. 25.6.48" (Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову в знак глубокого уважения и признательности за помощь в опубликовании этой книги от автора. 16.XII.48. Москва". (Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948). "Глубокоуважаемому и дорогому Михаилу Николаевичу на суд скорый и нелицеприятный от искренне уважающего автора. 20.XII.54 г." (Граков Б.Н. Каменное городище на Днепре // МИА. 1954. № 36). "Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу Тихомирову от преданного почитателя и стремящегося ему подражать изучителя старой русской культуры. VI.1956. А. Сидоров" (Сидоров А.А. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956). "Академику Михаилу Николаевичу Тихомирову на добрую память о Владивостоке и авторе с глубоким уважением А. Окладников" (Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959). "Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу Тихомирову, первооткрывателю средневековых русских городов в советской исторической науке. 1 марта 1960 г. А. Сахаров" (Сахаров А.М. Города

Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959). "Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу Тихомирову от автора и редактора в знак нашего глубочайшего уважения за ту громадную научную археографическую работу, которую Вы неустанно ведете. 1960. Х. Г. Князев, Ю. Виноградов" (*Виноградов Ю.А., Нагорнова З.Н. Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых в Архиве АН СССР / отв. ред. Г.А. Князев. М.; Л., 1960*). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову на память о совместной поездке на XI Международный конгресс историков в Стокгольм в 1960 году, от автора. 16.IV.62. Киев" (*Голобуцкий В. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962*). "Дорогому Михаилу Николаевичу — борцу за Русь от одного из участников этого сборника против мерзавца Мазона. 1.VI.62. Д. Лихачев" (Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову — щедрому книгодарителю с большой признательностью и с благожелательной завистью. 15/XI.62. Н. Гудзий" (*Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н.К. Гудзий. М., 1962*). "Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу от глубокого ценителя и почитателя Ваших трудов и благодарного за Ваше внимание. 8.II.1963. М. Сюзюмов" (*Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962*). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову с искренним большим почтением и преклонением от автора этой попытки в области широкой социологии. 27.IV.64. Б. Поршнев" (*Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964*). "Дорогому Михаилу Николаевичу с большой благодарностью за привитую любовь к историографии. Рая Киреева" (*Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964*). "Дорогому Михаилу Николаевичу! Только благодаря Вашим заботам появилась на свете эта книга. Большое, большое спасибо. 23/IV-65. В. Малышев" (*Древнерусские рукописи Пушкинского фонда / Сост. В.И. Малышев. М.; Л., 1965*).

Чрезвычайно трогательными и по-товарищески доверительными предстают в посвящениях на книгах отношения М.Н. с его многочисленными учениками, для которых он был образцом честного и бескорыстного служителя науки: "Дорогому и любимому Михаилу Николаевичу от автора. Вашей помощи, поддержки в трудную минуту жизни не забуду никогда. Январь 1954. М. Федорова" (*Федорова М.И. Первая всесоюзная сельскохозяйственная выставка. М., 1953*). "Дорогому учителю М.Н. Тихомирову от составителя и ученика с благодарностью за все умное, хорошее, доброе. 15/IV 1955. В. Шумилов" (*Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954*). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову. Если когда-нибудь мне суждено хоть что-нибудь сделать для науки, то этим я целиком буду обязан Вам. 9/IV.55. М. Белявский" (*Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955*). «Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову с глубокой признательностью за отеческую критику и товарищескую помощь, за суровые "проборки" и добрые советы от автора. 2/XI.59. Ю. Поляков» (*Поляков Ю.А. Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 году. М., 1958*). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову с глубочайшей благодарностью за редактирование этой книги и заботу об ее издании. 2.6.1960. С. Шмидт" (*Опись царского архива XVI века и архива посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960*). "Дорогому учителю Михаилу Николаевичу Тихомирову в знак глубокого уважения, любви и преклонения перед научным подвигом ученого от автора. 1 февраля 1962 г. А. Пронштейн" (*Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов, 1961*). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову от тех, кто стремился продолжить то благородное дело, которое Вы так славно начали. 10/VII.62. В. Александров, А. Зимин, В. Корецкий" (*Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / Под ред. А.А. Зимины; Сост.: В.А. Александров, В.И. Ко-*

рецкий. М., 1962). "Дорогому Михаилу Николаевичу за доброту и внимание от очень послушной ученицы. 22.II.1963. А. Хорошкевич" (*Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963). «Глубокоуважаемому и дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову с искренней благодарностью за постоянную поддержку своих учеников, в том числе и таких, не всегда "преуспевающих", как автор данного сочинения. 26.IX.1963. И. Греков» (*Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1965). "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову от его посевшего ученика. 10/X.63. М. Рабинович" (*Рабинович М.Г.* Судьбы вещей. М., 1963). "Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу Тихомирову, чьи лекции и труды воспитывали мой интерес к истории Родины и любовь к ее людям. Автор. 28.II.64 года. В. Прибытков" (*Прибытков В.* Иван Федоров. М., 1964). Одна из книг ученика М.Н. имеет надпись: "Библиотеке Владивостокского университета в память о дорогом Михаиле Николаевиче Тихомирове книгу, которая, к несчастью, уже не застала его в живых. 25.IX.65. Москва. М. Белявский" (*Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965).

По-своему интересны немногочисленные, но очень теплые посвящения М.Н. от известных писателей и поэтов: "Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу Тихомирову со страхом и упованием преподношу эту книжку. 10 июня 1948. Н. Кончаловская" (*Кончаловская Н.* Наша древняя столица. М.; Л., 1947). "Глубокоуважаемому Михаилу Николаевичу Тихомирову с чувством искренней благодарности за ценные указания и доброжелательную помощь в работе над этой книгой. 28/VI.48. Москва. Ст. Злобин" (*Злобин Ст.* Остров Буян. М., 1948). "Многоуважаемому Михаилу Николаевичу Тихомирову на память о встречах на Кисловодском курорте. 4.V.56. С. Щипачев" (*Щипачев С.* Березовый сок. М., 1956). "Михаилу Николаевичу Тихомирову с глубоким уважением и сердечным приветом. И. Андроников" (*Андроников И.* Я хочу рассказать вам... М., 1962). "Глубокоуважаемому ученому и учителю академику Михаилу Николаевичу Тихомирову от почитателя автора Вс.Н. Иванова на снисходительное рассмотрение. 28/XI.63. Хабаровск-на-Амуре" (*Иванов Вс.Н.* Черные люди. Историческое повествование. М., 1963).

Одна-единственная книга в собрании Дальневосточного университета — "Древнерусские города" (М., 1956) — имеет автограф самого М.Н.: "В библиотеку Дальневосточного университета от автора. М. Тихомиров".

Не более многочисленны и маргиналии М.Н. Некоторое количество его пометок имеется на полях Псковской Судной грамоты, опубликованной в сборнике "Памятники права феодальной раздробленности Руси" (Сост. А.А. Зимин. М., 1953), и очень много поправок и замечаний сохранилось на изданном Б.А. Лариным "Парижском словаре Московитов 1586 г." (Рига, 1948).

В настоящее время библиотека академика М.Н. Тихомирова выделена в Дальневосточном университете в отдельный фонд. Книги из нее широко используются студентами и преподавателями исторического, филологического и юридического факультетов. Наибольшей популярностью пользуются монографии и сборники, посвященные позднему средневековью, а также новому и новейшему времени. Несколько меньше используется содержащаяся в собрании обширная литература по истории Древней Руси, что объясняется отдаленностью Дальневосточного региона от древнейших центров России и меньшим интересом студентов к их истории вне пределов читаемых им курсов лекций. В целом же наличие в свободном пользовании столь редкого собрания книг и в особенности принадлежность их в прошлом замечательному ученому, о чем постоянно напоминают имеющиеся на них дарственные надписи, несомненно, оказывают самое благотворное влияние на каждого, кому доведется их открыть.

В.П. Дмитренко, Г.Я. Тарле

УЧЕНЬИ-АНАЛИТИК

(К 90-летию со дня рождения Э.Б. Генкиной)

Фундаментальные изменения в жизни советского общества, происходящие со второй половины 80-х годов, вынудили к переоценке многих ценностей. В этом процессе, естественно, немало утрат. Суровый экзамен держат как общественные науки в целом, так и каждый специалист в отдельности. Вместе с тем результаты изысканий многих ученых, как продолжающих работать, так и ушедших из жизни, именно в эти годы были опубликованы. Так произошло с трудом доктора исторических наук, профессора Эсфири Борисовны Генкиной, скончавшейся в 1978 г. Она не дожидаясь до выхода в свет в полном объеме своей тщательно и много лет готовившейся работы. Путь этого труда к читателю оказался долгим и тернистым. В 1982 г. друзья и коллеги смогли издать книгу не в том виде, как успела подготовить ее автор. Монография Генкиной "Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина"¹ заняла достойное место в Лениниане, но за ее рамками осталась, пожалуй, наиболее ценная часть работы, где впервые в отечественной историографии был дан широкий анализ кадрового состава Совета Народных Комиссаров РСФСР, Совета рабочей и крестьянской обороны, Совета труда и обороны (СТО). Первую попытку опубликовать эти материалы предприняла автор. В 1976 г. "Исторические записки" запланировали издание статьи, но она не увидела свет, так как была снята в корректуре вопреки мнению членов редколлегии. И вот накануне 90-летия Эсфири Борисовны статья вышла в полном авторском варианте под названием "Советское правительство в 1917—1922 гг. (Опыт анализа состава Совнаркома)" в том же издании (ИЗ. 1990. Т. 118). Знакомство с ней убеждает, что она нисколько не устарела. От эмоционального восклицания в одной из первых работ о том, что первое Советское правительство было самым молодым и самым образованным за всю историю страны, Э.Б. пришла к доказательству этого утверждения с цифрами и фактами в руках.

В статье скрупулезно собраны и проанализированы ценные данные о составе Совнаркома за первые пять лет его деятельности. Они сведены в обширные и весьма наглядные таблицы. Из 300 человек, находившихся в поле зрения ученого, подробные данные представлены по 100, проявившим себя наиболее ярко. Генкина детально проанализировала принцип выдвижения кадров на государственные посты, их расстановку, использование в высших эшелонах власти в период, когда этими процессами руководил В.И. Ленин. Тем самым положен конец порочной традиции, бытовавшей не одно десятилетие не только в исторической литературе, но и в политике, согласно которой Ленин предстал в роли одиночки, практически без единомышленников, друзей и сторонников.

Честный и мужественный ученый, трудолюбивый и тонкий аналитик за долгие годы трудовой биографии Э.Б. изучила монбланы архивных документов, газет. У нее достало терпения извлечь максимум информации из, казалось бы, лаконичного и формализованного источника — протоколов Большого и Малого

¹ В "АЕ за 1976 год" была помещена статья Генкиной "Протоколы Совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. и их значение как исторического источника".

Совнаркомов, а также СТО. Таких протоколов оказалось 1889². Они исследованы по множеству параметров, проанализирована суть обсуждавшихся на всех заседаниях вопросов и принятых решений, пристально изучен состав участников всех заседаний, что позволяет, в частности, судить о степени активности отдельных лиц.

Не будет преувеличением сказать, что изучение структуры высшей власти страны в динамике — новаторство в нашей науке. Многие десятилетия исследователи истории советского общества, декларировавшие приоритет народных масс в общественных процессах, по сути дела, творили безлюдную историю. Конечно, существовали книги о тех или иных деятелях революции и государства, но их было немного. В забвении оставались имена многих наркомов, а тем более их заместителей и членов коллегий. Совсем не уделялось внимания конкретному взаимодействию исторических личностей. А между тем многие из этих формально второстепенных деятелей сыграли весьма заметную роль (каждый на своем посту и все вместе) в коллегиальных Совнаркоме, Совете рабочей и крестьянской обороны, а затем в СТО. Сказанное вытекает из знакомства с таблицами, составленными Э.Б. Генкиной еще в середине 70-х годов.

В юбилейной статье о творчестве ученого мы концентрируем внимание на ее последнем труде, который наглядно показывает, что подлинная наука не поддается воздействию пресловутой конъюнктуры.

Сейчас мы уже начинаем забывать, что в недавнем прошлом историк не имел возможности даже упомянуть, не присовокупив резких негативных эпитетов, имена репрессированных государственных деятелей, которые входили в число ближайших соратников Ленина, вместе с ним строили после Октябрьской революции новое государство. Трагически сложилась судьба сотен и даже тысяч людей, которые вместе с интеллектуальной элитой того времени на различных государственных и партийных постах непосредственно участвовали в управлении государством. Их имена и дела, казалось, окончательно ушли в небытие. Это влекло за собой неминуемые искажения и облика Ленина, и истории его государственной деятельности, всей истории строительства Советского государства.

В центре внимания последних исследований Генкиной — филигранный анализ крупного комплекса уникальных источников, недоступных для большинства исследователей, в наиболее полном виде хранящихся в РЦХИДНИ. Изучение ленинских документов, всей совокупности источников, характеризующих государственную деятельность В.И. Ленина, занимало ведущее место в творчестве ученого не одно десятилетие. По существу подавляющее большинство трудов Э.Б. непосредственно связано с этой проблематикой: собрание и издание документов по истории гражданской войны, участие в подготовке первого коллективного труда по ее истории, документальное издание о национальной политике в первые годы после революции ("Образование СССР. Сборник документов. 1917—1924". М.; Л., 1949), а также неоднократно издававшиеся на ряде языков народов СССР книги на эту тему³, затем цикл работ по истории перехода советской страны к новой экономической политике.

Каждая работа всегда базировалась на добротной основе изучения первоисточников, блестящим знатоком которых она была. Обладая великолепной памятью, Генкина продолжала настойчивую работу в архивах, поиск все новых свидетельств изучаемых событий, будучи в преклонном возрасте. Можно смело сказать, что в каждом исследовании она применяла весь возможный арсенал фактов, имеющийся в распоряжении историка.

² Генкина Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР... С. 13.

³ Полную библиографию трудов Э.Б. Генкиной, изданных при ее жизни, см.: ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 363—371.

Цикл ее работ, непосредственно посвященных деятельности Ленина, открылся в 1948 г. статьей "О стиле государственной работы В.И. Ленина"⁴. Ряд других статей, развивших отдельные аспекты проблемы, были подготовлены и опубликованы прежде, чем вышла книга "Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В.И. Ленина в 1921—1922 годах" (М., 1960). Спустя почти десять лет было издано фундаментальное исследование "Государственная деятельность В.И. Ленина. 1921—1923 гг." (М., 1969). Она была удостоена премии АН СССР имени Б.Д. Грекова. В 1970 г. увидела также свет специальная работа "Государственная переписка В.И. Ленина".

Будучи чрезвычайно эмоциональным человеком, Э.Б., выдавшая в молодости В.И. Ленина, не могла не перенести в свои работы огромное впечатление от его личности. Вообще беспристрастность в работе, во взаимоотношениях с окружающими была чужда ей. Ленин предстает в ее работах не в статике, а как великий человек, которому свойственны и сомнения, и муки, который всегда был открыт для критики и готов выслушать оппонентов.

Творческий путь Э.Б. Генкиной — путь вдохновенного пропагандиста, пришедшего в большую науку, чтобы включиться в только начинавшееся изучение послереволюционной истории страны. Нет нужды систематически излагать ее биографию, она была опубликована⁵. В статьях, посвященных ей, и некрологах обрисован облик пытливого ученого, заботливого педагога, давшего путевку в научную жизнь десяткам людей, отмечены редкие человеческие качества Э.Б.⁶ Меньше внимания уделено той стороне ее деятельности, которая напрямую связана с разработкой проблем источниковедения, с участием в издании источников, с ее трепетным отношением к историческому факту. Кстати, уже в первом составе Археографической комиссии, сформированной академиком М.Н. Тихомировым, среди немногочисленных членов значилось имя Э.Б. Генкиной (АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 481). Именно вкус к поиску новых документов определяет почерк работ ученого, будь то проблемы истории "Народной воли" и Февральской революции, с которых началась ее научная биография, или широкая проблематика по истории советского общества. Активным выявлением документов по истории последнего она занималась с 30-х годов. В процессе освоения документальной основы для "Истории гражданской войны", история ленинской национальной политики выработывалась индивидуальная методика научного анализа документов. Конечно, с высоты прошедших десятилетий сегодня первый опыт коллективного труда по истории гражданской войны оценивается иначе. Но в этом коллективе трудились, выработывали навыки исследования многие известнейшие специалисты-историки, среди которых достойное место занимала и Э.Б. Генкина.

Во время Великой Отечественной войны она возглавила один из отделов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Институте истории АН СССР. Она приняла непосредственное участие в собирании уникальной коллекции ценнейших документов, которая сохранила значение поныне. Сама интервьюировала таких военачальников, как Н.И. Крылов, В.И. Чуйков, М.В. Захаров, С.С. Бирюзов и др. По горячим следам Сталинградской битвы она на месте не-

⁴ Общее собрание Академии наук СССР, посвященное тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции: Доклады на Общем собрании АН СССР, 23 октября — 8 ноября 1947 г. М.; Л., 1948. С. 54—84.

⁵ Поляков Ю.А., Дмитренко В.П. В ногу с жизнью (Науч.-исслед. деятельность Э.Б. Генкиной) // Строительство советского государства: Сб. ст. к 70-летию д-ра ист. наук, проф. Э.Б. Генкиной. М., 1972; Шестидесятилетие Э.Б. Генкиной // ИСССР. 1961. № 3.

⁶ Зак Л.М., Дмитренко В.П. Памяти Эсфири Борисовны Генкиной // ИЗ. М., 1979. Т. 103. Эсфирь Борисовна Генкина (1901—1978) // ВИ. 1978. № 11; Нарочницкий А.Л., Поляков Ю.А., Тарле Г.Я. Эсфирь Борисовна Генкина // ИСССР. 1979. № 1.

давних боев в течение месяца записывала воспоминания участников военных действий всех рангов от солдата до маршала. В Москву были привезены около 30 стенограмм. Собранные первоисточники уже стали предметом исследования для многих ученых. Несомненно, к ним будет обращаться не одно поколение исследователей, изучая беспримерный подвиг народа. Можно сожалеть, что это бесценное собрание до сих пор не только не опубликовано, но и не снабжено детальным справочным аппаратом. Собираение документов периода войны увенчалось для Э.Б. изданием цикла работ об обороне Царицына и Сталинграда.

Вероятно, не без влияния насущных проблем, которыми жила страна после победы, когда стояла задача восстановления народного хозяйства, ученый обращается к анализу опыта восстановления в начале 20-х годов. Переход к новой экономической политике рассмотрен в трудах Э.Б. в историографии широкомасштабно. Исследованы в совокупности на основе большого массива документов корни возникновения новых идей в экономике, политике, изучены настроения разных слоев населения. Уйдя от конструирования социологических схем, она опиралась на прочную документальную базу. Не будет преувеличением отметить, что в творческой научной деятельности Генкиной отражен возврат целого поколения историков от некоторой недооценки исторического документа и увлечения логическими построениями к углубленному изучению первоисточников.

В 40—50-е годы напряженная научная работа, воплотившаяся в многочисленных проблемных статьях, в монографическом исследовании о переходе страны к нэпу, сочеталась у Э.Б. с не менее плодотворной деятельностью в качестве профессора МГУ. Сотни студентов, многочисленные аспиранты, а затем и докторанты прошли хорошую школу под ее руководством. Многие из них стали известными учеными.

Вернувшись в 1958 г. после вынужденного перерыва на работу в Институт истории АН СССР (ныне Институт российской истории РАН), Генкина работала в нем до конца своих дней. Она участвовала во всех крупных коллективных начинаниях, в подготовке учебного пособия по истории СССР советского периода для студентов исторических факультетов, в работе над многотомной "Историей СССР с древнейших времен до наших дней".

Биография Э.Б. Генкиной отражает основные этапы истории советской исторической науки, тесно связанной с трудностями, которые переживала страна. Разумеется, Э.Б. не могла избежать воздействия политической ситуации в стране. С позиций современного отношения к историческому прошлому можно упрекнуть Генкину в недостаточном критическом подходе к оценке исторических событий. Перечитывая ее книги, мы ясно видим приметы времени — властное вторжение "системы", предлагавшей жесткие конструкции, навязывавшей свои стереотипы. Подобные слабости, просчеты, односторонности сегодняшним взглядом видны отчетливо. Можно спорить и опровергать. Это и реальность перестройки, и норма научной жизни. Но отстаивая свою позицию, критическую, острополемическую, будем относиться с уважением и к позиции оппонента. А в лице Э.Б. мы имеем достойного и уважаемого оппонента. Пусть прямолинейны и спорны некоторые ее выводы, пусть завышены некоторые оценки. Но ее сила — в мощной вооруженности достоверным историческим фактом, в стремлении выявить многомерность и подлинную диалектику процесса. Не будет преувеличением сказать, что с именем Э.Б. Генкиной связаны первые шаги советской исторической науки в познании самодвижения советского общества. Понимаем, как ученому, изучавшему жизнь и деятельность В.И. Ленина, трудно было это делать. Культистские традиции и подходы сковывали, мешали. Тем ценнее попытка. Тем важнее она сейчас, когда под флагом обновления советской науки нередки рецидивы культа личности, в худших его проявлениях, только с обратным знаком.

Труд историка был делом всей жизни Э.Б. Генкиной. Ее беззаветная преданность идеям, выводам, к которым она пришла, оказывалась превыше дружеских привязанностей и симпатий. Мы не раз бывали свидетелями острых дебатов по различным вопросам, в которых сталкивались разные точки зрения двух близких и преданных друзей — Э.Б. Генкиной и С.И. Якубовской. Зная на память море фактов, документов, имен, они демонстрировали образец научной полемики, что называется, "не взирая на лица". Эрудиция и накал страстей поражали всех присутствовавших, и, к сожалению, не каждый мог разделить пафос спора и понять, как можно настолько глубоко погружаться в профессиональные дискуссии. Эти штрихи к портрету лишь очень слабо могут передать атмосферу напряженной мысли и истинного творчества, которую умела создать вокруг себя Э.Б. Генкина.

В.В. Кабанов, А.А. Курнос

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ С.И. ЯКУБОВСКОЙ

Если ушедшие задают вопросы, ставят проблемы, требуют ответа, если видишь нетщательно скрытые в их глазах, усмешке, интонации упрек или одобрение, можно ли сказать, что их нет? Может быть, точнее спросить: достойно ли есть ты?

О Софье Иосифовне Якубовской рассказать очень трудно и вместе очень просто. По одной и той же причине: редкостной целостности и гармоничности ее души, ума, характера. Душа определяла, ум формулировал, характер указывал способы действия. И не только возможные, но и почти невозможные, на самой грани.

Резкая, нелицеприятная в суждениях С.И. выделялась своей независимостью и дальновидением. Она воспринималась как бы находившейся одновременно и в обществе и вне его. Ее мнимая отстраненность особенно контрастировала с неожиданными вопросами, например, почтенному докладчику на ученом совете. Прокуренным, каркающим голосом она своими въедливыми вопросами загоняла докладывавшего в тупик и повергала в уныние. А порой и вовсе слышалось нечто невразумительное или умоляюще робкое: "Но, помилуйте, Софья Иосифовна, это же..."

Понятно, что непривычные вопросы требовали и соответствующих ответов. Только вот не всегда они находились.

Ее, хрупкую женщину с мужской логикой, похоже, побаивались. И далеко не все любили. Но безразличных не было. Софья Иосифовна была одной из немногих, остававшихся всегда верной самой себе, сложившимся, вероятно, в юности принципам человеческой и научной порядочности. В этом смысле она абсолютно монистична. Но умела извинить непоследовательность даже близким людям. Видимо, не выносила конфликта внутри себя, но понимала "раздвоение" окружающих между внешним и внутренним. И если чувствовала искренность страдания от такого раздвоения, прощала. Во всяком случае понимала. Другое дело, что мешала прощать саму себя фактом и образом своего бытования.

Вероятно, С.И. больше многих и глубже переживала моменты выбора. Ведь ум, знания, образованность, интеллигентность предлагали ей более широкий спектр вариантов. При этом выборе ей всегда светила ее Полярная звезда, ее душевная константа: максимально возможное приближение к истине в науке, жизни. Искренность. Открытость. Может быть, именно они избавили Якубовскую и от худшего, и от самого худшего? Вероятно, в компетентных досье на нее немало подшито. Но ведь вот парадокс: все на виду. Определи-ка, перешла ли она границу между "допустимо-недозволенным" и "дозволенно-недопустимым"? Тем паче неопределенность усиливалась подвижностью и зависимостью этих границ от "чего изволите на сегодняшний день?". Не это ли открывало возможности для произвола, но и для противодействия ему?

Думается, она в высшей степени достойно представляла ренессансное поколение российской интеллигенции, оживавшей после геноцида 20—30-х годов. Возрождению этому, несомненно, дала сильный импульс Великая Отечественная война. Многие из тех, кто не был ею вырублен, оказались позднее в авангарде шестидесятников. Мне (А.К.) запомнился разговор со светлым человеком и боль-

шим историком К.Н. Тарновским (уже в перестроечное время). В ответ на мое замечание, отделявшее фронтовиков от шестидесятников, реплика: "Я-то ведь и фронтовик, и шестидесятник". И он имел на эту реплику все права: войну прошел на передовой "от звонка до звонка". А в 60-х оказался одним из лидеров богатого научными идеями и результатами (и оргвыводами со стороны директивных инстанций) нового направления изучения истории России периода империализма. И парткома Института истории АН СССР второй половины 60-х годов. Позиция парткома и большинства коллектива Института истории по сути являлась мятежом историков-профессионалов против идеологов со Старой площади. Ориентация на первичный источник, источниковедческое восприятие прошлого и современности не оставляли С.И. выбора. Но "мятеж не может кончиться удачей. В противном случае его зовут иначе" (С.Я. Маршак). За сопротивление инстанциям, возрождению сталинских традиций в брежневской упаковке оказались реорганизованными и институт, и его партком. А С.И. была более чем активным членом парткома. И как всегда, независимым. Вместе с абсолютным большинством парткома и большей частью коллектива института она сражалась за свободную мысль в исторической науке. Но решительно отказалась от компромисса с директивными органами по "делу А.М. Некрича". Тогда только она, Л.Ю. Слезкин и М.С. Альперович голосовали против того, чтобы "принять к сведению" решение КПК об исключении Некрича из партии за книгу "22 июня" (М., 1965). С.И. сказала между прочим: "А я послала в КПК свой личный протест ("коллективки" тогда влекли за собой не только партийные репрессии. — А.К.)... Они предусмотрены уставом". Остальные (в их числе и соавтор статьи Курносов) ради сохранения институтского коллектива уступили (тогда, в начале неосталинизации, восторгов не требовалось). Большинство парткома ценой острейшей моральной ошибки, до сих пор отзывающейся душевной болью, своим решением избавило коллектив от оргвыводов и репрессий. Жертвой оказался институт, рассеченный по живому надвое, по этажам: 2-й этаж — Институт всеобщей истории, 3-й этаж — Институт истории СССР. Закрепленное разными присутственными днями дробление историков по специальностям, конечно, не было случайным результатом некой административной фантазии С.П. Трапезникова или даже М.А. Суслова. За этим видится и вытекающая из нее доктрина "одной, отдельно взятой страны", изымавшая историю отечественную из всеобщей. "Филиация идей", "неконтролируемые ассоциации" и "подтексты", которые могли воследовать из "неуправляемого института" (а это был главный мотив его разделения на ИИ СССР и ИВИ), вот они-то и понимание того, что в личном общении ученые разных специальностей одевают друг друга мыслями и сведениями, тяготеют к уже ярко обозначившим себя шестидесятникам-художникам (любого способа самовыражения — словесного, живописного). Понимание всего этого (или ощущение вероятной опасности такого) привело к решению о разделении института, подавлению парткома. Но ученые остались при своем деле. А наука? Но ведь те же люди воссоздали питательную среду, профессиональную преемственность для учеников. Они же и преподали урок уступчивости. Тут-то выступает на авансцену неконформизм Якубовской и иже с нею. С.И. была надежным союзником. Но никогда выше принципов не ставила групповые интересы. Независимость ее суждений и взглядов, позиций гражданских и научных часто вызывала несогласие, даже антипатию, нередко раздражала. Но, как правило, за несогласием и раздражением стояло уважение.

Уместно подумать об истоках ее неконформизма. Одним из них, вероятно, была привычка исходить из первичных фактов, а не спекулятивных (умозрительных) построений. Во всем: в отношении к людям, в гражданском поведении, в науке. С этой точки зрения можно говорить об органически свойственном ей источниковедческом мировосприятию, источниковедческому мышлению.

Примерно десять лет (1952—1962 гг.) она работала (по совместительству) до-

центом Московского государственного историко-архивного института на кафедре вспомогательных исторических дисциплин. Она читала курс лекций по источниковедению истории советского общества, вела практические занятия и спецсеминары, являлась научным руководителем в подготовке дипломных работ.

Было бы неверно полагать, будто С.И. была одним в поле воином. Я (А.К.) стал ее учеником в самом начале 50-х, в последние жутковатые (сравнительно с жуткими 30-ми) годы сталинизма. А Историко-архивный институт как раз тогда переживал славную пору, приютив изгнанных из МГУ, других заведений профессоров — "космополитов", "марристов", "сионистов". И тут нельзя не вспомнить с благодарностью ректора Анну Сергеевну Рослову — истинно доброго и честного человека. Одна она знала, чего ей стоило сохранить под крылом МГИАИ столь сильный коллектив блестящих ученых и педагогов (В.К. Яцунский, И.Л. Маяковский, Н.В. Устюгов, А.А. Зимин, С.О. Шмидт, Н.П. Ерошкин, Ю.Ф. Кононов). И среди них — Якубовская. Именно эти истинные ученые задавали тон. И мы, студенты 3-го курса, нередко горячо обсуждали эту их истинность. А разговор был окончательный и всегда справедливый. Хотя люди эти были очень разные, но все личности своеобразные. Конечно, они вынуждены были подчиняться канонам официальной идеологии. Иные в этом подчинении заходили дальше. Другие (среди них — С.И.) рвения не проявляли. Профессионализм исторической работы они передавали студентам и аспирантам. В какой-то мере это диктовалось и профилем института (архивная служба подчинялась МВД, поэтому МГИАИ располагал чуть большей научной свободой, чем многие другие заведения. — А.К.), готовившего историков-архивистов и потому включавшего в программу целый комплекс так называемых вспомогательных исторических дисциплин, ориентированных на организацию, изучение, методы работы с информацией о прошлом. Вольно или невольно, но благодаря этому кругу наук прививалось и развивалось, хочется сказать не студентам, а воспитанникам, особое, информационное, точнее, источниковедческое мышление, в основе которого великие вопросы: когда, кто, где, откуда, как? И оценка результатов: полно и достоверно ли добытое знание? Применительно к проблеме феодальной эпохи, отчасти и XIX в. эти вопросы допускались, хотя и с ограничением, продиктованным "единственно верной концепцией". Но изучать советскую эпоху с подобных позиций было почти невозможно. Аксиома гласила: источники советского периода сомнению не подлежат. Тем большими были заслуги С.И. Она в своих семинарах поощряла пусть робкие и неумелые (с нынешней точки зрения) попытки критики советских источников. Конечно, это не было случайностью: ведь С.И. пришла к проблемам советской эпохи, начав как ученый-медиевист. И естественно, не могла уже освободиться от законов и традиций профессии, в каких была воспитана своими учителями. Благодаря ей и ее коллегам сохранилась и воспроизводилась преемственность профессиональной исторической исследовательской работы — от Соловьева, Ключевского, Лаппо-Данилевского. И конечно, ее учителя Е.А. Косминкова.

Педагогическая работа все более увлекала С.И., давала, видимо, ей ощущение и профессионального и человеческого удовлетворения. Ее слова "Я учусь у своих учеников" отражают отношение к такой деятельности. Успехи учеников дарили радость учителю. А учитель щедро делился с учениками не только знаниями, но и увлеченностью, ценностными представлениями, душевными богатствами.

В 1960/61 учеб. г. она объявила спецсеминар по теории источниковедения для студентов 4-го курса дневного отделения. Объявила без особых надежд. Однако в семинар записалось неожиданно много: человек 15. Студенты увлеклись необычным, новым делом, дающим большой простор для размышлений. По воспоминаниям В.В. Кабанова, занимавшегося в этом семинаре, его участникам завидовали и старшие и младшие курсы. О чем здесь только не писали и спорили! С увлечением разрабатывали схемы классификации источников, пытались "родить"

новое, более совершенное определение понятия "исторический источник", разбирали вопросы теории источниковедения в трудах советских историков. Студенты втянулись; и даже самые нерадивые неожиданно для всех, и может быть в первую очередь для себя, выдавали что-то на-гора. С.И. сперва снисходительно, а затем с все возрастающей заинтересованностью участвовала в спорах, ненавязчиво корректируя не слишком квалифицированные суждения. Она давала возможность отстаивать свое мнение. И вот что любопытно: по долгу службы она обязана была строго пенять за равнодушие к ленинской теории отражения и склонность к "буржуазному объективизму", но как ученый и педагог поощряла независимость суждений и приверженность к объективному анализу.

Работая в МГИАИ, она тесно сотрудничала со студенческим кружком по источниковедению, которым руководил и продолжает руководить вот уже более 40 лет С.О. Шмидт. С образованием семинара по теории источниковедения эти связи стали еще прочнее благодаря тому, что ученики Якубовской выступали с докладами в кружке. Доклады были приняты с интересом, породили жаркие дискуссии; в результате ряды заинтересовавшихся теорией источниковедения пополнились.

Работа в кружке и семинаре шла с явным опережением в исследовании тех же проблем историками-профессионалами. Неутихающие споры выходили за стены института и были весьма полезны для будущих историков, которых в те дни и кружок и семинар, как оказалось впоследствии, рождали в изобилии¹.

"Совместное предприятие" дало ощутимые плоды. В 1961 г. в т. 16 Трудов МГИАИ, который был целиком предоставлен кружковцам, вошли и работы, выполненные в семинаре С.И. Якубовской².

Привить навыки, вкус к источниковедческой работе, особенно по истории советского общества, конечно же, мог только человек, сам обладавший отменным вкусом к источниковедению, что, в свою очередь, могло быть лишь порождением бережного следования традициям классической русской школы источниковедения.

Ее ученики активно овладевали техникой источниковедческого анализа. А для некоторых источниковедческие методы стали чуть ли не жизненно важными. Во всяком случае при решении массы житейских случаев они вспоминали добрым словом выучку С.И. Якубовской³.

¹ В кружке занималось более десятка будущих докторов наук и более сотни кандидатов.

² Макаров М.К. О принципах классификации письменных источников: (Историография вопроса) // ТМГИАИ. М., 1961. Т. 16; Кабанов В.В. Некоторые вопросы источниковедения в трудах М.Н. Покровского: (По работам 1917—1923 гг.) // Там же.

³ Из воспоминаний В.В. Кабанова: «Несмотря на наши сравнительные успехи, Софья Иосифовна не собиралась делать из нас теоретиков. Напротив, эти серьезные занятия рассматривались ею скорее как школа, своего рода игра, но не цель. Я написал в семинаре две большие работы (о взглядах М.Н. Покровского, о понятии "исторический источник") и уже на 4-м курсе выбрал тему дипломной работы с сногшибательным названием «Понятие "исторический факт"». Поскольку семинарские работы были выполнены совсем недурно (а часть одной даже опубликована), то я надеялся, что смогу неплохо справиться, по крайней мере на уровне дипломного сочинения, и с третьей темой. Софья Иосифовна не возражала. И на каникулы я ушел с "застолбленной" темой. Каково же было мое удивление осенью, когда Якубовская вдруг заявила: "А, бросьте это все!" и подарила мне фонд Конституционной комиссии по разработке Конституции СССР 1936 г. Фонд — прелесть! Компактный, никем не тронутый. Это была адская работа по текстологическому анализу: 7 основных редакций проекта (не говоря о прочей работе), но страшно интересная. Софья Иосифовна оказалась права: мне необходима была школа хорошей практической работы с источниками, и я ее получил. Мои студенческие работы не прошли мимо научной общественности, я был приглашен на работу в Институт истории АН СССР. И вновь Софья Иосифовна меня удивляет. Сама сотрудник этого института (по основной ставке), она мне заявила: "Зачем вам это нужно? Будете там прозябать. Идите лучше к живому делу, в архив!" Однако упускать такой шанс не хотелось. Я стал работать в Институте истории, но Якубовская снова оказалась права. Да, конечно, институт многое дал, но немало я и упустил. Лишь обращение к архивным документам дало мне новый импульс к работе».

С.И. Якубовская тянула своих учеников в архивы, призывая заняться настоящей работой ("теория теорией, но пора и делом заняться").

Нет, мы не делали фетиша из Его Величества Архивного источника и готовы были вновь в любой момент погрузиться в теоретические споры, только казалось, что время этому не приспело, и всякие теоретические выкладки без весомого знания исторического материала обречены на схоластические рассуждения.

С.И. не чувствовала, вероятно, себя на отшибе и в Институте истории АН СССР. Тут можно было общаться с настоящими профессионалами-учеными, специалистами в отечественной и зарубежной истории. Уже в самом начале хрущевского времени ею в соавторстве с В.П. Даниловым была опубликована в главном историческом журнале статья о необходимости "подчинения" источников советского периода общим профессиональным требованиям: анализу полноты их корпуса, проверке на достоверность и т.д.⁴ В то время (в конце 50-х) на заседаниях в Институте истории АН уже раздавались слова: "нельзя писать научные работы только по газетам!" Сам факт подобных воззваний свидетельствовал об уровне исследовательской культуры — не всех, конечно, но и немалого числа "ученых". А чего стоили дискуссии о применимости термина "критика источника" к документам советской эпохи?! На этом фоне выступление Данилова и Якубовской вовсе не было попыткой ворваться в открытые ворота. Напротив. Замков еще висело предостаточно. (Все ли сняты? Сам факт спора о подлинности известных протоколов к пакту 1939 г. позволял усомниться).

Конец 50-х годов — 70-е годы были временем самой активной исследовательской работы С.И. Две монографии⁵, многие главы в коллективных трудах, исследовательские статьи, наконец, многострадальная докторская диссертация, которую долго мариновали в "инстанциях" — научная продукция тех лет. С концептуальной точки зрения эти труды в определенной части устарели. Оно и понятно: еще два-три года назад едва ли кто-нибудь мог предсказать переживаемый сейчас кризис федеративного государства. "Союз нерушимый" оказался вовсе не столь "единым и могучим", и "социалистический выбор" не таким "бесспорным", как казалось. Но изнутри тех десятилетий Союз воспринимался подавляющим большинством именно "нерушимым, единым и могучим". Думается, дело не только в вынужденном конформизме Якубовской. И не столько в нем. Более — в трудности вырваться за пределы своего времени, обогнать его. Однако в этой части, видимо, далеко не все из сказанного Софьей Иосифовной требует пересмотра. Сам принцип, например, подхода к наследию В.И. Ленина как к факту истории, в частности в вопросе о выборе государственных форм. В отличие от ряда предшественников она проследила эволюцию позиции Ленина в дореволюционных работах (выбор в пользу унитарного государства) и его пореволюционной платформы (признание федеративной структуры)⁶. Уже в таком (сейчас само собой разумеющемся) замысле тогда, в конце 50-х — начале 60-х годов, очевидны и смелость, и нетрафаретность подхода С.И. к текстам, воспринимавшимся как священное писание. Непривычным для работ по истории советского общества было и обстоятельное историографическое введение, включавшее не перечисление, а анализ советской и, что необычно для того времени, "буржуазной" литературы. Оценки некоторым работам немарксистских историков были выдержаны в духе, а подчас и терминологии того времени. Но, во-первых, они отнюдь не стриглись под одну гребенку. Демонстрировались различия в позициях авторов,

⁴ Данилов В.П., Якубовская С.И. Источниковедение и изучение истории советского общества // ВИ. 1961. № 5.

⁵ Якубовская С.И. Строительство Союзного Советского Социалистического государства в 1922—1925 гг. М., 1960; Она же. Развитие СССР как союзного государства, 1922—1936 гг. М., 1972.

⁶ Якубовская С.И. Строительство Союзного Советского Социалистического государства. С. 18—20.

источниковой фундированности их трудов⁷. Во-вторых, что тоже немаловажно, пусть и в критически-осуждающей иногда форме, но читателям предоставлялась возможность познакомиться со взглядами даже антисоветских ученых. Тщательный анализ был проведен и в отношении советской литературы. По традиции в особый раздел Якубовская выделила труды классиков. Но вопреки действовавшей тогда традиции их работы привлекались исключительно "по делу". В них формулировалась в сущности идеология строительства Советского государства. И что очень важно, взгляды основоположников марксизма представлялись в системе и развитии. Их изложение, как было принято, сопровождалось высокостепенными старотипными оценками (и филиппиками в адрес несогласных). Однако метод анализа, имеющий целью проследить эволюцию теории и практики построения многонационального государства и сопровождавшийся подчас весьма тонкими новаторскими наблюдениями⁸, более чем актуален и теперь.

Подробно анализируется советская историческая и юридическая литература. И тоже в развитии — от изданий начала 20-х годов до последних к тому времени работ. Достаточно сказать, что из 375 с. книги 1960 г. историографический раздел занимает более 70 с., не считая ссылок и полемики в основном тексте. Понятно, что в то время Якубовская — не по своей воле — вынуждена была прибегать к очень существенным пропускам, касающимся спецхрановской литературы еще не реабилитированных к тому времени авторов, политических и государственных деятелей. Многие из них появились на страницах книги "Развитие СССР как союзного государства" (1972).

Особое место во введении к книге "Строительство Союзного Советского Социалистического государства"⁹ занимает раздел "Характеристика источников", включающий описание принципов отбора источников, их состава, методов и приемов анализа. Из этого фрагмента можно заключить, что С.И. стремилась мобилизовать все доступные документы, относящиеся к теме исследования. Подчеркнем, что здесь характеризуются лишь общие положения. Основная же источниковедческая и археографическая работа, ее результаты — это весь текст как первой, так и второй книг. В целом состав источников характеризуется так: "Мы старались опираться на комплекс источников, полагая, что одностороннее использование одного какого-либо вида источников не позволит правильно осветить вопрос" (Строительство... С. 80). Ознакомление с их перечнем во введении и тексте подтверждает объективность такой характеристики. Нужно подчеркнуть преобладающую роль архивных документов в корпусе. Что же касается опубликованных, то важно отметить: С.И. не только перечисляет публикации, но и сопровождает их оценкой приемов издания. Это относится к официальным изданиям стенографических отчетов, протоколов, постановлений и подобных им документов высших и центральных органов власти. В оценках, подчас весьма критического свойства, особое внимание обращается на лакуны в текстах опубликованных источников. При характеристике принципов и методов

⁷ Там же. С. 49—73.

⁸ Например, С.И. писала: «В нашей литературе имеет распространение взгляд, что В.И. Ленин сформулировал идею образования союзного государства после победы Октябрьской революции. При этом обычно ссылаются на работу В.И. Ленина "Великий почин" и его "Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным". Такое толкование, на наш взгляд, не является точным. В работе "Великий почин" В.И. Ленин не говорит о преобразовании существовавшей между советскими республиками федеративной связи в союзное государство, а говорит о союзе республик в смысле солидарности социалистических государств». Далее эта трактовка подробно аргументируется (Якубовская С.И. Строительство Союзного Советского Социалистического государства. С. 25—26).

⁹ К сожалению, в книге "Развитие СССР..." историографический раздел сведен к полутора десяткам страниц, а источниковедческий отсутствует.

исследования Якубовская главное внимание, в частности при анализе конституционных актов, обращала на отражение эпохи их создания в тексте документов. "Содержание статей этих документов (Декларации и Договора об образовании СССР и Конституции СССР 1924 г. — А.К.)... было непосредственно связано с конкретной внутренней и международной обстановкой, с политическими и экономическими задачами, стоявшими перед республиками на определенном историческом этапе, со степенью развития республик и характером их взаимоотношений" (Строительство... С. 81). Однако определения влияния эпохи на тексты еще недостаточно. "Необходимо также установить авторство текста источника, выявить первоисточники, лежащие в основе окончательной редакции... Нам удалось полностью выявить первоисточники Конституции СССР 1924 г., установить авторство большинства ее статей. Аналогичная работа, хотя и в меньшем объеме, проводилась нами и над другими источниками: при анализе Положения о центральных органах власти Союза ССР, Закона о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик" и некоторых других (Там же. С. 81—82). Широко использовались сравнительный анализ источников и другие приемы. В совокупности они были подчинены стремлению "избежать односторонности в трактовке событий и дать добросовестный марксистский анализ основных закономерностей... в подходе к источникам... не допускать произвольных извлечений из них, которые могли привести к упрощенному и необъективному описанию процесса. В тех случаях, когда источники отражают эволюцию взглядов того или иного исторического деятеля или изменение позиции того или иного органа, мы всегда отмечали эти обстоятельства, чтобы отразить явления по возможности всесторонне, не в статике, а в динамике" (Там же. С. 82). Последовательная реализация указанных и неперечисленных приемов работы характерна для всех трудов Софьи Иосифовны. И прежде всего реализация нравственных доминант труда ученого — добросовестности и объективности. Сейчас такие методики работы никем, кажется, не оспариваются и в отношении источников по истории советского общества. Вопрос в том, насколько широко они освоены, насколько последовательно применяются. Думается, в этом отношении труды Якубовской и сейчас могут служить образцом для исследователей.

Хочется обратить внимание еще на одно свойство ее трудов: исследованные С.И. документы сами по себе представляют важные, а подчас важнейшие факты, события отечественной (и не только) истории. Поэтому в текстах ее трудов источниковедческое исследование сливалось, совпадало с собственно историческим построением. Можно было бы сказать, что тут проявилась специфика предмета изучения. Однако полагаем, дело не только в этом. Вслед за Якубовской и любой источник можно и нужно толковать прежде всего как факт истории. И тогда источниковедение само предстанет не только как предварительная стадия заготовки "полупродукта", но и в качестве раздела познания, "выдающего награ" готовый результат, по крайней мере в виде знания о культуре своей эпохи.

В 1981 С.И. уволилась из Института истории, еще в 1962 г. прекратила преподавание в МГИИИ. Нездоровье, ухудшавшееся зрение, все более остро ощущавшееся одиночество, смерть мужа. Все это на фоне социально-политического, общественного маразма. Кажется, для Якубовской наступила совершенно беспросветная пора. Однако мужество, привычка трудиться, ясный скептический ум — все это сохранилось в полной мере. Вопреки всему Софья Иосифовна работала буквально до последнего своего ужасного дня. Сохранилась рукопись (машинопись) ее книги первой половины 70-х годов (?), отданная ею А.М. Некричу перед его выездом в США¹⁰. А книга эта — "Выбор пути" — во многих отношени-

¹⁰ Фрагменты были приняты в "Исторические записки", но не вышли в связи с приостановкой издания.

ях замечательна. Она посвящена политической борьбе в партии и государстве с начала 20-х годов до процессов 30-х годов. Иначе говоря, история зарождения, становления и полной победы "сталинской модели социализма". Внимание автора сосредоточено именно на политической и идеологической борьбе по преимуществу в высших и высоких эшелонах партии и государства. Когда позволяли источники, рассматривались и другие уровни. В чем же особенность этого труда? Во-первых, в том, что в условиях глубокого застоя Якубовская взялась именно за эту тему без какой-либо надежды на издание. Невольная ассоциация с литераторами, как и она, работавшими "в стол". Разница в том, что их произведения, а стало быть, их гражданский и профессиональный подвиг теперь становятся широко известными. Между тем дела ученых, отстаивавших достоинство своей науки и своей корпорации, известности не получили. Особенно это касается общественных наук, истории. В какой-то степени объяснение — в том, что их труды устарели. Отчасти это правильно, если иметь в виду теперешнюю, гораздо большую доступность архивов и источниковой базы в целом, снятие запретов с имен и событий, возможность диалога с зарубежными коллегами и т.д. Однако обилие исходных продуктов далеко не всегда гарантирует вкус и питательность готовых блюд. Так ли мало среди множества появившихся в "перестроечные годы" книг и статей, не отвечающих жестким требованиям научного поиска, подготовленных второпях, ради приоритетной публикации сенсационных документов? И много ли чести в разрешенной смелости?

Несмотря на гораздо более ограниченную источниковую базу, книга Якубовской и теперь является не только памятником исторической мысли своего времени и не только фактом духовного сопротивления господствующему разложению. Как раз неполнота документальной основы обусловила стремление к максимально полной мобилизации информации. С этой целью были использованы все возможности археографического и источниковедческого поиска: максимально полное выявление "доступных" источников (и выход за пределы официальной доступности), детальное изучение обстоятельств создания существенно важных документов, истории их текстов, сравнение независимых друг от друга источников. В конечном счете формирование вокруг каждого исследуемого события взаимосвязанной документальной системы. Самый очевидный результат такого ортодоксально-академического отношения к источникам — доказательность заключений и выводов. Заметим, что в отличие от опубликованных работ, в которых довольно часто употреблялись оценочные суждения ("правильно" — "неправильно" и т.п.), в этом труде, априори не предполагавшемся к скорому изданию, такие оценки весьма редки.

"Объективистские" тенденции работ Якубовской прослеживаются в ее творчестве достаточно отчетливо. Именно они были по достоинству оценены идеологическими контролерами. Следствием стала долгая и мучительная процедура утверждения ее докторской диссертации. В этой связи возникает еще одна проблема: в какой мере и в каких случаях подобные заключения в книгах и статьях, увидевших свет, соответствовали убеждениям С.И., а в каких носили служебный характер (ради цензурной и редакционной "проходимости")? Можно обозначить и еще более глубокую проблему концептуального характера: в трудах о строительстве союзного государства С.И. рассматривала дилемму "унитарного или федеративного устройства", акцентируя при этом внимание преимущественно на юридических, "конституционных" аспектах процесса. Реальная эволюция федерации в сугубо централистское государство оставалась в основном за пределами изучения. Впрочем, так же, как и вопрос о добровольности вхождения тех или иных образований в федерацию. Последний решался в самой общей форме, в контексте "разоблачительной" критики буржуазных фальсификаторов истории: "Мало-мальски добросовестное изучение исторических фактов неопровержимо убеждает в том, что установление советского строя на территории Закавказья и

Средней Азии явилось результатом народных революций против эксплуататоров и буржуазных националистов и что вхождение народов Закавказья и Средней Азии в состав СССР было результатом свободно выраженной воли этих народов" (Строительство... С. 66). Необеспеченное серьезным обоснованием утверждение такого рода, конечно, нельзя не рассматривать иначе как вынужденную уступку "внешним силам". Судить по нему об истинных представлениях С.И. по крайней мере некорректно. Что же касается форм государственной организации, примечательно следующее рассуждение: "Конфедерация является одной из форм государства. Партия осудила троцкистскую идею превращения союзного государства в конфедерацию, так как это противоречило стремлениям советских народов и было бы шагом на пути их разъединения. Но партия, однако, не отрицает конфедерации как формы государства и в определенных конкретных исторических условиях считает такую форму прогрессивной" (Строительство... С. 43—44). Оценки типа "правильно—неправильно", относящиеся к анализу тех или иных суждений предшественников-историков, в значительной части соответствовали взглядам автора. К оценке позиций участников событий такие категории обычно не применялись, поскольку эти позиции рассматривались в качестве исторических фактов. Оценочные элементы в тексте выступали поэтому в иных формах.

Этот подход — "источник — факт истории" — характерен и для отношения Якубовской к документам в ее последней книге. Разумеется, он присутствовал и в более ранних опубликованных трудах, где конституционные акты, их варианты, партийные и другие документы рассматривались в качестве не только носителей информации, но и актов политического действия. В работе о политической истории нашего государства в 20—30-е годы подобная интерпретация документов проводилась еще более последовательно. Так что, как правило, документ и факт, по сути дела, отождествлялись. В отношении источников официального и "делового" характера это более или менее очевидно. Несколько иначе обстоит дело с материалами прессы. В отличие от опубликованных книг, где журнальные и газетные публикации нашли лишь ограниченное применение¹¹, здесь они используются гораздо шире. И именно как действия (а не просто сообщения о них), направленные на формирование общественного мнения своего времени, как политические акции, нацеленные авторами на решение тех или иных общих и частных задач.

Сравнение этой (неопубликованной) и других более ранних (напечатанных) работ выявляет некоторые ее особенности, позволяющие приблизиться к пониманию профессионального кредо Софьи Иосифовны и вместе с тем более общих явлений исторической мысли. В последней работе видна гораздо большая персонафицированность исторического процесса, причем не в назывательно-перечислительной, списочной форме (которая до сей поры часто фигурирует в исторических сочинениях). Люди здесь выступают в качестве "физических субъектов" политического действия, авторов идей, носителей мнений, исполнителей, наконец, иной воли или ее жертв. Характеристика событий через деятельность конкретных персонажей истории менее ощутима в иных работах, особенно в "Строительстве..."; еще слабее — в "Развитии СССР как союзного государства". Сходная закономерность: зависимость от хронологии (= ситуации) и опубликованности проявилась и в прямо противоположном, а именно в наличии и количестве идейно-политических клише и трафаретов, специфически партийной лексики. Все это занимает в текстах работ неодинаковое место: весьма скромно представлены

¹¹ "Материалы периодики по своему удельному весу занимают одно из последних мест в ряду использованных источников, ибо они не дают возможности полно и последовательно раскрыть закономерности исторического процесса" (Якубовская С.И. Строительство... С. 79).

в "Строительстве...", существенно чаще встречаются в "Развитии..." и практически отсутствуют в последней книге. Впрочем, тут они тоже имеют место, но в цитатах документов 20—30-х годов, и оправданны, поскольку позволяют представить способ и формы мышления участников и творцов истории.

В заключение хочется сказать: судьба назначила большому ученому и мудрому человеку — Софье Иосифовне Якубовской трагическое время для жизни и труда. Однако и в свою эпоху она сумела достойно прожить жизнь, совершив все, что могла. И более.

С.О. Шмидт

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.Н. ТАРНОВСКОГО*

7 октября 1991 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Константина Николаевича Тарновского. 8 июля 1987 г. он скоропостижно скончался. И хотя было летнее каникулярное время, похороны собрали очень многих — и умом понимали и сердцем чувствовали, как велика утрата. Потерю эту ощущаем по сей день.

Потому собирались и в Московском историко-архивном институте 27 мая 1988 г. и встретились опять на совместном заседании Археографической комиссии и Научного совета, возглавляемого П.В. Волобуевым, 15 октября 1991 г. не только в дань памяти. Но и чтобы, слушая и наблюдая друг друга, снова прикинуть к образу Константина Николаевича и к восприятию его, хоть на краткий миг возвратить это очарование.

На моем веку пришлось расстаться со многими, кто в той или иной мере был спутником жизни. Более того, уже пришло понимание мудрой естественности слов Тютчева:

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных.

(Только великий поэт-мыслитель осознал это тогда, когда был в два раза моложе.) Теперь уже ясно, что К.Н. не покинет моей души. Но именно К.Н. из ушедших от нас историков моего поколения более других, врезался в память и людям значительно более молодым. И не потому только, что сделанное им все прочнее закрепляется в представлении о прогрессивном в ходе развития советской исторической мысли. А и оттого, что у всех знавших К.Н., слышавших его выступления, глубокое впечатление оставила Личность его. Потому-то напечатанные посмертные статьи о К.Н. Тарновском, характеризующие его вклад в науку, отличает необычная душевность интонации¹.

Размышления над проблемами историографии, о природе отношения научной и широкой общественности к тем или иным историографическим явлениям убеждают в том, что при воссоздании широкого и правдивого представления о ходе развития исторического сознания общества (и уже — собственно научной исторической мысли) нельзя ограничиваться отражением в изданиях и переизданиях. Зачастую не менее важно то, что оказывало и иным путем воздействие на ум и душевный настрой современников, определяя исторические построения — лекции, научные доклады и их обсуждения, занятия со студентами и аспирантами, беседы и споры. Е.А. Косминский обосновал значение такой источниковой базы историографии еще в своих лекциях 40-х годов: "Настроения, господствующие в исторических журналах, в исторических статьях эпохи, часто наиболее отчетливо выражаются отнюдь не в крупных произведениях того или иного большого писателя", а основные тенденции развития исторической науки "чаще приходится

* В основе статьи выступление на заседании 15 октября 1991 г.

¹ Дубенцов Б.Б. Константин Николаевич Тарновский (1921—1987)// АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 331—333; Емец В.А., Шелохаев В.В. Творческий путь К.Н. Тарновского // ИЗ. М., 1990. Т. 118. С. 202—221.

улавливать не столько в творчестве крупных историков; сколько в общей атмосфере целых исторических течений, в периодической литературе, дискуссиях и т.п."² Тем более что, как замечено давно, "ум наш природы изустной, а не письменной" — слова П.А. Вяземского, напечатанные в пушкинском "Современнике". Напомню о форме деятельности первых читателей этого журнала Т.Н. Грановского и Н.В. Станкевича и о кружке Герцена, о переписке Н.П. Павлова-Сильванского с А.Е. Пресняковым и Г.В. Чичериным³, знаменитом семинаре А.С. Лаппо-Данилевского в предреволюционные годы, и воспоминания уже наших современников о выступлениях Б.А. Романова, Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина, Н.Л. Рубинштейна и других, об утверждении в воспоминаниях Б.А. Рыбакова: "В 1920-х — начале 1930-х годов историческая среда кипела и бурлила. Опубликованные материалы едва ли отражают и двадцатую долю того, что происходило тогда на историческом фронте"⁴.

Так и опубликованное К.Н. Тарновским, и даже труды его, изданные посмертно, далеко не полностью отражают свершенное им и не дают истинного понятия о месте, которое он занимал в среде историков. И потому, не будучи специалистом в сфере основной проблематики исследований К.Н. Тарновского, попытаюсь передать сложившееся впечатление именно об этом.

К.Н. Тарновский был на редкость цельной натурой. Ученый и человек в нем неотделимы один от другого. Как и мир науки и каждодневности. Он был ученым-исследователем и организатором науки, пропагандистом знаний, педагогом по призванию. И в общественной его деятельности, даже в быту сразу же ощущался подход исследователя, обнаруживались пути наблюдения и выводы ученого, а в сферу своих научных размышлений К.Н. вбирал и далекое, вовсе не связанное с проблематикой его исследований. Его ассоциативное поле необычной широты и вместимости. А так как К.Н. был чужд равнодушию и, начав что-то делать, писать, говорить, непременно заинтересовывался, выявлял для себя (а следовательно, чаще всего и для других) нечто новое, то, возбуждая мысль, вызывал у окружающих новый прилив творческой энергии.

Чужды были ему и рисовка, сочинение какой-либо позы. Он не избирал для себя роль лидера, еще менее боролся за лидерство, а становился лидером как бы произвольно — и не только на трибуне и вузовской кафедре, но и в беседе, в домашнем кругу. Этому способствовало и его серьезное отношение ко всему, что он делал, недопустимость для себя штампованного пустословия, прикрывающего обычно безответственность и уклончивость мысли. К.Н. уважительно, а чаще всего и заинтересованно воспринимал собеседника, участника прений, и люди к К.Н. тянулись (а во время заседаний именно к нему и обращались), уверенные именно в его ответной реакции. И мотивированное несогласие его было более дорогим и важным, чем у других безучастное поддакивание поддержки. Сразу чувствовались и открытость (отсутствие двойного дна) и незаурядность Личности, высота ее духа. Тем более что и во внешности К.Н. — особенно когда не по годам рано поседел, сохранив при этом шевелюру, — было что-то от генерала Ермолова, а Ермолов, как известно, и в отдалении от внешне видимых значительных дел казался львом.

К.Н. был богат мыслями, щедро делился ими. Отнюдь не цеплялся за "авторство". И теперь нелегко установить: каким из соображений, впервые сформулированных или хотя бы высказанных в порядке постановки вопроса по проблематике истории России периода империализма или историографической, — дал жизнь

² Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. С. 10.

³ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 544—573.

⁴ Рыбаков Б.А. Учитель многих // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 115.

именно К.Н. Многие затем развивались другими (и сам он немало воспринимал от других), и подчас забывалось о первородстве именно Тарновского. Он был человеком не монолога, а диалога, даже в докладах и лекциях.

Ученики мои слышали не раз, еще при жизни К.Н., а затем это довелось сказать в час прощания с ним, что именно К.Н. Тарновский всегда представлялся мне наиболее значительным ученым моего университетского поколения в области отечественной истории (как В.В. Дорошенко или А.П. Каждан в области всеобщей истории). Почему именно К.Н. Тарновский?

Да потому, что ни у кого другого не было столь органического сочетания склонности и способности к глобальному мышлению, социологическим и культурологическим построениям и обобщениям (а этот дар уже сам по себе редчайший) со склонностью и способностью к скрупулезной источниковедческой работе, к выработке и проверке и самих приемов исторического исследования. Он был и мыслителем и ремесленником, как сказал Белинский о Карамзине, сравнивая его с Фюранванти, одновременно зодчим и каменщиком. А так как К.Н. не только был человеком науки, точнее сказать, ученых интересов, а любил и понимал искусство и художественную литературу, то и историю видел отнюдь не схематично, а образно и конкретно.

Поражала и в то же время казалась естественной для него тематическая широта охвата явлений прошлого. Выделяясь еще в годы учения в университете глубинным интересом к проблемам истории российского капитализма, он стал известен и статьей об особенностях развития производительных сил у восточных славян в дофеодальный период. А уже в 60-е годы сумел написать обобщающую работу, в которой сравнительно рассматривались пути исторического развития России и Индии в новое время.

Перед умственным взором К.Н. всегда было не только историческое явление, но и пути его познания — сама методика исследования привлекала его не менее, чем обоснование формулировки конечных результатов. Потому-то в трудах К.Н. органичен элемент историографии (не как свидетельство знания имен предшественников и посему как бы обязательный поминальник-фриз на колонне собственного построения, а как путь освоения мысли об исследуемом). При этом К.Н. полагал недопустимым ограничиваться трудами собственно историков, он обращался и к работам экономистов, юристов, социологов, даже географов, разносторонне анализируя и сопоставляя все эти сочинения в своих собственно историографических трудах. К.Н. творчески воспринимал бывшее до него и, если находил там то, что сохраняет свою ценность, не стеснялся повторять это и, более того, всячески пропагандировал мысли таких авторов, подчас возвращая их имена науке.

Это позволило К.Н. в широком плане подходить и к специально историографическим сюжетам. Как мастер исследования, он ценил и почитал даже перво-степенным историографическим фактом не только концепции, но и отношение к источниковой базе, методику ее освоения и пополнения. Источниковедение во всех его сферах казалось К.Н. не менее значимым для историографии, чем конструирование концепций (оригинальных или противостоящих предшествующим). Он как бы проверял на себе и приемы исследовательского мастерства других. И археография для него была неотрывно связана с источниковедением — особенно это проявилось при подготовке (на рубеже 70—80-х годов) фундаментальной публикации "Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства" периода первой мировой войны.

И к ленинским сочинениям К.Н. подходил как источниковед, стараясь выявить извивы ленинской мысли, источники информации, способы и направленность интерпретации данных. Особенно показательна его работа последних лет о

ленинских тетрадах по империализму, являющаяся образцом археографического и историко-архивоведческого труда⁵.

Воспитанный в лоне социокультурных идеалов марксизма и на примере энтузиастической деятельности людей круга его родителей, бескорыстно отдававших силы построению "новой жизни", К.Н. и после разоблачения злодеяний времени культа Сталина оставался верен воззрениям своей юности; "сталинизм" ему представлялся прежде всего искажением "ленинизма". Особенно близка его настроением была направленность редколлегии "Нового мира" Твардовского. И К.Н., ограниченный в познании ленинского наследия лишь тем, что сочли допустимым опубликовать, старался в сочинениях Ленина выявить подходы к пониманию истории России XX столетия и путей ее изучения — более широкие и научно-перспективные, чем предписывались в идеологической цитадели партюкратии, и донести до других правдивые представления об истории становления коммунистической партии, борении в ее рядах, о романтиках коммунистической идеи и социалистического строительства.

Широта понятий, методическая основательность и четкость представлений о ремесле историка, заинтересованное отношение к мыслям предшественников и оппонентов привлекали к К.Н. ученых старших поколений не менее, чем его личное обаяние, коммуникативность и осязаемое самоуважение (напомним, что именно самоуважение особенно дорого ценил в себе Карамзин). Характерно, что Н.М. Дружинин, который для многих на протяжении десятилетий был примером уважительного отношения к работам других и в то же время образцового обоснования и оформления своих трудов, именно его выбрал себе в помощники при подготовке книги "Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР", ставшей вехой в развитии нашей историографической мысли.

У Н.М. Дружинина К.Н. учился и методике научно-редакционной работы, переняв манеру академика не писать за автора, а советовать ему, обосновывая свои замечания и пожелания (в том числе и в стилистике сочинения). К.Н. вообще никогда, даже сам став Учителем, не переставал быть и Учеником, творчески воспринимая новое даже к младших по возрасту, не говоря уже о старших. К.Н. Тарновскому по-человечески очень симпатизировал М.Н. Тихомиров, любивший беседовать с ним и дома (они жили оба в высотном здании на Котельнической набережной); и К.Н. Тарновский вспоминал об этом на Тихомировских чтениях 1983 г. Общением с К.Н. дорожили С.Д. Сказкин, А.В. Арциховский. А Б.А. Рыбаков часто — и на заседаниях в Отделении истории и беседах — говорил о К.Н. как об особо даровитом и образованном историке, отстаивав необходимость включения его в состав ученых советов и редколлегий. Ученые эти при различии их подходов к людям, манеры поведения, даже стиля мышления видели в нем исследователя большого масштаба и привлекательного человека. Сознательно ограничиваюсь именами знаменитых "стариков", проблематика трудов которых не связана непосредственно с основной тематикой исследований К.Н.

А уж теми, кто был занят разработкой проблем истории империализма в России, К.Н. воспринимался как авторитетнейший знаток материала и ученый-новатор (особенно петербургскими учеными). К его слову прислушивались, его мнением особо дорожили, и, напротив, суждений его особо опасались; ему завидовали. По существу именно К.Н. был главным выразителем того научного направления, которое связываем с именем А.Л. Сидорова, основным генератором идей среди учеников Сидорова. Не случайно ему было доверено фактическое руководство подготовкой VI т. многотомной "Истории СССР", он и официально был заместителем главного редактора тома и председателя соответствующего Науч-

⁵ Тарновский К.Н. "Тетради по империализму" как часть личного научного архива В.И. Ленина: время создания, структура, принципы организации // АЕ за 1987 год. С. 3—15. Об обсуждении доклада К.Н. Тарновского 18 декабря 1986 г. см. там же (с. 317).

ного совета. А.Л. Сидоров и супруга его Г.В. Лебедева и лично с большой приязнью и заботой относились к К.Н., который сначала жил и работал у них на даче в Кратово. Затем я помог ему снять дачу близ своей, на следующей станции "42-й километр", где К.Н. и проводил по нескольку месяцев в последние 17 лет своей жизни. Там-то особенно часто мы виделись и беседовали.

На даче и во время прогулок возвращались и ко времени работы К.Н. над статьей памяти А.Л. Сидорова. Тем более что незадолго до того внимание К.Н. привлекла моя статья "Памяти учителя" о М.Н. Тихомирове, и мы могли рассуждать об основах, особенностях и источниковой базе биографического жанра в историографии. Статья о А.Л. Сидорове (напечатанная в 1967 г.) очень показательна для унастроений К.Н., понимания им критериев оценки творимого ученым, образа жизни и деятельности ученого, и, конечно же, сделанного Сидоровым и его учениками в исследовании России периода империализма. Думается, что в постановке автором вопроса: каким должен быть "крупный ученый", "основатель и руководитель четко выраженного научного направления" и "глава коллектива исследователей, связанных не столько производственной дисциплиной, сколько общностью проблематики, общими ведущими идеями и положениями", вырисовываются требования, которые К.Н. желал бы предъявить и к самому себе.

Такой ученый должен лично участвовать в исследовательской работе, обладать методологической зрелостью, иметь "особую склонность и вкус к разработке теоретических проблем науки". Ему "должна быть свойственна не только широта научного кругозора", "но и обостренное чувство нового, отчетливое понимание перспектив развития науки. Без этого нельзя систематически питать новыми идеями творческий коллектив, нельзя корректировать ведущуюся им работу. Необходимы, наконец, и такие особенности характера, которые привлекают к себе людей, вызывают желание общаться и совместно работать"⁶.

Думается, что эта статья, впервые, пожалуй, с такой четкостью подчеркивающая сформирование "определенного научного направления" и то, что "новая точка зрения утвердилась в качестве особого направления в исследовании аграрной эволюции России периода империализма"⁷, сыграла будирующую роль в деятельности работников ЦК КПСС, закрепив в их сознании представление об опасности самого термина "новое направление" при обязательности насильственно насаждаемого единомыслия в исторической науке (впрочем, как и в других общественных науках).

Полагаю, однако, что неверно было бы видеть причины событий того времени лишь в противостоянии работников ЦК и последователей взглядов Сидорова и его учеников и вообще в противостоянии научном и идеологическом воззрений на ход истории России в XX в. Не меньшее значение имели обстоятельства борьбы за власть в верхнем эшелоне партийной науки — С.П. Трапезникова и его приближенных, с одной стороны, и П.В. Волобуева и поддерживавших его групп или лиц — с другой. Не обошлось и без антисемитской подоплеки — ведь у названных в соответствующих документах сторонников "нового направления" нерусские фамилии. Таковой считали первоначально и украинскую фамилию Тарновского.

События на историческом фронте 1971 г. сыграли зловещую роль в судьбе К.Н. Тарновского. Его не утвердили в ученой степени доктора исторических наук после блестяще защищенной диссертации, старались отодвинуть от передового края академической науки, отлучить от общения с научной общественностью и студенчеством. И тут фронтовик Тарновский проявил особое мужество и обна-

⁶ Тарновский К.Н. Путь ученого // ИЗ. 1967. Т. 80. С. 207—208.

⁷ Там же. С. 242.

ружил большую мудрость. Он и не поступился своими научными взглядами, своей совестью; более того, составил по тем временам очень дерзкий и детальный ответ на отзыв ответственного работника ЦК КПСС на его диссертацию, показав не только научную несостоятельность, но и недобросовестность отзыва. И не злясь, даже нарочито избегая разговоров на такую тему, наблюдал, как при жизни автора, не называя имени (или даже понося это имя), растаскивают по частицам содержащееся в его непубликуемых трудах, присваивая себе его теоретические положения и конкретные наблюдения. Разочаровавшись в иных искавших ранее его близости, К.Н. отнюдь не утратил доверия к людям и умел с радостью первооткрытия находить в них доброе начало, своеобразие мысли и поведения. К.Н. был, пожалуй, слишком доверчив и открыт. Он не допускал для себя в душе тяжелой ноши подозрительности. Но был всегда решительным и даже жестким в противостоянии тому, что признавал злом. Душевное здоровье исходило от него даже в дни сильного физического недомогания (а его переносить К.Н., в молодые годы отличавшемуся завидной крепостью здоровья, было, видимо, совсем нелегко).

Некоторые характеризуют К.Н. как "шестидесятника". Это и правильно, и не совсем точно. Он, конечно, среди тех, кто первым после XX съезда КПСС стремился действительно внести изменения в наше общественное сознание, в ход развития нашей исторической науки. Но не следует забывать, что к тому времени он был уже не молод, имел за плечами опыт войны, рано пришедшее научное признание. И особенно существенно то, что К.Н. был одним из немногих старших, кого молодежь признала своим. В этом плане приходит на память образ Твардовского. Тем более что К.Н. его особо почитал, многие его стихи знал наизусть и часто цитировал. И если Твардовский — общественный деятель — во всем оставался прежде всего писателем и в общественном служении видел долг литературы, то и Тарновский более всего ценил общественное призвание науки истории и право свободного научного творчества историка. Служба близ партократических вершин и общение с лицами, там подвизавшимися, не казались К.Н. заманчивыми. У него было откровенное неприятие того, что делали Сулов и его окружение. Он дорожил самостоятельностью суждений и очень тяготился, если приходилось выражать свои мысли в плане какой-то навязанной схемы, тем более принуждать других приспособляться к очередным "установкам".

А отторгнуть К.Н. от науки было уж вовсе не мыслимо. Вряд ли кто другой сумел бы после написания диссертационного исследования "Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки" (автореферат напечатан в 1970 г.)⁸ перейти к новой проблематике и написать новую докторскую диссертацию, но уже на другую тему — о газете "Искра" и ее роли в развитии революционной мысли и организации революционного движения. И начать другие — уже не диссертационного плана — исследование новой тематики (монографию о мелкой промышленности в России рубежа XIX и XX вв. он успел подготовить к печати). Архив излечивал его даже после инфарктов, излечивало присущее ему чувство радости творчества.

Ясно было, что и широкую аудиторию нельзя было лишать Тарновского, и его самого лишать этого дорогого для него общения. Удалось приобщить К.Н. к учебным телепередачам по истории для IX класса. И когда работники телевидения убедились, как это хорошо получается, ему доверили вести весь цикл таких телепередач, хотя в Отделе науки ЦК КПСС и пытались тому воспрепятствовать. Удалось организовать и выступление в "Комсомольской правде" со

⁸ Исследование это издано посмертно в 1990 г.: *Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России начала XX в.: Советская историография середины 50—60-х годов* / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1990.

статьей — это затем привело к созданию научно-популярной книжки об "Искре", а позднее и новой докторской диссертации.

К.Н. — прирожденный пропагандист знаний, педагог-просветитель, воспитанный еще дома в таких традициях. Его талант педагога рано проявился на историческом факультете МГУ. И было обидно за нашу молодежь и тянущуюся к преподаванию, публичных выступлений. Н.П. Красавченко, назначенный новым ректором МГИАИ, очень правильно и благородно поступил, когда сразу же предложил К.Н., не имевшему еще тогда профессорского звания, преподавать там.

К.Н. — отличный лектор и вдумчивый, щепетильно внимательный к студентам и в то же время настойчиво требовательный руководитель семинарских занятий. В лекциях его отличали сочетание логической четкости и ясности, последовательности изложения с образностью, особая манера размышления на виду у слушателей, введение в лабораторию своей мысли. И это самое важное — факты, даты обычно забываются, а методы подачи материала, ощущение первичного восприятия остаются надолго. К.Н. всегда рассчитывал на творческое соучастие, а не на запоминание. И занятия его становились школой воспитания исторического мышления.

Не раз доводилось быть свидетелем его выступлений на заседаниях студенческого научного кружка источниковедения в МГИАИ, где его особо почитали и любили. И чувствовалось, что такие встречи давали много не только кружковцам, но и самому К.Н. — он как бы проверял свои построения. То же наблюдалось во время бесед с кружковцами, приезжавшими на дачу. Ему было интересно выяснить, как молодые — даже лишь начинающие приобщаться к науке — думают, воспринимают, то, что его волнует, какой отклик это находит в их среде, в какую сторону направляет их мысль. Но К.Н. заинтересованно говорил и о темах их работ, подчас далеких от того, чем он тогда занимался и о чем выступал с докладом. Охотно читал студенческие сочинения молодых людей, рекомендовал их к печати, помогал устраиваться на работу.

К.Н. был гостеприимным, радушным и в духовном общении, и в быту. И здесь тоже одно неотделимо от другого. И в московской квартире и на даче Мара Платоновна и К.Н. всегда умели угостить (причем тем, что было под рукой), и как разгорались шишки в самоваре, так же расширялся круг тем разговора. И даже в навязанной вами теме К.Н. вас же обогащал, одаривал мыслями, неожиданными соображениями и образными сравнениями. И отнюдь не только в сфере науки и бытия историков (что его, конечно, тоже волновало), но и во многом другом: искусстве и литературе (К.Н. — автор книги о композиторе Н.В. Богословском, его соседе по дому и нередко участнике его застолий, автор работ о драмах А. Блока, и даже в воспоминаниях о войне он скромно остановился на эпизоде, связанном с музыкой и песней)⁹, политике, жизни. Это был широкоохватный человек. Таким К.Н. знали имевшие радость общения с ним.

И как недостает именно К.Н. Тарновского теперь, когда задумываемся над путями, пройденными нашим обществом и нашей наукой, о ее дальнейшем движении. К.Н. казалась особо значительной мысль А.Л. Сидорова, подчеркивавшего, что «для того, чтобы не ошибаться в итоговых выводах, нужно очень хорошо изучить конец процесса, т.е. момент наиболее полного развития и разрешения заключенных в нем противоречий. Тогда при исследовании ранних стадий процесса можно с большим основанием "разглядеть" основную линию развития, отделить главное от случайного или сопутствующего»¹⁰. Происходящий на наших

⁹ Тарновский К.Н. Неизвестные песни о Сталинградской битве // В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. С. 93—97.

¹⁰ Из. Т. 80. С. 215.

глазах распад государства, которое характеризовали как социалистическое, и его идеологии, поведение некоторых людей. с легкостью отбросивших и клеймящих то, чему прежде поклонялись с нарочитой аффектацией, а зачастую и использовали не без корысти, побуждает по-новому подойти ко многому в шкале ценностей. Живой конструктивный ум К.Н. Тарновского — залог того, что он не стал бы придерживать не выдержавшего испытание временем. Но как непросто было бы ему сейчас при глубоко присущем чувстве самоуважения менять что-либо в своих построениях об историческом пути России XX столетия!

Значение сотворенного ученым-историком определяется не только тем, в какой мере его выводы и наблюдения остаются незыблемыми с дальнейшим развитием науки и общества, но прежде всего тем, в какой степени он способствовал прогрессивному движению исторической мысли, поддерживал и возбуждал силы, за которыми оказалось будущее. А Константин Николаевич Тарновский был всегда впередсмотрящим. И думается, что к образу его — ученого и человека еще не раз обратится историческая мысль.

А.А. Курносов

О К.Н. ТАРНОВСКОМ

Очень трудно рассказать о живом любимом человеке. Именно живом... Частенько, как прежде, пусть, мысленно, набираю номер, слышу ожидающее — протяжное "Алё-е". "Здравствуйте, товарищ полковник — Здравствуйте, товарищ маршал". А потом на полчаса, а то и больше разговор — и об истории, политике, реже — о людях. Может потому, что понимая значимость своего мнения, он оберегал от него собеседника. И вот в этом, может быть, характернейшее свойство КаЭна: собеседник был ему интересен своей особостью. Не в качестве зеркала. И он как-то незаметно, вероятно и неосознанно умел помочь открыться этой самой особости. И непринужденностью тона, неспешностью, раздумчивостью ритма и, главное, заинтересованностью в предмете и в человеке. А еще и эстетическим началом в разговоре: свободой и непринужденностью рождаемых на ходу ассоциаций, вспышек мысли, смешными сравнениями. Мне кажется, он был подлинным эстетом во всем. Наслаждался собственной работой, чужой мыслью, прекрасной музыкой, вкусной едой, а, может быть, важнейшим предметом его любования были люди. И отвращения тоже. Истинный аристократ во всем, он никогда не унижался до самоутверждения за счет унижения других. Напротив, естественное, может быть, врожденное ощущение самоценности предполагало самоценность других и своеобразное коллекционирование, а точнее — их концентрирование вокруг себя. "Что ты думаешь о N...? — Я его не знаю. — Зря. Присмотрись". Каждое такое открытие его радовало. А "закрытие" глубоко, горько и долго переживалось. И едва ли когда-нибудь совсем снималось. Рубил он беспощадно. Даже с близкими когда-то людьми. Но для этого они должны были задеть какие-то очень глубокие струны его натуры: например, когда действительно способные люди жертвовали настоящим успехом в узнавании истории ради карьеры. Внешние признаки и знаки успеха конечно не были ему безразличны, однако ценились не очень высоко. А вот ощущение истинного продвижения к новому знанию радовало. И еще: ему, кажется, очень важно было именно ощущение движения. Поэтому-то с таким удовольствием разговаривал К.Н. о своих (и других людей) находках, если собеседник усматривал возможности их развития, выводил из "посылки" — следствия, обнаруживал потенциал мысли. Похоже: закрытость, завершенность того или иного построения его отталкивали. А может и наоборот, привлекали, вызывая желание отыскать в монолите щелочку, превратить ее в брешь и поглядеть: а что там дальше? Мне кажется, таким было его отношение к марксистско-ленинской доктрине российской истории. Он не отвергал ее, но отталкивался от нее прежде всего в решении сверхзадачи: что же такое наша Великая Октябрьская социалистическая революция. И по моему его объяснение куда глубже и основательнее тех, что теперь возобладали в общественно-историческом сознании: революция — не есть продукт заговора большевиков-беспредельщиков, но следствие того, что именно в России завязались в узел все силовые линии противоречий, накалявших атмосферу в Европе и мире. (Тут видим еще одно свойство К.Н.: потребность и способность видеть Россию в мире, а мир — в России. Высокая образованность и эрудиция, желание "заглянуть за край" обеспечивали такое глобальное видение исторических проблем.) Победу большевизма он тоже объяснял, тем, что выбор

был не только между Корниловым и Лениным, но еще и опасностью полного распада российской государственности. И победила идея государственности именно в большевистском варианте потому, что Корнилов представлял скомпрометировавшее себя известное, а Ленин обнадеживавшее неизвестное, которое сулило и прямой и близкий результат: мир и землю. (А иначе как понять то, что большая часть офицерского корпуса пришла в Красную Армию?)

О том, как тонко и остро чувствовал К.Н. современность, может даже о способности предвидения говорит, например, его острейший интерес к мелкой промышленности, кустарям. Он сам удивлялся, сколь весома была эта доля в экономике России.

В этих и многих иных случаях проявилось очень важное для К.Н. из сферы философии истории начало, мысль, к которой он много раз возвращался, рассматривая ее и в общей форме и в приложении к конкретным проблемам. Речь об альтернативности в истории. Он все дальше уходил от трафарета: "история не терпит сослагательного наклонения". И тем самым отказывался от спрямления процесса, вольно или невольно ведущего к фаталистической предначертанности. Получалось, что непобедившие силы реализовывали себя в явной, отчетливой тенденции, наличествовавшие в потенции, почти только в умозрении представлялись реально действующим фактором общественной жизни. И верно: может быть ярчайшим доказательством оправданности такого подхода был 37-й и другие годы. Пусть угроза со стороны оппозиции на 99% присутствовала лишь в воображении Сталина. Но ведь эта умозрительная конструкция привела к вполне реальной трагедии тогда (и, к сожалению, осуществилась-таки с громадным опозданием только теперь).

Так или иначе, рассматривая альтернативные варианты развития К.Н., мы гораздо глубже и полнее можем понять и объяснить прошлое, нежели с позиций лишь объяснения неизбежности состоявшегося.

Вообще К.Н. ни в коем случае не был скептиком. Способность без шор видеть и чувствовать реальность прошлого, интерес к гносеологии, движению познающего ума, в том числе рефлексии собственной мысли позволяли ему понять логику чуждых, даже закостеневших построений, отыскать их исходное здоровое начало и повернуть его в перспективу. Прекрасный пример такой работы — его исследование ленинских тетрадей по империализму, когда по факсимильному воспроизведению двух-трех страничек рукописи в ПОС он путем тончайших аналитических операций пришел к весьма существенным выводам о процессе формирования ленинской концепции империализма. В этой связи трудно удержаться от того, чтобы заметить какую-то парадоксальную иронию истории и судьбы человеческой: Тарновский активно мечтал о том, чтобы поработать с подлинниками. Но известные семь замков для других по отношению к нему были усилены и умножены. Но это привело к усовершенствованию, рафинированию исследовательской методики. И она приобрела самооценность безотносительно даже к конкретному предмету изучения. Ведь в этом эпизоде можно увидеть один из самых первых ростков "неографии".

С потребностью в рефлексии, вообще с творческим началом в натуре К.Н. соседствовало великолепное чувство юмора, иронии и самоиронии. И сейчас вижу его готовые к улыбке глаза. Редко, однако отражалось и другое: насмешка, а то и брезгливое нежелание видеть, слышать, заметить.

Кончу тем же, чем начал. Тарновский не закрылся тогда, когда ушел. Со временем, видится, ценится все глубже и полнее его человеческий и научный потенциал. И потому он с нами.

В.Д. Назаров

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Д. ГОРСКОГО

В наследии видного советского специалиста по истории отечественного феодализма, насчитывающем примерно 150 работ¹, сравнительно немного таких исследований, которые по чисто формальным, внешним признакам относятся к указанным в заголовке отраслям исторической науки. Их вряд ли более 10, может быть, 15. Но не только ими оправдывается правомерность нашей статьи. Названные сюжеты присутствуют в большинстве трудов А.Д. Горского и соответственно требуют изучения и учета. В небольшой статье трудно произвести исчерпывающую инвентаризацию наблюдений ученого по всем конкретным и общим вопросам источниковедения и специальных дисциплин. Но в том и нет нужды. Работы Горского находятся и, полагаем, еще долго будут находиться в живом научном обращении; в скрещении множества разноречивых оценок объективно сложится определение места высказанных им идей. Сейчас важнее выявить у него внутреннюю связь между постановкой задач общеисторического плана и применявшимся аналитическим инструментарием, нащупать логику в соотношении различных методик, установить, как он представлял эволюцию исторических воззрений, иными словами, дать скорее обобщенную и предварительную характеристику изысканий А.Д. Горского в упомянутых выше областях исторического знания.

В принципе любая профессионально выполненная работа на любой исторический сюжет и в любых хронологических границах немислима без авторской рефлексии по поводу трудов предшественников, используемых материалов, наконец, относительно методов извлечения из них свежей и достоверной информации. Когда такой рефлексии нет, то перед нами или промежуточный этап в процессе изучения проблемы (получивший выход в печать по тем или иным соображениям), или другой жанр (не строго научный, а публицистический или популярный), или же самоочевидный показатель некомпетентности автора. Многократно возрастает значение подобных исследований тогда, когда ученые обращаются к эпохам, скудно освещенным дошедшими до нашего времени письменными источниками. Русскому средневековью на вполне "законных" основаниях здесь принадлежит одно из первых мест. Соответственно в отечественной историографии высокая культура источниковедческих разысканий стала нормой сравнительно давно, как и профессиональное владение набором специальных дисциплин. Традиции нарабатывались и закреплялись здесь поколениями русских историков.

В этой статье не место обсуждать сложнейшие вопросы состояния указанных отраслей знания в период становления и последующего развития советской исторической науки. Несомненно, они требуют серьезного пересмотра. Важно, однако, подчеркнуть, сильное деформирующее воздействие фактора политизации, идеологизации науки, что сказалось на уровне источниковедения, специальных дисциплин самым различным образом, в основном негативно.

¹ Список печатных трудов А.Д. Горского см. наст. том. С. 260—263. Кроме того, в личном архиве хранится ряд неизданных работ Горского.

Многие разделы науки не один раз признавались "неактуальными" и т.п. К счастью, по стечению обстоятельств полного разрыва в преемственности поколений историков-исследователей здесь не произошло; по некоторым параметрам мы вправе констатировать органическую эволюцию элементов аналитической культуры. Связь поколений не прервалась здесь целиком. В последние десятилетия тенденции развития источниковедения, специальных дисциплин оказались весьма противоречивыми. С одной стороны, очевидны их достижения — появление оригинальных методик заметного расширило информативные "выходы" многих отраслей специального исторического знания, так что их выводы порой напрямую интегрируются в схемы общего порядка. Еще существеннее принципиально новые возможности в анализе источников, связанные с инструментарием метаматематической статистики, теории информации, семиотики, социолингвистики и т.п. С другой стороны, в заметной доле научных изданий утрачивается вкус к тщательной работе с текстами документов и памятников, происходит нарастающее снижение требований к ней. Трудно сказать, какая из тенденций превалирует. Думается, что несомненное и резко возросшее давление понимаемой широко среды во многих случаях не способствует сохранению уровня профессионализма в обращении с источниками у историков; сфера некомпетентности, увы, разрастается.

Об этом уместно напомнить, говоря об индивидуальных приметах исследовательского стиля А.Д. Горского. Ему, конечно, повезло — его природные дарования счастливо сомкнулись с глубокими традициями отечественной медиевистики. Вполне достаточно назвать лишь имя учителя А.Д. Горского — Льва Владимировича Черепнина, прошедшего свои "университеты" у С.В. Бахрушина и А.И. Яковлева (виднейшие представители самого младшего поколения школы В.О. Ключевского), а также С.Б. Веселовского. Не забудем, что везет все же тем, кто готов: надо было выбрать своего профессора, суметь взять у него то, что помогло вылепить свою индивидуальность, обрести ученую репутацию, которая вовсе не автоматически следует за должностями, научными степенями, званиями.

Следует учесть еще два обстоятельства. Первое — поле исследовательского зрения А.Д. Горского. При хронологической и тематической обширности занятий его научные интересы были сфокусированы достаточно жестко. Чему посвящены обе его книги и раздел в коллективном труде, который по справедливости следует уподобить еще одной особенной монографии? Аграрной эволюции Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в эпоху образования Русского централизованного государства². Его обращение к названной теме многопланово, многомерно, в определенном смысле системно. Второй аспект — аналитический процесс у Горского фактически всегда впаян в оправу деятельности университетского профессора³. Это были две органически присущие ему сферы реализации личности, еще точнее, две нерасторжимые половинки единственно приемлемого для него способа существования. Верность сказанного нетрудно подтвердить простым мысленным экспериментом — почти любая работа Горского как бы требует не только прочтения, но и произнесения. В его текстах на источниковедческие, историографические и иные аналогичные темы почти всегда хорошо различимы дидактическая струя, момент учительства, устного общения преподавателя со студентами, знающего — с желающими получить эти знания. Итак, памятуя о названных особенностях, обратимся к работам А.Д. Горского по интересующим нас проблемам.

² Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960; *Он же*. Борьба крестьян за землю на Руси в XIV — начале XVI в. М., 1974; *Он же*. Сельское хозяйство и промыслы // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. I.

³ Заметную часть наследия А.Д. Горского составляют печатные работы, напрямую связанные с учебным процессом. Это издания типа хрестоматий, сборники статей с изложением опыта преподавания, разного рода методические указания и т.п.

В сфере археографии отметим прежде всего тот факт, что Горский, не принимая непосредственного участия в известных академических публикациях (их совокупность составила источниковую базу документации по отечественной истории до начала XVI в.)⁴, органически усвоил принципы и нормы археографии, выработанные в советской науке, соответствовавшие мировым стандартам, а в ряде пунктов их устанавливавшие. Он и практически применил эти принципы в изданиях, специфических по целям. Следует назвать три публикации, в которых Горский и как редактор, и как составитель сыграл весьма заметную, если вообще не решающую роль⁵. Это второй том серии "Российское законодательство X—XX веков", где ученый исполнял обязанности соредактора. В его функции, надо полагать, входили определение состава памятников, отбор положенных в основу предшествующих публикаций, формулирование приемов передачи текстов. Все эти задачи Горский осуществил, искусно сочетая принципы сугубо научного издания с особенностями публикации, рассчитанной на профессионально подготовленного читателя, а также на любого, просто интересующегося отечественной средневековой историей. Корпус собранных в томе источников в полной мере отразил правовые нормы и установления второй половины XV — середины XVI в., эпохи образования Русского централизованного государства (за этими рамками оказывается лишь один памятник). Это Судебники 1497 и 1550 гг., многочисленные акты разных по типу и хронологически сменяющих друг друга институтов местного управления. Украшением тома стала публикация Стоглава, сборника постановлений церковного или церковно-земского собора 1551 г., первоклассного, незаменимого во многом источника по истории реформ середины XVI в. в России (и, разумеется, по истории русской церкви в первую очередь). За все годы советской власти это было первое полное и первое научное издание Стоглава.

Не вызывает сомнения подход Горского к источникам текста. За основу брались наиболее авторитетные последние издания. К примеру, для судебников предпочтение отдано академическому тому 1952 г.⁶ Следует отметить, что ныне объективно назрела потребность в новой публикации Судебника 1550 г., поскольку обнаружено немало неизвестных ранее списков и уточнились требования к текстологическому комментарию. Для стоглава же вполне обоснованно выбрано казанское издание 1911 г., которое ввело в оборот пространную редакцию Стоглава. Научный подход проявился также в воспроизведении текстологических разночтений. Так, для Судебника 1550 г. они приведены по девяти спискам, отобранным по хронологическому принципу, причем приведены лишь смысловые расхождения. Для Стоглава речь идет о более чем десяти рукописях, использованных в казанском издании и некоторых других⁷. Бесспорно, текстологический

⁴ Имеем в виду трехтомную серию "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.", "Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв." (в трех частях), "Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.", "Грамоты Великого Новгорода и Пскова". Кроме того, существует ряд специфических лингвистических публикаций актовых источников указанного времени.

⁵ Имеем в виду "Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий". М., 1971. Ч. II. XIV—XV вв. (А.Д. Горскому принадлежит раздел "Феодальное землевладение и хозяйство XIV—XV вв. Закрепощение крестьян"), "Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства" (М., 1985. Т. 2; один из ответственных редакторов тома); "Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Русская феодальная деревня XI—XVI вв." (М., 1987. Вып. 2; редактор и составитель публикации).

⁶ См.: Судебники XV—XVI веков / Под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1952. Ч. I.

⁷ Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 54, 121—129 (указание на приведение разночтений по десяти спискам к тексту, опубликованному в академическом издании, является редакционной неловкостью: по одному из этих списков текст Судебника 1550 г. собственно и издаи, за исключением ст. 100), 242—403.

комментарий такого рода следует полагать, во-первых, вторичным (он извлечен из работ предшественников, а не произведен заново по всей рукописной традиции), а во-вторых, адаптированным, поскольку извлечения неполны по ряду параметров. Но в данном случае не было нужды ни в исчерпывающей текстологии, ни в точном повторении прежних изданий (в этих разделах текстологических различий), так как серия изначально предназначалась не только профессионалам (и уже совсем не историкам-медиевистам в первую очередь), но и (прежде всего) широкой читательской аудиторией.

Другие задачи стояли перед Горским при подготовке "Материалов по истории СССР", где он выступил редактором серии в целом, редактором и составителем (точнее, одним из составителей) второго выпуска. Тип публикации однозначно определен подзаголовком — "Для семинарских и практических занятий". Перед нами — учебное издание, призванное в значительной мере заменить малотиражные и труднодоступные для студентов публикации первоисточников, облегчить их доступ к разнообразным средневековым текстам и стимулировать тем самым в максимальной мере самостоятельную работу студентов над источниками.

Пока вышли в свет три выпуска. С точки зрения замысла (как мы его поняли) удачна их тематическая ограниченность, что позволяет полнее, системнее по сравнению с изданиями хрестоматийного вида представить материалы по одной теме и тем самым дать историческую базу для понимания истории как процесса и во времени и во всем многообразии связей определенного исторического явления. Наглядно это демонстрирует второй выпуск, где эволюция русской деревни в XI—XVI вв. запечатлена в виде объемной, емкой совокупности разнообразнейших нарративных и документальных источников. И здесь истинная научность публикации сказалась не только в принципах отбора издаваемых материалов (к примеру, раздел о деревне XIV—XV столетий может справедливо считаться образцом разносторонности), но и в археографическом оформлении печатаемых текстов. Составитель в курсе всех последних новостей науки, а потому приводит уточненные датировки ряда новгородских грамот, иных актов, более достоверную разбивку текста в берестяных грамотах, уточняет в соответствии с достижениями дипломатики заголовки ряда документов и т.п.⁸ Несомненные достоинства издания позволяют, пожалуй, говорить не только об его дидактическом характере — оно вполне может послужить основой для начала исследовательского поиска.

Высокий уровень профессионализма свойствен большинству аналогичных по целям работ Горского. Не будем их подробно рассматривать; укажем лишь на его "Материалы по курсу истории СССР периода феодализма", где дан отнюдь не краткий (как утверждает автор) библиографический обзор с элементами историографического анализа за соответствующие годы⁹.

В творческом наследии А.Д. Горского выделяется ряд работ, относящихся к иным сферам источниковедения и вспомогательных дисциплин.

Цикл статей и докладов посвящен возможностям миниатюр в древнерусских рукописях в качестве источника аутентичной информации. Автора специально интересуют изображения почвообрабатывающих орудий (особенно сохи, чаще всего и встречающейся на таких рисунках) и самой пахоты. По очевидным причинам он ограничился кодексами XVI—XVII вв. — в более ранних соответствующих миниатюр практически нет. Интерес Горского к этой теме понятен. При крайней скудости всего лишь простых упоминаний о средствах производства

⁸ Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. М., 1971. Ч. II. XIV—XV вв. С. 37—140.

⁹ Из опыта преподавания истории СССР в Московском университете (период феодализма): Сб. ст. М., 1977; Из опыта преподавания истории СССР периода феодализма в Московском университете: Методическое пособие. М., 1981. Вып. 2; Из опыта преподавания истории СССР в Московском университете: Сб. ст. М., 1985. Вып. 3.

(не говоря уже о какой-то детализации в их описании) источниковедчески верифицируемое описание таких орудий должно опираться на максимум имеющихся данных. Это части орудий, найденные в ходе раскопок, разнообразные вещевые и письменные этнографические источники, представляющие достоверную ценность с точки зрения исторической ретроспекции, наконец, уже названные изображения в синхронных или близких по времени к изучаемому периоду манускриптах.

Горский не был пионером в использовании всех перечисленных групп материалов и в методиках их анализа. Его заслуга в другом — в систематическом их сопоставлении, в полноте привлеченных миниатюр (ряд из них он ввел в научный оборот именно в данных целях), в понимании большой сложности приемов их анализа для получения конкретных исторических наблюдений. Здесь ученый исходил из специфики изобразительных источников. Он учел особенности канона в древнерусской миниатюристике (справедливо не согласившись с упрощенным пониманием "реалистических" черт в передаче средств сельского труда), отметил среди прочего определенную "застылость" изображений, временной ряд которых не соответствовал, к примеру, реальной эволюции земледельческих орудий. Вместе с тем значимость того, какие из этих предметов и как изображали древнерусские художники на листах иллюминированных рукописей в контексте замысла, композиции миниатюры, не подлежит, по мнению Горского, сомнению (прежде всего для изучения производительных сил общества в аграрной сфере)¹⁰.

В серии статей Горский обратился к изучению берестяных грамот. Повод опять-таки вполне конкретен — поиск новой информации о системах земледелия, средствах производства, положения отдельных категорий сельских тружеников, формах эксплуатации и т.п.¹¹ Ученый в полной мере владел всем комплексом приемов их анализа, который складывался в науке постепенно. Выразительная деталь. Еще до выхода книги по журнальным публикациям Горский уловил (и применил в своей исследовательской практике) безусловную перспективность формулярно-дипломатической методики, предложенную Л.В. Черепнинным в отношении текстов на бересте. Главный итог трудов А.Д. Горского в этой сфере — немалое число оригинальных интерпретаций берестяных грамот. Показательно, что ряд из них принят новейшими исследователями.

Небольшой этюд посвятил Горский одному летописоведческому сюжету. Ученых давно интересовали с источниковедческой точки зрения так называемые выписки (их всего три) магистра, учителя царевича Алексея, а позднее переводчика Академии наук И.-В. Пауса (Паузе). Они содержатся в рукописи Никаноровской летописи и исполнены самим магистром. Анализ Горским отрывка с рассказом об осаде Москвы войсками Батыя в 1237 г., в котором присутствуют несколько принципиально важных деталей, многомерен. Степень его достоверности (или, иначе, вопрос об источнике выписки в манере копирования Пауса)

¹⁰ Горский А.Д. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 339—351; *Он же*. Еще одно изображение сохи XVI в. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1963. № 3. С. 17—22; *Он же*. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI. С. 15—35; *Он же*. Три изображения пахоты из русских "лицевых" рукописей XVII в. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1978. № 6. С. 96—100. См. также: Горский А.Д. Миниатюры лицевых рукописей как источник по истории земледелия в России XVII в. // Тез. докл. и сообщ. XII сес. межреспуб. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. С. 45—48.

¹¹ Горский А.Д. Берестяная грамота № 256 // Сов. археология. 1969. № 3. С. 79—85; *Он же*. Берестяные грамоты как источник по истории земледелия в Новгородской земле XII — первой половине XV в. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1969. № 3. С. 66—80; *Он же*. Некоторые итоги, задачи и перспективы изучения новгородских берестяных грамот. // ИСССР. 1970. № 6. С. 133—142, особенно с. 137—138; *Он же*. К 25-летию открытия берестяных грамот // ВИ. 1976. № 12. С. 141—146. Ср.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986. С. 240—241.

автор определяет по ряду признаков. Это прежде всего язык: хотя отдельные поновления в духе первой трети XVIII в. фиксируются (главным образом на фонетическом уровне и лишь как исключение на лексическом), в целом перед нами лексика и фразеологизмы XIV—XV вв. Композиция и последовательность описываемых событий не противоречат в основных чертах тому, что известно из летописных известий и сообщений восточных авторов (Джувейни, Рашид-ад-Дин). Направленность рассказа, бесспорно, сочувственная по отношению к москвичам и их героическому воеводе, жестоко поплатившемуся за свое мужественное поведение (тем самым устраняется мотив вмешательства Пауса в основное содержание выписки). Наконец, специфическое употребление ряда терминов (к примеру "царь" в отношении Батыя) и этнических формул позволяет сузить поле поиска источника. Главный вывод Горского: выписка, безусловно, восходит к древнему летописному тексту, включенному, скорее всего, в свод второй половины XIV—XV в. новгородского или вообще "северного" происхождения¹².

И здесь мы не обнаружим никаких сенсационных новаций. Работа традиционна и классична в лучшем смысле этих слов; пожалуй, хрестоматийна как пример тщательного, многоаспектного, комплексного анализа конкретного источника по конкретному вопросу, восходя к образцам отечественного летописеведения. Бесспорно, напрашивается необходимость продолжения этих разысканий, причем ориентиры достаточно ясны из данной статьи, а также из новейших работ по истории летописания в XIII—XV столетиях.

Особое место в наследии Горского принадлежит трудам по изучению актов XIV—XV вв. Они многочисленны и разноплановы. Укажем лишь главные из них. Ряд исследований посвящен скорее общеисторическим, чем источниковедческим сюжетам. Но состояние документальной базы таково, что получение содержательных выводов обязательно предполагает преимущественный, объемный и тщательный источниковедческий анализ актов. При этом изначально выделяется сама совокупность актовых текстов, содержащих интересующие автора сведения, которые затем подвергаются комплексному изучению и по отдельности, и в рамках этой целостности. Таковы, к примеру, статьи о следах ордынского владычества и ордынских походов в актовой документации, о поземельных конфликтах по новгородским документам. Вторая работа примыкает к монографии 1974 г. и в немалой мере восполняет отсутствие в последней новгородского материала. Заметим, что автор предлагает новую датировку некоторых грамот¹³.

К другому жанру относится этюд, который А.Д. Горский опубликовал в сборнике памяти академика Б.Д. Грекова и посвятил изучению одного из аспектов закрепощения крестьян в XIV—XV столетиях (тема, бесспорно созвучная ближайшим образом наследию Б.Д. Грекова). По нашему мнению, его с полным основанием можно было озаглавить иначе, сделав акцент на методике работы. Это по преимуществу формулярно-дипломатический анализ, проведенный последовательно, систематически по всем группам докончаний (договоров) и по комплексу имеющихся в них клаузул, совокупность которых только и описывает качество статуса несвободы разных категорий крестьян, а также направление эволюции. Опять-таки в самих приемах Горского нет новаций, они все так или иначе известны. Значимость в другом — в последовательности, системности и полноте. Все эти понятия относятся и к тому, что изучает Горский, и к тому, как он иссле-

¹² Горский А.Д. К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978. С. 176—184.

¹³ Горский А.Д. Новгородские акты как источник по истории борьбы за землю // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 272—1280; Он же. Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV—XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвященный Л.В. Черепнину. М., 1972. С. 45—78.

дует. В итоге уточнен объем содержания ряда терминов и формул — о неприеме закладчиков, о запрете вывода "людей", фразеологизма "вольным воля" в сочетании с разными по наполнению перечнями сословных групп, о соотношении термина "беглец" с разными статусными группами или же определенными кругом правонарушителей и т.п.¹⁴ Конечно, в статье (на то она и статья, а не монография) есть и спорные положения, и, может быть, поспешные наблюдения, но не эти и подобные частности являются определяющими в ее оценке. Этому этюду, бесспорно, суждено долго быть в активном исследовательском обороте и с точки зрения выводов, и с точки зрения методики. А что может быть выше подобной судьбы для научной работы?

Особо следует сказать о монографии А.Д. Горского "Борьба крестьян за землю на Руси в XIV — начале XVI в." В плане источниковедения актов она представляет собой сплав известных приемов изучения с такими, которые применительно к грамотам XIV—XV вв. следует считать новаторскими. В принципе еще до книги Горского в литературе шел спор о мере представительности дошедшей до наших дней совокупности актовой документации. В работе, однако, дискуссия выведена на новый уровень. Во-первых, потому, что автор решает как органично взаимосвязанные два вопроса: о репрезентативности сохранившихся документов за указанный период в границах того, что называют обычно Северо-Восточной Русью в целом, и о репрезентативности той их части, которая сообщает о поземельных столкновениях. Последнее дает возможность взглянуть на общую совокупность под новым углом зрения. Во-вторых, потому, что Горский иначе, чем ранее, рассматривает проблемы представительности с точки зрения меры разнообразия фондообразователей (в том числе тех, архивы которых дошли до нас лишь в небольших фрагментах), роли государственных канцелярий (включая их значение как фондообразователей) в создании или удостоверении, а также хранении частных актов. Наконец, в-третьих, потому, что естественным заключением рассуждений ученого о репрезентативности используемой им выборки стало специальное применение методов математической статистики при решении по крайней мере двух вопросов: динамики процессов борьбы за землю и их географической приуроченности (последнее связано с группой социальных и политических факторов). В итоге он пришел к ряду нетривиальных наблюдений, мера объективности которых подкреплена не просто каким-то иллюстративным набором примеров, но аргументами количественного анализа, основания и ход которого могут быть проверены (и оспорены) в каждом пункте осуществления¹⁵.

Этот новаторский подход спаян с вполне традиционными и прекрасными по качеству исполнения приемами изучения актов. Всего лишь два примера. Как известно, множество актов даже XV в., особенно частных, не содержат дат. Так как Горский одной из главных исследовательских задач поставил показ динамики поземельных конфликтов, проблема датировки приобрела решающее значение. Конечно, использованные ученым документы изданы, а соответственно датированы видными специалистами. Тем не менее примерно в 30% всех случаев Горский пересматривает датировки (имеем в виду недатированные акты), причем в двух третях случаев он предлагает с солидными аргументами собственную хронологию, в остальном принимает новейшие уточнения других ученых или же, наоборот, отвергает их, возвращаясь к датам, предложенным публикаторами. Подчеркнем, что речь идет о давно и хорошо знакомом науке комплексе источников. И тем не менее около трех десятков грамот с известиями о спорах и о

¹⁴ Горский А.Д. Договорные грамоты XII—XV вв. как источник по истории закрепощения крестьян на Руси // Исследования по истории и историографии феодализма: Сб. статей, посвященный памяти акад. Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 159—173.

¹⁵ Горский А.Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XIV — начале XVI в. С. 27—32, 188—194, 194—195. Нечего говорить, что некоторые наблюдения могут быть небезосновательно оспорены.

земле Горский передатировал, имея на то серьезные основания. Добавим тут же, что в его личном архиве хранятся весьма ценные разноплановые материалы, относящиеся к датировкам, текстологии, истории публикаций и изучения актов XIV—XV вв., включая указания на пропущенные при изданиях тексты. При подготовке публикации дополнительного тома "Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в." (а ее необходимость становится все более очевидной) они, конечно же, должны быть учтены. Вторым примером связан с определением статуса лиц, упомянутых в документе. И здесь примерно в 40 случаях Горский меняет имеющееся в литературе определение их социальной физиономии, приводя опять-таки развернутую аргументацию. Стремление к максимальной объективности хорошо заметно — он считает необходимым сохранить раздел с упоминанием таких лиц, сословная принадлежность которых не определяется с достаточной мерой надежности¹⁶.

Мы отнюдь не исчерпали в источниковедческом аспекте ни содержания книги, ни тем более содержания иных работ Горского подобного характера. Сказанное тем не менее дает основания для ряда наблюдений, позволяющих судить о вкладе ученого в названные отрасли исторической науки. Во-первых, Горский не был источниковедом в узком смысле слова. Его мало интересовали источниковедческие проблемы сами по себе, включая вопросы теории и методологии. Его стихия — выбор, формулирование и использование таких аналитических приемов, которые продиктованы совокупно поставленной задачей исторического исследования по конкретной теме и наличной базой источников. Подбор последних должен отвечать прежде всего одному требованию — максимально возможной полноте. Во-вторых, в рамках избранного сюжета и отобранных источников стиль обращения Горского с ними описываются такими понятиями, как системность и систематичность, последовательность и разносторонность, единство уже апробированных исследовательской практикой и новых, по крайней мере по сфере использования способов изучения. В сплаве отмеченных примет, на наш взгляд, и состоят индивидуальность творческого облика Горского, высокий уровень его профессионального мастерства как историка-исследователя, достоверность и надежность полученных им результатов.

¹⁶ Там же. С. 196—210.

¹² Археографический ежегодник, 1991

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В ТРУДАХ Г.В. СЕМЕНЧЕНКО

В неполные 34 года трагически оборвалась жизнь талантливого историка, успевшего внести свой немалый вклад в источниковедение отечественной истории XIV—XVI вв.

Уже первая публикация Георгия Владимировича Семенченко, посвященная датировке московской губной грамоты XV в.¹, обозначила это направление научной деятельности историка. Многие его работы посвящены изучению духовных грамот². Впервые систематически исследовался весь корпус завещаний светских и духовных феодалов Северо-Востока XIV—XV вв. Причем историк не ограничивался указанным регионом. Сопоставляя традиции оформления духовных Северо-Востока и Северо-Запада, Г.В. Семенченко определил не только внешнюю разницу (новгородские и псковские "рукописания" писались на пергамене в отличие от преимущественно бумажных на Северо-Востоке), но и внутреннюю: если на Северо-Западе уже к середине XIV в. юридическая форма духовных успела стать консервативной, то на Северо-Востоке довольно быстрая смена пергамена бумагой свидетельствует о более позднем происхождении самой завещательной традиции. Вывод этот Г.В. Семенченко тщательно обосновал: длительность существования традиции завещаний вотчинников Северо-Западной Руси определяется наличием в "рукописаниях" Новгороде и Пскове архаических статей, восходящих к XII в. Их нет в завещаниях вотчинников Северо-Востока; зато есть формулы, которые не могли возникнуть ранее XIII в.³ В более позднем становлении формуляра частного письменного акта он видел одно из проявлений общей заторможенности социально-экономического развития этого региона.

В анализе завещательной традиции Г.В. Семенченко не ограничивался корпусом законодательных памятников русского происхождения, он широко привлекал и византийские источники. Так, сопоставление великокняжеских духовных Северо-Востока Руси с Пространной редакцией Закона судного людям и Эклогой, переведенной на русский язык в конце XII в., позволило историку сделать весьма существенное наблюдение: традиция написания завещаний князей московского дома не могла возникнуть ранее конца XIII — начала XIV в.⁴ Семенченко досконально изучил возможности духовных грамот как источника по политической,

¹ Семенченко Г.В. О датировке московской губной грамоты XV в. // СА 1978. № 1. С. 53—58.

² Семенченко Г.В. Духовная грамота митрополита Алексея: (К изучению раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси) // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 7—28; Он же. Удельные князья московского дома конца XV — начала XVI в. и их кредиторы // ВИ. 1982. № 11. С. 84—95; Он же. Исследование завещаний XIV—XV вв. в отечественной историографии и перспективы их дальнейшего изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 5—22; Он же. Византийское право и оформление русских завещаний XIV—XV вв. // ВВ. М., 1986. Т. 46. С. 164—173; Он же. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 154—162; Он же. Удостоверительная часть духовных грамот XIV—XV вв. // ВИД. Л., 1987. Т. XIX. С. 52—65.

³ Семенченко Г.В. Духовные грамоты XIV—XV вв. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 10—11.

⁴ Семенченко Г.В. Удостоверительная часть... С. 65.

социально-экономической истории Северо-Востока Руси XIV—XV вв. Нашло, например, отражение в духовных грамотах землевладение завещателя, но вот проблема: сколь полно оно представлено? Семенченко аргументированно показал, что об идеальной полноте отражения землевладения завещателя говорить не приходится. Земли, которыми владел феодал под условием службы, вообще не упоминались в завещаниях. Фиксировались лишь вотчины (да и то без указания на размеры), которые могли быть отчуждены за пределы рода. При этом завещательные акты XIV—XV вв. нацелены на распоряжение землей и "обращают меньшее внимание на другие компоненты богатства завещателя". Интересен и вывод историка, что духовные грамоты в XIV—XV вв. составлялись в том случае, когда нарушалось обычное право наследования (т.е. в экстремальной ситуации). Так, ученый в цикле специальных источниковедческих работ, посвященных духовным грамотам XIV—XV вв., дал науке возможность серьезного, а не потребительского использования их в общеисторических построениях. Семенченко никогда не успокаивался на достигнутом. Дальше — вглубь и шире — стремился он в исследовании. Не всякий историк способен психологически после уже проведенного исследования написать статью о дальнейших перспективах изучения проблемы. Он был способен на это, он мог⁵.

По всей видимости, именно изучение духовных грамот способствовало возникновению у Г.В. Семенченко исследовательского интереса к житиям святых. В беседах с ним не раз приходилось слышать, что недостаточно еще изучены жития святых и следовало бы повторить на новом источниковедческом уровне известную работу В.О. Ключевского. Новые источниковедческие подходы в изучении житий он наметил в ряде публикаций: увы, замыслы остались нереализованными полнотой⁶.

Характерная черта Г.В. Семенченко-источниковеда выразилась в стремлении через конкретный (и всегда скрупулезный) анализ увидеть "выход" на общеисторическую проблематику. Так, оригинальный анализ социального состава кредиторов удельных князей московского дома в конце XV — начале XVI в., проведенный по духовным грамотам, позволил ему сделать важное обобщение: реально могли закабалить удельных князей займы великого княжения. Они преобладали у Юрия Дмитровского, Андрея Вологодского, значительную сумму составляли у Федора Волоцкого, меньшую — у Михаила Вереяского и Ивана Рузского. Выявленные Семенченко новые факты подкрепили также существовавшее мнение о подавляющем перевесе сил московских князей над удельными⁷. Одно, казалось бы, частное наблюдение Семенченко о том, что у мелких феодалов владения были расположены, если судить по духовным грамотам, компактнее, чем у крупных, подтвердило наметившуюся в историографии тенденцию к пересмотру общей концепции, согласно которой крупные собственники в меньшей степени, чем мелкие, были заинтересованы в объединительном процессе. У Семенченко-источниковеда был стойкий интерес к социально-политической истории. Присущее историка сочетание глубины источниковедческого анализа с широтой видения проблемы делало его по-настоящему оригинальным исследо-

⁵ Семенченко Г.В. Исследование завещаний XIV—XV вв. в отечественной историографии и перспективы их дальнейшего изучения. С. 5—22.

⁶ Семенченко Г.В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 221—254; Он же. К характеристике редакций жития ростовского епископа Исая // Исследование по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 33—48; Он же. Новый источник по истории идеологической борьбы на Руси в середине XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. Вып. 10. С. 167—176; Он же. Комплексное изучение житий русских святых // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984. С. 127—130.

⁷ Семенченко Г.В. Удельные князья... С. 194.

вателем социально-политической истории Русского государства. К примеру, изучение социально-политической борьбы на Белоозере в 60-х годах XV в. было теснейшим образом связано с анализом актового материала⁸. Умение от анализа переходить к синтезу особенно проявилось в цикле его работ о хронологии актового материала⁹. Известно ведь: датировка — одно из наиболее эффективных средств углубленного изучения политической истории; более точная датировка меняет порой представление о том или ином общеисторическом факте. Потому-то велика литература по хронологии актов Северо-Восточной Руси (как известно, занимались ею в разное время С.Б. Веселовский, И.А. Голубцов, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, В.Б. Кобрин, В.И. Корецкий, Л.М. Марасинова, В.Д. Назаров, Б.Н. Флоря, С.О. Шмидт и др.). В статье, посвященной хронологии некоторых грамот, упоминающих "великого князя" Ивана III Васильевича, Семенченко обратил внимание на то, что упомянутый государь при жизни своего отца Василия Темного упоминался вместе с ним "великим князем" в промежутке между 31 марта 1448 г. и 22 июля 1449 г. Исследователь не упустил еще одну деталь: младший брат Ивана, Юрий, еще при жизни отца получил в удел Дмитров (в конце 1454 — начале 1455 г.).

Исследуя актовый материал, в котором упомянут был будущий Иван III, Семенченко приходит к выводу, что старший сын Василия II был в течение какого-то времени переяславским правителем. Семенченко уточняет хронологические рамки — и в науку с полным правом входит ценнейший факт политической истории России. Авторская интерпретация и тонка, и осторожна: "дав Переяславль в удел сыну, Василий Темный контролировал его деятельность через верную себе администрацию. О несамостоятельной еще роли Ивана в политической жизни страны говорит и отсутствие у него в период управления Переяславлем своей печати... Политический смысл привлечения с середины 50-х гг. XV в. Василием Темным к участию (хотя и ограниченному) в управлении страной старших сыновей, видимо, состоит в его желании укрепить право наследования на Московское княжество. Нельзя забывать, что в Великом княжестве Литовском в это время осели враждебные Москве князья Иван, сын Дмитрия Шемяки и Иван Можайский"¹⁰.

К сожалению, нет возможности проанализировать с одинаковым вниманием все его работы, посвященные разным аспектам социально-политической истории России; отметим лишь главное — писаны они были в "источниковедческом ключе"¹¹.

Историка характеризовала высокая степень научной осторожности. Специфика источников по истории России XIV—XV вв. состоит в том, что далеко не всегда возможны однозначные решения: гипотезы в иных случаях сопровождаются существенными оговорками источниковедческого плана. Вероятно, со многими

⁸ Семенченко Г.В. Церковно-политическая борьба на Белоозере в 60-х годах XV в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 122—128.

⁹ Семенченко Г.В. О хронологии некоторых грамот, упоминающих "великого князя" Ивана III Васильевича // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 53—57; Он же. О хронологии троицких актов конца XIV — первой половины XV века // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 100—109; Он же. О хронологии троицких актов второй половины XV в. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 45—53.

¹⁰ Семенченко Г.В. О хронологии некоторых грамот... С. 55.

¹¹ Семенченко Г.В. Присоединение Ростовского княжества к Москве // ВИ. 1986. № 7. С. 171—175; Он же. Новгородско-псковские отношения во второй половине 1430-х гг. и формулярник митрополита Исидора // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тез. докл. и сообщ. научн. симп. Новгород, 1986 (совм. с А.И. Плигузовым); Он же. Посад и волость в правительственной политике в середине XVI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1988. Вып. II. С. 176—186; Он же. Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // ТГИМ. Вып. 71: Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 139—154 (совм. с А.И. Плигузовым); Он же. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 19—21.

выводами Семенченко можно спорить. Но для обоснования иного взгляда нужно проделать столь же глубокий анализ. С той же тщательностью и скрупулезностью изучить источники. Его полемические статьи строились таким же образом: возражал он в том случае, если твердо был уверен в правоте собственного анализа¹². Историк не упускал ни одного случая сослаться на предшественника, вступив с ним (если требовалось) в полемику. Семенченко не боялся "авторитетов" в науке. В пронизанных историографией работах ученого всегда звучала своя собственная позиция. Она утверждалась лишь после анализа всей предшествующей литературы по проблеме. В этом, думаю, проявлялась высокая культура и "школа" ученого. Именно в освоении (а не отрицании) лучших традиций исторической науки можно стать оригинальным и самобытным исследователем. Особенно ярко раскрылся Семенченко как полемист, прекрасно знающий историографию, и как исследователь-новатор в работе, посвященной управлению Москвой в XIV—XV вв.¹³

Большой вклад в источниковедение внес Семенченко — издатель актов. Им (в соавторстве с А.И. Плигузовым и Л.Ф. Кузьминой) был подготовлен к публикации текст документов архива московской митрополии XIV — первой трети XVI в. и откомментирован. Обширная публикация реконструирует архив русской митрополии с момента перенесения митрополичьей кафедры из Киева в Северо-Восточную Русь и до утверждения Русского государства¹⁴. Специфика актов митрополичьей канцелярии состоит в их назначении быть образцами для составления новых грамот. В науку вошел интересный и новый комплекс источников, который может быть использован многопланово, с самых разных точек зрения.

Последняя большая работа Семенченко (пока неопубликованная) посвящена Судебнику 1497 г. (2 п. л.). Интерес к законодательным памятникам проявлялся у историка и ранее. Им была исследована ст. 100 Судебника 1550 г. Изучение юридических норм, на которые распадается ст. 100, обогатило наши представления о суде и междукняжеских отношениях¹⁵. Исследование Судебника 1497 г. — цельное и законченное произведение историка.

С горечью приходится констатировать, что сформировавшийся и оригинальный исследователь русского средневековья ушел из жизни в расцвете научной биографии. Им заложены целые направления будущих источниковедческих исследований. То, что он успел сделать, останется в исторической науке.

¹² Семенченко Г.В. — Рец. на кн.: Кобрии В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. // ИСССР. 1988. № 3. С. 191—194; *Он же*. — Рец. на кн.: Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. М., 1986 // ВИ. 1988. № 4. С. 131—132.

¹³ Семенченко Г.В. Управление Москвой в XIV—XV вв. // ИЗ. М., 1980. Т. 105. С. 196—228.

¹⁴ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века // Подготовка текста А.И. Плигузова, Г.В. Семенченко, Л.Ф. Кузьминой / Под ред. В.И. Буганова. М., 1986. Ч. 1; М., 1987. Ч. 2; М., 1987. Ч. 3; М., 1988. Ч. 4.

¹⁵ Семенченко Г.В. К изучению статьи 100 Судебника 1550 г. // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С. 256—272.

В.И. Буганов

Е.В. ЧИСТЯКОВА КАК ИСТОЧНИКОВЕД И ИСТОРИОГРАФ

Елена Викторовна Чистякова — известный советский ученый, крупный специалист по русской истории феодального периода. Выпускница исторического факультета Московского университета, она принадлежит к числу первых учеников Михаила Николаевича Тихомирова. Ее научная деятельность началась с 1950 г., когда появились ее первые статьи о России XVII столетия — Воронежском восстании 1648 г., псковском торге в середине XVII в., социально-экономических взглядах А.Л. Ордина-Нащокина. С тех пор и до настоящего времени, более четырех десятилетий, продолжается интенсивная исследовательская работа Е.В.; ее результаты — многие книги и брошюры, статьи и рецензии, публикации источников и методические разработки, всего — более 120 научных трудов. Одновременно она ведет педагогическую работу на истфаке Воронежского университета. МГИАИ, УДН, участвует в качестве докладчика и участника прений в работе многих научных конференций, симпозиумов, международных конгрессов историков в СССР и за рубежом.

Круг исследовательских интересов Е.В. весьма широк, разнообразен: социально-экономическая история и классовая борьба в России XVII столетия, русская общественно-политическая мысль XVII—XIX вв., связи России со странами Африки, Латинской Америки (до XIX в.), вопросы источниковедения, историографии.

Не имея возможности дать характеристику научного творчества Чистяковой в целом, остановлюсь на той его части, которая связана с публикацией и изучением источников, характеристикой трудов отечественных историков. По этим научным направлениям Е.В. сделала очень много. Упомяну вначале опубликованные ею совместно с Я.Е. Водарским "Роспись государства Московскаго градом", составленную частным лицом во второй половине XVII в., и извлечения из сметных погубернских росписей "десятой деньги" на 1713 г. (причем роспись налогов с населения сделана по итогам известной переписи 1678 г.). Оба источника содержат ценные сведения о численности городских поселений, налоговом обложении их жителей во второй половине века¹.

В фундаментальной статье о Новгородском уставе 1667 г. Чистякова детально проанализировала его архивный подлинник; списки второй половины XVII в., в том числе новонайденные (Е.В. Чистяковой, В.А. Александровым, А.А. Зиминим); выдержки из устава, выписанные для иностранцев; его источники (наказы таможенным головам и предложения гостя В.Г. Шорина, Таможенный устав 1653 г. и местные уставные грамоты, челобитные торговых людей, "обидные дела" русских купцов с иностранными, личные письма, проекты, высказывания А.Л. Ордина-Нащокина — автора "Новоторгового устава", его же "псковские уставы", связанные с городской реформой во Пскове 1666 г., предложения П. Марселиса, гамбургского купца, и др.). Разбирает автор и содержание устава (предметы товарного производства — сельскохозяйственные и промысловые, местные и зарубежные, связь "ремесленных людей и промышленников" с рынком, примене-

¹ Водарский Я.Е., Чистякова Е.В. Списки городов, посадов и укрепленных монастырей в России во второй половине XVII в. // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 304—310.

ние наемного труда, регулирование внутренней и внешней торговли, положение русских и иноземных купцов, сбор пошлин, жалобы русского купечества, политику властей по отношению к разным слоям). Очень показательна для начала "нового периода" история России поставленная в уставе, хотя и не осуществленная в то время задача — создание единого приказа "купецких людей" для защиты их от "воеводских налогов", для "суда и управы" и организации торговых компаний.

Новоторговый устав, пронизанный идеями меркантилизма и протекционизма в русской торговле, получил распространение по всей стране, в том числе в Сибири². В работах об Ордине-Нащокине проанализированы его записки, проекты и прочие материалы, связанные и с Новоторговым уставом и псковской реформой³.

Излюбленная тема многих исследований Е.В. — народные движения "бунташного" XVII столетия. Им посвящены, во-первых, специальные источниковедческие штудии. Особое, принципиальное значение имеет статья о розыскных документах, впервые проанализированных Е.В. применительно к серии городских восстаний середины века в южных городах России⁴. Следственные документы, выявленные ею в фондах разных "столов" Разрядного приказа, составляют собственно следственные дела. В них, помимо изветов, воеводских отписок, челобитных от пострадавших (дворян и др.), царских указов и др., исходивших из лагеря противников восставших, имеются (и это, несомненно, самая важная часть следственных дел) распросные и пыточные речи повстанцев и другие исходящие от них документы (челобитные, листы, записи). В полном составе таких дел сохранилось, как показывает Е.В., немного, но и они вместе с другими, более или менее отрывочными делами, дают возможность судить о ходе восстаний, идеологии восставших, методах розыска, практиковавшихся царскими сыщиками, центральными и местными властями.

"Чрезвычайно интересным видом источника" Е.В. правомерно считает приговорные записи повстанцев (по терминологии правительственных документов, "воровские", "заводные" грамоты, записи) о совместных действиях против местной администрации в защиту своих интересов. Им посвящена особая статья Чистяковой⁵.

В другом интересном исследовании Е.В. дает обзор, анализ известий о восстаниях 1648 г. в Москве и других городах, приводимых в летописях середины — второй половины XVII в., начала XVIII в.⁶ Важны подмеченные автором моменты, связанные с тем, что некоторые летописцы при объяснении причин народных восстаний переходят от провинциалистских представлений к прагматическим; составители летописных памятников "были первыми историографами народных движений середины XVII в."⁷

² Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 г. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 102—126; Александров В.А., Чистякова Е.В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания все-русского рынка (вторая половина XVII в.) // ВИ. 1959. № 2. С. 132—143.

³ Галактионов А., Чистякова Е. А.Л. Ордин-Нащокин: Русский дипломат XVII в. М., 1961. См. также: Око всей Великой России: Об истории русской дипломатической службы, XVI—XVII вв. М., 1989 (Е.В. Чистякова — ответственный редактор, автор введения и в соавторстве с И.В. Галактионовым главы об Ордине-Нащокине); Чистякова Е.В. Городская политика русского правительства накануне реформ Петра I // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию... С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 196—204.

⁴ Чистякова Е.В. Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII в. // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 91—98.

⁵ Там же. С. 96—97; Она же. Приговорные записи XVII в. // ВИ. 1956. № 3. С. 136—137.

⁶ Чистякова Е.В. Летописные записи о народных движениях середины XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 242—252.

⁷ Там же. С. 252.

В одной из работ Е.В. анализирует памятник, посвященный разинскому восстанию. Это — "Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшем от воров и изменников, воровских казаков". Оно включено в Латухинскую степенную книгу, составленную в 1678 г. Тихоном, настоятелем Макарьева Желтоводского монастыря, уроженцем Нижнего Новгорода. Е.В. предполагает, что он же был и автором сказания, которое, как исторический источник, показывает при сравнении с распросными речами разинцев и их противников на полях сражений, другими документами свою несостоятельность (неточности, умолчания, фальсификации)⁸. Сказание, как говорит его автор, направлено против "писаний прелестных", распространявшихся по Поволжью разинцами. Свое сочинение автор рассматривает как "духовное оружие" против них. Создание подобных "монастырских исторических повестей", как считает Е.В., "было важным этапом на пути преодоления провиденциализма и перехода от него к рационализму".

В общеисторических работах, посвященных тем же городским восстаниям середины XVII в.⁹ и разинскому движению¹⁰, немалое место уделено изучению источников, их сопоставлению.

Наконец, цикл исследований связан с историографическим анализом литературы о народных восстаниях XVI—XVII вв.¹¹

В целом основной комплекс исследований Е.В. охватывает целую эпоху классовой борьбы в России: именно 30-е годы — начало 70-х годов XVII в., т.е. время ее возрождения после поражения первой Крестьянской войны начала столетия до второй Крестьянской войны включительно; причем не только такие мощные взрывы классовой борьбы, как "Соляной бунт" и разинское восстание, но и народные движения на юге России, в Поморье и Сибири. В более широком плане рассмотрена классовая борьба в России XVI—XVIII вв. в целом.

Серия работ Чистяковой посвящена изучению общественно-политической, в том числе экономической и исторической, мысли в России XVII в. Уже упоминались труды, характеризующие экономические, политические взгляды Ордина-Нащокина, выдающегося государственного деятеля третьей четверти столетия.

⁸ Чистякова Е.В. Историк XVII в. о Крестьянской войне под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 57—61.

⁹ Чистякова Е.В. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г. Воронеж, 1953; Она же. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30—40-е годы). Воронеж, 1975; Она же. Волнения служилых людей на юге России в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961, и др.

¹⁰ Чистякова Е.В. Василий Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963; Она же. Астрахань в период восстания Степана Разина // ИСССР. 1957. № 5. С. 188—202; Чистякова Е.В., Буганов В.И. О некоторых вопросах истории второй Крестьянской войны в России // ВИ. 1968. № 7. С. 36—51; Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Разин и разинцы на Мордовской земле. Саранск, 1986; Они же. Степан Разин и его соратники. М., 1988.

¹¹ Чистякова Е.В. Народные движения в России середины XVII в. в отечественной историографии // ТМГИАИ. Т. 22. М., 1965. С. 173—210; Она же. Советская историография народных движений русского населения Сибири XVII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1977. № 6, вып. 2. С. 141—145; Она же. Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева в послевоенной французской историографии // Историография и источниковедение: Сб. науч. тр. М., 1978. С. 96—101; Она же. Советская историография народных движений русского населения Сибири XVII в. // Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1978. С. 124—133; Она же. Классовая борьба русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. в советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 37—39; Дубровский А.М., Чистякова Е.В. Советская историография социальных движений в Москве XVI—XVII вв. // Русский город: (Исследования и материалы). М., 1984. Вып. 7. С. 107—126 и др.

Несколько работ посвящено "Синопису", который Е.В. называет "первой учебной книгой по русской истории"¹². Ее появление (1674 г., типография Киево-Печерской лавры) автор с полным основанием считает одним из последствий воссоединения Украины с Россией в области культуры, развития тесных связей двух братских народов. Автором "Синописа" Е.В. предположительно называет Ивана Армошенко, типографа лавры. Е.В. говорит об источниках, использованных при его составлении (Повесть временных лет, Густынская летопись, Сказание о Мамаевом побоище в третьей редакции, Хроника М. Стрыйковского и др.). Центральные темы повествования — древнее происхождение славян, их славная история, борьба с татаро-турецкой агрессией.

Эти идеи, как отмечает Чистякова, получили развитие и в трудах современников автора "Синописа", в том числе А. Лызлова в его "Скифской истории", которой тоже посвящен ряд исследований Е.В. В них дается характеристика этого труда, его автора, использованных им источников. Е.В. обнаружила свыше 30 списков "Скифской истории", получивших в свое время широкое распространение среди читателей. В центре внимания Лызлова — вопросы борьбы с татаро-монголами, казанскими и крымскими татарами, османской Турцией. В его труде, компилятивном по характеру, использованы многие русские и иностранные, особенно польские источники, причем автор сопоставляет их данные, уточняет факты, выявляет ошибки. Дает на полях своей книги точные ссылки на использованные источники. Появление этого "глубоко светского произведения" — одна из примет "нового периода русской истории"; "в это время совершается переход от знания к науке"; книга, несмотря на ее недостатки, "перекидывает мост от летописей и исторических повестей к трудам историков XVIII в."¹³

Особо Е.В. рассмотрела приемы использования трудов польских историков XVI—XVII вв. — М. Стрыйковского, С. Старовольского, итальянца на польской службе А. Гваньини и др., освещение Лызловым борьбы славян и других европейских народов с татаро-монголами и турками¹⁴. Эти фундаментальные исследования подготовили появление нового (после двух изданий Н.И. Новикова: в 1776 г. только 1-й части, в 1787 г. в полном виде) издания выдающегося для своего времени труда Лызлова¹⁵. Чистяковой, помимо научного редактирования, принадлежат послесловие, археографическая справка и статья, в которой рассмотрена биография автора "Скифской истории".

В соавторстве с А.П. Богдановым Е.В. написала книгу о русских историках второй половины XVII в.¹⁶ Е.В. рассматривает деятельность московских дьяков — составителей исторических сочинений, сказание П. Золотарева о разинском восстании в Астрахани, "Синописис". В одной из статей рассмотрены сообщения русских публицистов того же времени (Ордин-Нащокин, "Синописис", Лызлов) о

¹² Чистякова Е.В. Первая учебная книга по русской истории // ПИШ. 1974. № 3. С. 12—17; Она же. Синописис // ВИ. 1974. № 1. С. 215—219.

¹³ Чистякова Е.В. А.И. Лызлов и его "Скифская история" // Проблемы историографии (Тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции). Воронеж, 1960. С. 52—55 (цитируемые слова — на с. 55); Она же. Русский историк А.И. Лызлов и его книга "Скифская история" // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 1. С. 117—127; Она же. Об авторе "Скифской истории" А.И. Лызлове // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 284—289; и др.

¹⁴ Чистякова Е.В. "Скифская история" А.И. Лызлова и вопросы востоковедения // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Сб. VI. С. 3—88; Она же. "Скифская история" А.И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 348—357.

¹⁵ Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990.

¹⁶ Чистякова Е.В., Богданов А.П. Да будет потомкам явлено. Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М., 1988. С. 30—59.

борьбе России и Польши с крымцами и турками на южных границах¹⁷. Ту же эпоху в истории русской общественно-политической мысли Е.В. в соавторстве с Богдановым рассматривает в дискуссионной статье, опубликованной в связи с выходом в свет монографии Л.Н. Пушкарева¹⁸. Опираясь на многочисленные источники, используемые и автором монографии (фольклор, источники, вышедшие из среды восставших, и др.), Е.В. и ее соавтор показывают сложность взглядов, идеологии народных низов, представителей их разных слоев. Характеризуя "общественно-политическую мысль эксплуатируемых", Чистякова и Богданов подчеркивают, что "схватка с господствующей идеологией шла на всех этих уровнях"¹⁹ (имеется в виду различная степень обобщения во взглядах эксплуатируемых — от стихийного возмущения до составления сочинений: "прелестных писем", челобитных, сатирических произведений, городских повестей, кратких летописцев). Дополнительные источники привлекают они и для характеристики споров по вопросам войны и мира, которые велись в тогдашнем русском обществе, и некоторым другим проблемам.

Более поздние эпохи в развитии русской общественной мысли — XVIII и XIX столетия — Е.В. рассмотрела в связи с проблемой формирования этноисторических представлений²⁰. Речь идет об имиджиологии (имагологии) — изучении представлений народов друг о друге, в частности — русского народа о соседних народах Европы и Азии и, наоборот, последних — о русском народе. Е.В. использует в этой работе многие источники — записи современников, описания путешественников и др. Она обращает внимание читателей на то, "что прогрессивная часть русских людей, побывавших на далеких континентах, вырабатывала положительный образ их народов и порицала ужасы колониализма". Складывающиеся в ходе общения представителей разных народов стереотипы "бывают и ложными и правдивыми, преднамеренными и искренними"²¹. Эти же проблемы, но более широко, с привлечением многих источников, документальных и нарративных, Е.В. освещает в интересах учебных пособий, посвященных связям России с народами Латинской Америки и Африки²². В них кратко рассмотрены известия русских летописей и хождений, посольской и иной документации, описаний путешественников, ученых и многое другое. Анализирует Е.В. и труды историков XIX—XX вв.

Одной из русских писательниц, А.О. Ишимовой, оставившей много книг для детей по русской истории, переводчице, журналистке, к тому же той, которой А.С. Пушкин написал свое последнее письмо за несколько часов до дуэли, Е.В. посвятила особую статью. Отдается дань заслугам Ишимовой в популяризации истории Отечества, отмечается в то же время религиозно-монархический характер взглядов Ишимовой²³.

¹⁷ Чистякова Е.В. Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 287—298.

¹⁸ Богданов А.П., Чистякова Е.В. Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России второй половины XVII в. // ВИ. 1986. № 4. С. 45—57. (Ср.: Пушкарев Л.Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII в. Очерки истории. М., 1982.)

¹⁹ Там же. С. 50.

²⁰ Чистякова Е.В. К вопросу о формировании этноисторических представлений в русской общественной мысли XVIII—XIX вв. // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Днепропетровск, 1984. Вып. 2. С. 120—127.

²¹ Там же. С. 126.

²² Чистякова Е.В. Контакты России с народами Латинской Америки (до XIX в.). М., 1980; Она же. Контакты и связи России с народами Африки (до XIX в.). М., 1987.

²³ Чистякова Е.В. Александра Осиповна Ишимова — последний адресат А.С. Пушкина // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 346—353.

Е.В. давно, с большой любовью изучает научное творчество учителя — академика Михаила Николаевича Тихомирова. В первой из статей, посвященных ему, характеризуется его педагогическая деятельность как палеографа, его курсы и учебные пособия по русской палеографии, которую он изучал в тесной связи со славянской письменностью, греческой (византийской) культурой. Важно подчеркнуть, что и делает Е.В.: Тихомиров методы палеографического анализа с рукописных материалов распространяет на печатные издания; палеография у него тесно связана с источниковедением, археографией, эпиграфикой и другими специальными историческими дисциплинами. Он по праву является одним из основоположников кодикологии, берестологии и др. М.Н. изучал позднюю скоропись XIX в.²⁴

Другая статья Е.В. посвящена работе Тихомирова над письменными источниками: постановке им проблем теории источниковедения (понятие исторического источника, их типы и виды, внешняя и внутренняя критика источника), изданию источников, анализу многих видов, комплексов источников, изучению иноязычных памятников — славянских, византийских, грузинских, армянских и др. Е.В. в связи с этим дает характеристику некоторых трудов учителя²⁵.

В одной из работ Чистякова дает обзор материалов Б.Д. Грекова (его отзыв на докторскую диссертацию М.Н., их переписка и др.), хранившихся у Тихомирова²⁶. Две работы раскрывают вклад М.Н. в изучение русского города: его социально-экономического развития (IX—XVII вв.), классовой борьбы, культуры²⁷; три статьи рассказывают о его достижениях в изучении истории славян, связей Руси с западными и южными славянами²⁸; одна статья — о его трудах по истории русского книгопечатания²⁹. Наконец, в трех статьях Е.В. говорит о внимательном изучении Тихомировым письменных памятников Армении, его переписке с академиком Армянской Академии наук Л.С. Хачикяном³⁰.

Все эти историографические работы естественно завершились с книге Чистяковой о Михаиле Николаевиче³¹. В ней имеются главы о жизненном пути ученого, его работах в области источниковедения и специальных исторических дисциплин, истории исторической науки, истории Древней Руси, средневековой Москвы и Российского государства, истории русского книгопечатания.

²⁴ Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров как палеограф-педагог // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 212—217.

²⁵ Чистякова Е.В. Письменный источник в трудах академика М.Н. Тихомирова (К 90-летию со дня рождения) // ИСССР. 1983. № 5. С. 122—130.

²⁶ Чистякова Е.В. Материалы Б.Д. Грекова в рукописном наследии М.Н. Тихомирова // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию... Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 53—66.

²⁷ Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров как историк русского феодального города // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 135—136; Она же. Проблемы древнерусского города в трудах академика М.Н. Тихомирова // Историография и источниковедение: Сб. М., 1977. С. 3—12.

²⁸ Чистякова Е.В. Публикации академика М.Н. Тихомирова по проблемам славяноведения // Историограф. сб. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 17—19; Она же. Русь и славяне в трудах академика М.Н. Тихомирова // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. Тез. докл. и сообщ. Минск, 1988. С. 161; Она же. К изучению связей Руси с южными славянами в трудах М.Н. Тихомирова // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма: Сб. тез. М., 1989. С. 67—69.

²⁹ Чистякова Е.В. Труды академика М.Н. Тихомирова по истории русского книгопечатания // Историография истории СССР: Проблемы преподавания и изучения. Калинин, 1985. С. 107—116.

³⁰ Чистякова Е.В. Академик М.Н. Тихомиров и Армения // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1983. № 9. С. 68—74; Она же. Памятники письменности Армении в научном творчестве академика М.Н. Тихомирова // СА. 1983. № 6. С. 25—27; Она же. М.Н. Тихомиров и Армения: (По материалам переписки с Л.С. Хачикяном) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 212—213.

³¹ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). М., 1987.

Е.В. принадлежат главы по историографии в обобщающих трудах³².

Выдающийся вклад Чистяковой в отечественное источниковедение и историографию связан с изучением проблем классовой борьбы позднефеодальной России, исторической мысли XVII — первой четверти XVIII в., историографии XVIII—XX вв. (изучение народных движений, связей России со странами Латинской Америки, Африки, научное творчество М.Н. Тихомирова). Поздравляя Е.В. с юбилеем, который она отмечает в расцвете творческой активности, можно выразить уверенность, что все мы, занимающиеся и интересующиеся историей Отечества, увидим новые оригинальные труды Чистяковой.

³² Историография истории СССР, с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961 (гл. "Историография XVII и первой четверти XVIII в.". С. 59—77); Чистякова Е.В. Формирование новых принципов исторического повествования: (Этюды по русской историографии конца XVII в.) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 171—184.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1991 г.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Традиционные "Тихомировские чтения", ежегодно проводимые Археографической комиссией, состоялись 13 июня 1991 г. Темой этого заседания стали факсимильные издания исторических источников.

Председатель АК *С.О. Шмидт* в своем выступлении напомнил, что факсимильным изданиям уже были посвящены организованная АК совместно с БАН Всесоюзная конференция 1979 г. "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности" и Тихомировские чтения 1979 г.¹ За прошедшее время интерес к факсимильным изданиям еще более вырос, а с публикацией кафедрой археографии МГИАИ в 1990 г. учебного пособия *Г.И. Королева* и *С.В. Чиркова* "Факсимильное издание исторических источников"² можно говорить и о советской историографии этой проблематики. Большое внимание факсимильным изданиям уделял *М.Н. Тихомиров*, о их значении не раз писал *Д.С. Лихачев*. Отечественными учеными подготовлены факсимильные издания источников древних эпох, нового и новейшего времени. В наши дни факсимиле в виде фрагментов становятся важной составной частью описательных изданий справочного характера, например "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР". Как подготовку факсимильных изданий можно рассматривать и издания репринтные, т.е. воспроизведение печатной продукции, все более частое в наши дни. Следует учитывать и то, что факсимиле играют особую роль в воспитании историей, в закреплении первых исторических представлений — в экспозициях музеев, при книжных приложениях к популярным изданиям, в телепередачах. Наконец, проблема факсимильных изданий находится на стыке комплекса гуманитарных наук — исторических и филологических, географии (картографические издания), биологии (издания материалов с изображением растений, животных) и, конечно же, технических наук, во многом определяющих качество изданий, а следовательно, и его научную информативность.

С докладом "Факсимильные публикации памятников истории за рубежом" выступил *Г.И. Королев* (РГГУ) и доклад об истории отечественных факсимильных изданий прочел *С.В. Чирков* (АК) (Полностью эти исследования будут опубликованы в "АЕ за 1992 год").

В состоявшемся после докладов обсуждении выступавшие высоко оценили работу, проделанную докладчиками и сделали ряд интересных добавлений.

А.Д. Степанский (РГГУ) отметил два аспекта проблемы факсимильных изданий: во-первых, роль технических средств в археографии, во многом определяющая качество и полноту публикаций, и, во-вторых, участвовавшее в последнее время появлению репринтных изданий, своего рода "вахханалия" репринтирования, оставившая нерешенным вопрос о репринте как явлении отечественной культуры.

¹ АЕ за 1979 г. М., 1980. С. 151—184.

² См.: *Турилов А.А.* Новые пособия по археографии // АЕ за 1990 г. М., 1992.

В своем выступлении *Н.Б. Шеламанова* заметила, что терминологические проблемы, связанные с факсимиле, по-прежнему остаются. Необходимы точные определения для фототипических, ротационных, литографических изданий. Нужны четкие критерии факсимильных изданий, которые требуют специальных технических знаний. Возникает множество вопросов. Как человек, не выдавший рукопись в подлиннике, воспримет ее на факсимиле? Можно ли считать факсимильным изданием воспроизведение фрагментов рукописи и миниатюр? Каково функциональное назначение подобных изданий? Необходимо определить основные направления изучения факсимильных изданий.

Л.М. Костюхина (ГИМ) рассказала о работе сотрудников музея над факсимильными изданиями ("Миниатюра Хлудовской Псалтыри", "Сказание о Мамаевом побоище"). Во время подготовки к изданию "Изборника Святослава" 1073 г. выяснилось, как во многом научное значение факсимильного издания зависит от его качества. Задачи по составлению словника и по редактированию текста "Изборника" нельзя было решить без обращения к подлиннику. Выяснилось, что в факсимильном издании "Изборника" текст правлений; вторичный читается лучше, чем в рукописи, но места стертого пергамента, редактирования текста писцом, дату редактирования можно определить только на живой рукописи. Существуют три пласта редактирования, требующие обращения к подлиннику "Изборника": первый, когда писец редактирует сам себя, второй, когда редактор является современником писца, и третий, определяемый редактором конца XIV—XV вв. Потертости пергамента от времени незаметны в факсимиле. Сейчас в ГИМ готовится серия популярных изданий, которые будут печататься факсимильно (жития Петра и Февронии, Алексея, человека Божьего, Евфимии Суздальской).

В.А. Черных (АК) предложил, учитывая реалии издательской техники, сопроводительный текст писать после конечных результатов факсимильного издания, чтобы можно было оговорить, что действительно сделано и насколько такое издание совпадает с желаемым.

А.А. Курнос (АК) отметил, что факсимильные издания важны не только для древности, но и для более поздних эпох. *К.Н. Тарновский* по факсимильному воспроизведению нескольких страниц ленинской рукописи в собрании сочинений сумел найти аргументы для характеристики империализма³.

Касаясь значения проводимых чтений, *О.М. Медушевская* (РГГУ) сказала, что создается другое отношение к проблеме воспроизведений источников. Вышедший в 1962 г. "Атлас русских географических открытий 17 в.", составленный из редчайших архивных карт, до сих пор не числится в каталогах. Многие пособия по картографии и сейчас недоступны. Между тем их значение трудно переоценить — люди привыкли видеть изображение, в нем залог нового, необычного восприятия. Издавать научные труды по картографии без изображения приложения графических воспроизведений невозможно. Их информация иначе не передается и содержится ее гораздо больше, чем на странице текста.

В заключении *С.О. Шмидт* еще раз отметил значение факсимильных изданий как фактора истории археографии и источника воспитания историей, приобщения к ней и выразил желание, чтобы доклады, прозвучавшие на чтениях, легли в основу статей для "Археографического ежегодника за 1992 год".

Ф.А. Торстенсен

³ *Тарновский К.Н.* "Тетради по империализму" как часть личного научного архива В.И. Ленина: время создания, структура, принципы организации // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 3—13.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Л.И. Шохин

ДНЕВНИК И.С. БЕЛЯЕВА

Иван Степанович Беляев (29 октября 1860 — 4 ноября 1918 г.) являлся членом многих научных обществ, напечатал несколько десятков статей и исторических материалов в "ЧОИДР", "Историческом вестнике", "Русской старине", "Русском архиве" в других изданиях. С 1886 г. до самой смерти работал в МАМЮ (пойдя по стопам своего отца, С.И. Беляева, служившего в том же архиве в 1853—1878 гг., и старшего брата Сергея — 1872—1889 гг.)¹.

Дневник И.С. Беляева в ОПИ ГИМ² в последние десятилетия не привлекал к себе исследователей, хотя в нем можно найти любопытные данные о МАМЮ и общественно-научной жизни Москвы в начале XX в. На первой странице обозначена дата — 21 июня 1908 г. — и помета "начало". «В последнее время стал замечать у себя ослабление памяти, — записал Беляев, — а между тем часто нужно восстановить для себя во всех подробностях то или иное событие, характеристику какого-либо лица, первые впечатления и следующие знакомства и разные случаи из моей "серенькой" жизни». Дневниковые записи велись нерегулярно, но занимают солидный объем — 138 с. тетради большого формата, исписанных с обеих сторон. В кратком сообщении невозможно дать обзор всего содержания. Цель заключается в том, чтобы показать, что дневник дает для характеристики личности историков и архивистов, условий их работы, для понимания атмосферы эпохи.

Собственно дневник перемежается с мемуарами, когда от текущих событий мысль автора обращается к прошлому. Особенно заметно это в самостоятельных частях дневника Беляева, напоминающих некрологи знакомых ему людей. Приведем, в частности, одну из таких записей с необходимыми комментариями.

"1911 г., 12 мая, четверг. В 3,5 часа дня скончался В.О. Ключевский. Познакомился я с ним еще на вечерах покойного управляющего архивом Н.А. Попова" (Л., 44). Ученик Ключевского, А.А. Кизеветтер в 1925 г. опубликовал в Праге мемуары, в которых также вспоминал вечера на Девичьем поле в 1886—1891 гг.: "Попов управлял архивом как благодушный папаша, все его там любили. И он по воскресеньям приглашал на вечер всю свою ученую молодежь, которой представлялось резвиться с барышнями в то время, как в кабинете собирались профессорская компания, и тут Ключевский давал полную волю своему остроумию".

"После избрания моего в члены-соревнователи МОИДР, — продолжал Беляев, — я уже встречался с В.О. как председателем Общества, на заседаниях Общества пользовавшимся безусловным авторитетом и всеобщим уважением. Он очень внимательно следил за прениями на заседании, старался привести их к одной общей цели, делал веские обобщения, вообще председательствовал пре-

¹ См.: некролог И.С. Беляева, написанный его непосредственным начальником в МАМЮ Н.П. Чулковым: АД. 1923. № 1. С. 145—148.

² ОПИ ГИМ. Ф. 121 (И.С. Беляев). Оп. 1. Д. 5 (далее листы дневника указаны в тексте).

красно, хотя, по правде сказать, хозяином в Обществе все-таки не был, а всеми делами за его спиною ворочал С.А. Белокуров" (л. 44).

В 1896 г. Беляев по рекомендации В.О. Ключевского, С.А. Белокурова и Е.В. Барсова избран членом-соревнователем МОИДР³. В 1908 г. В.Г. Глазов, сменивший Ключевского на посту председателя Общества, Н.П. Попов, Н.В. Рождественский, Е.И. Соколов и К.А. Стратонитский рекомендовали Беляева в действительные члены МОИДР. Однако он не был избран, так как один из членов Правления общества, С.А. Белокуров, заявил, что Беляев менее активно участвует в делах МОИДР, чем некоторые другие конкуренты⁴. В какой-то мере Беляеву мешало отсутствие высшего образования. Он был архивистом-практиком, как и его друг и сослуживец А.Н. Зерцалов, помогавший Ключевскому в архивных изысканиях⁵. Прочитав статью Ключевского "Чья земля под городскими рядами на Красной площади?" в "Московских ведомостях" 9 мая 1887 г., Зерцалов сразу же написал письмо автору о сомнительности высказанного им тезиса, что "никакими архивными изысканиями невозможно раскрыть, когда и кому именно раздавались во владение лавочные участки в московских торговых рядах". Зерцалов сослался на семь грамот, выданных в Печатном приказе в 1620/1621 г.⁶ Впоследствии Зерцалов на всю оставшуюся жизнь связал свою судьбу с Ключевским и приобщился к науке. Аналогичный поворот произошел и в биографии Беляева, когда управляющий архивом Попов в ответ на просьбу графа С.Д. Шереметева сообщить ему об архивных материалах по истории его предков, предложил в 1892 г. Беляеву "заняться во внеслужебные часы подысканием и выпиской из документов архива" нужных Шереметеву сведений⁷.

Кизеветтер, говоря о МАМЮ, уделяет основное внимание старикам-архивариусам В.И. Холмогорову и А.Н. Зерцалову. По словам Кизеветтера, "сила их заключалась в том, что они превосходно знали состав архива, знали, где что лежит и какие именно документальные богатства хранятся в тех частях архива, которые еще оставались неописанными". О Холмогорове Беляев упоминает в дневнике в связи с его кончиной в 1902 г., но не называет фамилию полностью, ограничиваясь первой буквой "Х". Надо сказать, что мнение Беляева о Холмогорове может быть в известной мере субъективно. В.И. Холмогоров и его брат, дьякон одной из московских церквей, Г.И. Холмогоров, издали много ценных исторических источников. В книге Ключевского о Боярской думе Древней Руси помещена благодарность автора В.И. Холмогорову за помощь в изучении столбцов Поместного приказа⁸. По свидетельству Беляева, Холмогоров "был ловкий делец, умел всем услужить, достичь чина действительного статского советника и Станиславской ленты... сильно лебезил перед Д.Я. Самоквасовым [управляющим МАМЮ в 1892—1911 гг. — *Л.Ш.*], частью ему наущничал, а наружно Самоквасов относился к нему с полным вниманием" (л., 16 об.). Небезынтересны воспоминания Беляева о взаимоотношениях Ключевского и Холмогорова.

«Но и этот крупный человек мог ошибаться, — писал Беляев о Ключевском, — и притом в такой области, в которой в особенности чувствовался его

³ См. протоколы заседаний МОИДР: ЧОИДР. 1898. Кн. 2. С. 22.

⁴ См. протоколы: ЧОИДР. 1909. Кн. 4. С. 9.

⁵ См. подробнее: *Беляев И.С.* Памяти А.Н. Зерцалова // ЧОИДР. 1898. Кн. 2. Протоколы. С. 68—80; *Ключевский В.О.* Речь, произнесенная после похорон А.Н. Зерцалова 29 ноября 1897 г. // Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 137—138. В именном указателе содержатся ошибочные сведения, будто бы Зерцалов был "управляющим" МАМЮ.

⁶ ОР ГБЛ. Ф. 131 (В.О. Ключевский). К. 31. Д. 92. Л. 1—3.

⁷ ЦГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 113. Л. 2.

⁸ *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 402. См. об этом: *Рабинович М.Д.* В.О. Ключевский об архивах // СА. 1969. № 6. С. 58—63.

мощный талант, именно — в характеристике личностей. Лет 6 назад умер мой сослуживец и член Общества Х. Меня просили сделать сообщение его памяти, но я, зная отлично всю жизнь Х. по отзыву моего отца, моего крестного отца⁹, многих еще сослуживцев, зная ее таким образом с самой юной поры с самой дурной стороны и по известной пословице не желая лучше ничего говорить, чем говорить плохое, хотя и правду, отказался. Тогда В.О. Ключевский, за которым Х. очень ухаживал, сам на одном из заседаний Общества сказал речь, посвященную умершему Х., совершенно неверную с начала до конца, хотя и произнесенную с внешней стороны прекрасно, и заключил ее словами, что "Х. был едва ли не лучшим из людей", как раз обратными тому, что заслуживал этот человек. Если он в действительности так ошибся, думал я про Василия Осиповича, то ведь он мог так же ошибаться и в исторической характеристике, где живого лица не было, а на лице стояли только материалы, которые при его ораторстве также могли толкнуть В.О. на неверный путь» (л. 44—44 об.).

Новый начальник Поместно-Вотчинного отделения МАМЮ Н.Н. Ардашев тоже был членом-соревнователем МОИДР. Как вспоминал Беляев, они встречались с Ключевским в архиве по делам этого научного общества. "Последний раз я видел В.О. у себя в архиве года за 1,5 до его смерти. Он прямо вызвал меня и спросил, что я третьего дня читал в ОИДР о писцовых книгах, где ему, к сожалению, быть не пришлось. Я ответил, что делал доклад не я, а мой сослуживец Ардашев и послал за последним" (л. 44 об.). Речь шла, вероятно, о предложении Ардашева на заседании МОИДР 23 ноября 1909 г. издать в 1910 г. расходные книги Поместного приказа вместе с выборками из столбцов. Белокуров тогда ответил, что "ввиду обилия сданных в печать материалов, это не представляется возможным", и Ардашев взял назад свое предложение¹⁰. Ардашев ранее выражал готовность выложить документы Поместного приказа о Смутном времени к 300-летию юбилею освобождения Москвы в 1612 г., но и для них ему не обещали места в "Чтениях"¹¹.

В ожидании Ардашева «Ключевский сел в канцелярии архива и повел с нами беседу. Прежде всего он сказал мне, что ошибся, утверждая в Обществе, где я читал некогда доклад об Угличском следственном деле, что С.М. Соловьев пользовался подлинною рукописью этого дела. Нет, Вы правы, — заметил В.О., — он видел только печатный текст его, напечатанный во II томе "Актов"¹². На меня, — продолжал В.О., — Угличское следственное дело оставило такое впечатление: если внимательно прочтешь его, то ничего не поймешь уже в акте убийства подобно тому, как у нас после вкушения обильно какого-нибудь острого вещества чувство вкуса настолько утрачивается, что не отличишь хрену от сахара. Шуйский своим следствием всем нам, историкам, настоящим и будущим из своей могилы показывает нос. А какое на Вас впечатление оставил Пирлинг?¹³ — спросил меня В.О. — Человек, который хочет все узнать и в то же время самому ничего не сказать. — Вот и на меня то же самое, — сказал В.О. — Но я этого

⁹ С.Н. Гаврилов, правитель канцелярии МАМЮ. Служил в архиве в 1856—1866 гг., а В.И. Холмогоров — с 1855 г. В письме графу С.Д. Шереметеву 24 декабря 1902 г. Беляев рассказал о еще одном эпизоде из архивной жизни: "После умершего Холмогорова в его отделении [Поместно-Вотчинном] нашлось до 40 документов конца XVI и начала XVII века, которые он никому не показывал (видите, и в нашем архиве возможны такие дела)" (ЦГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 114. Л. 127).

¹⁰ См. протоколы заседаний МОИДР: ЧОИДР. 1910. Кн. 4. С. 19.

¹¹ ЧОИДР. 1908. Кн. 1. С. 19.

¹² СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 103—123.

¹³ Пирлинг (отец Павел). Из Смутного времени: Статьи и заметки: Пер. с фр. СПб., 1902; *Он же*. Димитрий Самозванец. Конец дома Рюриковичей. Легенда об императоре. Апогей и катастрофа. Поляки в Кремле: Пер. с фр. М., 1912.

¹³ Археографический ежегодник, 1991

иезуита переиезуитил, когда он явился ко мне и спросил, что я думаю о Самозванце. Я ему ответил, что он напрасно о нем думает, что он был сын Грозного. У царя Бориса ведь была уже своя Тайная канцелярия, которая о всем ему подробно доносила. Пусть он будет Отрепьевым, — закончил я, — и, кажется, Пирлинг послушался меня, изменил взгляд и стал Самозванца по-прежнему называть Отрепьевым в своих печатных трудах» (л. 44 об.).

Разговор Ключевского с Беляевым об Угличском следственном деле протекал в русле научных интересов Беляева, посвятившего анализу этого дела два исследования: «Следственное дело об убийении Дмитрия-царевича в Угличе 15 мая 1591 г. Его разбор в связи с новооткрытым завещанием А.А. Нагова и группировкой свидетелей по алфавитному указателю» (М., 1907) и "Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г." (Пг., 1915).

В 1912 г. Беляев плывал на прогулочном пароходе по верхней Волге по маршруту Тверь — Ярославль. В его дневнике зафиксированы впечатления, вновь затрагивающие Угличское следственное дело. «21 мая, в день ангела жены, проснулся, к сожалению, поздно, у самого города Углича, который поэтому успел посмотреть слишком бегло. Таинственные события 15 мая 1591 года с молодых лет всегда привлекали мое внимание. Я с захватывающим интересом осмотрел место происшествия. Я убедился, что в конце XVI столетия Углич составлял глухой медвежий угол Московского государства; что благодаря тому Нагие могли здесь почти царствовать, быть полными хозяевами. При такой их власти, с одной стороны, и по топографии Углича, с другой, по моему мнению, убийство царевича Дмитрия недопустимо. Бегство же с спасенным 15 мая 1591 года ребенком, замена его другим и обман Нагих, что убит истинный царевич — все эти "диверсии" могли быть исполнены ими вполне успешно, особенно если принять во внимание, что Углич водою отрезан от другого берега, и пути сообщения шли через дороги сухопутные, упоминаемые в "следственном деле" 15 мая 1591 года и в том же направлении сохранившиеся до настоящего времени» (л. 61 об.).

Разумеется, дневник архивиста не мог не касаться вопросов организации архивного дела. В наиболее общей форме они отражены в оценке директоров исторических архивов, с которыми Беляев сталкивался по совместной службе и в ходе выявления дел С.Д. Шереметева документов о родословной и вотчинных владениях Шереметевых, заслугах выдающихся представителей этого боярского рода.

"4/XI-1908. Говорил с А.И. Успенским, очень огорченным, что его не сделали заведующим М[осковским] Д[ворцовым] А[рхивом], хотя он там служит 11 лет, а назначили новичка — [Л.М.] Савелова. Поймут ли у нас когда-нибудь, что для успеха дела необходимо двигать по служебной леснице и доводить до начальствования в учреждениях лиц, которые в этих же учреждениях проходили постепенно все должности и могли бы везде быть опытными руководителями, а не такими администраторами, которые в преклонном уже возрасте начинают изучать дело, где они поставлены начальниками. И это еще хорошо, что такие лица прилагают старание к изучению дела, а нередко опрелеленные администраторы не трудятся даже сделать и этого и перевертывают, как ему покажется лучшим, все порядки, заведенные предшественниками" (л. 10 об.). К последнему типу руководителей Беляев причислял Самоквасова, которого считал профессором истории права и археологом, а не архивистом. "У Самоквасова два целых дня уходят на чтение лекций в [Московском] университете и в лицее цесаревича Николая, большей частью на службу он является на 15—30 мин., чтобы подписать бумаги (даже для этого нередко можно его ждать целый день, а он не приезжает), а другие дни недели он посвящает приготовлению лекций, статей, корректур, описи археологических вещей, объяснению со студентами. Менее всего он уделяет [времени] архиву... Вообще, мне всегда казалось, что при чтении лекций в нем сквозит актер-трагик" (л. 11 об.).

Перед смертью Самоквасова Беляев несколько подобрел к нему, сочувствуя его тяжелой болезни и принимая близко к сердцу примирительные жесты управляющего МАМЮ по отношению к сотрудникам, у которых он хотел оставить после себя неплохую память. «Мне казалось, что на Самоквасове я переживаю ломку сильного, деспотического, пожалуй, даже злого характера. Ломку, подобную той, которая так прекрасно передана Гюго на примере испанского короля Карла в драматическом произведении "Рюи-Блаз"» (л. 28). Заслуживает внимания описание похорон Самоквасова 9 августа 1911 г. «Сердечной стороною, которая отсутствовала почти и у самого умершего, по-видимому, его никто не помянул. При опущении гроба произнесли 5 речей. Наиболее точно обрисовал его личность [А.Н.] Филиппов: назвал его "неукротимым", что вполне соответствовало его характеру. Вообще, хоронили с большой помпой, что он любил и при жизни. Н.А. Попова, редкой души человека и в то же время... с большими умственными способностями и архивными, чем у Самоквасова, хоронили гораздо скромнее. Но Самоквасову везло при жизни, то же было и по кончине его» (л. 51).

Февральская революция 1917 г. оказала воздействие и на МАМЮ, где продолжали работать Беляев и многие из его давних сослуживцев. "Ардашев был крайним черносотенником и монархистом, но после переворота 1 марта 1917 г. из боязни ли ответить за свои прежние убеждения быстро перешел в крайне левые, с какою-то путанностью, имеющей даже вид болезненности в мыслях и поступках, — излагал свои впечатления Беляев. — Для составления Устава нашего Союза [архивных служащих] и нового Положения об архиве, имеющего в своем основании коллегиальность, избрана редакционная комиссия из 5 чел., в состав которой вошел и я" (л. 126).

В 1917—1918 гг. Беляев писал почти исключительно о политике, искренне переживая драматические события тогдашней российской действительности. Его рассуждения глубоки и интересны, что лишний раз подтверждает способность его к точным наблюдениям, литературной характеристике и обобщениям.

В.Н. Бобков

ЦЕРКОВНЫЕ И МОНАСТЫРСКИЕ АРХИВЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В конце XIX — начале XX в. для "изыскания мер и средств к распространению интереса, уважения и любви к церковной старине, решения общих вопросов по охране, описанию и поддержанию архивов, рукописных и старопечатных книг, памятников и предметов древности, находящихся в духовном ведомстве", повсеместно в губернских городах наряду с учеными архивными комиссиями создаются церковно-археологические комитеты как отделения Архивно-археологической комиссии при Св. Синоде. По состоянию на 1916 г. в России действовало более 50 церковно-археологических обществ и историко-археологических комитетов, зачастую работавших совместно или в тесном контакте с губернскими учеными архивными комиссиями. В соответствии с "Положением о церковно-археологических комитетах" епархиальные музеи, или древлехранилища, архивы и библиотеки ученого характера поступали в их заведование¹.

¹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 323.

Казанское церковно-археологическое общество с древлехранилищем было официально открыто в 1907 г. под председательством ректора Казанской духовной академии. Кроме научных исследований и описаний церквей Казани, известна работа Общества по проведению в 1912 г. областного археологического съезда, а также публикация в 1909 г. "Списка с писцовой и межевой книги 1565—1567 гг. города Свияжска и уезда". Еще до официального открытия Общества было проведено описание рукописей Соловецкого монастыря, поступивших в библиотеку Казанской духовной академии в 1855 г., а также предпринята попытка исторического описания приходов Казанской епархии: в 1904 г. единственный том "Описаний..." вышел под редакцией профессора духовной академии И.М. Покровского. Древлехранилище Казанского церковно-археологического общества располагалось в отдельном просторном помещении архиерейского дома². Великолепным хранилищем обладала библиотека Казанской духовной академии.

В то же время нельзя, по-видимому, категорично утверждать, что сохранность архива Казанской духовной консистории, размещавшегося в нижнем холодном этаже консистории, а частично в башне Спасского монастыря, была в предреволюционный период полностью обеспечена, несмотря на имевшийся печальный прецедент, когда в огне пожара 1815 г. в Казани практически полностью сгорел консисторский архив, хранивший документы со времени образования Казанской епархии в 1555 г. (тогда же погиб и губернский архив). Как бы то ни было, вскоре после революционных событий 1917 г. в связи с ликвидацией консистории и закрытием ряда церквей и монастырей вопрос о сохранности исторических документов, хранящихся в них, встал наиболее остро.

Однако в течение 1918 г. вследствие сложного политического положения, особенно в период, когда черед Казань проходил фронт борьбы с белочехами, в губернии архивами практически никто не занимался, за исключением преподавателей и сотрудников Северо-Восточного этнографического и археологического института и Казанского университета³.

В феврале 1919 г. уполномоченным ГУАД по Казанской губернии был назначен профессор И.А. Стратонов. Вскоре в соответствии с декретом СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. "О реорганизации и централизации архивного дела" в Казани были созданы комиссия по охране архивов и губернский архив, состоящий из четырех отделений, который также возглавил Стратонов. Основу историко-культурного отделения, заведующим которым стал профессор И.М. Покровский, составили: архив и библиотека Казанской духовной академии с ценным собранием рукописей, части архивов некоторых монастырей Казанской губернии, личные архивы и библиотеки профессоров духовной академии и некоторых других частных лиц.

На первом заседании Комиссии по охране архивов Казанской губернии 23 февраля 1919 г. (присутствовали: уполномоченный ГУАД по Казанской губернии Стратонов, командированный из Москвы представитель ГУАД Б.И. Моисеев, директор Северо-Восточного этнографического и археологического института профессор М.А. Бречкевич, представитель общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете профессор К.В. Харлампович, профессор Казанской духовной академии И.М. Покровский, профессор Казанского университета Н.М. Петровский) был поднят вопрос о необходимости принятия срочных мер для спасения от гибели губернских архивов в целом и архивов церквей и монастырей в частности. Так, Харлампович предложил осмотреть архивы казанских и ближайших к Казани монастырей, загородного архиерейского дома. Но, как указано в протоколе, "Комиссия по осмотру казанских архивов ранее заявления проф. Хар-

² ЦГА Татарстана. Ф.Р.-7. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

³ Бобков В.Н. Ученые Казанского университета и архивы в первые годы Советской власти // СА. 1989. № 5.

ламповича сознавала эту необходимость и уже составила план осмотра названных архивов, тем более, что некоторые монастырские архивы уже посещались ранее отдельными лицами, успевшими по личному усмотрению взять из них ценные документы... Казанский уполномоченный (т.е. Стратонов. — В.Б.) нашел такой порядок посещения и осмотра архивов ненормальным и со своей стороны принял меры к передаче документов монастырских архивов в Академический архив (т.е. архив-Библиотеку Казанской духовной академии. — В.Б.), где предполагается сосредоточить монастырские архивы Казанской епархии, хранящиеся в ненадежных помещениях или изъятые оттуда частным образом"⁴.

Вскоре после этого заседания члены Комиссии Стратонов, Покровский, Харлампович и сотрудники губархива провели обследование состояния некоторых архивов Казани и губернии. Среди осмотренных были частично разгромленный архив Казанской духовной консистории, архивы Спасского монастыря, Успенского и Иоанно-Предтеченского монастырей в г. Свяжске, Зилантова монастыря, архивы Семиозерской пустыни, загородного архиерейского дома и др. По результатам обследования в состав губернского архивного фонда были приняты сохранившиеся документы некоторых монастырей и церквей. Так, например, в числе документов Свяжского Успенского монастыря в губархив поступили грамоты и столбцы XVI—XVII вв., список с переписной книги 1687 г., коллекция документов XVII—XVIII вв., план г. Свяжска XIX в. и др.

Были отмечены и случаи полной или частичной гибели исторических документов. Более всего пострадали документы закрытых к тому времени Казанской духовной семинарии и духовного училища, а также очень ценный и интересный архив загородного архиерейского дома, находившегося при Воскресенском монастыре, построенном в середине XVII в. В этом монастыре жили казанские митрополиты и архиепископы, там же концентрировалось их делопроизводство. В конце XVIII в. при строительстве нового корпуса было отведено специальное помещение для архива и предметов церковной старины, где хранились иконы, старинная утварь и посуда, ценные книги и рукописи. По свидетельству Покровского, в свое время проводившего упорядочение и описание этого архива, среди навеки утраченных документов была выпись на домовых архиерейских крестьян всех сел, данная в 1749 г. из канцелярии Генеральной ревизии Казанской и Оренбургской губерний, десятки описей архиерейского дома с храмами при нем, подробные описи самого Воскресенского монастыря, его храмов, икон, утвари и т.д. В уничтоженном архиве хранилась уникальная писанная от руки карта Казанской епархии XVIII в.

Главной причиной гибели этого и других архивов явилась "исключительная небрежность воинских частей, попадавших в здания, где хранились архивы. Борьба с этой небрежностью была абсолютно невозможна, т.к. обращения к военной власти со стороны Губархива о возможной осторожности в обращении с архивами не всегда приводили к желательным результатам, несмотря на то, что иногда военные власти принимали зависящие от них меры"⁵.

Справедливости ради следует отметить, что иногда такие меры все-таки "приводили к желательным результатам", и именно благодаря своевременно принятым мерам были спасены библиотека и архив Казанской духовной академии, где хранилось тогда всемирно известное собрание рукописей и старопечатных книг Соловецкого монастыря. Случилось это в сентябре 1918 г. при отступлении из Казани чехословаков с белой армией, когда "по занятии всех академических корпусов красноармейцами, вступившими в Казань с Арского тракта, оставался один час, чтобы библиотечный корпус, переполненный книгами, превратился в

⁴ ЦГА Татарстана. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—3.

⁵ Там же. Д. 9. Л. 8—9.

казарму. Но благодаря усиленным просьбам профессора академии И.М. Покровского, явившегося во-время к библиотеке по вызову старого и большого академического служителя, чуть ли не единственного человека, оставшегося на академическом дворе, библиотека осталась нетронутой. В своей усиленной и горячей просьбе профессор Покровский встретил поддержку в нескольких лицах командного состава, и таким образом библиотечный корпус остался библиотекой, а не превратился в казарму, в которой неизбежно была бы полная гибель книжного богатства"⁶.

Добавим от себя, что не только книжного (библиотека насчитывала около 120 000 томов книг и журналов на русском, западноевропейских и восточных языках), но и архивного, так как рукописный отдел библиотеки состоял из сотен редчайших рукописей и рукописных книг по богословию, истории, литературе, философии и психологии, медицине, химии и т.д.

Основная часть рукописей благополучно пережила все тревожения нашего бурного века и в настоящее время хранится в ЦГА Татарстана, в фонде Казанской духовной академии, Совет которой добровольно передал их летом 1919 г. в Казанский госархив вместе со своей библиотекой "в целях сохранности богатейшего ценного сокровища". На заседании Совета 5 июня 1919 г., проходившем под председательством ректора академии епископа Анатолия, было также решено "сообщить высшей церковной власти о переходе библиотеки в ведение и распоряжение уполномоченного Управления архивным делом".

Права Татцентрархива на рукописный отдел библиотеки были позднее подтверждены решением ОГПУ СССР от 25.06.1926 г. № 100339, ЦИК Татарской республики от 21.08.1926 г. № 9444 и Татарского Академцентра от 31.08.1926 г. № 13876, в соответствии с которыми 27 ноября 1926 г. "нижеподписавшиеся гр. Покровский И.М., представитель Татотдела ОГПУ Урматский А.И. и завед. политико-правовой секцией Центрального архива ТССР Сибирцева... первый сдал, а остальные приняли по прилагаемой при сем описи рукописи и книги Соловецкого монастыря, поступившие в Казанскую духовную академию в 1855 году января 11 дня и хранившиеся до настоящего времени в рукописном отделении библиотеки названной академии"⁷.

Книжному фонду библиотеки повезло меньше и, несмотря на неоднократные протесты Татцентрархива (сохранилась драматичная переписка по этому вопросу), он был распределен в конце 1927 г. между различными организациями: Татарским коммунистическим университетом, Обществом татароведения, пединститутом, Домом татарской культуры и др.). Часть книг было решено отправить в Бурятскую республику. Таким образом, знаменитая библиотека Казанской духовной академии перестала существовать как единое целое⁸.

Между тем поступление документов упраздненных учреждений, в том числе и церковных, в Казанский губархив в 1919—1920 гг. продолжались. И для их систематизации и описания была создана комиссия в составе Стратонова, Покровского, Н.В. Петрова, Петровского, архимандрита Афанасия, студента Петроградского университета А.И. Никифорова, занимавшегося описанием рукописей и старопечатных книг Свяжского Успенского монастыря и Раифской пустыни.

Однако пребывание Стратонова у руля руководства архивами Казанской губернии, как, впрочем, и его преподавательская деятельность в университете, оказались недолгими. «Один за другим сходили со сцены представители архаичной

⁶ Там же. Д. 93. Л. 7.

⁷ Там же. Ф. 10. Дело фонда. Л. 47.

⁸ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93.

профессуры, наблюдая с каждым годом приближение сумерек старой "альма-матер"... Жизнь новая, непреклонная властно врывается в "храм науки" и отвоевывала позицию за позицией... В университете была учреждена должность военкома, осуществлявшего общий политический контроль», — читаем в воспоминаниях очевидца⁹. В этих условиях Стратонов в феврале 1921 г. ушел с должности уполномоченного ГУАД по ТССР и заведующего губархивом, а в начале августа 1922 г. правление Казанского университета получило уведомление Татполитотдела ГПУ о том, "что профессор Стратонов Иринарх Аркадьевич в ночь с 1 на 2 августа арестован и содержится под стражей Всетатотдела"¹⁰. Примерно в это же время был арестован его коллега по архивной работе иеромонах Варсонофий (Лузин), несмотря на попытку заступничества за него перед органами ГПУ Е.И. Чернышева, сменившего Стратонова на посту руководителя Татцентрархива. Ректорат Казанского университета также предпринял попытку добиться освобождения Стратонова "для выполнения им возложенного на него поручения по командировке его в г. Москву". Ходатайство было возвращено с резолюцией зам. начальника Татполитотдела ГПУ Штахановского следующего содержания: "По распоряжению начотдела рекомендуется Вам командировать кого-нибудь другого, ввиду того, что обвинение предъявлено довольно серьезно и рассчитывать на скорое освобождение не приходится"¹¹.

В чем же заключалась вина Стратонова? Ни много, ни мало в том, что он, "будучи уполномоченным Главархива по Казанской губернии... активно сколачивал в Татархиве контрреволюционные силы и ограждал их до поры до времени от революционного правосудия", а также вместе с другими «столь же "маститыми" представителями исторической науки, ... которые занимались архивным "строительством" в Татарии... явились прямыми виновниками массовой гибели архивных фондов и отдельных материалов в период 1918—1922 гг.»¹².

"Церковный этап", если можно так выразиться, в истории архивного строительства Татарии на этом завершился, но поступления документов из закрываемых в 20—30-е годы церквей и монастырей продолжались. В тот же период часть архивохранилищ республиканского архива была размещена в бывших церковных зданиях, три из которых (б. Благовещенский кафедральный собор., б. Гостинодворскую церковь и б. Старообрядческую церковь) ЦГА Татарстана занимает до сих пор.

В настоящее время в ЦГА Татарстана находится на хранении более 50 фондов учреждений духовного ведомства (церквей, монастырей, консисторий, духовных управлений и учебных заведений) за период до отделения церкви от государства. Эти документы активно используются сотрудниками архива, учеными, краеведами в социально-культурных и научных целях. В последние годы наблюдается заметное повышение интереса к этой категории документов со стороны не только историков церкви, но и исследователей (как профессионалов, так и краеведов-любителей), работающих над историей городов и сел, подготовкой свода памятников истории и культуры, а также над другими направлениями реализации республиканской программы "наследие" ("Мирас").

⁹ Шифрин Э.Л. Университет 20-х годов // Казань орденоносная. Казань, 1987. С. 61.

¹⁰ ЦГА Татарстана. Ф. Р-1337. Оп. 18л. Д. 16. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Бебешко В. 20 лет архивного строительства в Татарской АССР // АД. 1938. № 3(47). С. 185—186.

"СТАРАЯ МОСКВА" И УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

В фонде Московского областного бюро краеведения под грифом Комитета по охране могил выдающихся деятелей отложились три дела, объединенные общей темой, — постановкой общественностью памятника на могиле В.О. Ключевского 7 октября 1928 г. Этот памятник — большая темно-красная гранитная плита, напоминающая по форме развернутую книгу с лаконичной надписью: "Василий Осипович Ключевский. Род. 1841 г. — ум. 1911. Анисья Михайловна Ключевская. Род. 1834 г. — ум. 1910 г." — сохраняется и сегодня на старом кладбище Донского монастыря, к востоку от апсид Большого собора.

Заслуживает уважения не только самый факт этого проявления любви к талантливому историку, но и то, в какое время и при каких обстоятельствах был поставлен памятник. Ведь в 1928 г. в Москве многие исторические кладбища доживали последние дни, сносились или превращались в "оздоровительные" площадки; одновременно велась борьба с религиозной символикой, к которой безусловно отнесены были и надгробные памятники, особенно с крестами. Моссовет не выделял средств на некрополи. И в этих условиях научная и художественная общественность менее чем за год собирает средства и сооружает памятник.

Вот почему представляет интерес обзор документов, которые, к счастью для нас, зафиксировали всю историю постановки памятника.

Три архивные дела в ОР ГБЛ (ф. 177, к. 31, д. 43—45) называются: "Материалы по увековечению памяти В.О. Ключевского", "Памятник на могиле В.О. Ключевского"; "Протоколы заседаний Комитета по вопросу об увековечении [памяти] В.О. Ключевского". В общей сложности они насчитывают 62 л., датируются 1927—1928 гг.

В основном это подлинники (рукописи) и машинописные копии материалов Комитета по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и Московской губернии, который, как известно, образовался в марте 1927 г. и был утвержден Президиумом Моссовета 29 июня того же года. Идея создания Комитета и основной состав его участников принадлежали секции "Старая Москва", а организационно Комитет и секция входили в структуру Общества изучения Московской губернии. В числе документов — протоколы и переписка Комитета, подписные листы на сбор добровольных пожертвований для сооружения памятника, пригласительный билет на открытие памятника, отчет об этом открытии и др. Многие документы написаны рукой П.Н. Миллера, председателя Комитета, известного московеда.

25 октября 1927 г. в Комитет с письмом обратился Н.С. Елагин, выразивший озабоченность в связи с тем, что "могила одного из самых замечательных наших русских ученых-историков В.О. Ключевского... в настоящее время представляет из себя простой полуразрушающийся холмик, ничем к тому же не отмеченный. Нет ни памятника, нет ни креста" (д. 43, л. 41). Посещавшие Донской монастырь экскурсанты всегда интересовались могилой Ключевского, но ее трудно было отыскать. В 1927 г. на собрании учеников историка, по словам С.В. Бахрушина (д. 45, л. 1), говорилось о необходимости постановки креста на могиле (деревянные кресты на могилах супругов сгнили и упали в 1919—1920 гг.).

Все это побудило Комитет созвать 21 января 1928 г. совещание особой комиссии "для суждения по вопросу о постановке памятника", а именно: желательна ли постройка, каков должен быть вид памятника, где найти средства на его сооружение (д. 43, л. 2). На заседании присутствовали П.Н. Миллер (председатель), Н.А. Пустаханов (секретарь), С.В. Бахрушин (от МГУ), М.К. Любавский (Об-

щество истории и древностей российских), Н.А. Шамин ("Старая Москва"), И.С. Платон (Малый театр), А.И. Леонов (Историко-художественный музей XVIII в. б. Донского монастыря). Не смогли быть, но высказали свои предложения С.К. Богоявленский, И.И. Шитц, Н. Ульяновский, В.Н. Домогацкий, Н.М. Рудницкая-Моргунова. Очень интересно письмо последней (д. 43, л. 42): она предложила поставить общий памятник В.О. и А.М. Ключевским "как чрезвычайно дружной чете", сделала набросок надгробной плиты с крестом на колонне, подчеркнув, что нужно найти форму "не пышную и не тяжелую, а простую по форме и легкую и ясную как книги Ключевского".

Компетентность и глубокая заинтересованность участников этого совещания определили конструктивность всех его решений — они выполнялись точно и быстро. Признали необходимой установку памятника, вид которого должен быть "скромный — гранитная плита, светлая, над обеими могилами", а средства собрать путем подписки среди учреждений и отдельных лиц (д. 45, л. 2). В черновике протокола сохранилась запись: "Материал — мрамор белый, но трудность его получения, ввиду этого представить свободный выбор" (д. 45, л. 3). Так и получилось. Руководство Музея в б. Донском монастыре помогло подобрать для плиты материал, но не белого цвета ("как светлая и ясная мысль Ключевского" по словам С.К. Богоявленского), а темно-красного. Особую роль, отмечал П.Н. Миллер, сыграл архитектор-художник Н.А. Пустаханов — он безвозмездно составил проект памятника, подыскал материал, составил эскиз и трафарет надписи, руководил и наблюдал за установкой памятника (д. 44, л. 3).

Уже в начале февраля 1928 г. были разосланы подписные листы по 16 адресам, а летом они возвращались в Комитет. И сейчас можно видеть имена людей, принявших участие в этом благородном деле. Больше всего жертвователей дал Московский университет (подписной лист № 1) — 81 человек. Вместе с ним участвовали в подписке Академия наук, ГАХН, Исторический институт РАНИОН, 2-й МГУ, Археографическая комиссия, Общество истории и древностей российских, Художественный и Малый театры, "Старая Москва". И сегодня можно видеть на подписных листах имена С.Ф. Платонова, Н.П. Лихачева, М.К. Любавского, И.Ю. Крачковского, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, А.Е. Преснякова, С.Б. Веселовского, В.И. Невского, Л.В. Черепнина, К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, И.М. Москвина, Е.Д. Турчаниновой, Н.Д. Телешова, Н.П. Чулкова и многих других.

27 июля 1928 г. Комитет сообщил в Музейный подотдел МОНО, что деньги есть, и работа над памятником началась. Всего был собран 381 рубль 30 копеек (д. 43, л. 46) — деньги поступали на сберегательную книжку № 1577 ("на памятник Ключевскому") — и их с избытком хватило (д. 43, л. 45), так как многое делалось людьми безвозмездно.

После того, как подготовительные работы подошли к концу, наступило время двух торжественных актов. 4 октября 1928 г. в помещении Исторического музея было проведено "Старой Москвой" специальное, посвященное В.О. Ключевскому заседание, на котором выступили с воспоминаниями М.М. Богословский и др. В повестке заседания одновременно сообщалось, что в воскресенье 7 октября состоится открытие надгробного памятника.

К 11 час. утра — время открытия памятника — собралось много учеников и почитателей таланта В.О. Ключевского. Сохранилось типографским способом отпечатанное приглашение (д. 45, л. 7), украшенное портретом историка, который гравировал В.В. Матэ (тираж приглашения — 350 экземпляров). Оно — от имени секции "Старая Москва" Общества изучения Московской губернии.

Два архивных документа позволяют представить, как проходило открытие памятника. Это краткий, но очень информативный "Отчет о постановке памятника" (д. 44, л. 1—3), а также сделанная Н.М. Рудницкой-Моргуновой прото-

кольная запись выступлений (д. 45, л. 6—8). В "Отчете" названы поименно все лица и учреждения, участвовавшие в работе под руководством Комитета по охране могил (надо сказать, очень четким и умелым), заслуга которого во многом принадлежала П.Н. Миялеру. Именно он председательствовал и открыл своим выступлением торжественную церемонию на старом кладбище Донского монастыря. С.Б. Филимонов в своем ценнейшем для москвоведов издании "Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края" (М., 1989, с. 40—41) охарактеризовал ход и основное содержание выступлений на этом собрании. Не повторяя его, предложим новые фрагменты прозвучавших тогда речей.

В память своего "дорогого учителя", "славы Московского университета" произнес С.В. Бахрушин глубоко прочувствованные слова: "В скромных аудиториях мощно звучал его тихий голос, волнуя сердца многих поколений, призывая их к творчеству и труду". "Историки всегда будут черпать в трудах Василия Осиповича источники своего вдохновения и главным образом благодаря любви его к родной истории с ее светлыми и темными сторонами, любви, без которой немьслим труд историка".

М.К. Любавский отмечал, что обаятельный образ учителя не потускнел за прошедшие 17 лет. "Исторические драмы, а не безлюдные сухие теории рисовал он. (Заметим, что тут явно звучала полемика с утвердившимся тогда в науке схематизмом. — Л.И.) Он развешивал живую картину жизни, пронизательным умом своим схватывая стихии, создающие историю".

После выступлений М.Н. Розанова, Н.М. Рудницкой-Моргуновой и П.П. Корнева, племянника историка, П.Н. Миллер заключил торжественную церемонию словами удовлетворения, что теперь охрана памятника будет вестись музеем и что "к нему не зарастет народная тропа". И она не зарастает.

Завершая обзор документов, отразивших энергичную работу общественности ради достойного увековечения памяти В.О. Ключевского, обратимся к оценке, данной тогда же, в 1928 г., участниками этой акции: "Комитет по охране могил выдающихся деятелей на этом примере убедился, что он не один, что он может рассчитывать на широкую общественную поддержку и это дает ему бодрости и силы, чтобы продолжить свою работу с возможной энергией и настойчивостью" (д. 44, л. 3). Однако, к глубокому сожалению, плодотворная деятельность этого общественного органа была грубо прервана вскоре, в 1930 г.

Более 60 лет прошло со времени установки памятника В.О. Ключевскому. Он впечатляет и сегодня своим строгим, лаконичным, скромным обликом. Известно, что Василий Осипович не любил пышных памятников, и потому в 1916 г. его сын, Б.В. Ключевский (как сообщали "Русские ведомости" 13 мая), вел переговоры с одним из известных московских архитекторов о памятнике в виде каменного гладкого столба с иконой "в древнерусском стиле". Не потому ли на надгробной плите выделена иным цветом камня небольшая окружность. Может быть, это место для креста над могилой профессора Московского университета и Московской духовной академии.

ДОКУМЕНТЫ А.А. БОГДАНОВА (МАЛИНОВСКОГО) В АРХИВОХРАНИЛИЩАХ СТРАНЫ

Документы замечательного русского ученого-энциклопедиста, известного политического деятеля, философа, врача, экономиста и социолога Александра Александровича Богданова (псевдоним, настоящая фамилия Малиновский) (1873—1928) рассеяны по различным архивам нашей страны и за рубежом¹. Наиболее значительная часть хранится в РЦХИДНИ, другие — в ААН, ЦГАЛИ и иных архивах. Они включают разные виды документов: 1) рукописи научных трудов и материалы к ним, 2) документы общественно-политического и литературного характера, 3) биографические материалы, 4) материалы по научно-организационной деятельности, 5) переписку.

В путеводителях по фондам перечисленных архивов имя А.А. Богданова не встречается (путеводителя РЦХИДНИ не существует). Однако рассматриваемые в обзоре фонды нередко уже использовались в исследованиях. Так, в своей монографии "В.И. Ленин и Пролеткульт" (М., 1974) (пожалуй, самой основательной для данной темы) В.В. Горбунов привлек более 300 дел из различных архивов, основная часть которых относится к фонду ЦК Всероссийского совета Пролеткульта (ф. 1230, ЦГАЛИ). По фонду Богданова из РЦХИДНИ (ф. 259) у Горбунова есть лишь одна ссылка (на д. 25 — рукопись Богданова "Десятилетие отлучения от марксизма", 1914 г.).

Эти два фонда, содержащие основной массив богдановских документов, использовались в ряде диссертаций: З.В. Бражиковой "Критика социологических проблем культуры и искусства в эстетической теории Пролеткульта" (М., 1969) и др. Одно из последних исследований с наиболее широким привлечением ф. 1230 — работа Л.А. Пинегинной "Советский рабочий класс и художественная литература. 1917—1932" (М., 1984). Отметим краткий обзор ф. 1230 Н.Б. Волковой "Материалы Пролеткульта в ЦГАЛИ" (Вопр. литературы. 1958. № 1. С. 168—183).

В целом же можно сделать вывод, что фонд Богданова в РЦХИДНИ изучался очень редко в отличие от ф. 1230 (использовавшегося, впрочем, весьма односторонне — лишь в плане критики взглядов Богданова).

Далее рассмотрим основные виды богдановских документов в архивах.

1. Рукописи научных трудов и материалы к ним. В РЦХИДНИ, в ф. 259, оп. 1 (в тексте далее названы лишь номера дел и листов этого фонда) хранится рукопись первых шести глав книги "Всеобщая организационная наука (Тектология)" (д. 20, 1—4 гл., 28 дек. 1912—1913 гг., автогр. под копирку; д. 21, 5—6 гл., 1913—1922 гг., автогр. под копирку) — "дело жизни", по выражению самого Богданова (д. 53, л. 5)². В д. 22 содержится дополнения и замечания к данной рукописи (автографы, 1913—1922 гг.).

В наиболее полное, 3-е изд. "Тектологии"³ вошли статьи, отсутствующие в

¹ Биографические данные см.: Белова А.А. А.А. Богданов: (Выдающиеся деятели сов. здравоохранения). М., 1974; А.А. Богданов. Биограф. очерк // Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. С. 36—44; БСЭ. М., 1927. Т. 6. С. 574—582; 3-е изд. 1970. Т. 3. С. 442—443; СИЭ. М., 1962. Т. 2. С. 496—497; Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 296—297.

² Богданов А.А. Всеобщая организационная наука: (Тектология). СПб., 1913. Ч. 1. М., 1917. Ч. 2; *Он же*. Тектология: Всеобщая организационная наука. Берлин; Пг.; М., 1922. Ч. 1, 2; 2-е изд., перераб. и доп. Ч. 3. Рукопись, находящаяся в РЦХИДНИ, соответствует этим изданиям "Тектологии".

³ Богданов А.А. Всеобщая организационная наука: (Тектология). 3-е изд., перераб. и доп. М.; Л., 1925—1929. Ч. 1—3. В серии "Экономическое наследие" с него осуществлено 4-е изд.: Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. / Редкол.: Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. М., 1989.

предыдущих изданиях: «О критиках "Тектологии"», "Клерикальные критики"⁴ (д. 34, автографы, около 1927 г.); "Природа шаровой молнии" ("La nature de la foudre globulaire") (д. 47, автогр. на франц. яз., начало 10-х годов) — в переработанном виде как § 6 гл. 8 под заголовком "Частная иллюстрация: вопрос о шаровой молнии"⁵. Возможно, Богданов переработал § 6 в статью для одного из научных журналов на французском языке⁶. На другие попытки Богданова обменяться информацией с зарубежным ученым миром указывает присутствие статьи "Необходимые разъяснения" в д. 40 (автогр. под копирку около 1927 г.) (по поводу критической статьи Plenge о немецком переводе 1 ч. "Тектологии").

Статья "Учение об аналогиях (о книге М. Петровича "Механизмы, общие для разнородных явлений") (д. 37, автогр. под копирку, около 1922 г.) вошла в текст 3-го изд. с малозначительной по смыслу правкой⁷.

Отметим, что почти все документы ф. 259 — автографы под копирку. В разделе научных трудов исключение составляют лишь некоторые материалы к ним. Однако и в этом случае отличить автографы от автографов под копирку затруднительно, потому что все рукописи фонда (за очень немногими исключениями) написаны карандашом (в основном синим). Законно предположить, что первые экземпляры научных трудов Богданова осели в архивах редакций, куда он направлял рукописи своих книг и статей. Например, для 3-го изд. "Тектологии" — это архив издательства "Книга".

В особое дело выделены автографы — черновики научных и философских работ Александра Александровича (д. 44), проблемные научные статьи, например "От философии к организационной науке" (д. 34, маш. экз., после 1921 г.) и т.д.

Среди других крупных произведений в ф. 259 выделяется рукопись 1-го изд. книги Богданова "Философия живого опыта"⁸ (д. 17, 1—3 гл.; д. 18, 4—6 гл.; автогр. под копирку, 1911 г.). В 3-е изд. (М., 1923) вошло приложение "От мизма религиозного к научному" (д. 38, автогр. под копирку, 1923 г.).

К материалам философской темы примыкают афиши лекций по философии, читанных Богдановым в Женеве и Париже в 1908—1910 гг. 16 афиш-извещений (из них один дубликат) в РЦХИДНИ охватывают период с 25 июня 1908 г. по 29 сентября 1910 г. и представляют философский цикл "Картина мира", а также полемические рефераты Богданова по философии; на обороте одной из афиш имеются пометки Богданова полемического характера (д. 9, л. 15). В ЦГАЛИ, в фонде В.И. Язвицкого (ф. 585, оп. 1) хранятся другие экземпляры девяти афиш-объявлений о лекциях и рефератах, прочитанных Богдановым в Женевском клубе социал-демократов (большевиков) в 1908—1910 гг.: тот же цикл лекций "Картина мира", а также извещения об обсуждении реферата "Плехановская школа в социальной философии", о лекции "Смерть и пульс жизни" (д. 92, л. 3, 5—9). Содержание афиш (неопубликованных) лекций и рефератов Богданова способно помочь заполнить пробел в изучении его философского творчества в период между созданием Богдановым книг "Эмпириомонизм" (М., 1904—1906) и "Философия живого опыта" (1911). Дают они представление и о спорах Богданова с плехановской школой в философии (в том числе и упомянутые рукописные пометки).

⁴ См. соответственно: *Богданов А.А. Тектология*. 4-е изд. Кн. 1. С. 291—297; Кн. 2. С. 304—319.

⁵ Там же. Кн. 2. С. 248—252.

⁶ В д. 47 содержится другая статья на фр. яз. о переливании крови как методе прививки ("La greffe du sang. Méthode d'échange") (автогр. под копирку, 1910-е годы), вероятно, также предназначенная для иностранного журнала.

⁷ *Богданов А.А. Тектология*. 4-е изд. Кн. 1. С. 278—291.

⁸ *Богданов А.А. Философия живого опыта: Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего*. СПб., 1913.

Содержание лекции "Смерть и пульс жизни" прослеживается в фантастическом романе Богданова "Инженер Мэнни" (СПб., 1912)⁹.

Среди других научных трудов Богданова в РЦХИДНИ нужно отметить рукопись книги "Курс политической экономии" (д. 27, т. 2 с доп. И.И. Скворцова-Степанова, автогр. под копірку, 1918 г.)¹⁰ смыкающимися к нему "Замечаниями" (д. 28, автогр., 1918 г.). К работе над 1-м т. этого "Курса" (СПб., 1910), очевидно, относятся материалы: "Проект учебника политэкономии" и письмо И.И. Скворцову-Степанову по поводу проспекта (д. 14, автогр. под копірку, около 1909 г.), "Лекции по политэкономии, дополнения, вопросы и замечания к ним" (д. 16, автогр. под копірку, 1910 г.) и др.

К данной теме примыкают и программы лекций по политэкономии со списками рекомендуемой литературы, читавшихся Богдановым уже после революции на факультете общественных наук 1-го МГУ в 1921/22 и 1922/23 уч. годах (д. 33, автогр., маш. текст, стеклогр.). В РЦХИДНИ имеется широкий состав программ и тезисов лекций Богданова, другие экземпляры которых хранятся в ЦГАЛИ (ф. 1230, оп. 1, д. 649 и оп. 2, д. 3; маш. экз., 1921—1923 гг.). В ф. 1230 особо можно отметить крупнейшую богдановскую рукопись этого хранилища — «Конспект 2-го и 3-го тома "Капитала" К. Маркса» (оп. 2, д. 3, автогр., неопуб., втор. пол. 1890-х гг.)¹¹.

Все указанные крупные научные труды Богданова — "Тектология", "Философия живого опыта", "Курс политической экономии" — были неоднократно изданы еще при жизни автора¹². Были частично изданы даже упоминавшиеся лекции Богданова по политэкономии¹³.

Неопубликованные документы Богданова по рассматриваемой группе трудов хранятся в ААН. Вопрос этот, безусловно, требует особого исследования, однако уже сейчас можно отметить, что в стенограммах докладов и выступлений Богданова, влившихся в ААН вместе с документами Коммунистической академии (членом которой он являлся со времени ее основания и "относился к ней всегда искренно и серьезно" (д. 63, л. 12)), выделяется важная неопубликованная часть. Это, например, доклад "Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания", прочитанный Богдановым на заседании Социалистической академии 24 мая 1923 г. (ф. 350, оп. 2, д. 4, маш. экз.), и выступление Богданова в прениях по докладу Е.А. Преображенского "Гениальность и талант с социологической точки зрения" (там же, д. 13, маш. экз., 18 янв. 1923 г.). В докладе изложены взгляды Богданова на процесс развития науки в социологическом аспекте, где выделена особая роль технической интеллигенции в развитии не только науки, но и общества в целом; выступление же в прениях знакомит нас, в частности, с богдановским пониманием творчества К. Маркса (на примере 1-й главы "Капитала") и процесса рождения, "прорыва" новых идей.

О длительной и сложной работе Богданова над своими выступлениями в Комакадемии можно судить по автографу доклада "Версальское устройство и

⁹ В ф. 259 (оп. 1, д. 36) РЦХИДНИ хранится объявление о лекциях А.А. Богданова "Простейший закон организации" и "Мертвая жизнь" в Доме коммунистического просвещения (л. 1, маш. экз., нач. 1920-х годов). Краткое содержание последней из названных лекций также прямо перекликается как с идеями романа "Инженер Мэнни", так и с содержанием заграничной лекции Богданова "Смерть и пульс жизни".

¹⁰ Богданов А.А., Степанов И.И. Курс политической экономии. СПб.; М.; Прага, 1910—1919. Т. 1—2; М.; Пг., 1920. Т. 2, вып. 1; М.; Пг., 1919. Т. 2, вып. 2; М.; Пг., 1919. Т. 2, вып. 4.

¹¹ В РЦХИДНИ такой рукописи нет.

¹² См.: "Библиографию основных работ А.А. Богданова" в "Тектологии" (1989. Кн. 2. С. 332—338).

¹³ Богданов А.А. Теория капитализма. Конспект курса лекций, чит. на фак-те общественных наук 1-го МГУ в 1922/23 уч. г. / Сост. автором. М.: Исполбюро студентов ФОНа 1-го МГУ, 1922. 21 с. Стеклогр. изд. (200 экз.). Экз. имеется в ф. 259 РЦХИДНИ (д. 33).

Россия" и дополнениям к нему, хранящимся в РЦХИДНИ (д. 35, 24 янв. 1922 г.), а в записных книжках Богданова мы находим фактический и цифровой материал, использованный Богдановым при подготовке этого доклада (д. 48, 1-я книжка, автогр., л. 1—18, нач. 20-х годов). В ААН хранится стенограмма этого доклада (ф. 350, оп. 2, д. 20, л. 1—42, маш. экз.). Опубликован он, наряду с некоторыми докладами Богданова (1922—1927 гг.), в "Вестнике Коммунистической академии" под заголовком "Версальское устройство" (№ 1, 1922). Рукопись, стенограмма и публикация имеют расхождения, изменения и дополнения, свидетельствующие о продолжавшейся работе Богданова над докладом в течение 1921—1922 гг. Среди неопубликованных докладов можно также отметить "Линии культуры XIX и XX вв." Стенограмма этого последнего доклада Александра Александровича (в стенах Комакадемии), возможно, хранится в ААН (обнаружить ее не удалось), рукопись же развернутых тезисов находится в РЦХИДНИ (д. 45, автогр., около 1927 г.). Это одно из самых глубоких исследований Богданова социально-культурного характера.

Вот что говорил относительно неопубликованных богдановских трудов А.А. Малиновский — сын Богданова: «Большая часть произведений Богданова была издана. Но два его произведения не были изданы (разные по содержанию). Первое — это был его последний доклад "Линии развития XX века"¹⁴. О второй работе А.А. Малиновский говорил следующее: «В 1923 г. Богданов был арестован и пять недель находился в ГПУ, и это его произведение, имеющее мемуарный характер, так и называется — "Пять недель в ГПУ". Я его читал, оно было у нас, потом оно было передано его наследнику, который должен был его сохранить после его смерти, как его работу. Это был бывший рабочий Василий Васильевич Глаголев (настоящая фамилия его была Вольский). Но у Вольского работа пропала, потому что он был арестован. Эту работу я читал, знаю ее содержание, а затем я ее обнаружил примерно в 1936—1937 гг. в папке, посвященной Богданову, в Институте марксизма-ленинизма»¹⁵. Автограф "Пять недель в ГПУ" находится в фонде А.А. Богданова в РЦХИДНИ под заголовком "Дневник записей за период с 8 сентября по 25 октября 1923 г." (д. 2). Помимо истории ареста, допросов и освобождения Богданова, там мы найдем его заявления на имя Ф.Э. Дзержинского. Можно предположить, что арестованный (очевидно, в конце 20-х годов) вместе с В.В. Глаголевым богдановский архив был позже передан в Институт марксизма-ленинизма¹⁶. Представляет существенный интерес и вопрос о возможности существования архива самого рабочего-философа Глаголева с материалами о Богданове.

Вернемся, однако, к научным сочинениям Богданова социологического направления, находящимся в РЦХИДНИ. Среди опубликованных книг и статей — "Краткий курс идеологической науки (в вопросах и ответах)" (д. 24, автогр. под копирку, 1913 г.)¹⁷, а также примыкающая полемическая статья "Некоторые

¹⁴ Стенограмма Международной конференции "А.А. Богданов (Малиновский) — революционер и мыслитель". Доклад А.А. Малиновского 10 апр. 1989 г. (Мосгорархив. Маш. экз. С. 114).

¹⁵ Там же. С. 115.

¹⁶ На соответствующий запрос Мосгорархива Центральный архив КГБ СССР ответил, что сведений об аресте В.В. Глаголева и его архива не имеется, рекомендовав обратиться в ИМЛ. Там, по "Делу фонда А.А. Богданова" установлено, что часть документов получена от Ш. Раппопорта из Парижа "через НКВД" 11 августа 1935 г. В мае 1937 г. наркоминдел М.М. Литвинов передал еще одну партию документов Богданова, представлявших собой "пакет, переданный через Брюссельское Полпредство от бывшего секретаря Международного Социалистического Бюро К. Гюйсманса, оставленный ему в свое время на хранение покойным Богдановым". В результате новейших исследований установлено, что было еще 3 передачи документов Богданова в ИМЭЛ: из НКВД 1 июля 1938 г., "от неизвестного лица" — 4 декабря 1950 г. и из КГБ — 30 июля 1976 г.

¹⁷ *Богданов А.* Наука об общественном сознании: Крат. курс идеологической науки в вопросах и ответах. М., 1914.

недоразумения" (ответ К. Каутскому по поводу его рецензии на немецкий перевод книги Богданова "Наука об общественном сознании") и письмо в редакцию журнала "Gesellschaft" с просьбой напечатать эту статью¹⁸ (д. 39, автогр. под копирку, 1925 г.). Интересны тезисы доклада "Мировая война и революция" (д. 32, автогр. под копирку, апрель 1921 г.), дающие представление об исключительном месте, которое уделял Богданов первой мировой войне в развитии дальнейших социальных коллизий¹⁹. Здесь же статьи "Новейшие прообразы коллективистического строя" (д. 43, автогр. под копирку, около 1918 г.), "К. Маркс" (д. 23, автогр. под копирку, 1919 г.)²⁰, а также другие работы социально-культурного характера: "Научные задачи рабочего класса", "Социально-организационное значение искусства"²¹, "Замечания и выписки по вопросам пролетарской культуры" и проч. (д. 46, автографы, около 1918 г.). К докладу Богданова "О пролетарской поэзии"²² приложено немаловажное, на наш взгляд, выступление в прениях (по этому докладу) С.А. Есенина (д. 30, маш. копия, 26 янв. 1920 г.).

В ЦГА РСФСР хранится неправоленная стенограмма доклада А.А. Богданова на 1-м Всероссийском съезде Пролеткульта "Пути пролетарского творчества" 6 октября 1920 г. (ф. 2306, оп. 17, д. 14, маш. экз.)²³. С аналогичным докладом "О пролетарском творчестве" Богданов выступал на 1-м Всероссийском съезде пролетарских писателей 19 октября 1920 г.²⁴

Изучающий социально-культурные исследования Богданова неминуемо обратится к его документам, хранящимся в ЦГАЛИ. В уже упоминавшемся ф. 1230 (ЦК Пролеткульта) содержатся тезисы доклада Богданова "О пролетарской литературной критике" на Всероссийском совещании литературно-издательского отдела и отдела изобразительных искусств Пролеткульта 21 августа 1921 г. (оп. 1, д. 457, л. 8, маш. экз., неопуб.); статистический источник — «Отчетные ведомости по продаже ж. "Пролетарская культура"» (об издании и продаже книг Богданова "Социализм науки" (М., 1918) и "Искусство и рабочий класс" (М., 1918) (оп. 1, д. 423, маш. экз., 1918 г.).

С журналом "Пролетарская культура" Богданов был связан не только как член редколлегии. Его "Очерки организационной науки" ("Тектология" в сокращенном издании) увидели свет в 1919—1921 гг. на страницах этого журнала (№ 7—21)²⁵. Машинописная копия главы "Кризисы форм" из данных "Очерков" содержится в ф. 1230, оп. 1, д. 649. Там же мы находим доклад Богданова "Организационные принципы социальной техники и экономики"²⁶ (д. 649, маш. экз.) и критическую работу неизвестного лица "О законах новой совести А.А. Богданова",

18 *Bogdanov A. Einige Missverständnisse. Eine Antwort an Karl Kautskyi // Gesellschaft. B., 1925. N 9.*

19 Возможно, это первоначальный вариант доклада Богданова "Версальское устройство", прочитанного в январе 1922 г. в Социалистической академии.

20 *Богданов А. Карл Маркс // Рабочий труд. М., 1914. № 1. С. 2—6.*

21 Возможно, это подготовительные материалы к многочисленным статьям и докладам Богданова на эти темы, например: Наука и рабочий класс. Доклад, чит. на конференции пролетар. культ.-просвет. организаций г. Москвы 23-го февраля 1918 г. М., 1918; Искусство и рабочий класс. М., 1918; Наука и пролетариат // Протоколы 1-й Всеросс. конф. пролетар. культ.-просвет. организаций. М., 1918; Пролетариат и искусство // Там же.

22 Опубликована статья Богданова по этой теме: Что такое пролетарская поэзия? // Пролетарская культура. 1918. № 1. С. 12—22. С текстом доклада не совпадает.

23 *Богданов А. Пути пролетарского творчества: (Тезисы) // Там же. 1920. № 15/16. С. 50.*

24 *Кузница. М., 1920—1921. № 7. С. 32—36.*

25 Отд. изд.: *Богданов А.А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921.*

26 Текст этого доклада, прочитанного на заседании Социалистической академии 15 сентября 1921 г., в основном совпадает с текстом, данным в "Вестнике Социалистической академии" (1923 г., № 4).

посвященную одноименной главе его книги "О пролетарской культуре"²⁷ (маш. экз., после 1924 г.).

К материалам научного характера примыкают выписки из книг Ф. Ле-Дантека "Введение в общую патологию", крупнейшего психолога того времени У. Джеймса "Зависимость веры от воли", выписки из сочинений З. Рагозиной "История Индии" и др. (РЦХИДНИ, ф. 259, оп. 1, д. 49, автогр., текст на рус. и франц., 1910-е годы).

Заключая обзор научных материалов, хотелось бы выделить сдаточную опись № 2 (РЦХИДНИ, ф. 259) на документы, переданные из бывшего "Основного фонда". Опись состоит в основном из переписки, но под № 39824 здесь значится рукопись главы "Товар и деньги" из книги Богданова "Краткий курс экономической науки" (автогр., 1900-е годы), а под № 3568 — письмо Давида (Dawid) А. Богданову с просьбой разрешить перевести на польский язык и издать эту книгу²⁸ (автогр., 1904 г.).

2. Документы общественно-политического и литературного характера. Среди этих документов в РЦХИДНИ привлекает внимание обширная рукопись книги А.А. Богданова "Десятилетие отлучения от марксизма" (д. 25, автогр., 396 л., 1914 г.)²⁹ и очерк "Время великих перемен" (д. 11, автогр. под копирку, около 1908 г.), а в сдаточной описи № 1 на документы, переданные из "Основного фонда" — рецензия Богданова «По поводу статьи Ст. Вольского "О блудных сынах социализма"» (№ 35792, автогр. под копирку, 1913 г.).

Нужно заметить, что документы общественно-политического характера ф. 259 отличаются большой пестротой состава: начиная с автографа брошюры "Современное положение и задачи партии" (известная платформа группы "Вперед" — д. 13, автогр. под копирку, октябрь 1909 г.) и до "Листовок Бюро комитетов большинства о созыве III съезда РСДРП, о положении дел в партии и по иным вопросам, написанные Богдановым" (д. 8, 30 л., маш. текст, февраль — июль 1905 г.).

Примером широкого диапазона общественно-политических материалов архива Богданова в РЦХИДНИ может служить д. 12, содержащее: а) проекты платформы о фракционном единстве и резолюции о философской дискуссии; б) дополнение и поправки к протоколу расширенного совещания редакции "Пролетария" по вопросам о работе большевистской фракции и о "богостроительстве"; в) письмо в ЦК РСДРП о партийной школе на о. Капри; г) заявления и письма в расширенную редакцию "Пролетария" о работе финансовой комиссии ЦК, о Думской фракции, о статье А.В. Луначарского и другие, написанные и предложенные Богдановым (Максимовым) и В. Шанцером (Маратом); д) копию резолюции об устранении А. Богданова из ЦК партии большевиков и др. (автогр., 48 л., январь 1909 — январь 1910 г.). Имеются уникальные документы и более позднего времени, например: "Проект воззвания о мире от рабочих Москвы к пролетариям воюющих союзных, неприятельских и нейтральных сторон, с пометками И.И. Скворцова-Степанова" (д. 26, автогр., март—октябрь 1917 г.).

Из литературных произведений Богданова, хранящихся в РЦХИДНИ, прежде всего укажем на автографы его стихотворений "Марсианин, заброшенный на землю", "Настанет день", "Песня солдата" и др. (д. 31, автогр., 1910-е — 1920-е годы). Первые два стихотворения опубликованы соответственно в романе-утопии Богданова "Красная звезда" (СПб., 1908 г.) и романе "Инженер Мэнни" (СПб.,

²⁷ Богданов А.А. О пролетарской культуре, 1904—1924. Л.; М., 1924.

²⁸ Krótki wykład ekonomji politycznej. Warszawa, 1905; издание J. Dawid'a: Zarys nauki ekonomji politycznej: (Z upoważnienia autora przełożył z 6-go wyd. oryginału ros. J.W. Dawid). W-wa, 1906; Богданов А. Краткий курс экономической науки. 6-е изд., М., 1905.

²⁹ В 1904 г., как писал Богданов, он был «в первый раз отлучен от марксизма меньшевистской "Искрой" (статья Ортодокса в № 70, обвинившая меня в философском идеализме)» // Деятели СССР и революционного движения России. Энцикл. слов. Гранат. М., 1989. С. 361.

1912); рукописей романов (первый из них впервые увидел свет в издании автора, второй — в издании Дороватовского и Чурушников) в РЦХИДНИ нами не обнаружено. В д. 31 хранятся очевидные наброски задуманного Богдановым третьего романа о Леониде (по описи — "Рассказ о революционном движении" (автогр., после 1912 г.)). В д. 19 хранится пьеса "Инженер Мэнни (драматическая хроника из истории Марса)" (автогр., начало 1920-х годов). Интересно отметить, что романы "Красная звезда" и "Инженер Мэнни" наряду с произведениями Г. Уэллса, А. Франса, Дж. Лондона и других авторов были рекомендованы в "Декларации, принятой Пленумом Всероссийского ЦК Пролеткульта 19-го дек. 1920 г." как "материал для инсценировок" в пролетарских театрах (М., 1920, с. 8—9). Очевидно, пьеса, хранящаяся в д. 19, представляет собой подготовительную работу Богданова согласно этой рекомендации.

3. Биографические материалы. Обширнейшая эта группа образована в основном документами целого ряда центральных и областных архивов о Богданове, но мы рассмотрим сначала рукописи самого Александра Александровича в ф. 259 РЦХИДНИ. Прежде всего это рукопись, очевидно, самой подробной автобиографии, написанной им в 1925—1926 гг. для биографического приложения к т. 41 "Энциклопедического словаря Гранат"³⁰. Текст данного издания и рукописи (д. 1) совпадают полностью, за исключением упоминания Богдановым в рукописи о своем аресте осенью 1923 г.

Большой интерес вызывает начало задуманной Богдановым книги о его жизни (д. 3 — "А.А. Богданов. Отрывок воспоминаний о своем детстве"): «Я видел большие события, крупных людей, — пишет Александр Александрович в предисловии "От автора". — Все это я понимал не так, как понимают многие, вернее — большинство, пожалуй даже, огромное большинство моих современников. Доказательство — вся полемическая литература против меня, столь обширная, что при всем желании мне нет возможности вполне ознакомиться с нею. Следовательно, мне есть о чем рассказать и есть зачем» (л. 1, автогр., начата 28 апреля 1925 г.).

В этой связи необходимо упомянуть богдановские записные книжки (д. 48, автогр., 111 л., 1920-е годы). Здесь наряду с разнообразными записями научного характера, автор делал заметки под рубриками "К ром[ану]" и "К мем[уарам]", где короткими, острыми мыслями действительно дает анализ эпохи со своей, оригинальной точки зрения. Книжки эти, таким образом, являются богатым историческим источником не только для биографов Богданова.

Завершая рубрику автобиографических документов, отметим, что в ААН хранится подробная анкета члена Социалистической академии, заполненная Богдановым 30 августа 1923 г. (ф. 350, оп. 3, д. 190), а в ЦГА РСФСР — "Автобиография врача (Gurgiculum vitae) (из личного дела) А.А. Богданова (Малиновского)" (ф. 482, оп. 42, д. 590, л. 1, 2, 27 февраля 1925 г.).

ЦГАОР, ЦГА РСФСР, ЦГВИА, ЦГАОР г. Москвы, ЦГИА г. Москвы, а также государственные архивы Вологодской, Тверской, Калужской, Тульской и Харьковской областей хранят материалы о Богданове. Весь этот слой архивных документов легко может быть вскрыт, если следовать "биографической топографии" Богданова.

В ГА Тульской области документы Богданова (А. Малиновского) содержатся в фонде Тульской мужской гимназии, куда он поступил на место казенного стипендиата 27 сентября 1886 г. в третий класс после перевода из Ярославской мужской гимназии (ф. 8, оп. 1, д. 892, л. 29 об. — 30). В фонде хранятся журналы успеваемости, показывающие большую прилежность Богданова к занятиям, награжденного при окончании гимназии в 1892 г. золотой медалью.

Интересно отметить, что в Тульской гимназии (а затем и в Московском

³⁰ Факсим. воспр.: Деятели СССР и революционного движения России. С. 361—363.

университете) в одно время с А.А. Богдановым учился П.Г. Смидович, будущий государственный деятель (д. 1075, л. 84—86; д. 946, л. 96). С В.В. Смидовичем (писателем Вересаевым) Александра Александровича связывали впоследствии достаточно близкие отношения (о чем, в частности, свидетельствует содержание его писем к Вересаеву (ЦГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, д. 548)).

Далее идут документы ЦГИА г. Москвы. Документы фонда Московского университета дают нам общие биографические данные об А.А. Малиновском, сведения о родителях, братьях и сестрах (ф. 418, оп. 306, д. 469, л. 4, 6). В нем хранится дело А.А. Малиновского о принятии его в студенты Московского университета (д. 468); имеются копия метрического свидетельства, аттестат об окончании гимназии, другие документы.

Документы фонда Московской судебной палаты относятся к деятельности "Союзного Совета объединенных землячеств" (в середине 1890-х годов), по делу о котором Малиновский был подвергнут ссылке в Тулу (ф. 131, оп. 51, д. 36—38). Они свидетельствуют об участии Малиновского в студенческом движении 1894 г., в подготовке петиции на имя Николая II об изменении университетского устава. Документы аналогичного содержания, списки привлеченных по этому делу студентов имеются также в фонде Московского университета в деле "О беспорядках и арестах" (ф. 418, оп. 514, л. 28).

В фонде Московского цензурного комитета сохранились сведения о ежедневной социал-демократической газете "Вперед", сотрудником которой был А.А. Богданов: «О газете "Вперед" № 1, 2, 3 и 4 1905 г.» (ф. 31, оп. 3, д. 445). Подобный материал имеется и по другим изданиям, в которых работал А. Малиновский: «О газете "Борьба" № 1—9» (ф. 131, оп. 2, д. 441) и газете "Светоч" (ф. 31, оп. 3, д. 500).

В ГА Калужской области мы узнаем (из сообщения начальника Московского охранного отделения начальнику Калужского губернского жандармского управления) относительно дальнейших "перемещений" А.А. Малиновского, а из метрической книги — об изменениях в личной жизни Александра Александровича — бракосочетании его с дворянкой Н.Б. Корсак 2 июля 1900 г. в Покровской церкви, "что на Калужке" (реке) (ф. 33, оп. 4, д. 367; ф. 783, оп. 1, д. 214 и ф. 32, оп. 10, д. 465).

В ГА Харьковской области хранится "Дело Харьковского полицмейстера о состоящем под секретным надзором полиции по секретному столу студенте университета А.А. Малиновском (24 окт. — 19 окт. 1895 г.)" на 35 листах (ф. 52, оп. 4, д. 1008).

Аналогичного характера документы государственно-охранительных учреждений о Богданове хранятся в ГА Вологодской области: в ф. 18 (Канцелярии вологодского губернатора), в ф. 34 (Вологодская губернская земская управа, например, оп. 3, д. 818), ф. 108 (Вологодское губернское жандармское управление, оп. 1, д. 363), ф. 129 (Вологодский полицмейстер, оп. 3, д. 223), ф. 130 (Вологодское полицейское управление, оп. 2, д. 546), ф. 136 (Вологодский уездный исправник, оп. 3, д. 264) и др.

В начале XX в. в Вологде образовалась весьма значительная колония ссыльных, представляющих самые разные политические течения. В их числе были и социал-демократы: П.Л. Тучапский, И.А. Саммер, В.А. Русанов, С.Г. Струмилин, А.В. Луначарский, В.А. Карпинский, "экономисты" П.В. Чернышев и Н.Г. Малишевский, будущий лидер боевой организации эсеров Б.В. Савинков, историк и литературовед П.Е. Щеголев, писатель А.М. Ремизов и др. Среди представителей различных течений кипела борьба идей. А.А. Богданов и А.В. Луначарский, представляя лагерь "реалистов", критиковали "идеалистов", возглавляемых известным мыслителем Н.А. Бердяевым (ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 382^а, 431, 493, 725; ф. 18, оп. 2, д. 828; ф. 130, оп. 2, д. 541). В 1902 г. эта полемика

перешла на страницы журнала "Вопросы философии и психологии", других журналов и сборников (ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 191, 496)³¹.

Осколок этих когда-то бурных дискуссий — рукопись статьи А. Богданова "Два типа идеализма" — хранится в ЦГАЛИ в фонде историка революционно-освободительных движений в России В.Я. Богучарского (ф. 1696, оп. 1, д. 257, л. 1—9, неопуб., автогр.). Статья эта интересна не только в историко-философском плане, но и с точки зрения исследования психологии личности автора.

Дополняют состав жандармских и полицейских извещений, сообщений и проч. документы ГА Тверской области (ф. 927, оп. 1, д. 653, 977).

Менее значительны сведения ЦГВИА (ф. 546, оп. 6, д. 892, л. 48—49) относительно "зачисленного в запас чиновника военно-медицинского ведомства вольнопрактикующего врача, лекаря Александра Малиновского". Представляется, впрочем, возможным обнаружить в этом архиве сведения о службе А.А. Малиновского военным врачом на фронте, а затем в тылу в годы первой мировой войны.

Широкий спектр документов общественно-политической деятельности А.А. Богданова находим мы в фондах ЦГАОР. В основном — это ф. 102 (Департамент полиции): оп. 253, д. 240; ОО, 1898 г., д. 3, ч. 42; ОО, 1904 г., д. 13. ч. 1; ОО, 1907 г., д. 127; ОО, 1909 г., д. 5, ч. 84; ОО, 1911 г., д. 235; ДО, 1910 г., д. 5; ДО, 1913 г., д. 5, ч. 18, а также ф. 1742, оп. 1, д. 21992 (фото 1901 г.) и др.

Здесь донесения в Департамент полиции Московского, Петербургского, Гродненского начальников охранных отделений, заведующего заграничной агентурой, других чиновников; циркуляры, справки, телеграммы Департамента; «Дело Особого отдела Департамента полиции "О докторе Александре Малиновском (клич. "Богданов" и "Рядовой)"» (ф. 102 (ДП), ОО, 1917 г., д. 127) и проч. Понятно, что эти документы, охватывающие в основном 1904—1913 гг., интересны прежде всего для истории политической деятельности Богданова, включая его деятельность в качестве "второго лидера большевистской организации (после Ленина)"³², "ультиматиста", идеолога группы "Вперед" и проч. В ф. 63 (МОО), 1913 г., д. 237 сохранилась копия письма А.А. Малиновского И.И. Скворцову об аресте при въезде в Россию жены А.А. Богданова Н.Б. Корсак и о работе над "Курсом политэкономии".

В ф. 259 РЦХИДНИ мы найдем любопытный психологический этюд о Богданове, написанный Н.Б. Малиновской-Корсак (д. 7, 7 л., дек. 1928 г.). Здесь же отложилась немаловажная для темы "А.А. Богданов глазами современников" (помимо, конечно, ее сугубо научного значения) статья Е. Базарова "А.А. Богданов (Малиновский), как мыслитель. 1873—1928" (д. 6, 30 л., маш. экз. с правкой автора, с рукописными листами в конце, не ранее апреля 1928 г.), а также "Некролог о А.А. Богданове и протокол вскрытия тела А.А. Богданова" (д. 5, маш. текст)³³.

Известный поток критики А.А. Богданова, начавшийся еще при его жизни и зачастую далекий от беспристрастного анализа его творчества, не мог, конечно, в той или иной мере не осесть в наших архивах. К уже упоминавшимся материалам ЦГАЛИ можно добавить, например, документы из фонда ГАХН. Здесь в "Протоколах семинаров по историческому материализму 17 окт. 1928 — 22 мая 1929 гг.", мы находим тезисы доклада Е.Е. Северина "Ревизионизм А. Богданова", прочи-

³¹ Эти и другие сведения о вологодской ссылке содержит письмо Богданова Сорину от 20 марта 1927 г. (РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 4, автогр., черновик с пометкой "2 экз.").

³² Из донесения чиновника особых поручений директору Департамента полиции со сведениями о членах РСДРП(б), находящихся за границей. 17 декабря 1909 г. Париж (ЦГАОР. Ф. 102 (ДП), ОО, 1909. Д. 5. Ч. 84. Л. 144 об.).

³³ Тр. Государственного научного института переливания крови им. А.А. Богданова. Т. 1. На новом поле / Под ред. А.А. Богданова и проф. А.А. Богомольца и М.П. Кончаловского. М., 1928. С. VII—XXV.

танного на семинаре 27 марта 1929 г. под руководством Л.И. Аксельрод (ф. 941, оп. 2, д. 21, л. 5, 27—28).

Возможно, интерес для кропотливого биографа представят и документы официальных учреждений ЦГА РСФСР: "Личное дело А.А. Богданова (о назначении персональной пенсии его жене) 1928—1945 гг.)" (ф. 539, оп. 3, д. 6663); "Протокол № 21 заседания научно-политической секции Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР о распределении ученых на разряды для получения дополнительного академического обеспечения 24 февраля 1922 г." (Богданов попал в 4-й разряд по разделу "Экономические науки") (ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 34); протокол заседания того же совета об утверждении состава Института научной философии при 1-м МГУ 12 августа 1921 г. (Богданов был утвержден действительным членом Института по секции систематической философии вместе с А.М. Дебориным и Л.И. Аксельрод) (ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 10—11); аналогичный список членов данного Института — в ЦГАОР г. Москвы (ф. 1609, оп. 1 л/с, д. 77, л. 19); "Тарифная ведомость ЦК Всероссийского Совета Пролеткульта об установлении оклада председателю Научного отдела А.А. Богданову" (ф. 2306, оп. 17, д. 16, л. 12, не ранее сентября 1920 г.) и т.д.

4. Материалы по научно-организаторской и педагогической деятельности. Организаторская деятельность Александра Александровича затрагивала самые разные сферы. Вот, например, тезисы к докладу Богданова "Организация пролетарской науки", прочитанному на 2-й Московской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 22 марта 1919 г. (и резолюция к нему) (ЦГАЛИ, ф. 1230, оп. 1, д. 1301, л. 32—34, маш. экз., неопуб.). Здесь речь идет о внутренних и внешних трудностях организации в Москве Пролетарского университета, "а частью и прямой враждебности советско-бюрократической интеллигенции"; об организации Социалистической академии — "по существу, заранее и отдельно образовавшегося научного коллектива Пролетарского университета"; о связи работы Социалистической академии с Учебной комиссией Пролетарского университета, а также с Научной коллегией Центрального Пролеткульта и с редакцией "Пролетарской культуры".

Яркая научно-общественная деятельность Богданова, коснувшаяся всех перечисленных учреждений, заключала в себе самые разные организационные идеи вплоть до создания Рабочей энциклопедии — подобия Великой французской энциклопедии.

Понять педагогическую деятельность А.А. Богданова помогают уже упомянутые тезисы и программы лекций по политэкономии, читавшиеся им в 1-м МГУ (в 1919—1923 гг.). В ЦГАОР г. Москвы хранится дело "Списки профессорско-преподавательского состава ФОНа", где мы встречаем "Список профессоров и преподавателей Факультета общественных наук МГУ с указанием числа часов занятий в Университете и в других учреждениях") (ф. 1609, оп. 1 л/с, д. 73, л. 9), аналогичный список с указанием адресов и некоторых номеров телефонов на 19 мая 1919 г. (л. 12), другие списки. По первому из них можно, в частности, установить, что в начале 20-х годов Богданов, кроме 1-го МГУ, читал лекции (8 час. в неделю) в Коммунистическом университете и в Академии Генерального Штаба.

В ЦГА РСФСР (ф. 259, 482) хранится большой комплекс документов, отражающих научно-организаторскую деятельность Богданова в области постановки трансфузиологии у нас в стране: Александр Александрович стал организатором и первым директором Института переливания крови, носящим ныне его имя. Документы охватывают период с 5 марта 1926 г. по 13 апреля 1928 г.: подлинники протоколов заседаний Совнаркома РСФСР (включая протокол заседания об увековечении памяти А.А. Богданова от 13 апр. 1928 г.) (ф. 259, оп. 12а, д. 45, л. 13), приказов по Народному комиссариату здравоохранения РСФСР (ф. 482, оп. 1, д. 586) и др. Незадолго до смерти (в марте 1928 г.) Богданов подвел первые

итоги работы института: тезисы его доклада "О работе Института переливания крови" хранятся в ф. 428 (оп. 1, д. 635, ч. 2, л. 292—294)³⁴.

Самый ранний архивный документ (от 4 янв. 1926 г.) затронутой тематики — копия письма А.А. Богданова народному комиссару здравоохранения Н.А. Семашко с уточнением проекта сметы института — хранится в НИИ гематологии и переливания крови им. А.А. Богданова (Малиновского). Огромную сложность научно-организационной деятельности Богданова в институте передает его доклад Н. Семашко, И. Сталину и Н. Бухарину о состоянии Института переливания крови на 19 января 1928 г. (РЦХИДНИ, ф. 259, оп. 1, д. 41).

5. Переписка. Довольно значительная по объему и разнообразная по составу переписка А.А. Богданова хранится главным образом в ф. 259 РЦХИДНИ (д. 4, 12, 14, 15, 50—68; сдаточ. оп. 1 на документы, переданные из бывшего "Основного" фонда, д. 34533, 35763 и 35786; сдаточ. оп. 2, д. 35423, 35424, 35426, 35427, 35467, 36562, 36743, 36773, 37797, 27304), всего 36 дел с письмами.

Другая часть писем 1911—1913 гг., связанная с деятельностью группы "Вперед", может находиться в ф. 436 этого архива³⁵. Фрагменты переписки хранятся и в других отечественных и зарубежных архивах, например, в ЦГАОР — письмо И.И. Скворцову-Степанову (ф. 63, (МОО), 1913 г., д. 237); в ЦГАОР г. Москвы — письмо В.М. Шулятикову (ф. 3073, оп. 1, д. 8) и т.д. Однако после РЦХИДНИ следует все же назвать ЦГАЛИ. Здесь хранятся письма к Богданову А.В. Амфитеатрова относительно финансирования партийных школ в Болонье и на о-ве Капри (ф. 34, оп. 1, д. 55, 1910 г.), к К.П. Зличенко с предложением написать предисловие к статье Л.Н. Толстого "Наше жизнепонимание" и относительно сотрудничества членов группы "Вперед" с Международным комитетом помощи безработным (ф. 217, оп. 1, д. 32, 1911 г.), письмо Богданова доктору Л.М. Василевскому (в Ленинград) относительно операции переливания крови (ф. 108, оп. 1, д. 4, 1928 г.), письмо М.И. Семенову относительно издания книги "Философия живого опыта" (ф. 1314, оп. 1, д. 7, 1912 г.) и, наконец, наиболее значимая, на наш взгляд, часть богдановского эпистолярного наследия в ЦГАЛИ — упомянутые письма к В.В. Смидовичу (Вересаеву) (ф. 1041, оп. 4, д. 196, 1903 г.; д. 548, 1928 г.).

Перечень лиц, письма Богданова к которым хранятся в РЦХИДНИ, составит интерес для самого широкого круга исследователей: письма И.И. Скворцову-Степанову по вопросам политэкономии (д. 50, 1902 г., 1910 г.), Л. Тышко относительно внутрипартийной борьбы (д. 52, 1909 г.), М. Филия о своих философских трудах (д. 54, 1912—1913 гг.); В. Базарову о философских статьях и издании своих работ (д. 55, 1916—1917 гг.), А.В. Луначарскому относительно положения партии и своих взглядов на военный коммунизм (д. 57, 19 ноября 1917 г.)³⁶; открытые письма Н. Бухарину³⁷ и Е. Ярославскому по поводу их выступлений в "Правде" с острой критикой взглядов Богданова (д. 60 и 66, автогр., маш. экз., 1921, 1923 г.), письма Е.А. Преображенскому и Д.Б. Рязанову по поводу критической статьи о Богданове в журнале "Под знаменем марксизма" (№ 8—9, 1923 г.) и с объяснением причины своего отсутствия на траурном собрании членов Соци-

³⁴ Подробно о деятельности Института Богданов рассказал в брошюре "Год работы Института переливания крови (1926—1927)" (М., 1927). Проблемам исследований в области трансфузиологии он посвятил также крупную работу "Борьба за жизнеспособность" (М., 1927). В "Библиографию основных работ А.А. Богданова" (Тектология. М., 1989) этот труд, как и некоторые другие, не вошел.

³⁵ Выявление богдановских документов в РЦХИДНИ далеко еще не окончено. Храниться они могут в целом ряде фондов, например А.В. Луначарского (Ф. 142), редакции ж. "Жизнь" (Ф. 170) и особенно важная их часть — в фонде Горького (Ф. 75. Оп. 1. Д. 36—48).

³⁶ Оpub.: Чижова Л. Соперник // Московский комсомолец. 1990. 13 окт.

³⁷ В ЦГАЛИ (Ф. 1230. Оп. 1. Д. 459. Л. 3—3 об.) хранится маш. копия "Открытого письма тов. Бухарину" (Социол. исследования. 1990. № 9. С. 112—117). Публ. П.А. Плюгто.

листической академии, посвященном памяти В.И. Ленина (д. 63, 1923—1924 гг.), а также некоторым другим лицам, включая и неустановленных адресатов.

Среди писем к А.А. Богданову можно выделить письма Камо (С.А. Тер-Петросяна) относительно революционной деятельности последнего (д. 64, 1913 г.), В.А. Кожевникова (о статьях Ю. Стеклова и М. Неведомского) (сдаточ. оп. 2, д. 35426), Л.Б. Каменева по политическим и философским вопросам (сдаточ. оп. 2, д. 36743 и 36773, 1908 г.), секретаря правления Тургеневской библиотеки Н. Золотарева относительно авторства статей Богданова в "Пролетарии" и "Вперед" (сдаточ. оп. 1, д. 35786, 1913 г.) и др.

Заключая обзор документов А.А. Богданова в архивах страны, хотелось бы обратить внимание исследователей на те комплексы богдановского архива, которые хранятся за рубежом.

Там находятся письма М. Горького к А.А. Богданову (Италия, Рим, Институт исследования социальной истории, частный архив Легио Бассо (1908—1913 гг.)). Научным изучением и публикацией этих писем занимается французская исследовательница Ю. Шерер. В этих письмах речь идет о партийных школах на Капри и в Болонье, о концепции "пролетарской культуры", о философских и политических расхождениях между А.А. Богдановым и В.И. Лениным; интересны эти письма, безусловно, и для истории отношений между Богдановым и Горьким в тот период³⁸.

Часть переписки членов группы "Вперед", определенное время (1909—1911 гг.) идейно возглавлявшейся А.А. Богдановым, находится в Публичной библиотеке Женевского университета. Помимо писем самого Богданова, здесь хранятся фрагменты переписки М.Н. Покровского, П.И. Лебедева-Полянского, Д.З. Мануильского (И. Безработного) и Г.А. Алексинского. Исходя из содержания этой переписки, можно сделать вывод, что Богданов отошел от дел группы, в частности, из-за резкой критики Г.А. Алексинским и Д.З. Мануильским его деятельности (совместно с А. Луначарским) в области развития пролетарской культуры³⁹.

Более подробно с этой темой, очевидно, можно познакомиться по материалам иных зарубежных хранилищ, документам членов группы, например по документам Г.А. Алексинского, хранящихся в архиве Колумбийского университета.

³⁸ Стенограмма Международной конференции "А.А. Богданов — революционер и мыслитель". Выступ. Ю. Шерер 10 апреля 1989 г. (Мосгорархив. Маш. экз. С. 23—53).

³⁹ В распоряжении объединения "Мосгорархив" имеются копии писем некоторых членов «идейного кружка "Вперед"», любезно предоставленные Женевским университетом. Переписка хранится в Публичной Университетской библиотеке в Женеве, в фондах периодического издания "Вперед"; в самом архиве Женевского университета по списку "административного персонала, профессоров, студентов и слушателей Университета г. Женевы" А. Богданов числится как слушатель на факультете словесности и общественных наук в зимнем семестре 1899/1900 г.

А.Н. Мельник

ТВОРЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА С.Д. ЯХОНТОВА

К числу видных деятелей исторического краеведения в России относится Степан Дмитриевич Яхонтов (1853—1942).

Он родился в с. Ухорь Пронского у. Рязанской губ. в семье псаломщика, окончил Рязанскую духовную семинарию, а затем — Московскую духовную академию. В академии занимался на историческом отделении под руководством Е.Е. Голубинского, В.О. Ключевского, Н.И. Субботина, А.П. Лебедева. Получив степень магистра, он с 1883 г. преподавал в средних учебных заведениях Рязани.

Как неутомимый исследователь, историк-краевед, археограф Яхонтов проявил себя, работая в Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК), членом которой он являлся с первого года ее существования до закрытия (1884—1918), а с 1905 по 1918 г. был бессменным ее председателем. Яхонтов — автор ряда монографий, статей, научно-популярных публикаций по истории Рязанского края. Неоценима его заслуга в деле публикации архивных материалов. Будучи одним из создателей не только исторического архива, но и музея архивной комиссии, он явился инициатором организации в Рязани в 1912 г. епархиального "древлехранилища".

После Октябрьской социалистической революции Яхонтов стал главным организатором архивного и музейного дела в губернии. С 1918 по 1927 г. он работал заведующим Губархивбюро. Под его руководством была создана и начала успешно функционировать сеть архивных учреждений в губернии, спасено от гибели 10 млн дел. Занимая должности инструктора, хранителя фондов, а затем и директора губернского музея, он, по существу, стал одним из создателей сети музейных учреждений в губернии. Яхонтов был одним из первых членов Общества исследователей Рязанского края (ОИРК), активно участвовал на правах члена в работе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а также Центрального бюро краеведения и ряда других организаций.

В конце 1929 г. он был отстранен от административной работы и несколько месяцев провел в тюрьме под следствием. Оставшиеся годы жизни продолжал заниматься по мере своих сил изучением истории края¹.

Личный фонд С.Д. Яхонтова находится в Государственном архиве Рязанской обл. (ГАРО) и образован в декабре 1947 г. на базе документальных материалов, поступивших в архив в конце 1945 г. от его родственников. В марте 1964 г. часть документов Яхонтова была передана на хранение его сыном Н.С. Яхонтовым. Последнее поступление было в мае 1970 г. Материалы фонда включают 126 дел за 1874—1966 годы².

Наибольший интерес в фонде представляют документальные материалы о творческой деятельности Яхонтова, насчитывающие 118 ед. хр., обзорные которых и является задачей данной статьи. Документы личного фонда составляют лишь часть творческого наследия Яхонтова. Значительная их группа отложилась в фондах учреждений и организаций в процессе его многолетней научной, научно-организационной и общественной деятельности, а также в личных фондах историков и краеведов. Наиболее интересные документы по деятельности Яхонтова выявлены в фондах ГАРО: это фонд РУАК (ф. 896), ГАРО (ф. р-3221), ОИРК (ф. р-903), областного краеведческого музея (ф. р-3611), а также в фондах, хранящихся в ЦГА РФ (ф. 2307) и ОПИ ГИМ (ф. 54)³. В статье они представлены обобщенно как материал, дополняющий недостающие звенья среди документов личного фонда Яхонтова.

¹ О С.Д. Яхонтове см.: Яхонтов Степан Дмитриевич // Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии / Сост. И.В. Добролюбов, С.Д. Яхонтов. Рязань, 1910; Прощание Рязанской духовной семинарии с заслуженным преподавателем ее С.Д. Яхонтовым. Рязань, 1916; [Фесенко] А.В. С.Д. Яхонтов (К исполнившемуся 70-летию со дня его рождения) // Вестник рязанских краеведов. Касимов, 1924. № 3; Бережков Н. С.Д. Яхонтов во главе Губархива // Там же; Наука и научные работники СССР. Справочник / Под ред. академиков С.Ф. Ольденбурга, Е.Ф. Карского. Ч. VI: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928; Мельник А.Н. С.Д. Яхонтов — историк, краевед, педагог // Тезисы докладов Рязанской областной научной конференции по историческому краеведению. Рязань, 1990.

² Путеводитель по Государственному архиву Рязанской области. Рязань, 1959. С. 581, 582; Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1963. Т. 2. С. 361.

³ См.: Козлов В.Ф. Обзор документов ОПИ ГИМ о музейном деле и охране памятников истории и культуры в Рязанской губернии в первое десятилетие Советской власти (1917—1927 гг.) // АЕ за 1986 год. М., 1988.

Основные научные интересы Яхонтова сосредоточивались в области истории Рязанского края. Начав путь историка в Московской духовной академии с исследования по неизданным рукописям о Питириме Нижегородском и русской полемической литературе против раскола (XVII—начало XVIII в.), Яхонтов до последних дней жизни занимался в самом широком плане изучением истории Рязанской епархии.

В творческом наследии Яхонтова центральное место занимают неопубликованные рукописи и материалы к ним по истории Рязанского архиерейского дома, хранящиеся в 12 делах общим объемом около 1500 л. Материалы собирались с отдельными перерывами в течение 50 лет и содержат сведения изо всех основных типов и видов источников: вещественных, изобразительных, словесных (этнографические, нарративные, архивные материалы). В исследование включены данные собственных раскопок Яхонтова в Рязани, археологических разведок В.А. Городцова в 20-х годах, случайных находок при земляных работах в Кремле, а также результаты изучения Яхонтовым ризницы архиерейского дома. Здесь отразилась и кропотливая работа его над бесчисленными документами XVI—XIX вв. по данной проблематике. По мере накопления и обработки материала осуществлялась его публикация, однако в общем массиве собранных сведений опубликована лишь незначительная часть⁴.

В 1938—1941 гг. Яхонтов приступил к обобщению и описанию материала. Можно предполагать, что в замыслы ученого входило написание монографии. Причиной написания этой широкомасштабной работы стало, по словам Яхонтова, "желание сохранить материалы и передать их для дальнейшей работы. Получается, так сказать, некоторым образом, черновая работа для будущих историков"⁵.

В фонде содержатся многочисленные черновики и законченные отдельные главы по самому широкому кругу вопросов. Вот некоторые заголовки: "Соображения о времени постройки архиерейского дома", "Княжее место в Кремле", "Постройки на архиерейском дворе", "Архиерейские певчие (хор)", "Размеры епархии XVII—XVIII вв. (архиерейская вотчина)". Исследование охватывает период, выходящий далеко за рамки первого письменного упоминания об архиерейском доме (1568 г.), включая в себя время от смерти князя Олега Ивановича до XX в. Автор умело пользуется разнотипными источниками, взаимно корректируя полученные сведения, критически подходя к каждому из них. Подробно описан быт архиерейского дома, взаимоотношения церковников со светской властью (особенно во время петровских реформ), крестьянами. В рукописи содержатся дополнительные интересные сведения о пожаре в Переяславле в 1647 г., эпидемии в 1654—1655 гг. и др. Отдельными главами представлены биографии и деятельность рязанских архиереев и священнослужителей. Это рукописи работ "Гавриил Бужинский, епископ Рязанский", материалы к биографии епископа Дмитрия Сперовского, протоирея Виноградова, митрополита Феофила Русакова. Предметом всестороннего изучения стала для Яхонтова деятельность Стефана Яворского. Сохранилась рукопись доклада «"Рязанский пастушок" (Митрополит Стефан Яворский и его время)» (1922); в главах об архиерейском доме в XVIII в. подробно освещен период его жизни в Рязани.

В рукописях в ряде случаев отсутствуют сноски на источник. Это можно объяснить тем, что Яхонтов писал в 1938—1941 гг. по черновикам и заметкам, сделанным ранее в процессе выявления документов. Многие из них еще не были

⁴ Яхонтов С.Д. Два духовных завещания митр. Стефана Яворского // ТРУАК. 1891. Вып. II; Рязанские древности в архиерейском доме // ТРУАК. 1895. Вып. II; Умная старина. Братина Епархиального древлехранилища // ТРУАК. 1914. Вып. I; Красные древлецы в собраниях Рязанского областного музея. Рязань, 1927.

⁵ ГАРО. Ф. Р-2798. Оп. 1. Д. 18. Св. 2. Л. 99, 2.

взяты на хранение и находились в его личной библиотеке. В 1923—1930 гг. часть документов погибла. Поэтому некоторые копии и подлинники, имеющиеся в фонде, являются единственными сохранившимися источниками. Это подлинные описи архиерейской ризницы, копии с некоторых челобитных, жалованных грамот, расходных книг и др.

Среди документов фонда сохранились неопубликованная рукопись Яхонтова, черновые наброски, подготовительные материалы к истории Солотчинского монастыря, составленные на основе документов, выявленных в период его археографических поездок в Солотчу. Сохранились также черновые заметки, выписки из различных источников по истории ряда церквей и монастырей Рязанской епархии. Представляют интерес собранные Яхонтовым и отложившиеся в фонде отчеты сельских священников, местных краеведов, представленные в Рязанскую духовную консисторию по указам 1889 г. для составления историко-статистических сборников. Данные материалы значительно дополняют сведения, опубликованные ранее в работах И.В. Добролюбова.

Свои обширные знания в области истории культуры и специальных исторических дисциплин, огромный опыт практической работы с рукописями и старопечатными книгами, архивными документами Яхонтов широко использовал при изучении надписей на предметах древнерусского искусства и ремесла, которые он знал и любил не меньше, чем письменные источники. В фонде имеется неопубликованная работа Яхонтова "Надписи на древних предметах Рязанской губернии (дополнение к собранию М.Н. Макарова)", содержащая расшифровку многочисленных надписей на иконах, крестах, братинах, плащаницах, антиминсах, рукописях, книгах, колоколах, стальных камнях, собранных Яхонтовым в период его работы в музее.

В отдельном деле хранятся копии планов, рисунки, черновые наброски Архангельского, Успенского соборов в Рязани, Богословского и Солотчинского монастырей, рязанских церквей: Борисоглебской, Спаса на Яру, крепости в селе Ижеславль и др.

В неопубликованных рукописях Яхонтов большое внимание уделяет проблеме охраны памятников архитектуры, останавливаясь не только на каком-то конкретном случае, а затрагивая проблему в целом. Так, в своих записях в 1940 г. он дает негативную оценку общего состояния дел по охране памятников в Рязанской обл., считая, что "об охране их — только громкие слова". «Новые города, — пишет он, — строятся на новых местах, а мы столетние исторические города переделываем по нашей фантазии: ломаем исторические здания, чтобы вписать в них наши "домыслы", стильные исторические храмы обращаем в гаражи и склады под картофель и капусту. И получается "ни пава ни ворона". Какую нелепость представляет собою Москва! Как назвать такую болезнь?!»⁶.

Еще на заседаниях РУАК Яхонтовым неоднократно поднимались вопросы об охране памятников. Сведения о значительном вкладе Яхонтова в дело охраны памятников Рязанской губ. содержатся в ГАРО (фонды ОИРК и Рязанского областного музея), а также среди документов фонда Главнауки в ЦГА РФ. Так, в фонде ОИРК имеется подробный доклад Яхонтова, сделанный им на II губернском краеведческом съезде в 1924 г. о деятельности Губмузея в этом направлении⁷. В ЦГА РФ находятся доклад Яхонтова в Главмузей по делу о передаче Рязанского кремля в ведение Губмузея и Комитета по делам музеев (10 ноября 1922 г.)⁸, его доклад об итогах обследования Солотчинского и Богословского монастырей

⁶ Там же. Л. 90, 56.

⁷ Там же. Ф. Р-903. Д. 19. Св. 2. Л. 68 и др.

⁸ ЦГА РФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 181. Л. 2—11.

(24 ноября 1923 г.)⁹, много других ценных документов, отражающих его практическую деятельность по сохранению архитектурных ансамблей и отдельных памятников зодчества в Рязанской губ.

Долгая совместная работа с И.В. Добролюбовым, а затем после его смерти изучения его личного архива¹⁰ вылились в новую, более совершенную редакцию "Библиографического словаря писателей, ученых...", не потерявшего свою научную и практическую ценность и в наши дни¹¹. Сохранились черновики статей по отдельным персоналиям. Основной же материал находится в фонде РУАК¹².

Значительное место в фонде занимают материалы (рукописи, черновики, выписки, библиография) по опубликованным работам Яхонтова: "Материалы по истории раскола" (1888 г.), "Первый князь рязанский Ярослав Святославович" (1895 г.), "500 лет со дня смерти рязанского князя Олега Ивановича" (1895 г.), "Дело о старинном кладе, найденном в г. Пронске в 1872 г." (1895 г.), "Некоторые сведения о лесах и происшествиях" (1901 г.), "О дьяковщине" (1901 г.), "История просвещения в Рязанской губернии в I четверти XIX в." (1906 г.) и др.

Большой интерес представляют составленные Яхонтовым описи рукописей и книг, хранящихся в библиотеках учреждений и частных лиц. В фонде имеется часть описи книг библиотеки Рязанской духовной семинарии, личной библиотеки Яхонтова и опись рукописей в библиотеке бывшего преподавателя Рязанской семинарии И.М. Сладкопеева. Последний документ существенно дополняет опубликованные ранее сведения.

Документы, отражающие работу Яхонтова как археолога, содержат собранные им материалы к археологической карте Рязанского края. Всего дано описание 52 археологических памятников, составленное на основе экспедиционных отчетов членов РУАК¹³. Имеется черновик отчета Яхонтова об археологических раскопках в Рязанском кремле летом 1924—1926 гг. под руководством А.А. Городцова. В фонде находятся также рукописные материалы по раскопкам Яхонтова в Старой Рязани в 1913 г., вошедшие в опубликованный отчет о деятельности РУАК за 1913 г. Имеются фотографии раскопа, а также акварельные рисунки отдельных находок со Старой Рязани, выполненные А.Ф. Федоровым в 1924 г.

Особое место среди творческого наследия С.Д. Яхонтова занимают публичные речи и доклады, посвященные знаменательным историческим юбилеям и датам. Практически ни одно крупное культурное событие в Рязани в ту пору не отмечалось без деятельного участия Яхонтова. В фонде отложились рукописи докладов и подготовительные материалы к ним, посвященные: памяти 1000-летия со дня смерти первого просветителя Мефодия (от 6 апреля 1885 г.), 100-летней годовщине Отечественной войны 1812 г., 300-летию дома Романовых (от 17 марта 1913 г.)¹⁴.

Из неопубликованных докладов и речей по данной тематике в фонде находятся: доклад "Об обретении и перенесении мощей св. Василия Рязанского" (10 июня 1909 г.), "О первопечатнике Иване Федорове" (5 октября 1909 г.), "300-летие Гермогена и Прокопия Ляпунова" (11 марта 1912 г.), отдельная рукопись доклада и черновые заметки о Прокопии Ляпунове (1912 г.)¹⁵.

В личном фонде сохранилась неопубликованная рукопись доклада о жизни и деятельности В.О. Ключевского, прочитанного 17 ноября 1912 г. на заседании

⁹ Там же. Л. 65—67.

¹⁰ Яхонтов С.Д. Архив священника И.В. Добролюбова // ТРУАК. 1910. Т. 24, вып. I.

¹¹ См.: Мамонтов А.В., Щерба Н.Н. Краеведческая библиография. М., 1978.

¹² ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 7. Св. 5.

¹³ Там же. Ф. Р-2789. Оп. 1. Д. 30. Св. 3. Л. 25—40.

¹⁴ Там же. Д. 26, 3, 4.

¹⁵ Там же. Д. 8.

Библиотечной комиссии в здании Рязанского благородного собрания. Яхонтов пишет: "Кто не слышал Ключевского с кафедры или в застольной беседе, тот не может иметь цельного образа его психики, всех форм, в которых выливалось творчество его мозга и его бытовая физиономия. Только говорящий и беседующий В.О. — являлся Полной личностью, своеобразнейшим продуктом русско-московской жизни его эпохи. Ни один из профессоров русских университетов, как тип человеческий и специально русский, не был своеобразней и ценнее для нашей жизни, чем он"¹⁶.

Яхонтов не ограничивался узкими рамками доклада; он сравнивал Ключевского и Соловьева как историков, подчеркивал значение Ключевского для развития местной истории: «Соловьев выставлял в историческом процессе на первый план роль идей, Ключевский главным считал изучение материальных факторов. Соловьев рассматривал историю развития государства; Ключевский считал, что историк обязан обращать внимание не только на государство, но и на народность. Ключевский шире Соловьева. Он интересовался не только политической, но более Соловьева изучал социальную и экономическую жизнь народа. Он задается вопросом о соотношении этих элементов друг с другом и их взаимном влиянии. Особенное внимание он оказывал разработке "местной" истории, в которой исторические факторы получили б новое сочетание под влиянием данных условий места и времени. В своем курсе истории он стремится выявить своеобразность такого сочетания и особенности его, индивидуальный характер образования исторической личности русского народа»¹⁷.

В фонде имеются неопубликованные доклады и речи, посвященные видным рязанцам: памяти крупного историка, археолога А.И. Черепнина (23 сентября 1905 г.), профессора Московского университета П.А. Некрасова (1920 г.), основательницы и директора первого Рязанского женского педагогического института М.А. Александровой (2 октября 1924 г.), известного историка-краеведа, основателя РУАК А.Е. Селиванова (2 февраля 1925 г.). Среди выписок и материалов, посвященных А.В. Селиванову, в фонде сохранился черновик речи Яхонтова от 10 октября 1893 г., освещающий плодотворную деятельность РУАК и Селиванова на посту правителя дел, и текстуально совпадающий с материалом передовой статьи в местной печати. Это позволяет утверждать, что Яхонтов был ее автором¹⁸.

Сохранились рукописи опубликованных докладов о Н.И. Надеждине, Я.П. Полонском и И.П. Пожалостине. Яхонтов не только не ограничивался освещением и пропагандой заслуг земляков, но и по мере своих сил старался привлечь внимание к нуждам их семей. В фонде имеется письмо к Яхонтову В.Д. Бонч-Бруевича от 14 июля 1937 г. по вопросам об организации в Рязани выставки памяти И.П. Пожалостина и по поводу ходатайства Яхонтова о назначении пенсии А.И. Пожалостиной (машинопись, 1 л., автограф)¹⁹.

Часть рукописей публичных выступлений Яхонтова отложилась в фонде РУАК среди материалов, посвященных празднованию 1000-летия св. Кирилла и Мефодия (1885 г.), 800-летия г. Рязани (1895 г.), 50-летию юбилея освобождения крестьян (1911 г.), памяти поэта Я.П. Полонского (1908 г.) и др.²⁰

Значительная часть фонда включает в себя дневники и воспоминания Яхонтова. Дневники представлены восемью делами за 1884—1941 гг. Последняя запись сделана 7 декабря 1941 г., всего за месяц до смерти автора. Дневниковые записи неравноценны по значению. Одни носят узколичный, семейный характер,

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 3, 9. ¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Рязанский листок. 1893. 14 окт. ГАРО. Ф. Р-2798. Д. 7. Л. 63.

¹⁹ ГАРО. Д. 7. Св. 1. Л. 114.

²⁰ Там же. Ф. 859. Оп. 1. Св. 17. Д. 219; Св. 5. Д. 1, 3, 12.

другие живо отражают общественные интересы и события современности. В них зафиксировано множество фактов, как уточняющих известные события в жизни автора, так и совершенно не известных по другим архивным материалам. Последние, в частности, отражены в "Дневнике путешествий С.Д. Яхонтова по сибирским рекам и по Украине", датируемом 1893 г. Наиболее ценные из дневниковых записей — дневники и ретроспективные заметки 1917—1927 гг., охватывающие преимущественно период работы Яхонтова на посту заведующего Рязанским архивным бюро и директора музея. Воспоминания представлены 15 рукописными книгами, общим объемом около 2700 листов. Яхонтов старался придерживаться хронологическо-тематического плана, о чем свидетельствуют некоторые заголовки воспоминаний: "Из моей жизни, обрывки памяти, до школьных лет", "Учеба в духовном училище и семинарии г. Рязани", "Академия, Екатеринбург", "Семинаристы, гимназия Екимецкой, Епархиальное женское училище, Мариинская гимназия (1894—1916 гг.)", "Церковная служба, музей (1917—1920 гг.)", "Служба в архиве (1919—1928 гг.)", "Музей (1920—1935 гг.)", "Рязанская тюрьма (1929—1930 гг.)", "Мое бытование после тюрьмы (1930—1938 гг.)" и др. Степень освещенности событий в воспоминаниях различна: работе в музее и архиве посвящено шесть рукописных книг, семейной жизни — одна. Все рукописи снабжены подробным оглавлением. Характерной особенностью является использование Яхонтовым в качестве иллюстративного материала, подтверждающего то или иное положение в тексте, подлинных документов. Это собственные статьи и черновики к ним, вырезки из газет, письма, программы, пригласительные билеты, а также копии отдельных документов, выписки из дневников и писем. В воспоминаниях рассказано о знакомстве с учеными, видными общественными деятелями, в том числе с П.С. Уваровой, Н.В. Покровским, Д.Я. Самоквасовым, В.А. Городцовым, В.С. Иконниковым, Д.И. Иловайским, М.Н. Покровским, А.А. Мансуровым и др. Воспоминания не претендуют на литературные достоинства, их ценность — в попытке откровенного изложения фактов, порой и не приятных для самого автора, а порой и просто опасных, если принимать во внимание время написания. Приведем некоторые отрывки из воспоминаний.

"Каждому Всероссийскому археологическому съезду предшествовал... предварительный съезд, обычно в Москве, у графини Уваровой... Там завязывались знакомства и связи с ученым миром... а на самих съездах они закреплялись и иногда так тесно, что оставались на всю жизнь. Другого способа и места знакомства с плеядой ученых... для нас — провинциалов не было... Кроме заседаний и общих посещений, члены также сближались, так сказать, частным образом. Членам съезда предоставлялись... казенные квартиры-общезития... Здесь душа нараспашку — споры, разговоры... Я всегда обогащался знаниями... в этой частной аудитории... в общей экономии моих духовных сил археологические съезды были особенно благотворны"²¹.

"Само по себе архивное дело не такое живое, чтобы оно могло увлекать всякого и даже многих. Интерес научный, а особенно такой преобладает в архивных комиссиях, — специфический интерес. Углубляться в тьму веков, дышать пылью архивов и рыться в могилах, микроскопически изучать кудрявую скоропись дьяков или окрашивать руки ржавчиной с курганных вещей очень трудно во времена, когда окружающие люди в день переживают столько же, сколько раньше переживали в целые годы; когда события сменяются и разворачиваются с неуловимой быстротой; когда внешняя ненаучная и во всяком смысле не археологическая и не архивная жизнь захватывает всех и вся"²².

"Музей способен сообщить знания и зародить немало мыслей и стремлений в душу каждого, кто в него приходит провести свой досуг. В музее люди прибли-

²¹ Там же. Д. 92. Св. 11. Л. 27, 28. ²² Там же. Д. 89. Л. 98.

жаются к вещам, рассматривают их, и эти непосредственные впечатления становятся основой их духовного развития. Русскому народу недостает образования: ему нужен свой музей и он может стать новой школой, открытой для каждого"²³.

"Советская власть покровительствовала развитию музейного дела: основывались музеи не только в губернских городах, в каждом уездном городе. И все любителями, своими средствами устраивались собрания и привлекали к себе внимание и сочувствие граждан. Словом, мысль шевелилась"²⁴. "Музейное влияние заставляло забывать общий погром. Носился призрак чего-то нового, красивого и рождалось увлечение музеями... Я хорошо знаком был с первыми строителями и работниками музеев, и во всех я видел этот энтузиазм"²⁵.

"Я объехал в 1925—1929 гг. почти все главные областные музеи, и везде держали знамя гордости своего края... Это было самозабвение и самоотречение. Музейные работники встречались друг с другом, как родные"²⁶.

Особое значение представляют собой прижизненные записи Яхонтова о документальном составе его личного архива, дающие представление об утраченных и неизвестных документах его творческого наследия. Так, в фонде отсутствуют материалы (черновые записи, рисунки, чертежи) по изучению Яхонтовым древних тканей, 13 полевых книжек и др. В воспоминаниях имеются сведения о переписке автора. До нас не дошли многие письма. В фонде хранится лишь небольшая часть переписки Яхонтова. Лучшее всего представлена семейная переписка. В ней имеются интересные сведения, в том числе раннего периода биографии историка.

В меньшей степени отложилась в фонде деловая и научная переписка Яхонтова. Некоторые письма были утрачены к моменту передачи на госхранение. Часть писем адресована Яхонтову как председателю РУАК; они отложились в фонде РУАК. Там же в отдельном деле находятся копии писем Яхонтова лицам и учреждениям в период его работы на посту правителя дел²⁷. Хранящиеся в фонде письма представляют большой научный и исторический интерес. С Яхонтовым переписывались известные историки, археологи, краеведы, видные партийные деятели, в том числе Н.В. Бонч-Бруевич, В.А. Городцов, А.В. Селиванов, Н.И. Веселовский, А.А. Мансуров, В. Богданов, Д. Иванов, Н. Левинсон, М. Левинсон-Нечаева, С. Чернов, И. Катаев, доктор Папачек (Чехия), И.А. Гальнбек, Гейнике, Д.Д. Солодовников, И.И. Проходцев и многие другие.

Рассмотренное документальное наследие С.Д. Яхонтова представляет существенный интерес для изучения истории отечественной исторической науки, исторического краеведения и для исследования творчества видного их представителя С.Д. Яхонтова.

²³ Там же. Д. 91. Л. 39. ²⁴ Там же. Св. 11. Л. 35. ²⁵ Там же. Д. 92. Св. 11. Л. 6. ²⁶ Там же. Л. 40.
²⁷ Там же. Ф. 869. Д. 13. Св. 1.

Л.Н. Простоловцова

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О БИБЛИОГРАФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.И. ПОЛОСИНА

Иван Иванович Полосин, столетие со дня рождения которого исполняется в 1991 г., известен как знаток русских и иностранных источников и исследователь многообразных научных процессов¹. Заслугой И.И. является издание записок Генриха Штадена. Творчеству И.И. посвящена статья академика Л.В. Черепнина,

¹ Библиографию трудов И.И. Полосина см.: *Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М., 1983. С. 380—382.*

отмечавшего что наряду с русской историей И.И. владел и второй специальностью — библиотечно-библиографическим делом². Книга всегда была предметом особого внимания русских историков; многие из них имели богатейшие книжные собрания, участвовали в библиографических предприятиях и обществах.

Но сочетание историка-профессионала с библиографом-практиком и библиографом-педагогом, какое мы наблюдаем в деятельности И.И., — явление в достаточной степени редкое.

Диплом о высшем образовании И.И. получил в мае 1916 г. в Московском университете, где был оставлен для подготовки к профессорскому званию, а в сентябре 1916 г. он стал "вольнотруждающимся" библиотеки Румянцевского музея — будущей библиотеки им. В.И. Ленина³. С этого времени его жизнь надолго связана с библиотекой. Оценив энергию внештатного сотрудника, его в 1918 г. переводят в научный отдел. В первые послереволюционные годы в библиотеке работали многие выдающиеся ученые — историки Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, Д.Н. Егоров; филологи С.К. Шамбинаго, Н.И. Новосадский⁴ и др.

Работа в библиотеке была самой разнообразной: приходилось участвовать в приеме и разборе книг, хлынувших небывалым потоком в библиотеку (в частности, И.И. принимал книги из собрания Рябушинского и Морского собрания в Кронштадте⁵); заниматься библиографированием исторической литературы и переодики; наконец, организовывать работу, созданного в декабре 1918 г. Справочного бюро⁶.

В положении, утвержденном Коллегией Наркомпроса⁷, на Бюро возлагались обязанности по наведению справок о местонахождении книг в библиотеках республики. Но очень скоро потребности нового читателя — учащегося, студента, рабфаковца — заставили изменить функции Бюро и оказывать читателю помощь в тематическом поиске литературы. Довольно часто в Бюро стали обращаться и советские учреждения⁸.

Совместно с известным географом А.А. Борзовым⁹ (заведовавшим бюро до октября 1926 г.) И.И. организывает деятельность Бюро и "фактически руководит работой Бюро" (номинально заведует бюро с 19/X 1926 г. по 15/II 1928 г.)¹⁰. Обладая "целым рядом специальных научных познаний библиографич[еского] характера... дает указания относительно существующей литературы

² См.: *Черепнин Л.В.* И.И. Полосин как историк // Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. С. 3—33; Перепечат.: *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII—XX вв.: М., 1984. С. 180—203. Характеристику источниковедческих курсов для студентов педагогических вузов И.И. Полосина см.: *Шмидт С.О.* Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 316—323.

³ ГБЛ. Архив. Оп. 22. Д. 283. Л. 40-а.

⁴ История государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В.И. Ленина за 100 лет, 1862—1962. М., 1962. См. также: ГБЛ. Архив. Оп. 41. Д. 8.

⁵ ГБЛ. Архив. Оп. 22. Д. 283. Л. 4, 36.

⁶ См. подробнее: *Иванюшина Р.И.* Из истории справочно-библиографической работы двух крупнейших библиотек Советского Союза (1918—1925 гг.) // Библиотеки СССР. 1959. № 11. С. 76—95.

⁷ Библиотечное обозрение. Л., 1920. № 3. С. 182—183; История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы, 1918—1920. М., 1975. С. 31—32.

⁸ *Полосин И.И.* Справочное бюро при Публичной библиотеке СССР им. Ленина // Библиотечное обозрение. 1927. № 1/2. С. 129—149.

⁹ См. о нем: *Петухов А.Ф.* А.А. Борзов: Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1951. 165 с.

¹⁰ ГБЛ. Архив. Оп. 22. Д. 283. Л. 8, 40.

по самым различным вопросам науки и искусства (железнодорожной) техники и химии, экономическим исследованиям в области Семиречья и химической промышленности, естественным богатствам Севера и т.п., библиографии театра, библиотековедению и пр."¹¹ Одновременно И.И. — старший научный сотрудник РАНИОН (1922—1929), действительный член Российской академии истории материальной культуры, преподает в вузах Твери, Курска, Ярославля. В январе 1926 г. он утвержден в звании профессора. Но кипучая и разносторонняя работа (по данным справочника "Научные работники Москвы" И.И. — член Общества истории и древностей российских, Общества изучения Московской губернии, Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества¹²) прервалось 14 сентября 1930 г. И.И. был арестован по так называемому делу академика С.Ф. Платонова¹³. Среди его "содельников" оказался и Л.В. Черепнин, работавший тогда в отделе рукописей ГБЛ. В своей автобиографии И.И. пишет: "... постановлением Особой Коллегии ОГПУ по статье 58¹¹ был осужден на 3 года лагерей. 2 года и 4 [месяца] я пробыл под следствием и в лагере г. Красновишерска (УВИТЛ ОГПУ). За работу по санчасти и санотделу в качестве пом[ощника] сан[итарного] инспектора Управления был объявлен ударником, дважды премирован, освобожден за 8 месяцев до срока с объявлением благодарности по приказу УВИТЛ ОГПУ от 4 января 1933 г.

По существу предъявленного мне обвинения повторяю то, что много раз говорил Следственному аппарату ОГПУ и лично Ягоде, снимавшему допрос в октябре 1930 г.: нигде и никогда не вредил, не вружу и не буду вредить СССР. К этому добавляю: и в лагере, и на воле, землекопом, и профессором со всей энергией работал, работаю и буду работать над укреплением СССР"¹⁴.

После освобождения из лагеря (в январе 1933 г.) он возобновляет работу в ГБЛ и весной 1934 г. Наркомпрос РСФСР считает возможным использовать И.И. и на работе в вузах. Он преподает в Курском педагогическом институте, в Московском педагогическом институте им. К.Либкнехта. В годы войны, в эвакуации, будучи сотрудником Института языка, литературы, и истории Узбекского филиала АН СССР, преподает в Среднеазиатском государственном университете, на Высших партийных курсах, в Военной академии им. Фрунзе. После возвращения в Москву (с 1943 г.) И.И. — профессор МГПИ.

На протяжении всей своей жизни (И.И. умер в 1956 г.) его отличала страстная привязанность к библиографии. Первые печатные труды, опубликованные в журнале "Природа", касались естественно-исторической и технической литературы, библиографированием которой И.И. Полосину пришлось специально заниматься и позже. Так, в 1933—1934 гг. бригадой научных работников под руководством С.Т. Пархоменко и И.И. Полосина был создан библиографический указатель литературы по мерзлотоведению. Первый опыт ретроспективного международного аннотированного указателя охватывал «мировую литературу по мерзлотоведению, начиная с первых известий о мерзлоте 17 века (сохранившихся в донесениях "промышленной" партии Игнатия Исаева — воеводы Петра Головина и дипломата Избрандеса) и до работ советских и иностранных ученых 1932 г. и частично 1933 г.»¹⁵, и носил характерные черты библиографического стиля И.И. — тщательность и полноту учета, краткие и информационно емкие аннотации, привлечение не только советской, но и иностранной литературы (И.И. владел

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Научные работники Москвы. М., 1930. С. 224.

¹³ См. подробнее: Брачев В.С. "Дело" академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117—130; Анциферов Н. Из воспоминаний // Звезда. 1989. № 4. С. 117—165.

¹⁴ ОР ГБЛ. Ф. 428. К. 12. Д. 1. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 11. Л. 21 об. — 22.

немецким, французским, английским языками), стремление проследить разрабатываемую им библиографическую тему "исторически" — от истоков до современности. К сожалению, указатель по мерзлотоведению света не увидел. Выполняемый по договорам с обществом изучения Советской Азии и Географическим институтом, он контролировался ГУЛАГОМ, представителям которого и были переданы собранные и обработанные материалы.

По меткому выражению И.В. Владиславлева, "Россия — классическая страна неопубликованных библиографий"¹⁶. Горький этот афоризм в полной мере приложим и к И.И. Полосину. Указатель по мерзлотоведению был далеко не единственным библиографическим трудом И.И., не попавшим к читателю. В личном архиве ученого хранится библиографический указатель, посвященный эпохе Ивана Грозного¹⁷, в котором собраны исследования общего характера, книги и статьи, вышедшие с конца XIX в. по начало 1930-х годов по проблемам исторической географии, экономики, истории опричнины и крестьянского закрепощения, дипломатии и внешней политике. Специальный раздел посвящен сочинениям иностранцев в России XVI в. Обширна и ученная иностранная литература на немецком, английском, польском языках. Включены издания США. Особо выделены источники — писцовые книги, судебники, Домострой и др. Подобного отдельно изданного указателя до сих пор нет в корпусе советских библиографических пособий¹⁸. Не увидела света и "Энциклопедия сельскохозяйственного источниковедения", для которой И.И. готовил разделы "государственная и национальная библиография как источники текущей сельскохозяйственной информации", "библиографические журналы как источники текущей сельскохозяйственной информации"¹⁹.

Практическая работа И.И. в области библиографии не ограничивалась рамками справочного бюро Библиотеки им. В.И. Ленина. И.И. активно сотрудничает в Международном аграрном институте как заместитель заведующего и заведующий библиографическим отделом института, затем во Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии (ВАСХБ)²⁰ (как ученый секретарь), где совместно с И.Н. Кобленцом редактирует "Аграрную литературу СССР, 1921—30" (М., 1930) и др.

Особого внимания заслуживает его преподавательская деятельность на курсах библиотекведения Института библиотекведения, Высших библиографических курсах (Всесоюзной книжной палаты), в Московском государственном библиотечном институте.

Богатый опыт, накопленный И.И. в ГБЛ, ВАСХБ, широко использовался им в преподавании. Библиографическую работу со школьниками и студентами он начал еще в Справочном бюро, первые лекции спецкурса по библиографии читались им в декабре 1929 г. в МГУ, позже в 1935 г. в Курском педагогическом институте он вел специальный практикум, в 1939—1930 гг. спецсеминар по исторической библиографии для работников ИФЛИ, 1927—1928 — на Высших библиотечных курсах Института библиотекведения при ГБЛ (ААН. ЛО. Ф. 155. Оп. 3. Д. 87. Л. 66), "Введение в библиографию", "Библиографическое источниковедение" на Высших библиографических курсах при Всесоюзной Книжной Палате (ВКП).

¹⁶ Там же. Ф. 617. К. 15. Д. 12. Л. 13.

¹⁷ Там же. Ф. 428. К. 2. Д. 11: Иван IV Грозный — библиогр. указ. литературы (источников и исследований) на русском и иностранных языках. 600 л.

¹⁸ Ср.: История СССР: Аннотир. указ. библиогр. пособий, опубли. на рус. яз. с начала XIX в. по 1982 г. М., 1983. Ч. 2. С. 25—33.

¹⁹ ОР ГБЛ. Ф. 428. К. 12. Д. 6. Л. 1.

²⁰ См.: *Беленький И.Л.* И.Н. Кобленц: жизненный путь, научное наследие // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 242—243.

Представление об этих курсах дают сохранившиеся планы лекционных курсов и семинарских занятий, стенограммы лекций²¹.

И.И. Полосин вместе с блестящей плеядой библиографов 20—30-х годов — И.Н. Кобленцем, Н.В. Здобновым, К.Р. Симоном и другими — разрабатывал проблемы библиографического источниковедения — методологии и методики библиографии. К библиографическому источниковедению, к пониманию библиографии как вспомогательной исторической дисциплины, к квалификации библиографических источников как одного из видов исторических источников И.И. приходит от исторической школы Московского университета, исследовательской работы в области изучения отечественной истории.

В 1939 г. И.И. читал на высших библиографических курсах ВКП курс лекций "Введение в библиографию". Частично сохранились стенограммы этих лекций (17/X — 17/XI 1939 г.)²². В них И.И. развивает комплекс идей о библиографии, роли ее в обществе, значении для специалиста; определяет предмет, задачи, место библиографии в науке. Как историк он выделяет роль письменной традиции, играющей большую роль в ряде дисциплин, подчеркивая, что специалист, воспринимающий свой предмет через печатную продукцию, "стихийно вырастает в библиографа". Но он не в силах все учесть, разыскать и организовать использование. Эту могучую критическую, организационную и мобилизирующую работу выполняет библиография; именно поэтому библиография проникает в каждую научную дисциплину в качестве ее вспомогательной, организовывая соответствующий ряд источников и объектов изучения.

В том же году И.И. разрабатывает план книги, посвященной исторической библиографии²³. Книга должна была осветить вопросы теории (классификация источников исторической библиографии), истории (развитие исторической библиографии, начиная с XV в.), современного состояния (учреждения, кадры, источники). В ней он предполагал показать место исторической библиографии среди других видов библиографии, подвести итоги и наметить перспективы развития советской исторической библиографии, которая рассматривалась им наряду с развитием исторической библиографии в Англии, Франции, Германии, США, Италии, Испании.

Отчасти разработанный им план воплотился в подготовленных к изданию стенограммах лекций для Высших библиографических курсов по библиографическому источниковедению. Лекции представляют значительный интерес. Они состоят из Введения и четырех глав, посвященных государственной библиографии в России и СССР, библиографии, библиографии библиографии. В примечаниях дан «минимум источников для экзамена по курсу "Библиографическое источниковедение"»²⁴.

И.И. подчеркивал тесную связь курса с историей библиографии (как части истории культуры, изучающей закономерности в развитии библиографической работы в стране, ее организацию, теорию и практику), с методами библиографической работы (методами составления и использования указателей). Сам же курс, по замыслу И.И., должен был помочь слушателям выработать методы анализа и классификации указателей, дать представление о библиографических источниках XIX—XX вв. — дореволюционных, советских. Курс начинался с вопросов характеристики библиографических источников — с выяснения "профиля библиографического источника", для чего И.И. Полосин использовал схему и программу И.Н. Кобленца²⁵, позволяющую выяснить целевые установки указа-

²¹ ОР ГБЛ. Ф. 428. К. 9. Д. 1—21; Архив НПО "Книжная палата". К. 23. И.И. Полосин.

²² ОР ГБЛ. Ф. 428. К. 9. Д. 15. 165 л.

²³ Там же. Д. 19.

²⁴ Там же. Ф. 428. К. 9. Д. 20. Гранки лекций сохранились полностью. На титульном листе помета автора от 3 января 1940 г.: "Издание не подписано мной к печати".

²⁵ См.: *Беленький И.Л.* Указ. соч. С. 248.

теля, его задачи, возможные читательские потребности, какие удовлетворяются данным указателем, "научно-политическую характеристику автора", характер учтенной литературы, методы библиографической обработки, формы. Оценка библиографического источника должна была даваться и с точки зрения той эпохи, когда он составлялся и с точки зрения "целей и задач социалистической стройки".

Материал дается на историческом фоне, с характеристикой отдельных исторических периодов и значения деятельности выдающихся библиографов (например, В.С. Сопикова, В.И. Межова, Г.Н. Геннади и др.), отношения к библиографии в обществе, связи дореволюционной библиографической практики с советской. Изложение очень живое, в форме беседы, особый интерес представляют страницы, посвященные "краеведческой библиографии до октября и в СССР", И.И. — специалист в области исторической географии — очерчивает большой круг источников по краеведческой библиографии, выделяя среди них памятные книжки губернских статистических комитетов, труды губернских учебных архивных комиссий, губернские ведомости. Для последних, отмечает он, настало время работы типа "губернские ведомости как источник краеведческой библиографии" (Л. 21 об.). Замечания, весьма современно звучащие и в наши дни. Особо внимательно разбирает И.И. труды В.И. Межова, который "как бы наталкивает Вас на те или иные проблемы" (л. 23 об.). В курсе И.И. не ограничивается технико-библиографическими задачами, а пытается слушателя подвести к выводу о том культурно-историческом интересе, который имеют библиографические источники.

И.И. Полосиным была разработана специальная программа "Библиографического источниковедения" для исторических факультетов²⁶. Под библиографическим источниковедением он понимал вспомогательную историческую дисциплину, разработка и изучение которой позволили бы, по его мнению, ликвидировать библиографическую безграмотность, разительное противоречие "не только с практикой лучших иностранных высших учебных заведений, но и также с нашей дореволюционной практикой" (л. 2). Специалист-историк должен знать источники универсальной библиографии и специальной исторической библиографии (по разделам исторической науки, отдельным вопросам и проблемам), краеведческую библиографию, библиографию указателей иностранных журналов и статей, рецензий и рефератов. Разработанный им план лекционного курса (68 часов) позволял слушателю, получившему предварительные сведения о книгах, основах их систематизации, классификации библиографических источников, ознакомиться с библиографической обеспеченностью не только чисто исторических, но и смежных наук (права, образования, языка, литературы и др.), а также исторической беллетристики. Курс оканчивала лекция по истории и источникам библиографической библиографии.

Наряду с лекционным курсом предполагалось и проведение семинарских занятий (28 часов)²⁷, которые сводились к самостоятельной проработке (сравнительному анализу) библиографических пособий, исторических журналов, памятных книжек и др.

Реализовать эти замыслы ученому не удалось. До сих пор студенты не имеют полноценного пособия по исторической библиографии. Библиографическое источниковедение "не в чести" и у библиотечных факультетов вузов культуры. В новейшем учебнике система библиографических пособий по истории рассмотрена на шести страницах²⁸. Наша современная авторитарная система пассивного

²⁶ ОР ГБЛ. Ф. 428. К. 9. Д. 21.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Библиография общественно-политической литературы / Сост. Л.С. Ильичева, Н.И. Сахаров, М.К. Архипова, под ред. Н.Е. Артемова. М., 1988. С. 135—141.

образования только усугубляет разрыв между библиографией и читателем, стремительно теряющим навыки самостоятельной ориентации в печатной продукции. Поэтому обращение к опыту 30-х годов, осмысление традиций в подходе к книге, к библиографическому источнику имеет большое значение для борьбы с библиографической безграмотностью, которой так много сил отдал И.И. Полосин.

В.В. Митрофаненко, Е.С. Суслова

ФОНД В.А. РОМАНОВСКОГО В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Виктор Александрович Романовский (18(4) / I 1890 — 16 /II 1971)¹ внес существенный вклад в изучение истории Украины и Северного Кавказа, а также — что заметно выделяет его из ряда профессоров нестоличных вузов — плодотворно работал в сфере архивного дела и археографии. По окончании Киевского университета в 1914 г. он был "оставлен для приготовления к профессорскому званию". С 1921 г. преподавал в Киевском университете и в только что созданном Киевском археологическом институте, одновременно являлся директором Киевского архива древних актов. В 1929 г. Романовский стал ученым секретарем Археографической комиссии АН УССР, в 1930—1935 гг. возглавил эту комиссию. Затем в его судьбе произошел крутой поворот в связи с арестом и 5-летним заключением в карагандинских лагерях. С 1940 г. Романовский преподавал в Карагандинском учительском институте, а с 1947 г. до конца жизни заведовал кафедрой истории СССР Ставропольского государственного педагогического института. Из института в 1987 г. поступил в архив личный фонд Романовского (ф. 6007), насчитывающий более 600 ед. хр.

Большую часть творческого наследия ученого составляют труды по истории Украины (д. 2—76). Все его опубликованные статьи этой тематики так или иначе касаются работы над кандидатской и докторской диссертациями, которые полностью никогда не издавались. Не сохранилось и текста кандидатской диссертации "Борьба за финансовую автономию Украины в 60-х годах XVII века" (1946 г.), однако остались тезисы к диссертации (д. 2), акцентирующие внимание на роли городов и противоречиях горожан с казацкой старшиной и гетманской властью; если последние разочаровались в союзе с Россией, призвали на помощь против нее татар и турок, то горожане, напротив, всё более последовательно ориентировались на Москву. В защищенной в 1949 г. докторской диссертации "Очерки по истории государственного хозяйства Украины в XVII в." (д. 38—48), по отзыву известного историка П.П. Смирнова, обобщается "все сделанное и опубликованное в области финансовой истории Украины XVII столетия". Особую ценность проделанной работе придает то, что материал собран автором до Великой Отечественной войны, в ходе которой пострадали архивы.

Романовский остро переживал гибель архивных и музейных богатств в Киеве. В рукописи статьи "Библиотека, рукописные и археологические коллекции Киевского университета" (д. 120—121) он по памяти, находясь в Караганде, перечислял книги, документы, коллекции монет и медалей, хранившиеся в Киевском университете.

Архивоведение и археография представлены в творчески Романовского как опубликованными, так и неопубликованными работами. Его "Очерки архивоведения" (Харьков, 1927) были удостоены премии Комитета содействия ученым.

¹ См. некролог: Ставропол. правда. 1971, 17 февр.

Автор в совершенстве владел французским, немецким, польским языками и свободно использовал иностранную литературу, чтобы показать состояние архивного дела в европейских странах. С книги Дженкинсона, вышедшей в Оксфорде в 1922 г., для Романовского был сделан перевод с английского языка (д. 87). П.П. Смирнов высоко отзывался об "Очерках архивоведения": "Книжка в 168 страниц, в которой автор дает: 1) теоретические сведения о науке архивоведения и архивном деле, освещающая относящиеся вопросы в широком аспекте состояния того и другого как в Советском Союзе, так и в странах Западной Европы; 2) историю архивного дела на Украине, начиная с зачатков до создания при Советской власти центральных архивов в Киеве и Харькове, то есть до сего времени; 3) принципы архивоведения как науки" (д. 566, л. 4—5). Отложились неизданные статьи "Из истории архива Малороссийской коллегии" (д. 82) и "Что такое архив?" (д. 86), написанные Романовским в период, когда он руководил Киевским архивом древних актов.

После принятия в 1958 г. Положения о Государственном архивном фонде Романовский подводил некоторые итоги: "За 42 года Советской власти архивисты проделали большую работу по организации архивных органов, сохранению архивных фондов, приведению в порядок, хранению, классификации и ознакомлению ученой общественности и людей практики с архивными богатствами. Разработаны и теоретические вопросы архивного строительства, составления описей, каталогов, справочников и прочих информационных средств для осведомления советской общественности о том, что хранится в архивных фондах, — подчеркивал ученый, не упуская, однако, и недостатков. Несколько сложнее обстоит дело с археографическими изданиями. Было время, когда археографическая работа была чрезвычайно сужена и почти прекращена. Хотя советская археография имеет ряд прекрасно выполненных работ, но все же в большинстве случаев, особенно в периферийных изданиях, имеются примеры небрежных, плохо подготовленных и некритически изданных текстов. Печатаются первые попавшиеся копии документов и, самое главное, применяется совершенно произвольный, субъективный отбор документов и источников". Последнее критическое замечание Романовского звучит весьма актуально и в наше время, причем не только по отношению к местным документальным изданиям по истории СССР. С этим перекликается и следующий тезис, на котором справедливо фиксирует внимание ученый: "Нельзя умолчать и о другой трудности, которая препятствует полноте изучения вопросов современности. Ряд вопросов по истории внешней политики, развитию отдельных отраслей промышленности и советского строительства не всегда доступен исследователю, так как не все может быть опубликовано в данный момент для широкого пользования. Вот почему при выборе темы для научной работы исследователь должен учесть возможности использования первоисточников" (д. 79, л. 1—2, 4—5).

Представляю интерес несколько статей Романовского по проблемам высшей школы на современном этапе, в которых он ссылался на опыт подготовки кадров в дореволюционных высших учебных заведениях, и прежде всего в Киевском университете. Волновало его неудовлетворительное планирование исторических исследований и качество диссертаций: об этом свидетельствуют статья "Еще о диссертациях" (д. 89) и письмо Романовского академику Б.Н. Пономареву и министру В.П. Елютину (д. 311). В статье "Методика чтения лекций в вузах" Романовский анализировал преподавательские приемы видных отечественных историков и делал вывод: "Все известные, можно сказать, знаменитые лекторы воздействовали на слушателей университетской аудитории не эмоциональной стороной своей лекции, не внешними красотами изложения, а внутренней логикой разбора событий, пробуждая глубокий внутренний интерес к предмету, продолжая исследовательскую мысль молодых слушателей, захватывая их внутренней красотой искания" (д. 99, л. 6).

Занимаясь разбором достижений своих коллег по изучению истории Украины, Романовский написал историографические статьи, посвященные памяти В.Б. Антоновича (д. 136) и В.Л. Модзалевского (д. 138). В 1961 г. к Романовскому обратилась вдова его друга Е.Д. Сташевского Татьяна Николаевна, хлопотавшая об издании книги покойного историка "История докапиталистической ренты в Правобережной Украине". Доведа книгу до печати в 1968 г., Романовский с удовлетворением писал ей, что это исследование "в украинской историографии делает настоящую эпоху, заставит украинских и польских историков пересмотреть научные выводы о положении крестьян Правобережной Украины" (д. 244, л. 20).

Заботой Романовского всегда было сохранение памятников истории и культуры. Например, в 1952 г. он направил в редакцию "Литературной газеты" статью "Гибнет ценный памятник архитектуры", приуроченную к 800-летию г. Глухова, где родился Романовский, напоминая о пожарах XVIII в., когда "погибло в огне знаменитое здание Малороссийской коллегии. Погибли и дворцы, в которых жили замечательный русский полководец, учитель великого А.В. Суворова П.А. Румянцев, гетман Разумовский и др., тем обиднее наблюдать пренебрежительное отношение глуховчан к прекрасному архитектурному памятнику города Глухова — городским крепостным воротам. Это постройка известного русского зодчего XVIII века Андрея Васильевича Квасова" (д. 126, л. 1). Редакция газеты переслала письмо в Комитет по делам культпросветучреждений при Совете Министров УССР, что привело к конкретным результатам: "произведен обмер и исследования указанного памятника и на основании этих данных был составлен проект его реставрации. На 1953 г. предусмотрены ассигнования на производство ремонтно-реставрационных работ" (там же, л. 6).

Много интересного содержится в переписке Романовского. Назовем лишь некоторых из его корреспондентов: С.К. Богоявленский, В.Н. Бочкарев, С.Н. Валк, Б.Д. Греков, Н.К. Гудзий, Н.М. Дружинин, А.А. Зимин, Б.Б. Кафенгауз, Х.Х. Круус, Н.В. Кудряшов, Е.Н. Кушева, Б.А. Ларин, С.И. Маслов, П.П. Смирнов, И.Я. Фроянов, Л.В. Черепнин, А.Л. Шапиро, С.О. Шмидт, В.К. Яцунский.

Самая долгая и содержательная переписка была у Романовского с П.П. Смирновым (начиная с марта 1941 г., более ранние письма не сохранились из-за ареста; кстати, целый ряд документов говорит о том, что от последствий несправедливости Романовский не избавился до конца своих дней). Смирнов знал обе диссертации Романовского задолго до защиты и в обоих случаях был официальным оппонентом, помогал своими советами: "я серьезно предлагаю Вам выделить из диссертации ее IV главу и из нее сделать отдельную работу, которая пойдет на степень кандидата, — обращался он к Романовскому. — А целое Вы сохраните для докторской" (д. 381, л. 22). В письмах Смирнова ярко показана жизнь московских историков в трудное военное время.

Своим отношением к научным вопросам делились с Романовским и другие ученые. «Сейчас меня волнует тема "Холопы на Руси" (до конца XV в.), — писал А.А. Зимин. — Думаю, что во многом старики были правы. Социальную историю без колонизаторского процесса не понять» (д. 341, л. 2).

В свою очередь, Романовский рассказывал коллегам о собственных делах, прежде всего связанных с докторской диссертацией. "Работа моя — плод долгих лет моего упорного труда. Я пересмотрел сотни и тысячи связок документов в Киевском, Харьковском и Черниговском архивах, собрания документов в Москве и Ленинграде, но главным источником послужили мне архивные документы Московского архива древних актов, — сообщал Романовский В.Н. Бочкареву. — Эта работа привела к некоторым интересным выводам. Определено впервые число жителей Левобережной Украины, распределение их по занятиям, установлена степень отделения ремесла от земледелия, рост городов, занятие ремеслом, развитие торговли. Изучено обеспечение земледельческого населения рабочим

скотом, податные оклады городского и сельского населения" (д. 194, л. 3—4). "Перевернув кучу материала, я все больше убеждаюсь, что крепостнические отношения сильно запаздывали на Левобережной Украине и, кроме того, целые большие группы крестьян не участвовали в организации товарного сельского хозяйства", — читаем в отпуске письма В.К. Яцунскому (д. 256, л. 3).

Заканчивая обзор фонда, необходимо сделать оговорку, что в нем не разобраны рукописи опубликованных работ Романовского по истории Ставрополя; его отзывы и рецензии на диссертации, статьи, доклады примерно 70 авторов; его ранние студенческие работы: «"Сказание о крещении Руси" (по летописному рассказу о "водворении христианства в России)"» (д. 142), "Суды Божьи по Русской Правде" (д. 144). По-видимому, с названными работами связана более поздняя статья "Культура Древней Руси X—XV вв." (д. 132), выходящая за рамки основных научных интересов Романовского. Из материалов других лиц выделяются стихи его студенческого друга Н.К. Зерова (д. 596), известного украинского поэта и филолога, также пострадавшего в 30-е годы.

Т.Г. Фруменкова

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.Г. ФРУМЕНКОВА

Георгий Георгиевич Фруменков (1919—1989)¹ — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный гражданин г. Архангельска — занимался политической историей России XVI—XIX вв., историей Беломорья.

Г.Г. Фруменков родился в белорусском городе Рогачеве в семье бухгалтера. В 1937 г. он поступил на исторический факультет Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена. Вскоре был арестован и осужден "тройкой" НКВД БССР его отец (сохранилась справка от 14 августа 1958 г. о посмертной реабилитации Г.М. Фруменкова). Сына едва не исключили из института. Всю жизнь он помнил слова одного из институтских администраторов: "Мы не обязаны учить умных детей врагов народа". Лишенный стипендии, студент бедствовал. Пришлось подрабатывать на разгрузке вагонов. Но однокашники вспоминают и его веселый нрав, остроумие, великодушную память, стремление к знаниям. Фруменков любил впоследствии рассказывать о своих преподавателях: академике Б.Д. Грекове, В.В. Струве, Е.В. Тарле, профессоре С.И. Ковалеве, долгие годы дружил с молодыми тогда В.В. Мавродиным, С.Б. Окунем, Н.А. Корнатовским. Главным учителем он считал В.Н. Бернадского, о котором отзывался с теплотой и уважением.

Получив диплом 28 июня 1941 г., молодой историк рвался на фронт. Отказался поступать в военное училище. Вместе с частями народного ополчения комсорг

¹ См. о Г.Г. Фруменкове: *Измайлов И., Пиккев И.* Тропоею тайн // Правда Севера. Архангельск, 1966. 10 июня; *Яковлев В.* Столько раз человек // Учительская газета. 1970. 28 июля; *Дружкою В.* Салдат, даследчык, вучоны // Камунар. Рогачев, Гомельская обл., 1978. 29 авг.; *Легкодуш Д.* Отакий, він мій фронтвий друг // Лит. Україна. 1980. 11 июля; *Историки-слависты СССР:* Биобиблиогр. слов.-справ. М., 1981. С. 167; *Орлова Н.Ф.* Педагог и ученый // Вестник политической информации. Архангельск, 1984. № 12. С. 7—9; Г.Г. Фруменков: Некролог // Правда Севера. 1989. 20 авг.; *Киприянов В.И.* Форпост государства Российского. Архангельск, 1989. С. 5—10; *Куратов А.А.* Российский историк // Правда Севера. 1989. 19 дек.; *Славяноведение в СССР:* Биобиблиогр. слов. М., 1990; *Коваль С.А.* Ученый, педагог, гражданин (памяти д.и.н., проф., засл. деятеля науки РСФСР Г.Г. Фруменкова) // Культура и политика в современном мире. Тез. докл. II Соловецкого общественно-политического форума 9—13 сентября 1990 г. Архангельск. Соловки, 1990. С. 112—116.

батальона Фруменков сражался на подступах к Ленинграду, в составе войск Волховского фронта участвовал в освобождении Тихвина, чудом выжил в аду Мясного Бора (его часть весной 1942 г. была придана 2-й Ударной армии). Тогда же начал писать заметки во фронтовую газету. В июне 1943 г. получил вызов в редакцию и стал военным корреспондентом газеты "Фронтовой дорожник" (Волховский, с июня 1944 г. — 2-й Прибалтийский фронт). В 1944 г. вступил в партию.

После демобилизации Фруменков оказался в числе тех фронтовиков, которые ринулись в науку, стремясь наверстать упущенное за военные годы. Он поступил в годичную ассистентуру ЛГПИ имени А.И. Герцена. Окончив ее в феврале 1947 г., приехал в Архангельск и приступил к работе в пединституте. Фруменков сразу же стал одним из популярных преподавателей. "Среди студентов тогда много было бывших фронтовиков — преподаватель в выцветшей гимнастерке внешне от них ничем не отличался. Но скоро и единодушно будущие историки объединились вокруг Фруменкова, и не только потому, что он учил. В нем такая бушевала энергия, так увлеченно и радостно он жил и работал, столько у него было идей, что к нему тянулись, ему подражали", — писала о нем Н.Ф. Орлова². Умение трудиться и получать удовольствие от работы, повышенное чувство ответственности, юмор, доброжелательность определяли характер Фруменкова и привлекали к нему людей. Проработав более 42 лет в институте, он стал учителем нескольких поколений архангельских учителей. В статье "Российский историк" А.А. Куратов подчеркнул: "Удивительным образом научное творчество Георгия Георгиевича сочеталось с его педагогической и общественной деятельностью... Дело тут не только в неутомимости научного поиска и редкой работоспособности, но и в творческой дисциплине труда. В этом Георгий Фруменков — пример для всех... Выручало то, знаете, полузабытое человеческое качество — он был обязательным человеком"³.

В 1954 г. Фруменков защитил кандидатскую диссертацию по теме "Русская революционная мысль 20—60-х годов XIX века и польский вопрос", а в 1955 г. получил ученое звание доцента. В конце 50-х годов, работая в архивах Архангельска, Москвы, Ленинграда, обратил внимание на то, что документы по истории Соловецкого монастыря слабо изучены и мало использованы историками. Интерес к Соловкам возрос, когда был открыт доступ на острова. Это и обусловило выбор темы докторской диссертации: "Соловецкий монастырь в XVI—XIX веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства". Диссертация была блестяще защищена в Ленинградском университете в 1966 г. По этой теме автор опубликовал книги: "Из истории ссылки в Соловецкий монастырь в XVIII веке" (Архангельск, 1963), "Узники Соловецкого монастыря" (Архангельск, 1965; переиздавалась в 1968, 1970 и 1979 гг.), "Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI—XIX веках" (Архангельск, 1963; 2-е изд. — 1975 г.), много статей в журналах и сборниках. Его работы высоко оценили читатели. "Книга очень интересная, открывающая новое, малоизвестное. Написано правдиво, остро, с волнением сердца. Хорошее сочетание научного исследования и публицистики: то, чего не хватает, к сожалению, многим историкам", — говорилось в одном из писем-отзывов. "Трагические судьбы узников Соловков могли бы стать сюжетом многих художественных произведений. Знают ли о них писатели?" — спрашивал другой рецензент. Очерки об узниках Соловецкого монастыря в самом деле привлекли внимание литераторов. «Если бы не Георгий Георгиевич, я не написал бы своего главного романа "Журавлиный крик", о последнем кошевом атамане Кальнишевском, замученном на Соловках», — сообщал украинский писатель Р.И. Иваньчук.

² Вестн. полит. информации. 1984. № 12. С. 8.

³ Правда Севера. 1989, 19 дек.

18 лет — с 1962 по 1980 г. — Фруменков был ректором Архангельского педагогического института имени М.В. Ломоносова. На этой должности наиболее полно раскрылись его организаторские способности. "Всячески приветствую Ваши успехи в научной работе. Вы значительно опередили некоторых наших хвастливых не в меру товарищей. Я хорошо понимаю, что значит совмещать большую научную работу с не менее большой административной. У Вас это хорошо сочетается", — писал бывшему ученику профессор ЛГПИ Л.Ф. Скляр.

История Русского Севера оставалась в центре научных интересов Фруменкова. Идеалом ученого-патриота считал он великого земляка М.В. Ломоносова, о котором за последние 30 лет опубликовал брошюры "М.В. Ломоносов — основоположник русской исторической науки" (Архангельск, 1960), "М.В. Ломоносов — историк нашей Родины" (Архангельск, 1970) и многочисленные статьи общим объемом 17 п.л. По отзывам специалистов, его труды отражают современный уровень ломоносоведения. В круг интересов Фруменкова попадали не только крупные исторические личности (см. также изданную в Архангельске в 1972 г. брошюру "Петр I на Севере"), его всегда привлекали малоисследованные страницы истории Поморья. По архивным материалам им написаны очерки о В.В. Крестинине, П.И. Ганнибале, академике И.И. Леванде, этнографе П.П. Чубинском, об участии поморов в Отечественной войне 1812 г. и др. Его перу принадлежат ряд публикаций об А.И. Герцене и русско-польских революционных связях, брошюра и статья "Россия в Семилетней войне", главы учебного пособия для школьников "Наш край в истории СССР" и методические разработки по узловым темам вузовского курса отечественной истории.

Важным событием научной и редакторской (совместно с А.Е. Шукиным) деятельности Фруменкова явилась работа над большой книгой "Архангельск: 1584—1984". Для этого коллективного издания он написал пять больших очерков (один из них совместно с Ю.К. Новожиловым) по истории города, ставшего для него родным. Книга "Декабристы на Севере" (Архангельск, 1986) написана Фруменковым в соавторстве с В.А. Волынской. В самые последние годы ученый исследовал предысторию Архангельска и историю речного судоходства на Севере. Он редактировал многие книги, выходившие в Северо-Западном книжном издательстве, был одним из редакторов и авторов "Северного археографического сборника" (выпуски 1, 2 и 3).

Архив Фруменкова хранится в его семье и в настоящее время передается в Государственный архив Архангельской обл. (ф. 689).

Большое место в личном фонде занимают документы биографического характера. Это диплом с отличием об окончании института, документы об окончании ассистентуры и присуждении ученых степеней и званий, грамота "Заслуженному деятелю науки РСФСР", удостоверение почетного гражданина Архангельска. Сохранились также пронесенный через войну комсомольский билет, документы о членстве в различных общественных организациях, материалы административной, партийной, депутатской работы, автобиографии, характеристики, удостоверения. Имеются документы о награждении орденами ("Октябрьской революции", "Знак Почета"), медалями ("За оборону Ленинграда", медали Н.К. Крупской, К.Д. Ушинского и мн. др.), стенограммы защиты диссертаций и отзывы о них. Имеются газеты и журналы со статьями и заметками о Фруменкове, договоры с издательствами, тщательно составленный список опубликованных трудов (220 наименований). Значительную группу составляют материалы юбилейно-поздравительного характера: поздравления и адреса в связи с награждениями, защитой докторской диссертации, присвоением почетных званий по случаю 50- и 60-летия. Много теплых, часто шуточных поздравлений приходило от студентов и выпускников института. В письмах и рекомендациях, связанных с присвоением Фруменкову звания "Заслуженный деятель науки РСФСР", дается высокая оценка его заслуг как ученого-историка и педагога.

Важнейшее место в архиве Фруменкова занимают творческие материалы — рукописи научных трудов, тексты и тезисы различных выступлений, подготовительные материалы, отдельные фрагменты и наброски. Наибольший интерес представляют не опубликованные полностью главы коллективной монографии по истории Северного речного пароходства: "1. Речное судоходство на Русском Севере до появления парового флота; 2. Появление парового флота на реках Европейского Севера России. Состояние речного судоходства во второй половине XIX — начале XX века", рукописи нескольких статей по той же теме, машинопись и черновики статьи "Беломорье — первый район международной торговли Русского централизованного государства" (полностью не публиковалась), статья "Приют трудов и вдохновения. Архангельск и Петербург".

Кроме неизданных рукописей, сохранены только те, которые могли быть использованы в дальнейшей разработке темы. Это — машинописные (с поправками и пометами) рукописи статей "Соловецкий монастырь в истории Беломорья и России", "Архангельское Поморье в 1812 году", "В.В. Крестинин", "Ф.И. Шубин", "П.П. Чубинский". Черновики и промежуточные варианты позволяют проследить процесс творческой работы ученого. Такие материалы находятся в папках, озаглавленных "Первый порт" (с вариантами), "Декабристы на Севере" и др.

Десятилетиями создавались представленный в архиве курс лекций по истории СССР и спецкурсы по истории Русского Севера. Фруменков не уставал повторять: "Лекции должны быть и содержательны, и увлекательны". В годы ректорства всех, кто приезжал проверять работу института, он приглашал в первую очередь на свои лекции. О том, как готовился профессор к лекциям, свидетельствуют и различного рода подготовительные наброски, выписки из книг, подборки афоризмов, удачных сравнений. В личном фонде Фруменкова представлены планы семинарских занятий, списки тем курсовых работ, курсовые и дипломные работы студентов, отзывы о них научного руководителя. Преобладали темы по истории Беломорья, которые помогали приобщить студентов к архивам и включить их в научно-исследовательскую работу. Остался отчет о работе за 1981/82 уч. год, есть месячные ведомости.

Фруменков часто выступал по местному радио и телевидению, откликаясь на важные даты в истории страны и края, рассказывая о результатах исследований, о своих книгах. Тексты многих его радиоочерков и бесед отложились в архиве. Он был ярким популяризатором исторических знаний, мечтал о введении курса отечественной истории во всех вузах страны. Систематически выступал не только на Ломоносовских чтеньях и научных конференциях, но и перед учителями, в рабочих коллективах. Публичные лекции Фруменков не считал занятием второстепенным. В одном из отчетов он заметил: «Выступал в доме культуры птицефабрики. Тема "Архангельск — первые морские ворота Российского государства". Народу было видимо-невидимо». В архив попали тексты многих его выступлений, включая доклад "400-летие Архангельска", сделанный в Доме ученых г. Ленинграда (1984 г.); и лекцию, прочитанную в МГУ, "К истории Соловецкого монастыря" (1986 г.).

Пожалуй, беспримерна по масштабам работа Фруменкова в газетах, особенно местных. Первые публикации относятся к 1943—1945 гг. В личном архиве — уникальная коллекция газет "Фронтовой дорожник" с его статьями и заметками. Профессиональные знания молодой журналист использовал в серии очерков "Наши великие предки". Тогда стал складываться индивидуальный стиль Фруменкова, иногда по-журналистски хлесткий, появилась любовь к выразительным заголовкам типа «Лондонский "Колокол" и архангельский "Колокольчик"», "Афанасий Булычев и другие (из истории судоходства на реках Севера)". В архиве имеется богатая подборка местных и центральных газет с его материалами ("Правда Севера", "Северный комсомолец", "Советская культура", "Социалистическая индустрия", "Лесная промышленность" и др.). Любопытным документом оказалось

интервью Фруменкова газете "Социалистическая индустрия". Резолюция заместителя главного редактора, купюры свидетельствуют, что еще в 1984 г. рассказ о древней истории Соловецкого монастыря воспринимался как намек на события 20—30-х годов нашего века на Соловках. С трудом, в урезанном виде пробились в печать и призывы ученого к восстановлению памятников Соловецкого архипелага.

Особый раздел творческого наследия Фруменкова составляют машинописные рецензии на работы других историков: М.И. Белова, И.А. Быховского, В.А. Зайцева, А.Н. Кирпичникова, Ю.В. Кожухова, Н.Л. Конькова, А.И. Корзникова, О.В. Овсянникова, Н.Н. Репина, В.Ф. Старкова и др. Нестандартны его заголовки отзывов ("Мнение...", "Суждение..."), а сами они отличаются доброжелательностью, часто заканчиваются пожеланиями успехов автору. Однако рецензент всегда твердо отстаивает свои взгляды по принципиальным вопросам, скрупулезно анализируя замеченные недостатки, отмечая неточности. Иногда отзыв превращается в эссе по заданной теме.

С пристрастием относился Фруменков, мечтавший сам написать исторический роман, к рецензированию книг и рукописей этого жанра. Он призывал авторов (В.С. Железняк, В.С. Пикуля, В.А. Толмасова) строго следовать принципу историзма, верности историческим фактам. Неопубликованная рецензия на фильм Т. Абуладзе "Покаяние" характеризует его отношение к сталинизму.

Среди бумаг Фруменкова — масса тетрадей с выписками из документов, фото- и ксерокопии архивных дел из местного, московских и ленинградских хранилищ. (Личное дело Фруменкова в госархиве Архангельской обл. начато в марте 1947 г., в первый месяц его работы в Архангельске.) По содержанию эти материалы отражают круг научных интересов ученого. Собирал он и документы по истории пединститута, рукописные воспоминания студентов 30—50-х годов.

Коллекция газет и журналов с рецензиями на книги, брошюры Фруменкова, на сборники, в которых он принимал участие, насчитывает более 30 экземпляров (публикации в газетах и журналах Северо-Запада, в "Вопросах истории", "Науке и религии", "Книжном обозрении", украинских и белорусских журналах, в "Hansische Geschichtsblätter" (Köln, Wien).

Сравнительно меньше документов о научно-организаторской и редакторской деятельности Фруменкова. Это — программы Ломоносовских чтений, научных конференций, инициатором и участником которых он был, учительских съездов, XIII Международного конгресса историков. Процесс кропотливой редакторской работы можно проследить по материалам подготовки к печати двух сборников: "Слово о Ломоносове" и 2- и 3-го изданий пособия "Наш край в истории СССР". Выделим и документы, материалы местных газет, освещающие крупные общественные акции Фруменкова 80-х годов: его участие в праздновании 400-летия Архангельска, в обсуждении герба города, его предложение ежегодно праздновать День города. Последняя инициатива вызвала поток писем, частью хранящихся в его архиве. День города празднуется в Архангельске с 1988 г. Заслуживает внимания и обращение к руководству пединститута и местного отделения Фонда культуры с призывом возродить в городе Историческое общество (1987 г.).

Обширный раздел личного архива Фруменкова составляет переписка. Кроме писем к родным, сохранились лишь немногие черновики его деловой корреспонденции. К примеру, письма редактору справочника "Декабристы" с уточнением места рождения А.Г. Непенина, уточнение текста мемориальной доски декабристу А.С. Горожанскому и т.д. Зато корреспондентов у Фруменкова было более 150. В их числе — академики Д.С. Лихачев, М.В. Нечкина, известные ученые В.Н. Бернадский, В.П. Грицкевич, А.Н. Кирпичников, В.В. Косточкин, В.В. Мавродин, О.В. Овсянников, С.Б. Окунь, Л.Ф. Скляров, А.Ф. Трешников, И.П. Шаскольский, С.О. Шмидт и др.

Публикация работ по истории Соловецкого монастыря привела к бурному

всплеску переписки. Авторы многих писем из разных концов страны — учёные, сотрудники музеев, учителя, краеведы — просили выслать им книги Фруменкова (например, 22 сентября 1965 г. пришло письмо из Публичной исторической библиотеки, получившей 10 экземпляров "Узников..." от автора и через магазин "Книга — почтой" и просившей дополнительно выслать в отдел комплектования еще шесть экземпляров), задавали вопросы, делали замечания, вносили дополнения. Нередко письма превращались в своеобразные рецензии. Главы "Узников..." о П.И. Кальнишевском и Г.А. Андрузском вызвали живой интерес на Украине. Завязалась многолетняя дружеская переписка с украинскими деятелями науки и культуры — Н.П. Базиловским, Р.И. Иванычуком. М.И. Марченко, И.Е. Родаченко, Ф.П. Шевченко, Н.М. Шумило и др. Появление имени Фруменкова в печати помогло наладить переписку с фронтовыми друзьями. Их письма хорошо передают атмосферу редакции фронтовой газеты. Таким образом, круг личных и творческих связей Фруменкова сложился в середине 60-х годов. Большинство писем получены им за последние 25 лет. Дополним обзор писем упоминанием о двух чисто семейных, бережно им хранившихся. Это письма, адресованные матери Георгия Георгиевича: последняя открытка отца из лагеря (1940 г.) и письмо 17-летнего брата Константина из Ленинграда, написанное 22 июня 1941 г. (Брат погиб во время блокады).

Тепло пишут о Фруменкове авторы мемориальных писем. Выражая соболезнования близким, друзья вспоминают студенческие годы и встречи с ним, ученые характеризуют его как "выдающегося знатока, пропагандиста, патриота Русского Севера".

Документы личного архива Фруменкова содержат ценные сведения для тех, кто интересуется прошлым Северного края.

М.Г. Малкова-Лихтенштейн

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ Е.С. ЛИХТЕНШТЕЙНА

В Архиве РАН хранится фонд известного деятеля в области научного книгоиздания, популяризатора науки, книговеда, многолетнего ученого секретаря Редакционно-издательского совета при Президиуме АН СССР (РИСО) Ефима Семеновича Лихтенштейна (1908—1987)¹.

Е.С. Лихтенштейн родился на Украине в семье сельского учителя. Его редакторская работа началась в 1928 г. в журнале "Молодой машиностроитель", а в 1932 г. по его инициативе и при поддержке Н.К. Крупской и секретаря ЦК комсомола А.В. Косарева была создана редакция юношеской и научно-популярной литературы при Объединении научно-технических издательств (ОНТИ). Руководителем новой редакции был назначен видный деятель революционного движения, публицист и литературовед Н.Л. Мещеряков, а Е.С. Лихтенштейн стал его заместителем. Он привлек к сотрудничеству академиков С.И. Вавилова, А.Ф. Иоффе, И.П. Павлова, В.А. Обручева, А.Е. Ферсмана и других авторитетных исследователей. Однако вскоре бурно развивавшаяся работа была прервана. После убийства С.М. Кирова руководство ОНТИ было арестовано, а Ефима Семеновича спасла от ареста болезнь: вспыхнувший туберкулезный процесс уложил его в больницу на два года. В конце 1936 г. Е.С. Лихтенштейн пришел в издательство Академии наук СССР, с которой с той поры была связана вся его жизнь. Заведующий редакцией научно-популярной литературы, заместитель главного

¹ АРАН. Ф. 1954. Часть материалов хранится в семейном архиве Е.С. Лихтенштейна.

редактора, главный редактор, заместитель директора издательства, и, наконец, последние четверть века — ученый секретарь РИСО — таковы основные вехи его издательской работы.

В годы сталинского и брежневского давления на культуру судьбы книг зависели от тех, кто брал на себя ответственность. Время воспитало новый тип функционера: человека, который, упершись в букву инструкции, легко и умело запрещал, но ни при каких обстоятельствах не пытался сдвинуть дело с мертвой точки. Философия "как бы чего не вышло" превратилась в едва ли не общее жизненное правило. А Ефим Семенович так и остался человеком, для которого дело, служение книге, умение принимать решения оставалось составной частью натуры. Множество книг обязано своим появлением в свет именно ему — его доброжелательности, энергии, чутью на талант. Созданная им в последние годы жизни книжная серия "Наука. Мировоззрение. Жизнь", для которой были приглашены ведущие ученые страны, насчитывает уже около 40 книг.

Деятельность Е.С. Лихтенштейна не ограничивалась работой издателя. Он был автором ряда книг и учебников для будущих редакторов², принял участие в создании двухтомного труда "400 лет русского книгопечатания" (как член редколлегии, издатель и автор ряда статей по истории академической книги)³. Большую популярность получили созданные им сборники изречений, афоризмов и литературных цитат "Слово о книге"⁴ и "Слово о науке"⁵. Ефим Семенович занимался педагогической работой. Многие годы он преподавал в Полиграфическом институте и на факультете журналистики МГУ, подготовив несколько поколений журналистов и редакторов. Он был членом Союза журналистов СССР, участвовал в организации Всесоюзного общества книголюбов, где в течение 15 лет работал на общественных началах заместителем председателя.

Е.С. Лихтенштейн успевал многое, его кипучей энергии хватало на разные дела. Но не должностями и званиями определялось его место в жизни. Он был талантлив, обаятелен, умел увлечь и реально помочь, умел приободрить и шуткой снять напряжение. В годы репрессий и застоя он оставался энтузиастом двадцатых годов, человеком, который отдавал всего себя отечественной культуре и больше всего не любил слово "нельзя".

Особое место среди архивных материалов Е.С. Лихтенштейна занимает обширная корреспонденция, постулавшая на его имя долгие годы, до конца его жизни. Научно-издательская деятельность связала его со многими выдающимися учеными. Среди его корреспондентов — академики А.А. Баев, Д.С. Лихачев, А.Г. Милейковский, А.М. Самсонов, В.А. Энгельгардт, А.Л. Яншин, член-корреспондент А.А. Сидоров, писатели Л.И. Гумилевский, В.Г. Лидин, О.Г. Ласунский и др. В их письмах отразилась не только официальная сторона публикаторской работы, но также планы и замыслы ученых, их размышления о состоянии издательского дела в Академии наук в те годы, когда настоящая творческая деятельность встречала на своем пути большие препятствия. Д.С. Лихачев писал Е.С. Лихтенштейну 22 февраля 1974 г.: «Не сетуйте, пожалуйста, на меня, что я Вас одолеваю просьбами. Больше половины своего рабочего времени я отдаю сейчас издательским делам АН СССР, хотя мою деятельность там и не очень ценят. Но я делаю это бескорыстно.

² *Лихтенштейн Е.* Редактирование научной книги. (Некоторые вопросы издательской культуры). М., 1957; *Лихтенштейн Е.С., Сикорский Н.М., Урнов М.В. и др.* Теория и практика редактирования: Учеб. для студентов. М., 1964. Ч. I: Основы редактирования книги; Ч. II. Редактирование отдельных видов литературы; *Лихтенштейн Е.С., Михайлов А.И.* Редактирование научной, технической литературы и информации: Учеб. для вузов. М., 1974.

³ 400 лет русского книгопечатания. М., 1964. Т. I, II.

⁴ Слово о книге. М., 1969; 4-е изд. М., 1984.

⁵ Слово о науке. М., 1976. Кн. 1; М., 1981. Кн. 2; 2-е изд. М., 1978. Кн. 1; М., 1986. Кн. 2.

Я отдаю свое время "Лит. памятникам", "Памятникам культуры", "Научно-популярной серии", ж[урналу] "Русская литература" и мн[огому] др[угому]. Именно это дает мне моральное право тревожить Вас изредка моими просьбами. Без этих своих просьб мне вообще трудно работать. И если бы не уверенность, что Вы относитесь к ним с неизменной благожелательностью, то я бы вообще бросил заниматься издательскими делами, а заканчивал свою жизнь осуществлением своих научных замыслов, мне, как старому издательскому работнику, "не сидится". Поэтому я обращаюсь к Вам не только как к старому сослуживцу, как Ваш бывший подчиненный, и не потому, что мы с Вами неизменно в течение тридцати лет стоим во всех академических справочниках рядом ("Лих" и "Лих"), а по бескорыстной и неразделенной любви к нашему академическому издательству». После освобождения из сталинского лагеря, в 1935—1938 гг., Д.С. Лихачев работал ученым корректором в издательстве АН СССР. 10 сентября 1986 г. Е.С. Лихтенштейн писал Д.С. Лихачеву: «Дорогой, глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич! Я получил три Ваших деловых послания и три личные записки. Спасибо Вам большое за Вашу сердечность и теплоту [...] Я также получил извещение н[аучного] с[вета] "История мировой культуры" о том, что 27—28 ноября состоится конференция на тему "Литература и искусство в системе мировой культуры". Конференция посвящена Вашему 80-летию. Имеется намерение издать материалы этой конференции. Оргкомитет Конференции пригласил меня выступить на этой конференции. Сочту это за великую честь. Недавно я в своем личном архиве нашел одно очень давнее Ваше письмо, подписанное "Ваш корректор член-корреспондент АН СССР Д. Лихачев." Я бы назвал свое выступление — "Корректор академик Д. Лихачев". Мне хотелось бы в этом выступлении сказать о Ваших идеях в области научного книгоиздательства и, в частности, по вопросам текстологии и библиографии. Сейчас особенно своевременны и актуальны Ваши работы о роли библиографии в творчестве ученого.

Меня встревожило Ваше сообщение о недомогании. Пожалуйста, будьте здоровы! Это очень нужно не только лично Вам и Вашим близким, но и всем, кто искренне любит науку, литературу и книгу».

Для характеристики атмосферы, царившей в семидесятых годах в кругах академической администрации и противодействия, которое оказывали ей лучшие ученые, весьма любопытно письмо заместителя председателя РИСО, академика А.Л. Яншина к академику П.Н. Федосееву, написанное, очевидно, весной 1975 г. (в архиве хранится его недатированная копия). «[...] Я узнал, что при предстоящих в связи с юбилеем Академии правительственных награждениях из всех списков непонятно на каких основаниях *вычеркнут* Ефим Семенович Лихтенштейн. Это совершенно недопустимо [...] Вы отлично знаете, что вся деятельность РИСО держится на нем. Не считаясь с временем, вечерами и в выходные дни, часто больной, он ни на час не прекращает "проворачивать" все возрастающую по объему деятельность редакционного совета, причем делает это в сложной обстановке с большим тактом и знанием дела [...] При всем моем громадном уважении к Вам я должен Вас предупредить, что если Ефиму Семеновичу Лихтенштейну будет нанесено такое унижение и его преданность одному из важнейших дел Академии наук никак не будет отмечена в связи с юбилеем, то я буду вынужден отказаться от выполнения функций Вашего заместителя и вообще от каких-либо дел, связанных с Редсоветом. Академик А.Л. Яншин».

Значительное место в архиве занимают отклики на научную деятельность Е.С. Лихтенштейна. Член-корреспондент АН СССР А.А. Сидоров (редактор первого тома юбилейного издания "400 лет русского книгопечатания") благодарил его "как автора выдающихся по качеству, содержанию и интересу глав об Академической книге, которые останутся в числе лучших во всем нашем труде" (письмо от 31 декабря 1963 г.). Академик А.М. Самсонов писал 16 мая 1983 г.: "Ценю

Ваш талант неутомимого организатора академической печати, крупнейшего книговеда, автора замечательных литературных трудов, видного общественного деятеля, прекрасного обаятельного человека". Писатель, литературовед, популяризатор науки Л.И. Гумилевский писал: «Прочитал Вашу статью в "Природе"⁶ и думаю, что Вы и есть тот единственный человек, которому положено и должно написать Теорию популяризации, о чем Вы упоминаете в конце статьи... Было бы преступно с Вашей стороны не написать, верней, не закончить книгу, отдельные фрагменты которой и целостная концепция у Вас, я вижу, есть... Что у Вас не будет предшественников — хорошо уже потому, что обеспечивает Вам независимость взятой позиции, свободу решать вопросы, не считаясь с авторитетами [...] Приветствую Вас и не сомневаюсь, что еще увижу на своем веку Вашу книгу».

Особенно много откликов от читателей получило издание "Слово о книге". Академик АМН В.Н. Терновский писал: «Хочется высказать большую признательность составителю за его большой и очень занимательный материал, собранный с исключительным терпением и настойчивостью. Это поистине второй после Геркулеса подвиг. Хочется очень поблагодарить и издательство за то, что оно дало нам такую интересную, умную книгу — неувядающее "Слово о книге"». Академик Д.С. Лихачев откликнулся [...] "Спасибо за книгу, сделанную с такой любовью [...] Я уверен, что Вы будете переиздавать Вашу книгу, разрешите мне подбирать материал для следующего издания". Академик В.А. Энгельгардт писал: «Лучшие памятники, которые оставили о себе настоящие люди, — прекрасно отражены в Вашем "Слове"». Писатель О.Г. Ласунский (Воронеж): «Книга Ваша есть праздник на улице всех книжников, и я не могу теперь представить книжной полки без Вашего "Слова". "Слово" Ваше изучил внимательно и не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение перед проделанным Вами трудом [...]. Вы своим "Словом" создали памятник не только книге, но и себе». В.Г. Лидин: "Вашу книгу с интересом прочел и порадовался Вашему трудолюбию; порадовался и тому, что такая книга, наконец, вышла, и книголюбы, конечно, будут ловить ее. Кстати, именно книголюбам я уже послал три экземпляра в дальний Магаданский край". Профессор С.П. Капица писал: "[...] Я решил написать о Вашей книге, книге, доставившей мне много радости. До сих пор она лежит у моего ночного столика [...] Я не могу удержаться от того, чтобы как верующий в Библию, не заглянуть в нее. Я восхищен Вашим умением, терпением, еще больше терпимостью при отборе этих высказываний". Академик А.А. Баев отзывался о книге: "В ней много глубокого и неожиданного, целый мир наново открытый, хотя все мы живем среди книг и, казалось, все знаем. Оказалось, не все знаем. Вашей книге суждена долгая жизнь — это наверное". Читатель В. Баев (Алтайский край) признавался: "Ваша книга у меня теперь — вступительный дифирамб к моей библиотеке. Она рядом с Ларошфуко, Лабрюйером, Лихтенбергом. У Вашей книги двойная заслуга: мало того, что она сама по себе хороша и уже тем доставляет наслаждение, она еще и приучает любить книгу вообще, стремиться к ней [...]. Спасибо за радость, принесенную в наш дом". Литератор из Чехословакии Зденек Тихы писал: «Ваше "Слово о книге" стало мне дорогим другом»⁷.

1 марта 1970 г. состоялась телевизионная передача "Книжная лавка", посвященная "Слову о книге".

В архиве хранятся отклики и на сборник Е.С. Лихтенштейна "Слово о науке".

⁶ Природа. 1966. № 5.

⁷ Отклики в печати на "Слово о книге": Книж. обзор. 1969. 18 июля; Сов. культура. 1969. 7 авг.; Учит. газета. 1969. 1 сент.; ЛГ. 1969. 29 окт.; Сов. Сахалин. 1985. 12 янв.; Известия. 1985. 11 февр.; Наука и жизнь. 1985. № 5; Знание — сила. 1986. № 2. Отклики в печати на "Слово о науке": Вестн. АН АрмССР. 1977. № 3; 1983. № 1; Вопр. философии. 1979. № 8; Вестн. АН УССР. 1982. № 8; Знание — сила. 1979. № 12; Там же. 1982. № 10; Наука и жизнь. 1977. № 2; Новый мир. 1977. № 3; Книж. обзор. 1978. 19 мая, 25 авг.

Высоко оценили это издание академик А.Г. Милейковский, профессор Л. Кутаков и др. Л. Кутаков, в частности, писал: "Золотые россыпи, добытые Вами, явились для меня большим подспорьем во время моей работы в качестве представителя СССР в Исполнительном Совете Организации Объединенных Наций по вопросам науки, культуры и образования и члена Советских делегаций на Генеральных конференциях ЮНЕСКО".

Во многих письмах идет речь о книгах из ставшей популярной у читателей и авторов серии "Наука. Мироззрение. Жизнь", к которой Е.С. Лихтенштейн относился с большим энтузиазмом и любовью. Одним из принципов этой серии было разнообразие тем, жанров и стилей, отсутствие определенной схемы. Отношение авторов к создателю серии было выражено также в многочисленных книжных автографах, принадлежавших академикам Д.С. Лихачеву, А.Ю. Ишлинскому и др. Уже после кончины Ефима Семеновича академик П.Я. Кочина прислала его близким свою книгу из этой серии с надписью: "С благодарной памятью о Ефиме Семеновиче Лихтенштейне".

И.В. Белозерова

ЛИЧНЫЙ АРХИВ А.М. РАЗГОНА (ГИМ)

Имя Авраама Моисеевича Разгона, доктора исторических наук, заслуженного работника культуры, одного из ведущих музеевцев современности, автора более 100 печатных трудов по истории, теории, методике музейного дела, широко известно не только на родине; но и за ее пределами. Его работы систематически публиковались в зарубежных научных изданиях, а также в международных музеелогических изданиях ЮНЕСКО на французском, английском, немецком языках. Вся научная и трудовая жизнь Разгона была тесно связана с музейным делом. Более 30 лет он непрерывно работал в учреждениях Министерств культуры РСФСР и СССР. В результате этой многолетней научной, методической, педагогической деятельности ученый собрал большой научный архив, который после его смерти в начале 1989 г. был передан его женой Е.З. Ардашниковой в дар ГИМ, где занял достойное место в ряду фондов личного происхождения под № 546¹.

Обзор архива Разгона основан на предварительном ознакомлении с документами, позволившем предложить следующую структуру расположения материала: 1) личные документы, 2) творческие и подготовительные к ним материалы, 3) служебные документы, 4) документы, связанные с педагогической деятельностью, 5) переписка, 6) фотографии, 7) оттиски печатных трудов.

Личные документы занимают небольшую часть архива. Они охватывают период 1953—1986 гг. Это — автобиографии, характеристики, выписки из трудовой книжки, справки, копии наградных документов.

Основу архива составляют материалы творческого характера — печатные, машинописные и рукописные труды Разгона за 1950—1988 гг. Здесь работы и по отечественной истории (преимущественно истории России XVIII в.), и по проблемам музееведения: теории, истории музеев (включая музееведческую историографию), музейному источниковедению, научной методике всех специфических сторон деятельности музеев и музееведческих исследований. Большая часть того, что создано Разгоном, опубликована в советских и зарубежных

¹ См. также: *Белозерова И.В.* Обзор личного архива А.М. Разгона (1920—1989) из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Научное наследие А.М. Разгона и актуальные проблемы музееведения: Тез. докл. М., 1990. С. 36—38.

изданиях и хорошо известна специалистам музейного дела, историкам. Однако некоторые труды не опубликованы или опубликованы не полностью, их обзор представляет наибольший интерес.

Ранние из неопубликованных работ связаны с сотрудничеством Разгона с "Советской Исторической энциклопедией" (1962 г.), для которой им написаны короткие биографические статьи справочного содержания, посвященные государственным и общественным деятелям, писателям, историкам — таким, как Вебер Х.Ф., Винский Г.С., Дитятин И.И., Данилов М.В., Зотов Н.М., Желябужский И.А. и многие другие.

Остальные неопубликованные работы относятся главным образом к музейной проблематике. Сохранились отдельные главы пособия "Основы советского музееведения" (машинописный текст), подготовленного в конце 60-х — начале 70-х годов авторским коллективом НИИ музееведения при самом активном участии Разгона². Небольшие статьи "Музей и посетитель" (1972), "О музейной экспозиции" (1978) посвящены роли музеев в современном обществе.

Долгие годы занимаясь историей музейного дела, в частности историей музеев различных профилей (исторических, военных, археологических и др.), Разгон немало писал об этом. Целый ряд статей связан с историей ГИМ. Сохранились более полные по сравнению с опубликованными тексты статей, приуроченных к 100-летию юбилею ГИМ: "Предварительный музейный съезд и Российский исторический музей"³ (о роли музея в консолидации всех музейных сил страны), "Экспозиция музея и историческая наука (к 100-летию I экспозиции ГИМ)", а также варианты статей "Столетие экспозиции ГИМ. Проблемы экспозиционной и фондовой работы", "Экспозиционный показ личности в историческом музее", "Исторический музей и современность". Документы архива повествуют, что Разгон вынашивал идею создания монографии по истории ГИМ с привлечением большого количества документального и фотографического материала из самых различных архивов. Остались черновой текст плана-проспекта монографии по теме "История ГИМ как объект исследования" (19 маш. с.) и выписки по этой теме.

Необходимо отметить также несколько более полных текстов статей по теории музееведения, которые не печатались в СССР и известны только по зарубежным изданиям. Это опубликованная в 1977 г. в ГДР статья "К вопросу о принципе партийности в музейном деле"⁴ и изданная в 1978—1979 гг. в Польше и Болгарии работа «Некоторые теоретические аспекты проблемы "Возможности и границы музейных исследований"»⁵, с которой Разгон выступал на сессии ИКОМ, рассматривая проблему сущности музея и его места в системе социальных институтов.

Большой интерес представляют материалы, связанные с подготовкой словаря музейных терминов. В СССР работа над таким кратким словарем велась с конца 60-х — начала 70-х годов. В 1974 г. был выполнен проект этого словаря. Тогда значительно активизировалось международное сотрудничество в области музейного дела и музееведения, ставился вопрос о необходимости создания международного терминологического словаря. Неопубликованная работа Разгона "Вопросы научной терминологии в советском музееведении" написана предположительно в конце 70-х годов. Она затрагивает историю зарождения музееведческой терминологии с XVIII в. до 1917 г. и дальнейшее развитие в послереволюционный

² Архив НИИ культуры. Оп. 4. Д. 903.

³ Разгон А.М. Предварительный музейный съезд — итоги развития музейного дела в России // Музей и власть: Сб. науч. трудов НИИ культуры. М., 1991. Ч. 2.

⁴ Rasgon A.M. Zum Prinzip der Parteilichkeit in der Museumsarbeit // NMK. 1977. N 4. S. 244—254.

⁵ Разгон А.М. Музейное исследование, возможности и границы // Музеи и памятники на культурата. София, 1979. № 1. С. 2—30.

период. Автор обосновывал не только важность продолжения работы в этом направлении, но и необходимость сотрудничества с социалистическими странами при создании многоязычного международного словаря.

Неоднократно Разгон возвращался к теме Великой Отечественной войны. В его архиве сохранилась написанная к 40-летию Победы статья "Историография музееведения периода Великой Отечественной войны" и составленная по заданию Министерства культуры РСФСР справка "Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны" (24 маш. с.).

В процессе дальнейшего описания материалов архива предстоит выявить и другие неопубликованные работы, написанные в разные годы.

Особо следует сказать о двух крупных комплексах документов, связанных списанием Разгоном кандидатской и докторской диссертаций. Сохранились машинописные и рукописные экземпляры кандидатской диссертации (1951), большой подготовительный материал (более 30 тетрадей с выписками из архивных документов и научной литературы, картотеки и т.д.), а также документы, прилагавшиеся к диссертации, в том числе и отзывы научного руководителя, профессора Г.А. Новицкого, оппонентов — члена-корреспондента АН СССР А.М. Панкратовой и профессора К.В. Сивкова. Аналогичные материалы отложились после защиты докторской диссертации (1973), в том числе отзывы зав. кафедрой истории СССР Куйбышевского государственного университета профессора Е.И. Медведева, члена-корреспондента АН СССР И.Д. Ковальченко, профессора А.В. Ушакова.

Большое место во 2-м разделе архива занимают рукописные и машинописные тексты опубликованных работ Разгона за 1969—1988 гг., изданных в нашей стране и за рубежом на немецком, французском, английском языках. Некоторые из этих текстов сопровождаются авторскими правками и дополнениями. Выделяются материалы о подготовке научно-педагогических изданий, в частности касающиеся учебного пособия "Музееведение. Музеи исторического профиля" для музейных работников, студентов и специалистов по музееведению (Разгон являлся не только руководителем авторского коллектива, но и автором главы "Музееведение как научная дисциплина"). Работа над книгой велась музееведами СССР (ГИМ) и ГДР (Музей Немецкой истории). Имеются машинописные и рукописные тексты пособия с рукописными правками, подготовительные материалы, отчеты о командировках в ГДР, переписка по поводу издания.

Нельзя не упомянуть о большом количестве докладов, сообщений и тезисов, с которыми Разгон выступал на ученых и методических советах, заседаниях, конференциях, симпозиумах. В архиве представлены более 40 машинописных и рукописных текстов за 1961—1988 гг. В разных изданиях опубликована лишь небольшая их часть. Из неопубликованных докладов по музейной проблематике важнейшие: "Музеи в современном мире на службе взаимопонимания между народами" (1977), "Музейные средства в идейно-нравственном и трудовом воспитании учащихся" (1981), "Система музеологии и интердисциплинарность" (1983), "Музей как фактор исторической памяти" (1987), "Современная музеология. Состояние и перспективы" (б.д.).

В архиве хранятся более 50 отзывов и рецензий, которые Разгон давал на книги, учебные и методические пособия, монографии, статьи, рукописи, брошюры, авторефераты, проспекты, кандидатские и докторские диссертации (1955—1988). К ним примыкают более 10 работ по музейному делу, присланных ученому для ознакомления и получения его авторитетного заключения.

3-й раздел архива связан со служебной деятельностью Разгона, охватывающей более чем 30-летний период (1953—1988). Это документы о работе в НИИ музееведения (сейчас НИИ культуры) в 1953—1972 гг., где Разгон занимал должность зам. директора по научной части. В его материалах содержатся сведения о научной, экспозиционной, методической работе института. В 1972—1974 гг. Разгон

работал в ЦМР, где возглавлял сектор музееведения, был членом ученого совета. В этом комплексе отложились как источники, характеризующие многообразную работу всего музея, так и документы о работе сектора музееведения, в том числе тематика музееведческих исследований (1973), планы занятий по повышению квалификации (1974), служебная записка Разгона "Задачи и перспективы деятельности научно-методического отдела ЦМР" и т.д.

Значительная часть служебных материалов относится ко времени работы в ГИМ (1974—1988), где Разгон был заведующим отделом картографии, членом ученого совета. В его архив попали: "Каталог рукописных карт" и "Характеристика основного материала отдела исторической географии (XVI—XVIII вв.)", составленные в 50-х годах сотрудницей отдела М.И. Наврот, списки картографического материала, предназначенного для экспозиций и выставок ГИМ, составленные Разгоном справки "Об отделе исторической географии и картографии ГИМ", "Картографические коллекции ГИМ" и другая документация. Сохранились методические разработки об экспозиционной работе музея, тематико-экспозиционные планы; среди них — "Основные принципы научной разработки экспозиции ГИМ", "Организация работы над музейной экспозицией" (А.Б. Закс, вариант экспозиционного решения темы "Великая Октябрьская социалистическая революция" (автор Е.И. Розенталь), "Славный путь ленинского комсомола" и т.д. Часть документов связана с празднованием 100-летия ГИМ (доклады Разгона на юбилейной конференции ученого совета ГИМ, на научных чтениях и др.). Отдельный комплекс — документация научно-методического отдела ГИМ: статистический материал, справки. Интересны документы о совместной работе ГИМ и Института естествознания и техники АН СССР по проблеме "Памятники истории науки и техники в собрании музеев" (договор 1978 г. о совместной работе и методическая разработка "Памятники истории естествознания и техники в собраниях музеев РСФСР", материалы конференции "Охрана памятников науки и техники", проходившей в 1979 г. в Звенигороде, документы о каталогизации музейных коллекций, методические рекомендации 1981 г. по выявлению, отбору, научному описанию, печатные материалы научных паспортов для памятников науки и техники, рукописный текст записки Разгона "Памятники науки и техники в собраниях музеев как проблема музееведения").

Большой интерес представляют документы архива, касающиеся работы Разгона в 1977—1988 гг. в Международном совете музеев (далее — МСМ) ИКОМ, созданном при ЮНЕСКО. Разгон — один из организаторов и учредителей Международного комитета музеологии, возникшего в 1977 г. на XI Генеральной конференции ИКОМ, проходившей в СССР. В 1977—1983 гг. он избирался членом Бюро, затем и вице-президентом этого комитета. Кроме документов о работе Разгона в МСМ (уставы, резолюции, программы, отчеты о заседаниях, информационные бюллетени ИКОМ и пр.), в его личном архиве имеются доклады музееведов разных стран, выступавших на конференциях. Сохранились также документы об участии Разгона в деятельности ряда рабочих групп и подкомиссий. Большую работу в 1982—1986 гг. Разгон вел в рабочей группе по подготовке многоязычного музеологического словаря⁶. Документы характеризуют выработку структуры словаря, отдельных выпусков, подготовительные материалы. Поступили ротاپринтные части, вышедшие за рубежом, а вместе с ними и документы о совместной работе советских музееведов с коллегами из ГДР, ВНР, ЧССР, Англии, Франции. В составе Комитета Разгон вел большую редакторскую работу, участвуя в издании ежегодника *MuWoP* (в качестве члена редколлегии), журнала ЮНЕСКО "Музеум". Активное участие Разгон принимал и во внутрисоюзной деятельности Советского комитета МСМ, в связи с чем у него хранились

⁶ *Dictionarium Museologium*. Budapest, 1986. 774 s. Русский текст совместно с Ю.П. Пищулиным.

материалы сессий ИКОМ, проводившихся во Фрунзе (1979), Львове (1987) и др.

Занимаясь вопросами международного сотрудничества и изучением проблем музеологии, Разгон придавал большое значение информированности о ведущихся исследованиях музеевдов других стран, видя в этом обязательный элемент профессиональных знаний и предпосылку аргументированных оценок музеологических концепций современного музейного дела. Для этого ему служили переводы статей по теории и практике музейного дела музеевдов зарубежных стран за 1960-е — 1980-е годы. В первую очередь, это работы ученых И. Бенеша, З. Странского, И. Неуступного, Л. Кунца (Чехословакия), Я. Елинека, К. Добровского (Польша), В. Хербста, Р. Киану, Э. Хофмана (ГДР), Г. Вере, И. Эри (Венгрия) и др. Разгон был знаком с проблемами музееведения не только социалистических, но и капиталистических стран. Он пользовался переводами как отдельных статей из США, Англии, Франции, Швеции, Австрии, Португалии и т.п., так и учебных пособий, курсов музеологии. Например, в переводе из 10-томного "Курса музеологии", вышедшего в Японии в 1979 г. в издательстве Ояма Сюдзан, обобщается теория и практика развития музейного дела в этой стране. Многие из названных переводов ученый получал из музееведческого сектора Информкультуры ГБЛ, с которым был связан на протяжении нескольких лет, являясь членом секции ученого совета ГБЛ "Научно-информационная деятельность по культуре и искусству" (с 1985 г.) и председателем редколлегии серии "Музейное дело и охрана памятников" (с 1987 г.), для которых писал обзоры музееведческой литературы, редактировал реферативные сборники и т.д.

Многие годы Разгон занимался вопросами подготовки и повышения квалификации музейных кадров, что отражено в 4-м разделе архива. В многочисленных служебных записках, справках, составленных Разгоном для Министерства культуры РСФСР и СССР, говорится о необходимости целенаправленной профессиональной подготовки музеевдов различных профилей на базе университетов, художественных училищ, институтов культуры и т.д., о возобновлении деятельности аспирантур при крупнейших музеях, в том числе при ГИМ (существовавшей в 1932—1937 и 1946—1960 гг.). О практической работе Разгона на годичных заочных курсах НИИ музееведения (60-е годы) и в Центральном институте повышения квалификации руководящих и творческих работников Министерства культуры РСФСР можно судить по программам некоторых курсов по вопросам теории музееведения. Часть документов связана с работой Разгона в 1984—1988 гг. во Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры Министерства культуры СССР. В 1984 г. он был избран профессором и возглавил созданную в институте кафедру музееведения. Помимо документов о работе института в 1969—1984 гг., в личном архиве хранилась и документация кафедры музееведения: планы, отчеты, протоколы заседаний, учебные планы и программы курсов, списки и учетные карточки слушателей курсов, таблицы с данными о музеях различных профилей и т.д. Имеется также текст лекции "Музейная сеть СССР. Классификация. Типология. Тенденция развития", читавшейся Разгоном слушателям курсов, варианты текста программы лекционного курса "Музееведение", изданной в 1986 г. В последние годы лекции по музееведению Разгон читал также на историческом факультете МГУ и кафедре музееведения МГИАИ, в связи с чем в его архиве отложились разнообразны материалы.

Особое значение имеют документы о выполнении Разгоном ответственных экспертных заданий и поручений Министерства культуры СССР и РСФСР, ЦК КПСС (справки, служебные записки за 1970—1980 гг.), работе в ученых и научно-методических советах. В этом комплексе служебных материалов содержатся и конкретные сведения о местных музеях. В 1978—1987 гг. Разгон руководил рабочей группой по смотру музеев Центральной Черноземной зоны РСФСР. К нему поступили материалы о проведении смотров в Тамбове, Курске, Липецке, Воронеже, Белгороде и в других городах, справки по итогам смотров экспо-

зиционной, выставочной работы музеев, посвященных 60-летию образования РСФСР, 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Сюда же относятся доклады, читавшиеся Разгоном на зональных конференциях.

Все перечисленные и многие другие документы архива дают наглядное представление об образовании и развитии советской школы музейных кадров.

Небольшое, но важное место в архиве принадлежит переписке Разгона с музеями, музейными работниками, краеведами, историками. Среди них исключительный интерес представляет письмо академика Н.М. Дружинина 10 апреля 1973 г. о публикации его воспоминаний о ЦМР в журнале "Музейное дело". В данном, 5-м по счету разделе архива выделяются также письма от иностранных корреспондентов: Тацуо Аримы (Япония, 1964, 1 п.), Балева Р.К. (Болгария, 1974, 1 п.), Киану Р. (ГДР, 1985—1986, 4 п.), Елинека Я. (Польша, 1977—1978, 2 п.), Эри И. (Венгрия, 1986—1987, 2 п.), Пернеса Ю. (Чехословакия, 1984, 1 п.), Рафин А. (Франция, 1986, 1 п.), Сланы В. (Чехословакия, 1979—1980, 2 п.), Софки В. (Швеция, 1983, 1987, 3 п.), Странского З. (Чехословакия, 1973, 1979, 3 п.), Терзийского И.В. (Польша, 1973, 1 п.), Фан Хань (Вьетнам, 1980, 1 п.) и др. Большая часть этой переписки носит деловой характер и касается работы в комиссиях ИКОМ, издательской деятельности и т.д. Среди переписки личного характера необходимо отметить письма фронтовых друзей Разгона и Совета ветеранов за 1973—1988 гг.

В целом документы личного архива Разгона не только дают возможность проследить вклад ученого в развитие исторической науки и музееведения, но и создают общее представление об эволюции теории и практики музейного дела в нашей стране в 1960—1980 гг., а также позволяют проследить процесс зарождения и развития международного сотрудничества в области музейного дела.

И.В. Ковалев

ОТЗЫВЫ НА ТРУДЫ Д.С. ЛИХАЧЕВА В АРХИВЕ Н.Н. ВОРОНИНА

В фонде известного советского историка Николая Николаевича Воронина (1904—1976) отложился солидный комплекс материалов, включающий его рецензии и отзывы на труды многих отечественных историков, археологов, искусствоведов, архитекторов¹. Интересны несколько отзывов на работы Д.С. Лихачева.

Сохранилась рецензия на книгу Д.С. Лихачева "Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)" (Л., 1946), опубликованная в 1947 г. в Вестнике АН СССР № 5 (д. 999, л. 19—38; д. 955, л. 12—17 об.). Последующие отзывы и рецензии в списке опубликованных трудов Н.Н. Воронина не указаны².

Отзыв о работе Д.С. Лихачева "Слово о полку Игореве" (М.; Л., 1950) был написан в январе 1951 г. в связи с выдвижением ее на соискание Сталинской премии (д. 968, л. 1—4). Называя Д.С. Лихачева одним из крупнейших историков русской литературы, Н.Н. Воронин отмечает огромное значение его трудов в этой области, вышедших с периода Великой Отечественной войны до 1950 г. Он пи-

¹ ГАВЛО. Ф. 422. Оп. 1. Далее отсылки к номерам дел этого фонда даются в тексте.

² Культура Древней Руси. М., 1966; Средневековая Русь. М., 1976. С. 8—10; Смоленская живопись XII—XIII вв. М., 1977. С. 178—183.

шет: "Молодой советский ученый совершил поистине беспримерный научный подвиг, подняв этот огромный патристический труд... Книги Д.С. Лихачева являются не только большим вкладом в науку о древнерусской литературе, но делают изданные выдающиеся памятники доступными самым широким кругам советского народа. Эта черта всех работ Д.С. Лихачева — сочетание исследовательской глубины с простотой и живостью изложения — характеризуют его как подлинного советского ученого-патриота, стремящегося все сделанное им донести до народа, приобщить его к великой сокровищнице русской культуры" (д. 968, л. 1—2). Книгу, выдвинутую на премию, вместе с исследовательскими статьями автора о памятнике, опубликованными в других изданиях, Н.Н. Воронин считает лучшими из сделанного Д.С. Лихачевым за последние годы, а также крупным событием в изучении культуры Древней Руси. Отмечая все достоинства работы, Н.Н. Воронин, бесспорно, поддерживает выдвижение книги на "высшую награду".

В фонде имеется вариант "Отзыва на труды Д.С. Лихачева" (19 маш. л.) от 31 ноября 1952 г. (д. 981, л. 10—28). Упомянув все основные труды автора, Н.Н. Воронин конкретно касается (правда, в сжатой форме) следующих работ — это глава "Литература" во II т. "Истории культуры Древней Руси" (М., 1951), исследований по "Слову о полку Игореве" и его последней к тому времени работы "Возникновение русской литературы" (М.; Л., 1952).

Характеризуя главу "Литература", Н.Н. Воронин отмечает, что в ней содержатся решения важнейших новых вопросов истории русской литературы: «Во-первых, положение о роли устной литературы в становлении литературы письменной, а следовательно, положение о самостоятельных народных истоках и основах древнерусской литературы и причинах ее своеобразия. Во-вторых, это пересмотр значения переводной литературы, оценка ее не как основополагающего начального "толка", определившего начало русской литературы, а как вторичного фактора, лишь способствовавшего быстрейшему развитию литературы. В-третьих — это показ истории литературы в теснейшей связи с историей русского народа и ее периодизацией, показ тех насущных потребностей, которые определяли пути развития и задачи литературы... В-четвертых — попытка определить основные особенности литературы X—XIII вв. как литературы русской» (д. 981, л. 11—12).

Для правильной оценки трудов Д.С. Лихачева по изучению "Слова о полку Игореве" Н.Н. Воронин определяет их место в историографии вопроса. Он отмечает, что после крупных обобщающих трудов в XIX в. (Н.П. Барсов, А.А. Потебня, П.А. Вяземский, В.Ф. Миллер, Н.С. Тихонравов и др.) вплоть до настоящего времени научная работа над "Словом" сосредоточилась вокруг "детального изучения отдельных, часто очень узких проблем и мелких вопросов". Упомянув исследование академика А.С. Орлова 1946 г., которое, по его мнению, «отчасти удовлетворило необходимость нового обобщения всех достижений науки о "Слове"», однако, «скорее подводило итоги прежним изучениям, чем заново осмысливало и истолковывало "Слово"» (д. 981, л. 13). Работы Д.С. Лихачева над "Словом", по словам Н.Н. Воронина, "непрерывно расширяющиеся", являются «попыткой нового теоретического осмысления "Слова" в целом, попыткой, основанной на достижениях советской исторической науки»; в то же время "эти работы содержат очень много свежих ценных и тонких наблюдений литературоведческого и исторического характера, относящихся к уяснению текста, исторического и идейного содержания, стиля, жанра и других сторон памятника" (д. 981, л. 14). В целом в этих трудах Н.Н. Воронин видит материалы и подготовку новой обширной монографии о "Слове", в которой уже давно нуждается и советская наука, и широкие круги читателей. Ссылаясь на то, что работы Д.С. Лихачева о "Слове" уже неоднократно получали положительную оценку в печати, Н.Н. Воронин ограничился их краткой характеристикой, уделив особое внимание внесшим новый вклад в изучение вопроса — это работы, опубликованные в 1950 году к 150-летию юбилею со дня первого издания памятника.

Отзыв на книгу "Возникновение русской литературы" (М.; Л., 1952) представляет собой подробную характеристику работы по главам (д. 981, л. 16—26). Выказав отдельные замечания, Н.Н. Воронин называет книгу крупным и прогрессивным явлением в советской историко-литературной науке, которая по-новому ставит коренные вопросы происхождения и развития древнерусской литературы и пытается проложить новые пути к их решению.

Из рассматриваемых материалов необходимо отметить отзыв о научных трудах Д.С. Лихачева для представления его в академики, написанный Н.Н. Ворониным 8 мая 1958 г. (см. Прил.).

Завершает эту группу дел отзыв на рукопись "Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)", датированной 29 марта 1961 г. (д. 987, л. 22—24). Центральной темой этой работы Н.Н. Воронин считает "очень плодотворную и верную" мысль о сравнительно-исторической оценке этой эпохи на Руси как эпохи Предвозрождения. Отмечает особую значимость рассмотрения автором явлений русской культуры на широком фоне культуры средневековой Европы, что делает книгу более увлекательной. После нескольких небольших пожеланий к автору и отдельных мелких поправок Н.Н. Воронин рекомендует скорее опубликовать эту работу, которая, по его мнению, "явится ценным вкладом в нашу небогатую научно-популярную литературу о русском культурном наследии".

В фонде сохранились также шесть писем Д.С. Лихачева к Н.Н. Воронину, в основном личного характера. Необходимо отметить, что обоих ученых связывали добрые дружеские отношения. Д.С. Лихачев принял участие в двух сборниках, посвященных Н.Н. Воронину, приезжал в Москву на его похороны, выступил с траурной речью. В своих беседах о русской культуре, о своей творческой деятельности Д.С. Лихачев часто вспоминает имя Н.Н. Воронина.

П р и л о ж е н и е

Отзыв

о научных трудах члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Сергеевича Лихачева

Избрание ученого в число действительных членов высшего научного учреждения страны — АН СССР определяется не только совокупностью сделанного им в науке. Это не только акт признания его заслуг, но и ответственнейшее обязательство избираемого. Необходимо оценить его способности и в дальнейшем развивать науку, пролагать в ней новые пути, организовывать ее и быть ее боевым руководителем. Думаю, что всем этим требованиям с избытком удовлетворяет один из крупнейших историков литературы член-корреспондент АН СССР лауреат Сталинской премии Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Его научная деятельность началась сравнительно недавно — в годы перед Великой Отечественной войной. За короткий срок — двадцать лет — его исследовательский талант развернулся с необычайной энергией. Сейчас список научных трудов Д.С. Лихачева насчитывает свыше 100 книг и статей, посвященных основным проблемам и памятникам древнерусской литературы, вопросам теории и методики ее изучения.

Самые названия важнейших работ раскрывают широту исследовательских интересов автора и научную значимость решаемых им задач: "Национальное самосознание Древней Руси" (Очерки из области русской литературы XI—XVII вв.) М.; Л., 1945; "Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)" Л., 1946; "Русские летописи и их культурно-историческое значение" М.; Л., 1947; "Возникновение русской литературы" (М.; Л., 1952). К этому же кругу основных работ следует отнести написанные Д.С. гла-

вы в ряде обобщающих трудов: во II т. "Истории русской литературы" (М.; Л., 1945—1948); во II т. удостоенной Сталинской премии "Истории культуры Древней Руси" (М.; Л., 1951); в I т. "Русское народное поэтическое творчество" (М.; Л., 1953), а также серию блестящих статей о "Слове о полку Игореве". Для всех этих работ характерен интерес к внутренним историческим причинам развития русской литературы, к ее самобытным народным основам, восходящим к устному народному творчеству дофеодальной и раннефеодальной поры, к связи литературы с историей народа, к определению ее классовых и "национальных" элементов, к показу активной роли литературы как надстройки в жизни феодальной Руси. Коренная тема старого литературоведения о "византийском влиянии" и роли переводной литературы в становлении литературы русской получила новое решение в работах Д.С. Лихачева, прочно аргументирующих тезис об активном, творческом освоении византийского опыта и классовой обусловленности этого освоения. После вековой разработки такого памятника, как "Слово о полку Игореве", Д.С. смог внести много нового в характеристику его стиля, исторического и идейного содержания, в определение устных истоков художественной системы "Слова", политического и исторического кругозора его автора, его идейно-политической позиции.

В только что вышедшем из печати докладе для IV Международного съезда славистов "Некоторые вопросы второго юго-славянского влияния в России" Д.С. освещает и эту старую проблему по-новому. Если в работах А.И. Соболевского и М.Н. Сперанского ее разработка шла в плане узких наблюдений в области письменности, то Д.С. рассматривает ее в широком культурно-историческом плане, вовлекая материалы искусства, архитектуры, философских концепций и подходя к постановке новой проблемы восточнославянского "предвозрождения", исключительно важной для всей истории русской культуры.

Новая, подготовленная Д.С. книга "Человек в древнерусской литературе" (отдельные главы которой опубликованы в ТОДРЛ) представляет интереснейшее исследование, обобщающее наблюдение над эволюцией изображения человека русскими писателями от начальной летописи до повествовательной литературы XVII в. Как и в других работах Д.С., здесь читателя поражает тонкость и многосторонность анализа, умение увидеть в давно известных науке произведениях новые жизненно важные стороны, отражающие эволюцию вкусов и мировоззрения русского человека, кристаллизацию в рамках средневекового мышления элементов реализма.

В ходе исследовательской работы Д.С. подошел к постановке и решению важных теоретических вопросов истории литературы — проблеме классового и народного начала и их взаимодействия и др., изложенных с особой остротой в книге "Возникновение русской литературы". Работы Д.С. благодаря неизменной свежести и новизне подхода, смелости выводов и мастерству изложения не могут оставить читателя равнодушным: они всегда будят мысль, вызывают споры или желание развить и продолжить те или иные лишь намеченные увлекательные положения, двигают науку вперед.

Трудам Д.С. Лихачева наша наука обязана капитальными изданиями важнейших памятников древнерусской литературы: "Повести о Николе Зарзском" (ТОДРЛ, VII, 1949); "Слово о полку Игореве" (М.; Л., 1950); "Повесть временных лет", Т. 1, 2, М.; Л., 1950; "Послания Ивана Грозного", М.; Л., 1951, и др. В этих изданиях, сделанных на высоком научном уровне, представляют особую ценность точно и с большим вкусом исполненные переводы памятников, делающие их доступными широкому читателю, а обширные и детальные комментарии являются подлинными энциклопедиями древнерусской культуры.

Опыт этих изданий и изучения памятников литературы привел Д.С. Лихачева к разработке вопросов методики историко-литературного исследования, отраженной пока в нескольких статьях по текстологии. Они намечают значительный сдвиг в этой области, недостаточно привлекавшей внимание специалистов.

Сделанное Д.С. Лихачевым определило его положение ведущего исследователя в области истории древнерусской литературы и признание его авторитета зарубежной наукой.

В лице Д.С. Лихачева мы, несомненно, имеем одного из талантливейших советских ученых в данной области с очень широким кругом интересов ученого, не боящегося ставить и решать крупные теоретические вопросы, стремящегося к перестройке литературоведческой науки на базе марксистско-ленинской методологии. Особенностью его работ является неизменный интерес к увязке развития литературы с историей русского народа, раскрытию закономерности этого развития, его связей с историей общества, историей классовой борьбы. Творческий путь Д.С. Лихачева — это путь исследователя-новатора, исследователя-патриота, обогатившего наши представления о высоком уровне и прогрессивных чертах литературы Древней Руси, о роли трудового народа в создании самых основ этой литературы. Благодаря широте постановки вопросов в историко-культурном плане, тонкости и мастерству свежих наблюдений и построений работы Д.С. представляют интерес не только для филологов — ими живо интересуются и историки, и археологи, и искусствоведы. Особо следует отметить, что Д.С. стремится сделать свои работы доступными самому широкому кругу советских читателей. Не только его научно-популярные издания, но и специальные статьи и книги могут легко и с интересом читаться и неспециалистом. В этом смысле Д.С. Лихачев является подлинным представителем советской науки, не отгораживающейся от народа и всем своим существом служащей ему. Этим объясняется и широкая популярность его работ.

Д.С. Лихачев зарекомендовал себя и как крупный организатор исследовательской работы, мобилизующей вокруг Отдела древнерусской литературы широкий научный актив на местах, увлекающий коллектив ученых постановкой новых научных задач, ведущий огромную руководящую и редакционную работу по изданию превосходной серии "Трудов отдела древнерусской литературы" и многочисленных отдельных книг своих соавторщиц. Чрезвычайно принципиальный и настойчивый, активный общественный деятель Д.С. постоянно выступает на страницах газет по насущным вопросам развития советской науки и культуры, собирания рукописных сокровищ, охраны памятников культуры и т.п.

Сказанное дает все основания считать, что Д.С. Лихачев является достойным кандидатом в состав действительных членов АН СССР.

8.V.1958.

Москва

Доктор исторических наук, профессор,
лауреат Сталинской премии Н. Воронин

ГАВЛО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 981. Л. 4—9.

Е.Б. Французова

УКАЗАТЕЛЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЦОВЫХ И ПРОЧИХ ОПИСАНИЙ ГОРОДОВ И ПОСАДОВ КОНЦА XV—XVI в.

В последние десятилетия история русского города привлекает особое внимание исследователей. Однако история городов России до начала XVII в. изучена еще недостаточно. Так, до сих пор труды Н.Д. Чечулина и П.П. Смирнова остаются по сути единственными обобщающими работами по истории русского города

XVI в.¹ Во многом такое положение вещей объясняется недостатком источников. Значительная часть ценных источников — кадастровых описаний — безвозвратно утрачена на протяжении многовековой отечественной истории. Тем ценнее то, что сохранено в архивохранилищах, и тем большее значение приобретают изучение и публикация описаний городов XVI в. (или их фрагментов — сотных, выписей).

Уже в первые десятилетия прошлого века некоторые историки прониклись пониманием важности ввода в научный оборот материалов писцового делопроизводства. Для городов XVI в. первой публикацией были включенные в книгу В. Берха "Путешествие в города Чердынь и Соликамск" (СПб., 1821) извлечения из писцовой книги 1578—1579 гг. по Соли Камской и Чердыни. Далее следовали публикации Московским обществом истории и древностей российских книг Обонежской и Водской пятин с описаниями ряда городов (1850—1852 гг.), начало издания новгородских писцовых книг императорской Археографической комиссией, предпринятое Русским географическим обществом под редакцией Н.В. Калачова издание "Писцовые книги Московского государства". Издавались описания городов XVI в. и в провинции (наиболее ранняя публикация — описание посада Николы Зарайского — появилась в "Рязанских губернских ведомостях" в 1839 г.). К моменту выхода в свет монографии Н.Д. Чечулина были опубликованы или подготовлены к печати памятники с описаниями 22 городов XVI в. (отдельные публикации остались автору не известны). Описаниями 24 городов Н.Д. Чечулин пользовался по рукописям.

Конец XIX — начало XX в. были ознаменованы публикациями сотных с писцовых книг, изданием Московским архивом министерства юстиции описаний Пскова с пригородами, Археографической комиссией — писцовых книг Новгорода Великого, публикацией платежных и приправочных книг Рязанского края. В советское время были изданы известные Н.Д. Чечулину писцовые материалы по Торопцу, Устюжне Железопольской, Кореле, а также некоторые новые памятники с описаниями Варзуги, Новгорода Великого, Пустозерска, Муром, Каргополя, Турчасова, Устюжны Железопольской.

Все опубликованные к настоящему моменту кадастровые описания городов XVI в. рассредоточены в различных, зачастую чрезвычайно редких изданиях. Это затрудняет возможность пользования ими. Положение осложняется еще и тем, что, как правило, описания городов не являлись самостоятельными памятниками, а входили в качестве составной части в описания уездов или пятин. Поэтому в целях систематизации материалов по истории русского города XVI в., а также в целях выявления памятников, нуждающихся в повторной публикации, нами предпринята попытка составить указатель опубликованных описаний городов XVI в.

В указатель включены все публикации писцовых и дозорных книг городов и посадок конца XV и XVI вв., а также производных от них памятников — платежных книг и приправочных списков (книг). Кроме того, указатель охватывает все известные нам публикации сотных и выписей на городские посады и на отдельные частные владения в городах, если эти владения представляли собой не единичные дворы, а группы дворов (не менее пяти) с проживающим в них феодально-зависимым населением. В указателе учтены и писцовые материалы по городам, сохранившиеся в изложении документов другого типа — грамот и т.п. Исключение составляют лишь развернутые итоги описаний XVI в. в составе дозорных и писцовых книг XVII в. Помимо материалов писцового делопроизводства мы сочли возможным включить в указатель книги дворовых строений ямских слобод (Новго-

¹ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917—1919. Т. 1. Вып. 1—2.

род Великий), книги обыскные (Ладога) и книгу крестоприводную (Смоленск) как содержание сведения статистического характера, непосредственно соотносящиеся с содержанием писцовых описаний.

Аттестация памятников производится в указателе по следующему принципу. Предпочтение отдается самоназванию. При этом, следуя утвердившейся в науке традиции, книги письма и меры называем писцовыми, письма и дозора — дозорными и т.д. Памятники, имеющие самоназвание "книги письма", именуем просто книгами (это в первую очередь касается книг Шелонской и Водской пятин рубежа XV и XVI вв., неправомерно, по нашему мнению, аттестованных издателями как переписные оброчные). При отсутствии самоназвания или неточности его пользуемся аттестацией, принятой публикаторами, если эта последняя не является ошибочной. Если же аттестация публикатора противоречит современным представлениям о классификации писцовых описаний, даем собственное название памятника, выделяя его курсивом. Это прежде всего относится к описаниям Тулы, Каширы и Коломны, имеющим признаки приправочных списков², т.е. самостоятельных произведений писцового делопроизводства, но названных в издании "Писцовые книги Московского государства" писцовыми, а также платежной книги Пскова с пригородами. Хронология памятников дается в соответствии с датировкой, указанной публикаторами, но с поправками на особенности сентябрьского летосчисления. Поэтому датировка, например, новгородских книг рубежа XV и XVI вв. условна, не учитывает некоторых уточнений, приведенных в современных исследованиях³. Рязанские книги датированы также традиционно, согласно самоназваниям, хотя датировка их нуждается в корректировке на основе детального анализа материалов валового описания рязанских земель в 90-х годах XVI в.⁴ По-видимому, дальнейшие исследования могут уточнить аттестацию и датировку некоторых других документов.

Включенные в указатель публикации чрезвычайно неравноценны по уровню археографической подготовки текстов. Часть из них в свое время подвергалась справедливой критике⁵. Наиболее отвечающими требованиям научной археографии представляются публикации по Новгороду Великому, Торопцу, Мурому, Кореле. Однако мы не ставили себе цель дать в указателе оценку качества публикаций, текстологического подстрочника и т.д. Отмечаем лишь случаи неполного воспроизведения текста. Констатируем также случаи неверного (по существующим ныне правилам) выбора списка для публикации, отсутствия вариантов по другим известным спискам.

² Основные черты определения приправочных списков намечены В.Б. Павловым-Сильванским: *Павлов-Сильванский В.Б.* К историографии источниковедения писцовых книг (приправочные книги) // ИСССР. 1976. № 5. С. 99—118. Аттестация описания Коломны аргументирована В.И. Кузнецовым: *Кузнецов В.И.* Хозяйственные описания Коломенского уезда последней трети XVI — начала XVIII в.: (Обзор источников) // Проблемы истории СССР. М., 1983. Вып. 13. С. 112—114.

³ *Абрамович Г.В.* Новгородские переписи конца XV и XVI вв. и их место во внутренней политике Русского централизованного государства: Канд. дис. Л., 1964 (ГБЛ. Рукопись). С. 48—50; *Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.* Л., 1971. С. 15.

⁴ Указания на возможность расширительной датировки рязанских книг содержатся в работах: *Шватченко О.А.* К вопросу о состоянии поместной системы в Замосковном и Рязанском краях в конце 80-х — 90-е годы XVI в. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1974, № 2. С. 57; *Сметанина С.И.* Писцовые книги Рязанского уезда // СА. 1979. № 5. С. 53.

⁵ См., например: Писцовые книги, издаваемые импер. Русским географическим обществом. СПб., 1895. Ч. I. Указатель (предисл. Н.Д. Чечулина); Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казан. ун-те за 1910 г. С. 1—9 (отзыв С. Порфирьева о публикации писцовой и межевой книги Свяжска и Свяжского у.).

Арзамас

1585 г. июня 2. — В составе: Выписи с писцовых книг Арзамаса и Арзамасского уезда И. Зубова и подьячих Б. Пахирева и Р. Воронова на владения Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря. — *Шумаков С.А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. I // ЧОИДР. 1902. Кн. 2. Отд. I. № XIX. С. 96—98; То же — отд. отт.; Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 14. Нижний Новгород, 1913. Отд. III. С. 63—64 (публ. А.К. Кабанова).

Брянск

1595 г. апреля 7. — В составе: Выписи с писцовых книг Брянска и Брянского уезда Т.Г. Вельяминова и А.И. Колтовского на владения Брянского Свинского монастыря. — *Шумаков С.А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. I. № XLVII. С. 182—183.

Варзуга (посад)

1563 г. июня 15. — В составе: Сотной с "книг описи" двинян Я. Романова и Н. Пятунина на волость Варзугу. — Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I. № 165. Стб. 160—163.

1575 г. мая 6. — В составе: Сотной с дозорной книги В.Т. Агалина и подьячего С. Федорова на волость Варзугу. — Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930. С. 30—33; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. Л., 1990. № 565. С. 65—66.

Велья (городище)

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. М., 1913. С. 372—378.

Венева — см.: Городенск

Владимир

1510 г. ноября 16. — Выпись с книг посада Владимира дьяка И.В. Некраса Харламова и дворцового дьяка Ф. Ходыки на владения Московского митрополитического дома. — *Горчаков М.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738 гг.). СПб., 1871. Прилож. 1. № VIII. С. 8—9 [Опубл. в извлечении]; АФЗХ. М., 1951. Ч. I. № 167. С. 153 [Опубл. полностью].

1544 г. мая 20. — В составе: Сотной с книг Владимира и Владимирского уезда Р.И. Образцова с товарищами на владения Владимирского Богородице-Рождественского монастыря. — *Шумаков С.А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. I. № VII. С. 57—58.

Володимерец (городище)

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 390.

Вороноч

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 332—347.

Врев (городище)

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами

Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 367—368.

Выбор (городище)

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 360.

Вьшигород (городище)

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 318.

Гдов

1584—1585 г. — В составе: Писцовой книги псковских пригородов с уездами И.В. Дровнина. — Сб. МАМЮ. М., 1914. Т. 6. С. 309—312.

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 211—238.

Городенск (Венева)

1571—1572 г. — В составе: Писцовой книги Городенска (Венева) и Веневского уезда кн. И.В. Мосальского и Г. Ярцова с товарищами. — ПКМГ. Отд. II. СПб., 1877. С. 1537—1542 [Опубл. с пропусками].

Дедилов

1587—1589 г. — В составе: Приправочного списка с писцовой книги Дедилова и Дедиловского уезда И.А. Жеребцова и Т.И. Хлопова, дьяка И. Мешаева и подьячего К. Приклонского. — ПКМГ. Отд. II. С. 1261—1268 [Опубл. с пропусками по одному из двух известных списков].

Дубков (городище)

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 355.

Епифань

1571—1572 г. — В составе: Писцовой книги Епифани и Епифанского уезда кн. И.В. Мосальского и Г. Ярцова с товарищами (без конца). — ПКМГ. Отд. II. С. 1588—1595 [Опубл. с пропусками].

Ивангород

1497—1498 г. — В составе: Книги Шелонской пятины. — НПК. СПб., 1886. Т. IV. Стб. 227—230.

Изборск

1584—1585 г. — В составе: Писцовой книги псковских пригородов с уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 411—412.

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 295—308.

Казань

1565—1568 г. — В составе: Писцовой книги Казани и Казанского уезда окольного Н.В. Борисова и Д.А. Кикина (без начала). — Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 6—62 [Опубл. по списку XIX в.]; Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. 1—71. Указатель — С. 136—176 [Опубл. с пропусками по списку XVII в., перечень амбаров в табличной форме].

Каргополь

1555—1556 г. — В составе: Платежной книги Каргопольского и Турчасовского посадов и Каргопольского уезда с книг Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова с товарищами. — Платежная книга Каргопольского уезда около 1560 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 253—254 (публ. А. Камкина и др.).

1561—1564 г. — "Сотная перепись" Каргополя с книг Н.Г. Яхонтова, М. Григорьева и И.Д. Евского (без начала). — Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 23—27, 30—31 (публ. И.П. Шеломова); Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. С. 291—299 (Перепечатано с публ. И.П. Шеломова А.И. Копаневым),

Кашин

1592—1593 г. — В составе: Противня с писцовой книги Кашина и Кашинского уезда М.Г. Вольнского и подъячего П. Степанова на вотчины Троице-Сергиева монастыря. — *Шумаков С.А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. 6 // ЧОИДР. 1911, Кн. 3. Отд. I. № 1. С. 1; То же — отд. отт.

Кашира

1577—1579 г. — В составе: *Приправочного списка* с писцовой книги Каширы и Каширского уезда кн. И.Д. Гагарина и А.И. Исакова с товарищами. — ПКМГ. Отд. II. С. 1299—1307 [Опубл. с пропусками].

Кобылье (городище)

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 269—270.

Коломна

1577—1578 г. — В составе: *Приправочного списка* с писцовой книги Коломны и Коломенского уезда Д.П. Житова и Ф. Камынина (без начала). — ПКМГ. СПб., 1872. Отд. I. С. 291—335 [Опубл. с пропусками].

Копорье

1499—1500 г. — В составе: Книги Водской пятины (первой половины) Д.В. Китаева и Н.С. Моклокова. — НПК. СПб., 1868. Т. III. Стб. 494.

Корела

1499—1500 г. — В составе: Книги Водской пятины (второй половины). — Временник МОИДР. Кн. 12. М., 1852. Материалы. С. 1—8 (публ. М.А. Оболенского).

1568 г. — В составе: Писцовой книги Водской пятины И.В. Булгакова и П. Шипилова. — История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 55—78 (публ. Г.М. Коваленко и И.А. Черняковой).

Кострома

1559—1560 г. — В составе: Сотной с книг Костромы и Костромского уезда кн. А.Д. Дашкова и А.Т. Васильева сына Бессонова с товарищами на владения Костромского Ипатьева монастыря. — *Шумаков С.А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. 2 // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Отд. I. № 1. С. 5.

1598 г. января 3. — В составе: Сотной с писцовых книг Костромы и Костромского уезда (Нагорной половины) В.А. Вельяминова и П.Д. Усова с товарищами на владения Костромского Ипатьева монастыря. — *Шумаков С.А.* Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4 // ЧОИДР. 1917. Кн. 2. С. 231 [опубл. в извлечении].

Красный

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 258—263.

Ладога

1499—1500 г. — В составе: Книги Водской пятины (первой половины) Д.В. Китаева и Н.С. Моклокова (без конца). — НПК. Т. III. Стб. 957—960.

1572 г. мая 6. — Обыскная книга Ладоги. — *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства XV—XVII столетий. М., 1909. Т. 2. С. 303—306.

1573 г. апреля 6. — Обыскная книга Ладоги. — *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Т. 2. С. 327—328 [опубл. в извлечении].

Лаишев

1567—1568 г. — Писцовая книга Лаишева Д.А. Кикина с товарищами (без конца). — Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. С. 81 [опубл. по списку XIX в.]; Писцовая книга города Лаишева 7076 (1568) года. / Предисл. В. Борисова. Казань, 1900. IV. 4 С. [опубл. по более полному списку XVIII в.].

Можайск

1543—1544 г. — Сотная ("сотница") с можайских книг П.А. Невежина-Квашнина и И.С. Ступишина на владения Можайского Лужецкого монастыря. — *Богоявленский С.К.* Сотница с можайских писцовых книг 1544 г. на слободки Лужецкого монастыря // ЧОИДР. 1908. Кн. 4. Смесь. С. 19—20.

1595—1598 г. — В составе: Писцовой книги Можайска и Можайского уезда В.Ф. Загряского и подьячих Д. Чечезова и Л. Софонова*. — ПКМГ. Отд. I. С. 612—654 [опубл. с пропусками]; Дионисий, архим. Можайские акты 1506—1775. СПб., 1892. С. 5—80 [опубл. полностью].

Муром

1566 г. февраля 8. — Выпись из писцовых книг Мурома и Муромского уезда Д.А. Бутурлина с товарищами. — *Кучкин В.А.* Материалы для истории русского города XVI в. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 297—304.

1573—1574 г. — Сотная грамота Муромскому посаду писцов М.И. Шишелова и Б. Григорьева. — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 229. С. 247—251 [опубл. с пропусками]; *Кучкин В.А.* Материалы для истории русского города XVI в. С. 304—315. [опубл. полностью].

* Описание уезда не сохранились. Наличие его устанавливается по заглавию списка. См. также: Акты писцового дела. М., 1917. Т. 2. № 39. С. 94.

1592—1593 г. — В составе: Выписи из писцовой книги Костромы и Костромского уезда Т. Вельяминова и подьячего К. Федорова на владения Троице-Сергиева монастыря. — ПКМГ. Отд. I. С. 919 [опубл. с пропусками].

Николы Зарайского посад

1594—1597 г. — В составе: Платежной книги Переяславля Рязанского и Рязанского уезда В.Я. Вольнского, И.А. Нащокина и подьячих В. Ильина и А. Малахова. — Рязанские губернские ведомости. 1839. № 12; [*Надеждин Н.И.*] Город Зарайск в старину и ныне // Журнал министерства внутренних дел. 1848. Т. XXI. С. 394—397 [опубл. с пропусками]; То же — отд. отт. С. 24—27; *Бочарников С.* Зарайск. М., 1865. С. 49—52; Зарайск: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1883. С. 1—2 (публ. И.Н. Николаева); Писцовые книги Рязанского края. XVI век. / Под ред. В.Н. Сторожева. Рязань, 1898. Т. 1. Вып. I. С. 157—159. То же — в изложении грамоты конца XVII в. (с искажениями): Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Сост. А. Федотов-Чеховской. Киев, 1863. Т. 2. № 152. Стб. 484—485.

Новгород Великий

1581—1584 г. — Писцовая книга Новгорода Великого Л. Аксакова и подьячего А. Малахова. — Писцовая книга Великого Новгорода 1583—1584 гг. / С предисл. П.Л. Гусева // Вестник археологии и истории, издаваемый импер. Археологическим институтом в Санкт-Петербурге. 1906. Вып. 17. Отд. II. С. 125—161; 1908. Вып. 18. Отд. II. С. 129—172 [опубл. частично]; То же — отд. отт. СПб., 1906—1908, 37, 46 С.; *Майков В.В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // ЛЗАК за 1911 г. СПб., 1912. Отд. III. С. I—XLVIII, 1—307; указатель — С. 277—307 [опубл. полностью]; То же — отд. отт. СПб., 1911.

1582—1583 г. — Книги оброчные Новгорода Великого Л.И. Аксакова и подьячего А. Малахова. — Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. / Предисл. и ред. С.В. Бахрушина. М., 1930. IX, 202, 55 С.; указатель — С. 1—55.

1585—1586 г. — Писцовая книга Новгорода Великого кн. Ф. Мещерского с товарищами (отрывок). — *Греков Б.Д.* Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. // ЛЗАК за 1911 г. Отд. IV. С. I—IX, 1—88; указатель — С. 81—88; То же — отд. отт. СПб., 1912.

1585—1586 г. — Книги охотничьих ямских дворов Котельницкой и Алексеевской слободы Новгорода Великого. — *Гурлянд И.Я.* Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. Ярославль, 1900. № 12. С. 45—53.

1586 г. июня 6. — Книга дворовых строений Алексеевской ямской слободы Новгорода Великого. — *Гурлянд И.Я.* Новгородские ямские книги. № 13. С. 53—61.

Опочка

1584—1585 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 395—408.

Орешек

1499—1500 г. — В составе: Книги Водской пятины (второй половины. — Временник. МОИДР. М., 1851. Кн. II. Материалы. С. 111—115 (публ. М.А. Оболенского).

Остров

1584—1585 г. — В составе: Писцовой книги псковских пригородов с уездами И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 457—459.

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 280—286.

Переяславль Залесский

1519 г. октября. — В составе: Выписи из книг Переяславля и Переяславского уезда В.Г. Морозова и З.А. Постника Сатина на владения Московского митрополитского дома. — *Горчаков М.* О земельных владениях всероссийских митрополитов. Прил. 1. № X. С. 9 [опубл. в извлечении]; АФЗХ. Ч. I. № 23. С. 42 [опубл. полностью].

1562 г. октября. — Сотная с книг Переяславля и Переяславского уезда И.Б. Ромодановского, У.И. Данилова и И.И. Пушкина с товарищами на ловецкую рыбную слободу ("волость") на посаде Переяславля. — ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 261. С. 287—289.

1562 г. октября. — В составе: Сотной с книг Переяславля и Переяславского уезда И.Б. Ромодановского, У.И. Данилова и И.И. Пушкина с товарищами на владения Троице-Сергиева монастыря. — *Шумаков С.А.* Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. С. 558 [опубл. в извлечении].

Переяславль Рязанский

1567—1568 г. — В составе: Сотной с книг Переяславля Рязанского и Рязанского уезда И.Ю. Траханиота с товарищами на владения Рязанского архиерейского дома—Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 425—431.

1594—1597 г. — В составе: Платежной книги Переяславля Рязанского и Рязанского уезда Т.Г. Вельяминова с товарищами. — АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. № 111. Стб. 261—263 [опубл. в извлечении]; Рязань: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 1—5 (публ. И.Н. Николаева); Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 1. С. 1—8.

1596—1598 г. — В составе: Приправочного списка с писцовой книги Переяславля Рязанского и Рязанского уезда Т.Г. Вельяминова с товарищами (без начала). — Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 1. С. 371—373.

Пермь Великая — см.: Чердынь

Порхов

1497—1498 г. — В составе: Книги Шелонской пятины. — НПК. СПб., 1905. Т. V. Стб. 261—262.

Пронск

1594—1597 г. — В составе: Платежной книги Переяславля Рязанского и Рязанского уезда Т.Г. Вельяминова с товарищами. — Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 1. С. 42.

1596—1598 г. — В составе: Приправочного списка с писцовых книг Пронска и Каменского стана Рязанского уезда Т.Г. Вельяминова с товарищами. — Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 1. С. 255—260.

Псков

1584—1587 г. — В составе: *Платежной книги* Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами (без начала). — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 1—79.

Пустозерск

1574 г. — В составе: "Платежницы" с дозорных книг Пустозерска и Пустозерского уезда В.Т. Агалина с подьячего С.Ф. Соболева. — *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 463—468.

Руса (Старая Русса)

1497—1498 г. — В составе: Книги Шелонской пятины (без конца). — НПК. Т. V. Стб. 192—214; *Зимин А.А.* Два отрывка из новгородской писцовой книги конца XV в. // ИА. 1959. № 1. С. 155—159 (опубликован недостающий отрывок описания Русы).

Рязжск

1594—1597 г. — В составе: Платежной книги Переяславля Рязанского и Рязанского уезда Т.Г. Вельяминова с товарищами. — Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 1. С. 92—93.

Свияжск

1565—1567 г. — В составе: Писцовой и межевой книги Свияжска и Свияжского уезда Н.В. Борисова и Д.А. Кикина с товарищами. — Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565—1567 г.). / С пред. А. Яблокова. Казань, 1909. 64 с. [опубл. по списку XIX в. с вариантами по списку XVI в.].

Себеж

1584—1587 г. — В составе: Платежной книги Пскова с пригородами и уездами Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами. — Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 418—437.

Серпухов

1551—1552 г. — Сотная с книг Серпухова и Серпуховского уезда кн. В.С. Фунникова на Серпуховской посад. — *Симсон П.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880. С. 311—334.

Смоленск

1598 г. — Крестоприводная книга Смоленска дьяка Т. Петрова (без начала и конца). — Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / Публ. С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 131—166. Предисловие — С. 131—136.

Соль Вычегодская

1585—1586 г. — В составе: Книг Соли Вычегодской и Сольвычегодского уезда А.И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева. — В изложении грамоты 1589 г. в Соль Вычегодскую писцу А.И. Вельяминову. — ААЭ. Т. 1. № 343. С. 416; РИБ. Пг., 1915. Т. 32. № 341. Стб. 658—659.

Соль Галицкая

1498—1499 г. — В составе: Выписи из книг В. Башенина на митрополичьи и монастырские владения у Соли Галицкой. — АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 621. С. 532—533.

1592—1593 г. — В составе: Выписи из писцовой книги Галичского уезда Т. Вельяминова и подьячего К. Федорова на владения Троице-Сергиева монастыря. — ПКМГ. Отд. I. С. 923—924 [опубл. с пропусками].

Соль Камская

1578—1579 г. — В составе: Писцовой книги Соли Камской и Соликамского уезда И.И. Яхонтова и подьячего Т. Карпова. — *Берх В.* Путешествие в города Чердынъ и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 188—191 [опубл. в извлечении]; *Дмитриев А.А.* Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1891. Вып. 3. С. 162—166 [опубл. полностью по одному из имеющихся списков].

Соль Переяславская

1562 г. октября. — В составе: Сотной с книг Переяславля и Переяславского уезда И.Б. Ромодановского, У.И. Данилова и И.И. Пушкина с товарищами на владения Троице-Сергиева монастыря. — *Шумаков С.А.* Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. С. 558—559 [опубл. в извлечении].

1563 г. мая 29. — Сотная с книг Переяславля и Переяславского уезда И.Б. Ромодановского, У.И. Данилова и И.И. Пушкина с товарищами на посад Соли Переяславской. — *Шумаков С.А.* Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. С. 560 [опубл. в извлечении]; *Смирнов М.И.* Соль Переяславская. Владимир, 1915. Прил. 14. С. 72—73 [опубл. полностью]; То же — Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1917. Кн. XVII. С. 72—73.

Тверь

1543—1544 г. — Выпись из книги Твери и Тверского уезда И.П. Заболоцкого с товарищами на слободку Тверского Отроча монастыря. — *Шумаков С.А.* Из актов Тверского Отроча монастыря (7052—7146 гг.) // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. С. 4—6.

Тихвина монастыря посад

1582—1583 г. — В составе: Дозорной книги Обонежской пятины Нагорной половины А.В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина. — Писцовые новгородские книги 7090 и 7091 г. ВМОИДР. М., 1850. Кн. 6. Материалы. С. 64—66 [опубл. с пропусками по одному из списков / С пред. И.Д. Беляева // имеется подлинник]; То же — отд. отт.

Торопец

1539—1541 г. — В составе: Книги Торопца и Торопецкого уезда А.Д. Ульянова и Т.С. Бибикова. — Торопецкая книга 1539/40 — 1540/41 г. / Публ. М.Н. Тихомирова и Б.Н. Флори // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 278—288.

Тула

1587—1589 г. — В составе: *Приправочного списка* с писцовой книги Тулы и Тульского уезда И.А. Жеребцова и дьяка И. Мешаева с товарищами. — ПКМГ. Отд. II. С. 1073—1097 [опубл. с пропусками]; Тула: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 1—2. (публ. И.Н. Николаева) [опубл. в извлечении].

Турчасов

1555—1556 г. — В составе: Платежной книги Каргопольского и Турчасовского посадов и Каргопольского уезда с книг Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова с товарищами. — Платежная книга Каргопольского уезда около 1560 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. С. 268; То же — в изложении отписи дьяков К. Дубровского и Л. Ананьина 1559 г.: Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. Л. 1988. № 242. С. 151.

Не позднее 1559 г. — В составе: "Описи" И. Глухова. — В изложении отписи дьяков К. Дубровского и Л. Ананьина 1559 г. — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. № 242. С. 151.

Устюжна Железопольская

1566—1567 г. — Сотная с писцовых книг И.И. Плещеева и Г.Н. Зубатого Беспятого на посад Устюжны Железопольской. — Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской / Публ. Ю.С. Васильева и Н.П. Воскобойниковой // Социально-

правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 136—177 [опубл. по одному из двух известных списков].

1597 г. февраля 26. — Сотная с писцовых книг Д.Г. Бельского и подьячих Г. Акинфьева и Т. Макеева на посад Устюжны Железопольской. — *Воскобойникова Н.П., Колесников П.А.* Сотная с писцовых книг Д.Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г. // *Крестьянство Севера России в XVI в.* Вологда, 1984. С. 130—158 [опубл. по одному из двух известных списков].

Чердынь (Пермь Великая)

1578—1579 г. — В составе: Писцовой книги Чердыни и Чердынского уезда И.И. Яхонтова и подьячего Т. Карпова. — *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. С. 191—195 [опубл. в извлечении]; Книги сошного письма Пермско-Чердынские и Чердынского уезда письма и меры Ивана Игнатьевича Яхонтова да подьячего Третьяка Карпова восемьдесят седьмого года (1579) с некоторыми пояснениями В. Шишонко // *Пермские губернские ведомости.* 1878. № 82—83 [опубл. полностью по одному из известных списков]; То же — отд. отт. Пермь, 1879. С. 1—6.

Яма

1499—1500 г. — В составе: Книги Водской пятины (первой половины) Д.В. Китаева и Н.С. Моклокова. — *НПК. Т. III. Стб. 879—885.*

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А.Д. ГОРСКОГО*

1958

К вопросу об усилении эксплуатации непосредственных производителей на Руси во второй половине XV — начале XVI в. // Научные доклады высшей школы (исторические науки). № 1. С. 17—23.

Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 18 с.

1959

Из истории земледелия в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М. Сб. 3. С. 5—40.

1960

Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 264 с. (Рец.): *Зимин А.А.* // ИСССР. 1962. № 4. С. 170—174; *Ochmański I.* // *Kwartalnik historyczny*. Warszawa. 1963, № 2. S. 480—481.

История СССР (период феодализма). Учеб.-методич. пособие. М. 75 с. Совм. с М.Т. Белявским.

1961

Некоторые итоги изучения земледелия Древней Руси (IX—XV вв.) в советской историографии // Четвертая сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тез. докл. и сообщ. Рига. С. 27—31.

Рец.: *Задера А.Г., Пронштейн А.П.* Практикум по истории СССР. Ростов н/Д. 1960 // Научные доклады высшей школы (исторические науки). № 2. С. 219—222 (совм. с А.В. Муравьевым).

1962

История СССР (период феодализма). Методич. указания. М. 84 с. (совм. с М.Т. Белявским)

Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. // Историко-археологический сборник. М. С. 339—351.

1963

Еще одно изображение сохи XVI в. // *Вестник Моск. ун-та. Сер. история.* № 3. С. 17—22.

Некоторые итоги изучения земледелия Древней Руси (IX—XV вв.) в советской историографии

// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига. С. 65—77.

Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. // Тез. докл. и сообщ. 6 сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в гор. Вильнюсе (сентябрь 1963 г.). Вильнюс. С. 48—53.

Редактор-составитель: Энциклопедический словарь. М. Т. 1. 656 с. Совм. с другими.

1964

Земледельце в Новгородской земле по берестяным грамотам (XI—XV вв.) // Тез. докл. и сообщ. 7 (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1964 г.). Кишинев. С. 39—40.

Редактор-составитель: Энциклопедический словарь. М. Т. 2. 736 с. Совм. с другими.

1965

Из опыта чтения установочных лекций по истории СССР на 1 курсе // Из опыта преподавательской работы со студентами-заочниками исторических факультетов государственных университетов. М. С. 6—13.

Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV в. (К вопросу о Юрьеве дне) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс. С. 132—144.

Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. СССР. М. Сб. 6. С. 15—35; *TSRS istorija (feodalismo laikotarpis)*. Vilnius. 80 p. (Совм. с М.Т. Белявским).

Ред.: Из опыта преподавательской работы со студентами-заочниками исторических факультетов государственных университетов. М. 106 с.; Предисловие // Там же. С. 3—5.

1966

История СССР (период феодализма): Методич. указания. М. 74 с. (Совм. с М.Т. Белявским).

"Правые грамоты" XV — начала XVI в. как памятник борьбы крестьян за землю // Тез. докл. и сообщ. 9 (Таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: (октябрь 1966 г.). Таллинн. С. 200—201.

* В списке не указана работа А.Д. Горского в качестве члена редколлегии трудов: Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1—2. (М., 1970); Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1—2 (М., 1977); Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1—2. (М., 1979); Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1 (М., 1985); Вопросы истории СССР (М., 1972); Проблемы истории СССР (1973); Из опыта преподавания истории СССР в Московском университете (М., 1977); Проблемы развития феодальной собственности на землю (М., 1979); *Черепнин Л.В.* Вопросы методологии исторического исследования. Теорет. пробл. истории феодализма (М., 1981); *Он же.* Отечественные историки XVIII—XX вв. (М., 1984); Историческая наука в Московском университете (М., 1984); Феодализм в России (М., 1987), а также тезисов ряда конференций (1980, 1983, 1985).

О творчестве А.Д. Горского см. статью В.Д. Назарова, наст. изд.

1968

Ред.: Белявский М.Т., Орлов А.С. Методика работы в музее и с памятниками истории и культуры при изучении истории СССР. М. 84 с.

1969

Берестяная грамота № 256 // Сов. археология. № 3. С. 79—85.

Берестяные грамоты как источник по истории земледелия в Новгородской земле XII — первой половины XV в. // Вестн. МГУ. Сер. история. № 3. С. 66—80.

Из опыта проведения предэкзамениционной консультации. // Заочное университетское образование. М. Вып. 4. С. 76—84.

История СССР (период феодализма): Методич. указания. 4-е изд. М. 83 с. (Совм. с М.Т. Белявским)

1970

Сельское хозяйство и промыслы // Очерки русской культуры XIII—XV веков. М. Ч. I. Материальная культура. С. 34—155.

Миниатюры лицевых рукописей как источник по истории земледелия в России XVII в. // Тез. докл. и сообщ. 12 сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рига; Сигулда, октябрь 1970 г.) М. С. 45—48.

Некоторые итоги, задачи и перспективы изучения новгородских берестяных грамот (по поводу книги Л.В. Черепнина "Новгородские берестяные грамоты как исторический источник") // ИСССР. № 6. С. 133—142.

1971

К вопросу о методике изучения аграрной истории России XV — начала XVI века (по актовому материалу) // Тез. докл. и сообщ. 13-й сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Вильнюс; Каунас, сентябрь 1971 г.) М. С. 32—38.

Подг. к печати, введение: Феодальное землевладение и хозяйство XIV—XV вв. Закрепление крестьян // Сб. док. по истории СССР для семинарских и практических занятий. М. Ч. 2. С. 11—104.

1972

Борьба за землю в Новгородской феодальной республике (XII—XV вв.). // Тез. докл. и сообщ. 14 сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск; Гродно. 23—24 сентября 1972 г.). М. Вып. I. С. 84—85.

Динамика борьбы крестьян за землю в Северо-Восточной Руси в XV — начале XVI века // ИСССР. № 3. С. 85—105.

Из истории борьбы крестьян за землю на Руси XV — начала XVI в. // Вестн. МГУ. Сер. история. № 3. С. 38—57.

Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV—XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М. С. 48—58.

1973

Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 46 с.

История СССР (период феодализма). Методич. указ. 5-е изд. М. 76 с. (Совм. с М.Т. Белявским); то же. 6-е изд. М., 1978. 88 с.

1974

Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М. 215 с.

(Рец.): Черепнин Л.В. // ИСССР. 1974. № 6. С. 201—203; Марасинова Л.М. // ВИ. 1975. № 3. С. 174—177; Goehrke C. // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 1976. Bd. 24. H. 4. S. 569—571; Hellie R. // American historical review. Washington. 1978. Vol. 83. № 1. P. 228—229.

А.В. Арциховский как источниковед // АЕ за 1972 год. М. С. 226—233.

1975

Новгородские акты как источник по истории борьбы за землю // Общество и государство феодальной России. М. С. 272—280.

1976

Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л.В. Черепнина // АЕ за 1975 год. М. С. 163—171.

К 25-летию открытия берестяных грамот // ВИ. № 12. С. 141—146.

1977

Предисловие // Из опыта преподавания истории СССР в Московском университете. Период феодализма. М. С. 3—5.

Сост.: Материалы по курсу истории СССР периода феодализма (краткий справочно-биографический указатель) // Там же. С. 126—159.

Рец.: Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. 2-е изд. Ростов н/Д, 1976 // Изв. Северокавказского научного центра высшей школы. Общ. науки. № 2. С. 107—109.

1978

Академик Борис Александрович Рыбаков — профессор Московского университета // Вестн. МГУ. Сер. история. № 5. С. 73—75 (совм. с О.М. Раповым).

К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М. С. 176—184.

О сущности и формах феодальной земельной собственности на Руси в XIV—XV вв. // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. 17 сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тез. докл. и сообщ. Ростов н/Д, 21—25 сент. 1978 г. М. С. 190—193.

Три изображения пахоты из русских "лицевых" рукописей XVII в. // Вестн. МГУ. Сер. история. № 6. С. 96—100.

1979

- К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV—XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М. С. 25—54.
- 50-летие В.Л. Янина // ВИ. № 1. С. 110—112 (совм. с Б.А. Рыбаковым и Б.А. Колчинным).
- Рец.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М. 1978 // ИСССР. № 5. С. 198—202 (совм. с А.К. Леонтьевым и В.Л. Яниным).

1980

- Куликовская битва 1380 г. (Некоторые итоги и задачи ее изучения в исторической науке) // Вестн. МГУ. Сер. история. № 4. С. 3—18.
- Куликовская битва 1380 г. (Некоторые итоги и задачи ее изучения) // 600-летие Куликовской битвы. Тез. докл. и сообщ. юбилейной научной конференции 8—10 сент. 1980 г. М. С. 3—6.
- Проблемы образования и развития Русского централизованного государства в трудах Л.В. Черепнина // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV—XVIII вв. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. М. С. 6—11.

1981

- Сост.: Материалы по курсу истории СССР периода феодализма (Издания 1975—1980 гг.) // Из опыта преподавания истории СССР периода феодализма в Московском университете. М. Вып. 2. С. 132—133.
- Рец.: Сахаров А.М. Методология истории и историография. М. 216 с.
- Рец.: Из опыта преподавания истории СССР периода феодализма в Московском университете. М. Вып. 2. 134 с.; Введение // Там же. С. 4—6.
- Договорные грамоты XIII—XV вв. как источник по истории закрепощения крестьян на Руси // Исследования по истории и историографии феодализма. М. С. 159—173.
- О вотчинном суде на Руси в XIV—XV вв. // Россия на путях централизации. М. С. 25—35.
- Рец.: Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. // ИСССР. № 1. С. 165—169.

1983

- Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. С. 15—42.
- Книга о Древней Руси // Коммунист. № 3. С. 123—126 (совм. с З.В. Удальцовой).
- Зам. гл. ред.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. 312 с.

1984

- Изучение отечественной истории на историческом факультете Московского государственного университета (к 50-летию создания факультета) // ИСССР. № 5. С. 22—48 (совм. с И.Д. Ковальченко, Ю.С. Кукушкиным, и И.А. Федосовым).

Кафедра истории СССР периода феодализма // Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М. С. 94—121 (совм. с Л.Г. Кислягиной и В.С. Шульгиным).

В зеркале археологии // Правда. 18.III. (совм. с Б.Б. Пиотровским).

1985

- Введение // Российское законодательство X—XX веков. М. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 5—32 (совм. с О.И. Чистяковым).
- Лев Владимирович Черепнин — профессор Московского университета // Феодализм в России. Юбил. чтения, посв. 80-летию со дня рождения акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. М. С. 5—9.
- Памяти Л.В. Черепнина // ВИ. № 5. С. 110—115.
- Сост.: Материалы по курсу истории СССР периода феодализма (издания 1980—1984 гг.) // Из опыта преподавания истории СССР в Московском университете. М. Вып. 3. С. 100—113.
- Рец.: Российское законодательство X—XX веков. М. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.
- Рец.: Из опыта преподавания истории СССР в Московском университете. М. Вып. 3. 116 с.
- Рец.: Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. М. Вып. 1. Древнейшие народы и государства на территории СССР. 304 с.

1986

- Вадим Иванович Корецкий (1927—1985) // АЕ за 1985 год. М. С. 339—341.
- История СССР. Период феодализма: Методич. указ. 7-е изд. М., 100 с. (совм. с М.Т. Белявским).
- Рец.: История крестьянства в Европе (эпоха феодализма). М. 1985. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства // ВИ. № 9. С. 143—148 (совм. с Н.А. Хачатурян).

1987

- Некоторые проблемы истории русской культуры периода феодализма // Культура народов СССР: История и современность. Берлин. С. 129—139.
- Л.В. Черепнин — профессор Московского университета // Феодализм в России. М. С. 21—29.
- Подг. к печати (совм. с Н.С. Борисовым); предисловие, ред.: Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. М. Вып. 2. Русская феодальная деревня XI—XVI вв. 320 с.
- Рец.: Очерки русской культуры XVIII века. М. Ч. 2. 408 с.; Предисловие // Там же. С. 5—6 (совм. с другими).

1988

Еще раз об изучении сущности "черного" землевладения в феодальной России // Общее

и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). Чтения, посв. памяти акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Кишинев, 5—7 апр. 1989 г. М. С. 188—198.

Классовая борьба на Руси в XIV—XV вв. // Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Series historica Debrecen. T. 37/39. Egyetemes történeti tanulmányok, 17—18. 191—209 old.

Профессору Московского университета Борису Александровичу Рыбакову — 80 лет // Вестн. МГУ. Сер. история. № 4. С. 93—95 (совм. с Н.С. Борисовым и О.М. Раповым).

Ред.: Очерки русской культуры XVIII века. М. Ч. 3. 400 с.; Предисловие // Там же. С. 5—6 (совм. с другими).

Ред.: Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. М. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в. 320 с.

1989

Ред.: Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. М. Вып. 5. Социальный и сословный строй России во второй половине XVIII в. 352 с.

Ред.: Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. М. Вып. 3. Народные движения XVII в. 352 с.

1990

История крестьянства в СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. Ч. II. Крестьянство в период развитого феодализма. Разд. 1. Регионы рав-

нинного пашенного земледелия. Гл. 1. Крестьянство XIII—XV вв. § 1. Начальный этап хозяйственного освоения русским крестьянством Поморья, Поволжья и Приуралья. С. 130—132; § 2. Разорение русских земель в результате монголо-татарского нашествия и золотоордынского ига. С. 132—134; § 3. Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 134—138; § 4. Община на черносошных землях и в сеньориях. Семейное и общинное право. С. 138—144; § 5. Формы классовой борьбы крестьянства. С. 144—155; § 6. Роль крестьян в борьбе с золотоордынским владычеством. С. 155—157; § 8. Крестьянство как основа формирования русской, украинской и белорусской народностей. С. 165—167; гл. 2. Крестьянство и процесс государственной централизации на Руси. С. 213—229.

Ред.: Очерки русской культуры XVIII века. М. Ч. 4. 382 с.

Статьи в энциклопедиях

БСЭ. 2-е изд. 1955—1957. Т. 38—40, 43; Серпухов. Слобода. Старожилы. Староста. Стефан Пермский, Троице-Сергиева лавра (исторический очерк). 3-е изд. 1972. Т. 10: Иван III Васильевич.

СИЭ. 1964—1967. Т. 5—7: Двинская земля. Двинская уставная грамота. Дмитрий Иванович, Дмитрий Константинович. Дмитрий Шемака. Долобский съезд. Духовные грамоты. Евпатий Коловрат. Евфимий. Епифаний Премудрый. Жалованные грамоты. Житья люди. Залозный путь. Иван III Васильевич. Иван Иванович Молодой. Изорники. Иоасафовская летопись. Иона. Кенигсбергская летопись. Киприан. Кирилл Белозерский. Кирилло-Белозерский монастырь (часть статьи), Коношуй.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В.В. ДОРОШЕНКО*

1952

Латышские племена в I тысячелетии н.э. // ВИ. № 9. С. 122—130.

Киевская Русь и возникновение феодализма на территории Латвии (IX — начало XIII в.) // История Латвийской ССР. Т. I. Рига. 44—72.

Политический строй Курсы и Земгале накануне германской агрессии // Там же. С. 81—88.

Рец.: Новая книга по истории Латвии (Т. Zeids. Feodālisms Livonijā. Rīgā. 1951) // Большевик Советской Латвии. № 6. С. 54—62.

1953

Народы Прибалтики в IX — первой четверти XVIII в. // Очерки истории СССР. Период

феодализма, IX—XV вв. М. С. 677—681, 683—686.

К истории сельскохозяйственного производства в феодальной Прибалтике (XIII—XV вв.) // ИАН Латв. ССР. № 10. С. 21—42.

1954

Навеки вместе с великим русским народом (К 300-летию воссоединения Украины с Россией) // ИАН Латв. ССР. № 1. С. 7—24.

Яркая демонстрация нерушимой дружбы народов СССР // Коммунист Советской Латвии. № 5. С. 19—26.

* 25 января 1991 г. исполнилось 70 лет выдающемуся исследователю истории Прибалтики, историковеду, археографу и историографу Василию Васильевичу Дорошенко. Список его трудов подготовлен к 70-летию ученого. 24 марта 1992 г. В.В. Дорошенко скончался.

1956

Рец.: Феодализм в Латгалии в освещении западногерманского историка (М. Hellmann. Das Lettenland im Mittelalter. Münster-Köln 1954) // ИАН Латв. ССР. № 9. С. 147—155.

1957

Акты Литовской метрики как источник по истории Латвии // ИАН Латв. ССР. № 12. С. 61—72.

Рец.: К исследованию экономических взаимоотношений города и деревни в феодальной Ливонии (V. Niitemaa. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte. Helsinki. 1952) // Изв. АН Латв. ССР. № 4. С. 157—168.

1958

"Estonica" в актах Литовской метрики // ИАН Эст. ССР. № 4. С. 319—327.

Pāreja uz kļaušu muižas saimniecību Vidzemes brūņinieku muižas (Переход к мызно-барщинному хозяйству в имениях Лифляндского рыцарства) // ВР. II. Rīgā. 7—49. lpp.

Рец.: Ценная монография по истории крестьянства Белоруссии и Литвы (Д.Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. Львов, 1957) // ИАН Латв. ССР. № 11. С. 157—162.

1959

Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в XII—XVI вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Вып. III. М. С. 41—88.

Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV века // ИСССР. № 2. С. 158—169.

1960

Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига. С. 323.

(Рец.): *Лиги Х., Тарвел Э.* // ИСССР. 1962. № 5. С. 188—191; *Mączyński A.* // *Kwartalnik historyczny.* 1961. N 4. Str. 1073—1075; *Zytkowicz L.* // *Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych.* T. 24. Str. 232—238; *Ochmański J.* // *Rocznik Olsztynski.* N 4. 1964. Str. 450—457; *Wyczański A.* // *Zapiski historyczne.* T. 29, 1964. Str. 115—119; *Johansen P.* // *Hansische Geschichtsblätter.* Jahrgang 80, 1962. S. 214—215; *Liepiņa Dz.* // ИАН Латв. ССР. 1962. № 11. С. 143—146.

Kara postājumu sekas Vidzemes un Latgales lauksaimniecībā XVI gs. otrajā pusē (Последствия военных опустошений в сельском хозяйстве Лифляндии и Латгалии во второй половине XVI века) // ВР. III. Rīgā. 3.—36. lpp.

1961

Действие "революции цен" в Восточной Прибалтике XVI в. // Тезисы АИ. Рига. С. 40—44.

1962

Мызно-барщинное хозяйство в южной (латышской) части Лифляндии в XVI в. // Средние века. Вып. XXI. Ч. 122—140; Вып. XXII. С. 100—115. М.

Публ., перевод, коммент.: Восточная Прибалтика в XVI—XVII вв. // Хрестоматия по истории СССР, XVI—XVII вв. / Под ред. А.А. Зимины. М., С. 650—762.

Рыночные связи иезуитских фольварков под Ригой в конце XVI — начале XVII в. // Тезисы АИ. Минск. С. 50—53 (ротапр.).

Рец.: Новое в изучении средневековой Риги (Fr. Benninghoven. Rigas Entstehung und der frühansische Kaufmann. Hamburg, 1961) // ИАН Латв. ССР. № 8. С. 141—147.

1963

Действие "революции цен" в Восточной Прибалтике в XVI в. // Ежегодник АИ. Рига. С. 114—125.

Экономическое развитие национальных окраин накануне присоединения к России: Прибалтика // Экономическая история СССР. М. С. 131—137.

Экспорт сельскохозяйственной продукции Восточной Прибалтики в 1562—1620 гг. (по данным Зундского регистра) // Тезисы АИ. Вильнюс. С. 34—39.

Badania historiografii radzieckiej z lat 1945—1961. had dziejami Lotwy i Estonii w okresie feudalizmu // *Zapiski historyczne.* T. XXVIII. Z. 3. Toruń. S. 343—378.

Рец.: Инвентари Литвы XVII в. Сб. док. / Сост. К. Яблонский и М. Ючас. Вильнюс. 1962 // ИСССР. № 6. С. 176—181.

Рец.: A. Soom. Der baltische Getreidehandel im XVII. Jahrhundert. Stockholm. 1961 // ВИ. № 10. С. 171—174.

1964

Основные проблемы аграрной истории Латвии в XVI веке. Доклад на защите докторской диссертации. Ротапринт. Рига. С. 88.

Рыночные связи иезуитских фольварков под Ригой в конце XVI — начале XVII в. // Ежегодник АИ. Минск. С. 152—160.

Крестьяне на рижском рынке в первой трети XVII столетия // Тез. АИ. Кишинев. С. 71—74 (ротапр.).

Рец.: I. Ahvenainen. Der Getreidehandel Livlands im Mittelalter. Helsinki. 1964 // ИСССР. № 6. С. 195—199.

1965

Экспорт сельскохозяйственной продукции Восточной Прибалтики в 1562—1620 гг. (по данным Зундского пошленного регистра) // Ежегодник АИ. Вильнюс. С. 179—190.

Związki rynkowe folwarków inflantskich na przełomie XVI—XVII wv. // *Przegląd historyczny.* Warszawa. N 2. S. 261—283.

Модель аграрного строя Речи Посполитой XVI—XVII вв. (споры польских историков вокруг книги Витольда Кули) // Тезисы АИ. М. С. 36—39.

VII симпозиум по аграрной истории Восточной Европы // ИАН Латв. ССР. № 1. С. 125—131 (совм. с А. Бироном и Х. Стродом).

1966

Крестьяне на рижском рынке в первой трети XVII

- столетия // Ежегодник АИ. Кишинев. С. 144—154.
- Eksport Rygi in Zachód w okresie przynależności do Rzeczy-Pospolitej // Zapiski historyczne. Toruń. T. XXXI. Z. 1. Str. 7—44.
- Lauksaimniecības precu eksports no Rīgas. 1526—1630. Statistiski dati (Экспорт сельскохозяйственной продукции из Риги. 1526—1630. Статистические данные) // Latvijas agrara vēsture. Rīga. 3—32. lpp.
- Живой Эразм (К 500-летию со дня рождения Эразма Роттердамского) // ИАН Латв. ССР. № 10. С. 21—24.
- Vēstures zinātnes attīstība Padomju Latvijā. Rīga. 3—84. lpp. Lidzautors: A. Bīrons. (Развитие исторической науки в Советской Латвии. Рига. С. 3—84 (совм. с А.К. Бироном)).
- Русские, белорусские и литовские товары на рижском рынке в XVII веке // Тез. АИ. Рига. С. 21—24.
- Восьмой (московский) симпозиум по аграрной истории Восточной Европы // ИАН Латв. ССР. № 4. С. 149—153 (совм. с М. Козиным и Х. Стродом).
- 1967**
- Экономическое развитие национальных окраин накануне присоединения к России: Восточная Прибалтика (Латвия и Эстония) // Экономическая история СССР, 2-е изд. М. С. 138—146.
- 1968**
- Русские связи таллинского купца в 30-е гг. XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: Сб. ст. Рига. С. 47—58.
- Протоколы рижского Торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII веке // Там же. С. 117—145.
- Заморская торговля Риги в 30-х годах XVII в. // ИАН Латв. ССР. № 5. С. 31—48.
- Заметки о новой литературе по истории феодальной России // ИСССР. № 5. С. 147—169 (совм. с З.К. Янель).
- Рец.: Новое в изучении позднеганзейской торговли (К.-Ф. Olechnowitz. Handel und Seeschiffahrt der späten Hanse. Weimar, 1965) // ИАН Латв. ССР. № 4. С. 131—139.
- Научная конференция по истории экономических связей Прибалтики в России // ИСССР. № 1. С. 221—223 (совм. с Л.М. Ивановым и М.И. Козиным).
- Мыза, корчма и крестьянин в Лифляндии XVI—XVII вв. // Тезисы АИ. Л. С. 166—171 (ротапр.).
- Торговля крупного таллинского купца с Западной Европой и Скандинавией в XVI веке // Тез. докладов IV Всес. конф. по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск. С. 193—197 (ротапр.).
- Товарное производство феодальных имений в Видземе XVIII в. // Тез. докл. и сообщ. конф., посвящ. 75-летию академика Я.Я. Зутиса. Рига. С. 30—34.
- Хозяйственная документация лифляндских имений как источник по аграрной истории XVII—XVIII вв. // Тез. докл. и сообщ. конф. по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига. С. 14—17.
- 1969**
- Торговля крупного таллинского купца в XVI веке (по торговой книге О. Элерса, 1534—1541) // ИАН Эст. ССР. № 4. С. 332—345.
- Социально-психологические аспекты аграрной истории: "мысли и настроения" лифляндских дворян в XVI—XVIII вв. // Тезисы АИ. М. С. 68—72 (ротапр.).
- Рец.: Новые французские документы эпохи Северной войны // Raporty z wydawnictw francuskich w Gdańsku w XVIII w. (1715—1719), wyd. Edmund Cieslak. Gdańsk. 1964, 1968 // ИСССР. № 8. С. 138—145.
- 1970**
- Советская историография Латвии. Рига. С. 3—169 (совм. с А.К. Бироном).
- Хозяйственная отчетность лифляндских имений в XVIII веке: мызыный архив из Мазстраупе // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига. С. 153—201.
- Модель аграрного строя Речи Посполитой XVI—XVIII вв. (споры польских историков вокруг книги Витольда Кули) // Ежегодник АИ. М. С. 114—129.
- Предпринимательские черты в хозяйственной практике и психологии лифляндских помещиков XVI—XVIII вв. // Тезисы АИ. М. С. 330—335 (ротапр.).
- 1971**
- Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе // АИ за 1967 год. М. С. 205—208.
- К проблеме товарности мызно-барщинного хозяйства в Лифляндии XVIII века // ИСССР. С. 123—135.
- 1972**
- Дворянское предпринимательство в Латвии XVI—XVIII вв. // ИАН Латв. ССР. № 10. С. 31—43.
- Мыза, корчма и крестьянин в Лифляндии XVI—XVIII вв. // Ежегодник АИ. Л. С. 62—75.
- Русский экспорт через Нарву (по данным Ивангородской таможни 1619—1620 гг.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвящ. Л.В. Черепнину. М. С. 339—350.
- Проблемы истории рижской торговли XVI—XVII вв. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции 14—17 марта 1972 г. Тарту. С. 199—204 (ротапр.).
- Зундский пошленный регистр как источник по истории рижской торговли XVI—XVII вв. // Rīgas vēstures avotu un historiogrāfijas problēmas. Konferenču tezes (Источниковедческие и историографические проблемы истории Риги. Тезисы конференции). Рига. 20.—24. lpp.
- Урожай хлебов в Лифляндии XVI—XVII вв. // Тезисы АИ. М. С. 54—57 (ротапр.).

Топонимический комментарий к немецко-куршским договорам 1230—1231 гг. // А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. Пути развития феодализма. М. С. 316—320.

1973

Мыза и рынок. Хозяйство рижской иезуитской коллегии на рубеже XVI и XVII вв. Рига. С. 186.

(Рец.): *Weczerka H.* // *Hansische Geschichtsblätter*. Jahrgang 92. 1974. S. 189—190; *Harder-Gersdorff E.* // *Zeitschrift für Ostforschung*. Jahrgang 24. Heft 2. S. 741—742; *Schildhauer Joh.* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*. 1974. N 7. S. 776; *Olejarczuk A.* // *Przeglad historyczny*. T. 67. 1976. Str. 113—127; *Kuttler W.* // *Jahrbuch für Geschichte der Sozialistischen Länder*. Bd. 19/1. 1975. S. 221—224; *Гроссман Ю.М.* // ИСССР. 1974. № 6. С. 192—194; *Балевич З.* // *Коммунист Советской Латвии*. 1974. С. 94—96.

Социально-психологические аспекты феодального предпринимательства // ИАН Латв. ССР. № 4. С. 42—55.

1974

Цены и меры в Риге: прибыли рижских купцов от западнодвинской торговли в XVII веке // *Spoleznstwo, Gospodarka, Kultura. Studia ofiarowane Marianowi. Małowistowi*. Warszawa. Str. 69—82.

Trade and Agrarian Development in the Baltic Provinces 15th — 19th Centuries. Tallinn. P. 18 [доклад на VI Международном конгрессе по экономической истории в Колленгагене (совм. с Ю. Кахком, Х. Пийримяэ и Э. Тарвелом)].

1975

Торговые обороты рижских купцов в конце XVII века // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции 25—27 ноября 1975 г. Тарту. С. 102—121 (ротапр.).

1976

Лифляндский помещик — предприниматель в середине XVIII века (по материалам хозяйственного архива Балтазара фон Кампенхаузена) // *Między feudalizmem a kapitalizmem. Studia z dziejów gospodarczych i społecznych. Prace ofiarowane Witoldowi Kuli*. Warszawa. Str. 45—55.

К методике изучения производительных сил в крестьянском хозяйстве Латвии XVII—XVIII вв. // ИАН Латв. ССР. № 6. С. 58—66.

К итогам изучения товарного производства в барщинно-крепостном хозяйстве Прибалтики XVI—XVIII вв. // Тезисы АИ. М. С. 163—169 (ротапр.).

Торговля России со Швецией в XVIII веке // VII Всес. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Ч. I. Л.; М. С. 44—45.

Unbekannte Briefe Karoline und Johann Gotfried Herders // *Goethe Jahrbuch*. 93. Band der Gesamtfolge. Weimar. S. 206—220 (совм. с А.В. Гульгой).

1978

Some problems of the Baltic Trade in the XVII—XVIII Centuries based on the Riga sources. Riga. P. 15 (Доклад на VII Межд. конгрессе по экономической истории в Эдинбурге 15 августа 1978 г.) (ротапр.).

Курляндский экспорт во второй половине XVIII века // ИАН Латв. ССР. № 12. С. 62—69.

Источники формирования рижского экспорта в последней трети XVIII века // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. Материалы исторической конференции 28—30 ноября 1978 г. Таллинн. С. 155—165.

Массовые источники по истории рижской торговли в XVII—XVIII вв. // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР в Вильнюсе (тез. докл.). Вильнюс. С. 94—99.

Вклад крестьянства в экспорт сельскохозяйственной продукции через Прибалтику в XVIII веке // Тезисы АИ. Ростов н/Дону. С. 162—166.

К итогам изучения товарного производства в барщинно-крепостном хозяйстве Прибалтики XVI—XVIII вв. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев. С. 146—153.

Урожай хлебов в Лифляндии XVI—XVIII вв. // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Минск. Ч. I. С. 20—36.

Рец.: Новое в изучении городов и крестьянства балтийского региона (Konrad Fritze. Bürger und Bauer in der Hansezeit. Weimar. 1976) // ИАН Латв. ССР. № 2. С. 152—155.

Rigas tirdznieciba laikā no 13. līdz 15. gs. // *Feodālā Rīga / Atd. redaktors T. Zeids*. (Торговля Риги в 13—15 вв. Феодальная Рига. / Отв. ред. Т. Зейд.) Rīga. 70—85. lpp.;

Rīga Livonijas kara laikā (1558—1583 g) // *Turpat*. (Рига в период Ливонской войны (1558—1583) // Там же.). 126—131. lpp.

Rīga Polijas valsts sastāvā // *Turpat*. (Рига в составе Речи Посполитой // Там же). 131—136. lpp.

Rigas tirdznieciba laikā no 15. gs. beigām — 17. gs. 30. gadiem // *Turpat* (Торговля Риги с конца 15 в. до 1630-х гг. // Там же). 145—157. lpp.

Rigas tirdznieciba "zviedru laikos" (1621—1710) // *Turpat*. (Торговля Риги в "шведское время" (1621—1710) // Там же. 207.—220. lpp.

Rigas tirdznieciba 18. gs. // *Turpat*. (Торговля Риги в 18 веке // Там же). 257—280. lpp.

1979

Торговля Риги в период Континентальной блокады // ИАН. Латв. ССР. № 7. С. 23—32.

Кто поставлял товары для курляндского экспорта на рубеже XVIII—XIX вв. // Там же. № 9. С. 44—50.

Производство зерна в господском (мызном) хозяйстве в Восточной Прибалтике XVI—XVIII вв. // Там же. № 10. С. 64—76.

Проблемы балтийской торговли на XVII Международном конгрессе по экономической истории в Эдинбурге 14—18 авг. 1978 г. // Там же. № 1. С. 136—139.

XVII сессия симпозиума по аграрной истории // Там же. № 4. С. 140—143 (совм. с Л. Балевиц и Х. Стродом).

Источники по истории рижской торговли XVII—XVIII вв. и проблемы их изучения // Там же. № 5. С. 77—91.

Der ostbaltische Herrenhof des 16.—18. Jht als "Getreidefabrik" (доклад на XI сессии межд. Инта по экономической истории "Франческо Датиня" в Прато 26.IV.1979). 29 с. (потанр.).

Riga und sein Hinterland 1650—1710 (Zur Problem der Wechselbeziehungen zwischen Stadt und Land) // Hansische Studien. IV. Gewerbliche Production und Stadt-Land-Beziehungen. Weimar. S. 155—172.

1980

Вклад крестьянства в экспорт аграрной продукции через Прибалтику в XVIII в. // Социально-экономические проблемы латышской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д. С. 73—82.

Рига и ее хинтерланд в XVII веке // ИАН Латв. ССР. № 3. С. 46—61.

1981

Рост рижской морской торговли в XVII—XVIII вв. // ИАН Латв. ССР. № 1. С. 53—64.

Quellen zur Geschichte des Rigaer Handels in 17—18. Jahrhundert und Probleme ihrer Erforschung // Seehandel und Wirtschaftswege Nordeuropas im 17. und 18. Jht. Scripta Mercatura Verlag. Ostfildern. S. 3—25.

Mērs un svars feodālajā sabiedrībā (вст. ст.) // Jānis Zemzaris. Mērs un svars Latvijā (Мера и вес в феодальном обществе // Я. Земзарис. Мера и вес в Латвии). Rīgā. 5—15. lpp.

1982

Ost-Westhandel und Wechselgeschäfte zwischen Riga und westlichen Handelsplätzen: Lübeck, Hamburg, Bremen und Amsterdam (1758/59) // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 62. S. 103—153. (совм. с Э. Хардер-Герсдорф. Университет Билефельд. ФРГ).

Шведское и русское железо на рижском рынке в 17—18 вв. // IX Всес. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Тарту. С. 112—114.

1983

Крестьяне-скупщики в рижской торговле на рубеже XVII—XVIII вв. // Феодальный крестьянин в Северной и Восточной Европе: Сб. ст. Таллинн. С. 39—49.

1985

Торговля и купечество Риги в 17 веке. Рига. С. 350.

(Рец.): *Хорошкевич А.Л.* // ВИ. 1987. № 11. С. 112—115; *Bushkowitz P.* // The American Historical Review. Indiana University. Bloomington. USA. Des. 1987. P. 1226; *Harder-Gersdorff E.* // Hansische Geschichtsblätter. Jahrgang 105. 1987. S. 51—81; *Klonder A.* // Przegląd historyczny. T. 74. Zeszyt 4. Str. 755—771; *Bogucka M.* // Zapiski historyczne. T. 54. Zeszyt 2—3. Str. 139—142.

1986

Крестьянин и государство в средневековой Ливонии. Тезисы АИ. Казань. С. 202—205.

1988

Рига в системе балтийской торговли XVI—XVIII вв. // Труды советско-финского симпозиума историков 2—4 дек. 1985 г. Л. С. 31—41.

"Балансы" римской торговли в XVI—XVIII вв. // ИАН Латв. ССР. № 6. С. 44—51.

1989

Export av industriella råvaror från Riga till väst på 1600-och 1700-talen. Stockholm. 8 с. (потанр.).

1990

Крестьянство Прибалтики в XIV—XV вв. // История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М. Т. 2. С. 181—197 (гл. 1. § 10).

Становление крепостничества в Ливонии // Там же. С. 306—313 (гл. 3. § 9).

Общие и региональные особенности процесса закрепощения крестьянства Восточной Европы // Там же. С. 382—397 (гл. 6).

Классовая борьба крестьянства Латвии и Эстонии // Там же. С. 450—452 (гл. 8, § 4).

Статья в энциклопедиях

БСЭ (2-е изд). Т. 25—48. 1954—1957:

Люнебург. Магдебург. Маркграф. Маурер. Мекленбург. Мерзебургская марка. Померания. Прекарий. Пруссy. Поттгаст. Радагайс. Рекаред. Рейнский союз городов. Рипуарская Правда. Рот Пауль. Саксония. Саксонская Правда. Саксонская династия. Стеллинга. Судебный поединок. Тевтонский орден. Фрилинги. Эделинги.

СИЭ. Т. 2—12. М. 1962—1968:

Бодричи. Братислав. Вендская держава. Вергельд. Вестфалия. Випо. Висби. Генрих Лев. Готшалк. Загродники. Задвинское герцогство. Инфлянты. Календарные беспорядки. Кельх. Крестовый поход против славян. Курляндское епископство. Курляндские статуты. Ландбух. Ландешштат. Ландратская коллегия. Латгалия. Латгалы. Ливонские конституции. Ливонские ординарии. Ливония. Ливы. Плеттенберг. Позвольский договор. Привилегия Готгарда. Реннер. Рижское архиепископство. Руссов. Тизенхаузен.

Maza Latvijas Enciklopedija (Малая Латвийская Энциклопедия). 2.—3. sējumi. Rīgā. 1968—1969.

Grīnvaldes kauja. Lietuvas statūti. Livonija. Livonijas karš. Muiža. Muižniecība. Pārdaugavas hercogiste. Plettenberg V. Poļu-zviedru karš. Stārstija. Stārstis. Zapoljes pamiera līgums. (Грюнвальдская битва. Литовские статуты. Ливония. Ливонская война. Мыза. Дворянство. Задвинское герцогство. Плеттенберг В. Польско-шведская война. Староство. Староста. Запольское перемирие).
 Рига. Энциклопедия. Рига. 1989;
 Акциз. Белоруссов торговля в Риге. Дворянская торговля. Комиссионеры-негоцианты. Королевская надбавка. Лицента. Морская торговля

Риги. Порторий. Торговый капитал в феодальной Риге. Торговый кредит в Риге. Торговые привилегии. Торговые дома (фирмы) в Риге. Хинтерланд Риги в XVI—XVII вв.

Статьи в газетах

Leonardo dē Vinči un viņa laikmets // Literatūra un māksla (Леонардо да Винчи и его время // Литература и искусство). 1952. № 16.
 Vēsture — mana profesija // Cīņa (История — моя профессия // Циня (Борьба)). 1981. 25. — 26.01.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Е.В. ЧИСТЯКОВОЙ

1948

Изучать историю края // За научные кадры (Газ. ВГУ). 11 нояб. № 37—39. С. 6.

1950

Воронежское восстание 1648 г. // Научная конференция 1950 г.: Секция историко-филологическая (ВГУ). Воронеж. С. 5—8.

Псковский торг в середине XVII в. // ИЗ. М. Т. 34. С. 198—235.

Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина (XVII в.) // Труды ВГУ. Воронеж. Т. 20. С. 3—57.

1952

Рец.: Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л. 1951. 488 с. // Советская книга, № 3, с. 61—66.

1953

Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 г. Воронеж. 60 с.

Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса (1666 г.) // ВИ. № 8. С. 128—133.

1954

Ремесло и торговля на воронежском посаде в середине XVII в. // Тр. ВГУ. Л., Т. 25. С. 46—62.

1955

Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV — начало XVII в. Укрепление русского централизованного государства (конец XV—XVI в.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. М. Гл. 3. § 12. Завершение борьбы с интервенцией. Организация нового правительства. С. 593—604.

1956

Приговорные записи XVII века // ВИ. № 3. С. 136—137.

1957

Астрахань в период восстания Степана Разина // ИСССР. № 5. С. 188—202.

1958

Новоторговый устав 1667 года // АЕ за 1957 год. М. С. 102—126.

1959

К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка: (Вторая половина XVII века) // ВИ. № 2. С. 132—143 (совм. с В.А. Александровым).

1960

А.И. Лызлов и его "Скифская история" // Проблемы историографии: (Тез. и автореф. док. и сообщ. на межвуз. конф.). Воронеж. С. 52—55.

Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII века // АЕ за 1958 год. М. С. 91—98.

1961

А.Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М. 134 с. (совм. с И.В. Галактионовым).

Антифеодальный рух у фортецях південно-західної ділянки Бєлгородської сторожової смуги (1648—1650 рр.) // Український історичний журнал. № 4. С. 102—107.

Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. // Русское государство в XVII веке: Новые явления в соц. экон. политической и культурной жизни. М. С. 254—271.

Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской соц. революции. М. Гл. 3. Историография XVII и первой четверти XVIII века. С. 59—77.

Об авторе "Скифской истории" А.И. Лызлове // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. М. С. 284—289.

Русский историк А.И. Лызлов и его книга "Скифская история" // Вестник истории мировой культуры, № 1. С. 117—127.

1962

История СССР: Период феодализма. Метод. указания к изучению курса и к контрольным работам для студентов I курса заочного факультета. М. 20 с.

1963

Василий Ус — сподвижник Степана Разина: Пособие для учителя. М. 78 с.

Рец.: Яровой Г.В. // ПИШ. 1964. № 1. С. 114—115.

Городские восстания в России в середине 17 в. // СИЭ. Т. 4. Стб. 591—596.

Из опыта работы в семинаре по истории СССР на I курсе. // ИСССР. № 5. С. 117—127.

Летописные записи о народных движениях середины XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М. С. 242—252.

"Скифская история" А.И. Лызлова и вопросы востоковедения // Очерки по истории русского востоковедения. М. Сб. 6. С. 3—88.

"Скифская история" А.И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 19. С. 348—357.

Рец.: Очерки истории Воронежского края: С древнейших времен до Великой Октябрьской соц. революции. Воронеж. 1961. 561 с. // ВИ. № 2. С. 139—141 (совм. с В.Н. Замятинным).

1965

Народные движения в России середины XVII века в отечественной историографии // МГИАИ. М. Т. 22. С. 173—210.

1966

Атаман Алена // Неделя. № 31. С. 23.

Как сложил голову Степан Разин: (Предисловие к публикации) // Неделя. № 22. С. 8.

Народные движения в России в середине XVII в. (1635—1649) Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

О тактике верхушки посада в восстаниях 30-х годов XVII в.: (По материалам Соли Вычегодской) // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М. С. 224—230.

Рец.: Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. М., 1966, 289 с. // Новый мир. № 12. С. 274.

1967

Москва в середине 30-х годов XVII в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М.Н. Тихомирова. М. С. 301—309.

1968

О некоторых вопросах истории Второй крестьянской войны в России // ВИ. № 7. С. 36—51 (совм. с В.И. Бугановым).

Рец.: Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707—1708) М., 1967. 155 с. // ПИШ. № 3. С. 112—114.

1970

Методические приемы критики зарубежной буржуазной историографии в курсе истории СССР периода феодализма: (Тез. докл.) // Материалы научно-методической конференции. МГИАИ (30 марта — 1 апр. 1970). М. С. 16—18.

1971

Вторая крестьянская война в России: (К 300-летию гибели Степана Разина) // ПИШ. № 3. С. 15—22.

Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 2-е изд., испр. и доп. М. Гл. 3. Историография в XVII веке. С. 49—62. Гл. 4. Дворянская историография первой четверти XVIII в. С. 63—69.

М.Н. Тихомиров как палеограф-педагог // АЕ за 1969 год. М. С. 212—217.

Семья Разиных // Неделя. № 25. С. 14.

Степан Тимофеевич Разин // ВИ. № 8. С. 130—144.

Формирование новых принципов исторического повествования: (Этюды по русской историографии конца XVII века) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М. С. 171—184.

Рец.: Материалы по истории Европейского Севера СССР: Сев. археографич. сб. Вып. 1. Труды Вологодской науч. конф. по историографии и источниковедению, дек. 1969 г. Вологда. 1970. 543 с. // ИСССР. № 5. С. 163—164 (совм. с Л.В. Шириковым). Подпись: Е.В. Владимирова.

Науч. ред. и авт. предисловия: Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры. М. 162 с. (Предисловие. С. 3—5).

1973

Особенности крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева // ПИШ. № 3. С. 16—23.

Томское восстание 1648 г. // Русское население Поморья и Сибири: (Период феодализма). М. С. 72—93.

Ред.: Лисянский А.С. Конец Дикого поля: Историко-краеведческий очерк. — Донецк, 127 с.

1974

Первая учебная книга по русской истории // ПИШ. № 3. С. 12—17.

Синописи // ВИ. № 1. С. 215—219.

Социальная структура феодальной России в историографическом аспекте: (Дореволюционный период) // Тр. УДН. Т. 72. Сер. История. Вып. 5. М. С. 16—32.

Список городов, посадов и укрепленных монастырей в России во второй половине XVII в. // АЕ за 1972 год. М. С. 304—310 (совм. с Я.Е. Водарским).

Отв. ред.: Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: (По материалам южных уездов России).

Учеб. пособие к спецкурсу для студентов ист. фак. пед. ин-та. Воронеж. 237 с.

1975

Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж. 246 с.

Рец.: *Маньков А.Г.* // 1976. № 8. ВИ. С. 140—142; *Викторов В.И.* // ИСССР. 1976. № 3. С. 178—181; *Важинский В.М.* // ПИШ. 1976. № 6. С. 105—108; *Lapman M.* // *Kritika*, Cambridge, 1977. Vol. 13. N 2. P. 82—90; *Miller D.H.* // *Slavic Review*, Seattle. 1976. Vol. 35. N 4. P. 730—731.

Реф.: Горянин А.Б. // *Общественные науки в СССР: Реферативный журн. Сер. 5. История.* 1976. № 1. С. 120—127.

"Синописис" 1674 г.: (К трехсотлетию первой печатной книги по русской истории) (резюме) // Вопросы историографии в высшей школе; Всесоюз. конф. преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. ин-тов. Смоленск. С. 258—260.

1976

Александра Осиповна Ишимова — последний адресат А.С. Пушкина // *Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М.В. Нечкиной.* М. С. 346—353.

Рец.: Буганов В.И. *Отечественная историография русского летописания.* М. 1975. 344 с. // ПИШ. № 3. С. 106—108.

Рец.: Голикова Н.Б. *Астраханское восстание. 1705—1706 гг.* М., 1975. 328 с. // ВИ, № 11. С. 161—163.

1977

М.Н. Тихомиров как историк русского феодального города. (Излож. докл.) // *АЕ за 1976 год.* М. С. 135—136.

Проблемы древнерусского города в трудах академика М.Н. Тихомирова // *Тр. УДН. Т. 85. Сер. История. Вып. 7.* С. 3—12.

Работа студентов над публикациями источников в курсе истории СССР: (Из опыта работы кафедры истории СССР) // *Психологические и педагогические особенности обучения студентов.* М. С. 29—35.

Советская историография народных движений русского населения Сибири XVII в. // *Изв. СО АН. Сер. общ. наук. № 6. Вып. 2.* С. 141—145.

1978

Историографические аспекты преподавания общего курса истории СССР: (Период феодализма) // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин. Ч. I. С. 116—119.

Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева в послевоенной французской историографии // *Историография и источниковедение: Сб. науч. трудов УДН.* М. С. 96—101.

Собрание и изучение декабристом В.Д. Сухо-руковым источников по истории Дона // *Вопросы истории исторической науки Се-*

верного Кавказа и Дона. Грозный. Вып. 1. С. 118—121.

Советская историография народных движений русского населения Сибири XVII в. // *Из истории крестьянства Сибири.* Томск. С. 124—133.

Тартуская находка // *Материалы межреспуб. науч. конф. по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР: Источниковедение.* Вильнюс. С. 77—80.

1979

Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. // *Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв.* М. С. 287—298.

Русская рукописная книга в творчестве академика М.Н. Тихомирова // *АЕ за 1978 год.* М. С. 107—112.

Рец.: Книга для всех (Куканова Н.Г. *Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века* (По материалам русских архивов). Саранск, 1977. 288 с. // *Саранская правда.* 4 янв. (совм. с М.А. Коростовцевым).

Рец.: Куканова Н.Н. *Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века* (По материалам русских архивов). Саранск, 1977. 288 с. // *Новая и новейшая история.* № 6. С. 195—197 (совм. с М.А. Коростовцевым).

1980

Контакты России с народами Латинской Америки (до XIX в.). М. 79 с.

Рец.: *Сизоненко А.И.* // *Латинская Америка.* 1982. № 5. С. 142—143; *Керов В.Л.* *Четверть века интернационалистской работы* // ВИ. 1985. № 6. С. 103—107.

Куликовской битве — 600 лет, 1380—1980 // *Дружба* (Газ. УДН). № 17. 5 сент.

Как писать курсовую работу (Специальность — "История"). М. 10 с.

1981

На стыке языков (псевдоним Е. Владимиров) ЛГ. 14 янв. № 4808. С. 10.

Классовая борьба русского населения Сибири XVII—XVIII вв. в советской историографии // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем.* Вып. I. Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. Тез. докл. и сообщ. Всес. науч. конф. Новосибирск, 13—15 окт. 1981 г. С. 37—39.

XV Международный конгресс исторических наук. Бухарест, авг. 1980 г. // *Дружба.* (Газ. УДН) № 11, 12.

Освещение проблем исторической мысли XVII в. в общем курсе историографии истории СССР // *Изучение и преподавание историографии в высшей школе.* Калининград. С. 66—71.

Историк XVII в. о Крестьянской войне под предводительством С. Разина в Среднем Поволжье // *Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья.* Саранск. С. 57—61.

Контакты России с народами трех континентов — Азия, Африки и Латинской Америки до XIX в.: (К вопросу об источниках и историографии) // *Историография и источниковедение: Сб. науч. тр. УДН. М. С. 52—64.*

Рец.: Дурновоц В.И., Муравьев В.А. Научные сборники историков Университета дружбы народов имени П. Лумумбы // *ВИ. 1984. № 8. С. 116—120.*

1982

Материалы Б.Д. Грекова в рукописном наследии М.Н. Тихомирова // *Исследования по истории и историографии феодализма: (К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова). М. С. 53—66.*

Труды акад. М.Н. Тихомирова по славяноведению // *Узловые вопросы советского славяноведения. Тез. докл. и сообщ. IX Всесоюзной научной конференции историков-славистов. Ужгород. С. 366—367.*

1983

Письменный источник в трудах академика М.Н. Тихомирова (К 90-летию со дня рождения). *ИСССР. № 5. С. 122—130.*

Памятники письменности Армении в научном творчестве акад. М.Н. Тихомирова // *СА. № 6. С. 25—27.*

Академик М.Н. Тихомиров и Армения // *Вестник общественных наук АН Арм. ССР, № 10. С. 68—74.*

Ред.: Важинский В.М. Сельское хозяйство в Черноземном центре России в XVII веке. Учебное пособие. Воронеж.

1984

Советская историография социальных движений в Москве XVI—XVII вв. // *Русский город (Исследования и материалы). Вып. 7. С. 107—127 (совм. с А.М. Дубровским).*

Рец.: Кучкин В.А., Рындзюнский П.Г. // *ИСССР. 1989. № 5. С. 184.*

Методические указания по выполнению курсовой работы. Специальность "История". 10 с.

К вопросу о формировании этноисторических представлений в русской общественной мысли XVIII—XIX вв. // *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Межвуз. сб. научн. трудов. Днепропетровск. С. 120—127.*

Городская политика русского правительства накануне реформ Петра I // *Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушина. С. 196—204.*

Рец.: Русский город: Исследования и материалы. Вып. 2—4. (совм. с А.М. Дубровским и А.К. Швидько) // ВИ. № 2. С. 129—131.

1985

Ленинская концепция истории России периода феодализма (совм. с И.Ф. Мальцевой). М. 33 с.

Труды акад. М.Н. Тихомирова по истории рус-

ского книгопечатания // *Историография истории СССР: проблемы преподавания и изучения. Калинин. С. 107—116.*

М.Н. Тихомиров и Армения (по материалам переписки с Л.С. Хачикяном) // *АЕ за 1983 год. М. С. 212—213.*

Проблемы изучения исторических корней дружбы народов России в дореволюционную эпоху // *Вопросы развития исторических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС. Тез. материалов всес. конф. Днепропетровск. С. 145—147.*

Член редколл. сб. ст. Вопросы развития исторических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС. Днепропетровск. 184 с.

Член редколл. сб. ст. Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории / *Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Днепропетровск. 141 с.*

1986

Алена Арзамасская-Темниковская. Саранск. Вступ. ст. состав., комм. 118 с.

Разин и разинцы на Мордовской земле (совм. с В.М. Соловьевым). Саранск. 112 с.

Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России второй половины XVII века (совм. с А.П. Богдановым) // *ВИ. № 4. С. 45—58.*

Послесловие к кн.: Бадер М. Выгореция. Исторические очерки. Петрозаводск (совм. с В.С. Румянцевой).

Рец.: Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л. 1985 // *СА. № 2. С. 82—84.*

Рец.: Буганов В.И. Пугачев. ЖЗЛ. 1985 // ИСССР. № 1 (совм. с В.М. Соловьевым). С. 201—203.

1987

Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). М. 159 с.

Рец.: Пронштейн А.П. // *ИСССР. 1988. № 4. С. 196—199; Белявский М.Т.* // *ВИ. 1989. № 3. С. 170—171; Чирков С.В.* Книга об учителе // *АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 275—278; Греков И.Б.* // *Сов. славяноведение. 1990. № 6. С. 105—106.*

Контакты и связи России с народами Африки (до XIX в.). М.

Публикации акад. М.Н. Тихомирова по проблемам славяноведения // *Историографический сб. Вып. 13. Некоторые вопросы истории исторической науки. Саратов. С. 17—29.*

К биографии автора "Скифской истории" А.И. Лыжлова (совместно с М.П. Лукичевым) // *АЕ за 1986 год. С. 289—297.*

Член редколл. сб. ст. Теоретико-методологические вопросы развития советской исторической науки / *Межвуз. сб. научн. тр. Днепропетровск. 143 с.*

Рец.: Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984 // ИСССР. № 3. С. 191—193.

Ред.: Плохий С.Н. Борьба украинского наро-

да с католической экспансией XVI—XVII вв. Днепрпетровск. 1987. 63 с.

1988

Посольский приказ (совм. с Н.М. Рогожиным) // ВИ. № 7. С. 113—123.

"Да будет потомкам явлено...". Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах (совм. с А.П. Богдановым). М. 136 с.

Рец.: Плохий С.Н., Чернов Е.А. // ИСССР. 1990. № 3. С. 181—184; Стрелкова Н.К. // ВИ. 1989. № 5. С. 171—172.

Степан Разин и его соратники (совм. с В.М. Соловьевым). М. 223 с.

Русь и славяне в трудах М.Н. Тихомирова // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. XI Всес. науч. конф. историков-славистов 27—29 янв. 1988 г. Тез. докл. и сообщ. Минск. 1988. С. 161.

1989

К изучению связей Руси с южными славянами в трудах М.Н. Тихомирова // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М. С. 67—69.

"Око всей великой России" / Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII вв. Введение, отв. ред., глава 239 с.

Рец.: Юзефович Л.А. // ВИ. 1990. № 5. С. 179—180.

Связи Руси с зарубежными славянами в работах акад. М.Н. Тихомирова // 50 лет исторической славистики в Московском гос. университете. С. 125—135.

Рец.: Хачатрян Р.Г. Русская историческая мысль и Армения (XVIII — начало XIX в.). Ереван. 1987 // ИСССР. № 1. С. 67—69.

1990

Андрей Лызлов. Скифская история. М. После-словие археограф. спр., биография А.И. Лызлова. Науч. ред. 518 с.

Рец.: Орешкова С.Ф. // ИСССР. 1991. № 5. С. 185—189.

Школа академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература феодального периода. Новосибирск. С. 352—368.

Статьи в БСЭ и СИЭ:

Летописи

Василий Ус

Ордин-Нащокин А.Л.

Городские восстания в России в первой половине XVII в.

Синopsis и др.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А.В. ЕЛПАТЬЕВСКОГО

8 февраля 1991 г. исполнилось 60 лет видному историко-архивисту, источниковеду и археографу, заместителю начальника Главархива СССР кандидату исторических наук Андрею Валериановичу Елпатьевскому.

1957

О некоторых практических вопросах экспертизы ценности документальных материалов // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. № 6. С. 34—38.

1958

О некоторых вопросах экспертизы ценности документальных материалов советских государственных учреждений // ИА. № 2. С. 170—180.

Рец.: Конспект лекций по истории и организации архивного дела // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. № 8. С. 118—119.

1961

О разработке перечня документальных материалов, подлежащих приему в государственные архивы СССР // ВА. № 2. С. 77—84.

Новые требования к экспертизе ценности документальных материалов и комплектованию ими государственных архивов // ВА. № 4. С. 31—42 (совм. с Т.Г. Коленкиной и В.В. Цаплиным).

1965

Научные основы экспертизы ценности доку-

ментальных материалов советской эпохи и комплектование ими государственных архивов // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М. Т. 1. С. 28—71 (совм. с Т.Г. Коленкиной и В.В. Цаплиным).

Организация управления московской местной промышленностью в 1921—1932 гг. // ТМГИАИ. М. Т. 20. С. 3—29.

1966

О научно-исторической ценности документов по личному составу // СА. № 4. С. 17—24.

1967

Источники по истории управления местной промышленностью Москвы и области в 1921—1932 гг. // СА. № 3. С. 59—63.

Рец.: Организация управления промышленностью. Библиографический справочник. 1917—1967. М., 1967 // Новый мир. № 11. С. 283—284.

1969

Probleme und Perspektiven der Auswahl des dokumentarischen Materials für die Aufbewahrung in den staatlichen Archiven der UdSSR // Archivmitteilungen. 1969. 2. S. 46—50.

Рец.: Справочник архивной терминологии // СА. № 1. С. 115—118.

Рец.: Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII — начало XX в.). Обзор документов // Новый мир. № 2. С. 284—285.

1970

Комплектование документальными материалами советских государственных архивов // СА. № 1. С. 23—34 (совм. с Т.Г. Коленкиной и В.В. Цапелиным).

О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений // АЕ за 1968 год. М. С. 48—56.

1971

Рец.: Первый стандарт на терминологию делопроизводства и архивного дела // СА. № 5. С. 50—53 (совм. с В.Д. Банасюкевичем и А.Н. Соковой).

1972

Комплексная организация исследований в области обеспечения потребностей науки, техники и управления в документальной информации // Взаимосвязь технических и общественных наук. Материалы конференции (3—4 июня 1971 г.). Л. С. 253—257 (совм. с Н.И. Басовской).

О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // АЕ за 1971 год. М. С. 72—88.

1973

К итогам VII Международного конгресса архивов // ИСССР. № 1. С. 20—31 (совм. с Ф.И. Долгих).

О "Перечне документов, подлежащих приему в государственные архивы СССР" // СА. № 2. С. 18—26 (совм. с Е.В. Беловой и Э.В. Колосовой).

К истории создания и применения системы перечней документальных материалов в советском архивном деле // ТВНИИДАД. М. Т. 2. С. 57—81 (совм. с Э.В. Колосовой и Н.М. Шепуковой).

Об использовании понятий теории информации в современном архивоведении // ТВНИИДАД. М. Т. 3. С. 264—276.

O klasifikácii pisomnosti pred ich prevzatim do štátnej úschovy // Slovenská archivistika. 1.Str. 7—20 (совм. с Э.В. Колосовой).

1974

Развитие ленинских принципов организации архивной службы в СССР и задачи совершенствования управления архивным делом на современном этапе // СА. № 2. С. 3—16 (совм. с Ф.И. Долгих и А.П. Пшеничным).

Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР // ТВНИИДАД. М. Т. 4. С. 5—12, 336—362, 490—525, 526—548, 549—554 (Авторство Введения, гл. 4, п. 7; гл. 7; 8; Заключение).

Документирование прохождения государственной службы в России XVIII — начала XX века // ТВНИИДАД. М. Т. 5. Ч. 1. С. 146—206.

1976

Проблемы комплектования государственных архивов современными документами (источни-

коведческий аспект) // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей (1975). М. С. 5—40 (совм. с В.Н. Автократовым).

1978

Краткий очерк истории документирования трудовых отношений в дореволюционной России и в СССР // ТВНИИДАД. М. Т. 7. Ч. 1. С. 94—132.

VI совещание руководителей архивных ведомств стран социалистического содружества // СА. № 5. С. 125—126.

1979

К истории документирования актов гражданского состояния в России и в СССР (с XVIII в. по настоящее время) // Актовое источниковедение: Сб. статей. М. С. 55—84.

Некоторые вопросы архивоведческого терминоведения // СА. № 5. С. 3—9 (совм. с Э.И. Ханпирой и К.И. Рудельсон).

Осуществление ленинских принципов организации архивной службы в СССР и задачи ее совершенствования на современном этапе // Материалы Всес. науч. конф. "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М. Ч. 1. С. 16—29.

Основные проблемы научно-информационной деятельности государственных архивов на современном этапе // Там же. Ч. 2. С. 312—317.

1980

Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник. М. С. 147—164, 322—332 (гл. 5, 6 совм. с Г.С. Акимовой и М.Н. Шобуховым; гл. 16 совм. с Э.В. Крайской).

Развитие научных исследований в области архивоведения и документоведения, их организация и проблематика // Из опыта организации научно-исследовательской работы в архивных учреждениях страны. М. С. 5—28.

1983

Внедрение результатов научных исследований в учреждениях системы Главархива СССР // СА. № 4. С. 14—24 (совм. с Н.Д. Болдыревой и Г.П. Поповой).

1984

Научно-техническая документация архивов СССР и исследования по истории науки и техники // ВИЕТ. № 2. С. 97—99.

Рец.: О новом стандарте по архивной терминологии // СА. № 5. С. 3—8 (совм. с Э.И. Ханпирой).

1985

Новые правила работы государственных архивов СССР // СА. № 4. С. 26—32 (совм. с Ю.Г. Турищевым и В.В. Цапелиным; редакционная статья без подписи).

Актуальные вопросы научной разработки современной концепции Государственного архивного фонда СССР // Материалы Всес. научно-практической конф. "Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества". М.

Вып. 2. С. 90—97 (совм. с В.Н. Автократовым).

1986

Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII — начало XX в.) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1984. М. С. 34—72.

1987

Еще раз о термине "документ" // СА. №1. С. 52 (совм. с Э.И.Ханпирой).

1988

Aktualne problemy rozwoju badan naukowych w archiwistyce radzieckiej // Archeion. T. LXXXIV. Warszawa. S. 177—183.

Основные проблемы интенсификации и повышения эффективности использования документов ГАФ СССР // Материалы Всес. научно-практической конф. "Ленинские принципы социалистического архивного строительства — основа перестройки и совершенствования архивного дела". М. С. 157—160.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ДВЕ ЦАРСКИЕ ГРАМОТЫ СЕМЬИ КОРОБАНОВЫХ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ КОНГРЕССА США*

Большие и ценные коллекции славянских, и особенно русских, старопечатных книг в Библиотеке Конгресса хорошо известны в мире. Менее известны коллекции церковнославянских и русских рукописных материалов этой библиотеки. Эти рукописи распылены по многим отделам и составляют разнородную коллекцию, охватывающую XIV—XX вв. Наиболее заметны среди них ранние церковнославянские и литургические тексты в Отделе редких книг и специальных коллекций, Сибирские грамоты XVII в. в коллекции Библиотеки права, дневники великого импрессарио и библиофила С. Дягилева в Музыкальном отделе и русские рукописи в самом Рукописном отделе. Здесь хранятся многие материалы из архивов русской православной церкви на Аляске. К меньшим по объему коллекциям принадлежит коллекция Израйля Перлстайна, которой посвящена эта статья.

Революция и гражданская война в России вызвали большие разрушения и реорганизацию в книжных коллекциях в стране. В середине 1920-х годов советское правительство, руководствуясь как желанием уничтожить все физические следы старого режима, так и стремлением получить валюту, начало проводить политику продажи сокровищ монастырей и царских дворцов коллекционерам и библиотекам в Западной Европе и США. В эти продажи были вовлечены многие лица, и в том числе С. Болан, А. Шаффер и Виктор Хаммер; ведущей фигурой был, без сомнения, Израиль Перлстайн.

Израиль Перлстайн (1897—1975) родился в Ковеле. Позднее семья переехала в Варшаву. Об образовании известно немного. В 1922 г. вслед за братьями эмигрировал в США. Один оставшийся брат уехал в Москву. Сделался скульптором. Работал под именем Феликса Блюма и погиг в сталинской тюрьме в 1938 г.

Сменив много работ, Перлстайн начал продавать книги на иврите вместе с

* *От редакции.* Как и предполагали американские коллеги, эти грамоты, подобно другим документам XVII—XVIII вв. из архива Коробановых, были использованы в работе одного из первых русских генеалогов, игумена Московского Новоспасского монастыря Ювеналия Воейкова, "Краткое историческое родословие благородных дворян Коробановых", составленной по заказу П.Ф. Коробанова и напечатанной в Москве в 1795 г. (о значении работ Воейкова см.: *А.И. Аксенов, В.П. Козлов, М.Б. Северова, Н.А. Соболева. Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданным в XVIII в. М., 1981. С. 105—124*). В приложении к труду Воейкова (с. 66—71) текст грамот был воспроизведен по правилам археографии XVIII в., изменявшим орфографию подлинника. Учитывая этот факт, а также величайшую редкость изданий Воейкова (экземпляров "Родословия Коробановых" нет даже в Российской государственной библиотеке), считаем целесообразной повторную публикацию грамот, попавших в зарубежное хранилище. Тем более, что их текст отражает два варианта типичного формуляра жалованных вотчинных грамот царя Михаила Федоровича, на что важно обратить внимание исследователей. В приложении (с. 72—86) к труду Ювеналия Воейкова опубликованы также две вотчинные жалованные грамоты правнуку И.Г. Коробанова стольнику Ф.М. Коробанову 1687 и 1691 гг., также в настоящее время находящиеся в коллекции И. Перлстайна (№ 4—3, 4—4). Они представляют собой печатные тексты с вписанными именем владельца и описанием землевладения (*Б.Н. Морозов*).

отцом. К середине 20-х годов он начал продавать русские книги и материалы. В 1925—1926 гг. он совершил первое путешествие в Советский Союз, чтобы купить книги, и продолжал ездить каждый год вплоть до 1936 г., когда ему было отказано в визе.

Мы не знаем причин, по которым он начал продавать русские книги, а впоследствии стал ездить в Союз покупать книги. Мы знаем, что он купил тысячи томов, проданных главным научным библиотекам на Восточном побережье, и стал профессиональным антикваром по русским книгам.

Перлстайн однажды писал, что в 1931—1932 гг. он приобрел невероятное количество книг: "К этому времени я приобрел несколько крупных коллекций (библиотеку Зимнего дворца, Царского Села, в. кн. Владимира Кирилловича и т.д.)". Часть этого "невероятного количества", без сомнения, включала две царские грамоты, анализируемые здесь.

Происхождение этих грамот не совсем ясно¹. Рукописи оставались неописанными, пока Лидия Блэк, профессор антропологии в Провиденс колледж, не подготовила машинописное описание в 1983 г. К сожалению, в описании не дифференцированы аутентичные документы XVII и XVIII вв. от позднейших копий. В 1985 г. новая опись была подготовлена покойным А. Капустой в Школе библиотек и информации Мэрилендского университета. Он также неверно датировал одну из грамот.

Грамоты. Имя семьи Коробановых отсутствует во многих опубликованных разрядных книгах и появляется позднее в справочных генеалогических работах. Основатель клана — И.А. Булгак, великолуцкий воевода в начале XVI в. К 1548 г. трое из его пяти сыновей — Тарх, Сувор и Григорий — были пожалованы поместьями в Вязьме. Иван Григорьевич был старшим из четырех известных сыновей Григория, трое из которых умерли бездетными, так же как 9 из 11 мужчин потомства Ивана в семье Коробановых. Этот демографический удар по роду Коробановых, который в значительной степени объясняет их отсутствие в современных служебных регистрах, связан с местонахождением их имений в Вязьме. Это был опасный район. Город и окружавшие его поместья были взяты Иваном Грозным в опричнину. В Смутное время этот район, близкий к польской границе, несколько раз переходил от Москвы к Польше, а вплоть до безуспешной попытки Москвы в 1634 г. снова взять Смоленск весь этот район был центром битв. Род с большим трудом восстанавливался. Один из сыновей Ивана Григорьевича — Степан породнился с Фроловыми-Багреевыми, а другой — Симеон с Мельгуновыми. Сын Степана Михаил стал московским дворянином и сотенным, двое правнуков Ивана — стольниками, и с того времени семья начала играть важную роль в военной, социальной и культурной жизни XVIII в. П.Ф. Коробанов (1767—1851) был поэтом, переводчиком, антикваром, имел богатую коллекцию документов, из которых опубликовал кое-что в 1843 г. Он также поручил игумену Ювеналию написать генеалогию рода Коробановых. Вероятно, она содержит тексты некоторых земельных документов из семейных архивов, которые, возможно, не совпадают с теми, которые хранятся в государственных архивах. Наша статья касается двух земельных пожалований Ивану Григорьевичу Коробанову.

Обе грамоты (1619 и 1621 гг.) появились в ходе реорганизации поземельных отношений в Московском государстве, вызванной последствиями Смутного времени (уничтожение грамот, переход земель из рук в руки, появление различных претендентов). Еще больший вред принесло физическое разрушение земель и деревень, особенно вблизи польской границы, где в течение десятилетий было невозможным земледелие. Сташевский считал, что район Вязьмы пострадал

¹ На них имеются штампы, свидетельствующие о принадлежности к коллекции известного русского гербоведа начала XX в. С.Н. Тройницкого.

больше всего. Он приводит челобитную, в которой говорится, что у автора пустует 400 четвертей земли. Можно предположить, что имения, упомянутые в первой грамоте, были в течение длительного времени под польским контролем. У Коробанова, возможно, сохранились другие владения, которые были восточнее. В грамоте 1619 г. упоминается название (в родительном падеже): "Белахонского". Видимо, это описка. Надо читать "Балахонского" от слова "Балахна" (34 версты под Н. Новгородом). Это тем более правдоподобно, что из другого источника известно, что у Ивана Григорьевича было имение в 99 четей возле Шуи.

Обычная трактовка событий (осада Москвы, восстание Болотникова и царствование Шуйского) не совпадает с формулировкой грамоты 1621 г., где говорится, что Москву осаждали поляки, литовцы и русские воры. Ни в армии второго Лжедмитрия, ни в войсках Болотникова, не было поляков и литовцев вплоть до 1610 г. Но близкий текст имеется и в другой грамоте Якову Афанасьевичу Стрешневу². Есть и другие схожие тексты. Но мы не можем исключить возможность, что описание осады Москвы при Шуйском создавалось под влиянием уже сложившегося описания осады Москвы при Михаиле Федоровиче. Возможно, что такой характер описания службы во время осады при Шуйском помогал правительству создавать миф об едином доблестном сопротивлении Московии иноземным захватчикам и собственным мятежникам.

Э. Казинец, Р. Карлович, Д. Роланд

1621 г. мая 22. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича И.Г. Коробанову на его вотчину сельцо Слукинское с деревнею и пустошами Кощеевского стана Вяземского уезда с подтверждением жалованных грамот 1609/1610 и 1613/1614 гг.

Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец, советовав со отцем своим, великим государем святейшим патриархом Филаретом Никитичем Московским и всеа Русии, по своему царьскому милосердому осмотрению пожаловали есмь Ивана Григорьева сына Коробанова старою ево вотчиною, что ему дано было за московское осадное сиденье при царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Русии в вотчину из ево же старого поместья. И жаловальная де царя Васильева грамота на ту вотчину ему дана была во 118-м году. И та у него царя Васильева грамота в розгрома згорела. А во 122-м году на ту ево вотчину дана ему наша жаловальная грамота. А в той нашей жаловальной грамоте, какова ему на ту вотчину дана в 122-м году, написано:

Дано ему, Ивану, за ево службы, что он при царе Василье паметюя Бога и Пречистую Богородицу и московских великих чудотворцов, будучи в Московском государстве нужное и прискорбное время, за веру христьянскую и за Святые Божия церкви, и за всех православных крестьян против врагов наших польских и литовских людей и русских воров, которые Московское государство до конца хотели разорить и веру крестьянскую попрасть. А он, Иван, будучи на Москве в осаде, против врагов наших стоял крепко и мужественно и к царю Василью и к Московскому государству службу и дородство показал, голод и во всем оскудение, всякую осадную нужду терпел многое время. А на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякие шатости. И от тое их великие службы и от крепкого осадново сиденья польские и литовские люди и русские воры от Москвы отошли. И наперед сего за те службы, за царя Васильево осадное сиденья, мы, великий

² Struminsky B., Rowland D., Kasinec E. Two Seventeenth-Century Russian Charters in the Newberry Library, Chicago // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60, N 4.

государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожаловали ево, Ивана, с помесново ево окладу, с пятисот чети, со ста чети по дватцати чети, итого сто чети, в Вяземском уезде в Кошеевском стану селцом Слукинским, деревнею Соколовскою, пустошью Крюковым, а Глебово тоже, пустошью Сергеевскою в вотчину со всеми угоды. А по книгам писма и меры Василя Вольинского с товарищи 102-го и 103-го году в том селце и в деревне и в пустошах написано пашни и перелогу добрые земли сто четыре чети в поле, а в дву потомуж. И перешло у него сверх нашего указу четыре чети, и тем лишком указали есмя ему владеть в поместье по-прежнему до больших наших писцов и мерщиков.

И мы, великий государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, и отец наш, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии царя Васильевых жаловальных грамот и тех, которые за царя же Васильево осадное сиденье по нашему царьскому указу даваны наши грамоты при нашей царьской державе, слушали. И в тех прежних жаловальных грамотах про те вотчины по царя Васильеву уложению написано некрепко, не против нашего царьского жалованья нынешнего указу, что по нашему царьскому милосердому призьрению даваны в вотчины боярам нашим и всяких чинов людем за осадное сиденье, которые нам, великому государю, в осаде служили, с нами на Москве сидели в приход польского королевича Владислава. И того в тех жаловальных грамотах за ту царя Васильеву осаду, что ему та вотчина волно продать и заложить и в приданые и в монастырь по душе до выкупу дать, не написано. А написано только, что тот, кому вотчина за службу дана, и дети и внучата ево волны. И волно им те вотчины продать и заложить и в приданые и в монастырь по душе до выкупу дать. И о том ни о чем в царя Васильевых грамотах имянно не написано. И мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец, и отец наш, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, оказуя свою государьскую ко всем людем совершенную милость, пожаловали ево, Ивана, за ту царя Васильеву московскую осаду, указали на ту вотчину, что ему дана по царя Васильеву уложению, подкрепить новою нашею царьскою жаловальною грамотою. И по той нашей царьской милости владети ему тою вотчиною по тому же как написано в нынешних наших жаловальных грамотах, которые по нашему указу на вотчины даваны бояром нашим и всяких чинов* людем за их к нам службы и за московское осадное сиденье королевичева приходу. И в сей нашей нынешней царьской жаловальной грамоте указали есмя нашу государьскую милость объявить имянно в той вотчине, что дана ему, Ивану, за царя Васильеву осаду ис старого ево, Иванова, поместья. А он, Иван, и ево дети и внучета и правнучета вольны и вольно ему и ево детем и внучетам и правнучетам та вотчина продать и заложить и в приданые дать, и в монастырь по душе до выкупу дать. А хто будет роду ево тое вотчину из монастыря похочет выкупить, и ему та вотчина выкупать ценою по нашему государьскому указу против дачи, сколько в ней даче четвертные пашни написано. А дать за четверть по полтине. А будет продаст в чужой род, а хто будет роду их захочет тое вотчину выкупить, и ему выкупать по-прежнему уложению, как родовые и купленные вотчины выкупают. А будет у него роду не останетца или останетца одна жена, а выкупать не похочет, и та вотчина взять на нас, а деньги в монастырь дать за нее из наши казны по той же цене по полтине за четверть, а в монастырь та вотчина по-прежнему нашему уложению не крепка. А будет у него детей и роду не останетца, а останетца одна жена, и жене тою вотчиною владеть по свой живот. А после своего живота для мужня и своего поминка отдать в монастырь до выкупу, а из монастыря та вотчина выкупить на

* В ркп. повторено два раза.

нас, а дать за нее из наших казны денги, по полтине ж за четверть. А будет после ево жена учнет сидеть во вдовах или пострижетца и ей та вотчина волно продать и заложить. А будет жена ево останетца бездетна, а вдовством сидеть и постричься не похочет, а пойдет замуж, и та вотчина взять на нас в поместные земли, а мужу ее по душе на поминок за ту вотчину дать из нашей казны денги против того, как из монастыря указано выкупать, а жениха ее пожалуем мы, великий государь, из тое вотчины в поме[стье] по своему государьскому разсмотренью, что доведетца.

Писан нашего государьства в царьствующем граде Москве лета 7129-[го] мая в 22 день.

А подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии диак Иван Кирилов сын Грезев.

Приложена печать красного воска.

Внизу запись: Помета Ондреева, в книгу записано.

На обороте записи: Царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии самодержец. Правил Калининка Страхов.

1619 г. июня 15. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича И.Г. Коробанову на его вотчину деревню Заскочихино (Колесниково) с деревнями и пустошами Балахнинского уезда.

Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец, пожаловали есмь Ивана Григорьева сына Коробанова за его к нам а ко всему Московскому государству прямую службу. Как в прошлом во 126-м году пришел под наше государство под царствующий град Москву литовского короля Жигимонтов сын Владислав. И в нынешнем во 127-м году стоял он под Москвою со многими польскими и с литовскими и с немецкими людьми и с черкасы и Московского государства всякими умыслы и прелестию прельщал и жестокими приступы доступал. И хотел Московское государство взять и розарить до основанья и церкви Божие осквернить и святую нашу истинную непорочную православную крестьянскую веру погрязть, а учинить свою проклятую еретическую латынскую веру. И он, Иван, помня Бога и Пречистую Богородицу и православную веру и наше крестное целованья, с нами, великим государем царем и великим князем Михаилом Федоровичем всеа Русии, на Москве в осаде сидел. И за православную крестьянскую веру и за святые Божие церкви и за нас, великого государя, против королевича Владислава и полских и литовских и немецких людей и черкас стоял крепко и мужественно и на боех и на приступех бился не щадя головы своей. И ни на кокие королевичевы прелести не прельстился и многою свою службу и правду к нам и ко всему Московскому государству показал. И будучи в осаде во всем оскуденье и нужду терпел. И королевич Владислав и гетман Хоткеев и все паны рада польские и литовские и немецкие люди и черкасы, слыша наших людей за православную крестьянскую веру и за нас, великого государя, крепкостоятельство и твердость от бояр наших и воевод, которые были на Москве и которые с Москвы из осады посланы были по городом, видя над собою промысел и крепко стоятельство, учинили з бояры нашими и со всюю землею Московского государства перемирье. И из государства нашего из земли королевич и гетман со всеми польскими и з литовскими и с немецкими людьми и с черкасы вышел в Литву и в Польшу и города, которые было поймал, нам, великому государю, отдал. И то зделалось Божиею милостию и Пречистые Богородицы помощию и заступлением великих московских чудотворцов и отца нашего преосвященного митрополита Филарета Никитича Ростовского и Ярославского и матери нашей великие старицы Марфы Ивановны молитвами и нашим царским счастьем и бояр наших и воевод и всяких чинов людей к нам прямою службу и раденьем и твердостью. И за те службы

мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец, пожаловали есмь Ивана с поместного ево окладу, с пятисот с пятидесяти чети, со ста чети по дватцати чети, итого сто десять чети, из Белохонского ево поместья деревнею Заскочихиным, Колесниково тож, полудеревнею Бурцовым, деревнею Паруновым, пустошью Исаковскою Половиною, пустошью Глазунихою, пустошью Гласковскою в вотчину со всеми угоды. А по отдельным книгам писма и отделу Ивана Кунакова да подъячево Павла Бундова 122-го году в тех деревнях и в пустошах написано пашни и перелогу семдесят одна чети в поле, а в дву по тому ж. А недойдет ему в вотчину против указу^{2*} тритцати и девяти чети. А на ту вотчину велели есмь ему дать сю царскою жаловальною грамоту за нашу государскою красною печатью. И по нашему царскому уложению в той вотчине он, Иван, и его дети и внучета и правнучета волны, волно ему его детем и внучетам и правнучетам та вотчина продать и заложить и в приданые дать и в монастырь по душе до выкупу дать. А хто будет роду его тое вотчину из монастыря похочет выкупить, и ему та вотчина выкупать ценою по нашему государскому указу против дач, сколько в ней, в даче, четвертные пашни написано. А дать за четверть по полтине. А будет продаст в чужой род, а хто будет роду его захочет ту вотчину выкупить и ему выкупать по прежнему уложению, как их родовыя и купленья вотчины выкупают. А будет у него в роду не останетца или останетца, а выкупать не похотят, и та вотчина из монастыря взять на нас, а деньги в монастырь дать за нее из нашия государские казны по полтине ж за четверть. А в монастырь та вотчина по прежнему нашему уложению не крепка, а только у него детей роду не останетца, а останетца одна жена, и жене тою вотчиною владеть по свой живот и после своего живота та вотчина для мужа своего поминка отдать в монастырь до выкупу. А из монастыря та вотчина выкупить на нас, а дать за нее из нашей царские казны деньги по полтине ж за четверть. А будет после его жена его учнет сидеть во вдовах или пострижетца, и ей та вотчина волно продать и заложить. А будет жена его вдовством сидеть и постритца не похочет, а пойдет замуж, и та вотчина взять на нас в помесные земли. А мужа ее по душе за ту вотчину дати из нашей казны деньги против тово как из монастырь указано выкупать. А жениха ее пожалуем ис тое вотчины в поместье^{3*} по своему царскому рассмотренью что доведетца.

Писан нашего государства в царствующем граде Москве лета 7127-го июня в 15 день.

Приложена печать красного воска.

Внизу помета: 21 алтын [...] деньги.

На обороте записи: Царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии самодержец. Правил Калинин Страхов.

Библиотека Конгресса США, Коллекция И. Перлстайна. № 6—1 и 6—2.

2* В ркл.: укузу.

3* В ркл.: поместье.

ДОКУМЕНТЫ
О ПОДГОТОВКЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Н.М. КАРАМЗИНА
АКАДЕМИЕЙ НАУК (1914—1917 гг.)

Издание сочинений классиков русской литературы и науки имеет богатые традиции. Каждое научное издание становилось шагом вперед в изучении творческого наследия и биографии деятеля отечественной культуры, стимулировало, в свою очередь, дальнейшие исследования. История публикации сочинений того или иного автора отражает и общие достижения науки, современный для каждого издания уровень археографической культуры, ведущие тенденции и конкретно-исторические изменения общественно-политической жизни страны. Все это отразилось и в истории публикации сочинений Н.М. Карамзина.

Карамзин еще при жизни был признан классиком литературы и исторической науки. Свидетельством тому стали три собрания сочинений и два издания "Истории государства Российского"¹. Прижизненные издания, состав и структура которых определялись автором, вносящим изменения в каждое новое издание, оказали влияние и на последующие собрания сочинений². В них вошло далеко не все из написанного писателем. Не включались некоторые стихотворения, переводы, статьи из "Московских ведомостей", публицистика, переписка. Всего вышло пять собраний сочинений. Изданное А.Ф. Смирдиным в 1848 г. оказалось последним. После него выходили избранные сочинения, многочисленные переиздания отдельных произведений и "Истории". Одновременно шло выявление и издание неопубликованных текстов; прежде всего обширной переписки, активизировавшейся в связи с 100-летием со дня рождения писателя и историка в 1866 г.³ Но многое тогда не могло быть опубликовано по цензурным соображениям, выходило с купюрами⁴, а "Записка о древней и новой России" увидела свет отдельным изданием в России лишь в 1914 г. и то, с красноречивой надписью на титульном листе: "Печатается в ограниченном количестве экземпляров. Перепечатка воспрещается". Тем не менее к концу XIX в. вызревают предпосылки и сама мысль о необходимости нового издания всех сочинений Карамзина. Об этом свидетельствуют и попытки составления возможно полной библиографии публикаций текстов историка и писателя, рецензий и откликов на них⁵ и, в частности, само название приложения в работе одного из ведущих дореволюционных исследователей творчества Карамзина, В.В. Сиповского — "Материалы для полного собрания сочинений Карамзина"⁶. Но реальная работа над подготовкой такого собрания сочинений началась уже в следующем столетии.

Импульс этой работе дало письмо графини Е.П. Клейнмихель от 29 марта 1914 г. на имя председательствующего в Отделении русского языка и словесности АН академика А.А. Шахматова. Напоминая о предстоящем в 1916 г. юбилее

¹ Карамзин Н.М. Соч. М., 1803—1804. Т. 1—8; Карамзин Н.М. Соч. М., 1814. Т. 1—9; Карамзин Н.М. Соч. М., 1820. Т. 1—9; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816—1829. Т. I—XII; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I—VIII.

² Карамзин Н.М. Сочинения. СПб.: А. Смирдин, 1834—1835. (Полн. собр. соч. рус. авт.); Карамзин Н.М. Соч. СПб.: А. Смирдин, 1848.

³ Письма Карамзина Алексею Федоровичу Малиновскому / Под ред. М.Н. Лонгинова. М., 1860; Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. СПб., 1860—1882. Ч. 1—2; Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / С примеч. и указ. сост. Я.К. Гротом, П.П. Пекарским. СПб., 1866.

⁴ Так была опубликована переписка с Дмитриевым. В шестом издании (1853) "Русской хрестоматии" А.Д. Галахова в отрывке из "Исторического похвального слова Екатерине Великой" оказались вычеркнутыми слова "сограждане" (Ист. вестн. 1891. Т. 44. С. 561—567).

⁵ Пономарев С.И. Материалы для библиографии литературы о Карамзине. СПб., 1883.

⁶ Сиповский В.В. Н.М. Карамзин автор "Писем русского путешественника". СПб., 1898. Прил. 2-е.

своего деда — 150-летию со дня рождения Карамзина, графиня призвала академию оказать содействие в издании его сочинений, подобно уже опубликованным научным изданиям Державина, Ломоносова, Пушкина, Екатерины II. В ответном письме Шахматова сообщалось о "полной готовности" Отделения взяться "за научное издание" наследия историка и писателя. Так, академия возглавила работу по подготовке собрания сочинений Карамзина. Дело об издании сочинений Карамзина сохранилось в фонде Канцелярии Второго отделения АН (Отделения русского языка и словесности)⁷. Издание это лишь частично воплотилось в жизнь, но эти документы представляют интерес и в плане истории научного издания трудов Карамзина, истории литературоведения, археографии начала XX в., и участия в нем видных русских ученых: В.С. Иконникова, В.В. Сиповского, А.А. Шахматова и др. Предлагаемый обзор документов и публикация наиболее интересных из них призваны осветить эту малоизвестную страницу в истории публикации творческого наследия Карамзина в канун 225-летия со дня рождения писателя и историка.

Шахматов поручил Сиповскому как наиболее известному исследователю жизни и деятельности Карамзина, тогда еще не члену академии, подготовить предложения по изданию. Меньше, чем за месяц, Сиповский подготовил свои соображения об издании. На основании писем графини Клейнмихель и Сиповского Отделение русского языка и словесности на заседании 22 апреля постановило обратиться к президенту АН в.кн. Константину Константиновичу с просьбой ходатайствовать об отпуске правительством необходимых средств для издания. Обосновывая причины, по которым желательно участие АН в этой работе, Шахматов напоминал президенту, что Отделение русского языка и словесности является "правопреемником Российской академии, гордившейся тем, что Н.М. Карамзин был ее членом", и выражал уверенность в том, что "научная разработка" наследия Карамзина "озарит новым светом и нашу историографию и историю нашей словесности"⁸.

Пока шла переписка между академией, Министерством народного просвещения и Министерством финансов, Сиповский вступил в переговоры с типографиями и выяснил, что типография А.Ф. Дресслера берется напечатать собрание сочинений вдвое дешевле, чем академическая, и 3 июля составил новую, более обстоятельную записку о программе издания. Уезжая на отдых в Карлсбад, он намеревался сразу после возвращения приступить к подготовке первого тома. Но начало первой мировой войны внесло коррективы в эти планы. Министерство финансов 25 августа ответило отказом на ходатайство Министерства просвещения об отпуске из Государственного казначейства в течение трех лет 12 400 руб., мотивируя его чрезвычайными расходами из-за "военных обстоятельств", требующих "соблюдения крайней экономии в расходовании государственных средств на цели, не являющиеся безусловно необходимыми"⁹. 6 октября Шахматов об этом "с прискорбием" сообщил Е.П. Клейнмихель. Была сделана попытка воздействовать на позицию чиновников через общественное мнение. Так можно расценить публикации письма Е.П. Клейнмихель в Академию наук в газетах "Речь" и "Дело" 5 ноября 1914 г. с заголовками "К юбилею Н.М. Карамзина" и "К 150-летию рождения Н.М. Карамзина". Достигли ли цели эти публикации или академия искала выход из создавшегося положения, из документов дела неясно, но выход был найден. Товарищ министра народного просвещения В.Г. Шевяков 13 марта 1915 г. сообщил Шахматову, что необходимые средства могут быть временно заимствованы из денег, уже выделенных на издание "Академической библиотеки

⁷ ЛО ААН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1005.

⁸ Там же. Л. 17, 18.

⁹ Там же. Л. 36. Выписка из протокола заседания ОРЯС 4 окт. 1914 г.

русских писателей". 7 апреля в ответном письме Шахматов писал, что академия уже приступает к изданию¹⁰. Но лишь 15 апреля состоялось заседание комиссии по изданию сочинений Карамзина в составе академиков Н.А. Котляревского, В.Н. Перетца, А.А. Шахматова и приглашенного В.В. Сиповского. Комиссия приняла решение издавать все сочинения Карамзина, включая письма, но "оставляя в стороне переводы". В первых томах поместить беллетристические произведения, а в последующих — "Историю". Произведения должны были располагаться в хронологическом порядке, а в конце каждого тома — сочинения, приписываемые Карамзину. Редакторские примечания рекомендовано было помещать при каждом томе и в них сообщать сведения по истории текста, отмечать "существенные (изменяющие смысл) чтения", в каждом томе должны были быть иллюстрации¹¹.

Таким образом, комиссия внесла изменения в первоначальный план Сиповского. Отклонялось издание переводов, не поддерживалось намерение один том отдать биографии, а в примечаниях поместить небольшие статьи тематического содержания ("Лирика Карамзина", "Повести Карамзина", "Карамзин как историк" и др.). Текст протокола заседания комиссии оставляет неясным и вопрос о журнальных статьях. 16 апреля Сиповский подготовил подробную записку об издании первого тома собрания сочинений.

Протокол заседания комиссии и записка Сиповского докладывались на VIII заседании Отделения 18 апреля, на котором присутствовали, кроме уже упомянутых членов-комиссии, академики В.М. Истрин, Н.П. Кондаков и А.И. Соболевский. Отделение утвердило решение комиссии, но решило включить и карамзинские переводы. Оно обратилось с просьбой к Сиповскому редактировать беллетристические и публицистические труды Карамзина, а также просило академика В.С. Иконникова — "взять на себя" текст "Истории", а В.М. Истрина "принять на себя наблюдение за изданием" литературно-публицистических сочинений. Решено было приступить одновременно к печатанию первого тома, включавшего поэзию, и первого тома "Истории". Назначены были гонорар Сиповскому и оплата работы корректору. Собрание сочинений намечено было печатать тиражом в 3000 экз.¹² Тираж, таким образом, был существенно увеличен по сравнению с первоначальным (1200 экз.). Вероятно, это увеличение было связано с тем, что первое издание "Истории" разошлось именно трехтысячным числом экземпляров, и 100 лет спустя, в юбилейном издании, едва ли было удобно установить меньший тираж.

21 апреля Шахматов сообщил Клейнмихель о надеждах на выпуск осенью первого тома, а Иконникову — о просьбе Отделения взяться за работу с тем, чтобы осенью также сдать в набор начало издания. Однако в письме от 24 апреля Иконников отказался заниматься подготовкой к публикации текста "Истории". (Тем не менее в изданном первом томе говорилось, что "общее наблюдение над изданием поручено академикам В.С. Иконникову и В.М. Истрину"¹³.) Вопрос об издании "Истории" так и остался непроясненным. А тем временем Сиповский активно включился в работу, о чем, в частности, свидетельствуют его просьбы к Шахматову в сентябре—ноябре 1915 г. послать запросы в библиотеки и другие хранилища об имеющихся рукописях Карамзина и ответы на них Публичной библиотеки, Исторического музея, Московского архива Министерства иностранных дел¹⁴. Но эти же документы показывают, что работа по подготовке первого

¹⁰ Там же. Л. 41—42.

¹¹ Там же. Л. 39—41.

¹² Там же. Л. 50—51.

¹³ Карамзин Н.М. Соч. Пг., 1917. Т. I. С. 3.

¹⁴ ЛО ААН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1005. Л. 68—83.

тома затягивалась, а условия в стране все ухудшались. На заседании Отделения 8 октября 1916 г. обсуждался вопрос о предстоящем 1 декабря юбилее и было решено "ознаменовать" его "устройством торжественного публичного заседания", но Отделение "по некоторым соображениям отложило это заседание до времени после окончания войны"¹⁵.

Общественность России тем не менее и в это бурное время отметила 150-летие со дня рождения Карамзина. Этой памятной дате было посвящено чрезвычайное заседание Общества ревнителей истории, состоявшееся 30 ноября 1916 г. С вступительным словом выступил председатель общества военный историк М.К. Соколовский, а с докладом "Карамзин как историк" — исследователь истории общественного движения Е.И. Тарасов¹⁶. Не был забыт и еще один юбилей, связанный с именем Карамзина, — 100-летие с начала издания "Истории государства Российского". На него откликнулся И.А. Линниченко, писавший, что и спустя век этот труд "имеет горячих и неумеренных в восхвалении поклонников и ярых, не всегда справедливых противников", а это мешает "спокойной оценке достоинств и недостатков труда, имевшего во всяком случае огромное значение и для литературы и для исторической науки". Но и он считал, что "История" "устарела во всем" и ее "теперь не читают"¹⁷. Естественно, что и политические взгляды Карамзина в традициях либеральной историографии получали резко негативную характеристику.

Тем временем Сиповский подготовил первый том, и он пошел в типографию. Последний документ в деле — выписка из протокола заседания Отделения русского языка и словесности от 17 апреля 1917 г. По докладу В.М. Истрина в связи с обстановкой в стране было решено отпечатать 10 листов тома и на этом приостановить дальнейший набор выпуска¹⁸. К счастью, удалось издать первый том в первоначальном объеме. Но дальше издание не смогло продвигаться. Так оборвалось шестое по счету, но первое полное научное собрание сочинений Карамзина. Представляется, что настоящие обзор и публикация документов из дела об издании сочинений писателя и историка имеют значение не только для истории. Опыт работы над первым полным собранием сочинений может оказаться полезным и современным археографам и текстологам.

Обзор и публикация стали возможными благодаря любезному содействию заведующего Санктпетербургским отделением Архива РАН В.С. Соболева.

В.Ю. Афиани

Его Превосходительству г. Председательствующему
в Отделении рус[ского] яз[ыка] и словесности.

В 1916-ом году исполнится 150 лет со дня рождения деда моего Николая Михайловича Карамзина. Зная, с каким вниманием относится Императорская Академия Наук к памяти великих русских писателей, я уверена, что Второе Отделение Императорской Академии Наук не откажется посодействовать тому, чтобы к предстоящему юбилею начато было издание сочинений Н.М. Карамзина по образцу существующих изданий Державина, Ломоносова, Пушкина, императрицы Екатерины.

Я лично просила Его Императорское Величество Государя Императора о том, чтобы состоялось такое издание, и Государю Императору благоугодно было со

¹⁵ Там же. Л. 94.

¹⁶ ОР ГПБ. Ф. 443 (В.М. Лосева). Д. 30.

¹⁷ *Линниченко И.А.* Политические воззрения Н.М. Карамзина: (К столетию выхода в свет "Истории государства Российского") // *Голос минувшего*. 1917. № 1. С. 117, 123, 133.

¹⁸ ЛО ААН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1005. Л. 100.

своей стороны сочувственно отнестись к моей просьбе. Г. Министр народного просвещения обещал достать для этого издания все необходимые средства, но выразил желание, чтобы Второе Отделение Императорской Академии вышло бы в Министерство с представлением о необходимости издания сочинений Н.М. Карамзина и с указанием той суммы, которая требуется для этого издания.

Примите уверение в моем глубоком к Вам уважении

гр. Ек. Клейнмихель

С. Петербург
29 марта 1914
Исаакиевская площадь

Буду очень рада если Вы найдете возможность ко мне захватить, предупредив по телефону №² о днях и часах Вашего посещения.

Л. 9—10.

Глубокоуважаемый
Алексей Александрович!

Согласно желанию Вашему спешу доставить Вам некоторые соображения по поводу издания сочинений Н.М. Карамзина.

1) Вследствие того, что рукописей после Карамзина не осталось, издание сочинений его должно быть перепечаткой последнего прижизненного издания.

Таковыми являются:

а) Сочинения Карамзина 1820 в 9 ч., изд. 3-е.

б) История государства Российского изд. второе, исправленное, т. I—III, 1818; т. IV—VIII, 1819; т. IX —1821; т. X — 1824.

2) Примечания редакторские должны быть по возможности кратки: история текста и библиографические сведения — вот их основное содержание. В случае, если найдены будут рукописи Карамзина, они должны будут привлечены к установлению первичного текста. Желательно помещение в примечаниях* кратких сведений общего характера ("Лирика Карамзина", "Повести Карамзина", "Письма русского путешественника", "Карамзин как историк", "Карамзин как критик" и пр.).

3) Если принять на образец будущего издания "Сочинения императрицы Екатерины" изд. Имп. Акад. Наук под редакцией акад. А.Н. Пыпина, то собрание беллетристических сочинений Карамзина по приблизительному подсчету уместится в^{2*} четырех томах. История государства Российского — в четырех. Один том должен быть отдан статьям. Кроме того, на примечания к беллетристическим сочинениям; один том — на биографию, два тома на письма и неизданные сочинения. Таким образом, собрание сочинений может уместиться в 12-ти томах (360 листов печатных).

Вследствие того, что до юбилея Карамзина времени осталось очень немного, я полагал бы примечания выделить в отдельный том. В крайнем случае к концу 1915 года можно выпустить 1 том биографии и тома 2—3 беллетристических сочинений.

Что касается стоимости этого издания, то по приблизительному подсчету все издание (печатание, бумага, брошюровка) будет стоить 30 000 р. (по 2 500 р. на том).

Вследствие того, что желательно к юбилею выпустить несколько томов, не-

* Зачеркнуто общих.

2* Далее зачеркнуто трех.

обходимо указать министерству³, что первая часть ассигновки должна быть значительнее прочих.

Примите уверение в совершенном
моем к Вам уважении

В. Сиповский

16 апр. 1914.

Л. 12—13. Автограф

26 апреля 1914

№ 217

Его Императорскому Высочеству
Августейшему Президенту Императорской Академии Наук

Отделение русского языка и словесности в заседании своем 22 апреля ввиду приближающегося 150-летнего юбилея со дня рождения Н.М. Карамзина (он родился 1 декабря 1766 года) приняло решение издать все его оригинальные сочинения и часть его переводов. Первое место в предполагаемом издании должно быть, по мнению Отделения, отведено "Истории государства Российского" и другим историческим трудам великого историографа, до сих пор не появившихся в критико-научных изданиях. Бессмертные по их значению для русской истории «"Примечания" к "Истории государства Российского"» предполагается отдельно проверить по подлинникам, если это окажется возможным, а также сверить с источниками. Второе место в издании будет принадлежать литературным произведениям Н.М. Карамзина, причем издание их должно сопровождаться критическими к ним примечаниями. Далее должны быть воспроизведены письма Н.М. Карамзина. Наконец, в академическое издание войдут и некоторые переводы, язык которых представляет большое значение при исследовании влияния Н.М. Карамзина на развитие русской литературной речи.

По предварительному подсчету на все издание потребуется 12 томов убористой печати.

Отделение русского языка и словесности не располагает нужными на такое издание суммами. В его среде нет лица, которое могло бы взять на себя труд редактирования издания. Тем не менее, ревниво относясь к тому, чтобы такой памятник Н.М. Карамзину был воздвигнут по указаниям и при содействии Императорской Академии Наук, в частности Второго ее Отделения, правопреемника Российской Академии, гордившейся тем, что Н.М. Карамзин был ее членом, Отделение русского языка и словесности признало необходимым почтительнейше просить Ваше Императорское Высочество возбудить ходатайство о том, чтобы в его распоряжение были отпущены денежные средства для предполагаемого издания Сочинений Н.М. Карамзина.

Полагая расход на набор и на бумагу до 2 500 рублей на каждый том (в сорок листов) при заводе в 1200 экземпляров и определяя редакторский гонорар скромною платою в размере 15 руб. за лист. Отделение русского языка и словесности исчисляет потребный расход в общей сумме 37 200 рублей. Можно думать, что значительная часть этой суммы вернется в Государственное Казначейство как выручка от продажи издания.

Выработку плана издания, приглашение редактора, наблюдение за выполнением плана и за самим печатанием Отделение русского языка и словесности возьмет на себя, уверенное в том, что научная разработка сочинений Н.М. Карамзина, подготовленная таким изданием, озарит новым светом и нашу историографию и историю нашей словесности.

Председательствующий
в Отделении рус. языка и словесности
академик А. Шахматов

1. Новое издание сочинений Карамзина должно представить текст, исправленный по последнему прижизненному изданию (Изд. 3-е 1820 года в девяти томах).

2. Распределение материала должно быть приблизительно то же, что и в указанном издании 1820 г. (первое — лирика, потом — "Письма русского путешественника", повести и статьи разного содержания. Но и в распределение произведений по указанным рубрикам должна быть внесена ббольшая систематичность (строгая хронологическая последовательность).

3. Так как предполагаемое издание будет более компактным, чем указанное выше прижизненное издание 1820 г., то т. I должен будет содержать стихотворения Карамзина, все повести его, поэму-сказку "Илья Муромец", драму "София" и разные мелкие статьи беллетристического содержания, т. II должен содержать "Письма русского путешественника", т. III различные журнальные статьи, исторические, критические, философские, публицистические, т. IV должен быть всецело отведен на примечания к напечатанному в трех первых томах тексту. Главная задача, которую я считал необходимым выполнить в примечаниях, — с возможною очевидностью воссоздать историю текста карамзинских произведений: выяснить, как видоизменялся текст первого издания в последующих изданиях с лексической, археографической и смысловой точки зрения. В случае, если мною будут найдены рукописи Карамзина, к изучению истории текста должен будет быть привлечен и необходимый рукописный материал.

Выделение примечаний в особый том имеет, на мой взгляд, много важных оснований:

а) составление примечаний к каждому отдельному тому всегда задерживает печатание текстов, т.е. того, что для читателя является наиболее важным;

в) благодаря выделению примечаний в отдельный том возможно будет деление сочинений Карамзина на три тома по содержанию и характеру его произведений;

с) если примечания прилагать к каждому из трех томов, то размеры каждого тома значительно увеличатся;

д) для лиц, интересующихся историей текста карамзинских сочинений, гораздо удобнее иметь перед собой две книги: с основным текстом и с историей текста, чем иметь то и другое в одной книге, что затрудняет процесс чтения.

4. Следующие четыре тома (V, VI, VII, VIII) должны содержать текст "Истории государства Российского", выработанный самим Карамзиным в последнем прижизненном издании (1818—1819—1821—1824 гг. в 10 т.).

5. Томы IX и X должны содержать примечания к тексту "Истории" и к тексту карамзинских примечаний. В своих примечаниях я постараюсь а)⁴ проследить историю первичного текста "Истории" (сравнить изд. 1816 года с изд. 1818) в) к изучению текста надо привлечь сохранившийся рукописный материал с) в карамзинских примечаниях должны быть проверены цитаты, восстановлена история текста и определены исторические источники, которыми пользовался Карамзин.

6. Томы XI и XII должны содержать по возможности полное собрание писем Карамзина, расположенных в хронологическом порядке.

В. Сиповский

Л. 33—34 об. Автограф.

Глубокоуважаемый
Алексей Александрович.

Ваше письмо от 21 апреля с отношением к Вам г. Товарища Министра нар. просвещения и приложениями протоколов я имел честь получить, а одно из не-

скольких приложений присоединено не было*. Со своей стороны я должен пояснить, что мне, к сожалению, вовсе не было известно о предполагавшейся Комиссии по изданию соч. Карамзина и собрании по этому поводу. Иначе я считал бы долгом или явиться в заседание, или, по крайней мере, в случае непредвиденных препятствий прислать объяснение по существу предмета, к которому теперь и перехожу, извиняясь, что оно может быть покажется излишне длинным и подробным.

Если помните, речь об издании Истории Карамзина зашла несколько месяцев назад только в виду сообщения мне о желательности привлечения к этому делу меня, но через два-три дня мне было сказано, что предприятие это отменено по обстоятельствам времени и недостатку средств на неопределенный срок. Таким образом [мне] не пришлось и входить в обсуждение этого вопроса. Вновь он возник неожиданно, как видно из выражения Вашего о происшедшем "обороте" названного дела. Я был лишен возможности принять участие в его обсуждении, вероятно, вследствие необходимой спешности, какая признана Отделением русского языка и словесности, и приближения каникулярного времени.

После всего сказанного позвольте коснуться моего собственного положения. Из "Отчета Имп. Акад. Наук" за 1914 г. Вы могли усмотреть, что в течение 40 лет я вел все издания Унив. Св. Владимира и фактически по независимым от меня обстоятельствам перестал быть главным редактором лишь к 1 окт. того же года. Притом я не привик отказать от поручений, которые неоднократно возлагались на меня (речи, рецензии и т.п.), несмотря на предпринимаемое мною издание обширного труда по русской историографии. Так, между прочим, в разное время я представил в Ак. Наук четыре рецензии на соч., удостоенные Уваровских наград и в их числе на соч. ген. Бородинки "История Финляндии" в 5 томах⁵, а с августа того же (1914 г.) предпринял печатание 2-го издания моего первого труда "Максим Грек" в пересмотренном и дополненном виде (свыше 600 стр.), который выйдет на днях⁶. В тоже время я продолжал вести составление дальнейших частей "Историографии". Чтобы судить о размере этой работы, я прибавлю к сказанному в "Отчете", что для 3-й части II тома мною написаны отделы, посвященные русским мемуарам (до 900 стр.), переписке русских людей (400 стр.), а из отдела по иностранным известиям о России рассмотрены последние до XVI века. Чтобы закончить всю 3-ю часть остаются отделы: о литературных памятниках, об актах в собственном смысле и о памятниках вещественных, которые я предполагал завершить к концу года; наконец, мною подготовлено немало статей для III тома, посвященного трудам по обработке русской истории в XVIII и XIX вв.⁷

Уже неоднократно мне приходилось убеждаться, как более или менее продолжительные остановки (редакция изданий, рецензии) всецело отражались на ходе моей большой работы: утрачиваются намеченные нити изложения, образуются пропуски в литературе и т.п. Удостоившись избрания в члены Академии Наук, я питал надежду, что явится для меня возможность безостановочно вести свой труд при той сравнительной краткости времени, какая находится в моем распоряжении по преклонности лет, чем я не мог воспользоваться раньше по независимым от меня условиям. А между тем мне приходится все более сознавать и чувствовать настоятельную необходимость в доведении до конца принятого труда, начиная от пожеланий и побуждений старых ученых (А.Ф. Бычкова, К.Н. Бестужева-Рюмина, Л.Н. Майкова и др.) и ученых учреждений до младшего поколения ученых включительно. Но какая же может быть для меня возможность осуществления этой задачи, если я вынужден буду снова остановиться надолго и посвятить себя другому, весьма обширному труду, самое выполнение которого должно затянуться на много лет?

* *Примечание в рукописи:* Ствет г. Тов. министра.

Предстоящую работу я представляю себе далеко не простою, и, напротив, весьма сложною и тяжелою. Здесь необходимо сличение не только разных изданий, но и обращение к рукописям автора, к сопоставлению его мнений с более ранними, с невольными будто бы переделками, с оценкой его источников и пользования ими и т.п., что должно войти в примечания к издаваемому труду. Еще в I томе "Историографии" (1891 г.) я писал: «Рукопись "Истории" Карамзина хранится в его семействе, и, между тем, ознакомление с нею было бы очень важно в историографическом отношении, в особенности в виду существующих указаний о его мнениях и труде (ссылки). Вообще, если библиографы с таким усердием занимаются обнаружением различий того или другого из литературных произведений наших писателей, то, конечно, не меньший интерес представило бы библиографическое изучение такого капитального труда, как "История Российского государства"» (1, 802, прим. 1). И подобная же работа должна быть произведена над примечаниями к ней. Тут придется обращаться к рукописям, многое комментировать, устанавливать № и названия рукописей, потерявших (одно слово неразборчиво. — В.А.), места их нынешнего хранения и т.п. Подобный труд в мои годы и при ведении другой весьма солидной работы становится совершенно непосильным, как бы я ни сочувствовал самому предприятию. В январе текущего года окончилось 50 лет моей служебной и литературной деятельности, и потому невольно приходится заботиться об экономии сил и времени.

Но есть и другая сторона дела, не менее существенная. Продолжительная редакторская деятельность с просмотром посторонних статей и корректур и чтение собственных произведений в три приема не могли не отразиться на ослаблении зрения, и мне от времени до времени приходится прибегать к поправке разных дефектов; и издание вновь первого моего труда убедило меня в необходимости на будущее время обращаться к чужой помощи. По совету врачей мне необходимо подчиниться известному режиму. С выпуском в свет названного сейчас труда, конечно, необходим и некоторый отдых. Вот почему я совершенно не могу принять на себя новой столь ответственной работы. По моему мнению, последняя без всякого ущерба может быть поручена, как и в других случаях, более молодым силам, имевшим также дело с текстом Карамзина, как гг. Пресняков, Кунцевич, Васенко и др.

Еще раз извиняюсь за продолжительное отвлечение Вашего внимания по данному вопросу, но он имеет существенный интерес в достижении возможно лучшего успеха.

С глубоким уважением и совершенной преданностью остаюсь Вашим покорным слугой

В. Иконников

24 апреля
1915 года.

Л. 54—59. Автограф.

Примечания

¹ Далее рукой графини Е.П. Клейнмихель.

² В письме номер телефона отсутствует.

³ Министерству народного просвещения.

⁴ В тексте нумерация буквами латинского алфавита.

⁵ *Бородкин М.М.* История Финляндии. СПб., 1908—1915. Т. 1—5. Рец. В.С. Иконникова опубли. в кн.: Отчет о 56-м присуждении наград гр. Уварова. Пг., 1918. С. 63—253.

⁶ *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915.

⁷ См.: *Киреева Р.А.* Неизданный том "Опыта русской историографии" В.С. Иконникова // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 323—335; АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 265—275.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ Н.А. БЕРДЯЕВА К СБОРНИКУ 1918 г.

За несколько лет до кончины русский философ Н.А. Бердяев (1874—1948) с горечью отмечал: "Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведен на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, — это моя родина"^{1*}. Теперь, после того как на родине философа изданы его работы "Смысл истории", "Истоки и смысл русского коммунизма", "Новое средневековье", "Самопознание", положение изменилось, но "открытие" Бердяева для русских читателей все еще продолжается, и определенный вклад в это ознакомление с творческим наследием философа внесут архивные публикации.

Статья Бердяева "Пореволюционные мысли" отражает тот уровень понимания сущности социалистической революции в России, который был достигнут философом к ее первой годовщине и сформулирован в восьми тезисах. В отличие от преобладающего среди русских мыслителей немарксистских направлений, в том числе и его соратника по "Вехам" П.Б. Струве, мнения о том, что большевистский режим — явление кратковременное, Бердяев ощущал неизбежность прохождения России через опыт большевизма. Большевики для него и господа, и рабы революционной стихии. Он ищет истоки этой стихии в том, что "весь строй души народной перевернулся", ведь "Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа"^{2*}.

Бердяев — религиозный и экзистенциальный философ, персоналист и моралист. И с этих позиций, с позиций не столько политической, сколько духовной оппозиции, он не принимает коммунизм. Он критик не только коммунизма, он также непримиримо настроен и по отношению к старой России, и по отношению к западному буржуазному обществу. Ни в каком из отвергаемых им миров Бердяев не находит воплощения христианского духа, как он его трактует. История, с его точки зрения, не могла разрешить индивидуальной судьбы человека; и этот трагический конфликт выносится за пределы истории.

Сегодня наш опыт коммунизма несоизмерим с тем, каким располагал Бердяев в 1918 г. и через 30 лет, в 1948 г., в год его смерти. Нам пришлось быть современниками, свидетелями и, к сожалению, жертвами крушения коммунистической идеи. Тем поразительнее кажутся сейчас прозрения и откровения философа, как признавшего неизбежность социалистического эксперимента, так и предвидевшего неизбежность его губительного финала. Отказ от социализма как от "нравственной аксиомы" обусловлен, утверждает Бердяев, тем, что он ведет к отрицанию и истреблению личности, беспощаден к человеку, к человеческой судьбе, попирает первородную свободу, священные права и достоинство человеческой личности.

Не станем комментировать тезисы Бердяева. Ясность их изложения, их формулировок и наш опыт познания социалистической реальности делают это излишним. Читатель сам может прийти, пользуясь выражением Бердяева, к "последним выводам". Однако никто из философов, даже великих, не несет в себе и с собой абсолютной истины. Покоряющие нас логика и прозрения философов зачастую скрывают и ошибочные суждения, и прямо-таки грандиозные заблуждения. Нет никаких оснований считать, что историософские построения Бердяева в этом отношении отличаются от других философских концепций.

В отличие от Маркса, которого Бердяев, нещадно критикуя, ценил до конца своей жизни, Бердяев никогда не стремился воздвигнуть свою оценку на Монбла-

^{1*} Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 341.

^{2*} Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 102.

не фактов. Не стремился он и создать, подобно Канту или Гегелю, стройные логические ряды суждений. Бердяев определял свое философское мирозерцание как интуитивное по происхождению и афористичное по форме, он подчеркивал свою склонность "мыслить антиномически, парадоксально и иррационально", обращал внимание на присущую ему крайность мысли и острую конфликтность своего духовного типа^{3*}. Все это следует иметь в виду при оценке таких, например, суждений Бердяева: "русские не любят свободы" или "любовь к свободе — аристократическое чувство", "человек есть образ и подобие Божие" и т.д.

Не все оценки Бердяева, имеющиеся в печатаемой статье, могут быть уяснены вне контекста его историософских воззрений. Это прежде всего отношение философа к гуманизму и демократии. Когда Бердяев пишет об "изобличении лжи гуманизма", может создаться впечатление, что он отвергает гуманизм. Но речь идет в данном случае о лжегуманизме, или, как мы говорили, абстрактном гуманизме, о том взгляде, который предполагает принесение в жертву одних во имя других (класс против класса, гибель миллионов в атомной войне во имя "спасения" и утверждения социализма и т.п.), подавление личного во имя общественного ("коллектив претендует на всего человека"). Бердяев, считающий себя религиозным гуманистом, осуждает гуманизм, который "перешел в свою противоположность". Именно с этих позиций он отвергает равенство как препятствие для осуществления свободы личности (уравнение в коллективе равно обезличиванию). Под этим же углом зрения следует рассматривать взгляды Бердяева на демократию, которую мы привыкли считать условием свободы человека. Критика демократии для Бердяева была связана с отрицанием принципа правоты большинства, т.е. с мотивом чисто формального разрешения антиномии коллектив — личность.

Наивными могут показаться рассуждения Бердяева об отказе народов и государств от национального эгоизма и подчинении "общеобязательной Правде", как и надежды на духовное возрождение. Но нужно помнить, что там, где нет надежды, нет и жизни.

О.В. Волобуев

Публикуемая работа представляет собой предисловие Н.А. Бердяева к сборнику его публицистических статей, озаглавленному: "Духовные основы русской революции. Опыты 1917—18 гг." Этот сборник является как бы продолжением другого, более известного сборника — "Судьба России. Опыты по психологии войны" (М., 1918). Сборники сходны по принципам построения: "Судьба России" составлена из статей периода первой мировой войны, "Духовные основы..." — из статей, написанных с апреля 1917 по октябрь 1918 г. под непосредственным впечатлением от событий Февральской и Октябрьской революций. 25 октября (очевидно, по старому стилю) 1918 г., в первую годовщину Октябрьской революции, Н.А. Бердяев написал предисловие к "Духовным основам...", назвав его "Пореволюционные мысли". При жизни автора этот сборник напечатан не был ни в России, ни за ее пределами, и до сих пор он остается одним из малоизвестных произведений философа.

В Москве, в ЦГАЛИ, в фонде Н.А. Бердяева¹, хранятся подготовительные материалы для этого сборника (рукописные план и авторское предисловие, автографы пяти статей из числа включенных в сборник, печатные оттиски статей с правкой автора), а также машинописный экземпляр сборника, выполненный, скорее всего, после смерти Бердяева при разборке его архива².

^{3*} См.: Бердяев Н.А. Самопознание. С. 294, 295, 297.

¹ Об архиве Бердяева см.: Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 575.

² ЦГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 126—132.

Бердяев сгруппировал статьи сборника по следующим тематическим разделам: 1) "Социализм в русской революции"; 2) "Характер русской революции"; 3) "Революция и национальное сознание"; 4) "Революция и народовластие"; 5) "Революция и духовная жизнь"³.

Из 33 статей, включенных в сборник, 31 опубликована. Две ("Ложь гуманизма" и "Социальный смысл русской революции"⁴) не учтены в библиографии произведений Н.А. Бердяева и, видимо, остались неопубликованными⁵.

Частично сборник "Духовные основы..." был напечатан в т. 4 Собрания сочинений Бердяева⁶. Однако эта публикация, основанная на той части архива философа, которая осталась за рубежом, имеет вполне объяснимые недостатки: неточно приведено название сборника ("Духовные основы русской революции. Статьи 1917—18 гг."), не включены предисловие к сборнику и шесть статей, отсутствующие в зарубежной части архива, не учтена авторская правка, внесенная в текст опубликованных статей при подготовке сборника.

Таким образом, сборник статей Н.А. Бердяева "Духовные основы..." нуждается в более полной и точной публикации с привлечением сохранившихся архивных материалов для введения его в научный оборот в неискаженном виде. Одним из шагов к этому является публикация "Пореволюционных мыслей".

Этот текст, носящий лаконичный, конспективный характер, воспроизводится по сохранившемуся автографу, написанному чернилами. Подпись Н.А. Бердяева в автографе отсутствует⁷.

Е.В. Бронникова

Пореволюционные мысли

(Вместо предисловия)

Я печатаю мои статьи за время революции¹ без изменений, сохраняя в целостности мои живые реакции на пережитые исторические события. За это время я углубил свои мысли, осмыслил до конца опыт революции. Пореволюционная, в глубоком, духовном смысле реакционная мысль должна вступить на новый, творческий путь, она-то и будет "положительным завоеванием" революции. Постараюсь формулировать основные мысли, рожденные в творческой духовной реакции на революцию, во внутреннем осмыслении ее опыта. Мысли эти были уже положены в основу статей этого сборника, но они углублены, обострены, объединены и являются в более органически-целостной форме.

1) Большевизм и есть настоящий социализм, социализм, доведенный до конца, до предела, явленный в чистом виде, как самодовлеющее, отвлеченное начало, всепоглощающее и всеразрушающее. Большевизм есть экспериментальная, опытная проверка социализма, очень важная для тех, которые по слабости духа, по непоследовательности мысли не могут познать его природу без такого опытного изучения. Этот чудовищный эксперимент должен заставить глубже задуматься над жуткой проблемой социализма тех, которые этически не только принимали, но и требовали социализма, видели в нем какую-то само собою разумеющуюся нравственную аксиому, в которой сомневаться могут лишь корыстные и злонамеренные люди, люди "буржуазного" направления. Большевизм есть идейный крах социализма, конец социализма, как широко распространенной идейной и

³ Там же. Ед. хр. 131. Л. 16.

⁴ Там же. Ед. хр. 130. Л. 1—10, 26—32.

⁵ *Bibliographie des oeuvres de Nicolas Berdiaev / Ét. par T. Klépinine. P., 1978.*

⁶ *Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. 4. Духовные основы русской революции. Философия неравенства. Париж, 1990.*

⁷ ЦГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 132.

моральной настроенности, выявление коренного, изначального зла социализма. Большевизм прежде всего ударил по нашим "правым" социалистам, по меньшевикам и социалистам-революционерам, и в этом его большая заслуга. Все возмущения и протесты меньшевиков и социалистов-революционеров против большевиков не имеют никакого оправдания, они бессильны и жалки. Большевики осуществляют на деле, последовательно и беспощадно то, чего хотели все русские социалисты, о чем долгое время мечтали; они завершают долгий путь, они приняли всерьез то, что другие социалисты оставляли в сфере подпольных разговоров и словопрений. В большевизме повинен и Белинский². В нем была уже та духовная ложь, которая должна была привести к ужасам большевистского царства. Большевизм есть конец столетней истории русской левой интеллигенции. В нем бесы выходят наружу и творят свою бесовскую оргию. После этого невозможен уже возврат к старым интеллигентским идеям. Ложная социальная мечтательность скомпрометирована в духовной первооснове. Последовательный социализм есть коммунизм, он ведет к отрицанию и истреблению личности, к отрицанию и истреблению человека. Тело и душа человека обобществляются без остатка, коллектив претендует на всего человека, не признает человека индивидуальным и разностным существом, отрицает все права человека, как предрассудки буржуазного мира, открывает безличную эпоху мировой истории. Кому дороги свобода и права человека, тот не может быть коллективистом. Это и выявил большевистский эксперимент для тех, которые неспособны мыслить радикально и последовательно и делать последние выводы.

2) Большевизм есть не только крах социализма, но и крах гуманизма, изобличение лжи гуманизма. Гуманизм лежал в основе социализма. Социалистами делались из гуманистической настроенности. Сострадали человеку и мечтали о благе человечества. Ничего не признавали реальным, кроме человеческих состояний, человеческого блага или человеческого страдания. Уповали, что социализм будет триумфом человека, что через торжество социализма будет признано верховенство человека, что человек будет освобожден от всякого гнета. Но уже в Марксе, мыслителе радикальном и демоническом, гуманизм перешел в свою противоположность³. Марксизм не знает ничего выше человека и человеческого, он прежде всего борется против Бога и божественного, но он не знает и человека, ибо человек есть образ и подобие Божье. В большевизме гуманизм окончательно переродился в антигуманизм. Большевизм порвал с гуманистическими иллюзиями социалистов-революционеров, неопределенных правых социалистов, радикалов, левых кадетов. Керенский весь был в гуманистических иллюзиях⁴. Эти иллюзии разрушил Ленин. Большевистский социализм отрицает гуманистические чувства, истребляет человека без остатка и на его место ставит серый, нечеловеческий коллектив. В одном большевизм прав: власть не может быть гуманистической, власть предполагает сверхчеловеческие начала. Но в самом большевизме действуют сатанические начала и на место человека ставится антихрист. Большевизм находится во власти ему самому неведомых темных сил, нечеловеческих сил, и он беспощаден к человеку, к человеческой судьбе. Гуманизм начал с того, что отрицал зло и грех. Но отрицание зла всегда бывает торжеством зла. Необходимо знать зло, чтобы не допустить его торжества. Гуманизм не хочет знать зла, он учит об естественной доброте и благостности человеческой природы. С этого начал Руссо⁵. А кончилось Робеспьером⁶. Гуманизм Белинского кончился антигуманизмом Ленина. Так всегда бывает. Внача-ле — сантиментальное превозношение человека как верховного начала, в конце — жестокость и свирепость. Чтобы утвердить человека и отстоять его свободу и высшее достоинство, необходимо принять Бога и Христа. Если нет ничего выше человека, то нет и человека. Тогда звериный коллектив вступает в свои права и восстает образ Зверя, а не образ и подобие Божье. После опыта русской революции глубокие люди не могут уже вернуться к гуманистическим настроениям и идеологиям.

3) Русская революция обнаружила окончательно, что у огромного большинства русских людей нет еще чувства достоинства человека и сознания прав человека, что русские не любят свободы. Русские одержимы эгалитарной страстью, и эта сатанинская страсть довела Россию до позора и унижения. Но нет у нас и элементарного свободолюбия. Любовь к свободе — аристократическое чувство. Любовь к равенству — плебейское чувство. Свобода и равенство — разные боги и глубоко враждебны друг другу. В революциях всегда торжествует бог равенства, а не бог свободы, происхождение революций — плебейское. Но никогда еще в мире не было такого безраздельного торжества бога равенства, как в русской революции. Большевизм привел к всеобщему крепостному состоянию, и русские люди пассивно приняли это состояние. Достоинство человека и свобода человека никогда еще не были так унижены, как в русской революции. Это — казарменная революция. В ней человек пассивен, чувствует себя подневольным рабом, не сознает никаких своих прав и не отстаивает их. Освобождения нужно ждать от реакции, она даст хоть какую-нибудь, хоть маленькую свободу человека. Я "реакционер", потому что люблю свободу и не мирюсь с крепостным состоянием. Русский народ не дорос еще до элементарной гражданственности. В течение столетия господствовавшие идеологии русской левой интеллигенции были лишены сознания свободы и достоинства человека, были вдохновлены исключительно равенством. И в русской большевистской революции происходит процесс, аналогичный тому, который происходил при императоре Диоклетиане⁷, в эпоху падения Римской империи и возникновения раннего, темного средневековья, когда происходило всеобщее закрепощение и погубила всякая свобода. Отождествление общества и государства порождает тиранию, ведет к безграничной власти общественного коллектива над личностью человеческой, к отрицанию всех неотъемлемых и священных прав человека. Большевизм есть крах эгалитарной идеи, изобличение духовной лжи равенства, безбожности и бесчеловечности равенства. После этого все глубокие русские люди должны будут обратиться к признанию божественной и человеческой правды неравенства и иерархии. Неравенства требует достоинство и свобода человека. Неравенства требует иерархия качеств, на которой основан божественный миропорядок, космос. После опыта эгалитарной революции неизбежно или обращение к иерархическим идеям, с которыми связаны свобода и достоинство человека, или духовная смерть. Безраздельное торжество демократии и социализма означает наступление старости, дряхлости, распада.

4) Русская революция — продукт разложения войны, она есть гнилостный процесс, которому подвергся русский народ, не выдержавший испытания войны. Большевистская революция есть продолжающаяся война в состоянии распада, и на ней отпечатались все нравы войны, все методы войны. Большевистский социализм — милитарный социализм, применивший навыки войны к жизни огромного государства, ко всем сферам общественной жизни. Большевистский социализм есть пассивный рефлекс войны. В нем продолжается война, но она потеряла свою идею, потеряла дисциплину, потеряла органическую преемственность, война перешла в тяжелую болезнь. То, что делали немцы во имя войны, во имя отечества и государства, то делают большевики во имя социалистической революции. Происходит то же милитарное насилие, то же отрицание свободы и права. Стиль нашей революции — военный, серый, защитный стиль. Революционный народ одет в ту же форму, что и во время войны, но без кокард и погон, без всего того, что вводило его в органический иерархизм. Революция не обнаружила никакого творчества, она продолжает старое, но в состоянии распада. Революционные реквизиции, революционные вторжения в частные жилища, революционная регламентация личной жизни людей скопирована с войны и военного положения. Социализм и милитаризм соединились и отождествились, превратили жизнь в казарму.

В большевизме произошло объединение социализма с милитаризмом, в нем война перешла в социалистическую революцию, а социалистическая революция — в войну. Поэтому он окончательно освободился от остатков гуманизма. Правые социалисты хотели бы социализма не милитаристического, социализма без войны. Но этим они обнаруживают непонимание переживаемого момента, теоретичность и оторванность от жизни. Социализм сейчас только и может быть военным и казарменным, превратить всю страну в военный лагерь, в котором утеряна всякая органическая дисциплина. Большевизм победил лозунгом мира, за ним пошел народ, потому что он не хотел больше воевать. Но сами большевики не хотят мира, боятся мира. Они хотят, чтобы мировая война народов непосредственно перешла в мировую войну классов, еще более кровавую и страшную, они не ставят себе целью прекращение кровопролития, они жаждут крови. Для них война была империалистической войной. Но теперь мир для них — империалистический мир. В мире народов чувствуют они свою гибель. Они не хотят снять серые защитные куртки и приняться за мирный производительный труд. Они хотят перманентной войны. Они неспособны к творчеству, они боятся творчества. Да и никогда никакие революции не были творчеством.

5) В результате мировой войны народы должны прийти к тому же, к чему пришли в 1815 г., после наполеоновских войн, — к сознанию, что существуют мировые начала, стоящие выше эгоистических национальных интересов, к сознанию единства культурного человечества, не окончательно отпавшего от всех святынь, не окончательно предавшего святыни. Тогда образовался Священный Союз⁸, вдохновленный истинной идеей, но искаженный в своем практическом осуществлении и подпавший под дурное влияние Меттерниха. Священный Союз провозгласил истинный принцип, что все государства Европы должны стоять на страже христианской культуры, должны бороться против начал разрушительных. Народы не могут быть самодовлеющими в своем эгоизме, в исключительном преследовании своих интересов, они должны подчинить себя общеобязательной Правде. Этот принцип плохо осуществлялся и был искажен эгоистическими интересами, но это — истинный принцип. И теперь остро должны сознать* все народы и все государства, что существует Правда, которая должна быть всеми одинаково охраняема, что нельзя допустить разрушения духовных основ христианского мира, исторических священных преданий старой Европы. Старой христианской Европе, грешной и больной, но имеющей истинную духовную основу, грозит разрушение и гибель. И она должна объединиться для охраны своих духовных основ и возродиться. Европе грозят сумерки и тьма, быть может, на целые столетия, если она не найдет в себе положительных творческих сил, которые будут противиться силам разрушительным. Мировая социальная революция есть внутренняя опасность для Европы, и против нее должны объединиться все силы, и охраняющие, и творческие. И безумны те народы, которые не видят этой опасности и играют с огнем. Мировая война была уже карой за грехи старой Европы. Мировая революция может окончательно ее добить. Необходимо покаяние и возрождение к лучшей жизни. Крайний Запад, Америка и Крайний Восток, Япония и Китай могут прийти на смену Европе, и тогда понизится уровень духовной культуры, тогда прервутся священные традиции.

6) Мы должны сознать, что большевизм и есть революция, если под революцией не понимать внутреннего изменения, и есть революционная стихия в крайней и предельной ее форме. Во всех революциях торжествует большевизм. Якобинство во французской революции тоже было своего рода большевизмом. В революциях всегда торжествуют крайние течения, и ими не могут управлять

* Здесь и далее так у Н.А. Бердяева.

течения умеренные и разумные. Революционная стихия есть беснование, одержимость, в ней господствуют те, которые наиболее одержимы бесами. Наивно думать, что революциями могут управлять жирондисты или кадеты и правые с(оциалисты)-р(еволюционеры). Революция — болезнь, которая имеет свое неотвратимое течение, она должна быть изжита до конца. Она имеет свой закон. И если народ допустил себя до господства над ним этой бесовской стихии, то он должен подчиниться ее закону. В известный момент температура будет 41° и будет бред. И нужно прямо сказать, что те, которые радикально против большевизма, те — противники революции, те — контрреволюционеры. В этом отношении большевики правы: они представляют квинтэссенцию революции, они ее господа и ее рабы. В революциях господа всегда в то же время и рабы. Чтобы иметь право возражать против большевизма, нужно быть свободным от стихии революции, нужно охранять дух свой от одержимости и беснования.

7) Старая русская монархия была поражена внутренней болезнью. Давно была уже подорвана ее духовная основа. И это связано было прежде всего с ложными отношениями Церкви и государства, с несвободой и порабощением Церкви. То, что у нас "кесарю" воздавалось "Боже", отравило русскую монархию, ввело яд в ее организм. В положении Церкви в русском царстве была допущена религиозная ложь, и этот грех идолопоклонства не мог пройти даром. Эта религиозная ложь отрывала Россию от вселенского христианства. Сервиллизм русской Церкви по отношению к государству, национальности и царской власти был самым страшным злом старой России. И то, что русская революция разрушила старые отношения между Церковью и государством, есть, быть может, единственная правда революции, хотя и чисто отрицательная. Русская революция воздвигла гонение на Церковь, как и всякие революции, она — антихристианская и антихристова по своему духу, но для судьбы Церкви она будет иметь огромное значение. Отныне Церковь навеки останется свободной. Но русская Церковь или подвергнется протестантскому распадению, или произойдет окончательное воссоединение церквей и восстановление единства Вселенской Церкви. Убил русскую монархию Григорий Распутин. Он — духовный виновник революции. Связь царя с Григорием Распутиным мистически прикончила русское самодержавие, она сняла с царя церковное помазание. Царь перестал быть помазанником Божиим после того, как он связал судьбу свою с проходимцем-хлыстом, медиумом темных сил⁹. Это было роковым событием не только для русского царства, но и для русской Церкви. Власть Григория Распутина над русской Церковью была самым страшным событием в религиозной жизни русского народа. Так выявилась хлыстовская стихия в русском народном православии. Это была кара за русское религиозное народничество, обоготворявшее языческую народную стихию и оторванное от Вселенского Логоса, от Вселенской Церкви. После ужаса русской революции, тоже хлыстовской, после гибели старого русского православного царства нет возврата к старому. Отныне монархия может быть восстановлена лишь с сохранением свободы Церкви, лишь ограниченная духовно и соединенная с другими началами, свободными от хлыстовской стихии, с правами человека, священными и неотъемлемыми. И все-таки нужно признать, что зло старой русской монархии было преувеличено, что она имела свою большую миссию в истории, и что проклятой она оказалась потому, что ее столетие проклинали. Все-таки в Победоносцеве¹⁰ было больше вечной правды, чем в большевизме.

8) Революция не есть рождение новой России. Революция есть догнивание старой России, конец старого. В стихии революции действуют старые, рабы души. Революция — последствие старых грехов и болезней, расплата за прошлое, кара. В самой революции не родилось никаких новых, творческих мыслей и чувств. Революционная, большевистская Россия — это старая, рабья Россия, но в состоянии разложения и гниения, без всего положительного и священного, что было в прошлом, с одним отрицательным. В большевизме сконцентрировалось

все, что было злого и темного в старой России, насильнического, нигилистического, корыстного, бесправного, бесчестного. Все революции были концом старых болезней. Но никогда еще в таком чистом виде не были явлены отбросы и экскременты старого, как в русской революции. В русской революции не подымается человек, сознавший свое достоинство, свою первородную свободу, свои права. В ней человек окончательно забит и унижен. В стихии революции действуют гоголевские рожи и морды. По истине должна родиться новая Россия, и в ней должна раскрыться человеческая личность, должна явиться новая душа. Эта душа не явится от грабежей и насилия, от злобы, зависти и мести. Эта новая душа родится в глубокой духовной реакции против революции. Ткань нашего общества должна переродиться, новая клетка должна образоваться, более благородная клетка. Конец старой России и будет концом революционной России, концом русского нигилизма и русской революционной интеллигенции, концом русского народничества и русского безответственного социализма, рождением новой, ответственной личности, вдохновленной онтологическими и творческими идеями. И я жду, чтобы кончилась революция и началось духовное возрождение.

Москва, 25 октября 1918 г.

В правом верхнем углу первого листа автографа запись Е.Ю. Пана¹¹: К предполагавшемуся сборнику "Духовные основы Русской Революции". 1918. Москва.

Примечания

- ¹ С марта 1917 до июля 1918 г. Бердяев активно сотрудничал в московских еженедельниках "Накануне", "Народоправство", "Русская свобода", в журнале "Русская мысль". В библиографии его произведений учтено 42 статьи того периода. После июля 1918 г. его работы в российской периодической печати не появлялись.
- ² Бердяев анализировал взгляды В.Г. Белинского в таких работах, как "Истоки и смысл русского коммунизма" (М., 1990. С. 31—36), "Русская идея" (см.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 93—94). Он считал его представителем "левого западничества, чреватого будущим", "может быть, первым выразителем революционной интеллигенции", "предшественником русского марксизма".
- ³ Социологические воззрения Карла Маркса Бердяев называл "коллективистическим саморазложением гуманизма и коллективистическим колебанием образа человека". На его взгляд, Маркс "в конце концов увидел человека как исключительный продукт общества, класса и подчинил целиком человека новому обществу, идеальному социальному коллективу вместо того, чтобы подчинить общество человеку, окончательно освободить человека от категории социального класса" (Русская идея // О России и русской философской культуре. С. 127). Этому и другим противоречиям марксизма Бердяев посвятил ряд статей, а также главу в одной из последних своих работ "Царство Духа и царство Кесаря" (Париж, 1951. С. 113—135).
- ⁴ А.Ф. Керенский был сторонником "демократического социализма". По мнению Керенского, "социализм означает заботу о благе всего общества, без всяких изъятий, без гегемонии и диктатуры, без ущемления интересов одного класса ради выгоды другого и без более чем уничтожения того или иного класса" (см. воспоминания Г.А. Шахова о беседе с А.Ф. Керенским: ВИ. 1990. № 6. С. 114—115).
- ⁵ Бердяев считал большой заслугой Руссо в истории европейского человека то, что он много сделал "для разворачивания душевной жизни человека, для возникновения новой чувственности" (Самопознание. М., 1991. С. 289). Кровавую и страшную Французскую революцию Бердяев связывает непосредственно с именем Руссо: "Руссо начинает с восстания против устройства общества как источника всех зол, как угнетателя человека. Но кончает он тем, что заключает социальный контракт о новом устройстве общества. Это новое государство и общество по-новому будет угнетать человека. Отрицается неотъемлемое право и свобода человека, и прежде всего свобода совести. Руссо предлагает изгнать христиан из нового общества. Это дало свои плоды в якобинстве, которое носит тоталитарный характер" (Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С. 145—146).
- ⁶ М.М. Робеспьер считал себя учеником Ж.Ж. Руссо.
- ⁷ Диоклетиан Гай Аврелий Валерий — римский император в 284—305 гг., в правление которого императорская власть стала неограниченной, деспотической монархией. В русской историографии второй половины XIX в. было распространено мнение, что понятие императорской власти и

связанного с ним ритуала, заимствованные Диоклетианом у персидского царя, через Византию восприняли московские великие князья. При Диоклетиане была создана система всеобщего закрепощения, граждане империи всех сословий считались подданными императора. Бердяев усматривал в социалистических началах процессы, аналогичные системе закрепощения при Диоклетиане (Смысл истории. М., 1990. С. 133).

⁸ Акт Священного Союза, не похожий ни по форме, ни по содержанию на международные трактаты, был подписан 26 сентября 1815 г. в Париже русским императором Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом. Один из организаторов Священного Союза, Клеменс Венцель Лотар Меттерних, писал, что "Священный Союз... был единственно выражением мистических стремлений имп. Александра и приложением к политике принципов христианства".

Представление о том, что руководители Священного Союза создали впервые в истории "наднациональные и надпартийные" институты, которые могли бы обеспечить эффективный механизм для сохранения порядка и предотвращения хаоса в Европе, распространилось в историографии лишь после второй мировой войны (см., например, работы Т. Шидера, Р.А. Канны и др.).

⁹ Вопрос о том, принадлежал ли Г. Распутин к членам одной из сект духовных христиан — хлыстам, волновал многих его современников. Сохранилось свидетельство, что по просьбе члена 3-й Государственной думы А.И. Гучкова была устроена встреча Распутина с известным собирателем материалов о сектантстве В.Д. Бонч-Бруевичем, который пришел к выводу, что Распутин совершенно не разбирается в толкованиях сектантов, ни к одной секте не принадлежит, хотя и доброжелательно настроен по отношению к ним (см.: *Икскуль-Гиллебранд В. Кто такой был Григорий Распутин?* // ЦГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 56—60).

Бердяев рассматривал хлыстовство как "тип народной мистики и религиозной мысли", считая это понятие шире, чем "секта, называемая этим именем" (Духовное христианство и сектантство // Рус. мысль. 1916. Кн. XI. С. 31). О хлыстовстве как типе он писал в ряде статей, включенных в сборник "Духовные основы русской революции" ("Гибель русских иллюзий", "Интернационал и единство человечества", "Религиозные основы большевизма"). Бердяев видел в большевизме "новую форму исконного русского хлыстовства" (ЦГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 35). В статье "Гибель русских иллюзий" он писал: «Русская земля живет под властью языческой хлыстовской стихии. В стихии этой тонет всякое лицо, оно несовместимо с личным достоинством и личной ответственностью. Это бесовская стихия одинаково может из недр своих выдвинуть не лица, а личности Распутина и Ленина. Русская "большевистская революция" есть грозное всемирно-реакционное явление, столь же реакционное по своему духу, как и "распутинство", как черносотенское хлыстовство» (Там же. Л. 130).

О влиянии Распутина на судьбы России Бердяев писал также в книге "Истоки и смысл русского коммунизма" (С. 110).

¹⁰ Для Бердяева имя К.П. Победоносцева было символом "целой эпохи русской истории", "в его личности и в его деле ярко воплотилась связь православия с государственным абсолютизмом". Победоносцев, не веривший в богочеловечество и богочеловечность исторических судеб, являл собою знаменательный тип "нигилистического отношения к человечеству и миру на почве религиозного отношения к Богу". По мнению Бердяева, "это все та же теория и практика великого инквизитора, не верившего в человечество, спасавшего его с презрением и насильственно" (О небесном и земном утопизме // Век. СПб., 1907. № 17. С. 231—233).

¹¹ Рапп Евгения Юдифовна, урожд. Трушева (1875—1960/1), сестра жены Н.А. Бердяева. После его смерти хранительница архива ученого.

"НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ..."

(письма Н.А. Рожкова В.И. Ленину, 1919, 1921 гг.)

Николай Александрович Рожков назвал эти письма "смешным с моей стороны донкихотством", явно намекая на безнадежность борьбы с "ветряными мельницами большевизма". Он не мог не понимать, что его предельная откровенность ("Мы с вами разошлись слишком далеко. Может быть, и даже всего вероятнее, мы не пойдем друг друга") в условиях кровавой гражданской войны граничит с безрассудством, а откровенность такого рода из-за тюремной решетки опасна вдвойне. Наконец, он прекрасно знал: что произошло Горькому, от него не потеряют. И все же написал эти письма, предопределившие во многом его дальнейшую судьбу.

Человек разносторонне образованный, блестящий историк, ученый и педагог, Н.А. Рожков был убежден, что его профессиональные знания и навыки не только выработали у него обостренное чувство времени, но и наложили особую ответственность за судьбу России. Он слишком хорошо знал историю этой страны, чтобы ошибаться, много занимался экономическими проблемами, социологией, философией, всеобщей историей.

Публикуемые письма сами по себе настолько ярки, что не требуют подробных комментариев. Внимательный читатель без труда не только оценит своевременность, значимость и правоту идей Рожкова, но и поразится актуальности многих из них для дня сегодняшнего. И все же значение писем не будет до конца раскрыто, если не остановиться на их месте во взаимоотношениях Рожкова с Лениным — теме чрезвычайно тонкой, а до недавнего времени попросту запретной.

"Привет". Этим словом заключенный Рожков попрочит свое последнее письмо вождю мирового пролетариата, и оно показалось бы неуместной фамильярностью для того, кто не знает об их давнем знакомстве. Почти ровесники (Рожков родился в 1868 г.), они впервые встретились весной 1905 г., когда Ленин приехал в Москву с проектами резолюций к Стокгольмскому съезду РСДРП, а Рожков, недавно ставший большевиком и уже избранный членом МК партии, участвовал в обсуждении этих проектов¹. Их почти ежедневное общение продолжалось в 1906—1907 гг., когда, перейдя на нелегальное положение, Ленин, Рожков и К^о жили на даче в Куоккале.

После поражения революции их пути разошлись — Ленин скрылся за границу, а Рожков, избранный к тому времени членом ЦК РСДРП, оказался одним из немногих цекистов, не пожелавших уезжать из России. В 1908 г. он был арестован и сослан в Сибирь, где произошла серьезная эволюция его взглядов. Рожков пришел к выводу, что метод двух "в" (вооруженное восстание) отжил свой век, и настаивал на особом развитии легальной работы². Еще в декабре 1909 г. Ленин в письме И.И. Скворцову-Степанову упомянул Рожкова в числе "старых друзей"³. Все изменилось после публикации статьи Рожкова в журнале "Новая заря" (1911. № 9—10), которую Ленин назвал "Манифестом либеральной рабочей партии". Он посчитал ее настолько важной, что не только посвятил ей специальную работу, но и сделал в Париже публичный реферат, выдержанный в характерном для Ленина публицистически-безжалостном ключе. "Он (Рожков. — С.Ж.) последовательнейшим образом, от начала и до конца, подменяет марксизм либерализмом"⁴. И надо было знать характер Ленина, чтобы понять, что это приговор их взаимоотношениям. В случае с Рожковым (как с Мартовым и другими) подтвердилась ленинская черта, когда политические взгляды, а не человеческие качества становились определяющими критериями его симпатий и антипатий.

Февральская революция 1917 г. застала Рожкова в ссылке в Ново-Николаевске, где он стал товарищем председателя местного ревкома. В марте 1917 г. он едет в Москву и участвует в создании организации социал-демократов объединенцев, ставивших целью объединение большевиков и меньшевиков в единую партию. Эпизодом, который никогда не будет ему прощен, стала работа в мае—июле 1917 г. товарищем министра Временного правительства⁵. В августе 1917 г. Рожков вступает в партию меньшевиков и вскоре становится членом ее ЦК. "В

¹ БСЭ. М., 1975. Т. 22. С. 171—172. См. также автобиографию Н.А. Рожкова, написанную им в 1924 г. для Энциклопедического словаря Гранат, в сборнике "Памяти Н.А. Рожкова" (М., 1927). С. 3—15.

² Там же.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 223.

⁴ Там же. Т. 20. С. 399.

⁵ БСЭ. Т. 22. С. 171—172; Памяти Н.А. Рожкова. С. 8—10.

партии меньшевиков поддерживал левое крыло во главе с Мартовым, в последний раз выступал от партии осенью 1920 г. на выборах в Петроградский Совет, отстаивая блок меньшевиков с большевиками", — запишет он в своей автобиографии⁶. Стараясь быть предельно честным в любых условиях, Рожков не скрывал своего негативного отношения к Октябрьскому перевороту, считал победу большевиков во многом случайной, но не смог остаться сторонним наблюдателем трагедии.

Публикуемые письма обнаружены в фонде В.И. Ленина (ф. 5) в РЦХИДНИ.

Первое свое письмо Ленину от 11 января 1919 г. Рожков передал через М. Горького. Нам удалось найти неопубликованное сопроводительное письмо Горького Ленину, в котором он, в частности, писал: "Дорогой Владимир Ильич! Н.А. Рожков вручил мне для передачи Вам прилагаемое письмо; позвольте и мне присоединить к этому письму некоторые соображения. Считаю, что разрешение свободной торговли (на чем настаивал Рожков. — С.Ж.) недопустимо принципиально и неосуществимо практически в условиях отчаянной разрухи транспорта и той анархии, кою плодит... власть на местах. Но всемерно присоединяюсь к идее Вашей личной диктатуры, понимая под этим самую строгую централизацию власти в Ваших руках или в руках Вами намеченных и выбранных коллективов работников, подобных Л.Б. Красину. Уверен, что только это может спасти русскую, да и германскую революцию, потому что если мы не накормим немцев, они проиграют игру (Горький имел в виду революционную ситуацию в Германии после победы буржуазно-демократической революции 1918 г. — С.Ж.)... Дорогой Владимир Ильич! Надо что-то делать и как можно скорее. Я вовсе не панический человек, но положение становится угрожающим"⁷. Мы видим, что критическая оценка ситуации у Рожкова и Горького совпадает, как и идея диктатуры в качестве единственной возможности выхода из положения. Обратим внимание на дату письма Рожкова — именно 11 января 1919 г. был опубликован декрет, вводящий продразверстку и запрещающий свободную торговлю.

Нет сомнения, что письмо Рожкова дошло до адресата и было прочитано Лениным. Ответа не последовало. Впрочем, очень скоро самим фактом введения нэпа Ленин был вынужден признать правоту оппонента. В это время Рожков был уже посажен в тюрьму якобы за связь с Кронштадтским мятежом и как член Петроградского комитета РСДРП меньшевиков. Его жизнь висела на волоске, а он осмелился в мае 1921 г. из Петроградского дома предварительного заключения убеждать Ленина в необходимости демократизации страны и введения выборов в Советы тайным голосованием, предоставления юридических гарантий предпринимательства и ограничения диктатуры пролетариата. Каков же был ответ Ленина?

Прежде всего очевидна его причастность к аресту Рожкова. Еще в конце марта — начале апреля 1921 г., составляя план брошюры "О продовольственном налоге", Ленин записал об эсерах и меньшевиках "(Дан, Рожков и К°, Мартов и К°)": "Место им в тюрьме, а не на *беспартийной* конференции"⁸. Кроме того, в записке Молотову, адресованной членам Политбюро ЦК РКП(б), он предлагал "репрессии против меньшевиков усилить и поручить нашим судам усилить их"⁹.

Тем временем Рожков на допросе заявил, что, хотя и разделяет убеждения меньшевиков о неизбежной гибели Советской власти, он не желает принимать участие в политической борьбе и намерен выйти из партии. На этом основании Петроградская губчека поставила вопрос о его освобождении. Но Политбюро ЦК

⁶ Памяти Н.А. Рожкова. С. 12.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 981. Л. 1—2.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 387.

⁹ Там же. Т. 54. С. 148.

31 мая 1921 г. постановляет не освобождать Рожкова, а когда через некоторое время постановлением Президиума ВЧК он все же был выпущен на свободу, Ленин оказался в числе недовольных. В письме Г.Е. Зиновьеву от 31 января 1922 г. он упрекнул его в "неосновательных поблажках" меньшевикам. "Например, решено было Рожкова не выпускать на свободу. Между тем он выпущен без всякого решения Политбюро. Думаю, что кроме вреда от такой тактики ничего не будет"¹⁰. Можно ли придумать более красноречивый ответ на письмо Рожкова?

Осенью 1922 г. Рожков вновь оказывается за решеткой. Несмотря на его заявление о выходе из партии и отказе от политической деятельности, 26 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение выслать его за границу. Однако, судя по всему, среди большевистского руководства не было единства по этому вопросу. 7 декабря 1922 г., изменив первоначальное решение, Политбюро постановило высылку Рожкова отложить. Интересно, что члены Политбюро по существу скрыли от Ленина повторное рассмотрение этого вопроса, видимо зная его непримиримую позицию. Именно такой вывод можно сделать из телефонограммы Ленина Сталину, продиктованной 8 декабря 1922 г.: "Я оспариваю законность принятого вчера решения о Рожкове, ибо:

во-первых, это решение, вопреки обычаю и уставу, не было занесено в повестку до 12 часов дня;

во-вторых, документы не были предварительно сообщены членам ЦК;

в-третьих, никаких оснований к спешности после двухкратного обсуждения этого вопроса не было, тем более что я присутствовал на первой части заседания, и вопрос как раз пошел после того, когда мне пришлось удалиться. Поэтому я настаиваю на передаче вопроса в пленум, тем более что до пленума осталась только одна неделя"¹¹.

Цепляясь за формальные основания для пересмотра дела, Ленин был не согласен с принятым в его отсутствие решением по существу. Рожкову он не верил. В этом убеждает посланное в тот же день письмо Зиновьеву: "г. Зиновьев! *Ни капельки* не подозреваю Вас в пристрастии к Рожкову. *Ни капельки!* Но по сути дела очень боюсь: он соврет сколько угодно, *хотя бы и в печати*. Соврет, и мы будем обойдены. Вот чего я боюсь. У них лозунг: ври, уходи из партии, оставайся в России. Вот о чем надо подумать и поговорить"¹². 14 декабря 1922 г. Политбюро ЦК окончательно решает судьбу Рожкова — выслать в Псков и в случае первого же антисоветского выступления выслать из Советской России.

Ссылка длилась полтора года — после смерти Ленина весной 1924 г. Рожкову разрешают вернуться в Москву, где он вплоть до смерти в 1927 г. успешно занимался научно-преподавательской деятельностью. По воспоминаниям знавших его людей, Рожков до последних дней не скрывал разногласий с официальной линией партии, шутил, что у него 25% меньшевизма или что он не коммунист, а старый большевик¹³.

Говорят, что Сервантес запечатлел в образе Дон Кихота классический идеал интеллигента всех времен и народов. Если так, то историк волею божьей и порядочный человек Николай Александрович Рожков не уронил честь русской интеллигенции.

С.В. Журавлев

¹⁰ Там же. С. 149, 608. См. также: Т. 43. С. 238.

¹¹ Там же. Т. 54. С. 320, 669.

¹² Там же. С. 319—320.

¹³ Памяти Н.А. Рожкова. С. 16—17, 31.

Петроград, 11 января 1919 г.

Владимир Ильич,

Я пишу Вам это письмо не потому, что надеюсь быть Вами услышанным и понятым, а по той причине, что не могу молчать, наблюдая положение, которое мне кажется отчаянным, и должен сделать все зависящее, чтобы предотвратить угрожающие несчастья. Должен предпринять даже безнадежную попытку.

Хозяйственное, в частности продовольственное, положение советской России совершенно невозможно и с каждым днем ухудшается. Близится конечная страшная катастрофа. Не буду сейчас говорить о причинах ее в общехозяйственном смысле — об этом, если Вы того паче чаяния пожелаете, можно написать особо, — пока же буду вести речь только о продовольственном вопросе. Положение здесь таково, что почти половина населения Петрограда обречена на голодную смерть. При таких условиях Вы не удержитесь у власти, хотя бы никакие империалисты и белогвардейцы Вам непосредственно не угрожали. Вам, экономисту, это должно быть понятно.

Не помогут и все Ваши угрозы заградительным отрядом: в стране господствует анархия и Вас не испугаются и не послушают. Да если бы и послушали, то ведь дело не в этом — дело в том, что вся Ваша продовольственная политика построена на ложном основании. Кто мог бы возражать против государственной монополии торговли важнейшими предметами первой необходимости, если бы производство могло снабдить ими население в достаточном количестве. Но это невозможно. Вы этого не можете и не сможете. Нельзя же, не рискуя собственным существованием, брать на себя ответственность за дело заведомо безнадежное. Сохраните Ваш аппарат снабжения и продолжайте его использовать, но не монополизуйте торговли ни одним предметом питания, даже хлебом. Снабжайте чем можете, но разрешите вполне свободную торговлю, диктаторски предпишите всем местным советам снять все запрещения ввоза и вывоза, уничтожьте все заградительные отряды, если нужно, даже силой. Без содействия частной торговой инициативы Вам, да и никому не справиться с неминуемой бедой. Если Вы этого не сделаете, сделают Ваши враги. Нельзя в 20-м веке превращать страну в конгломерат средневековых замкнутых местных рынков: в начальном средневековье, когда население в пределах нынешней советской России было в двадцать раз меньше, это было естественным. Теперь это вопиющая нелепость.

Мы с Вами разошлись слишком далеко. Может быть, и даже всего вероятнее, мы не пойдем друг друга. Но положение, по-моему, таково, что только Ваша единоличная диктатура может пресечь дорогу и перехватить власть у контрреволюционного диктатора, который не будет так глуп, как царские генералы и кадеты, по-прежнему нелепо отнимающие у крестьян землю. Такого умного диктатора еще пока нет. Но он будет: "было бы болото — черти найдутся". Надо перехватить у него диктатуру. Это сейчас можете сделать только Вы, с Вашим авторитетом и энергией. И надо сделать это неотложно и в первую голову в наиболее остром, продовольственном деле. Но, конечно, этим ограничиваться нельзя. Надо всю экономическую политику пересмотреть, *имея в виду социалистические цели*. И опять-таки нужна будет для этого диктатура. Пусть съезд Советов облечет Вас чрезвычайными полномочиями для этого. Для чего именно "этого" в смысле общезкономической в первую голову, а затем в связи с этим и всякой другой политики — об этом я, если хотите, напишу Вам в другой раз. Ваше дело судить и решать, нужно ли это. Мне и это мое письмо кажется смешным с моей стороны донкихотством. Ну пусть в таком случае оно будет первым и последним.

Н. Рожков

Владимир Ильич, я пишу Вам это письмо, следуя непреодолимой потребности сделать все от меня зависящее для предотвращения печальных, с моей точки зрения, возможностей. Я, конечно, и на этот раз почти никакой надежды на успех не имею, убедить Вас не рассчитываю, но все же не писать не могу.

Вы встали на верный путь в последнее время в Вашей экономической политике. Все, кому дороги интересы революции и социализма, могут это только приветствовать. В хозяйственной области надо сделать главное — восстановить индустрию и, как Вы сами понимаете, при помощи тех форм, которые Вы называете "государственным капитализмом", то есть при участии и частной инициативы. Но, насколько я понимаю, Вы не имеете в виду делиться властью ни с какой группой или организацией, Вы намерены сохранить во что бы то ни стало коммунистическую диктатуру. Коммунистическая партия принимает таким образом на себя одну ответственность за проводимую Вами через ее посредничество политику. Правду сказать, эта ответственность очень тяжела, и я не думаю, чтобы у кого-нибудь явилось желание ее разделить: брать на себя это тяжелое бремя еще можно по необходимости, но по доброй воле — никогда. Поэтому пускай себе продолжалась диктатура, если бы ее важнейшая объективная задача времени — восстановление индустрии при участии частной инициативы, в форме "государственного капитализма" была разрешена. Но ведь совершенно ясно, что без юридических гарантий, без правового порядка частная инициатива невозможна: рабов ленивых и лукавых, пиявок, которые без пользы дела будут сосать все тот же казенный тощий кошелек, Вы, может быть, и найдете, но настоящие предприниматели не пойдут без юридических гарантий. Значит, нужен какой-то правовой порядок, исключающий полную по крайней мере диктатуру, хотя бы частично ее ограничивающий. И это тем более, что коммунистическая партия, именно потому, что она коммунистическая, не может препятствовать свободной защите классовых интересов пролетариата рабочими профсоюзами и будет, естественно, направлять и государственный аппарат на защиту интересов рабочего класса. При таких условиях предприниматели должны были бы явиться просто овцами, добровольно отдающимися стрижке. На это они, конечно, не пойдут, и объективная задача времени останется нерешенной.

Таким образом, как бы ни целесообразна была экономическая политика, она нуждается в юридических дополнениях. Минимально необходимые из них — это *постепенное* введение выборов в Советы тайным голосованием. Можно и должно начать сначала в тех местностях, где коммунистическое преобладание не подлежит сомнению, и затем постепенно и последовательно, в течение ряда месяцев, может быть целого года, распространить тайное голосование дальше. Переизбранные таким образом Советы при условии свободной агитации социалистических партий приобретут большой авторитет и санкционируют тот минимум правовых гарантий, который один только способен вызвать к жизни частную предпринимательскую инициативу под контролем государства. Я не вижу иного выхода, и смею Вас уверить, что без этой меры, разумно и планомерно проводимой, катастрофа самая ужасная, глубоко печальная и безусловно вредная, неизбежна. Это убеждение и заставило меня написать Вам эти строки. За них ответствен, конечно, только один я.

Привет. Н.Рожков

Петроград, Шпалерная, 25. Дом предварительного заключения
11 мая 1921 г.

Перед текстом письма запись от руки: т. Ленину 24.5.21

Петроградская Губ. Ч.К. препровождает при сем письмо арестованного Н.А.Рожкова

РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1315. Л. 1—6. Автограф.

ДОКЛАД М.М. БОГОСЛОВСКОГО О В.О. КЛЮЧЕВСКОМ НА ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕСТВА "СТАРАЯ МОСКВА"

В 1920-е годы, когда в вузах СССР историография не преподавалась, важная роль в сохранении, развитии и распространении историографической культуры принадлежала краеведческим обществам, на заседаниях которых заслушивались и обсуждались многочисленные доклады и воспоминания об отечественных историках.

Изучением жизни и творчества В.О. Ключевского и увековечением его памяти энергично занималось в 20-е годы общество "Старая Москва". Памяти В.О. Ключевского было полностью посвящено заседание "Старой Москвы" 4 октября 1928 г., собравшее 165 человек. Сохранившийся протокол этого заседания, в котором изложены выступления В.А. Адольфа, М.М. Богословского, И.К. Линдемана, Н.П. Розанова, М.С. Саламытовой и упомянуто выступление с воспоминаниями А.И. Яковлева, представляет большой историографический интерес.

Доклад М.М. Богословского 1928 г., сопоставленный с его опубликованными в 1912—1914 гг. статьями и воспоминаниями, содержит немало новых штрихов биографии В.О. Ключевского¹.

Предлагаем читателям ознакомиться с изложенным в протоколе докладом М.М. Богословского о В.О. Ключевском.

С.Б. Филимонов

«М.М. Богословский помнит В[асилия] О[сиповича] с середины 80-х гг. XIX в., когда В.О. был уже крупным и популярным ученым, автором книги "Жития святых", которая сохранила свою свежесть до сих пор, "Боярской думы", в которой В.О. вместе с историей учреждения дал и историю верхнего класса, попутно коснувшись истории и других классов. Тогда же был выработан для Духовной академии и "Курс русской истории". "Курс" давал много нового и оригинального в освещении русской истории, хотя корни его можно проследить в предыдущей историографии. "Курс" распространялся в широких массах.

Основные идеи, появившиеся в недавнее время, для учеников В.О. были не новы. Школа его разветвилась и дала группу марксистов — М.Н. Покровский, Н.А. Рожков и др. — и другую, не подчеркивавшую резко основных направлений. Идеи, изложенные в "Курсе", коренились в предыдущей историографии и поэтому имели прочное основание. Они были только блестяще исследованы и развиты В.О., но, например, история боярского класса вполне оригинальная.

В значительной степени "Курс" имел влияние также благодаря необычайной форме, в которой он подносился слушателям: к точности, стройности и красоте формулировок надо добавить изящество слова. Речь В.О. производила впечатление красочной передачи. Характеристики передавались с большим драматизмом. Словами впечатление от его лекций передать нельзя. Аудитория В.О. всегда была переполнена. Популярность его была настолько велика, что, например, курсистки, которым был воспрещен вход в университет, передевались в студенческое платье и остригали волосы.

Ключевский был одной из замечательных принадлежностей старой Москвы. Интеллигентную Москву конца 70-х — 1910 г. нельзя представить себе без В.О.; он любил Москву и прирос к ней. Из Москвы он выезжал только на дачу, и

¹ См. также: *Филимонов С.Б.* Доклад М.М. Богословского о В.О. Ключевском на заседании общества "Старая Москва" // В.О. Ключевский и современность: (Тезисы докладов на Всесоюзных научных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка.) Пенза, 1991. С. 147—148. Обзор других материалов "Старой Москвы" о В.О. Ключевском см.: *Филимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / Под ред. и предисл. С.О. Шмидта. М., 1989. С. 39—41.

еженедельно в Сергиев Посад на 2 дня. Неохотно выезжал в СПб на заседания. Был избран членом Государственного совета, но от этого звания отказался, чтобы не покидать Москвы. Был действительным членом Академии наук, но не участвовал ни на одном заседании. Выезжал 2 раза на Кавказ преподавать историю наследнику. В.О. любил Замоскворечье; в 80-х гг. жил на углу М. Полянки и Петропавловского пер. в д. Хвостова на 2-ом этаже. Кабинет с простой обстановкой. Стены без украшений. На столе необыкновенный порядок. Комнаты были залиты солнечным светом, без которого В.О. себя плохо чувствовал. В квартире — обилие растений. На полах — старинные дорожки. Жил он здесь до конца XIX или начала XX в. После он купил дом на Житной ул. Квартира была большая, но обставлена одинаково с прежней.

В.О. был общественный деятель. Он был исключительно ученый и профессор, в чем и заключалась его общественная деятельность. Он выступал в памятных для москвичей диспутах. Публичные выступления В.О. начались с 80-х гг., со времени открытия памятника Пушкину, когда В.О. выступил с докладом о ценности произведений Пушкина как исторического источника. В 1887 г. в день 50-летия смерти Пушкина В.О. выступил с докладом "Евгений Онегин и его предки". Общественная деятельность В.О. не выступала за рамки его научной работы.

В.О. отличался большим гостеприимством. После заседаний Общества истории и древностей Российских, где В.О. был сначала деятельным членом, а после и председателем, участники заседания обычно отправлялись к В.О. на квартиру, и иногда эта часть заседания бывала значительно интереснее официальной.

Шумно праздновались именины В.О. 30/1, по старому русскому обычаю. Гости начинали появляться к раннему завтраку и шли непрерывным потоком до поздней ночи. В.О. был желанным гостем, как необычайно интересный собеседник. Он сверкал как фейерверк блестящими остроумия, которое являлось особенностью его характера.

В.О. ждет своей биографии. Придет время, когда В.О. будет поставлен памятник как выдающемуся научному деятелю. Он умер 18 лет назад, но для тех, кто его знал, он как будто жив до сих пор».

ОР ГБЛ. Ф. 177. К. 2. Д. 10.

ИЗ СБОРНИКА "ИХ ПРИЗВАНИЕ — ИСТОРИЯ"

"Их призвание — история" — сборник писем выпускников исторического факультета МГУ 1941 г., погибших на войне, подготовленный к печати в МГУ. Предисловие и эпилог написаны М.Я. Гефтером. Ему же принадлежат и вводные тексты к разделам, в которых сгруппированы письма по признакам близости судеб их авторов. Тексты писем сопровождаются характеристиками погибших товарищей, воспоминаниями о них. Число писем, вошедших в основной корпус сборника, — 56. В приложении — 30 писем с запозданием поступивших в распоряжение составителей Л.В. Максаковой и И.С. Торелик. В подготовительной работе приняли участие С.И. Антонова, Е.С. Пестковская, Т.В. Равдина, Л.Н. Расопчина. Работа над рукописью сборника была закончена весной 1985 г. Оригиналы писем находятся у адресатов. Фотографии выпускников имеются в альбоме, в комнате боевой славы истфака МГУ (заведующая С.И. Антонова).

За эти годы вышли отдельные газетные публикации, связанные с материалами сборника. Первая из них "Сквозь годы" (Моск. комсомолец, 1983. № 109). О сборнике упоминала Э. Максимова в статье "Великое поколение" (Известия, 1985. 23 марта). Газета "Советская культура" 23 июня 1990 г. под названием

"Они вернутся" поместила эссе М.Я. Гефтера и тексты двух писем — И. Кору и М. Гинзбурга (от 10 июля 1941 г.). В статье М. Гефтера "Человек против человека, человек за человека" (Известия. 1991. 20 июня) приведены отрывки из писем Я. Пинуса 1944 г.

Данная публикация представляет собой краткое извлечение из сборника. Составители рассматривают ее не только как исторический, но и как человеческий документ, в котором запечатлены черты поколения, отстоявшего Родину.

Е.Ю. Буртина

Они вернутся

*Это было при нас.
Это с нами вошло в поговорку.
И уйдет...
Стерся след,
Были нет,
От нее не осталось примет.*

Б. Пастернак

Не правда ли, какое странное несовпадение? "Это с нами вошло в поговорку". А *были нет*. Даже примет от нее не осталось. Даже следа.

Таково право поэта: метафорической сшибкой опспорить здравый смысл, настаивающий на нерушимости времен. Тем паче, что говорит он (в середине 1920-х) о юности "отцов", чья родословная восходит к интеллигентскому, разночинскому XIX в., призванному воплотиться, а затем и круто оборваться в революции. В конце 80-х эти строки читаются как будто написанными заново — о совсем другом поколении. О нашем поколении, от которого остались считанные единицы. О выбитом из жизни в начале жизни. О выживших, которые призваны исполнить последний долг, трудный и мучительный долг свидетельствования, атакуемый и извне, и изнутри родственными позывами самооправдания и покаяния.

Этот долг — работа, обладающая особенным свойством. Она не только неисчерпаема, но, вероятно, и неисполнима: полностью до искомого завершения. Ибо она обращена одновременно и к тем, кому еще быть, и к тем, кто ушел, когда им было вдвое меньше, чем моему старшему сыну. Ушел, но еще вернется. Ушел, чтобы вернуться. Я употребляю последнее слово в буквальном смысле и, чтобы читатель не заподозрил меня в мистике (хотя, что зазорного в ней?), хочу пояснить отнюдь не простую буквальность, которую имею в виду.

Несколько лет назад некоторые проживающие в Москве выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. решили собрать воедино и издать сохранившиеся письма своих сокурсников, погибших в сражениях Отечественной войны. Одна встреча предваряла другую. Мы воочию ощутили вес времени. Некоторые из нас не виделись десятилетиями; расставались юными, встретились на закате жизни. Но даже тех, кто сохранял связь, ждало потрясение. Извлеченные из нетронутых годами хранилищ фронтовые треугольники, послания из госпиталей нарушили хрупкое равновесие, без которого человек, даже пройдя самое тяжкое, не может существовать, дышать, жизнедействовать. А кто возьмется одним словом, пусть самым выразительным суммарным знаком передать то, что произошло с каждым из нас и со всеми нами вместе за ту череду "эпох", начальный рубеж которых приходится на середину роковых тридцатых и на то утро 1-го сентября 1936 г., когда мы собрались впервые в актовом зале старинного обветшалого казакского особнячка на Герцена 5, ставшего на пятилетие нашим домом?! Теперь, услышавшие как будто впервые голоса сверстников — вести из мира, которого уже нет, мы вновь ощутили, что нужны друг другу: вновь, но по-другому, чем раньше, чем вчера, чем даже тогда, когда зародились наша дружба,

наша близость. "Мы заново пережили боль и счастье пережитого и увидели в нем какой-то смысл, предначертанность, о которой ранее смутно догадывались, не очень задумывались, да и не должны были задумываться".

Я выделяю эту мысль, высказанную по горячим следам одной из нас, этот вышедший наружу внутренний диалог, связанный и столкнувшийся *смысл с предначертанностью*. Предначертанность, иначе говоря, гибель. Предначертанная гибель. Гибель людей, каждый из которых неповторим. И гибель поколения, которое за вычетом погибших уже не смогло состояться как поколение. В чем же тогда смысл? И был ли он вообще *смыслом*?

Сегодня этот вопрос с неуходящей остротой задают себе и те, кто заново передумывает все прожитое и пережитое, и те, кто, оборачиваясь назад, стремится угадать предстоящее им. Вот почему столь ценится ныне человеческий документ. Достоверность теснит вымысел, но сама по себе также неспособна исчерпать жажду узнавания, потребность распознать тайну: как же люди жили в "то время"? Парадокс 1980-х — узнавание не сокращает территорию этой тайны, а, напротив, раздвигает ее границы. Оно и понятно. Возрожденная память, только вобравши в себя *все судьбы, все коллизии* прошлого, окажется способной добраться до корней, до истоков, какие не зачистишь ни по одному врозь взятому духовному ведомству, идейному стану или клану.

В кипении нынешних страстей могут показаться и наивными, и старомодными чувства, запечатленные в письмах полувековой давности. Надеюсь, что читатель не поддастся этому искушению. И не только ради справедливости, которая никогда не может быть лишней. Есть побудительные мотивы и поглубже. Позади нас не только попранные жизни, разгул жестокости, царство произвола, все, что, казалось, исключало и чистоту помыслов, и выживание человечности. Исключало, но не могло исключить до конца. Не могло искоренить близость, любовь, верность. И даже то, что на расстоянии представляется чистейшим самообманом, при более пристальном рассмотрении обнаруживает признаки духовной работы, которая, если бы даже она и не противостояла — открыто — господствующей догме, но и не исчерпывалась ею: ни в частностях смысла, ни еще более в слове, в том, что можно бы назвать речевым сознанием и речевым поведением. Последнее отнюдь не деталь, не малозначащая подробность. Интонация — великая вещь. Ею различаются и отдельные люди, и целые человеческие генерации. Сейчас нелегко понять, как совмещались в нашем тогдашнем бытии газетный клич и Пастернак, мятущиеся мхатовские "Три сестры" и студийский Зяблик из "Города на заре", нежный и бескомпромиссный, живущий сиюминутным завтра? Легко ли понять, как в те годы, которые теперь не называют иначе как страшные, в нашей университетской жизни находилось место (и весьма примечательное место) шутке, остроте, игре в слово? Конечно же, это была дань возрасту, умственная гимнастика молодости. Но тут замешан и нравственный инстинкт самозащитный и жаждавший развития, тут и в подспуде все, что, перерабатываясь в слове, дает в осадке личность или то, что предшествует ей. Вот почему, не рискуя назвать своих скоротечно погибших друзей антисталинистами, я решительно отклоняю и противоположное суждение.

То несостоявшееся поколение было *рубевным*. Как-то в разговоре с иностранным коллегой, доброжелателем, допытывавшимся, что же мы представляли собою в преддверии войны, я обронил: уже не фанатики, еще не карьеристы. Может быть, сказанное грешит упрощением. Мы все-таки были разные. Но то, что объединяло нас, в подавляющей части своей прямо со школьной скамьи шагнувших в университет, то, что видится сквозь десятилетия как родовая черта, можно без натяжки назвать бескорыстием, еще только ищущим свою точку приложения, собою находимое поприще: профессиональное и человеческое, для нас тогда неотделимые друг от друга. История читалась как хроника вчерашнего дня, как живой

пролог в будущее. Это ощущение нелегко передать, а разбор его ближних и дальних следствий требует отдельного разговора. Одно можно сказать — если эта двуединая связь и не предвосхищала Судьбы, то она исподволь готовила ее. Для многих, для лучших ею оказалась гибель. А за шаг до нее — человеческий взлет. И в самой гибели непредсказуемо соединились злая воля обреченного на гибель с добровольностью — свободой последнего выбора.

Тремя годами раньше этой развязки шестеро наших однокурсников путешествовали по р. Белой. Были куплены две шляпки, одну назвали "Улыбка", другую — "Историк-марксист". Введен был и устав совместной "холостяцкой" жизни, а события ее заносились в лирико-иронический дневник. Под 7 августа 1939 г. в этой летописи рассказывается о восхождении на "ближайшую гору". Упивались "чистым горным воздухом, мягкой щекочущей травой". "Насладясь, отправились еще выше, где улеглись на лужайке и принялись беседовать о самых различных материях, о народах, об американцах в частности и о правильности нашего представления о них, об Олдингтоне, о Хемингуэе, о будущей войне и о наших шансах попасть в малую кровь — всего не перечтешь".

Дежурный автор заканчивает полусерьезным вопросом: а не болтлив ли мы, и если да, то в какой степени? Да, они любили поболтать, эти двадцатилетние. И наверняка, очень бы удивились, если бы кто-то дальнзоркий предрек, что запись, сделанная в закамской глухомани, в том памятном месяце того памятного года (16 дней до союза Сталина с Гитлером), спустя полвека заставит вздрогнуть нас ("малая кровь": из шестерых в живых остался один) и что где-нибудь в конце XX в., а то и в XXI столетии уже другой историк станет рассматривать в лупу эти сейчас уже едва различимые карандашные строки, сияясь понять — мудрыми они были или слепыми, а может быть, теми и другими в одно и то же время и, может, оттого безмятежными и уверенными в себе и на самой кромке беды?

Иной раз я напрягаю воображение, чтобы представить: вот открывается дверь и входят они, один за другим. Точно такие же, как в день прощания. Я отгоняю этот призрак. Мне страшно думать, что могла бы сделать с ними жизнь. Неужто наша религия дружбы не выдержала бы самых жестоких испытаний на разрыв, на разлом, которые несла в себе агония сталинской власти над судьбами и душами? Или, напротив, она еще сильнее сплотила бы нас, и мы своей общей поколенческой волей много раньше перетянули бы чашу весов — в пользу Жизни?

Ответов нет, есть вопрос. Вопрос, адресованный ныне живущим: может ли предначертанная гибель тех передаться в наследство как великий смысл?

Ответов нет, но он придет. Вместе с ними — навсегда двадцатилетними. Их час еще впереди. Я верю: он близок. Час очищения от лжи и самодовольства и час согласия. Согласия живых с живыми, которого не достичь без согласия с живыми мертвыми.

М. Гефтер

1

Иван Прокофьевич Кора (1917—1942). Крестьянский сын. Избрал профессией историю России, отличаясь упорством в добывании знаний. Начал войну участием в строительстве оборонительных сооружений на Десне. 16 октября 1941 г. вступил добровольцем в отдельный истребительный батальон Красной Пресни; затем партизанская жизнь (Смоленщина, Орловщина, Брянские леса). Погиб в бою.

30 апреля 1941 г.

Здравствуйтесь, дорогие папа, мама, сестра Зина!¹

Время, подобно скорому поезду, несет нас по рельсам жизни. Новая весна уже в разгаре. Завтра 1-е Мая. Каким счастливым себя чувствуешь в эти дни! Юность тела и мозга под действием юности времени года превращает тебя в скопление энергии, бодрости и веселья. Хочется жить нараспашку. Так жить, чтобы каждый

твой нерв чувствовал, что ты живешь. Ах как хорошо жить! Перед тобой еще добрая половина жизни, вся ее творческая и созидательная часть. Твори, создавай, делай все, что ты способен делать. Все к твоим услугам. Тебя поддержат, тебе помогут. Такое мое настроение в данную минуту. Не упрекайте меня в легкомыслии. Я говорю вполне осознанно. Перед вами я изливаю все чувства моей души. Как видите, они здоровы и хороши. Но к этим чувствам счастья и радости примешалось, как табак к муке, чувство тревоги, и оно омрачает мою душу. Оно не покидает меня во время сна и бодрствования. Оно с силой самого мощного магнита тащит меня домой. Я вас всех люблю. Дороже вас для меня никого нет и не будет. И вот сознание, что дорогие мои мама и сестра больны, делает меня угрюмым. Как бы я хотел помочь вам! Чтобы вернуть вам здоровье, я на все готов! Лишь когда вы будете счастливы, буду вполне счастлив я. Не будем жалеть время и средств для достижения нашего общего счастья. Я постараюсь как можно раньше приехать к вам. Привезу все, что вы просили и даже больше. Денег у меня вполне достаточно. И право, я на вас в малой обиде за то, что вы прислали 50 рублей. Я хотел их совсем не получать, чтобы их возвратили вам обратно. Потом раздумал. Но это последний раз я принимаю от вас деньги. Они вам самим нужны. У меня же их достаточно. Вот за посылку я премного вам благодарен. Пишите о своей жизни, о здоровье мамы и Зины (папа, я надеюсь, как всегда здоров), о папиной работе. На меня не обижайтесь, что редко писал. Был занят. Теперь мне осталось пожелать вам всего хорошего, весело провести Первомайский праздник. Что же: от сердца желаю и крепко целую. Ваня. 30 апреля 1941 года.

P.S. Зина, не сердись. Берет срочно высылаю. Конечно, я опоздал. Но ты меня простишь. Верно?

2

Елизавета Алексеевна Шамшикова (1917—1941). Из учительской семьи и сама по призванию учитель. Увлекалась русским XIX веком. Окончив школу медсестер, добилась направления на фронт. В тяжелых боях на тульской земле погибла, защищая от прорвавшихся гитлеровцев раненых бойцов. Посмертно награждена орденом Красного Знамени. Ее имя носит улица в родном Щекине и улица в Белёве, близ которого оборвалась ее жизнь.

2/X — 41 г.

Здравствуй, дорогая Галечка!

Имею возможность тебе черкнуть пару строчек. Нахожусь временно в Туле, но, по-видимому, в самое ближайшее время тронемся в путь далекий. Работаю в батальоне военфельдшером и командиром санитарного взвода. Работы страшно много, на ходу приходится часто самой учиться и осваивать неизвестное.

Живем в строгих спартанских красноармейских условиях. Встаем в 5-ть часов утра и до 12 часов ночи приходится быть на ногах.

Как живете? Мой горячий и сердечный привет Шуре, Володе², а также всем истафакцам и людям, знающим меня. Если сможешь, пришли чистой бумаги.

Всего, всего наилучшего.

Крепко тебя целую. Пиши.

Любящая тебя Е. Шамшикова.

3

Лев Абрамович Финкельштейн (1919—1941). Москвич. Из семьи служащих. Один из инициаторов создания специальной группы по изучению философии истории. Ушел добровольцем на фронт в самом начале войны. Погиб в сражении за Москву.

23/IX—41

Привет, дорогие!¹

Я жив, здоров! Живу хорошо. Питания хватает. Спим в палатках. Благодаря маминому одеялу тепло. Ношу свитер. У нас идут занятия. Я попал в очень хорошую дивизию со славными боевыми традициями. Командиры здесь фронтовики, что очень хорошо, совсем не так, как в Можайске.

Если принимают посылки от частных лиц, то, кроме сладкого (сладкое надо), не надо сухарей — они намокают, лучше сушек, а если печенье, то только в пачках. Конечно папиросы. Бутылку с чернилами для вечной ручки. В остальном я все говорил. Хорошо бы маленькую толстенькую книжку, но не про войну, лучше из классиков. Ленина "Государство и революция". Если еще что надумаю — напишу. Скоро напишу вам письмо. Пока всего хорошего, привет всем нашим и ребятам. Напишите, призваны ли ребята в армию. Есть ли что от Жоры и Изи². Всего хорошего, будьте счастливы.

Лева

4

Георгий Эммануилович Бауэр (1915—?). Специализируясь по кафедре археологии у профессора А.В. Арциховского, обнаружил выдающиеся способности. Доброволец финской кампании. Мобилизованный как десантник для действий в немецком тылу был заброшен за линию фронта.

[Не позднее 4 июля 1941 г.]

Девочка моя, дорогая¹, если бы я был на раскопках, я бы каждый день приезжал в Москву на вечер все эти дни. Работы сейчас много; завтра, очевидно, будет еще больше. Хуже то, что завтра, очевидно, мы переменим место жительства на более отдаленный от Москвы пункт и будем заняты так, что нам, по всей видимости, придется на время прервать связь с Москвой и не переписываться. Не думай, ради бога, что это зависит от моего желания, конечно, если будет такая возможность, я обязательно напишу тебе хоть открытку. Любимая моя, что ты делаешь? Это не вопрос, потому что тебе не надо мне писать по прошлому адресу, меня уже, очевидно, здесь не будет. Это просто попытка отгадать. Наверное, ты еще не начала работать у Склифосовского², копаешь землю? Мама, наверное, все еще думает, отправить ли Маринку из города или нет. Муська³, наверно, еще не удосужился зайти к тебе, а Надька с Ильей⁴, наверняка, звонили раза 3—4. Надюшка очень трогательно со мной прощалась, даже немного прослезилась. Мне кажется, что ты скучаешь гораздо больше, чем я — ведь я очень занят. Почему так было, что в самый счастливый момент моей жизни я принужден обстоятельствами уезжать. Ты ведь не сердись на меня за это, я иначе не мог. Я тебя очень крепко целую, ты, наверное, стала бы меня ругать, если бы это было на самом деле. До свидания, дорогая моя детка.

Мыша. Очень приятно так подписываться.

5

Лев Владимирович Сечан (1918—?). Москвич. Из семьи служащих. Специализировался по новой истории Запада, ученик профессора М.С. Зоркого. Доброволец финской кампании. Десантник, заброшен за линию фронта в июле 1941 г. Нить памяти о нем тянется к гитлеровскому лагерю, где он участвовал в антифашистском подполье и погиб в гестапо.

9.VII—41

Милая, милая, дорогая, дорогая, любимая моя девочка Оленька!¹ Давно собираюсь написать тебе большое любовное письмо — не получается. Я очень люблю тебя, дорогая, очень жалею, что пока не могу получать от тебя писем. Вчера утром вылетели из Москвы и через три часа прилетели в Киев. В самолете спали. Жизнь чудесная, Оленок, и полная тайнств.

Под Москвой жили на роскошной даче, в прекрасных условиях, питаемся и по сей день в основном шоколадом. Команда из 5 человек, ребята удачные (4) и командир — хороший, свой парень и специалист. Видел за это время массу людей, таких интересных, что просто ужас. Из Киева выедем неизвестно когда. Может быть, и сегодня. Милая Оленька, я очень люблю тебя, дорогую. Ты не смейся, Оля, серьезно, я очень много думаю о тебе. Жди меня, дорогая, я очень хочу к тебе. Возможно, после первого задания я добуду отпуск или уже после войны. Но я тебя просто разорву на куски! Без всяких страхов и условностей. Просто проглочу! У меня уже голова кружится!

Ведь теперь я типичный гусар — ни о каких знаках и дисциплинах речи нет, носятся с нами как с какими-то святыми — живу совсем, как мечтал. Однако все это может вдруг прекратиться — хоп! Так что такая жизнь вполне простительна. Домой пишу всего 2—3 строчки, даже неудобно, но что я еще могу написать?! [...]

Ну прощай, родная, не знаю, когда снова напишу тебе.

Лева.

Есть новость, Оленька!

Сейчас выезжаем. Ночью прыгаем. До свиданья! Целую сильно!

Лева.

6

Моисей Абрамович Гинзбург (1918—1941). Москвич. Отец — крупный экономист — был осужден по делу измышленного "Союзного бюро меньшевиков", в лагерь попал и брат. Моисею грозило исключение из комсомола, его отстаивали товарищи. Изучал новую историю, но его истинной стихией была поэзия. Ополченец Красной Пресни, командир орудия. Погиб в октябре 1941 г.

27/IX — вечер [1941]

Галинка, дорогая моя¹.

Я сижу у огонька в землянке — все ушли ужинать, я один. Гляжу в огонь и думаю обо всем, что было. Невеселое дело — вспоминать. Помнишь наши разговоры о красивой жизни. Глупые немного разговоры, а ведь пожить все-таки мы не успели. А может быть, теперь мы и живем красивой жизнью во имя будущего, для детей, для нас самих когда-нибудь, для памяти. А мы не так думали: ни таскать по утрам навоз из конюшни, ни мерзнуть по ночам, ни драить пушку на ветру, и вдруг оказалось, что это нужно, нужней, чем все наши разговоры. А мы не умеем, это обидно, но не умеем делать очень простых вещей. Простых и необходимых. Любой деревенский парень дает мне на лошади 100 очков вперед, а он ведь не читал "Мой старик" Хэмингуэя и не восхищался. Вот и выводы — плохо учились и не тому, то есть не только тому. И второе, 24 года, а личной жизни не было. Немножко стихов, немножко лирики, бегали по Москве. Кажется, все это не в порядке самобичевания. Я теперь опять начал бы делать тоже. Но жить не успели. Может, это праздные мысли, но они обидные, очень обидные. Особенно обидно, что перед самой войной мне в первый раз в жизни повезло, и я не вел себя как 3-й лишний. А теперь вот живу воспоминаниями о 2-х неделях хорошего счастья. Но в одном и в очень большом мы успели. Друзей легко забывают, на войне тем более. А мы друг друга никогда не забудем, у нас дружба на жизнь. И это очень дорого, что в Москве кто-то ждет твоих писем, думает обо мне, всегда поможет. И я — чем могу, а могу, к сожалению, очень немногим — словом, сердцем, письмами. Мы всегда вместе, где бы ни были, что бы с нами ни случилось. Хорошо, что ты чувствуешь это. Хорошо, что короткое письмо от тебя мне дороже любого другого, ты понимаешь. Я бы мог написать о нашей жизни, но пока она не изменилась. Да и не хочется отвечать тебе скучными описаниями, отвечать на такое письмо. Ничего, Галя, об этой прозе я успею написать, если она так скоро не кончится.

29/IX. Вчера не смог дописать. Жизни такой нам осталось недели 3—4, может, и меньше. Никто ничего не знает, когда мы наконец пойдем в дело. Но ясно, что всю войну в резерве сидеть нельзя, а стрелять мы, пожалуй, сумеем неплохо. За последние дни активизировалась немецкая авиация, все время летают над головой. Нас не трогают, и вообще это главным образом разведчики. Еще новость иного характера — пару раз я успел свалиться с лошади, но цел и невредим. Кажется, наша батарея вышла на 1-е место в полку — тогда будем хранить полковое знамя. Вот и все.

Есть ли письма? Не волнуйся, Галинка, если нет. Юрка² вряд ли имеет возможность пересылать их. Я почему-то за него спокоен. Такие, как он, не подведут.

Галинка, обязательно прочти "Красную звезду" от 26 — там статья о Новгороде. Немцы так и не смогли перейти Волхов. И Нередица, и Волоотово, и Ковалево, вероятно, в наших руках. Скоро их погонят из города³.

Целую крепко. Уверен в твоих силах. Только занимайся не так, как раньше. Вот скоро и ты будешь здесь, уедет Илья, Надя⁴, и в Москве никого не останется. Тем лучше, не будет так мучительно тянуть в Москву. Говорят, теперь в городе свет по ночам, хотя снова возобновились одиночные налеты. Кто в Москве из твоих друзей? Бываешь ли где-нибудь? Что читаешь? Похоже ли хоть что-нибудь на довоенное время?

[...]*. Пиши, Галюша, хорошая моя, хоть раз в неделю, но пиши. Пришла осень, и иногда тоскливо. Еще раз целую. Не горюй, все имеет конец, только жизнь...*, мы будем жить.

Муся.

7

Игорь Владимирович Савков (1919—1942). В университете начал с математики, но почувствовал, что его зовет история. Любимый ученик А.В. Арциховского и С.В. Бахрушина, он успел оставить след в науке: провел образцовые раскопки в Черемушках. См.: Сб. науч. студ. работ. М., 1940. Вып. 11. Белобилетник, ушедший добровольцем в ополчение, попал в плен. Работая переводчиком в немецкой комендатуре Ржева, передавал сведения советскому командованию. Расстрелян гестапо.

22.IX.1941

Кисуленька, родная, любимая!¹

Вчера пришла твоя открытка от 9-го, и я снова вспомнил о том, о чем упорно стараюсь забыть, о чем иногда забываю в бестолковой сутолоке дня. Мне трудно себе представить что-либо противоестественнее, чем наша разлука в самый разгар нашего счастья, в самый расцвет наших надежд. Когда, как сегодня, выпадает пустой день, я с особенной болью ощущаю, что тебя нет со мной, что ты живешь где-то без меня, может быть, нуждаешься в моей поддержке, защите, а я даже не знаю об этом. Дни проходят так же равномерно-бессмысленно, как падают капли из водопровода. Солнце уже давно не показывается, за окном гудит ветер, кажется, что отрезан от всего мира, и даже падение Киева ощущается как потустороннее событие. Я нахожусь сейчас в состоянии апатии и думать могу лишь о тебе, о твоих днях, и так как они представляются мне такими же лишенными содержания, смысла, цели, пустыми оболочками старых дней, которые куда-то испарились, то тоска щемит мне сердце. Для чего желать мне того-то и того-то, если это желание не приведет меня к тебе? Соединение с тобой — вот маяк, который светит мне теперь в тумане, и на этот маяк я буду... ну, молиться, что ли, черт подери, что я еще могу сделать? Родная моя, не сердись, что я нервничаю, но ты поймешь меня, что станешь фаталистом, если просидишь без

* Далее текст неразборчив.

всякого дела в пустой комнате, в глухой деревне много часов (только сегодня уже 5 часов), в то время как моя любимая ждет меня за тридевять земель, в то время как в 70-ти км от тебя льется кровь. На людях я не нервничаю, я официально-спокоен. *И не сжуж сложа руки**. Война будет длительной, и мои знания еще понадобятся, а поэтому не теряй надежду на нашу встречу. Только вооружись терпением. И знаешь что? Поставь себе определенный срок, условный, лишенный всякого содержания, ну, скажем, 22 декабря, и считай дни до этого срока. Если за это время ничего не случится, отодвинь его немного и надейся, что это случится еще через 2 месяца. Так поступают люди, которые не могут сразу влезть на высокую гору: они ставят себе задачей долезть до одного камня, потом до другого и, наконец, взбираются на вершину. Дорогая моя, с этой вершины нам вновь откроются чудесные горизонты. Я верю в это, я знаю это. Залогом этому — ты — самая хорошая, нежная, умная. Кисуля, я соскучился по тебе не как муж, не как отец семейства, но как школьник, худеющий в тоске по своей недоступной возлюбленной. Разлука сделала мою любовь к тебе еще более пылкой, может быть, наивной. Я сейчас никогда не сказал бы тебе, что если бы мы поехали на курорт, то я "для приличия" стал бы уделять внимание другим — я понимаю теперь, как это должно было звучать, понимаю твою досаду. Я сейчас не могу разговаривать ни с одной женщиной (при штабе они все же водятся), даже в романах не могу читать про чужую любовь. Римуленька, я никогда не любил тебя так полно, как теперь, — и вот нас разделяет тысяча километров. Родная, обнимаю тебя, покрываю поцелуями глаза твои — первое, что я в тебе полюбил семь лет назад [...]

Пиши мне, пиши мне чаще — ведь не события интересуют меня; сквозь строчки твоего письма слышится твой живой голос, я вспоминаю все его интонации. Родная, мне хочется тебя подбодрить, но могу ли я сказать тебе "не грусти", когда сам я по тебе тоскую. Надейся! Вот лучший совет, который я могу тебе дать. А если я сам услышу его от тебя, то, может быть, следующее мое письмо выйдет не таким унылым [...].

Твой Игрушка [...]

8

Александр Борисович Осоват (1918—1941). Из семьи известного московского хирурга. Уже на истфаке приобщился к профессиональной исследовательской работе, избран своим поприщем историю русского освободительного движения. Ополченец-артиллерист. В памяти переживших октябрьскую трагедию 1941 г. сохранился сильным, достойным, счастливым. Погиб под Москвой.

23.IX.1941

Это очень тоскливо не получать от тебя ни строчки уже в течение трех недель¹. Тщетно ожидал открыток с дороги. Удивляюсь, что из Москвы никто не известил меня о твоём приезде в Хабаровск. Быть может, рано? Как ты доехала, хорошая моя, как встретили, как устроилась — ничего не знаю. Без вопросов знаю, ты обо всем напишешь. Начинается какая-то новая жизнь, новая полоса. Как-то все пойдет? На работе, с людьми забываешься, не замечаешь. Хуже, когда остаешься один, где-нибудь на ночном дежурстве. *Тут начинаешь "идеализировать"*, доставать фто или перечитывать старые письма. Зачем-то вспоминается московское. Погода последние дни благоприятствовала меланхолии. Пасмурно и холодно. Я рад, что уничтожил, не отослав, свое вчерашнее письмо, навеянное этой погодой и только. Сегодня все в ином, радостном свете. Может быть, из-за солнца, а мож[ет] б[ыть], вообще, потому что иначе нельзя.

Нового о нашей жизни ничего не скажешь.

* Подчеркнуто в тексте.

Прочно намерены, кажется, здесь осесть. Обещают, что на всю зиму. Это совершенно безопасное и оттого достаточно скучное житье. Учимся и устравляемся. Соорудили нечто вроде печки в землянке. Отлично греет и светит. Дни проходят в основном в заботах "по хозяйству", достаточно однотипных. Это полный отдых интеллекту. За меня думает Пинус², и я счастлив. Два раза разговаривали на профессиональные темы. Пустое. Даже не сплетничаем, и что совсем приятно — почти не переругиваемся. Все это понятно. Мысли заняты одним — главным для нас всех. Нет желания читать что-либо, кроме газеты. Я не мог бы взяться сейчас за какую-нибудь книжку постороннего содержания. Наибольшая трудность, которую мне пришлось преодолеть за все время, — это доклад, сделанный мной для всех бойцов батареи в день МЮДа³. Ни разу не чувствовал себя так паршиво. Это было хуже, чем пройти 50 км с рюкзаком. Сошло, однако, удачно, был пафос и подъем. Тот день был вообще веселым. Неплохо работали у пушки и заняли на полковых соревнованиях первое место. Получили две личные благодарности — от командования батареи и от командира полка. Вечером того дня побаловались концертом. Был, между прочим...* С тех пор затишье. Встряхнулись...* на стрельбе. Забавное дело — тащить по грязи пушку на руках. Днепр в наших местах поразительно узок. Мы его видели. Но это опять-таки не значит, что мы близко к фронту. Хорошо еще получать газеты. Они доходят на 2-й день. Как всегда, приходится торопиться — машина отходит. Прости за бессвязную чепуху [...] Хотелось написать больше и иначе, но не вышло. Сух я стал и огрубел: прости, дорогая! Я буду счастлив, если ты не будешь скучать и изредка писать мне. Нежно целую тебя. Саша.

9

Яков (Ян) Юльевич Пинус (1918—1944). Сын известного в довоенном Сталинграде врача. Один из первых исследовал "Голоса из России", издававшиеся Герценом и Огаревым. Ополченец 1941 г., командир орудия. Сумел вырваться из вражеского кольца и снова вступил в бой. Верный заветам дружбы, и на фронте неумоимо собирал вести о судьбе однокурсников. Погиб на польской земле.

[Ноябрь 1942 г.]

Дорогая Верочка!¹

Я уже давно собирался написать тебе, чтобы задать те же безутешные вопросы, но еще давно узнал от Бориса², что ты знаешь едва ли не меньше моего. Хотел написать тебе раньше, когда еще сам верил в возможность благоприятного исхода, но потом не нашел в себе смелости. Ведь я знаю, как бесконечно твое горе³. Я не хочу расстраивать тебя после того, как Леля⁴ окончательно разрушила мои надежды, сообщив, что погиб Ося Босин⁵. Я как-то особенно почувствовал отделиющую нас от счастливых лет университетской жизни пропасть. Саша, Муся, Ося, Лева Сечан, а теперь страшное трехмесячное молчание милого Вали⁶. Этого достаточно. Я уже не говорю о тех более далеких, но дорогих товарищах по истфаку, каких десятки ушли навсегда. Милая Верочка, второй год идет война. Много уже прошло времени с того дня, когда мы возбужденные, радостные пришли в школу на Красной Пресне, чтобы начать новую неведомую жизнь. И хотя из 16-ти месяцев только три мы были вместе, я ни на один час не могу забыть те дни, когда мы жили в нашей батарее — Саша, Муся, Илья, Борис, многие еще славные ребята. Никогда не забуду я свой расчет, где наводчиком был наш Саша. Эти месяцы нас спаяли. На истфаке мы часто спорили, ругались, злились, а на батарее, наоборот, у нас с Сашей было какое-то особенно полное единодушие. Он как-то совсем преобразился в армии, наш Саша. Я не знал никого, кто был бы так глубоко предан нашему делу, кто был бы так готов к

* Далее текст неразборчив.

самопожертвованию, кто так сознательно рвался в дело, не желая отсиживаться за чужими спинами. И когда мы попали на передовую в те, увы, короткие дни и часы, когда мы могли дружно воплотить свою ненависть к врагу в горячую лаву огня, он показал себя. Он был смел, спокоен и даже весел. Нашим несчастьем было то, что нас бросили в бой в самый трудный момент. Нужен был опыт, обстрелянность, стойкость, особенно нашей пехоте.

Во время отхода Саша был со мною. Мы все держались рядом. Но вечером командир (наш общий любимец) вызвал несколько человек, чтобы маленькой группой искать выход из окружения. Пошел Лева Страховенко⁷, которого мы полюбили и оценили на батарее, еще четверо ребят, в том числе и я. Саша оставался с большинством. Я никак не мог думать, что нам больше не придется увидеться. Когда мы вырвались к своим — стали подходить наши одиночки и группы. В числе вырвавшихся был Муся. Ему пришлось искупаться в Угре, и его была лихорадка. Прямо с переднего края мы его направили на санмашину. Уехала ли она? Никто этого не знает. Через какой-нибудь час мы попали под сильный удар немецких бомбардировщиков. Отходили. Здесь я видел Илью Ольшанского (мельком совсем). Однако все это было только началом. Когда мы, двигаясь с отходящими частями, добрались до Вязьмы (я был уже с небольшой группой из нашего полка), мы снова попали в окружение. Из этого я уже выбирался около двух недель. Прошел по занятым немцами районам около 300 км и 19 октября вышел в Дорохово. Как я уже узнал позже, выйти удалось немногим из наших ребят. Борис Косолапов, оставшийся с Сашей после моего ухода, вышел, был в Москве. Но мне никак не удавалось напасть на его след. Илья несмотря на то, что из передовой вырвался, затем уже, будучи в большом окружении, попал в плен. Теперь он бежал и находится в армии. Я просил Илью написать, не слыхал ли что-либо о Саше, Мусе и других. Где Косолапов, не пыталась ли ты списаться с ним?

Вообще что тебе удавалось и от кого узнать? Меня интересуют все подробности. Они могут иногда помочь. Верочка, страшно обидно, что такие люди, как Саша, полный воли и силы, не смогли принести большую пользу нашему делу. Я никогда не забуду нашей батареи, которая до сих пор мне кажется родным домом. Вспоминаю нашу землянку близ Днепра, где до поздней ночи мы пели песни, шумели, смеялись, вспоминали своих общих друзей, а по ночам, уединяясь, писали письма. Обо всем этом ты, наверное, знала.

Верочка, и на нашей улице будет праздник. Мы еще будем жить и работать — особенно бесспорно это относительно тебя. И кто знает, всякое бывает, особенно во время войны. Может быть, найдется и Саша, чтобы жить и работать с нами.

10

Иосиф Григорьевич Босин (1918—1942). Московский мальчик, рано потерявший отца, с детства познавший нужду. Сделал себя в полном смысле образованным человеком. Освоил французский, немецкий, испанский языки, читал по-итальянски. Занимался историей международных отношений. До мая 1942 г. учился в военной академии. Летом того же года погиб на фронте.

Ашхабад, 16/V. — 1942 г.

Дорогая Лида!¹

...Прошло уже более полугода, как мы с тобой в последний раз виделись в Москве. Многое за это время пришлось перенести и пережить тебе и мне. К тому же, может быть, и срок, и расстояние, нас разделяющие, должны были охладить горячее чувство любви?.. Отвечая за себя, я твердо говорю: нет и тысячу раз нет! В чем причина такой уверенности? Много раз я задавался вопросом, почему мое чувство любви к тебе так непреодолимо, неугасаемо и всеобъемлюще. Вопрос этот всегда возникал у меня потому, что я хорошо знаю себя и всегда по-

нимал и понимаю теперь, что для любви в общежитейском и даже обиходно-литературном понимании меня надолго не хватит. Мне быстро все это надоедает. И всегда на мой вопрос находился единственный ответ: мое безудержное влечение к тебе, полное и добровольное подчинение твоему обаянию скреплены гранитом беспредельного и самого искреннего уважения к твоей личности. Может быть, я всегда подсознательно понимал и чувствовал, что чем-то таким должна быть настоящая любовь, и, может быть, это подсознательное стало сознательным не без твоего участия, так как, оглядываясь в прошлое, я вижу, что во многом заблуждался и многое понимал неправильно. Всего этого я не стыжусь писать и никогда не буду стыдиться говорить еще много большего в этом роде (всего ведь не напишешь) безотносительно к тому, останутся ли твои чувства ко мне неизменными или в корне переменятся. Чувство пошлого самолюбия никогда не посмеет заговорить во мне, если дело касается тебя или моего отношения к тебе. Да и вообще, если меня и можно упрекать во многих грехах, то человек, мало-мальски знающий меня, уж никогда, мне кажется, не заподозрит меня в пошлости...

Не скрою, нередко одолевает меня безумная тоска по тебе, в моей голове рисуются картины счастливой совместной жизни с тобой, но я безжалостно подавляю эти мысли и чувства, так как знаю хорошо, что вся наша жизнь теперь должна быть посвящена борьбе, борьбе и борьбе. И главная моя цель теперь — это как можно скорее попасть на фронт, чтобы отдать все свои силы, а если понадобится, и жизнь священному делу — уничтожению фашистского варварства и установлению новой счастливой жизни...

Крепко целую. Иос. Босин

P.S. В одном из последних писем Ян просил передать тебе его горячий привет. Приветствуют тебя также профессора истфака и Егорова²: Я вчера был в МГУ. Поздравил Сергея Даниловича Сказкина с присуждением высокой награды — Сталинской премии первой степени — коллективу ученых, работавших над "Историей дипломатии"³.

11

Юрий Валентинович Масленников (1919—1944). Москвич. Сын учителя. Сочетал в себе качества историка и филолога. Специальностью избрал медиевистику, уже в студенческие годы опубликовал научную работу (Восстание Ланской коммуны // Средневековье в эпизодах и лицах. М., 1941). Ушел добровольцем на фронт в октябре 1941 г. Ранение, учеба, снова фронт, снова ранение, гибель.

18 июля 1942 г.

Здравствуй, милая Леля!¹

Твое письмо меня очень обрадовало. Сказать по правде, я и ждал его и не ждал; я разослал уже много писем на все известные мне адреса наших ребят, и твое письмо пока первое и единственное, явившееся ответом на мой призыв. [...] Сегодня я нахожусь в наряде — несу караульную службу — и, пользуясь несколькими часами свободного располагаемого мною времени, отдаю писанию писем. Прошло уже около месяца учебы, и я могу сказать, что кое-чему за этот период я научился. Солидная, возрастающая постепенно физическая нагрузка переносится хорошо, организм вытренировывается и закаляется. Чувствую себя в общем прекрасно.

Ты мало пишешь о Мишке Гефтере и ничего о Борисе Ане². Получили ли они мою открытку на адрес госпиталя (Торжок, п/я 9)? Почему не отвечают? Что слышно о М. Рижском, о В. Библере, о Славке Кареткине и Вальке Вирене?³ На днях отправил письмо нашей кассирше Елизавете Алексеевне. Думаю, что она сможет сообщить кое-что о некоторых из наших истфаковцев. Как получу от нее ответ, сообщу тебе все новости. Вот почему Лида не пишет — этого не могу понять. Может, моя открытка не дошла до нее? Я напишу ей снова, а ты, со

своей стороны, сообщи ей мой адрес. Вообще любой адрес наших ребят сообщи мне: я уж не поленюсь написать каждому из них.

Как много переменилось за год! Прошлый июль я только приступил к работе по спецзаданию⁴, будущее рисовалось очень смутно и, хотя часто задумывался о том, что же будет через год, представлял себе обстановку и лично себя очень слабо. Теперь и обстановка (Воронеж — не Смоленск) и я (курсант — не землекоп) изменились в корне. И настроение, естественно, серьезное, злое, но без тени отчаяния. Хочется только скорее усвоить курс наук, освоить специальность и включиться в грандиознейшую заключительную схватку с фашизмом. Может быть, я и забываю свои средние века (даже наверное забываю), но историком я себя ощущаю более чем когда-либо. Ну вот и пустился в философствование "сержант в очках"... Ладно, для этого письма написал много. Жду твоего ответа.

Крепко жму руку. Ю.М.

Примечания

1

¹ Публикуется одно из трех писем, вошедших в сборник.

2

¹ Публикуется единственное сохранившееся письмо. Адресовано сестре Г.А. Шамшиковой. В сборник вошли также воспоминания ее матери Е.П. Шамшиковой, академика М.В. Нечкиной и доцента МГУ И.А. Тюлиной.

² Братья Е.А. Шамшиковой.

3

¹ Адресовано сокурсникам — В.И. Бейлиной и В.С. Библеру. В сборник вошли еще четыре письма Л.А. Финкельштейна и воспоминания Библера о нем.

² Выпускники истфака МГУ Г.В. Антонов и И. Каплун (двоюродный брат Л. Финкельштейна).

- 4

¹ Публикуется одно из двух вошедших в сборник писем, адресованное жене, — Г.Б. Рашковской.

² Московский городской НИИ скорой помощи им. Склифосовского.

³ Моисей Гинзбург. См. письмо 6.

⁴ Выпускники истфака МГУ супруги Н.Д. Ратнер и И. Миллер.

5

¹ Одно из трех писем, включенных в сборник. Адресовано жене — О.С. Кручининой.

6

¹ Адресовано Г.Б. Рашковской. В сборник вошли еще четыре письма и стихи Гинзбурга.

² Ю.Э. Бауер. См. письмо 4.

³ Особый интерес к освобождению Новгорода, видимо, вызван тем, что М. Гинзбург с другими студентами был в 1938—1939 гг. там на раскопках, проводившихся под руководством Арцховского.

⁴ См. примечания к письму 4.

7

¹ Адресовано жене — Р.А. Савковой. Одно из трех писем, вошедших в сборник.

8

¹ Адресовано невесте — В.М. Кутейщиковой. В сборник вошли семь писем и воспоминания Б.М. Святского.

² См. письмо 9.

³ Международный юношеский день отмечался 1 сентября.

9

¹ Адресовано однокурснице — В.Н. Кутейщиковой. В сборник вошли еще 23 письма.

² Б.Е. Косолапов, однокурсник.

³ Речь идет о смерти А. Осповата.

4 Р.С. Горелик, однокурсница.

5 См. письмо 10.

6 Валентин Давидович Вайсман, однокурсник. Будучи белобилетником, добился отправки на фронт. Погиб летом 1942 г.

7 Лев Страховенко в 1941 г. окончил 4-й курс истфака МГУ. Погиб.

10

1 Адресовано однокурснице — Л.В. Максаковой. В сборник вошли еще пять писем.

2 Егорова, сотрудница истфака МГУ.

3 История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С.Д. Сказкину принадлежит раздел о дипломатии XVI—XVIII вв., в том числе совместно с С.В. Бахрушиным.

11

1 Адресовано Р.С. Горелик. В сборник вошли еще четыре письма.

2 Борис Иванович Ан (род. в 1913 г.) — выпускник истфака МГУ 1941 г. Погиб под Ржевом в 1942 г.

3 Однокурсники Масленникова.

4 Строительство противотанковых рубежей в Смоленской и Орловской областях, в котором участвовал студенческий батальон МГУ.

Приложение

Список погибших выпускников истфака МГУ, фронтовые письма которых вошли в сборник

Е. Шамшикова — 1* (октябрь 1941)

К. Забродин — 2 (сентябрь 1941)

Л. Сечан — 3 (июль—август 1941)

Г. Бауэр — 2 (июль 1941)

Л. Финкельштейн — 5 (июнь—сентябрь 1941)

И. Кора — 3 (апрель 1941, май 1942)

М. Гинзбург — 5 (июль—сентябрь 1941)

И. Савков — 3 (сентябрь 1941)

А. Осповат — 8 (ноябрь 1939, июль—сентябрь 1941)

Я. Пинус — 23 (февраль 1942 — июль 1944)

Ю. Масленников — 5 (август 1941 — январь 1944)

В. Вайсман — 5 (февраль—август 1941)

И. Босин — 6 (ноябрь 1941 — май 1942)

В. Скворцов — 6 (декабрь 1942 — август 1943)

А. Сонин — 3 (июнь 1942 — июль 1943)

Н. Судницын — 4 (июль—август 1941)

М. Фельдман — 2 (октябрь—ноябрь 1943)

М. Комиссар — 1 (ноябрь 1942)

* Число писем.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1991 г.

4 июня на совместном заседании АК и Отдела источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР с докладом «"Сказание о Валаамском монастыре" — неизвестное сочинение третьей четверти XVI в.» выступила *Н.А. Охотина* (АК), ознакомившая присутствующих с содержанием текста, недавно найденного в ОР ГБЛ (собр. Разумовского, № 73) "Сказания" и основными выводами, полученными в результате его изучения. Введение памятника в научный оборот позволяет прояснить многие темные моменты в истории Валаамского монастыря: время его основания, обстоятельства биографии преподобных Сергия и Германа Валаамских, дату перенесения их мощей. Сказание, написанное приблизительно в 60-е годы XVI в. (список ГБЛ того же времени), охватывает события с конца XIV в. до 1558 г. и достаточно надежно как исторический источник. Благодаря имеющимся в сказании сведениям появилась возможность уточнить и литературную историю житий Арсения Коневского и Ефрема Перекомского и "Валаамской беседы". На основании исследования Охотиной по косвенным признакам время основания Валаамского монастыря датируется концом XIV — началом XV в., перенесения мощей Сергия и Германа — около 1550 г. Памятник будет опубликован в журнале "Север" (Петрозаводск, 1991, № 9) и в ТОДРЛ (т. 47). Спорный вопрос о времени создания монастыря будет освещен в отдельной статье (АЕ за 1992 год)¹.

Высоко оценив исследовательскую работу, сделанную автором доклада, *В.И. Буганов* (ИИ) отметил необходимость более ясного обоснования датировки основания Валаамского монастыря (между 1407 и 1415 г.), приведенной в исследовании Охотиной. Возможно, многие вопросы, связанные с Валаамом, можно прояснить, используя материалы монастырского архива, находящиеся в Швеции и Финляндии. В 1940 г. монахи Валаамского монастыря ушли в Финляндию, там же оказались рукописи конца XVI в., в том числе монастырский синодик. Успешно начата работа Охотиной, несомненно, должна быть продолжена.

В своем выступлении *В.Б. Павлов-Сильванский* (ИИ) высказал несколько пожеланий

автору доклада, в частности рассмотреть сказание об основании монастыря как тип историко-литературного произведения и определить, в чем отличие или сходство "Сказания о Валаамском монастыре" с другими подобными сочинениями. Важно уточнить, какой летописный материал использован при создании "Сказания".

Вероятно, для разрешения вопроса о дате основания монастыря можно привлечь финскую историографию Валаама. Палеографическая часть доклада заслуживает особого внимания, тщательная работа с текстом, возможно, нуждается в уточнениях. Было бы интересно показать эрудицию и яркий, образный стиль речи автора "Сказания" на конкретных примерах.

По мнению *В.А. Кучкина* (ИИ), работа Охотиной носит зрелый исследовательский характер, в ней содержится обстоятельный разбор памятника. Палеография цифр, географическая и хронологическая части — это наиболее сильные моменты исследования. Автор "Сказания" был литературно грамотным человеком — можно определить, какими литературными приемами своего времени он пользовался. В датировке памятника необходимо быть осторожным, используя справочники *Н.П. Лихачева* и *Брике*, данные, имеющиеся в тексте, в частности упоминание в "Сказании" новгородского владыки *Иоанна*. Работе необходимы общие исторические рамки, здесь могут быть полезны труды *Б.Н. Флори*. Важно выяснить, из каких летописей автор "Сказания" знал легенду об ап. *Андрее Первозванном*. Для уточнения географической части нужно смотреть землеописания. Возможно, автор "Сказания" был причастен ко двору новгородского епископа.

27 июня 1991 г. состоялось заседание Археографической комиссии, на котором с докладом "В.О. Ключевский и Общество истории древностей российских" выступила *Н.Ф. Демидова* (ИИ).²

В ходе состоявшегося после доклада обсуждения *Л.И. Шохин* (ЦГАДА) отметил наличие интересных и до недавнего времени мало изученных источников по истории ОИДР. Среди них письма *Н.Н. Оглоблина* (его фонд не сохранился) в фонде *С.А. Белокурова*, находящемся в

¹ См. также: *Охотина Н.А.* О времени основания Перекомского монастыря и авторе жития Ефрема Перекомского // Народная культура Севера: "первичное" и "вторичное", традиции и новации // Тез. докл. и сообщ. региональной научн. конф. 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 136—138.

² См. наст. том. С. 87—98.

ЦГАДА. Оглоблин много писал о деятельности ОИДР и обращался к Белокурову как к казначею и фактическому руководителю общества. В письмах затрагиваются вопросы, которые отсутствуют в протоколах заседаний ОИДР (например, отрицательное отношение к избранию в общество Юшкова уже после того, как Ключевский покинул ОИДР). В одном из писем Оглоблин ужасается возможности избрания в члены общества Д.Я. Самоковасова. В фонде ОИДР сохранились дополнительные записи и другие материалы, которые не вошли в состав опубликованных протоколов, тем более, что протоколы с 1914 г. не печатались, а общество продолжало существовать еще 15 лет.

Б.Н. Морозов (АК) сказал о том, что, хотя Ключевский монографически исследован, в докладе прозвучало много нового и о нем и о его деятельности в ОИДР. Не нужно забывать, что только при Ключевском было издано 114 томов ЧОИДР, без которых невозможно представить изучение истории России.

А.Н. Гудзинская (ААН) подчеркнула, как важно приблизить к читателям и специалистам круг жизни виднейших русских историков — членов ОИДР. Можно вспомнить публикацию Богословским записок Белокурова и Ключевского на собраниях общества. Много интересных сведений, и не только из истории ОИДР, содержится в мелкой деловой переписке, пока мало изученной.

В заключение С.О. Шмидт поблагодарил докладчика за интересное выступление, приуроченное к юбилею Ключевского и раскрывающее еще одну грань деятельности великого историка — организатора науки. Ключевский поднял на высокий научный уровень преподавание истории в Московском университете, способствовал тому, что ОИДР сделалось одним из центров развития исторической науки. Он привлекал для работы в Обществе и публиковал в ЧОИДР лучших старейших и молодых ученых (Богословского, Любавского, Пичету, Веселовского), историков, находившихся вне Московского университета.

Издания Общества стали полигоном отечественной археографии, так как в них не существовало строго регламентированных правил публикаций. Отмечая значение доклада, С.О. Шмидт отметил как расширяется представление об источниковой базе истории исторической науки: в нее стали входить публичные лекции, дневники, записки, написанные во время научных заседаний. Примером могут служить опубликованные в Археографических ежегодниках воспоминания о В.О. Ключевском³. Еще нуждается в разрешении вопрос об уходе Ключевского с поста Председателя ОИДР. Важно выяснить мотивы этого поступка.

Ф.А. Торстенсен

10 сентября на заседании Археографической комиссии состоялась встреча с директором архива

г. Гронингена (Нидерланды) *Я. ван ден Бруком*. Он познакомил собравшихся с основными принципами архивной деятельности в Нидерландах. Нидерландское общество архивистов — самое древнее подобное общество в мире. В 1991 г. оно отметило свое столетие. Оно было создано главным образом для выработки законодательных основ архивного дела в стране, а также для обмена опытом. Уже в конце прошлого века с его участием создавались такие профессиональные нормы, которые позже воплотились в архивную практику. Первый закон об архивном деле был принят нидерландским парламентом в 1918 г. Главное внимание в нем уделялось работе старых архивов и устройству архивного дела по разным уровням. Самый нижний уровень составляют муниципальные архивы, следующий — провинциальные (областные), на верхнем уровне — государственные архивы. Закон предписывает органам власти всех уровней и всем учреждениям обеспечивать сохранность своих архивов. В тех случаях, когда мелкие муниципалитеты не в силах обеспечить сохранность и доступность архивных материалов, они объединяются в межрайонные архивы. Все официальные документы в обязательном порядке должны поступать в архивохранилища, где они автоматически становятся доступными для всех. Общей для всех архивов страны срок секретности документов в необходимых случаях — 50 лет.

Наряду с официальными государственными существует большое количество архивных служб на частной основе. Главным образом это тематические хранилища (католических приходов и монастырей, собрания архивных материалов по архитектуре и т.п.). Почти все они начинают работать на основе вклада личных средств, но в дальнейшем получают финансовую поддержку от государства. Однако они не подчинены государству, это общественные организации. Как государственные, так и частные архивы уже с начала прошлого века собирают наряду с официальной документацией фонды личного происхождения.

К одной из ключевых проблем, стоящих перед архивистами, в Нидерландах относят отбор архивных материалов для постоянного хранения. Для решения этой задачи был организован уникальный Центральный архив отборочной службы при Нидерландском министерстве внутренних дел в г. Винсхотене. Первоначально он был создан сроком на десять лет, но впоследствии ему был придан постоянный статус. Его задачей является обработка архивов всех ведомств и учреждений, находящихся в ведении министерства, отбор документов на постоянное хранение и уничтожение или переработка материалов, не вошедших в их число. Отборочный архив также функционирует как промежуточное звено для введения сведений об архивных документах в электронный банк данных. Архив издает Государственный альманах — ежегодный справочный свод всех государственных учреждений Нидерландов.

³ См. публикацию: Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 308—314.

Город Гронинген, как столица одноименной провинции и университетский центр имеет государственный и городской архивы. Городской совет стремится к тому, чтобы архив был не только документальным и научным центром, но и центром популяризации исторических знаний о своем крае. Сотрудники архива принимают широкое участие в издании исторической и популярной литературы. Несмотря на то, что в Гронингене существуют четыре библиотеки, городской архив полностью комплекзует местные издания, журналы и газеты. Краеведческие общества в Нидерландах были скомпрометированы в глазах общественности близостью к нацистской идеологии в годы второй мировой войны. Поэтому в последнее время традиционные общества краеведов распались на множество отдельных обществ (защиты окружающей среды, охраны памятников культуры, общества за сохранение старых церквей, усадеб, мельниц и т.п.). Я. ван ден Брук в течение ряда лет был председателем общества историков провинции Гронинген.

Отвечая на интересовавшие слушателей вопросы, Я. ван ден Брук, в частности, рассказал об организации архивной службы в бывших колониях Нидерландов. После предоставления независимости индонезийские архивисты прошли профессиональную подготовку в Нидерландах. Индонезийская и нидерландская архивные службы поддерживают самые тесные контакты. Большая часть архивов бывших колоний находится в Общем государственном архиве Нидерландов. Все интересующие индонезийских архивистов и историков материалы они получают оттуда на микропленках.

После сообщения состоялась дискуссия. В нем приняли участие Ю.В. Андрушайтите, В.А. Черных, С.О. Шмидт (АК), А.В. Елпатьевский (Главархив), В.А. Муравьев (РГГУ).

17 октября в Археографической комиссии выступил П. Коой (г. Гронинген, Нидерланды) с докладом о проекте "Интегрированная история". Это самый большой исследовательский проект, когда-либо предпринятый голландскими историками. Этот проект, частично финансируемый государством и частично университетами Гронингена и Утрехта, был начат в 1987 г. совместно факультетами экономической и социальной истории этих университетов. Исследования состояли в сравнительном анализе социальных процессов с 1770 по 1914 г. в двух регионах — Гронингенском глинистоземном районе на севере страны и Брабантском песчаном на юге. Оба района по преимуществу аграрные, однако между ними существуют различия, в основном в размере хозяйств, а также в религии. Главной целью проекта было выработать интегрированную модель аграрного общества в переходный период от феодализма к промышленному обществу, которая была бы универсальной и для других районов и стран. Две группы по пять историков, специализирующихся в различных областях истории, анализируют изменения в профессиональных структурах, демографическое развитие, социальные изменения, группы и партии, политические

отношения, финансовые вложения и отдачу от них, изменения в религии, образовании и менталитете. Для анализа выбраны 10 деревень и малых городов в обоих районах. Изучаются архивы этих населенных пунктов, метрические книги, исследование которых методом когорт-анализа позволяет проследить демографические изменения, социальную и географическую мобильность, грамотность и уровень жизни. При помощи контент-анализа обрабатывается региональная и местная пресса, изучаются муниципальные счета и другие источники. Проект должен быть закончен в 1993 г. Итоги исследования будут подведены в обобщающей монографии.

29 ноября на совместном заседании Археографической комиссии и сектора источниковедения истории дооктябрьского периода Института истории состоялся доклад Дж. Киннана (США) "Новый взгляд на биографию Ивана Грозного". Он призвал более внимательно и вдумчиво изучать уже известные источники, чтобы "выжать" из них новую информацию. По мнению Дж. Киннана, источники дают возможность говорить о том, что Иван Грозный был тяжело больным человеком, был не в состоянии руководить государством, а все дела вели за него его родственники. Доклад вызвал немало вопросов и возражений. В обсуждении приняли участие А.А. Хорошкевич, Н.В. Синицына, В.А. Кучкин (ИИ), С.О. Шмидт, Б.Н. Морозов (АК).

26 декабря состоялось совместное заседание Археографической комиссии и сектора источниковедения истории дооктябрьского периода Института истории, посвященное 150-летию начала издания Полного собрания русских летописей. Вступительное слово произнес С.О. Шмидт, отметивший, что этот юбилей — безусловно, значительное явление в истории русской исторической науки. Начало издания летописей было результатом и показателем не только развития русской исторической науки и специальных историко-филологических дисциплин, распространения исторических знаний и уважения к ним, но и определенного уровня организации научной работы. История ПСРЛ — это история старой Археографической комиссии и многообразной деятельности возродившейся как ПСРЛ, так и Археографическую комиссию академика М.Н. Тихомирова. Это пример плодотворных междисциплинарных научных связей и организации форм сотрудничества историков, филологов, литературоведов и языковедов. Издание ПСРЛ связано с именами самых известных историков (С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, М.Д. Приселкова, М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина, А.А. Насонова, Б.А. Рыбакова, Н.Н. Покровского, В.И. Буганова) и филологов (А.А. Шахматова, Е.Ф. Карского, Д.С. Лихачева). В ходе многолетнего издания летописей оттачивалась археографическая, текстологическая, кодикологическая науки. Полифоничность работы на грани разных сфер гуманитарных наук обусловила объединенные усилия разных учреждений и научных обществ. Летопись в культуре России, в русском литературном слове, в сознании общества должна стать темой особого исследования.

С докладами выступили *В.И. Буганов* (ИИ), *С.В. Чирков* (АК)⁴, *Г.И. Королев* (РГГУ). В докладе *В.И. Буганова* был дан краткий, но обстоятельный обзор развития серии ПСРЛ. Она появилась в связи с возникновением в 1834 г. Археографической комиссии. В первые шесть лет были изданы 3 тома, а всего до 1917 г. было издано 23 тома. Первые издатели летописей (*Я.И. Бередников* и др.) испытали сильное влияние идей *А.Л. Шдещера*, бывшего, как *Н.П. Румянцев* и *А.Н. Оленин*, представителем буквалистской школы в летописеведении. Он считал, что летопись следует издавать в том виде, как она выглядит — со всеми описками, ошибками, титлами, устаревшими буквами, без разделения слов. Именно под влиянием этих идей из II т. была изъята Повесть временных лет — было решено, что она пригодна лишь для подведения вариантов к Лаврентьевской летописи. Эти буквалистские идеи вызывали возмущения сторонников критического издания летописей (*Р.Ф. Тимковский*, *П.М. Строев*, *Н.Г. Устрялов*), взгляды которых одержали верх. *П.М. Строев* опубликовал в "Софийском временнике" свои правила издания летописей. Он предлагал сначала издать летопись Нестора со всеми вариантами, а потом списки так называемых продолжателей Нестора, разбив их на разряды по происхождению. В каждом разряде издать основной список (наиболее древний и полный), описать его полностью, а из остальных дать варианты и разночтения. *А.А. Шахматов* считал, что издание летописей — итог огромной предварительной работы по изучению состояния рукописей, текста всех списков. Он обосновал очень важную мысль о том, что нельзя подводить варианты к основным спискам издаваемой редакции из списков других редакций того же памятника (например, списки Радзивилловской летописи привлекались к изданию Лаврентьевской летописи. Подобная же ошибка была допущена в XXVI т. при подведении вариантов к Вологодско-Пермской летописи).

После 1917 г. в серии издавались новые летописи и переиздавался (иногда по два-три раза) ряд уже опубликованных: Ипатьевская, некоторые Новгородские, Лаврентьевская. С конца 1920-х годов наступил значительный перерыв в издании летописей. Оно возобновилось в 1949 г. по инициативе академика *М.Н. Тихомирова*. Он курировал с XXV по XXXI т. ПСРЛ. К настоящему времени издано 38 томов (последний том, изданный в 1989 г., — Радзивилловская летопись). Был опубликован ряд памятников позднего русского летописания, что дает возможность опровергнуть точку зрения, согласно которой русское летописание замирает во время опричнины. Напротив, оно активно велось в XVII в., причем в это время активно ведется и дворянское, посадское летописание.

В настоящее время в портфеле серии — пять томов. Подготовлен том с Новым летописцем XVII в., переиздание Воскресенской летописи с

привлечением 13 списков. Остановившись на трудностях, возникающих при издании летописей, *В.И. Буганов* отметил, что, поскольку летописи издавались по мере обнаружения, то нередко более древние памятники печатались позже, чем более современные; иногда объединялись разные редакции; привились неправильные наименования. Отсутствуют единые правила передачи текста, подготовки примечаний, составления указателей. Самой же большой проблемой является отсутствие до сих пор единого плана серии. Составленный в 1936 г. план *М.Д. Приселкова*, предусматривавший разделение летописей на 13 разделов по месту происхождения, страдает определенной неполнотой. В задачи издателей летописей входит продолжение выявления и описания списков летописей не только в нашей стране, но и за рубежом, реконструкция некоторых летописных памятников, издание справочных указателей к опубликованным летописям, фототипическое и факсимильное издание летописей. *В.И. Буганов* предложил подготовить обобщающий труд "Археография русского летописания", а также труды по летописной историографии и о деятельности *А.А. Шахматова* как летописевода.

Г.И. Королев в своем докладе провел сравнительный анализ практики издания летописей, как отечественных, так и зарубежных. Летописи в отличие от беллетристических, юридических или некоторых богословских произведений, создавались в малом числе экземпляров. Количество списков сильно различается от памятника к памятнику в зависимости от популярности произведения. После изобретения книгопечатания издание летописей не сразу приобрело регулярный характер: в зарубежной Европе — со 2-й половины XVI в. (по сравнению с первыми публикациями 2-й половины XV в.), на Руси — начиная с миллеровских немецких переводов отрывков из летописей 1732 г., в основном — с 1767 г. За рубежом издания летописей до XVIII в. носили больше политический характер, в XVIII в. они стали предназначаться в основном ученым. В России в XVIII в. публикации летописей также предназначались главным образом для ученых, хотя в них, как и в историческом знании, видели и средство гражданского воспитания (например, предисловие к изданию Кенигсбергской летописи).

К настоящему времени сложилось несколько форм издания летописей. У нас главнейшее место занимает ПСРЛ, имеются публикации отдельных памятников и довольно редки сборники летописей. За границей сравнительно нечасты опыты издания собраний, есть примеры издания комплексов летописей в составе более широких по видовому составу изданий, есть примеры профилированных публикаций ("Хроники немецких городов"), публикуются отдельные памятники. У нас основной круг вопросов летописной археографии связан с изданием всего комплекса летописей в виде полного собрания. В других странах больше выделяются проблемы усовершенствованного переиз-

⁴ Доклад будет опубликован в "АЕ за 1992 год".

дания отдельных памятников, издания переводов на современные языки и издания хроник для широкого круга читателей. Эти аспекты интересуют во многом связаны между собой. Иностранная практика дает несколько интересных примеров издания, а больше — переиздания летописей: публикации оригинального текста и перевода хроника Длугоса в двух сериях, издание летописей в составе выборочных серий разных источников "Классики французской средневековой истории", "Оксфордские средневековые тексты" и "Избранные источники по средневековой истории Германии", несколько публикаций хроник для популяризации истории в Польше и Чехословакии. В заключение Г.И. Королев отметил, что требуется широкое и систематическое изучение сравнительных традиций публикации летописей и общественной функции этих изданий.

Выступивший вслед за тем В.А. Кучкин (ИИ) назвал начало издания летописей в нашей стране крупнейшим событием. Именно летописные памятники позволяют воссоздать русскую историю вплоть до XVI в. В издании летописей было немало трудностей, были и разного рода ошибки. Так, В.А. Кучкин упомянул о том, как при подготовке XXV т. академиком М.Н. Тихомировым не был опубликован в вариантах Эрмитажный список, близкий к публикуемому Уваровскому списку, а были лишь даны отрывки из него в приложениях. Впоследствии М.Н. Тихомиров говорил, что теперь он издавал бы этот том по-другому. В XXVI т. не были использованы два списка Вологодско-Пермской летописи, обнару-

женные В.И. Бугановым. Никаноровская летопись объединена при публикации с неродственными ей сводами, хотя близка по тексту к Вологодско-Пермской. Нередко публикаторы неправильно прочитывают тексты и соответственно их воспроизводят, что делает опасным обращение к опубликованному источнику (т. XXVII). Иногда в основной текст вносятся поздние исправления. А.Д. Степанский (РГГУ) среди нерешенных проблем назвал отсутствие изучения восточных летописей. Он также подчеркнул, что назрела потребность в написании "Истории публикаций русских летописей". Мы часто забываем, что археография базируется на издательском деле, типографской работе. Без должной постановки издательского дела, полиграфической техники судьбы археографии непонятны. И прежде всего это относится к такому тонкому и сложному процессу, как издание летописей. Их издание не сможет быть продолжено без существенной финансовой поддержки, без спонсорства. Выступивший в заключение С.О. Шмидт возразил В.А. Кучкину по поводу истории издания XXV т. ПСРЛ. Поставивший перед собой задачу восстановить эту серию, М.Н. Тихомиров был вынужден ускорить подготовку тома, чтобы "застолбить" это издание. Прекрасно понимая родственность Уваровского и Эрмитажного списков, он не имел возможности затягивать издательскую подготовку книги. Мы безмерно благодарны ему за возобновление выхода летописных томов. С.О. Шмидт также предложил подготовить сборник статей "История летописной археографии".

М.П. Мироненко

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Валк С.Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. Отв. редакторы: М.П. Ирошников, С.О. Шмидт. СПб., 1991. 366 с. (АН СССР. Отделение истории. Археографическая комиссия. Архив АН СССР. Институт истории СССР, Ленинградское отделение). Содержание. От редколлегии; М.П. Ирошников. Сигизмунд Натанович Валк; Исследования. Историко-революционная библиотека. Пг., 1920-21 [рец.]; Сборник грамот Коллегии экономии. (Историографические заметки); Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии. Т. 6 (1914—1917); Период войны. Вып. I. Прокламация 1914 г. М.; Пг., 1923 [рец.]; О правилах издания историко-революционных документов; Проект издания трудов В.И. Ленина; По поводу отзывать на "Декреты Октябрьской революции"; Документы В.И. Ленина, напечатанные в Ленинских сборниках. Новый проект правил издания документов [рец.]; О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и необходимости научного их издания; Рецензия на "Руководство по публикации документов XIX и начала XX в."

А.А. Шилова (М., 1939); Об изданиях трудов В.И. Ленина; Законодательные проекты М.М. Сперанского в печати и в рукописях; Татищевские списки Русской Правды; Б.Д. Греков как деятель археографии; Судьбы археографии; Археографическая деятельность академика М.Н. Тихомирова; Отзыв о рукописи Д.С. Лихачева "Текстология"; Регесты в их прошлом и настоящем; Археографическая "легенда"; Еще о Болтинском издании Правды Русской; Из переписки С.Н. Валка. Воспоминания и статьи о С.Н. Валке. Письмо С.Н. Валка А.С. Лаппо-Данилевскому, б/д, б/м.; Письмо В.Н. Фигнер С.Н. Валку от 4 мая 1925 г.; Письмо Н.А. Морозова С.Н. Валку от 31 декабря 1932 г.; Б.А. Романов. Сигизмунд Натанович Валк. (Речь на 60-летнем юбилее С.Н. Валка); Д.С. Лихачев. Штрихи из облика С.Н. Валка; С.О. Шмидт. С.Н. Валк и развитие археографической культуры; Перечень печатных работ, посвященных жизни и научной деятельности С.Н. Валка; Список сокращений; Указатель имен.

Филлимонов С.Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники

(1917—1929 гг.) / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1991. 208 с. (АН СССР. Отделение истории. Археографическая комиссия. Советский фонд культуры). *В.О. Ключевский и современность* (Тезисы докладов на Всесоюзных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка) / Редколлегия: С.О. Шмидт (отв. ред.), В.И. Лебедев (зам. отв. ред.), В.Н. Зименков, Н.И. Мошнин. (Институт истории СССР АН СССР, Археографическая комиссия АН СССР, Советский фонд культуры, Управление культуры Пензенского облисполкома, Пензенский педагогический институт). Пенза, 1991 г. 173 с. Ротапр. Оглавление: *С.О. Шмидт*. От редактора. Тезисы: *В.К. Абрамов* (Саранск). К вопросу о национальности В.О. Ключевского; *К.А. Аверьянов* (Москва). Проблемы исторической географии в работах учеников В.О. Ключевского; *В.А. Александров* (Москва). В.О. Ключевский в истории исторической науки; *Л.М. Артамонова* (Самара). В.О. Ключевский и историография сословных требований крестьянства в Уложенную комиссию; *Д.В. Балакин* (Пенза). Рукописная карта Свечина и Перепелкина как источник по истории Пензенского края XVIII в.; *Л.В. Балахонская* (Пенза). Лингвистические аспекты работы с историческими источниками в трудах В.О. Ключевского; *В.В. Балахонский* (Пенза). В.О. Ключевский и методология исторического объяснения; *Л.П. Беспалова* (Пенза). *С.А. Расчетина* (Ленинград). Кем вырастет человек из ребенка; *В.Д. Бондалетов* (Пенза). Церковно-канонические имена в Древней Руси; *Р.Р. Бурдуков*, *А.В. Вискалин*, *Ю.А. Семькин* (Ульяновск). Археологическое обследование засечных черт на территории Ульяновской области; *Г.Н. Белорыбкин* (Пенза). Археология Пензенского края в конце XIX — начале XX в.; *Г.Ф. Винокуров* (Пенза). В.О. Ключевский и революционное народничество; *К.Д. Вишневский* (Пенза). В.О. Ключевский о Пушкине; *Ю.Н. Воробьев* (Москва). Архив В.О. Ключевского; *Н.П. Востокова* (Пенза). Вклад В.О. Ключевского в развитие вспомогательных исторических дисциплин; *В.И. Галко* (Москва). "Житие Аркадия, епископа новгородского" как исторический источник; *В.С. Годин* (Пенза). Документы Государственного архива Пензенской области о В.О. Ключевском; *Ф.И. Гордеев* (Йошкар-Ола). В.О. Ключевский и волжско-финские народы; *Г.Е. Горланов* (Пенза). В.О. Ключевский как филолог; *В.И. Гальцов* (Калининград). В.О. Ключевский в восприятии студентов современного периферийного вуза; *И.В. Гундорова* (Пенза). Пензенский период в жизни В.О. Ключевского; *В.Н. Глазьев* (Воронеж). В.О. Ключевский и вопрос о времени появления стрельцов в России; *А.Н. Гришин* (Пенза). Умственный и нравственный идеал российского воспитания в историческом анализе; *Н.Ф. Демидова* (Москва). В.О. Ключевский как председатель "Общества истории и древностей российских" (1893—1905); *А.И. Дворжанский* (Пенза). Пензенские адреса Ключевского; *В.П. Догбаева* (Пенза). Реформа 1861 года в "Курсе русской истории" В.О. Ключевского; *Э.Л. Дубман* (Самара). Церковно-монас-

тырское предпринимательство на средней Волге в XVII — начале XVIII в.; *И.Н. Емельянов* (Орел). Творческое наследие В.О. Ключевского в курсе историографии истории СССР педагогических вузов; *В.А. Ещин* (Пенза). В.О. Ключевский и проблемы всеобщей истории; *М.И. Ефремин* (Пенза). В.О. Ключевский и методология изучения истории; *А.Д. Зайцев* (Москва). В.О. Ключевский и "Русский архив"; *Л.В. Иванова* (Москва). Постановка памятника на могиле В.О. Ключевского в 1928 году; *И.Л. Измайлов* (Казань). К вопросу об исторической интерпретации "длинных валов" в Закавказье; *Л.В. Ингинова* (Пенза). В.О. Ключевский как педагог высшей школы; *Н.М. Иношкин* (Пенза). От культуры края — к культуре мира (Комплексная программа земляков В.О. Ключевского); *М.М. Кавеев* (Куйбышев, Татарстан). Болгарские селища X—XIII вв.; *В.М. Карев* (Москва). В.О. Ключевский о месте России в историческом развитии Европы; *А.С. Касимов* (Пенза). В.О. Ключевский и революция 1905—1907 годов; *Л.В. Кашаев* (Пенза). К истории пензенской духовной семинарии; *С.М. Кашистанов* (Москва). Денежная система и финансы России XV—XVII вв. в трудах В.О. Ключевского; *Р.А. Киреева* (Москва). Слово о Ключевском; *В.М. Кириллова* (Пенза). В.О. Ключевский в иностранных энциклопедиях; *С.Е. Князьков* (Москва). История государственных учреждений донетровской России в трудах В.О. Ключевского; *А.Т. Кондратьев* (Пенза). О научно-педагогических параллелях; *В.В. Кондрашин* (Москва). Статья В.О. Ключевского "Добрые люди Древней Руси" о благотворительности в истории России; *И.И. Курицын* (Пенза). Историческая изменчивость географической среды; *Е.А. Кутеев* (Пенза). Педагогическое мастерство В.О. Ключевского; *В.В. Кучеров* (Москва). Наследие В.О. Ключевского и формирование сознания в аспекте историзма; *В.И. Лебедев* (Пенза). В.О. Ключевский о сторожевой и станичной службе XVI в.; *Н.Ф. Мокишин* (Саранск). В.О. Ключевский об участии финских народов в формировании русского народа; *И.Л. Мининзон* (Н. Новгород). Историко-экологические идеи В.О. Ключевского и их развитие в Нижегородском (Горьковском) университете; *В.Г. Миронов* (Саранск). Соратник В.О. Ключевского Ф.Ф. Чекалин; *В.А. Муравьев* (Москва). В.О. Ключевский и "новая волна" историков начала XX века; *Д.Г. Мухаметшин* (Куйбышев, Татарстан). К вопросу о связях болгар с мушхи (По материалам нумизматики и эпиграфики); *С.Д. Николаев* (Саранск). В.О. Ключевский о рекрутской повинности; *В.И. Перушкин* (Пенза). В.О. Ключевский и вопросы изучения древней мордвы-мошки; *Е.М. Персанова* (Пенза). Использование творческого наследия В.О. Ключевского при изучении школьного курса отечественной истории; *М.Ф. Прохоров* (Москва). Волнения крепостных крестьян Пензенского уезда в 1760—1773 гг.; *А.Д. Прахин* (Воронеж). В.О. Ключевский о местной истории (Археологическое изучение Пензенской области М.Р. Полесский); *А.В. Расторопов* (Пенза). В.О. Ключевский и

проблемы изучения этнокультурной истории в Верхнем Посурье и Примокшавье в эпоху средневековья (IX—XIV вв.); *О.М. Савин* (Пенза). В.О. Ключевский в пензенской печати; *Г.Д. Садовникова* (Пенза). Идеи правового государства в трудах В.О. Ключевского; *В.Б. Семенов* (Пенза). Ключевский о прикладном значении исторических знаний; *Ю.Н. Смирнов* (Самара). Взгляды В.О. Ключевского на роль армии в русском обществе XVIII века; *Я.Г. Солонкин* (Кустанай). "Временник" Ивана Тимофеева в трудах В.О. Ключевского; *В.В. Сохранов* (Пенза). В.О. Ключевский о роли саморегуляции в развитии и воспитании целостной личности; *В.И. Стрельцов* (Пенза). Комедия Фонвизина "Недоросль" в исторической интерпретации В.О. Ключевского; *А.П. Телянов* (Пенза). Вклад В.О. Ключевского в становление курса русской историографии; *Д.З. Тихонов* (Серафим, архиепископ Пензенский и Кузнецкий). Сам стал историей; *А.Б. Тугаров* (Пенза). Диалектика гуманизма и классовости (Социально-политические воззрения А.А. Богданова и А.А. Богданова-Малиновского в 1917—1918 годах); *Н.В. Фарбман* (Пенза). В.О. Ключевский о "Русской Правде" как историческом источнике;

В.Д. Федоров (Н. Новгород). Нижегородцы о В.О. Ключевском; *С.В. Филимонов* (Симферополь). Доклад М.М. Богословского о В.О. Ключевском на заседании общества "Старая Москва"; *Н.В. Филин* (Москва). О лекторском мастерстве В.О. Ключевского; *А.И. Фролов* (Москва). В.О. Ключевский и Московское археологическое общество; *А.Н. Цамутали* (Москва). В.О. Ключевский и петербургские историки; *С.В. Чирков* (Москва). В.О. Ключевский и русская археология; *Е.А. Чиркова* (Москва). В.О. Ключевский и П.В. Знаменский; *Е.В. Чистякова* (Москва). Образ России в "Сказаниях о Московском государстве" В.О. Ключевского; *Н.А. Шарошкин* (Пенза). Эпоха Петра I в творчестве В.О. Ключевского; *И.Ф. Шувалов* (Пенза). Лингвистические сведения в трудах В.О. Ключевского; *И.П. Щерблякин* (Пенза). В.О. Ключевский об А.С. Пушкине; *С.И. Щерблякин* (Пенза). Литературно-эстетическое своеобразие "Афоризмов и мыслей об истории" В.О. Ключевского; *В.А. Юрченко* (Саранск). В.О. Ключевский и современная марксистская историография; *И.Л. Бельский* (Москва). Имя В.О. Ключевского в текстах Б.Л. Пастернака.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Санкт-Петербургское

Вышел в свет ежегодник "Вспомогательные исторические дисциплины", т. 22 (Отв. ред. В.А. Шишкин. Л., 1991).

11 апреля 1991 г. состоялось совместное заседание Санкт-Петербургского отделения АК, тогдашнего Отдела истории СССР периода феодализма ЛОИИ и ОР БАН, посвященное памяти выдающегося историка, археографа, многолетнего председателя Ленинградского отделения АК Александра Ильича Копанева. Сдокладами и воспоминаниями об А.И. Копаневе выступили *Ю.Г. Алексеев, А.А. Амосов, Н.Ю. Бубнов, Л.А. Дмитриев, Л.И. Ивина, Г.И. Копанев, Н.А. Копанева, Н.П. Копанева, М.В. Кукушкина, А.Г. Маньков, В.М. Панеях, Д.И. Патрикеев, Л.Н. Семенова, А.А. Фурсенко, И.П. Шаскольский*.

5 декабря 1991 г. состоялось заседание Санкт-Петербургского отделения АК, посвященное итогам полевых археографических исследований и новым поступлениям в хранилища С.-Петербурга. *Г.В. Маркелов* (ИРЛИ) рассказал о новых поступлениях в Древлехранилище Пушкинского Дома. Экспедиций в этом году не предпринималось, в дар получено около 80 рукописей XVIII—XX вв.; пополнились, в частности, собрания известного коллекционера И.Н. Заволоки и крестьянина И.С. Карпова. *Ф.В. Панченко* (БАН) сообщила о результатах экспедиции в Каргопольский район Архангельской области; *А.А. Амосов* (БАН) — о находках в Южных районах Кировской области; *О.Н. Блесткина*

(БАН) — о поездке в Латвию и Литву по приглашению старообрядческих общин. *Д.О. Цыткин* (С.-Пб. отделение АК) информировал о продолжении работ по выявлению и изучению местной рукописно-книжной традиции в Ленинградской области. На заседании заслушаны также доклад *Э.В. Дмитриевой* и *Е.М. Шварц* (ГПБ) "Книги келаря Кирилло-Белозерского монастыря старца Матфея Никифорова (1650—1670-е годы)" и сообщение *Д.П. Эрстова* (ЛКРД) о новых стандартах по реставрации документов и проблемах подготовки квалифицированных реставраторов.

Северное

Вышли в свет: Реквием. Памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Часть II. Вологда. 1991. Книга содержит 5880 скорбных имен (от Л до Я).

Родословие вологодской деревни. Вологда. 1991. В ней содержатся сведения о времени основания 5193 деревень (с XII до первой половины XVII в.).

Готовятся к изданию Книги памяти по районам Вологодской области с именами всех вологжан, отдавших жизнь за Родину в 1941—1945 гг.

Сибирское

Вышли в свет издания: Общественное сознание, книжность, литература периода феода-

лизма. Новосибирск, 1990 (Археография и историко-исследование Сибири. Вып. 14); *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание собрания рукописей ИИФФ СО АН. Новосибирск, 1991.

Сданы в печать сборники: Традиционная ду-

ховная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки (Доклады III Международного симпозиума) и 16-й вып. серии "Археография и историко-исследование Сибири".

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1991 г.

В связи с переживаемыми трудностями объем полевых археографических исследований значительно сократился. Не от всех учреждений, проводящих археографические экспедиции, получены сведения о них.

БАН провела экспедиции в Архангельской и Кировской областях, а также в Латвии и Литве (руководитель А.А. Амосов). Экспедиции МГУ работали в Брянской, Нижегородской, Курской, Пермской областях (руководители Е.А. Агеева, Е.Б. Смилянская). СО АК вело работы в Новосибирске и Новосибирской обл., Кемеровской обл., Алтайском и Красноярском краях, Туве и Хакасии (руководители: В.Н. Алексеев, Е.И. Дергачева-Скоп, О.Д. Журавель, А.И. Мальцев).

Экспедиция Уральского государственного университета, в которой принимали участие зарубежные коллеги из Кэмбриджского университета (Великобритания) и Трирского университета (Германия) проводила полевые исследования в Свердловской, Кировской, Курганской и Тюменской областях (руководитель В.И. Байдин). Экспедиции Нижегородского (руководитель Т.В. Черторицкая), Томского (руководитель О.Н. Бахтина), Ярославского (А.А. Севастьянова) университетов работали на территории соответствующих областей.

В ходе названных экспедиций получено 329 рукописей (в том числе XVI в. — 2, XVII в. — 6) и 288 печатных изданий (XVI в. — 3, XVII в. — 34).

Каргопольское собрание БАН пополнилось 19 рукописями и 14 печатными изданиями. Из рукописных материалов представляют наибольший интерес Часовник начала XVII в., а также ряд красочных рисунков сатирически-обличительного характера, происходящих, по-видимому, из книгописной мастерской страннического скита. Из печатных изданий надо упомянуть Часослов (М., 1652) и Житие Николая чудотворца (М., 1643).

В Вятское собрание поступило 125 рукописных книг и фрагментов и 36 экземпляров изданий кириллического шрифта. Самая ранняя рукопись — Житие Павла Обнорского в списке начала XVII в. Интересны многочисленные сборники духовных стихов в списках XVIII—XX вв. Сре-

д печатных изданий — Евангелие (Вильно, тип. Мамоничей, 1575), старообрядческие и единоверческие издания XIX—XX вв.

Благодаря поездке в Прибалтику, принятой по приглашению Высшего старообрядческого совета в Литве, Неманское, Двинское и Латгальское собрания пополнились 53 рукописными и печатными памятниками XIX—XX вв.

В Научную библиотеку МГУ поступило 20 рукописей (XVI в. — одна, XVII в. — одна) и восемь старопечатных книг (XVII в. — пять). Из Брянской обл. получен фрагмент рукописного Торжественника XVI в., а также издание Триоди постной (М., 1630), из Курской обл. — фрагмент учительного сборника XVII в., из Нижегородской обл. — Маргарит (М., 1698) и Сборник (М., 1647).

Экспедициями СО АК получено 10 рукописных книг (XVIII в. — две) и 25 печатных изданий (XVI в. — одна, XVII в. — девять). Среди рукописей следует отметить сборник XVII в. с кратким томским летописцем и Великое Зерцало второй половины XVII в. В числе старопечатных книг — Евангелие учительное (Вильно, тип. Мамоничей, 1595), Книга Ефрема Сирина (М., 1647), Псалтирь с воследованием (М., 1627), Шестоднев (Бурцов, 1640), Октоих (М., 1618) с многочисленными записями XVII—XVIII вв.

Экспедициями Уральского университета получены 121 рукопись (XVI в. — одна) и 136 старопечатных книг (XVI в. — одна, XVII в. — десять). Особый интерес представляет рукописный сборник слов и поучений Иоанна Златоуста (1520-е гг.), а также "Грамота священника Симеона, который в Тобольске замучен" (середина XIX в.). Среди печатных изданий — Триодь цветная (М., Андроник Невежа, 1591), Часовник (М., 1640), Часовник (Могилев, тип. М.Я. Воцанки, 1701).

Экспедиция Нижегородского университета получила 14 рукописей (XVII в. — одна) и 36 печатных изданий (XVII в. — семь). Следует отметить рукописный Пролог за март — август (1630-е годы), печатные служебные Миней Московского печатного двора на февраль (М., 1622), май (М., 1626), июнь (М., 1646).

В. Ч.

ВСЕСОЮЗНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

"ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РУКОПИСЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ"

15—18 октября 1991 г. в Санкт-Петербурге состоялся организованный БАН 1-й Всесоюзный методологический семинар, посвященный проблеме описания рукописей. Цель семинара — активизация работы в стране по научному описанию

и изданию богатейшего рукописного наследия, хранящегося в отечественных библиотеках, музеях и архивах. Наилучшим средством для достижения этой цели является обмен опытом практической работы между археографами, орга-

низация докладов, лекций, практических занятий и экскурсий научного профиля. Особое внимание организаторами семинара было уделено знакомству его участников с первыми опытами практической работы и перспективами компьютеризации археографических исследований.

В работе семинара приняли участие около 150 специалистов библиотек, архивов, музеев, учебных и реставрационных центров, прибывших из с. Архангельского, г. Даугавпилса, Екатеринбурга, Калининграда, Киева, Львова, Минска, Москвы, Нижнего Новгорода, Новгорода, Новосибирска, Одессы, Риги, Ростова, Самары, Северодвинска, Сыктывкара, Таллинна, Томска, Ярославля и Санкт-Петербурга.

В ходе семинара заслушано и обсуждено 14 докладов, 2 сообщения, прочитано 5 лекций, проведено 4 практических занятия, 5 экскурсий в БАН, 1 экскурсия в ГПБ и 1 экскурсия в ИРЛИ.

Основную нагрузку по обеспечению научной программы семинара взяла на себя Библиотека, являющаяся главным методическим центром по описанию рукописей в системе академических библиотек. К организации работы семинара были привлечены также специалисты других научных центров Санкт-Петербурга, Москвы и Нижнего Новгорода, с помощью которых был обеспечен достаточно широкий тематический охват проблем, волнующих археографов.

Открывая пленарное заседание зам. директора БАН по научной работе *М.А. Шапарнева* отметила, что семинар проходит в сложное, но интересное время, когда общество поворачивается лицом к духовной культуре, к гуманитарным областям знания, к вечным ценностям религии и веры. В этих условиях хранилища древних рукописей и книг превращаются в важнейшие информационные центры, призванные дать толчок духовному и культурному возрождению и обновлению нашей страны, что делает особенно актуальным подготовку специалистов-археографов для успешной работы в таких хранилищах. Шапарнева отметила, что БАН первой включила свою работу в систему информационного поиска с применением ЭВМ в исследованиях рукописей. И хотя трагедия БАН 1988 г. задержала на некоторое время эти устремления, дирекция Библиотеки проведением настоящего семинара стремится аккумулировать общие возможности, раскрыть проблемы и поставить задачи на ближайшее время, хорошо понимая необходимость активнее включать достижения современной технологии в такую тонкую и интеллектуальную работу, какой является описание рукописей.

Истории формирования различных типов научных описаний славяно-русских рукописей в связи с задачами камеральной археографии посвятил свой доклад *Н.Ю. Бубнов* (БАН), где показал связь исторически сложившихся типов научных описаний с системами организации хранения рукописных фондов в отечественных древлехранилищах XVIII—XX вв., зависимость, в свою очередь, от развития археографической науки, и поставил вопрос о важности выработки качественных уровней при оформлении и введении в

машинную память научных описаний рукописей. Он также подчеркнул неизбежность переноса индивидуальных мнений и оценок описателя — исследователя на ряд элементов описания и необходимости при этом авторизованных ссылок. Доклад *А.А. Турилова* (ИСБ) был посвящен информации о новейших достижениях (в том числе и самого докладчика) в области славяно-русской палеографии. Докладчик убедительно продемонстрировал важность и результативность соотношения палеографических наблюдений над рукописями с исследованием их лингвистических и художественных особенностей. Задаче создания информационно-поисковой системы раскрытия рукописных фондов для атрибуции текстов рукописных сборников был посвящен совместный доклад *Л.Б. Беловой* и *О.П. Лихачевой* (БАН). Докладчики не только поделились ценным опытом работы в этом направлении, но и наметили перспективы дальнейших исследований, которые могут явиться надежной основой для всеохватывающего компьютерного каталога текстов славянской письменности, создания специальных справочников по рукописной книжности с их последующим использованием в компьютерном варианте. Справочным изданиям по флигранологии, задаче их составления и использования посвятил свой доклад *В.М. Загребин* (ГПБ). Он рассказал собравшимся о своей работе по созданию сводных сюжетных альбомов флиграней на основе существующих флигранологических справочников, призвал к продолжению этой работы и изысканию возможностей для ее обнародования.

Ряд докладов на семинаре был посвящен изложению накопленного опыта и перспективам научного описания рукописей разнообразного содержания, написанных как на русском, так и на других европейских языках. Опыт многолетней работы по описанию западноевропейских средневековых рукописей и перспективами дальнейшей работы с учетом новейших мировых методологических разработок поделилась в своем докладе *Л.И. Киселева* (БАН). Эту же тему, но уже на материале западноевропейских рукописей нового времени (XVII—XIX вв.), большинство из которых было создано на территории России, продолжила *О.Н. Блескина* (БАН). Богатая информация о новейших справочниках и каталогах, а также о современном состоянии работы по приведению в известность мирового рукописного фонда греческих средневековых рукописей содержалась в докладе *И.Н. Лебедевой* (БАН). Доклад *Е.А. Савельевой* (БАН) был посвящен характеристике особого вида рукописных книг, содержащих переводы исторических сочинений западноевропейских авторов, сделанные в XVIII в., и проблемы их издания в исследуемый период. Проблемам описания русских средневековых сборников смешанного содержания был посвящен доклад *М.В. Кукушкиной* (БАН), отметившей важность и значение компьютеризации для более полного раскрытия рукописных фондов. Задачам описания славянских рукописей, содержащих тексты Священного писания в связи с состоянием изуче-

ния славянского перевода Библии, был посвящен доклад *Е.В. Афанасьевой* (БАН), *Ф.В. Панченко* (БАН) рассмотрела задачи и принципы описания музыкальных старообрядческих рукописей XVII—XX вв., вывев их текстовое и музыкальное своеобразие. В докладе *Л.А. Петровой* (БАН) были освещены задачи раскрытия содержания рукописных сборников, включающих народно-поэтическое творчество, отмечена необходимость создания сводного инципитария и изложены принципы его построения.

Два доклада и два сообщения касались проблем, связанных с задачей использования компьютерной техники для оптимизации процесса научного описания и исследования рукописных текстов. Доклад о перспективах компьютеризации и создания банка данных рукописных текстов сделал *А.А. Амосов* (БАН). Удачный опыт составления компьютерной версии каталога славяно-русских рукописей XI—XVI вв. устойчивого состава (четыре-минейные сборники) продемонстрировала *Т.В. Черторицкая* (Нижегородский университет). О своей работе с редкими книгами библиотеки МГУ на компьютерной основе рассказала *И.Б. Шалугина*, а с восточными рукописями ЛО ИВАН — *И.Г. Тихонова*, работающая над компьютерным каталогом "Письменные памятники Востока на территории СССР". Доклады вызвали живой интерес слушателей и активно обсуждались.

В рамках семинара была организована школа молодых специалистов: "Рукописная и печатная книга. Проблемы сосуществования и взаимодействия". Были прочитаны лекции: "Рукописная и печатная книга в Западной Европе в XIV—XV вв." (*Л.И. Киселева*), "Старообрядческая рукописная книга XVII—XX вв. — наследница московского старопечатания" (*Н.Ю. Бубнов*), "Неформальные творческие коллективы для целевых археографических исследований. Опыт, итоги деятельности и перспективы" (*А.А. Амосов*), "Некоторые проблемы изучения гравюр Петровского времени" (*М.Ю. Гордеева*, БАН), "Современные справочно-библиографические издания для научного описания западноевропейской печатной книги XV—XVII вв" (*Г.Н. Питулько*, БАН). Были проведены также семинарские занятия на темы: "Опыт идентификации старопечатных изданий XVI—XVII вв." (*А.А. Гусева*, ГБЛ), "Опыт определения и изучения

старообрядческих изданий XVIII — начала XX в." (*А.В. Вознесенский*, С.-ПбУ), "Методы датировки и локализации славянских рукописей XIV—XV вв." (*А.А. Турилов*), "Компьютерные методы исследования рукописных текстов" (*Т.В. Черторицкая*).

На обсуждении итогов семинара выступил *Н.И. Николаев* (С.-ПбУ), отметивший удачный выбор тем, освещенных в ходе заседаний, и выразил благодарность организаторам. Он подчеркнул "антибиблиотечность" существующей системы подготовки кадров для научных библиотек и архивов и предложил организовать неформальные курсы подготовки специалистов для работы с редкими книгами и рукописями, а преподавателями на этих курсах пригласить ведущих ученых археографов. В других выступлениях была поддержана инициатива организации такого семинара и отмечалось, что форма такой организации стала возможной благодаря исключительно удачному соединению фондов и специалистов в рамках одного структурного подразделения: "Отдела рукописей и редкой книги".

Участники семинара признали целесообразным: 1) преобразовать данный семинар в постоянно действующий с периодичностью не реже одного раза в год (октябрь); 2) признать наиболее оптимальной формой организации семинара сочетание информационный и теоретических докладов и сообщений с практическими занятиями по заранее определенной тематике; 3) рекомендовать проведение семинаров на базе разных хранилищ нашей страны; 4) второй всесоюзный семинар посвятить теме: "Рукописная и печатная книга; проблемы взаимодействия"; 5) наладить обмен ведомственными изданиями по основным проблемам работы хранилищ рукописной и редкой книги; 6) отметить необходимость создания периодического информационного издания, на страницах которого ставились бы и обсуждались проблемы, связанные с деятельностью хранилищ рукописной и редкой книги; 7) принять с благодарностью предложение Научной библиотеки Уральского отделения АН провести следующий семинар на базе Научной библиотеки в Екатеринбурге в октябре 1992 г.

Н.Ю. Бубнов

ОБ ОТКРЫТИИ В г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВЫСТАВКИ "РУКОПИСНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА"

15 октября 1991 г. в ОР БАН открылась выставка иллюстрированных рукописей XI—XIX вв., написанных латинским алфавитом¹. Открытие выставки было приурочено к проходившему в эти дни в БАН 1-у методо-

логическому семинару по проблемам описания рукописей на современном этапе.

На открывшейся экспозиции впервые представлены иллюстрированные западноевропейские рукописи столь большого хронологического пе-

¹ Материалы экспозиции представлены в каталоге "Рукописная иллюстрированная книга Библиотеки АН СССР. Каталог выставки иллюстрированных рукописей XI—XIX вв., написанных латинским алфавитом" / Сост. О.Н. Блескина. Л., 1991. 56 с. 19 ил.

риода с XI по XIX в., многие из которых ранее не экспонировались. Материал экспозиции в соответствии с хронологией, репертуаром и оформлением рукописных кодексов состоит из трех разделов: средневековые рукописи XI—XV вв.; рукописи эпохи Возрождения и начала Нового времени XVI—XVII вв.; рукописные книги XVIII—XIX вв. Средневековые иллюстрированные рукописи представлены литургическими кодексами и книгами Священного писания, самые ранние из которых — Понтификал конца XI — начала XII в. (F. 200) — единственная рукопись в нашей стране, написанная беневентанским письмом, и итальянская Псалтырь XI—XII вв. (F. 164). С скромные рисунки и орнаментальные инициалы этих кодексов дают представление о строгости и сдержанности той ранней эпохи. На экспозиции представлены несколько Псалтырей XIII—XVI вв. с великолепными миниатюрами и роскошной орнаментикой с оригинальной позолотой, происходящие из Франции, Швейцарии, Италии, Нидерландов, для каждой из которых характерны свои национальные традиции книжной живописи и декора. Изящные, великолепные по технике исполнения миниатюры и декор шести Часовников XV в. — молитвенников для мирян, свидетельствуют о стремительном взлете и расцвете книжного искусства в преддверье Ренессанса. Миниатюры одного из Часовников собрания графа А. Толстого, вероятно, происходят из мастерской известного французского художника Жана Фуке (O. 104).

Удивительны по красоте и гармоничности представленные на выставке итальянские гуманистические рукописи — трактат "Об архитектуре" знаменитого итальянского скульптора и архитектора Антонио Франческо Аверлино (Филарете) с многочисленными тончайшими рисунками пером (F. 114), "История от основания Рима" Тита Ливия (F. 9) и "Естественная история" Плиния Старшего (F. 275).

КАРАМЗИНСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

22—24 октября в Государственном музее А.С. Пушкина проходила научная конференция, посвященная 225-летию со дня рождения Н.М. Карамзина, 200-летию выхода в свет "Писем русского путешественника" и 175-летию первой публикации "Истории государства Российского".¹ В ее организации приняли участие АК, ИМЛИ, ГМП. Было заслушано и обсуждено 30 докладов и сообщений. Три карамзинских юбилея, к которым приурочена конференция, определили тематическую широту выступлений исследователей.

Со вступительным словом обратился к собравшимся председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт, отметивший не только значимость для русской культуры творческого наследия Карамзина, но и силу его нравственного примера, столь важного как для современников, так и для потомков. Значительная часть представленных

Развитие книгопечатания и увеличение числа печатной продукции в Западной Европе привели к значительному снижению общего количества рукописных книг, изменению их репертуара и внешнего вида, что отчетливо прослеживается на примере экспонируемых на выставке рукописей XVI—XIX вв. Все представленные в этом разделе кодексы светского содержания — трактаты по естественным и точным наукам, альбомы памятных записей, исторические и литературные сочинения, дневники путешественников, — дают наглядное представление о развитии научной и художественной иллюстрации рукописной книги этого времени. На смену миниатюры в поздних рукописях приходят рисунки минеральными красками, акварелью, гуашью, пером, печатная гравюра и литография.

Тем не менее и среди поздних иллюстрированных рукописей есть подлинные шедевры, выполненные руками профессиональных мастеров, как например: учебный альбом Марии Сибиллы Мериан 1683—1713 гг. с рисунками бабочек и насекомых (F. 246), "Руководство по артиллерии" середины XVII в. с многослойными рисунками (O. 34), альбом рисунков неизвестного автора 1815—1818 гг. (O. 155), акварели Луи Валле в одном из дневников путешественников по Европе Г.В. фон Будберга (F. 177).

Экспонируемые на выставке кодексы дают общее представление о рукописной иллюстрированной европейской книге, о направлениях и тенденциях ее развития с XI по XIX в., представляют неизвестных художников и создателей неповторимого книжного искусства. Устроители выставки надеются, что организация тематических экспозиций такого рода будет способствовать раскрытию богатых и полностью не изученных рукописных фондов БАН.

О.Н. Блескина

докладов раскрывала тему личных и творческих связей Карамзина с Пушкиным. Анализу этих взаимоотношений были посвящены выступления В.И. Сахарова (ИМЛИ), А.А. Смирнова (МГУ), С.О. Шмидта (АК). Задачей исследования В.Э. Вацура (ИРЛИ) явилось уточнение датировки и раскрытие содержания пушкинских эпиграмм на Карамзина.

Вопросы, связанные с литературным творчеством Карамзина, нашли отражение в докладах "Московский журнал" Н.Д. Кочетковой (ИРЛИ), "Карамзин и Радищев" А.А. Макарова (ИМЛИ), "Карамзин-критик" И.В. Кондакова (ИМЛИ), "Эмблемы и аллегории в творчестве Карамзина" Н.А. Марченко (ГЛИМ). Карамзинская проза периода "Вестника Европы" была проанализирована А.Л. Зориным (Москва). О традициях русского и немецкого сентиментализма говорила в своем док-

¹ Н.М. Карамзин. Юбилей 1991 г. М. 1992.

ладе "Клингер и Карамзин" *Н.К. Телетова* (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина АХ СССР).

Значительное внимание было уделено на конференции труду Карамзина-историографа. Конспект "Истории государства Российского", выполненный *В.А. Жуковским*, прокомментировала *Р.В. Иезуитова* (ИРЛИ), отметившая необходимость публикации этого документа. Тему "безмолвного народа" в карамзинской "Истории" рассмотрел *В.П. Козлов* (АН СССР). Тщательный анализ глав "Истории", посвященных монгольскому игу, позволил *В.А. Кучкину* (ИИ) уточнить список источников, использованных Карамзиным. Об отечественных и зарубежных изданиях "Истории" шла речь в сообщении *В.Ю. Афиани* (АК).

Особый интерес вызвали доклады, в которых были использованы архивные материалы. О неопубликованных письмах Карамзина *С.С. Кушникову* рассказала *Е.Е. Пастернак* (Москва). Документы, обнаруженные *О.А. Проскуриным* (МППУ), позволили расширить представление о той роли, которую играл Карамзин для "Арзамаса" и арзамасцев. *Н.И. Михайлова* (ГМП) познакомила участников конференции с ранее неизвестным письмом к *П.А. Вяземскому* *В.Л. Пушкина*, написанном неделю спустя после смерти Карамзина, а *С.И. Панов* (Тверской ГУ) — с письмами Карамзина академикам *Вольцогену* и *Кругу*. Архивным материалам, связанным с празднованием по случаю открытия памятника Карамзину в Остафьеве в 1911 г., был посвящен доклад *Т.Д. Володиной* (ГМП).

О Карамзине в историко-литературной концепции русских педагогов середины XIX в. говорилось в докладе *Г.Г. Елизаветиной* (ИМЛИ). В докладе *С.И. Панова*, посвященной статье "Литературные воспоминания", не только восстанавливался неизвестный эпизод в полемике вокруг "Истории государства Российского", но и высказывалось предположение о возможном авторе статьи, которым, по мнению исследователя, был

В.Л. Пушкин. Пометы *М.И. Цветаевой* на издании "Писем русского путешественника" были рассмотрены в докладе *В.П. Старка* (ИРЛИ).

Были заслушаны также доклады "Музыкальная эстетика раннего Карамзина" *К.П. Ковалева* (ИМЛИ), "Карамзин и древнерусская литература" *А.С. Курилова* (ИМЛИ), "Культурно-лингвистическая позиция и языковая практика *Н.М. Карамзина*" *В.М. Живова* (МГУ), "Карамзин и китайские образы Царскосельского парка" *Д.О. Швидковского* (МАРХИ).

К открытию конференции Государственным музеем *А.С. Пушкина* совместно с архивом МИД и ЦГАЛИ были подготовлены две выставки. ЦГАЛИ предоставил для экспонирования уникальные документы, среди которых письмо Карамзина *А.И. Вяземскому* 1791 г., автографы его стихотворений, черновики "Истории государства Российского", записная книжка *П.А. Вяземского*, где говорится о "Письмах русского путешественника". Вторую выставку составили ксерокопии документов, связанных с работой Карамзина над "Историей", которые передал музею архив МИД. О карамзинских материалах, хранящихся в этом архиве, говорила на открытии выставки научный сотрудник архива *С.Л. Турилова*.

Последний день конференции прошел в Остафьеве, подмосковном имении *Вяземских*, где писались первые восемь томов "Истории государства Российского" (ныне филиал ГМП). После долгого перерыва в Остафьевском доме для участников конференции была открыта комната Карамзина, многие годы служившая ему рабочим кабинетом. Гости познакомились также с экспозицией "Из истории Остафьева" и выставкой живописи и графики *В.П. Шереметева*. Возложением цветов к памятнику *Н.М. Карамзину* в Остафьеве конференция закончила свою работу.

В.А. Невская

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ К.Н. ТАРНОВСКОМУ

15 октября на заседании Археографической комиссии состоялась чтения, посвященные памяти *Константина Николаевича Тарновского*, которому в этом году исполнилось бы 70 лет. Открывший чтения академик *П.В. Волобуев* отметил, что последние годы сделали особенно ясной потерю, которую понесла отечественная историческая наука. Именно теперь, когда коренным образом пересматриваются теоретические и методологические подходы в науке, честный и острый взгляд *К.Н. Тарновского* был бы незаменим. Еще на студенческой скамье он заявил о себе как о талантливом, многогранном исследователе. Он принадлежал к выпуску истфака 1952 г., на котором выделялась целая группа одаренных студентов. В годы застоя *К.Н. Тарновский* являл собой образец гражданского мужества, верности чести ученого и заплатил за это собственной жизнью. Несмотря на преследования и нападки, он не согнулся, не покаялся, не изменил своим

убеждениям. Как ученый и гражданин *К.Н. Тарновский* был шестидесятником. Эволюция его взглядов была типичной для многих представителей этого поколения: через отрицание сталинизма и новое прочтение Ленина к формированию широких самостоятельных взглядов на теорию исторического процесса. Говоря о так называемом "новом направлении" в исторической науке, *П.В. Волобуев* подчеркнул, что *К.Н. Тарновский* был его фактическим главой и вдохновителем. Как генератор новых идей он вместе с *И.Ф. Гиндиным* заложил концептуальные основы этого направления. Время доказало жизнеспособность и актуальность их идей — концепции многоукладности и российско-прусского типа капитализма в России, специфического "обратного" по сравнению с Западом формирования капитализма, классов и партий в России, теории "второго эшелона", догоняющего развития и пр. Глубокий интерес *К.Н. Тарновского* к методологическим и

теоретическим проблемам нашел отражение не в специальных теоретических работах (как известно, попытки их создания пресекались, и такие труды не публиковались), а в историографических работах. Принципиальная его особенность как историографа в том, что он не судил со стороны, а вникал в каждую проблему и одновременно становился ее исследователем. П.В. Волобуев выразил уверенность, что труды К.Н. Тарновского выдержат суровое испытание, которому в наше время крутой ломки старых научных представлений подвергаются все научные работы. Историки в течение многих десятилетий будут обращаться к ним, находя в них острую постановку проблем и ответы на многие коренные вопросы.

В.В. Шелохаев (Институт теории и истории социализма) остановился на последних двух годах творческой биографии К.Н. Тарновского. В эти годы он стремился в своих теоретических изысканиях и практической деятельности выйти далеко к рамки принятых традиций. Занимаясь ленинскими "Тетрадами по империализму", он безуспешно пытался получить документы в отделе Ленина в ЦПА уже в годы перестройки. С большим трудом он добился доступа к ним, однако подлинники тетрадей ему показывали лишь издали в присутствии сотрудников. Написав предисловие к изданию работы Ленина "Империализм как высшая стадия капитализма", он задумал специальную книгу об этом, где хотел поднять принципиально важные вопросы. Однако прежняя дирекция Института истории СССР не включила его книгу в план работы института. Попытка прорыва, поиски нового подхода выразились в участии К.Н. Тарновского в готовившихся во второй половине 1980-х годов "Очерках истории КПСС". С большим энтузиазмом взялся он за подготовку проспекта и модели этой работы. Он хотел не только выдвинуть новые идеи по истории партии, но и проследить модель развития России с середины 1820-х годов до современности, предполагая рассмотреть истоки процесса. К.Н. Тарновский был тем редким типом ученого-творца, который с равным успехом мог и генерировать новые идеи, и реализовывать грандиозные замыслы.

В.Н. Шевченко (АОН) привела к К.Н. Тарновскому в конце 1970-х годов проблема философского обоснования исторических процессов в обществе и места России во всемирно-историческом развитии. Тематами бесед и интереснейших дискуссий были проблемы, помогающие понять непредсказуемое развитие нашей страны — иной, чем на Западе, путь буржуазного развития, особый тип взаимодействия социально-экономических укладов, ведущий к революциям, катастрофическое для страны наложение одной эпохи на другую. Все эти черты и создают ситуацию, в которую и сегодня упирается преобразование страны, отсутствие предпосылок для создания истинно правового государства, вывода России на новые пути. В спорах, которые велись тогда, поражала ясность мысли К.Н. Тарновского, его умение выслушать оппонента, честное стремление добраться до истины.

Г.З. Иоффе (ИИ) рассказал, как в 60-х годах

судьба свела его с К.Н. Тарновским, когда он, работавший тогда в издательстве "Наука", редактировал монографию К.Н. Тарновского "Советская историография российского империализма" (М., 1964). Оглядываясь назад, можно сказать, что К.Н. Тарновский был лучшим представителем историков-шестидесятников — светлой, талантливой личностью, беззаветно преданной науке, полной новых, плодотворных идей. Работа с ним протекала в живой, радостной атмосфере. Но время ломало и гнуло его, как многих лучших наших ученых. К концу 70-х годов это был уже сильно изменившийся человек. Обстановка гонений не могла пройти для него даром, он так и не раскрыл своего таланта.

М.С. Симонова (ИИ) напомнила о том огромном долге, который накладывает на нас потеря: мы должны создать коллективный портрет того поколения историков, к которому он принадлежал и лучшим представителем которого был. Дарование Тарновского раскрылось уже в студенческие годы. Но переломом для него, как и для всего поколения шестидесятников, стал XX съезд. Он принял самое активное участие в подготовке известного доклада парткома Института истории в феврале 1966 г., явившемся декларацией прав гражданина и ученого (пора опубликовать этот документ). Одним из первых он обратился к историографии, решительно порвав с отвратительной традицией зачеркивания и принижения ученых, смело реабилитируя их доброе имя. Он создал новый тип историографического исследования, содержанием которого была проблема научного поиска, борьбы идей и новаторства в исторической науке. Новатором являлся и он сам — и в своих конкретных исследованиях, и в обобщающих трудах. Первоначально Тарновский испытывал в Институте лишь пассивное сопротивление своим идеям. Но в середине 70-х годов на него, как и на ряд других ученых, обрушились настоящие гонения. Был практически заблокирован выход в свет его работ. Но он и тогда самоотверженно сохранил верность своим принципам, разрабатывая проблему многоукладности в историко-географическом исследовании о местной промышленности России. Круг его научных интересов был крайне широк. Во всем проявлялся его многообразный талант — как в изучении становления партии нового типа, так и в историко-социологических обобщениях о типе российского капитализма. Необходимо обратить внимание на неопубликованные работы К.Н. Тарновского.

Эту тему продолжил *Б.Г. Литвак* (ИИ), поднявший вопрос об издании ценнейшего исследования К.Н. Тарновского, посвященного мелкотоварной промышленности в России. Значение этого труда — прежде всего в том конкретном фактическом материале, который убедительно противостоит всем обвинениям в преувеличении роли мелкотоварного уклада в России. Эта работа показывает картину массового русского предпринимательства, приобретающего особое значение в современных обстоятельствах.

Я.Е. Водарский (ИИ) вспомнил о том, как насылою переажженный в сектор исторической географии К.Н. Тарновский нашел в себе силы не только продолжать работать, но и использовать новую обстановку для творческих целей. Работа в секторе в известной мере способствовала сосредоточению ученого на конкретном историческом материале. Составление исторических карт требовало углубления в статистический материал, в документы. Это открыло для его творчества новые аспекты, в прямой связи с которыми находится его монография о мелкой промышленности.

Е.Г. Плимак (Институт рабочего движения и сравнительной политологии АН) остановился на истории той борьбы, которую ему вместе с К.Н. Тарновским пришлось вести при отстаивании своих взглядов. Прошедшие десятилетия были временем постепенного обесценивания исторической науки. Достаточно указать на тот ущерб, который нанесли ей действия Трапезникова. Глубокой ошибкой было разделение Института на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Были в эти годы ошибки и у К.Н. Тарновского. Однако его идеи в том виде, как они сформировались окончательно, окажут большое влияние на развитие науки.

О разнообразных интересах К.Н. Тарновского вспоминал Д.А. Авдусин (МГУ). Он не случайно стал студентом ИФЛИ перед войной: у него было несомненное литературное дарование. В поэзии он всем предпочитал Маяковского, любил Твардовского, отрицательно относился к Есенину. Среди его любимых композиторов был Скрябин, близость творчества которого к революционной эпохе его интересовала.

Я.Н. Шапов (ИИ) учился на одном курсе с К.Н. Тарновским в МГУ. К.Н. Тарновский пришел на истфак уже сложившимся человеком, прошедшим фронт, с отчетливым интересом к теоретическим проблемам. Его студенческая работа о древнерусской общине получила первую премию на конкурсе студенческих работ. В те годы он всегда был в центре общественной жизни, общение и дискуссии с ним приносили радость. Горько было видеть, как изменился он в последние годы.

К.Н. Тарновский обладал цельным видением истории России, сказал В.А. Емец (ИИ). Еще в 1963 г. он вплотную подошел к определению типа российского капитализма, для чего необходимо было обратиться к изучению феодализма в России. В последние годы он пытался рассмотреть тип российского социализма. Выстраивалась общая концепция социально-экономического развития России, что прямо выводило на проблему предпосылок Октябрьской революции. Однако при редактировании его работ все это вырубалось. В.А. Емец сообщил о прошедшем в Ленинграде заседании Ученого совета ЛОИИ, посвященном памяти К.Н. Тарновского, и о принятом там решении издать его монографию о мелкой промышленности.

О К.Н. Тарновском — друге, собеседнике, единомышленике вспоминал А.А. Курносов (АК). Каждый человек был интересен ему своей

особостью, и он как-то незаметно — непринужденностью тона, беспешностью ритма, а главное глубокой заинтересованностью умел помочь ему раскрыться. Он был подлинным эстетом во всем — наслаждался собственной работой, чужой мыслью, прекрасной музыкой, а важнейшим предметом его любования были люди. Каждое открытие человека его радовало, а "закрытие" глубоко и горько переживалось. Рубил он беспощадно, даже с близкими людьми, если были задеты какие-то очень важные струны его натуры. Внешние знаки успеха, конечно, не были ему безразличны, но ценились не очень высоко. А вот ощущение истинного продвижения к новому знанию по-настоящему радовало. Ему было очень важно именно ощущение движения. Поэтому с таким удовольствием разговаривал Константин Николаевич о своих (и чужих) находках, если собеседник мог развить ход его мысли, побудить к новым размышлениям. Завершенность, закрытость логического построения его и отталкивала, и будила желание отыскать в монолите брешь. Таково, по мнению А.А. Курносова, было его отношение к марксистско-ленинской доктрине российской истории. Не отвергая ее, он в то же время отталкивался от нее в решении сверхзадачи — что же такое Великая Октябрьская революция. И приходил к выводу, что это следствие того, что именно в России завязались в узел все силовые линии противоречий, накалявших атмосферу в Европе и в мире. Для философии истории К.Н. Тарновского важнейшей была мысль об альтернативности в истории. А.А. Курносов также остановился на той роли, которую играл в общественной жизни партком Института истории в 1960-х годах. Входившие в него К.Н. Тарновский, М.Я. Гефтер, В.П. Данилов, М.С. Симонова и другие противостояли тупой машине подавления, отстаивали право ученых мыслить самостоятельно. Наш долг — написать работу об этой духовной атмосфере Института в 60-х годах, собрав воспоминания участников этого процесса, документы; проанализировав борьбу, которая велась то подспудно, то вырываясь на поверхность и которая закончилась разгромом Института истории и его разделением в 1968 г.

Эту мысль продолжил Ю.И. Кораблев (ИИ). Он отметил, что К.Н. Тарновский был одним из немногих ученых, преодолевших в себе чувство страха перед догматической идеологией, партией, Старой площадью. Он мужественно противостоял волне махрового догматизма, по праву заслужив славу рыцаря без страха и упрека. История жизни и борьбы К.Н. Тарновского убеждает в том, как актуальна задача честного анализа советской исторической науки.

Выдвинутые К.Н. Тарновским идеи были новым словом в исторической науке, сказал К.Ф. Шаццло (ИИ).

Идея многоукладности выбивала почву из-под ног тех, кто утверждал, что, раз в России сложился финансовый капитал, значит сложился капитализм и пора переходить к социализму. Эта идея показала свойственный К.Н. Тарновскому дар предвидения, отразившийся и в упомянутом

докладе парткома, в котором предугадано все то, о чем открыто заговорили лишь через 30 лет. Именно такое качество и делает человека настоящим ученым. *Ю.В. Андрушайтите* (АК) рассказала о ряде блестящих статей К.Н. Тарновского, напечатанных в "Археографическом ежегоднике" в последние годы. *А.П. Корелин* и *В.И. Миллер* (ИИ) поддержали предложение об издании книг об общественной жизни Института истории в 60-х годах. В.И. Миллер остановился на еще одном важном направлении исследовательской мысли К.Н. Тарновского — изучении судеб кооперации в России. Следовало бы собрать его статьи, сказал В.И. Миллер, и издать отдельным сборником. Он предложил также сделать традиционными чтения памяти К.Н. Тарновского и посвятить их острым проблемам истории России начала XX в.

В заключение *С.О. Шмидт* отметил, что заседание стало продолжением общения с личностью К.Н. Тарновского — ученого и мыслителя. Тарновский был талантлив во всем — и как

историк-философ, и как исследователь конкретной истории, и как прирожденный педагог. Всегда поражал его исследовательский диапазон: помимо основных областей своих работ он профессионально занимался археологией, ранним средневековьем, источниковедением, археографией, был блестящим популяризатором знаний. Человек нетрадиционного мышления, он предчувствовал многое из грядущего. Именно поэтому остаются столь актуальными сегодня проблемы, которые он выдвигал, и можно сказать, что сделанное им глубоко современно. *С.О. Шмидт* возразил против утверждений, что К.Н. Тарновский сильно изменился в последние годы. Он был в это время уже сильно болен и, сохраняя прежнюю ясность мысли, не мог уже реализовать ее в трудах. *С.О. Шмидт* также поддержал мысль об издании истории Института истории и предложил опубликовать обзор архива К.Н. Тарновского.

М.П. Мироненко

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ Н.Я. ЭЙДЕЛЬМАНА

29 ноября 1990 г. в Музее А.И. Герцена состоялось заседание, посвященное памяти историка и писателя Натана Яковлевича Эйдельмана, организованное Музеем и Археографической комиссией АН СССР.

Заседание открыла *И.А. Желвакова* (Муз. Герцена). Она отметила, что Н.Я. Эйдельман был связан с Музеем А.И. Герцена со времени подготовки его к открытию — участвовал в дискуссиях о концепции музея, тематических планах экспозиции. Он сделал первый доклад в ряду научных заседаний музея и последний раз выступал в музее незадолго до своей кончины. Сегодня делается первая попытка обобщить, что сделано Н.Я. Эйдельманом в науке, литературе и публицистике.

Во вступительном слове *С.О. Шмидт* подчеркнул, что Н.Я. Эйдельман был выдающимся ученым-историком, блестящим специалистом в классических вспомогательных исторических дисциплинах и археографии, являлся членом Археографической комиссии. Уже состоялось заседание, посвященное памяти Н.Я. Эйдельмана в Музее А.С. Пушкина, где его друзья больше вспоминали подробности частного характера о недавно ушедшем близком им человеке. Настает время оценить вклад Н.Я. Эйдельмана в нашу науку и культуру. Личность Н.Я. Эйдельмана — явление, экстраординарное и по человеческому обаянию, и по значению в развитии нашей литературы, и по вкладу в изучение России эпохи конца XVIII — первой половины XIX в. (в последние годы он обратился и к XX в.), в развитие общественного интереса к отечественной истории. Его большой писательский дар как бы заслонял большой талант историка. Н.Я. Эйдельман был новатором в области методики исторического исследования. Он брал малоизученные темы или темы, казавшиеся "ходульными", но по-настоящему неисследованные.

Обладая большим источниковедческим и археографическим мастерством, он умел найти путь к неизвестным документам. Задача историков показать место Н.Я. Эйдельмана в развитии традиционной исторической науки. Очевидно, необходимо издать его труды с соответствующим научно-справочным аппаратом, опущенным в первых изданиях, что даст возможность увидеть его блестящую лабораторию исследования, фундаментальность его построений. Н.Я. Эйдельмана можно назвать одним из самых крупных наших историков третьей четверти XX в.; таким он должен предстать в XXI в.

А.Г. Тартаковский (ИИ) согласился с мнением *С.О. Шмидта* о том, что Н.Я. Эйдельман был прежде всего выдающимся историком. Поражает масштаб и диапазон его исследований — 25 книг, сотни статей, несколько томов публикаций источников, охватывающих события от летописной истории до начала XX в. К сожалению, остались неосуществленными его замыслы написать работы о Пугачеве, Екатерине II, Александре I и др. За внешней стороной необыкновенной продуктивности Н.Я. Эйдельмана скрыта большая борьба историка-писателя со всем, что мешало его творчеству. Прежде всего это борьба с официальной историографией в 70-е годы, особенно сузившей тематические рамки исследований. Внутренняя свобода, раскованность Н.Я. Эйдельмана позволили ему использовать самые современные методы исследования — моделировать возможные варианты альтернативного развития истории. В большинстве работ Н.Я. Эйдельмана органически соединяется исследователь и художник, прошлое для него было эстетической категорией. Огромный размах имела просветительская деятельность Н.Я. Эйдельмана; лишенный возможности преподавать, он постоянно выступал перед различной аудиторией. Он продолжил дело великих исто-

риков-писателей XIX в., духовно обогатил всех нас.

Е.Л. Рудницкая (ИИ) остановилась на одном из направлений многогранного творчества Н.Я. Эйдельмана — изучении издательской деятельности А.И. Герцена. Первые архивные находки Н.Я. Эйдельмана связаны с герценовским "Колоколом". Сама личность Герцена — писателя, мыслителя, публициста была родственна ему. В результате работы Н.Я. Эйдельмана над комментариями к факсимильным изданиям Вольной русской типографии родились не только две монографии — выработался особый стиль историка-писателя, открылись новые направления исследования: политическая история XVIII в., Пушкин, декабристы. Тема "вольная печать и русское общество" особенно актуальна в наши дни; в этом плане следует рассматривать и тему "Герцен и Эйдельман".

Заслуженный работник культуры РСФСР *С.В. Житомирская* подчеркнула, что Н.Я. Эйдельман был совершенно свободным человеком и посвятил значительную часть своей жизни изучению свободных людей прошлого. Эти люди всегда находились в роковом противостоянии личности и власти. Теперь на многие проблемы истории русского освободительного движения мы смотрим глазами Н.Я. Эйдельмана. Наиболее ярким примером нового подхода к теме, изучавшейся многими предшественниками, является работа Н.Я. Эйдельмана над изучением жизни и взглядов Лунина. В результате не только родилась блестящая книга, но и впервые полностью издано творческое наследие декабриста и мыслителя, изменившее наши представления о нем. Н.Я. Эйдельман стал основателем многолетней серии публикаций сочинений декабристов (воспоминаний, публицистики, писем), что произошло экспромтом на встрече друзей после юбилейной конференции в Иркутске в 1975 г. За короткий срок (15 лет) было издано 17 томов — необычное явление для нашей археографии (в 1991 г. вышел уже 20-й т.).

В.С. Антонов (Изд. "Мысль") поделился своими воспоминаниями о встречах с Н.Я. Эйдельманом при подготовке его книг к изданию, отметил запомнившиеся ему человеческие качества Натана Яковлевича — безграничную доброту и одновременно принципиальность, а также его огромные познания в истории, энциклопедизм. Он сообщил о готовившемся в издательстве "Мысль" трехтомнике избранных работ Н.Я. Эйдельмана. Вместе с тем В.С. Антонов выразил сомнения в необходимости придать академический вид трудам историка-писателя. Это вызвало пояснение С.О. Шмидта, что речь может идти только о снабжении текста необходимым научным аппаратом.

В своем выступлении *Е.Г. Плимак* (ИМРД) поделился мыслями об общественно-политическом сознании русских писателей и мыслителей XVIII—XIX вв., для изучения которых так много сделал Н.Я. Эйдельман. Если для XVIII в. характерно раздвоение сознания (Радищев — Щербатов), то Герцен — уже синтезирующая фигура в русском освободительном движении. Эту особенность

Герцена наиболее объективно сумел выделить в своих работах Н.Я. Эйдельман. Выступавший также отметил насущную задачу специального изучения творческого наследия Н.Я. Эйдельмана перед переизданием его трудов и проведение тщательной библиографической работы.

А.И. Володин (АОН) начал свое выступление с воспоминания о вопросе, заданном в этом зале докладчику Н.Я. Эйдельманом 10 лет назад: к какому направлению принадлежал П.Л. Лавров — Герцена или Чернышевского? Для Н.Я. Эйдельмана Герцен и Чернышевский — два различных типа отношения к истории и действительности. Для Чернышевского важно изменение внешней обстановки. Для Герцена личность в истории — прежде всего. Позиция Эйдельмана, его историсофия: человек — главный стержень прогресса. Во всех его работах лежал пласт собственных представлений, а главными героями были свободные личности. Духовный мир Герцена переселился в самого Эйдельмана. Но он не менялся. Если в 70-е годы и его занимали проблемы внутренней свободы, то в последние годы он все больше стремился к публицистике. В то же время в работах Н.Я. Эйдельмана появлялось все больше теоретических построений. В любой книге Н.Я. Эйдельман обращался к догадке, гипотезе как к приему, позволяющему лучше осмыслить события. Одной из наиболее оригинальных черт его творчества было использование "сослагательного наклонения в истории", построение альтернативного развития событий.

Историк и поэт *В.Д. Берестов* (СП) рассказал собравшимся о годах учебы Н.Я. Эйдельмана на истфаке МГУ. Именно в это время, в конце 40-х годов истории выработали стиль писать сухо, а Н.Я. Эйдельмана спасло то, что он стал не просто историком, но и писателем. Особое место в его творчестве занимал Пушкин. Он учился у Пушкина смотреть на исторический факт со своей точки зрения и в то же время со стороны. Такой авторский подход не губит научности, а напротив, показывает живое, нетрадиционное отношение Эйдельмана к науке. Н.Я. Эйдельман всегда был самим собой, даже в трудные 70-е годы он жил с идеями, проявившимися только сейчас. Его желанием было "изъять и переносить в прошлое все лишнее".

Закрывая заседание, *С.О. Шмидт* отметил, что на нем прозвучали в основном две темы: 1) Н.Я. Эйдельман как читатель "великих" и 2) мы как читатели Н.Я. Эйдельмана. Именно писательство дало возможность выжить выдающемуся историку. Нужно показать общественности, какое большое место занимал Н.Я. Эйдельман в отечественной культуре. Вероятно, можно подумать об Эйдельмановских чтениях, где можно было бы обсуждать не только проблемы его огромного наследия, но и современные проблемы изучения истории и культуры России XVIII—XIX вв.

Б.Н. Морозов

**ЕВГЕНИЯ
ЭДУАРДОВНА
ГРАНСТРЕМ
(1911—1991)**

15 марта 1991 г. скончалась Евгения Эдуардовна Гранстрем, замечательный ученый-палеограф, член Археографической комиссии АН. Е.Э. Гранстрем не дожила нескольких месяцев до своего восьмидесятилетия. Ее жизнь была отдана изучению огромного рукописного материала ленинградских, и не только ленинградских хранилищ, широкой пропаганде знаний о рукописях, передаче накопленных знаний и опыта многочисленным ученикам.

Е.Э. Гранстрем родилась 7 июля 1911 г. в семье потомственных медиков. Ее отец Эдуард Андреевич Гранстрем был известным хирургом, профессором Военно-медицинской академии. Врачом была также и мать, Евгения Евстафьевна Воскобойникова-Гранстрем. В 1932 г. Евгения Эдуардовна окончила ЛГУ по специальности «английская филология». В течение года с небольшим она работала в одной из библиотек ЛГУ, а в марте 1934 г. поступила на работу в ГПБ, с которой оказалась связанной вся ее последующая жизнь. В ГПБ Евгения Эдуардовна встретила с одним из выдающихся русских ученых-византистов профессором Владимиром Николаевичем Бенешевичем, и эта встреча определила характер дальнейших занятий Евгении Эдуардовны. В ноябре 1935 г. она поступила в аспирантуру, существовавшую в то время при ГПБ, и стала работать под руководством В.Н. Бенешевича над кандидатской диссертацией «Принципы описания греческих рукописей». Одновременно Евгения Эдуардовна серьезно занималась изучением средневекового греческого языка и другого замечательного ученого — эллиниста-филолога П.В. Эрнштедта.

После окончания аспирантуры, с начала 1938 г. Е.Э. Гранстрем стала сотрудницей Рукописного отдела ГПБ, в котором и проработала более 25 лет до своего выхода на пенсию. В начале 1941 г. она защитила кандидатскую диссертацию.

Первая же печатная работа Е.Э. Гранстрем (кроме автореферата диссертации) — это обзор греческих рукописных материалов, хранящихся в ГПБ¹, изучение греческих рукописей ГПБ и стало главным делом жизни Евгении Эдуардовны. Одновременно она начинает заниматься описанием и изучением сначала древнерусских грамот, а затем и славянских рукописных книг собраний ГПБ. Это дало Евгении Эдуардовне богатейший материал для теоретических разработок не только в области греческой палеографии и кодикологии, но и палеографии славяно-русской. Глубочайшим убеждением Евгении Эдуардовны, которое она постоянно стремилась передать своим ученикам, было сознание неразрывной связи славянской и византийской культур, а отсюда и необходимости изучения этой связи во всех ее проявлениях. Е.Э. Гранстрем была патриотом в самом высоком значении этого слова не только как гражданин своего народа, но и как ученый. Она полагала, что долгом каждого специалиста-гуманитария является приложение его специальных знаний к изучению истории культуры собственной страны, и относила это в первую очередь к эллинистам и византинистам. В научной деятельности самой Евгении Эдуардовны проблемы славяно-русской палеографии, источниковедения, истории культу-

¹ См.: Список трудов Е.Э. Гранстрем (К 50-летию со дня рождения) // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 337—340.

ры занимают не меньше место, чем проблемы греческой палеографии и кодикологии. Поэтому именно на материале русских и славянских рукописей сформулированы первые ее теоретические обобщения: "О связи кирилловского устава с византийским унциалом" (1950), "К вопросу о происхождении глаголической азбуки" (1953), "Сокращения древнейших славяно-русских рукописей" (1954).

Б.Л. Фонкич в статье к 75-летию Е.Э. Гранстрем подробно охарактеризовал ее деятельность по созданию каталогов греческих рукописей². Можно добавить, что создание ею сводного каталога греческих рукописей византийской эпохи ленинградских хранилищ было научным подвигом по крайней мере по двум причинам. Первая: если рукописи ГПБ уже были известны благодаря трудам предшественников Евгения Эдуардовны в ГПБ (Э. Муральта, А.И. Пападопуло-Керамевса, Х.М. Лопарева, И.А. Бычкова, В.Н. Бенешевича), то для других собраний она явилась первооткрывателем и первоописателем. Это относится прежде всего к собранию греческих рукописей БАН, до печатных обзоров Евгения Эдуардовны практически неизвестного, а потому и недоступного специалистам. И вторая причина: Евгения Эдуардовна работала над сводным каталогом ленинградских хранилищ в условиях почти полного отсутствия необходимых справочников, которые ко времени создания каталога уже были изданы за рубежом.

Еще об одном каталоге следует сказать особо. Это "Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв." (М., 1984). В 1958 г. Евгения Эдуардовна сделала на IV Международном съезде славистов доклад "О подготовке сводного каталога славянских рукописей". Она была одним из авторов этой идеи. Тогда, в 1958 г., это казалось далекой и почти неисполнимой перспективой. Помню, каким праздником был для Евгения Эдуардовны выход в свет этого издания.

Говоря о Е.Э. Гранстрем как о специалист-источниковеде, надо отметить широту и нестандартность ее подхода к источникам. Мне повезло работать вместе с Евгенией Эдуардовной над совместной статьей "Мировой фонд греческих рукописей"³. В этой статье сформулировано понятие о мировом фонде греческих рукописей как *всей* совокупности сохранившихся письменных источников на греческом языке, и высказана мысль о необходимости учета, библиографирования и систематизации описаний и каталогов всех существующих в мире собраний греческих рукописей в соответствии с требованиями использования всех существующих списков для критических изданий текстов. Эта идея представляется очень плодотворной и для других рукописных собраний.

В 1969 г. Евгения Эдуардовна блестяще

защитила докторскую диссертацию на тему "Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии". Диссертация представляла собой обобщение громадного опыта работы с тысячами греческих и славянских рукописей и приложенный к этому сводный каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ (до 1453 г.).

Наряду с плодотворной работой над созданием каталогов рукописных собраний Евгения Эдуардовна на протяжении всей жизни занималась педагогической деятельностью и создала целую школу палеографов и кодикологов. Она начала преподавать сразу после окончания Великой Отечественной войны. Первым ее учебным курсом был курс средневекового греческого языка для студентов кафедры истории средних веков ЛГУ. С 1948 г. она начинает преподавать греческую палеографию в ЛГУ, ЛО ИВАН и ЛОИИ, а также русскую палеографию в ЛГУ и ленинградских архивах. Греческую палеографию Евгения Эдуардовна преподавала в ЛГУ в течение 20 лет, до 1968 г., когда она передала этот курс своей ученице, автору настоящих строк, и этот курс читается в ЛГУ до настоящего времени по принципам, заложенным Евгенией Эдуардовной. Она была научным руководителем нескольких признанных специалистов в области греческой палеографии, прежде всего Б.Л. Фонкича и З.Г. Самодуровой. У нее проходили стажировку и учились работе с рукописями практически все специалисты Украины, Грузии, Армении, не говоря уже о разных городах России.

О Евгении Эдуардовне-учителе надо сказать особо. Представитель настоящей петербургской интеллигенции, Евгения Эдуардовна понимала главную задачу своей жизни как исполнение человеческого и профессионального долга. Будучи человеком аскетического склада в своих житейских потребностях, большую часть времени она отдавала рукописям и ученикам. Для учеников она являлась образцом человеческого достоинства и принципиальности, порядочности в самом высоком смысле этого слова. Евгения Эдуардовна была для многих человеком не очень удобным и легким по причине своей бескомпромиссности, резко отрицательного отношения к любому проявлению беспринципности. И того же ждала и имела право требовать от своих учеников.

Хочу вспомнить обстоятельства моего знакомства с Евгенией Эдуардовной. После окончания университета я поступила в 1955 г. на работу в Отдел редкой книги ГПБ. Через несколько месяцев ко мне подошла еще молодая, красивая, очень строгого вида женщина; представилась как хранитель фонда греческих рукописей и спросила, не хочу ли я начать заниматься с ней греческой палеографией. Оказалось потом, что она узнала о моем интересе к

² Фонкич Б.Л. Е.Э. Гранстрем как исследователь греческих рукописей советских собраний (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 152—155.

³ Опубликовано в кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 194—199.

греческой культуре (я писала дипломную работу об Аристотеле) и моих слабых познаниях в греческом языке. Мы начали заниматься, а через некоторое время я поступила в аспирантуру на кафедру истории средних веков в ЛГУ по специальности "источниковедение и историография Византия". Евгения Эдуардовна была назначена моим научным руководителем. Она предложила мне в качестве темы диссертации позднюю греческую хронику Псевдо-Дорофея Монемавасийского. Тема была выбрана не случайно: в разных рукописных собраниях существовали списки русского перевода хроники. Тема оказалась золотоносной жилой: были обнаружены также румынский, грузинский и арабско-христианский переводы хроники, сделанные примерно в одно и то же время в XVII в. Параллельно с работой над диссертацией Евгения Эдуардовна готовила меня для будущей работы, как она говорила, в одном из ленинградских хранилищ по описанию греческих рукописей. Таким хранилищем оказалась Библиотека Академии наук СССР, в которой я стала работать с 1961 г. Евгения Эдуардовна напутствовала меня следующим образом: "Я рекомендовала Вас для работы в этом храме науки. Постарайтесь, чтобы мне не пришлось пожалеть об этом и краснеть за Вас". Наверное, всем нам нужно почаще слышать такие слова от наших наставников.

Два последних десятилетия своей жизни Евгения Эдуардовна боролась с тяжелейшим недугом. Кроме сильнейших физических страда-

ний, мучительным для нее было сознание невозможности работать с прежней интенсивностью. Она глубоко страдала от того, что не могла вовремя получить нужную ей книгу, посмотреть рукопись. Мы поражались мужеству, с которым она переносила и боли, и муки нравственные. Это действительно пример настоящей победы над смертельной болезнью. Уже больная, Евгения Эдуардовна подготовила несколько больших трудов, из которых важнейший — обзор творений Иоанна Златоуста, принадлежащих ему и приписываемых, в славяно-русской письменности. Она продолжала учить и консультировать многочисленных отечественных и зарубежных специалистов. Еще при жизни Евгении Эдуардовны ей посвятил свою книгу американский историк Д. Уо⁴.

Евгения Эдуардовна была человеком немногословным. Последуем и мы ее примеру. Можно было бы еще много сказать о ее научных и человеческих заслугах. Но лучшей данью светлой памяти Евгении Эдуардовны будет, если мы попытаемся хоть немного быть похожими на нее в исполнении своего жизненного долга, в отношении к своему делу, к своим ученикам, к своей науке, к своей культуре, к своему народу. И нашим долгом также является издать докторскую диссертацию Е.Э. Гранстрем и переиздать каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, который уже давно стал библиографической редкостью.

И.Н. Лебедева

⁴ *Wagh D.-C. The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphical Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus (Ohio), 1978.*

**ЮРИЙ
ЯКОВЛЕВИЧ
РЫБАКОВ
(1935—1991)**

24 мая 1991 г. скоропостижно скончался Юрий Яковлевич Рыбаков — ведущий специалист по источниковедению России XIX — начала XX столетия, человек редкого трудолюбия и редкой скромности. Скончался сразу же по приезде из командировки во Владимир, где самозабвенно занимался в архиве — иначе работать он не умел, и возвращался мыслью к дням своей юности — туда еще в 1956 г. ездил вместе с друзьями по студенческому научному кружку источниковедения отечественной истории МГИАИ, там будущий проникновенный знаток материалов не только столичных (московских и петербургских), но и провинциальных архивов, начинал и самостоятельную творческую деятельность: первый его печатный труд — статья в сборнике 1961 г. к десятилетнему научному студенческому кружка — написана на основании изучения ведомостей фабрик и заводов Владимирской губернии за 1820—1850-е годы. И дорогими памятными впечатлениями он делился с местными историками-архивистами (уже: из последующего поколения кружковцев).

Ю.Я. Рыбаков родился 9 ноября 1935 г. в Переславле, близ Плещеева озера. В его семье трудолюбие, ответственное отношение ко всякому делу и доброжелательное отношение к другим почитались превыше всего. В 1953—1958 гг. Юра Рыбаков — студент Московского историко-архивного института, где его скоро выделили и преподаватели и студенты, и он стал персональным сталинским стипендиатом как лучший студент вуза. Привлекали и его неутомимая любознательность и в то же время серьезная основательность при подготовке докладов, организованность мысли и склонность и способность к изощренной источниковедческой методике. Эти рано обнаружившиеся качества исследователя, сочетавшиеся с душевной внимательностью и добротой, с застенчивостью и с внутренним неприятием карьеристской психологии, вызвали

особую симпатию, что отражено и в шуточном студенческом фольклоре.

Уже в студенческие годы Ю. Рыбаков пробовал силы в настоящей исследовательской работе по истории советского периода под руководством С.И. Якубовской и XIX в. под руководством В.К. Яцунского, и эти сочинения были отмечены на Всесоюзных конкурсах студенческих работ.

В.К. Яцунский, ставший его главным наставником, возлагал на юношу большие надежды, доверяя разработку проблем, особенно его тогда привлекавших, знакомя с сокровенными приемами нашего ученого "ремесла", рассчитывая видеть его своим аспирантом. Но Ю.Я. Рыбаков сначала работал (в 1958—1961 гг.) как историк-архивист в Ярославле, в 1960—1961 гг. — начальником отдела дореволюционных фондов Госархива Ярославской области. Он подготовил аннотированное описание многих архивных фондов хранилищ не только Ярославля, но и Ростова Великого, Рыбинска, Углича. В Ярославле он близко сходилась с замечательным знатоком памятников Древней Руси — археографом и нумизматом Владимиром Васильевичем Лукьяновым и позднее напишет статью о нем в "Археографическом ежегоднике за 1988 год". Напишет он с благодарностью памяти (и это характерно для строя души Юрия Яковлевича) и о Викторе Корнелевиче Яцунском (статья в "Археографическом ежегоднике за 1969 год" и в книге "История географических знаний и историческая география. Этнография." Вып. 4. М., 1970).

Аспирантом В.К. Яцунского он был в 1961—1964 гг., и часть его диссертации была еще при М.Н. Тихомирове напечатана в "Археографическом ежегоднике за 1964 год". Поработав затем некоторое время снова в Ярославле, где начал и педагогическую деятельность в вузе, Ю.Я. Рыбаков в 1966 г. окончательно поселился в Москве. Пять лет он преподавал на родной ему

кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, где защищал дипломную работу, готовил диссертацию. Широкий исторический и историографический кругозор и требовательное внимание к методическому мастерству сочетались с уважительным и сердечным отношением к молодежи, бытовые трудности которой старожилу общежитий были особенно понятны. Это снижало ему (хотя Юра Рыбаков и не обладал особо выигрышными данными — ни ораторским даром возбуждающей или образной речи, ни полемическим задором, ни своеобразием внешних манер) не только признательность, но и любовь студенчества. Естественно, что Ю.Я. Рыбаков при чистоте его душевных устремлений в пору, когда в МГИАИ с приходом к власти в ректорате С.И. Мурашева и М.С. Селезнева при полном сервильизме партбюро начались гонения на прежних преподавателей и подлинную науку, оказался в числе протестантов, и в 1971 г. он перешел на основную работу в Институт истории СССР АН СССР, в сектор источниковедения истории СССР дооктябрьского периода, позже — отдел источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода, сотрудником которого оставался до конца своих дней.

Здесь, помимо непрерывной, внешне быть может даже изнурительной, но так обогащавшей его мысль исследовательской работы, он немало сил отдает и организационно-издательской деятельности по подготовке сборников статей по истории и генеалогии, об источниках по истории России XIX — начала XX в., живое участие принимает в обсуждении волновавших тогда проблем теоретического источниковедения. Удивлявшее многих естественное совмещение объективности оценок людей с неизменной доброжелательностью, а, пожалуй, также и безотказная доброосведность побуждали выдвигать именно Ю.Я. Рыбакова на общественную работу, связанную с непосредственным общением с людьми, рекомендовать его в избирательные комиссии по выборам в Советы депутатов.

Ю.Я. Рыбаков работал неустанно и последовательно, совершенствуя, конечно, исследовательскую методику, но не поддаваясь соблазну скорого обращения к модным ее приемам: ему претила не только политико-идеологическая конъюнктура, хотя она не могла не найти отражения во фразеологии трудов тех лет, но и, так сказать, методико-гносеологическая. Лаборатория его исследования всегда оставалась ясной читателю и выводы и наблюдения его могли быть проверены. Это делает, кстати, его работы особенно полезными для усвоения студентами.

Уделяя неизменно внимание историографическим оценкам трудов своих предшественников, Ю.Я. Рыбаков с придирчивой и едва ли даже не болезненно требовательной строгостью подходил к своим трудам. И никак не решался, несмотря на уговоры, назвать сделанное им докторской диссертацией.

В наши дни яростной, а порой и бесшабашной переоценки ценностей с особым волнением читаешь книги ушедших товарищей, чей творческий путь окончен и которые уже не смогут

корректировать свои воззрения или отказаться от своих заблуждений. Читаешь свежими глазами, освобожденными от шор, и оцениваешь творческое наследие тех, кто был еще подвластен прошлым догмам и кто их вовсе не считал догмами. Оценивая труды Ю.Я. Рыбакова, с радостью убеждаешься, что они выдержали испытание временем и сохраняются в историографии отнюдь не библиографическим балластом. Талантливый ученик великого учителя — В.К. Яцунского, Ю.Я. Рыбаков всегда оставался на позициях искусного источниковеда, для которого только правильно интерпретированный источник — высшая цель исследовательского труда. А как известно, концепции исторические приходят и уходят, а источник исторический вечен, вечно его талантливое освоение. Рыбаков последовательно изучал важнейшие комплексы источников по истории российской промышленности XIX в. В 1976 г. выходит его монография "Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование", в 1986 — "Промышленное законодательство России первой половины XIX в. Источниковедческие очерки".

Первая книга была высоко оценена не только в нашей стране, но и в Германии, Польше, США и Чехословакии. Эти работы содержат самый обстоятельный анализ становления государственной статистической службы, призванной анализировать процесс развития отечественной промышленности. Автор разработал методику анализа т.н. ведомостей о промышленных предприятиях, которые, конечно, использовались исследователями и до Ю.Я. Рыбакова, но, поскольку исследователи подходили к этому источнику чисто "потребительски", т.е. некритически брали из него ту или иную "цифру", то они не избежали многих ошибок и заблуждений. Рыбаков изучил "анатомию" ведомостей, изменяющееся по времени содержание рубрик; он рассматривал "ведомости" как единую конструкцию, где отдельные рубрики взаимосвязаны и их содержание может быть правильно понято только с учетом этих взаимосвязей. Иначе говоря, он дал исследователям ключ к прочтению "кода" этого центрального источника учета промышленного потенциала страны.

Этот же принцип комплексного изучения источника лежит в основе второй монографии, которая также вызвала живой отклик в нашей литературе, несмотря на то, что во второй половине 80-х годов приоритеты отдавались другой, более злободневной тематике. Дав полный обзор фабрично-заводского законодательства России первой половины XIX в., автор особое внимание уделил анализу кодификационной практики русских юристов и юридических учреждений, что дало возможность по-новому рассмотреть отдельные стороны политики царизма в области промышленности. Четвертая глава книги "Особенности источниковедческого анализа промышленного законодательства первой половины XIX в. как отражения промышленной политики российского абсолютизма" станет полезнейшим пособием для всех, обращающихся к законодательным источникам вообще и к

промышленному законодательству в частности. Отметим, что автор очень бережно и корректно относится к своим предшественникам, изучавшим промышленную политику и промышленное законодательство, начиная с 30-х годов XIX в. Весь материал книги Рыбакова значительно корректирует казалось бы установившиеся взгляды и оценки. В этом ее не только источниковедческая, но и историографическая ценность. Достойным завершением источниковедческой трилогии Юрия Яковлевича является рукопись его последней монографии "Фабрично-заводское законодательство России второй пол.

XIX в. Источниковедческое исследование", которая рекомендована к печати Ученым советом Института российской истории. Эта рукопись должна быть опубликована, несмотря на известные трудности, переживаемые нами в эти дни. Дело чести его товарищей добиться ее публикации. Это будет не только дань памяти оригинального ученого, но и важным вкладом в познание истории России XIX в., в развитие специальных исторических наук.

Б.Г. Лутвак, С.О. Шмидт

**ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
ЛУЦКИЙ
(1907—1991)**

20 сентября 1991 г. скончался широко известный историк, источниковед, археограф, доктор исторических наук профессор Евгений Алексеевич Луцкий. Е.А. Луцкий был многолетним членом Археографической комиссии, и в «Археографических ежегодниках» не раз отмечались памятные даты его жизни и творчества¹. Специалисты с глубоким уважением относятся к его трудам по истории крестьянства, аграрному законодательству, источниковедению, археографии, истории отечественной исторической науки. Студенты и учителя, все, интересующиеся прошлым нашей страны, обращались к его учебникам, научно-популярным работам. Студенты московских вузов (МГПИ, МГУ, МГИАИ) надолго запомнили его лекции по истории и историографии отечественной истории XIX—XX вв., исторической библиографии.

Е.А. Луцкий убежденно использовал высшие достижения источниковедческой и археографической методики, унаследованные от дореволюционной науки, при изучении сложнейших вопросов истории новейшего времени старался привлечь оптимально широкий круг источников, необходимых для правдивого освещения исторических явлений. Новаторство, даже дерзновенная смелость в постановке и решении вопросов и особое источниковедческое мастерство привлекали к Евгению Алексеевичу и ученых-специалистов, и тянущуюся к новому молодежь, тем более, что он с сердечным вниманием всегда относился к своим ученикам. Его специальные курсы и семинары поражали скрупулезностью

источниковедческого анализа и историографической эрудицией и для него самого становились полигоном дальнейшей исследовательской работы. Профессор Е.А. Луцкий подготовил десятки аспирантов, в работах которых совмещены и собственно историческое, и источниковедческое исследование. Е.А. Луцкий — создатель научной школы.

Много лет деятельность Евгения Алексеевича была связана с Историко-архивным институтом, где он окончательно стал работать с 1950 г. доцентом кафедры истории СССР (в 1955—1957 гг. заведовал этой кафедрой). В 1960 г. он становится заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин (до 1976 г.). При нем кафедра пополнилась новыми преподавателями, укрепились докторантура и аспирантура, в учебный план включили новые дисциплины, а основы одной из них — исторической библиографии — разработал он сам, создавались новые учебные пособия и методические рекомендации, совершенствовались взаимосвязи с учреждениями Академии наук. В 1970 г. Е.А. Луцкий защищает докторскую диссертацию "Источники ленинского декрета о земле", имевшую большой резонанс среди ученых и студенческой молодежи. Евгений Алексеевич проработал в Историко-архивном институте до осени 1987 г., читая спецкурсы по источниковедению произведений В.И. Ленина, вел семинары по истории Октябрьской революции, аграрного законодательства.

В последние годы Е.А. Луцкий совместно со своей супругой — историком Марией Ивановной

¹ См. подробнее: Рыбаков Ю.Я. К 60-летию Е.А. Луцкого // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 339—340; Тамм И.Е. Список трудов Е.А. Луцкого: (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 336—339; Молчанов Л.А. Деятельность Е.А. Луцкого в области источниковедения и археографии истории Великой Октябрьской социалистической революции: (К 80-летию со дня рождения) // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 177—182; См. также: Синцов Ю.Я. Е.А. Луцкому — 80 лет // СА. 1987. № 5. С. 111.

Гришиной — отдавал много сил подготовке книги об отце, поглубже вместе с С.Г. Лазо и В.М. Сибирцевым, "Жизнь и смерть Алексея Луцкого". В 1989 г. студенты записали на магнитофонной ленте устные воспоминания ученого об отце.

Обстановка, которая сложилась в исторической науке и в обществе в целом в 30—40-х годах, не способствовала объективному научному исследованию истории советского периода. Глубокий и тонкий исследователь, стремившийся к фундаментальному изучению источников, Е.А. Луцкий не получил возможности увидеть напечатанным подготовленный им сборник "Национализация земли в СССР". Не была допущена к защите его докторская диссертация "Аграрная политика советской власти в 1917—1918 гг.";

включались в издательские планы, но не выходили в свет его монографии "Аграрное законодательство Октябрьской революции", "Ленинский декрет о земле. Историография. Археография. Источниковедение", "История аграрной революции в России в 1917—1918 гг." и др. В наши дни, когда создается возможность для более объективного изучения источников, возникших в первые годы советской власти, для исследования деятельности различных политических течений и группировок, труды Е.А. Луцкого и его научная судьба, несомненно, будут по-новому прочитаны и более глубоко оценены.

*О.М. Медушевская,
Л.Н. Простоволосова,
С.О. Шмидт*

**АЛЕКСАНДР
ВЛАДИМИРОВИЧ
РАТНЕР
(1948—1991)**

10 декабря 1991 г. после тяжелой болезни скончался историк, библиограф, редактор Александр Владимирович Ратнер.

Он родился 29 января 1948 г. в Москве. Трудовую деятельность начал в 1966 г. по окончании средней школы. Одновременно учился в Историко-архивном институте. С 1970 по 1972 г. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации, работая учителем истории средней школы, продолжил учебу на истфаке МГПИ им. В.И. Ленина, который окончил в 1975 г. С 1980 г. до конца жизни являлся редактором журнала "Советская библиография". В 1985 г. был принят в Союз журналистов СССР. Член Археографической комиссии АН СССР. Входил в состав Ученого совета ГПИБ.

Еще на студенческой скамье начал заниматься исследовательской работой по теме "История Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1921—1935". Огромный материал, собранный им, лишь частично вошел в его публикации и сохранился в личном архиве исследователя. Посещая заседания секции книги Московского Дома ученых, клубов книголюбов ЦДЛ и ЦДРИ, выступал с докладами и сообщениями о результатах своих поисков. С 1977 г. стал печататься в газетах и журналах. А.В. Ратнеру принадлежит около 60 печатных работ¹, преимущественно основанных на архивных изыскани-

ях, в основном посвященных выдающимся деятелям отечественной книги, истории освободительного движения и истории прогрессивных предреволюционных и советских издательств. Разнообразные по жанру: научные статьи, очерки, рецензии, хроникальные заметки, они сделаны с редким тщанием, скрупулезной точностью. На страницах "Археографического ежегодника" им опубликованы статьи "К изучению декабристов в 1920-е годы. Воспоминания С.Н. Чернова о Е.Е. Якушкине" (М., 1981) и "Список печатных работ А.А. Шилова" (М., 1982). В 1979 г. Ратнер выступил инициатором создания словаря историков освободительного движения в России, вошел в состав редколлегии готовящегося издания. Итогом этой работы был составленный им справочник "Историки освободительного движения в России. Биобиблиографический словарь. Проект словника" (Л., 1985).

Ученик и друг известного литературоведа А.В. Храбровицкого, он называл себя гражданином Республики Литературум, считая своим гражданским и профессиональным долгом помогать всем, кто нуждался в его помощи.

Человек исключительной эрудиции, инициативы, доброты и порядочности А.В. Ратнер навсегда останется в памяти тех, кто его знал.

А.П. Шикман

¹ Список печатных работ А.В. Ратнера и статью о нем см.: Сов. библиография. 1992. № 2.

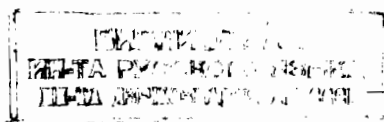
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

ААН	—	Архив Академии наук СССР (Архив Российской академии наук)
АД	—	"Архивное дело"
АЕ	—	"Археографический ежегодник"
АИ	—	"Археология и история"
АК	—	Археографическая комиссия
АЛОИИ	—	Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН)
АОН	—	Академия общественных наук при ЦК КПСС (Российская академия управления)
АФЗХ	—	"Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков"
БАН	—	Библиотека Академии наук СССР
БИОН	—	Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
БСЭ	—	"Большая Советская Энциклопедия"
ВА	—	"Вопросы архивоведения"
ВВ	—	"Византийский временник"
ВГУ	—	Воронежский государственный университет
ВИ	—	"Вопросы истории"
ВИД	—	"Вспомогательные исторические дисциплины"
ВИЕТ	—	"Вопросы истории естествознания и техники"
ВИМК	—	"Вестник истории мировой культуры"
ВМОИДР	—	"Вестник Общества истории и древностей российских при Московском университете"
ВНИИДАД	—	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВОКМ	—	Вологодский областной краеведческий музей
ГА	—	Государственный архив
ГВЛО	—	Государственный архив Владимирской области
ГАВО	—	Государственный архив Вологодской области
ГАКО	—	Государственный архив Костромской области
ГАРО	—	Государственный архив Рязанской области
ГАХН	—	Государственная академия художественных наук
ГБЛ	—	Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (см. РГБ)
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
Главархив	—	Главное архивное управление при Совете министров СССР
ГМП	—	Государственный музей А.С. Пушкина
ГПБ	—	Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Российская национальная библиотека)
ГПИБ	—	Государственная публичная историческая библиотека РСФСР (Российская государственная публичная историческая библиотека)
ГПНТБ	—	Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
ГРМ	—	Государственный русский музей
Ежегодник АИ	—	"Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы"
ЖЗЛ	—	"Жизнь замечательных людей"
ЖМНП	—	"Журнал Министерства народного просвещения"
ЗОР ГБЛ	—	"Записки отдела рукописей ГБЛ"
ИАН	—	"Известия Академии наук"
ИЖ	—	"Исторический журнал"
ИЗ	—	"Исторические записки"

* В 1991—93 гг. были изменены названия многих архивохранилищ и учреждений. "Археографический ежегодник за 1991 год" был подготовлен к печати до 1991 года. В списке сокращений в скобках приводятся новые названия таких архивов и учреждений.

ИИ	—	Институт истории СССР АН СССР (Институт российской истории РАН)
ИИФФ СО АН	—	Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИИЯЛ БНЦ	—	Институт истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР
ИИЯЛ ДФАН	—	Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ИКОМ	—	Международный совет музеев при ЮНЕСКО
ИМЛИ	—	Институт мировой литературы АН СССР
ИМРД	—	Институт международного рабочего движения АН СССР (Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН)
ИМЭЛ	—	Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)
ИРИ	—	Институт российской истории РАН
ИСБ	—	Институт славяноведения и балканистики АН СССР
ИСССР	—	"История СССР" ("Отечественная история")
ИФЛИ	—	Институт философии, литературы и истории
ИЯЛИ КФАН	—	Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
ЛГ	—	"Литературная газета"
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет (см. С.-Пб.У)
ЛЗАК	—	"Летопись занятий Археографической комиссии"
ЛКРД	—	Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
ЛО ААН	—	Ленинградское отделение Архива АН СССР (Санкт-Петербургский филиал архива РАН)
ЛО ИВАН	—	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)
ЛОИИ	—	Ленинградское отделение Института истории АН СССР (Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН)
МАМЮ	—	Московский архив Министерства юстиции
МАРХИ	—	Московский архитектурный институт
МГАМИД	—	Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	—	Московский государственный историко-архивный институт (см. РГГУ)
МГПИ	—	Московский государственный педагогический институт (см. МПГУ)
МГУ	—	Московский государственный университет
МИА	—	"Материалы и исследования по археологии СССР"
Мосгорархив	—	Московское городское объединение архивов
МПГУ	—	Московский педагогический государственный университет
НГУ	—	Новосибирский государственный университет
ОИДР	—	Общество истории и древностей российских
ОЛДП	—	Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ	—	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР БАН	—	Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
ОР ГБЛ	—	Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина
ОР ГПБ	—	Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ОРЯС	—	Отделение русского языка и словесности АН
ПГПИ	—	Пермский государственный педагогический институт
ПУ	—	Пермский государственный университет
ПИ	—	"Проблемы источниковедения"
ПИШ	—	"Преподавание истории в школе"
ПОКМ	—	Пермский областной краеведческий музей
ПЭС	—	"Полное собрание законов Российской империи"
ПСРЛ	—	"Полное собрание русских летописей"
РАН	—	Российская академия наук
РАНИОН	—	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РГГУ	—	Российский государственный гуманитарный университет
РИБ	—	"Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией"
РИСО	—	Редакционно-издательский совет АН СССР
РО ИРЛИ	—	Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР
РУАК	—	Рязанская ученая архивная комиссия
РЦХИДНИ	—	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории

СА	—	"Советские архивы" ("Отечественные архивы")
СГГД	—	"Собрание государственных грамот и договоров"
СГУ	—	Сыктывкарский государственный университет
СИЭ	—	"Советская историческая энциклопедия"
СО АН	—	Сибирское отделение Академии наук СССР
СП	—	Союз писателей СССР
С.-Пб.У	—	Санкт-Петербургский университет
ТГИМ	—	"Труды Государственного исторического музея"
ТПБ	—	"Труды Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина"
Тезисы АИ	—	"Тезисы докладов и сообщений... сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы"
ТМГИАИ	—	"Труды Московского государственного историко-архивного института"
ТОДРЛ	—	"Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР"
ТРУАК	—	"Труды Рязанской ученой архивной комиссии"
УДН	—	Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
ЦГА РСФСР	—	Центральный государственный архив РСФСР (Государственный архив Российской Федерации)
ЦГАДА	—	Центральный государственный архив древних актов (см. РГАДА)
ЦГАЛИ	—	Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Российский государственный архив литературы и искусства)
ЦГАОР	—	Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов управления СССР (Государственный архив Российской Федерации)
ЦГАОР г. Москвы	—	Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
ЦГВИА	—	Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Российский государственный военно-исторический архив)
ЦГИА г. Москвы	—	Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦГИА	—	Центральный государственный исторический архив (Российский государственный исторический архив)
ЦГЛА	—	Центральный государственный литературный архив
ЦДЛ	—	Центральный Дом литераторов
ЦДРИ	—	Центральный Дом работников искусств
ЦПА ИМЛ	—	Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (см. РЦХИДНИ)
ЧОИДР	—	"Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете"
ЯГУ	—	Ярославский государственный университет
MuWop	—	"Museological Working Papers"
NMK	—	"Neue Museumskunde"
VP	—	"Vēstures Problēmas" ("Проблемы истории": Труды Института истории АН Латвийской ССР)

По недосмотру редакции "Археографического ежегодника"
в "Археографическом ежегоднике за 1990 год" пропущен список
членов редколлегии.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Н.Б. Волкова.</i> Информационная деятельность ЦГАЛИ СССР (К 50-летию создания)	3
<i>В.Л. Янин.</i> К 40-летию открытия берестяных грамот	15
<i>В.Ю. Афиани.</i> Археографические особенности изданий "Истории государства Российского" <i>Н.М. Карамзина</i>	23
<i>С.М. Каштанов.</i> К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья (часть четвертая)	33
* * *	
<i>И.Д. Соловьева</i> (Санкт-Петербург). Вкладные надписи на иконах Александро-Свирского монастыря	42
<i>Б.В. Сапунов</i> (Санкт-Петербург). Информационные материалы о Западной Европе в Москве в XVII в.	47
<i>А.С. Лавров.</i> (Санкт-Петербург). Смотренный список Троицкого похода 1689 г.	53
<i>С.Ф. Фаизов.</i> Статейный список Гаврилы Михайлова (третья четверть XVII в.). Попытка условной реконструкции	60
<i>М.Ф. Румянцева.</i> Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII в. ...	64
<i>Ю.В. Андрушайтите.</i> Материалы о собирании коллекций водяных знаков И.П. Лаптевым и <i>Н.М. Михайловским</i> (часть вторая)	75
<i>Н.Ф. Демидова.</i> В.О. Ключевский как председатель "Общества истории и древностей Российских" (1893—1905)	87
<i>В.Г. Бухерт.</i> О работе П.И. Бартенева в архивах Министерства иностранных дел	99
<i>С.П. Рыбаков.</i> Рисунок В. Каррика — подарок Е.Д. Стасовой В.И. Ленину	105
<i>С.Б. Филимонов</i> (Симферополь). Малоизвестные материалы о разработке в 1920-е годы методов издания документов	111
<i>Л.И. Сизинцева</i> (Кострома). Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930— 1931 гг.	114
<i>В.А. Черных.</i> Археография и власть (О попытке создать Государственную археографическую комиссию в 1944 г.)	137
<i>А.Р. Артемьев</i> (Владивосток). Книжный фонд академика М.Н. Тихомирова в собрании научной библиотеки Дальневосточного государственного университета	141
<i>В.П. Дмитренко, Г.Я. Тарле.</i> Ученый-аналитик (К 90-летию со дня рождения Э.Б. Генкиной) ..	145
<i>В.В. Кабанов, А.А. Курносов.</i> Археография и источниковедение в творчестве С.И. Яку- бовской	150
<i>С.О. Шмидт.</i> К 70-летию со дня рождения К.Н. Тарновского	160
<i>А.А. Курносов.</i> О К.Н. Тарновском	168
<i>В.Д. Назаров.</i> Источниковедение и специальные исторические дисциплины в творчестве <i>А.Д. Горского</i>	170
<i>А.Л. Юрганов.</i> Источниковедение в трудах Г.В. Семенченко	178
<i>В.И. Буганов.</i> Е.В. Чистякова как источниковед и историограф	182
<i>Тихомировские чтения 1991 г.</i>	
<i>Ф.А. Торстенсен.</i> Хроника заседания	189

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Л.И. Шохин.</i> Дневник И.С. Беляева	191
<i>В.Н. Бобков</i> (Казань). Церковные и монастырские архивы Казанской губернии в первые годы советской власти	195
<i>Л.В. Иванова.</i> "Старая Москва" и увековечение памяти В.О. Ключевского	200
<i>П.А. Плютто.</i> Документы А.А. Богданова (Малиновского) в архивохранилищах страны	203
<i>А.Н. Мельник</i> (Рязань). Творческие материалы личного фонда С.Д. Яхонтова	214
<i>Л.Н. Простоволосова.</i> Архивные материалы о библиографии в творчестве И.И. Полосина	221
<i>В.В. Митрофаненко</i> (Ставрополь), <i>Е.С. Суслова</i> (Ставрополь). Фонд В.А. Романовского в Государственном архиве Ставропольского края	227
<i>Т.Г. Фруменкова</i> (Санкт-Петербург). Архивное наследие Г.Г. Фруменкова	230
<i>М.Г. Малкова-Лихтенштейн.</i> Архивные материалы Е.С. Лихтенштейна	235
<i>И.В. Белозерова.</i> Личный архив А.М. Разгона (ГИМ)	239
<i>И.В. Ковалев</i> (Владимир). Отзывы на труды Д.С. Лихачева в архиве Н.Н. Воронина	244
<i>Е.Б. Французова.</i> Указатель опубликованных писцовых и прочих описаний городов и посадов конца XV—XVI в.	248
Список печатных трудов А.Д. Горского	260
Список печатных трудов В.В. Дорошенко	263
Список печатных трудов Е.В. Чистяковой	268
Список печатных трудов А.В. Елпатьевского	272

III. Публикации

Две царские грамоты семьи Коробановых в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США (<i>подг.</i> Э. Казинец (США), Р. Карлович (США), Д. Роланд (США))	275
Документы о подготовке издания сочинений Н.М. Карамзина Академией наук (1914—1917 гг.) (<i>подг.</i> В.Ю. Афиани)	281
Неопубликованное предисловие Н.А. Бердяева к сборнику 1918 г. (<i>подг.</i> Е.В. Бронникова и О.В. Волобуев)	290
"Не могу молчать..." (письма Н.А. Рожкова В.И. Ленину 1919, 1921 гг.) (<i>подг.</i> С.В. Журавлев)	298
Доклад М.М. Богословского о В.О. Ключевском на заседании общества "Старая Москва" (<i>подг.</i> С.Б. Филимонов, Симферополь)	304
Из сборника "Их призвание — история" (<i>подг.</i> Е.Ю. Буртина)	305

IV. Хроника

<i>М.П. Мироненко, Ф.А. Торстенсен.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1991 г.	319
Новые издания Археографической комиссии	323
В Отделениях Археографической комиссии	325
Археографические экспедиции 1991 г.	326
<i>Н.Ю. Бубнов</i> (Санкт-Петербург). Всесоюзный методологический семинар "Проблемы описания рукописей на современном этапе"	326
<i>О.Н. Блескина</i> (Санкт-Петербург). Об открытии в г. Санкт-Петербурге выставки "Рукописная иллюстрированная книга"	328
<i>В.А. Невская.</i> Карамзинская научная конференция	329
<i>М.П. Мироненко.</i> Заседание, посвященное К.Н. Тарновскому	330
<i>Б.Н. Морозов.</i> Заседание памяти Н.Я. Эйдельмана	333
<i>И.Н. Лебедева</i> (Санкт-Петербург). Евгений Эдуардовна Гранстрем (1911—1991)	335
<i>Б.Г. Литвак, С.О. Шмидт.</i> Юрий Яковлевич Рыбаков (1935—1991)	338
<i>О.М. Медушевская, Л.Н. Простоволосова, С.О. Шмидт.</i> Евгений Алексеевич Луцкий (1907—1991)	341
<i>А.П. Шикман.</i> Александр Владимирович Ратнер (1948—1991)	343
Список сокращений	344

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 1991 год**

Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории РАН

Редакторы издательства Ю.Г. Гордина, Л.М. Кузнецова
Художественный редактор В.Ю. Яковлев
Технический редактор Н.Н. Кокина
Корректоры Н.П. Гаврикова, Ф.Г. Сурова

ИБ № 143

ЛР № 020297 от 27.11.91.

Сдано в набор 25.05.93

Подписано к печати 27.04.94

Формат 70 × 100 1/16

Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл. печ. л. 28,6. Усл. кр. отт. 28,6. Уч.-изд. л. 31,6

Тираж 700 экз. Тип. зак. 3122

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1

ВО "Наука"

199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12

**В издательстве
"НАУКА"
готовится к печати:**

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1992 год

33 л.

"Археографический ежегодник за 1992 год" содержит статьи и материалы по проблемам археографии, источниковедения, архивоведения и специальных исторических дисциплин: об опыте факсимильных изданий источников в России и за рубежом, о документальных публикациях по истории трех революций в России, о противостоянии историков С.Ф. Платонова и М.Н. Покровского, об истории официального летописания в XVII в., об основании Валаамского монастыря. Обзорные статьи посвящены автографам Наполеона, его семьи и сподвижников из собрания ГИМ, личным фондам советских государственных и общественных деятелей в ЦГАОР г. Москвы и др. Новые материалы освещают деятельность отечественных историков Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, М.В. Довнар-Запольского, Е.Ф. Шмурло, первого русского филиграноведа И.П. Лаптева. Публикуются библиографии трудов С.М. Каштанова и С.О. Шмидта.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга-почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой")
664003 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
103009 Москва, ул. Тверская, 19а
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой")
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8
142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга-почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга-почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 Казань, ул. Достоевского, 53

3 500

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖИГОДИК

1991